

КОЛЛЕКЦИОННАЯ

ФАНТАСТИКА

КРИСТОФЕР СТАШЕФФ

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ КОБОЛДА

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ КОБОЛДА

КРИСТОФЕР
СТАШЕФФ

1

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ КОБОЛДА

К. СТАШЕФФ

Кристофер Сташефф

Чародей поневоле

Возвращение
Короля Коболда

1
ТОМ

Christopher Stasheff

**The Warlock in
Spite of Himself**

King Kobold Revived

First edition, New York: Ace, 1969

First edition, New York: Ace, 1973

Кристофер Сташефф

Чародей поневоле

Возвращение
Короля Коболда

ГРИФОН
ЗЕВС
МОСКВА
1993

ББК 84 США

C59

C59 Сташефф К.

Чародей поневоле. Возвращение Короля Коболда.
Пер. с англ. — М.: ГРИФОН, 1992, т. 1. — 576 с.

Молодой космический разведчик Род попадает на затерянную планету, населенную ведьмами, колдунами, эльфами, гномами и другими невероятными созданиями...

Этим романом открывается новая серия «Коллекционная фантастика» издательства ГРИФОН.

ISBN 5—85211—001—9 (Т. 1)

ISBN 5—7104—0019—X

© by Christopher Stasheff, 1969

© by Christopher Stasheff, 1973

© Перевод на русский язык
и оформление издательства
ГРИФОН, 1992

© Издательство «ЗЕВС», 1992

Чародей поневоле

ВИЗИТ К МАЛОЙ ПЛАНТАГЕНЕТ*

Астероид залетел со стороны Козерога, покрутился вокруг солнца типа G, свернул к пятой планете. Такая траектория не слишком типична для астероидов.

Он шлепнулся в гравитационную сетку планеты, поносился вокруг нее на трех разных орбитах, а затем вонзился в атмосферу славной падающей звездой.

На высоте сотни футов он остановился, а затем равнулся к поверхности. Никаких фейерверков, никакого кратера — ничего, кроме примятой травы.

Астероид был в шрамах и выбоинах, почерневший от трения об атмосферу, но целый.

В глубине его недр прогремели слова, которым суждено было изменить судьбу этой планеты:

— Черт бы подрал румбы твоих скородумных мозгов!

Голос оборвался, его владелец нахмурился, прислушиваясь.

В каюте стояла полная тишина, без обычного еле слышного гудения.

Молодой человек выругался, срывая с себя амортизационную паутину, выбрался из компенсационного кресла, пьяно покачался на пятках, шаря в воздухе, пока рука его не нащупала пластик стены.

Опираясь рукой о стену, он доковылял до панели на противоположной стороне круглой каюты. Там он высвободил важимы, бранясь в старом стиле галактических матросов, открыл панель, нажал кнопку. Повернувшись, он чуть не упал в кресло.

В каюте снова пронеслось тихое гудение. Невнятный голос спросил, модулируя скорость и тон речи:

— Ууззвее — ик! — вудовлелворидельно... М'лорррр' Родни?

* «Visit to small Plantagenet» перекликается с названием пьесы Гора Видала «Visit to small Planet» — «Визит на небольшую планету». (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Все роботы в галактике гладкие и блестящие, — пробурчал милорд. — А мне вот достался эпилептик!

— Езди м'лорр'бозволид, дод кондензатор м'жно...

— Заменить, — закончил Родни. — А твои цепи выдернуть и перестроить. Нет, спасибо, мне твоя личность нравится такой, какая есть — кроме тех случаев, когда ты приземляешься так, что у меня ключицы вылетают!

— Бродиде м'лоррд, в дод кридичезкий момент позадики я принял некодорые очень звоеобразные радиоволны, кодорые...

— Ты отвлекся, именно это ты пытаешься сказать?

— М'лоррд, было крайне необходимо броанализировать....

— Так значит, одна часть тебя изучала радиоволны, а другая часть тебя приземляла корабль, что было как раз чуточку чересчур большим напряжением, и слабый конденсатор сдал... Векс! Сколько раз я тебе должен повторять — занимайся своим непосредственным делом!

— М'лоррд выражал жжелание быть, даким, как...

— Как герои Саг о Дальней Разведке, да. Но это не значит, что мне пужны их неудобства.

Электронная система Векса почти оправилась от послеприпадного истощения.

— Но м'лоррд, гонцебия герроизма бредболагаед...

— А, забудь об этом, — простонал Родни.

Векс послушно очистил часть своих банков памяти.

Векс был очень послушным. Он был также и антикварным — одним из немногих оставшихся роботов ВКС (Верных Кибернетических Спутников), ранних моделей, ныне уже две тысячи лет как устаревших. Роботы ВКС были запрограммированы на крайнюю преданность и, вследствие этого, толпами гибли, защищая своих хозяев во время кровавого Междупарствия после крушения древнего Галактического Союза и до подъема Пролетарского Единоначального Содружества Терры.

Векс — имя, полученное из попыток произнести «ВКС» единым словом — уцелел благодаря своей эпилепсии. У него был слабый конденсатор, который, подвергаясь перенапряжению, высвобождал всю накопленную энергию огромной волной, длившейся несколько миллисекунд. Когда появлялись предварительные симптомы этого электронного припадка — главным образом, неопределенность в расчетах Векса, — включался главный прерыватель цепи, и неисправный конденсатор разряжался в изоляции от остальных цепей Векса; но сам робот

при этом выходил из строя, пока прерыватель цепи не ставили на место.

Припадки происходили в моменты сильного стресса — такие, как попытки приземлить космический корабль «Сит-астероид», одновременно анализируя заблудившуюся радиоволну, или защитить хозяина от трех убийц одновременно. Векс пережил Междоуцарствие, когда Пролетарии нападали на его хозяев, он мужественно сражался примерно двадцать пять секунд, а затем впадал в коллапс. Таким образом, он стал редкостью — смелым слугой, который уцелел. Он был одним из пяти все еще функционировавших роботов ВКС.

В результате он сделался сокровищем семейства д'Арман, ценным за свою древность, но даже больше — за свою преданность; истинная верность аристократическим семьям всегда числилась в дефиците.

Поэтому когда Родни д'Арман покинул родной дом в поисках приключений и славы — будучи младшим сыном младшего сына, он мало чего еще мог сделать, — его отец настоял, чтобы он взял с собой Векса.

Род часто бывал очень рад обществу Векса, но случались моменты, когда у робота не хватало такта. К примеру, после очень жесткой посадки человеческий желудок чувствовал себя слабоватым, но у Векса доставало ума спросить: «Что желаете на обед, м'лорд? Скажем, устрицы со спаржей?»

Род отверг шартрез и стиснул челюсти, борясь с тошнотой.

— Нет, — ответил он сквозь зубы, — мы на задании, помнишь?

— Я никогда не забываю, Род.

— Знаю, — проворчал Род. — Он с трудом встал. — Мне не помешал бы глоток свежего воздуха для успокоения желудка, Векс. Есть что-нибудь в наличии?

Робот с миг пощелкал, а затем доложил:

— Атмосфера, пригодная для дыхания. Лучше, однако, надеть свитер.

Род, ворча, натянул пилотскую куртку.

— И почему это у старых слуг семьи развивается комплекс матери-наседки?

— Род, если бы ты прожил столько, сколько прожил я...

— ...я захотел бы, чтобы меня дезактивировали, знаю, «робот всегда прав». Открой шлюзовую камеру.

Двойные двери шлюзовой камеры распахнулись, пока-

зывая черный круг отверстия люка. В кабину ворвался холодный ветер.

Род поднял лицо, вдыхая воздух. Глаза его блаженно закрылись.

— Ах, благословенное дыхание земли! Кто здесь живет, Векс?

Механизмы загудели, когда Векс прокрутил ленты, снятые им в электронный телескоп с орбиты, интегрируя визуальные данные описания планеты.

— Земельная масса состоит из пяти континентов, одного острова приличных размеров и множества островов поменьше. Континенты и мелкие острова имеют схожую флору — экваториальный тропический лес.

— Даже на полюсах?

— За пределами ста миль от каждого полюса; ледяные шапки примечательно малы. Видимая фауна ограничивается амфибиями и множеством насекомых, мы можем предположить, что моря изобилуют рыбой.

Род потер подбородок.

— Похоже, мы попали в весьма ранний геологический период.

— Каменноугольная эра, — ответил робот.

— А как насчет небольшого острова? Именно здесь мы и приземлились, я полагаю?

— Правильно. Туземная флора и фауна отсутствуют. Все жизненные формы типичны для Позднего Земного Плейстоцена.

— Насколько позднего, Векс?

— Исторического периода человека.

Род кивнул.

— Иными словами, кучка колонистов приехала, выбрала себе остров, стерла с лица земли туземную жизнь и засеяла землю земными видами. Есть какие-нибудь идеи, почему они выбрали этот остров?

— Достаточно велик, чтобы прокормить колонистов, по достаточно мал, чтобы свести к минимуму проблемы экологической ревизии. Потом, остров расположен в зоне полярного океанского течения, которое понижает местную температуру до температуры чуть ниже земной нормальной.

— Очень удобно, спасает их от забот по управлению климатом. Есть какие-нибудь остатки того, что могло быть городом Галактического Союза?

— Никаких, Род.

— Никаких! — Глаза Рода в удивлении расширились. — Это не укладывается в схему. Ты уверен, Векс?

Схема развития затерянной или деградировавшей колонии — той, что тысячу лет или больше пребывала вне контакта с Галактической цивилизацией — распадалась на три легко различимые стадии: первая — установление колонии; вторая — утрачивание связи с Галактической культурой — за этим следует перенаселение городов, которые приводит к массовым миграциям в сельскую местность, и в результате смещение к аграрной самообеспечивающейся экономике; и третья — утрата технологических знаний, сопровождаемая растущим уровнем суеверий, символизируемая забрасыванием и в конечном итоге табуированием технологии угля-и-пара — общественные отношения костенеют, и появляется кастовая система. Стили в одежде и архитектуре обычно становятся пародиями на образцы Галактического Союза: к примеру, маленькие полусферические деревянные хижины, построенные в попытке симитировать геодезические сводчатые купола Галактического Союза.

Но всегда оставались развалины города, выполняющие роль постоянного символа для мифологии. Всегда. Ты уверен, Векс? Ты действительно, в самом деле уверен, что нет города?

— Я всегда уверен, Род.

— Это правда... — Род дернул себя за нижнюю губу. — Иногда ошибаемся, но никогда не сомневаемся. Ну, отложим вопрос о городе на будущее, может быть, он потонул в приливной волне. Давай просто произведем последнюю проверку, что жизненные формы — земные.

Род нырнул через метровый круг шлюза, приземлился, поднялся на колени. Он отстегнул от пояса нож — заботливо сработанный так, что его нельзя было отнести к какой-либо известной культуре, — и вытащил его из ножен.

Ножны представляли собой четкий конус из белого металла с маленькой шишкой на конце. Род сорвал несколько стебельков травы, бросил их в ножны и повернул шишку. Встроенный в стенки ножен миниатюрный датчик прозондировал траву ультразвуком, чтобы проанализировать ее молекулярную структуру, а затем передал данные Вексу, который определял, не были ли какие-нибудь молекулы несовместимы с человеческим метаболизмом. Если бы трава была ядовитой для Рода, Векс напра-

вил бы сигнал обратно к ножнам и белый металл приобрел бы пурпурный оттенок.

Но в данном конкретном случае ножны сохранили серебристый цвет.

— Все сходится, — сказал Род. — Это земная трава, предположительно посеянная землянами, и это — земная колония. Но где же город?

— Тут есть крупный городишко — наверное, тысяча тридцать душ — у подножия горного хребта на севере, Род.

— Ну... — потер подбородок Род. — Это не совсем то, что я имел в виду, но лучше, чем ничего. Как он выглядит?

— Расположен на склонах большого холма, на вершине которого находится каменное строение, сильно напоминающее земной средневековый замок.

— Средневековый! — нахмурился Род.

— Сам городок состоит из полудеревянных и оштукатуренных зданий со вторыми этажами, нависающими над узкими улицами — переулки будет лучшим термином.

— Полудеревянных! — Род поднялся на ноги. — Минуточку, минуточку! Векс, эта архитектура напоминает тебе что-нибудь?

Робот с минуту помолчал, а затем ответил:

— Североевропейский Ренессанс.

— Это, — заметил Род, — не типичный стиль ретроградской колонии. Немного эти здания похожат на Земной Ренессанс, Векс?

— Сходство совершенное до последней детали, Род.

— Значит, оно преднамеренное. Что насчет замка? Тот тоже эпохи Возрождения?

Робот помолчал, а затем сказал:

— Нет, Род. Он, похоже, является прямой копией немецкого стиля XIII века н. э.

Род энергично кивнул.

— Что насчет стилей одежды?

— Мы в настоящее время находимся на ночной стороне планеты и находились там же при приземлении. Имеется достаточно света от трех спутников планеты, но относительно мало гуляющих людей... Есть небольшой отряд солдат... скачущих на земных лошадях. Их мундиры — э... копии мундиров английских бифитеров*.

* Бифитеры (англ.) — буквально, мясоеды — гвардейцы-йомены, пешие королевские телохранители.

— Отлично! Есть еще кто-нибудь на улицах?

— Гм... пара мужчин в плащах — э... и в камзолах и рейтузах в обтяжку, я считаю, н... да, небольшая группа крестьян, одетых в холщовые рубахи и штаны из оленьей кожи с помочами крест-накрест.

— Этого хватит, — оборвал его Род. — Это крошка, конгломерат стилей. Кто-то попытался воплотить свое представление об идеальном мире, Векс. Ты когда-нибудь слышал об Эмигрантах?

С минуту робот молчал, роясь в своих банках памяти. Затем он принялся зачитывать:

— Недовольные изобиловали в конце XXII века н. э. Затосковав от своей «жизни тихого отчаяния», люди обратили взоры, во-первых, к мистицизму, во-вторых, к эскапической литературе и развлечениям. Постепенно господствующей формой развлечения стало псевдосредневековье.

Наконец, группа богатых людей объединила свои средства для покупки устаревшего лайнера ССС* и объявила всему миру, что они являются Романтическими Эмигрантами, что они намерены восстановить блеск средневекового образа жизни на прежде неколонизированной планете и что они примут ограниченное число поселенцев в качестве крепостных и ремесленников.

Заявок, конечно, оказалось намного больше, чем можно было удовлетворить. Эмигрантов отбирали за «поэтичность души» — что бы это ни значило.

— Это значит, что они любили слушать рассказы о привидениях, — ответил Род. — И что произошло дальше?

— Список пассажиров был быстро заполнен. Тринадцать магнатов, организовавших эту экспедицию, заявили, что они в связи с этим отказываются от своих фамилий и принимают вместо них родовые имена великих средневековых аристократов — Бурбон, Медичи и т. п. Затем корабль отбыл, не уточнив свою конечную цель, дабы «не было никакого заражения со стороны материалистического мира». Больше о них ничего не слышали.

Род мрачно улыбнулся.

— Ну, я думаю, мы только что обнаружили именно их. Как это ладит с твоими диодами?

— Очень хорошо, Род. Фактически, статистический

* ССС — сверхсветовой скорости.

анализ вероятности, показывающий, что это колония Эмигрантов, следующий...

— Пропусти это, — быстро велел Род. Статистика была коньком Векса, — дай ему хоть полшанса, и он будет часами надоедать тебе.

Род поджал губы и поглядел на ту часть корпуса, где обитал мозг Векса.

— Когда ты это обдумашь, можешь отослать эту статистику обратно в ПОИСК с нашей обоснованной догадкой, что мы нашли колонию Эмигрантов. Можешь даже заняться этим прямо сейчас; я хочу, чтобы они знали, где мы находимся на случай, если что-нибудь произойдет.

ПОИСК — Почтенное Общество для Искоренения Создающихся Корпоративностей — был организацией, ответственной за розыск утерянных колоний. Пролетарское Единоначальное Содружество Терры (ПЕСТ) проявляло примечательно мало интереса к любой колонии, где отсутствовала современная технология, так что утерянные колонии оставались утерянными до тех пор, пока тоталитарная власть ПЕСТ* не была свергнута ДДТ — Децентрализованным Демократическим Трибуналом. ДДТ быстро укрепил свою власть на Земле, управляя в согласии с почти недостижимыми идеалами Афинской Демократии.

Давно было известно, что неэффективность демократических правительств являлась в основном проблемой средств связи и предрассудков. Но в течение двух веков ячейки ДДТ функционировали как подпольные классы, результатом чего явились грамотность и дипломы магистра у семидесяти двух процентов населения; предубеждения, таким образом, присоединились к полимиелиту и раку в списке излеченных болезней. Проблемы же средств связи были решены разработкой в лабораториях ДДТ субмолекулярной электроники, снизившей размеры и цену средств связи до такой степени, что впервые стало практичным их широкое применение. Таким образом, каждый индивид мог в любой момент пожаловаться своему Трибуну, а будучи образованным, они склонны были много жаловаться просто исходя из общих принципов, что это очень здорово для демократии.

Радиопротесты оказались исключительно эффективными, по большей части благодаря автоматической записи протестов. Проблемы записи данных и другой бюрократи-

* ПЕСТ — общее название вредных насекомых, для борьбы с которыми применяются пестициды, в том числе — ДДТ.

ческой волокиты были разрешены изобретением ред-оксидной звукозаписывающей пленки с дорожками шириной в одну молекулу и разработкой настолько эффективной системы поиска данных, что запоминание фактов устарело. Образование, таким образом, стало заключаться в обучении концепциям, и успех демократии был гарантирован.

После двух веков такой подготовки почвы революция ДДТ явилась всего лишь формальностью.

Но когда революция окончена, революционеры всегда не к месту и, вероятно, оказываются смущающим фактором для полицейских сил нового правительства.

Поэтому ДДТ решил не быть эгоистичным — скорее, наоборот, он готов был поделиться благами демократии с остатками старого Галактического Союза.

Однако демократов редко встречают с распростертыми объятиями на планетах, управляемых тоталитарными правительствами, и едва ли радужнее на планетах, где преобладает анархия — это вызвано самой природой демократии, единственного практического компромисса между тоталитаризмом и анархией.

Требовалось не что иное, как постоянная организация революционеров, подрывных сил республиканских демократов. Поскольку под рукой имелся большой запас оставшихся без работы революционеров, организация эта была создана быстро и окрещена — Почтенное Общество для Искоренения Корпоративностей. «Создающихся» — было добавлено век спустя, когда все известные обитаемые планеты ниспровергли тоталитарные режимы и присоединились к ДДТ. Бывшие революционеры по-прежнему являлись проблемой — даже большей, чем раньше, поскольку их стало больше — и их стали отправлять поодиночке разыскивать утерянные колонии.

Так и был создан ПОИСК — организация, чьей заботой было отыскивать отсталые планеты и наставлять их на путь демократии.

Поскольку Род нашел средневековую планету, ему, вероятно, надо будет поощрять развитие конституционной монархии.

Род, урожденный Родни д'Арман (у него имелось еще пять промежуточных имен), происходил с планеты, населенной исключительно аристократами и роботами, и вступил в ПОИСК в нежном возрасте восемнадцати лет. За десять лет службы он вырос из долговязого, некрасивого юнца в худощавого, мускулистого, некрасивого мужчину.

Лицо его было аристократическим; это о нем можно

было сказать — и не больше. Его отступающая линия фронта волос кончалась на ровном скошенном лбу, который тянулся до костных надбровных дуг, несколько замаскированных кустистыми бровями. Брови нависали над глубокими глазами, в недрах которых гнездились два немного суровых глаза — по крайней мере, Род надеялся, что они выглядели суровыми.

Глазницы служили порогом к высоким плоским скулам, разделенным лезвием носа, который сделал бы честь орлу. Под скулами и носом находился широкий тонкогубый рот, который даже во сне кривился в сардонической улыбке. Подо ртом пребывали квадратная челюсть и выступающий подбородок.

Род надеялся, что у него сильное лицо, но оно имело склонность примечательно смягчаться, когда ему улыбалась девушка. Собаки и дети производили тот же эффект.

Он был человеком с Мечтой (некогда это была Девушка-Мечта, но та осталась с его зеленой юностью) — Мечтой о едином правительстве Объединенной Галактики (демократическом, конечно). Межзвездные средства связи были все еще слишком слабыми для истинно демократической федерации: ДДТ был, на самом деле, свободной конфедерацией миров — скорее дискуссионным клубом и служебной организацией, чем чем-либо большим.

Но в один прекрасный день адекватные средства связи появятся. Род был в этом уверен, а когда это случится, звезды будут готовы. Он за этим присмотрит.

— Ну, давай займемся делом, Векс. Нельзя сказать, что кто-нибудь сможет забрести сюда и заметить нас.

Род направился в шлюз и прошел через него обратно в каюту. Он подошел к панели в стене, высвободил зажимы. Внутри находился пульт управления — над ним была сфера из белого металла с тусклым отливом, размером примерно с баскетбольный мяч. С верха сферы тянулся массивный кабель и соединялся со стенкой корабля.

Род отвинтил соединение, высвободил фрикционный зажим, удерживавший сферу на месте, и осторожно снял ее.

— Полегче, — попросил голос Векса из наушника, имплантированного в кость за правым ухом Рода. — Я, знаешь, хрупкий.

— Немного доверия, пожалуйста, — пробурчал Род. Микрофон донес его слова до Векса. — Я ведь тебя пока еще не ронял, не так ли?

— Пока, — откликнулся робот.

Род обхватил мозг робота одной рукой, оставив другую свободной, чтобы преодолеть шлюз. Снова оказавшись снаружи, он нажал кнопку в борту корабля. На боку псевдоастероида поднялась большая дверь. Внутри на амортизационной паутине висел могучий черный конь с опущенной головой и закрытыми глазами.

Род нажал кнопку, из грузового отсека вылез кран, конь покачался на тросе, затем был опущен. Род повернул луку седла, и в боку коня открылась панель.

Род поместил мозг внутрь, закрутил зажимы и соединения, затем повернул луку седла обратно: панель закрылась. Конь медленно поднял голову, пошевелил ушами, дважды моргнул, издал пробное ржанье.

— Все как и должно быть, — сказал голос за ухом Рода. Конь пожевал для виду. — Если ты позволишь выбраться из этой колыбели для кошки, я проверю мотормые цепи.

Род усмехнулся и освободил его от паутины. Конь встал на дыбы, подержался за воздух, а затем прыгнул и перешел в галоп. Род следил за скачущим роботом, заодно хорошенько осматриваясь вокруг.

Астероид-корабль приземлился в центре луга, лохматого от летней травы, окруженного дубами, гикори, кленами и ясенями. Стояла ночь, но луг заливало светом трех лун.

Робот потрусил обратно к Роду, поднялся на дыбы и остановился перед ним. Копыта глухо ударили о землю, большие индиговые глаза повернулись к Роду, уши поднялись.

— Я в форме, — доложил Векс.

Род снова усмехнулся.

— Нет зрелища, подобного виду скачущего коня.

— Что, никакого?

— Ну, почти никакого. Брось, давай зароем корабль.

Род нажал штырьки на стенке корабля; грузовой люк закрылся, шлюз загерметизировался. Корабль начал вращаться, сперва медленно, затем все быстрее и быстрее по мере того, как он погружался в землю. Скоро остался только кратер, окруженный валом из жирной глины, а верх астероида изгибался метром ниже.

Род вытащил саперную лопатку из седельной сумки Векса, собрал ее и приступил к выполнению своей задачи. Конь присоединился к нему, резко ударяя копытами

по валу. Через десять минут вал уменьшился до десяти дюймов, в центре возник холмик.

— Отойди. — Род вытащил кинжал, повернул рукоять на 180 градусов и направил ее на земляной холмик.

Возник луч красного цвета, глина запылала вишнево-красным, расплавилась и потекла.

Род водил лучом медленной дугой над всем кратером вывороченной породы, пока почва не расплавилась на фут ниже уровня земли. Он сгреб остатки вала в яму, соорудив небольшой холмик.

— Ну, вот и все. — Род вытер лоб.

— Не совсем.

Род согнул плечи, у него засосало под ложечкой.

— Ты еще должен переодеться в одежду, соответствующую этому обществу и эпохе, Род.

Род прищурился.

— Я взял на себя смелость упаковать камзол в левую седельную сумку, пока ты испытывал траву, Род.

— Слушай, — заспорил Род. — Ведь моя форма подходит хорошо, не так ли?

— Рейтузы и военные сапоги сойдут. Но пилотскую куртку никак нельзя спутать с камзолом. Нужно ли мне еще что-нибудь добавлять?

— Нет, я полагаю, не нужно, — вздохнул Род. Он подошел к седельной сумке. — На первом месте стоит забота об успехе задания — превыше и прежде любых хлопот о личных удобствах, достоинстве или... Эй! — Он уставился на страшный предмет, висящий на седле.

— Что «эй», Род?

Род снял страшный предмет с седла — на одном конце у него была рукоятка, заметил он, и предмет этот бряцал — и протянул его Вексу, чтобы тот смог его разглядеть.

— А это что?

— Елизаветинская рапира, Род. Древнее оружие, своего рода длинный нож, сработанный как для того, чтобы рубить, так и для того, чтобы колоть.

— Оружие. — Род поглядел на робота так, словно сомневался в его нормальности. — Мне полагается носить ее?

— Разумеется, Род. По крайней мере, если ты планируешь использовать одну из твоих обычных легенд.

Род издал вздох, подобающий христианскому мученику, и вытащил из седельной сумки камзол. Он втиснулся в него и пристегнул рапиру к правому боку.

— Нет, нет, Род! Пристегни ее к левому боку. Ты должен выхватывать ее наискось.

— На что я только не иду ради демократии... — Род пристегнул рапиру на левом бедре. — Векс, тебе когда-нибудь приходило в голову, что я могу быть фанатиком?

— Конечно, Род. Классический случай сублимации.

— Я спрашивал твое мнение, а не психоанализ, — проворчал человек. Он оглядел свой костюм. — Эй! Неплохо, совсем неплохо! — Он откинул плечи назад, поднял подбородок и подбоченился. Ало-золотой камзол красиво пылал в лунном свете. — Как тебе это нравится, Векс?

— Фигура у тебя скроена что надо, Род. — В голосе робота почему-то слышалась интонация тихого веселья.

Род нахмурился.

— Нужна, однако, накидка, чтобы довершить картину.

— В седельной сумке, Род.

— Обо всем подумал, так ведь? — Род порылся в седельной сумке, вытряхнул объемистый плащ того же цвета электрик, что и его форменные рейтузы.

— Цепочка проходит под левой мышкой и с правой стороны шеи, Род.

Род застегнул плащ и повернулся лицом к ветру, плащ развевался на ветру.

— Вот, готово! Я просто картинка, как думаешь?

—словно гравюра из шекспировского текста, Род.

— Лесть доставит тебе двойной рацион масла. — Род вскочил в седло. Направляйся к ближайшему городку, Векс. Я хочу покрасоваться в своем новом наряде.

— Ты забыл засеять кратер, Род.

— Что? О! Да. — Род вытащил мешочек из правой седельной сумки и разбросал его содержимое по кругу вывороченной земли. — Вот! Дай им грозу и два дня на вырост, и ты не сможешь отличить его от остального луга. Будем надеяться, однако, что никто этой дорогой два дня не пойдет...

Конь встрепнулся, а уши его наострились.

— Что случилось, Векс?

— Слушай, — ответил робот.

Род нахмурился и закрыл глаза.

Издали, принесенные ветром, долетали юношеские крики и веселый смех.

— Судя по звукам, похоже на компанию ребят на гулянке.

— Они приближаются, — тихо произнес Векс.

Род закрыл глаза и снова прислушался. Звуки и впрямь становились громче.

Он повернулся к северо-западу, в направлении, откуда доносились звуки, и просканировал горизонт. Только три луны были в небе.

Через одну из лун проплыла тень. За ней последовали еще три. Смех теперь звучал громче.

— Примерно семьдесят пять миль в час, — пробормотал Векс.

— Что?

— Семьдесят пять миль в час. Это скорость, с которой они, кажется, приближаются.

— Хммм. — Род пожевал нижнюю губу. — Векс, как давно мы приземлились?

— Примерно два часа назад, Род.

Что-то прочертило воздух над головой.

Род поднял голову.

— Э, Векс?

— Да, Род?

— Они летят, Векс.

Возникла пауза.

Род, я должен попросить тебя быть логичным. Подобная культура еще никак не может создать средства для передвижения по воздуху.

— Они и не создавали. Они летят.

Еще одна пауза.

— Сами люди, Род?

— Именно. — Голос Рода содержал нотку смирения. — Хотя должен признать, та, что только что пролетела над нами, кажется, была верхом на помеле. Не дурна на вид, между прочим. Фактически она подтасована, как колода для покера в Лас-Вегасе... Векс?

Ноги коня сковал паралич, опущенная голова тихо покачивалась.

— О, черт! — зарычал Род. — Только не снова!

Он сунул руку под луку седла и вернул на место предохранитель. Конь медленно поднял голову и несколько раз встряхнул ею. Род схватил узду и направил коня прочь.

— Чддо злуччилось, Рооооод?

— У тебя был припадок, Векс. А теперь, что бы с тобой ни творилось, не вздумай ржать. Эта воздушная вакханалия движется в нашу сторону, и есть некоторый шанс, что они могли прибыть для обследования падаю-

щей звезды. Поэтому мы направляемся в этот корабельный лес. И тихо, если позволишь.

Оказавшись под деревьями на краю луга, Род сразу оглянулся проверить, как там летучая флотилия.

Молодежь кружилась в небе в полумиле от них, издавая радостные визги и крики приветствия. Ветер кидал Роду одну-другую разборчивую фразу.

— Радуйтесь, дети мои! То леди Гвен!

— Значит, ты пришла наконец стать матерью нашего ковена*, Гвендайлон?

— Красы у тебя только прибыло, милая Гвендайлон! Как дела у тебя?

— До сих пор не обольщаю младенцев, Рэндол...

— Звучит так, словно классная дама заскочила на гулянку в Колледж Ведьм, — хмыкнул Род. — Протрезвел, Векс?

— В голове прояснилось, во всяком случае, — признал робот, — и новая концепция дополнена в мой основной алгоритм...

— О, — поджал губы Род. — Мое наблюдение подтверждается?

— Основательно. Они летают.

Воздушный хоровод, казалось, вспомнил о своей первоначальной цели. С криками и взрывами смеха они устремились к лугу, попарили над кольцом недавно вывороченной земли и один за другим попадали в круг.

— Много сомнений по поводу того, зачем они здесь, не так ли? — Род сел на землю по-скорняцки и привалился спиной к передним ногам Векса. — Остается только ждать, я полагаю.

Он повернул печатку на своем перстне на девяносто градусов и нацелил ее на собравшихся.

— Передавай, Векс.

Перстень с печаткой теперь функционировал как очень мощный направленный микрофон, его сигналы передавались через Векса в наушник за ухом Рода.

— Нам следует рассказать об этом королеве?

— Нет, это только расстроит ее без надобности.

Род нахмурился.

— Ты можешь понять что-нибудь из этого, Векс?

— Только то, что это английский, Род.

— Вот, — сказал Род, — почему ПОИСК всегда посы-

* Слово «ковен» обычно переводят как шабаш, но это скорее просто союз ведьм и колдунов.

дает человека с роботом. Ладно, давай начнем с очевидного: это колония Эмигрантов.

— Ну, конечно, — пробурчал Векс, несколько задетый.

— Ну, ну, старый симбиот, не ворчи. Я знаю, что ты не считаешь, будто стоит докладывать об очевидном; но проглядывание очевидных фактов приводит иногда к проглядыванию скрытых тайн, находящихся прямо на виду, не так ли?

— Ну...

— Правильно. Итак. Они упомянули королеву. Таким образом, правительство — монархия, как мы и подозревали. Эта группа подростков называла себя коеном, следовательно, они считают себя колдунами и ведьмами... Учитывая их форму передвижения, я склонен согласиться. Но... — Он предоставил этому «но» повисеть несколько мгновений в воздухе. Векс наострил уши. — Они также говорили о том, чтобы рассказать королеве. Следовательно, они должны иметь доступ к королевскому уху. Что это, Векс? Королевское одобрение колдовства?

— Не обязательно, — рассудительно заметил Векс. — Применимым прецедентом может быть случай с царем Саулом и Андорской волшебницей...

— Но есть шансы, что они приняты при дворе.

— Род, ты торопишься с выводами.

— Нет, напротив, просто выступаю с блестящими молниеносными озарениями.

— Вот, — сказал Векс, — почему ПОИСК всегда посылает робота с человеком.

— Туше*. Но они также сказали, что сообщение королеве смятет ее без надобности. Что означает «смятет», Векс?

— Вызовет беспокойство, Род.

— Гм. Значит, эта королева может оказаться как раз волнительного типа.

— Да, может быть.

В поле грянула музыка — шотландские волынки, наигрывающие старую цыганскую мелодию. Молодежь пустилась в пляс на расчищенной земле и в нескольких футах над ней.

— Баварский крестьянский танец, — произнес Векс себе под нос.

* Туше (франц.) — задет; фехтовальный термин.

— Где земля кончается, там все встречается, — процитировал Род, вытягивая ноги. — Сборная культура, заботливо комбинирующая все самое худшее, что могла предложить старушка Земля.

— Несправедливое суждение, Род.

Род вскинул брови:

— Тебе нравятся волынки?

Он сложил руки на груди, опустил подбородок, предоставляя Вексу бдительно следить, не произойдет ли чего-нибудь значительного.

Робот следил пару часов, терпеливо пережевывая свои данные. Когда музыка заглохла и замерла, Векс поставил копыто Роду на бедро.

— Р-р-р-р! — прорычал Род и мгновенно скинул всякую дремоту, как и подобает тайному агенту.

— Гулянка окончена, Род.

Молодежь подскакивала в воздухе, устремляясь на северо-восток. Одно помело метнулось в сторону, перпендикулярно к основной группе, за ней рванулась юношеская фигура.

— Не покидай больше нас столь надолго, Гвендайлон.

— Рэндол, если бы ты был мышонком, ты бы посватался к слонихе! Прощай и смотри, отныне ухаживай за девами, которые только на шесть лет старше тебя!

Помело направилось прямо к Роду, взмыло над лесом и исчезло.

— Ммм, да! — Род облизнул губы. — На этой девиче определенно держится многое. И судя по тому, как она говорит, она чуточку постарше, чем эти куриные мозги...

— Я думал, что теперь-то уж, Род, ты выше мелких побед.

— То есть, вежливо говоря, она не имеет ко мне ни малейшего отношения. Но даже если я не обладаю покупательской способностью, я все же могу взглянуть на витрину.

Молодежный ковен уплыл за горизонт, их смех растаял.

— Ну, значит, вот так. — Род поджал под себя ноги. — Гулянка окончена, а мы не стали мудрее. — Он поднялся. — Ну, по крайней мере, мы сохранили тайну, никто не знает, что под этим кругом земли космический корабль.

— Нет, не так, — засмеялся звонкий, как у фэй, голосок.

Род замер, повернул голову и обомлел.

Там, среди корней старого дуба, стоял человек — широкоплечий, ухмыляющийся и всего двенадцати дюймов ростом. Он был одет в камзол и рейтузы разных оттенков коричневого цвета и обладал очень белыми зубами и походил на озорного чертенка.

— Король эльфов будет извещен о вашем присутствии, милорд чародей, — хихикая, пообещал чертик.

Род метнулся вперед.

Но человечек уже исчез, оставив после себя только смех.

Род стоял, уставясь в пустоту, слушая, как ветер беседует с дубовыми листьями и последний слабый смешок замирает среди корней дуба.

— Векс, — произнес он. — Векс, ты видел это?

Никакого ответа.

Род нахмурился, обращиваясь:

— Векс? Векс?

Голова робота тихо покачивалась.

— О, черт!

Глухого тона колокол возвестил наступление девяти часов где-то в большом ветхом городке, являющемся, насколько могли определить по скорости и азимуту Род с Вексом, родной базой юных колдунов и ведьм. Ввиду их замечания о королеве, Род лелеял надежду, что город окажется столицей острова.

— Это только догадка, конечно, — поспешно добавил он.

— Конечно, — пробормотал про себя Векс. Голос робота походил на терпеливый вздох.

— На более непосредственном уровне, под каким именем я сойду в этой культуре?

— Почему же не Родни д'Арман VII? Это один из немногих случаев, где подходит твоё настоящее имя.

Род покачал головой.

— Слишком претенциозно. Мои предки так никогда и не смогли преодолеть своих аристократических устремлений.

— Они были аристократами, Род.

— Да, но также и все остальные на планете, Векс, кроме роботов. А ведь они так долго прожили в семье, что имеют право претендовать на некоторую честь.

— Было достаточной честью...

— Позже, — оборвал его Род.

У Векса имелась стандартизованная проповедь по традиции «положение обязывает» роботов Максимы, ко-

торуку он с радостью прочел бы, дай ему хоть маленький намек.

— Есть маленькая проблема с именем, не забыл?

— Если ты настаиваешь. — Векс не мог скрыть своего недовольства. — Опять наемник?

— Да. Это дает мне предлог путешествовать.

Векс содрогнулся.

— Ты мог бы прикинуться бродячим менестрелем...

Род покачал головой.

— Менестрелям полагается быть в курсе текущих событий. Однако добыть лютню, может быть, и неплохая идея — особенно если правитель — женщина. Песни могут дать доступ туда, куда не смогут мечи...

— Каждый раз мы проходим через это... Гэллоуглас подойдет тебе, Род? — Это был ирландский термин, означающий наемного солдата.

— Гэллоуглас... — Род прокатал это слово на языке. — Неплохо. В нем есть что-то энергичное.

— Как и в тебе.

— Я замечаю здесь оттенок иронии? Но оно-таки хорошее, солидное слово... И оно не совсем то, что назовешь красивеньким...

— Определенно, как и ты, — побормотал под нос робот.

— Смее надеяться. Да, Род Гэллоуглас подходит. Тпру!

Род, хмурясь, натянул поводья. Откуда-то впереди доносился глухой ропот толпы.

— Это что еще за хай? — нахмурился Род.

— Род, позволь мне порекомендовать осторожность...

— Неплохая идея. Газуй дальше, но полегче с копытами, пожалуйста.

Векс перешел на шаг по узкой освещенной лунным светом улице, держась ближе к выдавшей виды стене здания. Он остановился на перекрестке и высунул голову за угол.

— Что ты видишь, сестрица Анна?*

— Толпу, — отвечивал Векс.

— Проницательное замечание. Что-нибудь еще?

— Свет факелов и молодого человека, влезającego на помост. Если ты извинишь такую аналогию, Род, это сильно похоже на митинг-накачку в твоей альма матер.

— Может быть, как раз он и есть. — Род соскочил с

* Цитата из сказки «Синяя борода».

седла. — Ну, оставайся здесь, большой парень. Я разведаю местность.

Он завернул за угол и зашагал по-солдатски, вразвалку, держа руку на эфесе шпаги.

Должно быть, шел митинг местного профсоюза бродяг. Ни одного целого камзола среди них. Он наморщил нос: мытые тела попадались и того реже. Определенно, темная компания.

Местом митинга была большая открытая площадь, ограниченная с одной стороны широкой рекой — там были видны верфи с деревянными кораблями, покачивающимися на причальных концах. С других сторон площадь окружали дешевые обшарпанные мебелирашки, магазины такелажа и другие дешевые лавки и склады. Склады, по крайней мере, были в хорошем состоянии. Все здания были полудеревянными, с характерным нависающим над улицей вторым этажом.

Всю площадь заполняла орущая, толкающаяся толпа. Пламенеющие сосновые факелы придавали сцене демоническое освещение.

Приглядевшись к толпе, можно было обнаружить повязки на глазах, обрубленные конечности, головы-минусуши — странный контраст со стоявшим на наспах сколоченном помосте человеком.

Тот был молод, широкоплеч и белокур. Лицо его было чистым и без шрамов, курносое, с голубыми глазами. Это было округлое, почти невинное лицо, открытое и честное, залитое мрачным отсветом Человека с Миссией. Его камзол и рейтузы были на удивление чистыми и хорошо пошитыми из приличной ткани. На бедре у него висела шпага.

— Паренек из приличной семьи, — произнес про себя Род. — Что, во имя Седьмого Круга Ада, он делает в этой крысиной норе?

Юноша вскинул руки вверх, толпа заревела, сосновые факелы хлынули вперед, чтобы осветить его.

— Чьи плечи несут самое тяжкое бремя? — крикнул парень.

— Наши! — взревела толпа.

— Чьи руки — изнуренные и все в шрамах от черной работы?

— Наши!

— Кто создал все богатства, которые расточают вельможи?

— Мы!

— Кто воздвиг их высокие замки из гранита?

— Мы!

— Разве вам не положена доля этих богатств и роскоши?

— Положена!

— Да ведь даже в одном из этих замков, — заревел юный оратор, — хватит богатства, чтобы сделать каждого из вас королем!

Толпа неистовствовала.

— Ты улавливаешь это, Векс?

— Да, Род. Это звучит, словно смесь Карла Маркса и Хью Лонга.

— Станный синтез, — пробормотал Род. — И все же коли поразмыслить об этом, может, не такой уж и странный.

— Это ваше богатство, — крикнул юноша. — Вы имеете право на него.

Толпа снова взвыла.

— Отдадут ли они вам должное?

Толпа вдруг затихла. Начался зловещий ропот.

— Нет, — проревел молодой человек. — Значит, вы должны потребовать этого, ибо это ваше право!

Он снова вскинул руки вверх.

— Королева дала вам хлеб и вино, когда на вас напал голод! Королева дала мясо и доброе вино колдунам и ведьмам, которых она укрывает!

Толпа снова стала смертоносно тиха. Но по ее рядам пробежал шепот: «колдуны!», «ведьмы!».

— Да! — прорычал оратор. — Даже колдунам и ведьмам, отверженным и презираемым. Насколько же больше тогда даст она вам, тем, кто терпит дневную жару и ночной холод? Она отдаст вам должное!

Толпа откликнулась на его рык криком.

— Куда вы отправитесь? — крикнул юный Демосфен.

— К замку! — заорал кто-то, и другие голоса подхватили крик: — К замку! К замку!

Этот вопль перешел в ритмическое скандирование:

— К замку! К замку! К замку!

Скандирование прорезал высокий, пронзительный вой. Толпа замолкла. Тощая кривобокая фигура прохромала на крыльцо склада и крикнула через всю площадь:

— Солдаты, рота, а то и больше!

— Расходитесь по переулкам и верфям! — проревел юноша. — В Доме Хлодвига мы встретимся через час!

К изумлению Рода толпа осталась безмолвной. Струйки людей начали вытекать в кривые переулки. Не было никакой паники, никакой давки.

Род вжался в дверной проем и смотрел, как затапывают факелы. Десятки и десятки людей пробегали мимо него, легкие на ногу и молчаливые, и проглатывались темными пастями переулков.

Площадь опустела, слабые звуки бегства растаяли. Во внезапной тишине Род услышал приближающуюся дробь копыт — это были солдаты, мчавшиеся обуздать верноподданных королевы.

Род ступил на мостовую и пустился бежать, завернул за угол, где стоял в ожидании Векс.

Не сбавляя шага он вскочил в седло.

— Быстрее отсюда, — прошептал он, — и тихо.

Векс мог вытолкнуть из своих копыт резиновые подушки дюймовой толщины, когда требовалась бесшумность: у него также была в памяти фотокарта города из их орбитального наблюдения. У робота-коня есть свои преимущества.

Они мчались через город, взбираясь на холм, увенчанный королевским замком. Качество зданий постепенно улучшалось, они въезжали в более богатые районы.

— Какой вывод ты делаешь из всего этого, Векс?

— Бесспорно, тоталитарное движение, — отвечал робот. — Демагог, несомненно, жаждущий власти, который поведет народ предъявить требования правительству, требования, которые не могут быть удовлетворены. Отказ от короны будет использован для подстрекательства толпы к насилию — и революция сделана.

— А разве это не может быть просто честолюбивый аристократ, пытающийся узурпировать корону?

— Узурпация черпает себе поддержку в высших классах, Род. Но это — пролетарская революция, прелюдия к тоталитарному правительству.

Род поджал губы.

— А ты бы не сказал, что тут было доказательством вмешательства со стороны более развитого общества? Ведь пролетарских революций обычно не находишь в такого рода культурах, не так ли?

— Редко, Род, и когда они случаются, пропаганда рудиментарна. Агитация в средневековом обществе никогда не ссылается на основные права: такая концеп-

ция чужда данной культуре. Вероятность вмешательства крайне велика...

Губы Рода раздвинулись в недоброй усмешке.

— Ну, старый механизм, похоже, мы прибыли в подходящее место, чтобы открыть свою лавочку.

На верхнем уступе холма, служившего городку фундаментом, они наткнулись на беспорядочные двухэтажные постройки, окружавшие с трех сторон освещенный факелами двор. Четвертую сторону замыкал деревянный частокол с воротами. Из ворот вышла компания смеющихся, хорошо одетых молодых людей. Род уловил обрывки пьяной песни. Гремела посуда, и голоса требовали мяса и эля.

— Я так понимаю, что мы нашли один из лучших постоянных дворов.

— Я бы сказал, что это оправданное предположение, Род.

Род откинулся в седле.

— Выглядит неплохим местом для ночлега. Здесь возможна колбаса с чесноком, Векс?

Робота аж передернуло.

— Род, у тебя крайне странные вкусы!

— Дорогу! Дорогу! — протрубил голос у него за спиной.

Обернувшись, Род увидел рысью едущий в его сторону отряд солдат-кавалеристов, за ними катилась позолоченная с богатой резьбой карета.

Перед солдатами скакал герольд.

— Посторонись с дороги, парень! — крикнул он. — Едет карета королевы!

— Королевы! — Брови Рода взлетели в удивлении. — Да, да! Во всех смыслах, давай посторонимся!

Он ткнул Векса коленом. Конь свернул с дороги и прискакал к месту на обочине, дававшему Роду возможность хорошо рассмотреть королевскую свиту.

Занавески в карете были полузадернуты, но осталось пространство для обзора. Фонарь отбрасывал теплый желтый свет внутрь кареты, позволяя Роду бросить короткий взгляд, когда карета проехала мимо.

Стройная хрупкая фигура, закутанная в темный дорожный плащ с капюшоном, бледное с мелкими чертами лицо, обрамленное белокурыми, почти платиновыми волосами, большие темные глаза и маленькие, очень красные, сердито надутые губы.

«И молода, и очень молода — едва миновала детство», — подумал Род.

Она сидела, выпрямившись, словно кол проглотив, выглядя очень хрупкой, но также и очень решительной — и казалась всеми покинутой, с той враждебной, вызывающей осанкой, которая так часто сопровождает страх и одиночество.

Род уставился вслед удаляющемуся отряду.

— Род.

Род вздрогнул, тряхнув головой, и сообразил, что карета уже давным-давно скрылась из виду.

Он сердито посмотрел на затылок коня.

— Что такое, Векс?

— Я думал, не заснул ли ты.

Черная голова повернулась к Роду, большущие глаза едва заметно смеялись.

— Нет. — Род развернулся в седле, оглянувшись на поворот, за которым скрылась карета.

Векс терпеливо спросил:

— Опять Мечта, Род?

Род нахмурился.

— А я думал, у роботов нет эмоций.

— Нет. Но у нас есть врожденная неприязнь к отсутствию того качества, которое часто называют здравым смыслом.

Род бросил ему кислую улыбку.

— И конечно, оценка этого качества именуется иронией, поскольку оно в основе своей логично. А ирония предполагает...

— ...чувство юмора, да. И ты должен признать, Род, что есть что-то неистребимо юмористическое в человеке, который полгалактики преследует плод своего собственного вымысла.

— О да, разумеется, это гомерический хохот. Но разве не в этом разница между человеком и роботом, Векс?

— В чем? В способности создавать воображаемые конструкции?

— Нет, в способности увлекаться ими. Ну, давай-ка посмотрим, нельзя ли нам найти тебе тихое стойло, где ты сможешь спокойно пережевывать свои данные.

Векс повернулся и потрусил в ворота постоянного двора.

Когда Род спешился, из конюшни выбежал конюх. Род бросил ему поводья и велел:

— Не давай ему слишком много воды, — а затем прошел в большой зал таверны.

Род не знал, что в помещении может быть дымно и без табака. Строительство дымоходов на этой планете явно числилось среди недоразвитых ремесел.

Однако клиенты, похоже, не возражали. Помещение было заполнено громкими голосами. Люди были заняты громкими разговорами. Огромный зал вмещал двадцать с чем-то столов — больших и круглых, впрочем, было и несколько столиков поменьше, занятых людьми, чья одежда отмечала их, как находящихся выше простонародья, но не настолько, чтобы останавливаться в замке. Освещение состояло из сосновых факелов, усиливающих общую задымленность сальных свечей, которые мило капали на гостей, и огромного очага, пригодного для того, чтобы зажарить целого быка, чем именно он в данный момент и занимался.

Несколько мальчиков и крестьянских девушек поддерживали постоянный поток еды и питья, проходивший между столами и кухней: многие из них демонстрировали немалое искусство в беге по пересеченной местности.

Рослый лысоватый человек в завязанном на широкой талии фартуке выскочил из кухни с дымящейся деревянной тарелкой — трактирщик, надо полагать. Дела сегодня почью шли хорошо.

Человек поднял взгляд, увидел Рода, мигом узрел ало-золотой камзол, шпагу и кинжал, общий явно авторитетный вид, туго набитый кошель — особенно кошель — и сунул тарелку ближайшей служанке. Он подлетел к Роду, вытирая руки о фартук.

— Чем могу служить вам, добрый мастер?

— Кружкой эля, куском мяса толщиной с два твоих больших пальца и столиком на одного. — Род улыбнулся, говоря это хозяину.

Тот уставился на него, его губы сложились в круглое «о» — Род явно сделал что-то неординарное.

Затем взгляд старика принял расчетливое выражение, то, которое Род видывал и раньше: оно обычно сопровождалось замечанием официанту вполголоса: легкая добыча, выуди у него все, что он стоит.

Род улыбнулся.

Ему следовало бы знать, что этого лучше не делать. Некоторые вещи можно, однако, и переделать. Род мрачно улыбнулся.

— Ну, чего ж ты ждешь? — рывкнул он. — И побыстрей с этим, или я пообедаю вырезкой из твоей спины!

Хозяин подпрыгнул, затем раболопно часто закладывался.

— Ну конечно, м'лорд, конечно! Все будет быстро, добрый мастер, да, безусловно быстро! — Он повернулся бежать.

Рука Рода зажала ему плечо.

— Столик, — напомнил он.

Трактирщик сглотнул, дернув головой, отвел Рода к столику рядом с поставленным на попа бревном, служившим опорой зданию, и рванул прочь — несомненно ругаясь под нос.

Род ответил не менее любезно, но расширил тему, включив в нее все, что олицетворял собой трактирщик, а именно корыстные наклонности человека. И конечно же кончил тем, что принялся ругать себя за ублажение Маммоны, поскольку становился скупым.

Ну, что он мог поделывать? Агентам ПОИСКА полагалось оставаться незаметными, а мягкосердечный средневековый буржуа был вопиющим противоречием.

Но когда трактирщик говорил быстро, он это и имел в виду. Мясо и эль появились чуть ли не прежде, чем Род уселся. Хозяин стоял, вытирая руки фартуком и с очень обеспокоенным видом. Вероятно, ожидая, как Род примет его стряпню.

Род открыл было рот, чтобы его успокоить, и остановился, прежде чем хоть одно слово успело вырваться наружу. Нос его зашмыгал, по лицу медленно расплылась улыбка. Он поднял взгляд на трактирщика.

— Я чую запах колбасы с чесноком?

— О да, ваша милость! — снова закивал трактирщик. — Это колбаса с чесноком, ваша милость, и очень хорошая колбаса с чесноком к тому же, если мне позволено будет сказать это. Если вашей милости угодно..

— Моей милости угодно, — снизошел Род. — И престо аллегро *, с-мерд.

Трактирщик шарахнулся от него, напомнив Роду вексовское отношение к силлогизму, и убежал.

«Ну и что бы это значило? — гадал Род. — Должно быть, дело в чем-то, сказанном им. А он-то довольно-таки сильно гордился этим «смерд»...»

* Престо аллегро (муз.) — в очень быстром темпе.

Он попробовал мясо и только стал заливать его элем, как на стол бухнулась тарелка с чесночной колбасой.

— Отлично, — похвалил Род. — И мясо приемлемо.

Лицо трактирщика расплылось в улыбке облегчения, он повернулся было, чтобы уйти, затем снова обернулся.

— Ну, что еще? — спросил Род, набив полный рот колбасой с чесноком.

Руки трактирщика снова принялись мять фарш.

— Прошу прощения, мой мастер, но... — Губы его тоже замялись, а затем он выпалил: — Мастер часом не чародей?

— Кто? Я? Чародей? Смешно! — Чтобы подчеркнуть сказанное, Род ткнул столовым ножом в направлении трактирщика.

Огромный живот изумленно съежился, а затем умчался, прихватив с собой и своего владельца.

«Ну, а с чего он взял, что я чародей? — подумал Род, пережевывая большой кусок мяса. — Никогда не ел мяса лучше, — решил он. — Должно быть, дело в дыме. Интересно, какое дерево они употребляют? Дело, наверное, в этом престо аллегро. Он, вероятно, подумал, что это волшебные слова...»

Ну, они-таки сотворили чудеса.

Род откусил чесночной колбасы и хлебнул эля.

Он — чародей? Никогда! Он, может быть, и младший сын младшего сына, но до такого отчаяния он не дошел.

Кроме того, чтобы стать чародеем, требовалось подписать кровью контракт, а у Рода лишней крови не было. Он без конца проливал ее в самых неподходящих местах...

Он осушил кружку и с треском поставил ее на стол. Материализовавшийся трактирщик с кувшином снова налил доверху стакан. Род начал было благодарно улыбаться, да вспомнил свое положение и изменил улыбку на усмешку. Пошарив в кошеле, он нащупал неправильной формы самородок золота — приемлемая валюта в средневековом обществе, — вспомнил, как быстро в таких заведениях обдирают щедрых и пропустил самородок в пользу обрезка серебра.

Трактирщик уставился на маленькую белую полоску на своей ладони, глаза его при этом предпринимали доблестную попытку превратиться в полусферы. Он из-

дал булькающий звук, заикаясь, рассыпался в благодарностях и шмыгнул прочь.

Род с досадой закусил губу. Очевидно, даже столь маленький кусочек серебра был достаточно велик, чтобы вызвать оживленные комментарии.

Налет гнева, однако, быстро растворился: фунт-другой мяса в желудке склонны заставить мир выглядеть лучше. Род выставил ноги в проход, потянулся и откинулся на спинку стула, ковыряя в зубах столовым ножом.

В этом пивном зале было что-то до странности не так. Счастливые здесь были слишком профессиональными в этом, голоса — слишком промкими, смех — малость натянутым. Мрачные, напротив, действительно были мрачными, их черные думы были похожи на стены из мореного дуба.

Страх.

Взять хотя бы вон ту парочку головорезов, за третьим столиком справа — они жутко серьезно относились к тому, о чем сейчас балакали. Род незаметно повернул перстень и направил его на этих двоих.

— Но от таких собраний нет ничего хорошего, если королева продолжает посылать против нас своих солдат!

— То правда, Эдам, то правда, она не услышит нас, потому что, ежели отбросить всю шелуху, она не позволит нам достаточно приблизиться, чтобы все высказать.

— Так тогда ее надо заставить нас выслушать!

— Да. Но что в том толку? Ее вельможи не позволяют ей дать то, что мы требуем.

Эдам хлопнул ладонью по столу.

— Но мы имеем право быть свободными, не становясь ворами и нищими! Долговым тюрьмам тоже должен быть положен конец, а с ними и налогам!

— Да, так же должно быть с отрубанием уха за кражу ломтя хлеба. — Он потер правую сторону головы с виноватым выражением на лице. — И все же она жертвует нам.

— Да, а теперь эта затея со своими собственными судьями. Великие Лорды не будут более вершить каждый свое правосудие на свой собственный лад и вкус.

— Вельможи этого не потерпят, и ты это знаешь. Судьи долго не протянут. — Лицо одноухого было мрачным, и он очертил круг на мокрой поверхности стола.

— Да, вельможи не станут терпеть никаких замыс-

лов королевы! — Эдам воцарил в стол нож. — Неужто Логайр не видит этого?

— Нет, не говори против Логайра! — Лицо одноухого потемнело. — Если бы не он, мы бы досель были толпой оборванцев, без всякой общей цели! Не говори против Логайра, Эдам, потому как без него у нас не было бы ни медяшки, чтобы сидеть в этом трактире, где солдаты королевы лишь гости!

— О да, да. Он собрал нас вместе и сделал из нас, воров — людей. И все же теперь он держит наше новоприобретенное мужество в оковах; он алчет удержать нас от драки за то, что наше по праву.

Рот одноухого натянулся по углам.

— Ты слишком много наслушался праздной и завистливой болтовни Пересмешника, Эдам!

— И все же нам придется драться, попомни мои слова! — воскликнул Эдам, стискивая кулак. — Должна быть пролита кровь, прежде чем мы добьемся своего. Кровь должна ответить за кровь, и та кровь, что выпустили вельможи из...

Что-то тяжелое врезалось в Рода, стукнуло его о стол, наполняя ему голову запахом пота, лука и дешевого вина.

Род уперся рукой о стол и пихнул плечом. Тяжелая фигура откатнулась с громким «уф». Род вытащил кинжал и, нащупав печатку перстня, отключил его.

Над ним вырисовывался человек, выглядевший ростом футов на шесть с половиной, и широкий, как фургон.

— Ну вот! — зарычал он. — Почему ты не смотришь, куда я иду?

Нож Рода крутанулся, отбрасывая зайчик в глаза великану.

— Отойди, друг, — мягко сказал он. — Дай честному человеку спокойно допить свой эль.

— Да уж, честный человек, — грубо расхохотался рослый крестьянин. — Солдат, называющий себя честным человеком!

Его ржание подхватили за другими столами.

«Держу пари, — решил Род, — что чужаки здесь непопулярны».

Совершенно неожиданно смех прекратился.

— Нет, ты положи свою игрушку, — сказал, вдруг отрезвав, великан. — И я покажу тебе, что честный крестьянин может одолеть в драке солдата,

По спине Рода пробежала колючая дрожь, так как он понял, что это все подстроено. Трактирщик уведомил этого здорового быка о местонахождении тяжелого кошелька...

— Я с тобой не ссорился, — пробормотал Род. И сообразил чуть ли не раньше, чем эти слова слетели у него с языка, что это было самое худшее, что он мог сказать.

Великан злобно посмотрел на него горящими глазами.

— Не ссорился, он теперь грит. Кидается тут на пути бедного подвыпившего человека так, что тот не может не налететь на него. Но он грит «не ссорился», как увидел Большого Тома. — Огромная мясистая рука зарылась в ткань на горле Рода, поднимая его на ноги. — Нет, я те покажу ссору, — прорычал Большой Том.

Правая рука Рода метнулась вперед, рубанув великана по локтю, а затем отскочив. Рука, сжимавшая его горло, разжалась и упала, временно онемев. Большой Том уставился на свою руку с таким видом, точно его предатели.

Род сжал губы и сунул кивжал в ножны. Он шагнул назад, размял колени, потер правым кулаком о ладонь левой. Крестьянин был рослым, но он, видимо, ничего не понимал в боксе.

Жизнь вернулась в руку Тома, а с ней и боль. Великан заревел от гнева, его рука сжалась в кулак, нацелилась на Рода в широком матросском замахе, который уничтожал все, во что попадал.

Но Род прыгнул под него и в сторону, а когда кулак прошел мимо него, дотянулся сзади до плеча Большого Тома и дал сильный толчок.

Большой Том развернулся, Род поймал его правое запястье, вывернул его за спину Тома и рванул немного повыше: Большой Том взвыл. Пока он выл, рука Рода проскользнула у Тома под мышкой и поймала шею в полунельсон.

«Нсплохо», — подумал Род. Покамест ему не было нужды боксировать. Он всадил колено в спину Тома и освободил свой захват. Том вылетел на открытое пространство перед очагом, попытался восстановить равновесие, но не сумел. Перевернутые столы закладывали и заглушали по полу, тогда как клиенты поспешили удрать, все как один, будучи чересчур рады предоставить место у огня Большому Тому.

Тот бухнулся на колени, помотал головой и поднял взгляд, чтобы увидеть мрачно улыбавшегося Рода, стоящего перед ним в стойке борца и манящего его к себе обеими руками.

Том глухо зарычал и уперся ногой в плиту очага.

Он рванулся на Рода головой вперед, как бык.

Род шагнул в сторону и подставил ногу. Большой Том пошел молотить прямо по первому ряду столов. Род зажмурил глаза и стиснул зубы. Раздался треск, словно при четырех одновременных попаданиях на кегельбане. Род содрогнулся. Он открыл глаза и заставил себя посмотреть.

Из месива деревянных обломков появилась голова Большого Тома с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью.

Род печально покачал головой, зацокал языком:

— У тебя была тяжелая ночь, Большой Том. Почему бы тебе не пойти домой и не проспаться?

Том поднял себя: голень, запястье, ключицу — и снова собрал все это, затратив какое-то время на инвентаризацию тела.

Удовлетворенный тем, что он снова целый, он приотпнул ногой, уперся кулаками в бедра и посмотрел на Рода.

— Ну вот, парены! — пожаловался он. — Ты не дерешься и наполовину, как честный джентльмен!

— Едва ли вообще, как джентльмен, — согласился Род. — Что ты скажешь, если мы попробуем еще один бросок, Том? Вдвое больше или ничего!

Великан оглядел свое тело, словно сомневаясь в его прочности, испытующе цнул остатки дубового стола, трахнул кулаком по собственным, толщиной со ствол дерева, бицепсам и кивнул.

— Я позволю себе, потому как я в форме, — сказал он. — Давай, малый.

Он шагнул на расчищенный пол перед очагом, осторожно обошел вдоль периметра, косясь губительным взглядом на Рода.

— Наш добрый хозяин сказал тебе, что у меня в кошеле есть серебро, не так ли? — сверкнул глазами Род.

Большой Том не ответил.

— И сказал к тому же, что я легкая добыча, — задумчиво рассуждал Род. — Ну, он был неправ в обоих пунктах.

Глаза Тома выпучились. Он издал огорченный рев:
— Никакого серебра?

Род кивнул:

— Я так и думал, что он сказал тебе. — Его глаза стрельнули в сторону трактирщика с пепельным лицом, держащегося у стола.

И, взглянув обратно, успел заметить, что стопа Большого Тома направляется прямо к его животу.

Род отпрянул назад, взметнув вперед обе руки, чтобы поймать пятку Большого Тома и вдохновить ее на большие высоты.

Стопа Тома описала четкую дугу. На какой-то миг он повис в воздухе, молотя руками, затем покатылся по полу.

Глаза Рода наполнились болью, когда Большой Том забарахтался, борясь за дыхание, вышибленное из него полом.

Род шагнул вперед, схватил Тома за грудки, уперся ногой в его стопу и бросил свой вес назад, силком подымая великана на ноги. Том медленно повалился вперед. Род втиснулся плечом Тому в подмышку, и толчком вернул великана в вертикальное положение.

— Эй, хозяин! — крикнул он. — Бренди — и живо!

Род любил думать о себе, как о человеке, на которого люди могли опереться, но в данном случае это было смешно.

Когда Большой Том несколько ожил и ответил на короткие насмешки своих собутыльников, и когда посетители несколько восстановили порядок в помещении и вернулись на свои места, а Род все еще не свершил над трактирщиком чего-либо напоминающего месть, глаза этого достопочтенного человека заискрились надеждой. Он снова появился перед Родом, выпятив вперед подбородок и отпустив углы рта.

Род вытянул себя из глубины размышлений, довольно циничных, о природной доброте человека и сосредоточился на трактирщике.

— Ну, что тебе надо?

Трактирщик с трудом сглотнул.

— Если ваша милость позволит, есть небольшое дело о нескольких сломанных столах и стульях...

— Столах, — произнес Род. — Стульях...

Он наступил трактирщику на ногу и обвил рукой его шею.

— Ах ты, грязный маленький скупердяй! Ты натра-

вил на меня этого буйвола, ты пытался меня ограбить, и ты еще имеешь наглость стоять тут и говорить мне, что я должен тебе деньги?

Он подчеркивал каждый свой довод, тряся шею трактирщика, медленно подталкивая того спиной к столбу. Тот сделал мастерскую попытку слиться с корой дерева, но преуспел только в том, чтобы расползтись по столбу.

— И венец всего этого — мой эль нагрелся! — закричал Род. — Ты называешь себя трактирщиком и так обращаешься с джентльменом, имеющим герб?

— Простите, мастер, простите, — застучал зубами трактирщик, вцепившись в руку Рода с похвальным усилием. — Я не хотел никакого вреда, ваша милость! Я хотел только...

— Да, только ограбить меня! — фыркнул Род, выпуская его и отшвыривая спиной на стол. — Берегись этой породы, потому что когда ты становишься у них на пути, они становятся жестокими. Итак! Кубок горячего вина с пряностями к тому времени, когда я сосчитаю до трех, и я, может быть, удержусь от вытягивания твоих ушей и завязывания их у тебя под подбородком. Мигом!

Он сосчитал до трех с двухсекундной паузой между цифрами, и кубок очутился в его руке. Трактирщик шмыгнул прочь, прижав ладони к ушам, а Род сел, потягивая вино и размышляя о том, какой скупердый — трактирщик.

Оторвавшись от кубка, он увидел, что на столе лежит половина чесночной колбаски. Он взял ее тяжелой рукой и запихнул в кошелек. Вполне можно прихватить ее с собой; это было единственно хорошим, что случилось сегодня.

Он встал и крикнул:

— Эй, хозяин!

Трактирщик подскочил в тот же миг.

— Комнату на одного, с толстым одеялом!

— Комнату на одного, сэр! Тотчас же, сэр! — Трактирщик шмыгнул вон, все еще кланяясь. — Толстые одеяла, сэр! Безусловно, сэр!

Род скрипнул зубами и повернулся к двери. Он шагнул в дверь и прислонился спиной к косяку, уронив голову на прудь и закрыв глаза.

— Закон джунглей, — пробормотал он про себя. — Если оно выглядит слабым — терзай его. Если оно ока-

жется сильным — склоняйся перед ним, дай ему терзать себя и надейся, что оно тебя не сожрет.

— Все же у каждого человека есть своя гордость, — произнес голос у него за ухом.

Улыбнувшись, Род поднял голову.

— Ты все тут, старый крот?

— Клянитесь! * — ответил Век.

Род испустил поток брани, оказавшей честь и матросу с похмелья.

— Теперь лучше себя чувствуешь? — осведомился позабавленный Векс.

— Ненамного. Где человек, вроде трактирщика, прячет свою гордость, Векс? Он, черт возьми, безусловно не дает ей показаться. Подобострастность — да, скупость — да, но самоуважение? Нет. Этого, я в нем не видел.

— Гордость и самоуважение — необязательно синонимы, Род.

Кто-то потянул Рода за локоть. Он резко повернул голову, напрягая мускулы.

Это был Большой Том, согнувший свои шесть с половиной футов в доблестной попытке понизить свою голову до одного с Родом уровня.

— Добрый вечер, мастер.

На миг Род уставился на него, не отвечая.

— Вечер добрый, — ответил он, заботливо нейтральным голосом. — Что я могу сделать для тебя?

Большой Том согнул плечи и почесал в основании черепа.

— Эх, мастер, — пожаловался он. — Вы недавно малость сделали из меня дурака.

— О? — поднял бровь Род. — Ты заметил!

— Да, — признался великан. — И... ну...

Он стащил с головы шляпу и закрутил ее в руках.

— Ведь, кажется, похоже... Ну, мастер, вы кончили меня здесь, и это верно, как евангелие.

Род почувствовал, что спина его распрямляется.

— И мне полагается возместить тебе это, не так ли? Оплатить за твои повреждения, я полагаю?

— Э, нет, мастер! — отшатнулся Большой Том. — Дело не в этом, совсем не в этом! Просто... ну... я решил, что я, если вам может... то есть... Я...

Он крутил шляпу, придавая ей такие вращения, ко-

* Шекспир, «Гамлет», акт I, сд. 5.

которые поразили бы тополога; затем слова вышли единым духом:

— Я думал, не может ли вам понадобится слуга, знаете — своего рода грум или лакей — и... — Его голос оборвался. Он искоса поглядел на Рода, полный страха и надежд.

Миг-другой Род стоял замерев. Он рыскал глазами по открытому, почти обожающему лицу великана.

Затем он скрестил руки на груди и снова привалился к косяку.

— Это как же так, Большой Том? Не прошло и получаса, как ты пытался ограбить меня? А теперь предлагаешь мне доверять тебе, как оруженосцу?

Большой Том нахмурился зажал меж зубов нижнюю губу.

— Я знаю, мастер, это не кажется правильным, но... — Он сделал неопределенный жест руками. — Ну, дело в том, что вы единственный человек из всех, на кого я поднимал руку, который смог побить меня, и...

Голос его снова сник. Род медленно кивнул, не сводя глаз с Большого Тома.

— И следовательно, ты должен мне служить.

Большой Том обиженно оттопырил нижнюю губу.

— Не должен, мой мастер, я хочу.

— Грабитель, — произнес Род. — Разбойник. И я должен тебе доверять.

Шляпа Большого Тома снова завертелась.

— У тебя открытое лицо, — размышлял вслух Род. — Не такое, чтобы прятать свои чувства.

Большой Том широко улыбнулся, кивая.

— Это, конечно, ничего не значит, — продолжал Род. — Я знал немало кажущихся невинными девушек, оказавшихся первоклассными суками.

Лицо Тома вытянулось.

— Так что ты можешь быть честным или ты можешь быть основательным негодяем. Загадка — В Е К С, иди думай.

Полос у него за ухом произнес:

— Предварительная интерпретация доступных данных указывает на простоватую в основном структуру личности. Вероятность того, что этот индивидуум послужит надежным источником информации по местным социальным переменным, превосходит вероятность того, что индивидуум будет практиковать серьезную двуличность.

Род медленно кивнул. Он удовольствовался бы и равным шансом. Он выудил из кошелька обрезок серебра — тот слегка пах чесноком — и хлопнул его в ладонь великана.

Тот уставился на серебро в своей руке, затем на Рода, потом снова на металл.

Внезапно его рука сжалась в кулак и слегка задрожала. Его пристальный взгляд снова встретился с глазами Рода.

— Ты принял мою монету, — пояснил Род. — Ты — мой человек.

Лицо Большого Тома раскололось в усмешке от уха до уха.

— Да, мастер! Благодарю вас, мастер. Навек благодарен вам, мастер! Я...

— Сообщение принял. — Роду было крайне неприятно видеть, как пресмыкается взрослый человек. — Ты поступаешь на службу прямо сейчас. Скажи мне, какие есть шансы получить работу в армии королевы?

— О, самые блестящие, мастер! — ухмыльнулся Большой Том. — Они всегда нуждаются в новых солдатах.

Дурной знак, решил Род.

— О'кей, — сказал он. — Дуй обратно в трактир, выясни, которая комната отведена нам, и удостоверься, что там нет в шкафу какого-нибудь головореза.

— Да, мастер! Сейчас же! — Большой Том заторопился обратно в трактир.

Род улыбнулся, закрыв глаза, и привалился затылком к косяку. Он помотал головой из стороны в сторону, молча смеясь. Он никогда не перестанет изумляться психологии грубиянов: как этот человек мог меньше чем за десять минут перейти от надменности к верности, ему никогда не понять.

Ночной воздух прорезал низкий вой, переходящий в пронзительный визг.

Глаза Рода резко распахнулись. Сирена? В этой культуре?

Звук доносился слева, он поднял взгляд и увидел там замок на вершине холма.

И там, у основания башни, что-то пылало и пронзительно визжало, словно «черный ворон», оплакивающий смерть нескольких патрульных машин.

Посетители в беспорядке выбежали из трактира и столпились во дворе, глаза и тыча пальцами,

— То баньши!

— Снова!

— Нет, все будет хорошо. Разве он не появлялся уже трижды? А королева все жива!

— Векс, — осторожно позвал Род.

— Да, Род.

— Векс, там баньши. На стене замка. Баньши, Векс.

Ответа не было.

Затем за ухом Рода зарычало хриплое гудение, нараставшее до тех пор, пока не стало угрожать разорвать ему голову, и оборвалось...

Род помотал головой и постучал себе по макушке ладонью.

— Придется мне сделать этому парню капитальный ремонт, — пробурчал он. — У него, бывало, случались тихие приступы.

Для Рода было бы глупо идти в конюшню вновь включать Векса, пока во дворе было полно зевак: он бы сильно бросался в глаза.

Поэтому он поднялся в свою комнату полежать, пока все малость не поутихнет; и, конечно, к тому времени, когда двор опустел, Род уже слишком удобно устроился, чтобы брать на себя труд спускаться в конюшню. В любом случае нет никакой причины включать робота, ночь будет тихой.

В комнате было темно за исключением длинной полосы света самой большой луны, струившегося из окна. Из пивного зала доносилось приглушенное бормотание и клацанье — загулявшие клиенты-полуночники пили допоздна. В комнате Рода было очень мирно.

Однако не тихо. Большой Том, свернувшийся на тюфяке у постели, храпел как бульдозер на холостом ходу, издавая больше шума во сне, чем утинял бодрствую.

Вот это была затадка — Большой Том. Род никогда не участвовал в драке, где его не ударили хотя бы раз. Большой Том всякий раз подставлял себя под удар; и разумеется, он был рослым, но он не должен был оказаться таким неуклюжим. Рослые люди могут быть быстрыми...

Но зачем тогда Большой Том затеял драку?

Чтобы Род взял его слугой?

И что насчет Эдама и Одноухого? Их разговор, кажется, указывал на то, что они были на митинге-накачке у верфи, что означало, в свою очередь, их принад-

лежность к пролетарской партии. Как там ее называл тот юный демагог? Да, Дом Хлодвиг.

Но если Эдам и Одноухий были представительными образчиками, Дом Хлодвиг был домом, разделившимся в самом себе. Там, кажется, существовало две фракции: одна, поддерживающая Логайра — юного оратора? — и другая, возглавляемая Пересмешиником, кто бы там он ни был. Обычные две фракции, ненасильственная и насильственная, язык и меч.

Так вот почему вдруг Большому Тому захотелось получить работу дворцового? Может быть, он хочет подняться по социальной лестнице? Нет, он был не подхалимного типа. Лучшее жалование? Но он, кажется, умеренно преуспевал, как районный тяжеловес.

Чтобы не спускать глаз с Рода?

Род перекатился на бок. Том вполне мог быть немаловажным членом Дома Хлодвиг. Но зачем Дому держать его, Рода, под колпаком? Они ведь не могли ничего подозревать, не так ли?

Если догадка Векса была верна и Дом поддерживала инопланетная сила, они определенно могли что-то заподозрить — не важно как.

Но не позволял ли Род снова разгуляться своей паранойе? У него начисто пропал сон, все мускулы напряглись. Он вздохнул и скатился с постели; теперь он не мог уснуть. Лучше включить Векса и поговорить. Род нуждался в электронной объективности робота, собственной у него было слишком мало.

Большой Том зашевелился и проснулся, когда Род поднял ржавый дверной засов.

— Мастер? Камо грядеши?

— Просто немного тревожусь за своего коня, Большой Том. Думаю пробежаться до конюшни и удостовериться, что конюх обращается с ним правильно. Спи.

С миг Большой Том только пялил глаза.

— Воистину, — произнес он, — вы крайне заботливы, мастер.

Он перевернулся и зарылся головой в складки плаща, используемого в качестве подушки.

— Чтобы так сильно беспокоиться за коня, — сонно пробормотал он и снова захрапел.

Род усмехнулся и выбрался из комнаты.

Он нашел черную лестницу в нескольких шагах — темную и старую, но ближе к конюшне, чем главная дверь.

У подножия лестницы находилась дверь, та, что не часто использовалась — когда он открывал ее, она застонала.

Двор заливал мягкий, золотистый свет трех лун. Самая большая луна была лишь немногим меньше земной, но располагалась намного ближе; она заполняла собой целых тридцать прадусов неба, вечное полнолуние перед равноденствием.

— Отличная планета для влюбленных, — задумчиво произнес Род, и из-за того, что его глаза приклеились к луне, он не заметил серой полосы шнура, натянутого чуть выше порога. И споткнулся.

Его руки метнулись вперед, шлепнув по земле, чтобы смягчить падение. Что-то ударило его по затылку, и мир растворился в снопе искр.

Вокруг него было красноватое свечение, а в голове — пульсирующая боль. Что-то холодное и мокрое произошло по его лицу. Он содрогнулся и полностью пришел в сознание.

Род лежал на спине; над ним был сводчатый потолок из известняка, мерцавшего блесками отраженного света. С потолка до зеленого ковра тянулись тощие известковые колонны — сталактиты и сталагмиты. Зеленый ковер простирался во всех направлениях по меньшей мере на милю. Свет, казалось, исходил отовсюду — пляшущий, колеблющийся свет, зажигающий искры на потолке в запутанном танце.

Зеленый ковер расстилался и под ним; он чувствовал его холодный и пружинящий, влажный под его спиной, мох толщиной в три дюйма. Он попытался вытянуть руку и коснуться мха, но обнаружил, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Подняв голову, он поискал взглядом связывающие его веревки, но тут не было и нити.

Он помотал головой, пытаясь вытряхнуть из нее боль так, чтобы суметь мыслить ясно.

— Векс, — прошептал он, — где я?

Ответа не было.

Род закусил губу.

— Брось, железный конь! Ты спишь при кризисе?

При кризисе...

У Векса был приступ. Род отправился вновь включить его.

Справа от него начал что-то напевать глухой голос. Род посмотрел.

В голом каменном круге мерцал огонь. Над ним стояла тренога, поддерживавшая котел — котел с крышкой, весело бурлящий, с выходящей из дырки в крышке трубой. С потолка падали капли воды, ударяя по трубке, а под противоположным концом трубки стояла чаша, собиравшая капли.

Примитивный перегонный куб.

И самогонщик — наверное, восемнадцати дюймов ростом — очень широкоплечий и вообще коренастый, одетый в камзол и рейтузы. У него было округлое веселое лицо, блестящие зеленые глаза, курносый нос и очень широкий рот, изогнутый в озорной улыбке. И венец всего — на нем была робингудовская шляпа с ярким красным пером.

Зеленые глаза посмотрели и поймали взгляд Рода.

— Ха, — произнес человек гудящим баритоном. — Ты пришел в чувство, чародей!

— Чародей? — нахмурился Род. — Я не чародей!

— Разумеется, — согласился человечек. — Не чародей. Ты являешься в падающей звезде и имеешь коня, сделанного из холодного железа...

— Минуточку, — перебил Род. — Откуда ты знаешь о том, что конь мой сделан из холодного железа?

— Мы — Крошечный Народ, — ответил невозмутимый человечек. — Мы живем Дубом, Ясенем и Терном, Лесом, Воздухом и Дерном; а те, кто живет холодным железом, хотят покончить с нашими лесами. Холодное железо — это знак всего того, что не может нас терпеть; и потому мы узнаем холодное железо — в любом виде.

Он повернулся обратно к своему котелку, приподнял крышку и проверил сусло.

— И потом также ты можешь слышать сказанное в доброй полумиле от тебя, а твой конь может мчаться столь же бесшумно, как ветер, и быстрее, чем сокол, когда у него есть причины. Но ты не чародей, да?

Род покачал головой.

— Нет. Я пользуюсь наукой, а не магией!

— Разумеется, — поддакнул человечек. — Что зовем мы розой и под другим названием... * Нет, ты чародей, и как таковой известен уже всюду, вдоль и поперек по всему Грамарию.

— Грамарий? Что это такое?

* Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт II, сц. 2.

Человечек в удивлении уставился на него.

— Да этот самый мир, чародей! Мир, в котором мы живем, земля между Четырьмя Морями, царство королевы Катарины!

— О, она правит всем миром?

— Истинно так, — подтвердил эльф, бросив на Рода косой взгляд.

— А как называется ее замок? И город вокруг него?

— Раннимид. Воистину, ты самый необразованный чародей!

— Именно это я и пытался тебе сказать, — вздохнул Род.

Человечек отвернулся, качая головой и что-то бурча под нос. Он открыл краник на сборной чаше и нацедил немного жидкости в кружку размером с мензурку.

Род вдруг понял, что его мучает жажда.

— Э, слушай, что ты там варишь? Ведь это не бредня, не так ли?

Эльф покачал головой.

— Джин? Ром? Водка?

— Нет, то спиртное другого вида. — Он подскочил к Роду и поднес миниатюрную кружку к губам человека.

— Спасибо. — Род пригубил, возвел глаза к потолку и причмокнул губами. — На вкус словно мед.

— Там, где сосут дикие пчелы, сосу и я. — Человечек заскакал обратно к огню.

— Совсем неплохо. Ты не мог бы поделиться рецептом?

— Ну разумеется, — улыбнулся эльф. — Мы же сделаем для гостя все, что в наших силах.

— Гостя! — фыркнул Род. — Мне крайне неприятно оспаривать ваше гостеприимство, но то, что вы сделали меня неподвижным не совсем то, что я назвал бы распростертыми объятиями.

— О, это мы вскоре исправим. — Человек снял крышку с котла и помешал сусло.

Что-то щелкнуло в голове Рода. Волосы у основания черепа начали становиться дыбом.

— Э, скажи-ка, э... Ну, по-моему, нас не представили друг другу, однако... Тебя ведь зовут Робин Добрый Малый, не так ли? Он же Пак*?

* По английской мифологии Пак — эльф, дух-проказник. См. повесть Киплинга «Меч Виланда» или «Сон в летнюю ночь» Шекспира.

— Верно говоришь. — Эльф с клецаньем задвинул крышку. — Я тот самый ночной бродяга шалый.

Род повалился на мшистый ковер. «Это будет великолепная история для рассказа внукам; никто другой ей не поверит».

— Скажи, Пак — ты не против, если я буду называть тебя Пак?

— О, нет.

— Спасибо, э... А я Род Гэллоуглас.

— Мы это знаем.

— Ну, я просто подумал, что мне следовало бы сделать это официально. Так вот, ты, кажется, не питаешь ко мне никаких злых чувств, поэтому, э, могу я спросить... э... почему я парализован?

— Ах, это, — ответил Пак. — Мы должны выяснить, белый ты чародей или черный.

— О. — Род пожевал щеку изнутри. — А если я белый маг, вы... гм... отпустите меня?

Пак кивнул.

— А что случится, если вы решите, будто я черный маг?

— Тогда, Род Гэллоуглас, ты будешь спать до Трубы Судного Дня.

У Рода возникло такое чувство, словно к его челюсти приложили электрод со слабым током.

— Великолепно. Козырь Судного Дня. А я всегда был не очень силен в бридже... *

Пак нахмурился.

— Как это?

— Замнем это. «Спать до Судного Дня». Очень изящный эвфемизм. Почему бы вам не подойти прямо и не сказать просто, что убьете меня?

— Нет, — оттопырил нижнюю челюсть Пак, качая головой. — Мы тебя не убьем, Род Гэллоуглас. Просто ты будешь вечно спать, видя приятные сны.

— Понимаю, взвешенный анабиоз?

Пак нахмурил лоб.

— Этого слова я не знаю. И все же успокойся, тебя не повесят. Крошечный Народ не питает любви к повешению.

— Ну, я полагаю, это некоторое утешение. Так как же мне доказать, что я белый маг?

* Игра слов: Trump означает и «труба», и «козырь»; Bridge — название карточной игры и «мост».

— Ясно как, — ответил Пак. — Как только мы разочаруем тебя.

Род уставился на него.

— Это как это так? Разве я и так уже не достаточно разочарован?

Лицо эльфа расплылось в широкой усмешке.

— Нет! Нет! Разочаруем тебя! Удалим заклинание, что связывает тебя!

— А. — Род улегся со вздохом облегчения. Затем он рывком сел. — Освобождением меня? Это докажет, что я белый маг?

— Само по себе — нет, — сказал Пак. — Вопрос в том, где мы освободим тебя.

Он хлопнул в ладоши. Род услышал шорох десятков бегущих пожek, подходящих к нему сзади; на его глаза была натянута повязка из темной ткани и завязана на затылке.

— Эй, — запротестовал он.

— Мир, — успокоил его Пак. — Мы только отнесем тебя к свободе.

Множество крошечных рук подняли Рода. Он покорился и расслабился, готовый насладиться путешествием.

Это был довольно приятный способ передвижения, в самом деле — вроде как на пружинящем матрасе с четырьмя колесами.

Ноги его задрались выше головы и скорость бегущих ног под ним замедлилась — они поднимались вверх по склону.

В лицо ему ударил влажный воздух; он услышал вздох бриза в листьях, сопровождаемый полным набором цикад, с совой и, возможно, кроншнепом, завершающим гармонию.

Тут его бесцеремонно уронили; повязку сорвали с его глаз.

— Эй, — запротестовал он. — Что я, по-вашему, мешок с картошкой?

Он слышал журчащий слева от него ручей.

— Теперь ты свободен, Род Гэллоутглас, — прошептал ему на ухо голос Пака. — Да будет с тобой Господь!

И эльф усакаал.

Род сел, разминая конечности, чтобы заставить их уразуметь, что они снова могут двигаться. Он огляделся.

Это была залитая светом луны лесная поляна со струящимся слева серебристым ручьем. Деревья выделя-

лись стальными стволами и блестящими листьями, а черные тени — среди стволов... Одна из теней двинулась.

Она шагнула вперед — высокая фигура в темной монашеской рясе с капюшоном.

Фигура медленно двинулась к Роду, остановилась в трех метрах и откинула капюшон.

Дикие, спутанные волосы над длинным тонким лицом со впадинами под скулами и пещерными глазницами с двумя горящими угольями в глубине их. И все лицо дергалось, кривилось от злобы.

Голос был ровным и тонким — почти шипением.

— Ты, значит, так устал от жизни, что пришел в клетку вервольфа?

— Вервольф! — уставился на него Род.

— Ну а почему бы и нет! Если основным исходным пунктом являлись эльфы...

Затем Род нахмурился.

— Клетку? — Он огляделся. — Мне это кажется похожим на лесные просторы.

— Вокруг этой рощи — магическая стена, — прошипел вервольф. — То тюрьма, созданная для меня Крошечным Народом, и они не кормят меня надлежащим образом.

— О? — Род оглядел вервольфа. — И чем же тебя надлежит кормить?

— Красным мясом, — осклабился вервольф, демонстрируя полный рот клыков. — Сырым красным мясом и кровью вместо вина.

По спине Рода пробежало что-то со множеством холодных ножек.

— Примиришься со своим Богом, — сказал вервольф. — Ибо час твой настал.

На тыльной стороне его рук появился мех, а ногти его росли, изгибаясь. Лоб и щеки опушились шерстью. Нос, рот и подбородок срослись и вытянулись, заостряясь в морду. Уши его переместились на макушку и тоже заострились.

Он отшвырнул темный плащ; все его тело было покрыто серебристой шерстью, ноги стали задними лапами. Он упал на четвереньки. Кисти рук у него укоротились, предплечья удлинились; руки тоже стали лапами. Пробылся хвост и вырос в длинный серебристый хвостик.

Серебристый волк припал к земле, зарычал, заурчал глубинами горла и прыгнул.

Род крутанулся в сторону, но волк сумел как раз до-

статочно изменить курс прямо в воздухе; его зубы разодрали Роду предплечье от локтя до запястья.

Волк приземлился и закружился с радостным воем. Он пригнулся, высунул язык, а затем снова прыгнул.

Род нырнул, упав на колено, но волк поправился прямо в полете и обрушился на него сверху. Его задние лапы царапали ему грудь; огромные челюсти нащупывали, как бы вцепиться ему в хребет.

Род с трудом поднялся, наклонился вперед и изо всех сил пихнул волка в брюхо. Волк отлетел, но когти его разодрали Роду спину.

Волк приземлился на спину, крепко ударился и взвыл от боли. Но поднялся на ноги и принялся кружить вокруг Рода, кровожадно рыча.

Род поворачивался, держась лицом к волку. Как можно управиться с вервольфом? Векс сказал бы, он должен знать, но Векс все еще пребывал в отключке.

Волк зарычал и прыгнул, целясь Роду в горло.

Род низко пригнулся и сделал выпад твердой ладонью. Его пальцы попали волку прямо в солнечное сплетение.

Род отпрыгнул назад, принимая стойку. Волк заскреб землю, стараясь восстановить дыхание, пока жизнь снова вливалась в его нервы. Род кружил вокруг него, против часовой стрелки, наудачу.

Чем бороться с вервольфом?

Волчником, очевидно.

Но Род без учебника ботаники не смог бы отличить волчник от ядовитого плюща.

Вервольф испустил долгий скрежещущий вздох и поднялся в стойку. Он зарычал и начал рыскать, тоже против часовой стрелки, вокруг Рода, высматривая возможность броситься на него.

Вот и все в пользу кружения против часовой стрелки, подумал Род и изменил направление, кружась теперь по часовой стрелке в попытке подойти к волку сзади.

Волк прыгнул.

Род развернулся в сторону и сделал выпад правой в челюсть волку, но волк поймал его кулак зубами.

Род заревел от боли и пнул зверя в брюхо. Клыкастый снова отправился передохнуть, освободив руку Рода, когда челюсти распахнулись, глотая воздух.

Серебряные пули. Но химическое огнестрельное оружие уже тысячи лет как вышло из моды, а ДДТ отделился от серебряного стандарта куда как раньше,

Распятие. Род принял твердое решение взяться за религию. Все равно ему нужно хобби.

Тем временем его лохматый друг снова собрался с силами. Задние ноги напряглись, и он прыгнул.

Род шатнул в сторону, но волк явно и рассчитывал на такой шаг. Он приземлился на грудь, покрытые слюной челюсти щелкали, стремясь к яремной вене Рода.

Род упал на спину. Он подтянул к груди ноги, всадил ступни в брюхо волка и лягнул, катапультировав представителя семейства собачьих подальше от своего тела.

Волк тяжело упал и завопил, подсовывая лапы под тело.

Чего еще не любят вервольфы?

Чеснок.

Род закружил вокруг волка, нащупывая в кошеле оставшуюся от обеда колбасу с чесноком.

Волк разинул пошире челюсти и откашлялся.

Род зачавкал, набив рот колбасой.

Волк поднялся со злым, очень решительным рычанием. Он напрягся и прыгнул.

Род поймал зверя под передние лапы, закачавшись под тяжестью его тела, и дыхнул ему прямо в морду. Затем он бросил волка и отпрыгнул.

Волк покатился, отплевываясь, кашляя, с содроганием втянул в себя воздух и рухнул пластом.

Его фигура вытянулась, расслабилась и снова медленно вытянулась — и в траве лежал, лицом вниз, высокий жилистый голый мужчина — бессознательное тело, дышащее с трудом.

Род опустил на колени. Спасен колбасой с чесноком!

Трава зашевелилась у его колена; он смотрел в улыбающиеся глаза Робина Доброго Малого.

— Возвращайся с нами, коли желаешь, Род Гэллоуглас, ибо отныне наши тропы — твои, можешь ходить по ним в свое удовольствие.

Род устало улыбнулся.

— Он мог убить меня, — произнес он, кивая на лежащее без сознания тело вервольфа.

Пак покачал головой.

— Мы следили и предотвратили бы смерть любого из вас, а что до твоих ран — пустяки! Мы их быстро вылечим.

Род поднялся, недоверчиво кивая головой.

— И потом, — добавил Пак. — Мы также знали,

что ты такой могучий чародей, что сможешь нанести ему поражение...

— О? — вскинул бровь Род. — А что, если бы я им не был? Что, если бы я оказался черным магом?

— Тогда ясно, — усмехнулся Пак, — ты бы вступил с ним в союз против нас и попытался бы выбраться из тюрьмы.

— Гм. — Род пососал нижнюю губу. — А разве это не поставило бы вас в довольно деликатное положение?

— Нет, — снова усмехнулся Пак. — Волшебству двенадцати эльфов никогда еще не равнялись силы двух чародеев.

— Понятно, — потер подбородок Род. — Оградили свои ставки, не так ли? Но вы, конечно, не могли дать мне знать. Поскольку я пребывал во тьме, борьба с вервольфом доказала, что я отношусь к славным парням?

— Частично.

— О? А что за другая часть?

— Да ведь у тебя, Род Галлоуглас, было несколько случаев, когда ты делал вервольфа беспомощным, но не убивал его.

— И это показывает, что у меня доброе сердце.

— Верно, — согласился Пак, — а также то, что ты достаточно уверен в собственном могуществе, что можешь быть милостив. И вот это-то и есть доказательство того, что ты — белый, но еще большее доказательство тому, что ты чародей.

Род зажмурился. Он произнес с преувеличенным терпением:

— Конечно, дело может быть просто в том, что я тренированный боец.

— Может, — согласился Пак. — Но одолел-то ты его колдовством.

Род глубоко вздохнул.

— Послушайте, — раздельно произнес он. — Я не чародей. Я никогда не был чародеем. Я никогда не хотел быть чародеем. Я просто наемный солдат, которому случилось научиться нескольким трюкам.

— Разумеется, мастер чародей, — весело ответил Пак. — Не вернешься ли в пещеру? Мы проводим тебя к постоянному двору.

— А, ладно, — проворчал Род.

Но он обернулся посмотреть на злополучную коллекцию костей и жил, представленную в центре поляны спящим вервольфом.

— Мастер Г'эллоуглас? — Голос Пака был озабоченным и встревоженным. — Что тебя беспокоит?

Род встряхнул головой, выходя из состояния задумчивости.

— Ничего, — ответил он, отворачиваясь. — Просто подумалось.

— О чем, чародей?

— Когда я был школьником, меня, бывало, называли одиноким волком... Неважно. В какой стороне, говоришь, пещера?

Рассветало, когда сбивший ноги и усталый Род поплелся через двор трактира к конюшне.

Освещавший ряд стоял единственный фонарь со свечой только сгущал тени.

Перебросив руку через спину Векса для устойчивости, Род нащупал другой рукой на холке робота увеличенный позвонок, который и был отключенным предохранителем. Он нажал: под камуфляжем конской кожи зашевелилось стальное тело. Бархатная черная голова поднялась, дважды мотнулась, глянула через плечо, большие карие глаза сфокусировались на Роде. С миг робот молчал, затем голос за ухом Рода проговорил с оттенком упрека:

— Ты оставил меня деактивированным на долгое время, Род. У меня нет никаких постэффектов от припадка.

— Извини, Старый Железяк. — Род оставил руки на спине коня; ноги его казались шаткими. — Я как раз отправился включать тебя, когда меня шандарахнули.

— Шандарахнули! — Голос Векса терзал стыд. — Пока я спал. Да будет мой корпус лежать, ржавая, на свалке! Да отправят мой германий в конвертер для переплавки! Да будет...

— А, кончай с этим, — пробурчал Род. — Это была не твоя вина. — Он отошел от коня и выправил плечи. — Все равно, я не подвергался никакой опасности. Просто деловая ночь, вот и все.

— Как так, Род?

Род начал было отвечать, потом переменял решение.

— Я скажу тебе утром, Векс.

— Я переориентировал свои цепи принимать противоречия между общепринятой теорией и действительно происходящим, Род. Ты можешь довериться мне, не страшась перегрузки.

Род покачал головой и повернулся к выходу из стойла:

— Утром, Векс. Может, ты и способен поверить в это прямо сейчас, но я не уверен, что смогу сделать то же.

Род расположился за столом, поглощая обильный завтрак, но по сравнению с Большим Томом он сидел на голодной диете. Этот человек окружил себя невероятным количеством пищи.

Кое-что из нее было Роду знакомо — яйца, блины и ветчина. У блинов был, однако, легкий чуждый привкус, а у яиц трехдвоймовый желток. Какого-то рода злаки имелись на любой населенной людьми планете; они происходили обычно от земных, но почва чуждой планеты иногда производила странные превращения с зерном. Всегда бывала какая-нибудь домашняя птица, но чаще всего это были местные формы жизни. Свиньи же встречались повсеместно: они попадались на планетах земного типа даже чаще, чем собаки. Род иногда задумывался о виде, к которому принадлежал.

Вся пища, конечно, была удобоваримой и, вероятно, питательной: генетические отклонения не могли так уж сильно изменить человеческого метаболизма. Но рассеянные элементы — это другое дело. Род проглотил универсальную пилюлю, просто на всякий пожарный случай.

Большой Том заметил это.

— Что это, мастер?

Род выжал улыбку.

— Просто мелкое заклинание. Пусть тебя это не беспокоит, Том.

Тот уставился на него, затем опустил глаза на тарелку, бормоча под нос быструю молитву. Затем набросился на блины двузубой вилкой.

Великан начал было говорить, но голос его треснул. Он прочистил горло и попробовал снова.

— Что же принесет новый день, добрый мастер? —

— Путешествие в замок, — ответил Род. — Посмотрим, не требуется ли королеве новый солдат.

Том протестующе завыл:

— Солдат королевы! Нет, мастер, это не ремесло для честного человека.

Род вскинул бровь.

— Ты пытаешься сказать, что один из нас может быть честным?

Большой Том заткнулся.

У трактирщика имелся лишний конь, или он это внезапно вспомнил, когда Род положил руку на эфес кинжала. Это был старый вислобрюхий сивый мерин со слег-

ка более длинной шеей и меньшими ушами, чем у стандартного земного аналога. Что было плохо, поскольку привлекало определенное внимание к Вексу, но, впрочем, огромный черный конь все равно был не совсем чтобы непримечательным.

Церковные колокола зазвонили, когда они выехали со двора. Род на Вексе, а Том на древнем доходяге. Звук колоколов напомнил Тому, что час ранний, и он начал ворчать о хозяевах, встающих в неразумное время.

Но его жалоба оборвалась, когда они поднялись по склону над городом, где они могли посмотреть на горизонт и увидеть восток, озаренный утренним солнцем.

Том глубоко вдохнул зарю и ухмыльнулся Роду через плечо:

— Эх, мастер! Прекрасный будет денек!

— И холодный, — добавил Род, поднимая ворот, потому что ветер дул ему в спину.

— Да, да! Разве я не сказал, что он будет прекрасным?

— Я не совсем разделяю твой энтузиазм к низким показаниям термометра, — пробурчал Род. — Веселей, Том, мы почти у замка.

— Остановись и назови себя! — крикнул часовой на подъемном мосту.

— О Боже, — закатил глаза к небу Род.

— Твое имя и твое дело в замке королевы?

— Немножко переусердствовал, а? — Род искоса поглядел на часового.

Углы губ часового резко загнулись.

— Не твоя печаль, — рявкнул он. — Я ратник королевы, и ты будешь говорить со мной уважительно.

— Вряд ли, — милостиво улыбнулся Род. — Мое имя Род Гэллоуглас.

— Гэллоуглас? — нахмурился часовой. — Ты зря теряешь время, у королевы уже есть шут.

— Судя по твоему виду, я бы сказал, что у нее их много, — хмыкнул Род. — Мое ремесло — солдат, и у моего слуги тоже. Вызови главстаршину, и пусть он зачислит меня в армию.

Часовой смерил его сердитым взглядом.

— В армию королевы так легко не вступают.

— Да ну, вот так так! — нахмурился Род. — Я должен доказать, что я солдат?

Он спешился, смахнув с седла на землю всего лишь в ярде от часового.

— Если ты и солдат, то плохой, — презрительно фыркнул часовой. — Иначе ты не оставил бы своего коня без привязи.

Род послал ему сахаринную улыбку и крикнул:

— Векс, отступи на четыре фута, сделай полшага налево, пройди четыре фута вперед, а потом стой, пока я тебя не позову.

Часовой уставился, разинув рот, пока Векс с машинной точностью выполнял маневр.

— Я солдат, — бросил Род. — И хороший.

Рот часового снова открылся и закрылся, словно у рыбы. Глаза его выпучились, обегая взглядом худощавую фигурку Рода с рукой в черной перчатке на эфесе шага.

— Понимаешь, — объяснил Род, — конь мне может понадобиться. Лучше дать ему возможность в случае необходимости прискакать ко мне.

Его правая рука метнулась, делая финт. Солдат крикнул от удивления и шагнул назад, в то время как нога Рода прокралась и зацепила его за лодыжку. Часовой свалился с лягом, свойственным жестяным изделиям.

Род выкрутил алебарду из рук часового, когда тот упал, и бросил ее под опускающую решетку.

— Ну, — осведомился он. — Давай попробуем снова, а?

— Отлично, во! Отлично сделано, мой мастер! — Большой Том замолотил по холке свою клячу, ухмыляясь от уха до уха.

Часовой поднялся на ноги, крича:

— На помощь! На помощь!

— О нет! — Род уронил лицо в ладони. — О нет! — замотал он головой.

Он привалился спиной к плечу Векса и сложил руки на груди.

Подбежали трое гвардейцев с алебардами наперевес. Главный переводил взгляд с Рода на часового, обратно на Рода, потом снова на часового.

— Чему тут нужно помогать? — нахмурился он.

Часовой ткнул дрожащим пальцем в неопределенном направлении в сторону Рода.

— Этот человек...

— Да? — улыбнулся Род.

— Да, он сшиб меня, вот что он сделал, и алебарду у меня отнял.

— Я бы не хвастался этим, будь я на твоём месте, — проворчал Род.

Большой Том согнулся над лукой седла в конвульсиях от подавляемого смеха.

— Это правда, парень? — Главный сердито посмотрел на Рода.

— Правда, — склонил голову Род.

— Ну тогда! — Главный выпрямился, уперев кулаки в бедра и нахмурился.

— Ну, что тогда? — поднял бровь Род.

Главный начал волноваться.

— Ну, а по какой причине?

— Я желаю вступить в армию королевы. А этот ратник сказал, что мне следует показать себя.

Главный перевел взгляд с пораженного часового на Рода и кивнул.

— Ты получишь свой шанс, — сказал он. — Идем.

Шанс состоял из дородного сержанта, вооруженного мечом и круглым щитом.

— Ты не возьмешь щита, парень? — проворчал старый рыпач, бывший капитаном гвардии.

— Нет, спасибо. — Род вынул кинжал из ножен. — Вот это отлично мне послужит.

— Всего лишь с кинжальчиком против меча и щита! — Сэр Мэрис печально покачал головой. — Ты, видно, и впрямь желаешь умереть молодым!

Глаза Рода удивленно расширились.

— Благодарю вас, — сказал он. — Мне не говорили, что я молодо выгляжу, с тех пор как мне стукнуло тринадцать.

— Ну, скрестите мечи, — выдохнул сэр Мэрис.

Род и сержант так и сделали. Сэр Мэрис прохромал к ним, подняв собственный меч, чтобы разделить их клинки.

Меч сержанта взлетел для удара во весь мах. Род воспользовался преимуществом мгновенной задержки, чтобы сделать финт в живот сержанту. Щит упал вниз отразить удар шпаги, и клинок Рода перепрыгнул через руку сержанта и распорол ткань над его сердцем.

— Стой! — крикнул сэр Мэрис, и меч сержанта остановился на половине удара.

Сержант выронил щит, глаза вокруг:

— Что случилось?

— Не дерись этот Гэллоуглас просто для забавы, —

ответил сэр Мэрис, — ты был бы сегодня покойником, сержант Хэпвид.

Тот озадаченно нахмурился, глядя на Рода.

— Кто бы подумал использовать острие меча?

— Прodelать это снова? — Клинок Рода свистнул в воздухе и шлепнул его по ноге.

Сэр Мэрис изучал лицо Рода, хмурия брови.

— Нет, — решил он, поднимая голову. — Я подтверждаю, что ты — фехтовальщик.

— Да, — пробормотал про себя Большой Том, и сэр Мэрис поглядел на него, но великан только сиял от гордости.

Капитан гвардии повернулся и поднял дубинку.

— Вот! — Он кинул Роду дубинку. — Мы попробуем тебя в этом.

Род сунул кинжал в ножны, поймал дубинку за середину и отбросил шпагу.

— Сходитеcь! — скомандовал сэр Мэрис, и рослый сержант шагнул вперед, сделал, разминаясь, три быстрых удара, а затем полусогнул колени с дубинкой наготове.

Род последовал его примеру.

Внезапно он оказался посреди дубового града ударов сержантской дубинки. Сержант колотил его по голове и плечам, выискивая открытое место защиты у Рода.

Род стиснул челюсти и старался не отставать от сержанта, отбивая удары столь же быстро, как они производились, желудок его сжался, так как он понял, что весь ушел в защиту.

Род блокировал удар по голени, отбил отскок в голову, взмахнул нижним концом дубинки, чтобы отразить ответный удар в живот... но удар так и не нанесли. Это был финт.

Он лихорадочно попытался вновь прикрыть голову, но сержант получил свои полсекунды. Род уголком глаза увидел обрушивающуюся на него тяжелую дубовую палку.

Род отпрянул, спасаясь от удара, но тот треснул ему по черепу, словно раскат грома. В глазах потемнело, все заполнилось пляшущими точками света, в ушах Рода стоял звон.

Он отступил, чисто рефлексорно блокируя удары сержанта, и слышал победный крик следивших за боем солдат.

«Совсем не гожусь», — кружились мысли в голове у Рода. Его обучали драться на дубинках, но у него год как

не было ни одной схватки, тогда как сержант обладал умением человека, у которого это любимое развлечение. Для него, вероятно, это была просто игра, так же как фехтование для Рода. Сержант был хозяином положения и знал это.

Существовал единственный шанс. Род отпрыгнул назад, его руки скользнули к середине дубинки, он начал вращать ею, крутя, словно жезл регулировщика.

Род стиснул челюсти.

Его дубинка превратилась в вихрь, свистящее смазанное пятно. Это был французский фехтовальный прием, мулине.

Сержант, вероятно, знал его ничуть не хуже Рода, но все шансы были за то, что он несколько не лучше натренирован в нем, чем Род. Это был довольно экзотический вид боя, если ты не француз. А с таким именем, как сержант Хэпвид...

Сэр Мэрис и К° разинули рты. Пораженный сержант сделал шаг назад. Затем на его лице появилась осторожность, и его дубинка превратилась в вихрь.

Так значит, он знал этот стиль. Но он не был мастером, фактически Род имел преимущество. Дубинка сержанта стала пятном, но четким пятном. Дубинка Рода делала очень милую имитацию циркулярной пилы. Он имел превосходство над сержантом в угловой скорости и, соответственно, в ударной силе.

Сержант Хэпвид знал это, мускулы у него на шее сплелись в узлы, когда он попытался ускорить вращение.

Сейчас! Род прыгнул вперед. Его дубинка выскочила из своего крутоворота и рванулась вниз встретить вращение дубинки сержанта.

Дубинки сошлись с треском винтовочного выстрела и с таким содроганием, что у Рода зубы задребезжали. Он оправился на миг раньше сержанта и обрушил на его дубинку два быстрых удара, выбив ее из рук противника.

Род выпрямился, испустив глубокий вздох, и дал напряжению вытечь из него, когда опустил наземь конец дубинки.

Онемевший сержант уставился на свои руки.

Род протянул руку вперед, мягко постучал его по макушке дубинкой.

— Бац! Ты убит.

— Стой! — крикнул сэр Мэрис, делая результат официальным.

Род снова опустил дубинку и оперся на нее. Сэр Мэрис нахмурился, блестя глазами из-под кустистых бровей.

Род бросил ему натянутую улыбку.

Сэр Мэрис медленно кивнул.

— Мне испытать тебя с большим луком?

Род, блефуя, пожал плечами. С арбалетом — может быть, но с большим луком...

Со стропил раздался глухой, воющий смех. Капитан гвардии и вся его рота подпрыгнули. Большой Том упал на колени, закрыв голову руками.

Род вскинул голову, ища глазами источник смеха.

На одной из дубовых балок, пересекающих зал, сидел карлик, барабанив пятками по дереву.

Он выглядел так, словно кто-то взял взрослого, нормального человека и отредактировал здесь и там фута по три.

Он был бочкогрудым, широкоплечим и с шеей, как у быка. Лохматая черная голова казалась странно большой для такого усеченного тела. Черные кудрявые волосы свисали до края челюсти и шеи, кустистые черные брови выпирали из плоского покато лба. Большие, угольно-черные глаза в данный момент искрились весельем. Их разделял ястребиный клюв носа, под которым угадывались сквозь окладистую черную бороду толстые мясистые губы. Квадратные, ровные зубы блестели.

Кто-то попытался затолкать великана в бочонок для гвоздей и почти добился успеха.

— С большим луком! — прогремел тот басом. — Нет, голову кладу, он такой же хороший стрелок, как сельский баран весной!

Сэр Мэрис поднял серьезный взгляд на карлика.

— Чума на тебя и твою повадку подкрадываться, Бром О' Берин! Неужто в моих волосах и так недостаточно седины, что тебе надо совсем побелить их своими выходками?

— Повадка подкрадываться! — возмутился карлик. — Вот уж воистину, будь у тебя хоть какая-то гордость своим призванием, сэр Мэрис, ты бы поблагодарил меня за демонстрацию твоего же собственного отсутствия бдительности!

— Бром? — пробормотал пораженный Род. — О' Берин?

Карлик обратил сердитый взгляд на Рода.

— Да, Черный Бром О' Берин,

— Это, э, комбинация голландского, ирландского и русского, если я правильно понял.

— Что еще за чушь? — прорычал карлик.

— Ничего. — Род отвернулся, качая головой. — Мне следовало предвидеть, что это случится. Мне следовало ожидать всего, что угодно, на этой сумасшедшей... э... в Грамарие!

Карлик усмехнулся, озорно сверкнув глазами.

— Нет, если я в себе не ошибся, это кажется опорочиванием великой страны Грамарий!

— Нет, нет! Я не... я хотел сказать... — Род замолк, вспомнив, что в этой культуре оправдания не подобали бойцу. Он выпрямился, задрав подбородок. — Ладно, — сказал он. — Это было оскорбление, если тебе так больше нравится.

Карлик радостно взвыл и вскочил на ноги.

— Теперь ты должен с ним драться, Гэллоуглас, — прогремел сэр Мэрис. — И тебе понадобится все твое умение до крохи.

Род уставился на капитана гвардии. Неужели он серьезно? Карлик даст Роду тяжелый бой?

Карлик глухо хохотнул и соскользнул с балки. Это был двенадцатифутовый прыжок на каменный пол, более чем втрое превышающий рост Брома, но он легко ударился об пол, и оказался в стойке борца. Он выпрямился и, озорно гогоча, направился к Роду.

Позади Рода раздался рык, и Большой Том рванулся вперед.

— Это ловушка, мастер! — проревел он. — Колдовство есть в этой земле, и он наихудший колдун из всех! Никто и никогда не бил Черного Брома! И все же я готов...

Все солдаты, находящиеся в помещении, набросились на Большого Тома в орущем хаосе гнева и насилия.

С миг Род стоял в оцепенении. Затем он бросил свою дубинку и ринулся в свалку, руки его замелькали, нанося удары каратэ. Солдаты попадали на пол.

— Стой! — грянул голос Брома.

Бром каким-то образом снова очутился на стропилах.

— Спасибо вам, ребята, — проворчал миниатюрный геркулес. — Но этот большой парень не желал никому вреда, отпустите его.

— Никому вреда! — твякнуло с полдюжины возмущенных голосов.

Бром глубоко вдохнул и выдохнул.

— Да, никому. Он только желал защитить своего хозяина. А этот Гэллоуглас желал только защитить своего слугу. А теперь отойдите от них: они оба безвредны.

Солдаты неохотно подчинились.

Род хлопнул Тома по плечу и прошептал:

— Спасибо, Большой Том. И не беспокойся обо мне: этот голландский ирландец только человек, как ты и я. А если он человек, я могу побить его.

У карлика был, должно быть, очень острый слух, потому что он прогремел:

— Ах, ты можешь, да? Это мы посмотрим, мой мальчик.

— Эх, мастер, — простонал Большой Том, вращая глазами. — Вы не знаете, о чем говорите. Этот эльф — отродье самого дьявола.

— Чародей? — презрительно фыркнул Род. — Таких зверей нет.

Сэр Марис отступил к своей рати, сердито глядя ледяным взглядом:

— Тронь хоть волос на его голове, и мы запорем тебя.

— Не бойся, — хохотнул Бром О'Берин. — Не бойся, Гэллоуглас, сделай все, чтобы одолеть меня. Будь уверен, ничего у тебя не выйдет. А теперь позаботься о себе.

Он подпрыгнул на балке, заревев:

— Давай!

Род мигом принял стойку, откинув руки для рубящих ударов. Бром стоял на балке, уперев кулаки в бедра и кивая огромной головой.

— Да, держись наготове. Но... — Глаза его зажглись злым блеском, он хохотнул. — Бром О'Берин не легкий человек.

Он спрыгнул с балки ногами вперед прямо на голову Рода.

Род попятился, пораженный внезапностью атаки карлика. Его руки взметнулись ладонями вверх, поймали Брома за пятку и сделали ему сальто-мортале.

Затем, ожидая, что карлик приземлится прямо спиной на гранитный пол, Род прыгнул вперед поймать его, но Бром провернул сальто и приземлился с отскоком на ноги.

Быстрым сильным ударом он отбросил руки Рода.

— Учтивый жест, но глупый, — прогрохотал он. — Твоя защита снята. Прибереги мягкость для тех, кто в ней нуждается, приятель Гэллоуглас..

Род шагнул назад, снова приготовившись к атаке, и посмотрел на маленького человека с растущим уважением.

— Я, кажется, недооценил тебя, господин О'Берин.

— Не называй меня господином! — заревел карлик. — Я никому не господин — я всего лишь шут королевы!

Род медленно кивнул:

— Шут. — Он сделал приглашающий жест обеими руками. — Ну, ладно, тогда — мудрый шут.

Бром с миг постоял на месте, смерив Рода хмурым взглядом. Он хмыкнул, растягивая рот в тугой улыбке.

Затем он прыгнул, выбросив ноги в воздухе, целясь прямо в подбородок Роду. Род вскинул руку, снова поймал Брома за пятки, пробурчав:

— Я-то думал, ты научился.

Он снова толкнул ноги карлика вверх, но на сей раз Бром хлестнул головой по подбородку Рода. У него была твердая голова.

Род отшатнулся от удара, в то же время крепко обвивая руками тело Брома О'Берина.

Карлик затрясся от веселья.

— А что теперь? — глухо засмеялся он. — Вот ты сейчас схватил меня, и что ты теперь со мной станешь делать?

Тяжело дышащий Род промолчал.

Это был хороший вопрос. Если он хоть на миг ослабит хватку, то может быть уверен, что Бром извернется и пнет его в живот. Он мог уронить этого человека или бросить его, но Бром имел тенденцию подсакивать и, вероятно, врезался бы в прыжке прямо Роду в подбородок.

Ну, коль сомневаешься, сперва бей, а уж потом думай. Род упал на пол, пихая тело Брома под прямым углом к своему собственному, ловя колено и шею карлика для захвата на манер младенца.

Но Бром двигался немного быстрее. Его правая рука обвилась вокруг левой руки Рода; он поймал локоть Рода в хватку, подобный тискам, и нажал.

Спина Рода выгнулась от боли в локтевом суставе. Теперь у него был простой выбор: разжать левую руку или отключиться от боли.

Вот и решай тут!

Род рискнул положиться на свою выносливость, он уплотнил свой зажим вокруг шеи Брома.

Тот крикнул от удивления:

— Другой бы заскулил от боли и отпрыгнул от меня, приятель Гэллоуглас.

Колено Брома изогнулось назад, его стопа уперлась Роду в грудь, скользнула под подбородок и продолжала жать дальше.

Род издал придушенный звук, шею его пронзило огнем, когда позвонки затерлись друг о друга. В помещении потемнело, оно заполнилось точками разноцветных огней.

— Теперь тебе придется выпустить меня, Гэллоуглас, — процедил Бром. — Если у тебя не откажет зрение и ты не заснешь.

Неужели этот проклятый полпинты должен быть всегда прав?

Род попытался что-то свирепо прохрипеть в смысле ответа, но в помещении и впрямь тревожно быстро меркло. Точки света становились спицами, и это, кажется, указывало на скорую потерю сознания.

Он выпустил свой захват, оттолкнулся руками от пола и, шатаясь, поднялся на ноги. Его уши наполнил глухой смех.

Потому что Бром сохранил свой захват на руке Рода и, обвив другой рукой ворот его камзола, тянул Рода своим весом обратно на пол.

Ноги Брома коснулись пола, он оттолкнулся, бросив Рода назад. Род закачался, потеряв равновесие, и упал, но привычка снова взяла свое. Он вжал подбородок в грудь и шлепнулся на предплечье, смягчив свое падение.

Бром взвыл от радости, увидев, что Род все еще в сознании, и прыгнул.

Род сделал тот малый вздох, что ему остался, и произвел резкий выпад ногой. Он попал Брому в живот, схватил молотящую руку и резко оттолкнул, выпустив ее.

Бром полетел вверх тормашками, пронесся в двадцати футах от Рода и приземлился на каменные плиты, крикнув от удивления. Приземлился он, конечно, на ноги и мигом обернулся с громким ржанием.

— Очень ловко, малыш, очень ловко! Но недостаточно...

Род снова был на ногах, тяжело дыша и мотая головой. Бром скакнул к нему, а затем прыгнул.

Род пригнулся как можно ниже в тщетной надежде, что Бром, возможно, окажется способен хоть раз промахнуться, но длинная рука маленького человечка хлеста-

нула вниз и схватила Рода поперек горла, а колода тела, пометавшись туда-сюда, устроилась между плеч Рода.

Одна стена надавила Роду меж лопаток, обе руки потянули, выгибая шею назад.

Род захрипел, поднимаясь на ноги и изгибаясь назад под тяжестью Брома. Он схватил карлика за предплечья, а затем быстро нагнулся вперед, рванув руки Брома.

Бром перелетел через голову Рода и сделал сальто. Он закукарекал, когда его ноги ударились об пол.

— Превосходно сделано, малыш! Превосходно!

Он повернулся, все еще с озорным блеском в глазах.

— Но мне эта игра начинает надоедать. Давай-ка кончать с ней.

— Поп-пробуй, — выдохнул Род.

Бром нагнулся вперед, его длинные руки заколотили, отбивая защиту Рода.

Он попытался схватить Рода за колено. Тот рубанул правой рукой, чтобы блокировать эту попытку, затем обхватил левой плечи Брома, пытаясь толкнуть его вперед, чтобы тот потерял равновесие, но руки карлика, казалось, снова опутали Роду горло.

Род выпрямился, пытаясь сбросить Брома, рубя ему ребрами ладоней по локтям — захват Брома только уплотнился. Бросив вперед весь свой вес, Род споткнулся и увидел надвигающийся на него пол.

Бром прыгнул мимо него, поймав по пути стопу Рода. Тот заплясал на каменном полу танец живота, но хлопнулся на предплечья и не дал голове удариться о камень.

Он попробовал было подняться, но кто-то привязал к его плечам мельничный жернов. Под его левой рукой проскользнула змея и прижалась к его шее.

Род попытался покатиться и разорвать этот полунельсон, но на его правом запястье сомкнулись клещи и сделали ему «гусиную лапку».

— Сдавайся, малыш, — прошептаал ему в ухо голос Брома. — Сдавайся, ибо теперь ты не сможешь избавиться от меня.

Он толкнул вывернутую руку Рода повыше, чтобы подчеркнуть сказанное. Род скрипнул зубами от боли.

— Каким-то образом он все же сумел подняться и попытался стряхнуть маленького человечка. Но ноги Брома сцепились вокруг его талии.

— Нет, — выдохнул сквозь зубы карлик. — Я же скавал тебе, что ты от меня не избавишься.

Род встряхнулся, но Бром вцепился, будто бульдог. С минуту Род прикидывал, а не упасть ли ему на спину и не раздавить ли под собой Брома. Крайне раздражало оказаться побитым человеком в одну треть твоего роста. Однако он быстро отбросил эту мысль: в этой схватке было много случаев, где Бром мог применить к Роду равно нечестные приемы.

Значит, Бром обладал сильным чувством честной игры, и будь Род проклят, если он окажется мельче, чем карлик.

— Не сдашься, приятель? — прокартавил в его ухо Бром, и Род ахнул, когда его правая рука попыталась коснуться шеи.

Затем Бром сильно нажал Роду на шею, вынуждая его подбородок опуститься до соприкосновения с ключицей. Род зашатался, накренился вперед и выбросил ногу, чтобы удержаться от падения. Мускулы его спины и шеи визжали от этой пытки; правая рука умоляла его сдаться. Его диафрагма сложилась пополам, упрямо отказываясь втянуть еще один глоток воздуха. Дыхательное горло скривилось в судороге, а легкие требовали воздуха.

В одно странное мгновение он заметил, что, похоже, совершенно неожиданно наступила ночь и, еще более странно, что звезды беспорядочно метались.

По его лицу плескала холодная вода. Между его губ ткнулось горлышко бутылки, казавшееся огромным, словно тележное колесо. Жидкость заструилась по его языку и дальше в живот, где она взорвалась огнем.

Он мотнул головой и заметил, что под спиной у него холодный камень. Ну-ка, что он, черт возьми, делает, пытаясь уснуть на каменном полу?

В голове у него звенели голоса. Он открыл глаза, увидел глядевшее на него круглое лицо с большими карими глазами, обрамленное лохматыми черными волосами.

Голова уплыла прочь, и вокруг него завертелись серые каменные блоки.

Род вздохнул, уставился на отблеск света от наконечника копья, и помещение медленно устоялось. В его ухе прогремел голос:

— Он — чудо, сэр Мэрис! Он заставил меня попотеть!

Массивная рука обняла голову и плечи Рода, подымая их с камня. В поле зрения вплыло великанское округлое лицо Большого Тома с озабоченно сведенными бровями.

— Вы целы, мастер?

Род крикнул что-то, махнул рукой и кивнул.

Затем тут очутилась та же лохматая голова с телом шимпанзе, и тяжелая от мускулов рука сжала его руку.

— Хорошо дрался, малыш, — прогрохотал Бром О'Берин. — Я не видел такой схватки с тех пор, как стал мужем.

Род стиснул руку карлика и попытался усмехнуться.

Затем над ним склонилось седобородое в шрамах лицо сэра Мэриса, его старческая ладонь сжала Роду предплечье, поднимая его на ноги.

— Брось, малыш, не вешай носа! Ибо теперь ты — ратник армии королевы!

— Армии королевы, — прогудел Бром, каким-то образом снова очутившийся на стропилах. Помещение задрожало от его смеха. — Нет, сэр Мэрис, на этого малыша претендую я! Ему быть личным телохранителем королевы!

— Нет, черт побери, Большой Том, отвяжись от меня с этой штукой!

— Но, мастер! — Том погнался за ним, протягивая панцирь. — Должны же вы надеть хоть какие-нибудь доспехи!

— Укажи мне хоть одну вескую причину, зачем, — проворчал Род.

— Да чтобы отбивать стрелы и мечи, мастер!

— Мечи я легко могу отбивать своим собственным. От стрел я могу уклониться. А против арбалетных стрел от него все равно толку ни черта. Нет, Большой Том! Он лишь мешает мне.

Дверь в караульную заскрипела на петлях и с грохотом захлопнулась. Бром О'Берин стоял, наблюдая за ними, уперев руки в бедра; одно его плечо окутывало серебряное мерцание.

— Как же это так, Род Гэллоутлас? Ты не станешь носить ливрею королевы?

— Я буду носить ливрею, если будешь и ты, пестрый ты манекен!

Карлик усмехнулся, сквозь дикие заросли бороды блеснули белые зубы.

— Задел, определенно задел! Но я не гвардеец, Род Гэллоуглас. Я — шут, а пестрое — ливрея шута. Брось, солдат, облачайся в свои цвета!

— О, я буду носить цвета королевы, не беспокойся. Фактически, я вообще равнодушен к пурпурно-серебря-

ному. Единственное, что я имею против ливреи — это то, что она ливрея, но я надена ее. Однако, черт возьми, Бром, я абсолютно отказываюсь иметь какое-либо отношение к этому карцеру, который вы называете доспехами!

Лицо карлика посерьезнело, он медленно кивнул, не сводя глаз с Рода.

— О да. Я так и думал, что ты тех же убеждений.

Серебристая ткань со звоном слетела с его плеч и шлепнулась на грудь Рода. Тот поймал ее, отстранил от себя, нахмурился.

— Ты наденешь кольчужную рубашку, Род Геллоуглас?

— Я бы скорее надел власяницу, — проворчал Род, но все же втиснулся в железную фуфайку. — Хорошо сидит.

Он проворчал и бросил на кольчужную рубашку гибельный взгляд, но грудь у него выпятилась, плечи распрямились почти так, словно он был на параде.

Его взгляд вонзился в Брома О'Берина.

— Как это так, Бром? Как понимать, что ты возжелал, чтобы мне сошло с рук отсутствие панциря? Ведь я буду без мундира, не так ли?

— Отнюдь, — пророкотал Бром. — Ибо доспехи скрыты под ливреей. И ты единственный человек в гвардии, который не пожелал нагрудного панциря.

Род искоса посмотрел на маленького человечка.

— Откуда ты знаешь, что я не захотел панциря?

Бром тихо хохотнул в бороду.

— Да я же дрался с тобой, Род Геллоуглас, и ты хорошо дрался со мной, на мой лад. — Улыбка его исчезла. — Нет ты надел бы доспехи не раньше, чем я.

Род нахмурился, изучая большое бородатое лицо.

— Ты еще не совсем доверяешь мне, не так ли?

Бром улыбнулся, натянуто, с гримасой.

— Род Геллоуглас, нет такого человека, которому я доверяю, и я смотрю с подозрением на любого гвардейца королевы, пока тот не отдаст свою жизнь, чтобы спасти ее.

Род кивнул.

— И сколько таких?

Глаза Брома прожгли его.

— Семь, — ответил он. — За последний год я стал доверять семерым гвардейцам.

Род дернул левой стороной рта в тяжелой улыбке.

Он поднял серебристо-белый камзол и натянул его.

— Так, значит, если ты действительно высокого мнения обо мне, то можешь позволить мне пробовать пищу королевы и проверять, не отравлена ли она.

— Нет, — проворчал Бром. — Это мое удовольствие, и только мое.

С минуту Род молчал, глядя в глаза коротышки.

— Ну, — произнес он и повернулся застегнуть пурпурный плащ. — Я замечаю, что ты еще жив.

Бром кивнул.

— Хотя несколько раз я был болен — всерьез болен, мой мальчик. Но я способен определить яд на вкус, мне не нужно дожидаться смерти для доказательства. — Он усмехнулся и, пройдя через помещение, хлопнул Рода по одетому в железо животу. — Не тужи, нет причины быть мрачным! Тебе придется сталкиваться всего лишь с мечами и, наверное, время от времени с арбалетами, так что будь бодр и весел.

— О, я просто дрожу от нетерпения, — пробурчал Род.

Бром повернулся кругом и направился к двери.

— А теперь — до палаты королевы! Идем, я покажу тебе твой пост. — Он обернулся, показав на Большого Тома. — Эй, там, ратник Том! Возвращайся к себе в казарму, твой мастер вызовет тебя, если ты понадобишься.

Том взглянул на Рода, испрашивая подтверждения. Род кивнул.

Бром со стуком распахнул дверь и вышел. Род покачал головой, улыбнулся и последовал за ним.

Палата Совета королевы была большой круглой комнатой, в которой стоял огромный круглый стол, двадцати футов в диаметре. На южной стороне, восточной и западной находились тяжелые двери, северную занимал зияющий камин, где потрескивал небольшой костер.

Стены были увешаны крикливыми гобеленами и богатыми мехами. Над камином висел огромный щит, украшенный королевским гербом. Потолок был сводчатым, почти куполообразным, и пересекался большими резными балками.

Стол был из полированного орехового дерева. Вокруг него сидели двенадцать Великих Лордов королевства: герцог Медичи, граф Романов, герцог Глостер, князь Борджиа, граф Маршалл, герцог Стюарт, герцог Бурбон, князь Габсбург, граф Тюдор, баронет Раддигор, герцог

Савойский и величественный старый седовласый герцог Логайр.

Все были тут, заметил Род, слушая, как герольд зачитывает их имена со свитка — все, кроме королевы, Катарины Плантагенет.

Рядом с каждым из Великих Лордов сидел тощий, жилистый, сморщенный человечек, старичок, у каждого было почти истощенное лицо с горящими голубыми глазами и несколькими прядями волос, гладко зачесанных по кожистому черепу. «Советники? — гадал Род. — Странно, что все они выглядят настолько схожими...»

Все сидели в массивных, изукрашенных резьбой креслах из темного дерева. Более крупное позолоченное кресло стояло пустым во главе стола.

Зарокотал барабан, заиграла труба, и лорды с советниками поднялись.

Огромные двойные створки восточной двери широко распахнулись, и в палату вошла Катарина.

Род стоял на посту у западной двери, у него был превосходный обзор.

Облако серебристых волос вокруг изящно изваянного недовольного лица; большие голубые глаза и розовые губы; стройное детское тело с набухающими грудями и красивыми бедрами под облегающим шелком, прижимаемым к ней еще туже широким ремнем пояса в виде буквы «У» от бедер до пола.

Она села в пустующее кресло, положив руки на подлокотники, жестко выпрямив спину, прислонившись к позолоченному дереву.

Бром О'Берин вскочил на табурет справа от нее. Прямо напротив королевы в западной точке стола сидел герцог Логайр. Его советник нагнулся поближе, что-то шепча. Герцог нетерпеливым жестом велел ему замолчать.

Бром О'Берин кивнул герольду.

— Великий Совет королевы открыт, — провозгласил герольд. — Высокие и великие страны Грамарий собрались. Пусть все среди них, кто добивается восстановления справедливости, подадут сейчас прошение королеве в присутствии равных себе.

Комната наполнилась молчанием.

Герцог Бурбон неловко зашевелился и откашлялся.

Голова Брома повернулась к нему:

— Милорд Бурбон, — прогрохотал он. — Вы будете обращаться к королеве?

Герцог медленно поднялся. Камзол его был украшен гербом с лилией, а волосы и усы были белокурыми.

— Ваше Величество. — Герцог степенно поклонился королеве. — И братья мои, лорды. — Он кивнул головой в сторону лордов, затем поднял подбородок, выпрямил плечи. — Я должен протестовать, — прорычал он.

Катарина наклонилась так, что производила впечатление смотрящей на высокого вельможу сверху вниз.

— Против чего вы должны протестовать, милорд?

Герцог Бурбон опустил взгляд на ореховую поверхность стола.

— Со времен наших предков, прибывших сюда из-за звезд, крестьяне были подданными своих лордов, а лорды были подданными Великих Лордов. Великие Лорды, в свою очередь, были подданными короля... королевы, — поправился он с легким поклоном Катарине.

Губы ее сжались в тугую тонкую строчку, но она проявила выдержку и пренебрегла этим фактом неуважения.

— Это, — резюмировал герцог, — естественный порядок человечества, дабы каждый человек был подданным человека выше его, дабы правосудие и порядок были заботой лорда; в пределах своего домена он есть и должен быть законом, подчиненным, конечно, королеве.

Снова вежливый кивок Катарине, и снова она стерпела неуважение, но руки ее крепко стиснули подлокотники кресла, так что побелели костяшки пальцев.

— И все же ныне Ваше Величество ниспровергает этот великий и длительный порядок и определяет нам судей, назначенных вами справлять правосудие в наших доменах, вопреки мудрости вашего отца, благородная королева, и его отца и всех ваших предков с начала рода вашего. Если мне позволительно говорить прямо, я нахожу это почти насмешкой над нашими предками, великими и благородными, и, говоря лично за себя, я не могу потерпеть этого вашего мужлана-подчиненного, который думает помыкать мною в моем собственном доме!

Он закончил речь почти криком, пылая побагровевшим лицом, обращенным к королеве.

— Вы все сказали? — спросила Катарина тоном, который она хранила в леднике именно для такого случая.

Герцог Бурбон медленно склонил голову:

— Да, — и сел.

Катарина на миг закрыла глаза, потом посмотрела на Брома О'Берина и едва заметно кивнула.

Бром встал.

— Кто-нибудь выскажется в поддержку милорда Бурбона?

Поднялся молодой человек с огненно-рыжими волосами.

— Я согласен со всем, что сказал милорд Бурбон. Более того, я добавлю, что королеве было бы не худо обдумать возможность продажности пазначенных ею судей; ибо человек, не имеющий ни земель, ни средств, ни родового имени, честь коего надо поддерживать, легко может поддасться искушению торговать своим правосудием.

— Если они сделают это, — отрезала Катарина, — то будут повешены на самой высокой виселице, и люди, которым они учинили несправедливость, послужат им палачами.

Она хранила молчание ровно три вздоха, сцепившись глазами с вельможей, затем Бром О'Берин прорычал:

— Выражаем нашу благодарность герцогу Савойскому.

Молодой человек поклонился и сел.

— Кто еще выскажется в пользу милордов Бурбона и Савойского?

Один за другим остальные десять лордов поддержали герцога Бурбона. Великий Совет королевы был единогласно против нее.

С миг Катарина держала глаза закрытыми, плотно сжав губы. Открыв их, она обвела стол пылающим взглядом.

— Я глубоко огорчена, милорды, находя всех вас столь сильно противящимися королевскому правосудию. — Она подарила им натянутую улыбку. — Благодарю вас за ваш честный совет. И все же я не отступлю от своего намерения, мои судьи останутся в ваших владениях.

Вельможи зашевелились в своих креслах, перешептываясь друг с другом низкими хриплыми голосами. Они, казалось, составляли одного большого, рычащего, потревоженного зверя.

Старый герцог Логайр медленно поднялся и тяжело оперся на стол.

— Моя королева, — прогромычал он. — Подумайте: даже короли могут ошибаться в суждениях, а вы еще молоды в делах государства. Известно, что много умов вместе могут обрести более ясное знание, чем один ум в одиночку, а здесь, с вами, собрались двенадцать человек из наиболее древних и достопочтенных родов, из семей, по-

седевших, занимаясь делами государства; старые люди из старых семей и, надо надеяться, умудренные грузом своих лет. Ужель вы будете настаивать на своем, когда столько человек столь уверены в том, что вы неправы?

Лицо Катарина стало бледным, почти пергаментно-белым. Глаза ее горели.

— Да, — спокойно ответила она.

Мгновение лорд Логайр смотрел ей в глаза, а затем медленно сел.

Катарина обвела взглядом окружающих, не жалея времени, чтобы заглянуть поглубже в глаза каждого. Затем, вздев подбородок, заявила:

— Мои судьи останутся в ваших владениях, милорды. Что же касается их возможной продажности, то вы найдете их почти святыми в пренебрежении к деньгам, винам и... удобствам. Их заботит лишь одно — только правосудие.

Она помолчала, давая время лордам осмыслить ее слова, и Род заметил, что среди Великих Лордов было несколько свекольно-красных лиц. Он догадался, что правосудие во владениях некоторых из них было совсем не таким праведным, как следовало бы.

Герцог Логайр не покраснел. Единственное чувство, которое его лицо выражало — горе.

— Однако все это дело с судьями второстепенно по сравнению с целью, ради которой я созвала вас сюда сегодня. — Катарина, улыбнулась с больше чем намеком на злость.

Головы вокруг стола вскинулись в тревоге. Бром О'Берин выглядел более потрясенным, чем все прочие. Катарина явно не проконсультировалась со своим Первым Советником, даже Бром преподнесли сюрприз.

Каждый лорд нагнул голову для быстрого, шепотом, совещания со своим советником; и выражение тревоги на их лицах, углубилось до мрачного гнева.

— В каждом из ваших владений, — начала Катарина, — есть монастырь. Вы привыкли назначать священников в свои приходы из своих собственных монастырей.

С минуту она глядела на стол, затем снова подняла голову.

— Здесь, в этом замке, я собираю лучших теологов из всех монастырей. Вы наберете из своих монахов молодых братьев, по одному на каждый ваш приход, и пошлете их сюда, ко мне, для обучения моими монахами. Если в каком-либо случае я не одобрю вашего выбора, я ото-

шлю их обратно к вам и потребую на их место других. Когда они закончат свое обучение и вступят в свой Орден, я верну их вам служить вашими приходскими священниками.

Лорды с грохотом вскочили, крича и жестикулируя, грохоча кулаками по столу.

Этот гам прервал голос Катарины:

— Хватит! Молчать!

Медленно, один за другим, Великие Лорды впадали в мрачное молчание и, пылая взорами, погружались в свои кресла, но лица советников, казалось, вспыхнули от подавляемой радости, глаза их горели, и на каждом лице играла улыбка, почти ухмылка.

— Я сказала, — произнесла Катарина с холодом в голосе. — Это будет сделано.

Поднялся, дрожа, старый лорд Логайр.

— Не будет ли Ваше Величество...

— Нет.

Бром О'Берин прочистил горло:

— Не разрешит ли Ваше Величество...

— Нет.'

В палате Совета воцарилось молчание. Катарина снова обвела взглядом лица лордов и их советников.

Затем, повернувшись налево, она склонила голову:

— Милорд Логайр.

Старый вельможа поклонился, крепко сжав челюсти под седой бородой, его кулак в красных пятнах пульсировал от едва сдерживаемого гнева.

Катарина встала. Огромные дубовые двери широко распахнулись. Гвардейцы выстроились впереди и позади нее. Она остановилась в дверях и обернулась.

— Подумайте, милорды, — посоветовала она. — И соглашайтесь, ибо вы не можете выстоять против меня.

Огромные двери хлопнулись за ней. В палате Совета разверзся ад крошечный.

Закончив дневное дежурство, Род ехал на Вексе обратно к постоялому двору с намерением перехватить немного сплетен и много пива. Большой Том остался дежурить в королевском замке с приказом держать уши открытыми для лакомых кусочков информации.

— Это простая преждевременная попытка централизации власти, — рассуждал вслух Род. — Катарина пытается объединить Грамарий под единым законом и одним правительством, вместо двенадцати почти независимых герцогств. Это дело с судьями преследует именно такую

цель и ничего более. Пять к десяти, что некоторые из этих лордов разыгрывают из себя богов в своих владениях, вынуждая половину женщин спать с ними и зажимая налогами всех и все, что им приходит в голову. Катарина — реформатор, вот и все; она пытается искорепить все зло, что может пайти, делая себя единственной правительницей в Грамарии — и у нее ничего не выйдет. Знать этого попросту не потерпит. Ей могло бы сойти с рук дело с судьями, но эта затея с попами наверняка вызовет мятеж. В такого рода обществах священник имеет больше влияния на народ, чем любые другие чиновники. Если она сделает их ответственными перед ней и только перед ней, она действительно вырвет у вельмож зубы, и они это знают. И они не сдадутся без боя.

— Пока что я с тобой согласен, — сказал робот. — Пока что это классическая картина, очень похожая на попытку английского короля Джона централизации власти в стране прежде, чем такой проект мог бы иметь успех.

— Да, — кивнул Род. — И мы можем надеяться, что подобно вельможам короля Джона Великие Лорды будут настаивать на Великой Хартии.

— Но...

Род припал вид мученического терпения.

— Что «но», Векс?

— Но есть чужеродный элемент: группа советников Великих Лордов. Группа, которая кажется очень сплоченной.

Род нахмурился.

— Ну да. Есть.

— И судя по тому, что ты мне рассказал о сцене после ухода Катарины...

— Иэх! — Род содрогнулся. — Выглядело так, словно она бросила им перчатку, а все герцоги вышли посмотреть, кому достанется честь поднять ее. Девочка, может, и знакома с элементарной политологией, но она наверняка совершенно не знакома с дипломатией! Она просто поощряет их драться с ней!

— Да, а советники очень умело подстрекали их — каждый советовал своему лорду не драться, потому что он слишком слаб... а потом говорили, что если он хочет драться, ему лучше вступить в союз с другими лордами, потому что каждый также слишком слаб, чтобы выстоять в одиночку. Опытное использование обратной пси-

хологии. Можно подумать, что советники затеяли полностью ликвидировать центральную власть.

— Да, — задумчиво произнес Род. — Это не совсем обычно в такого рода обществе, не так ли, Векс?

— Да, Род. Теория анархии обычно не возникает до тех пор, пока культура не достигнет более высокой степени развития.

Род пожевал губу.

— Может, постороннее влияние?

— Наверняка. И это приведет к народному тоталитаристскому движению: еще одной аномалии. Нет, Род, это не классическая картина.

— Да, черт возьми. Мы имеем три группы борющихся за власть: крестьян, герцогов с их советниками и королеву с верными ей подданными. В данный момент ее поддержка, кажется, ограничивается Бромом О'Берином.

— Тоталитаристы, анархисты и королева, — перечислил Векс. — А кого поддерживаешь ты, Род?

— Катарину, черт возьми! — усмехнулся Род. — Я затеял посадить семена демократии, а все выглядит так, словно единственный шанс этого добиться — это создать конституционную монархию.

— Я могу и ошибиться, — произнес Векс. — Но я счѣтаю, что ты в восторге, обнаружив, что должен поддерживать ее.

Несколько огней вокруг них померкли в вечерней мгле, стена тумана окутывала все в тридцати футах от них. Род ехал один через мир дыма, копыта Векса странно жутко цокали в гулком безмолвии.

Ночь разорвал протяжный крик, за которым последовал звон мечей.

— На помощь! На помощь! — кричал молодой голос.

Род замер с рукой на эфесе шпаги, затем вонзил каблуки в металлические бока Векса, и огромный черный конь поскакал к месту схватки.

В горловине переулка едва тлел сквозь туман факел. Там, в его дымчатом свете, один человек бился с тремя, стоя спиной к стене.

Род заревел и врвался прямо на коне в эту свалку.

Он закрутил вокруг себя плашмя шпагой, воя, словно индеец, учащий быть солдатом конфедерации. Он вырвал из-за спины кинжал, как раз вовремя, чтобы отразить удар рапиры слева. Его собственная шпага описала дугу над головой и лягнула о сталь, когда противник отбил удар.

Затем остальные острия принялись колоть его, словно жала. Род был вынужден перейти к обороне, отметая в сторону клинки.

Но тут намеченная жертва испустила вопль, которого не постыдился бы и баньши, и напала с тылу.

Сразу же три шпаги отпали, а их владельцы поспешили скрыться в переулке. С миг Род сидел ошеломленный, затем заорал, и Векс поскакал вдогонку за убегающими фигурами.

Но они уже добрались до темноты в конце переулка, и когда Род было уж настиг их, камни были пусты. Это был тупик — они исчезли в одну из затемненных, дурно пахнущих дверей.

Их несостоявшаяся жертва подбежала сзади, оглядываясь кругом и тяжело дыша.

— Ушли, и бесполезно их искать. Они будут в пяти лигах отсюда через столько же минут.

Род выругался и со стуком бросил шпагу в ножны. Он вздрогнул и крайне осторожно коснулся предплечья, одна из рапир порезала ему камзол и посекла кожу.

Он повернулся к незнакомцу:

— У вас все цело?

Молодой человек кивнул, пряча шпагу в ножны.

На Рода смотрело открытое, курносое голубоглазое лицо со сверкающей сквозь туман усмешкой. Скулы были широкие, а глаза — большие и с выражением невинности. Белокурые волосы были подстрижены «под горшок». Это было молодое, неопытное, очень красивое лицо. Род почувствовал прилив пегодования.

Он спрыгнул с коня. Макушка головы незнакомца была примерно на уровне глаз Рода, но что у мальчика недоставало в росте, компенсировалось сложением. Бочкообразная грудь переходила в бычьи плечи — на добрых шесть дюймов шире, чем у Рода. Руки выглядели бы более уместными у медведя или гориллы, а ноги были слишком маленькими стволами деревьев, вогнанными в узкие бедра.

Он носил кожаный колет поверх белой рубахи, широкий черный пояс, рейтузы и высокие мягкие сапоги.

Он нахмурился, увидев кровь на рукаве Рода.

— Вы ранены?

— Царапинка, — презрительно фыркнул Род и напирал в седельной сумке Векса антисептический бинт. Он перевязал бинтом предплечье, бросив юноше твердую усмешку.

— Вы, однако, можете оплатить счет портному.

Парень кивнул, глаза его посерьезнели.

— Это я с радостью, ибо они вырезали бы мне сердце, не подоспей вы вовремя на помощь. Туан Макриди у вас в долгу.

Род осмотрел его с ног до головы, медленно кивая. Хороший паренек, подумал он.

— Род Гэллоуглас к вашим услугам, — протянул он руку. — И никаких долгов. Всегда рад помочь одному против троих.

— А, но долг все же есть! — не согласился парень, стискивая руку Рода захватом, напоминающим тиски. — Вы должны, по крайней мере, позволить мне купить вам кружку эля!

— Почему бы и нет? — пожал плечами Род. — Все равно я сейчас как раз направляюсь в таверну, идем со мною!

К его удивлению Туан заколебался.

— С вашего позволения, дорогой мастер Гэллоуглас... в этом городе есть только один дом, где я желанный гость. Все прочие давно знают мой обычай, и... — округлое лицо вдруг расколола усмешка, — ...мой образ жизни не доставляет удовольствия мирным и добропорядочным.

Род кивнул и состроил гримасу.

— *Post iocundum iuventutem* *. Ну, я полагаю, один трактир ничуть не хуже другого.

Дорога к Туанову трактиру нисколько не шла к его внешности юноши из хорошей семьи. Они прошли два темных переулка, протиснулись через брешь в кирпичной стене и вышли на широкий освещенный лунным светом двор, бывший в свое время элегантным. Время это, должно быть, приходилось на век-другой назад. В центре потрескавшихся плит булькали остатки фонтана, благоухая вонью примитивного водопровода. Сорняки, сами в состоянии страшной нищеты, всюду лезли из всех трещин. Кирпич стен потрескался и покололся, известка крошилась. У стен и по углам лежали кучи мусора со случайными горстками отбросов то тут, то там.

Сам постоянный двор был шелудивым гранитным блоком с полуразрушенным карнизом. Нависающий второй этаж подпирался грубо обтесанными бревнами, которым из-за ветхости, обязанной их возрасту, нельзя было доверять. Окна были забиты досками, потрескавшимися, за-

* После юности прекрасной (лат.) — строка из «Гаудеамуса».

плесневелыми и пораженными грибом. Массивная дубовая дверь была единственным здоровым куском дерева в поле зрения, но даже и она осела.

— А здесь твое поведение терпят? — спросил Род, осматривая запущенный двор, когда Туан постучал по двери рукояткой кинжала.

— Да, терпят, — ответил Туан. — Хотя даже их гостеприимство иногда вымученное.

Род почувствовал холодок меж лопаток и гадал, на какого же именно юношу со скромными манерами он наткнулся.

Туан снова постучал. Род думал, чего он ждет в ответ, сквозь осевшие доски окна не выскальзывало ни малейшего проблеска света. Судя по его виду, дом был совершенно пуст.

Но дверь начала двигаться и застонала, доказывая, что она собирается забастовать, требуя смазки, до тех пор пока не открылась ровно настолько, чтобы пропустить двух человек.

— Твой трактирщик, — весело представил Туан. — Пересмешник.

Искривленная, горбатая, иссохшая пародия на человеческое существо выглянула из-за двери, издавая горловые глотательные звуки. Одно ухо представляло собой что-то типа цветной капусты, а другое отсутствовало; по пораженному паршой черепу было раскидано несколько прядей маслянистых волос. Нос картошкой, рот — щель в массе бородавок, глаза — злорадные блестящие белки. Она, эта пародия, была одета в коллекцию лохмотьев и заплат, которые некогда могли претендовать на звание камзола и рейтузов, неуклюже висевших на фигуре чучела.

Троль шмыгнул в дурно пахнущую тьму своего логова. Туан широким шагом последовал за ним. Род сделал глубокий вдох, расправил плечи и оглянулся через плечо, удостоверившись, что Векс все еще стоит там, у фонтана, опустив голову в хорошей имитации пасущейся лошади. На миг Род позавидовал способности робота отключать свои обонятельные рецепторы.

Затем, подняв подбородок, он последовал за Туаном в трактир. Дверь со скрипом закрылась за ними; раздался шуршащий звук, когда Пересмешник побежал впереди них открывать следующую дверь.

Эта открылась легко, хлопнув о стену и затопив их

вспышкой факельного света и взрывами хриплого буйного смеха. Род выпучил глаза.

Они прошли через дверь, и Род огляделся. Это был большой пивной зал с четырьмя ревущими открытыми очагами и десятками факелов, вонзнутых в стены.

Над очагами висело жарящееся мясо, слуги просачивались сквозь толпу с кружками для эля и вина, наполняемыми из двух огромных истекающих бочек, господствующих на противоположной стороне зала.

Клиентурой были подонки города. Их одежда была грязной, латаной и кем-то выброшенной. Тела их носили следы примитивного правосудия: у этого не хватало уха, у того — глаза. Лица их были искажены и отмечены болезнями. И все же здесь, в своем собственном логове, они весело ржали; все как один ухмылялись, хотя в их глазах блеснула злоба, когда они увидели Рода.

Но злоба растаяла, преобразившись во что-то почти похожее на преклонение, едва они заметили юного Туана.

— Говорят, — и парень ухмыльнулся, — что нет чести среди воров, но здесь, среди нищих Грамария, есть, по крайней мере, родство. Добро пожаловать, Род Гэллоглас, в Дом Хлодвига.

Волосы у Рода на голове встали дыбом. Он вспомнил толпу, виденную им ночью ранее в порту.

Глаза его расширились, он уставился на Туана. Он не мог быть. Не мог.

Однако ж он смог. Да, смог.

Туан Макриди был демагогом, подстрекавшим толпу к походу на замок.

Этот краснощекий здоровый юноша был первой крысой в местной клоаке.

Толпа разразилась грубым, веселым гамом, приветствуя своего Галахада. Туан ухмыльнулся и помахал рукой. От воротника ко лбу поползла легкая краска. Он казался почти смущенным таким приемом.

Он провел Рода в темный угол в дальней части зала. Он не сказал ни слова Пересмешнику, но две курящиеся кружки подогретого вина со специями стукнулись о стол чуть ли не сразу, как они сели. Хозяин удрал, не получив платы.

Род следил за его уходом, цинично подняв бровь. Он повернулся к Туану.

— Вы здесь не пользуетесь деньгами?

— Нет, — улыбнулся Туан. — Все приходящие в Дом Хлодвига приносят те немногие деньги, какие у них

есть. Их складывают в общую копилку, а мясо и вино выдают всем по потребности.

— И место для сна, я полагаю?

— Да, и одежду. Это бедный стол, по меркам дворянина, но огромное богатство для этих моих нищих собратьев.

Род изучил лицо Туана и решил, что парень мог не шутить, когда сказал «собратьев».

Он откинулся на спинку стула и скрестил ноги.

— Ты бы назвал себя религиозным человеком?

— Я? — Туан попытался придушить смех и почти преуспел в этом. — О нет! Должен бы быть, но меня не видели в церкви трижды двенадцать воскресений, а то и больше!

Значит, решил Род, его мотивы помощи бедным, вероятно, были не слишком лицемерными, какими бы они ни могли оказаться.

Он посмотрел в свою кружку.

— Так ты кормишь и одеваешь этих людей на принесенные ими гроши, да?

— Нет, это только начало. Но со столь веским серьезным доказательством наших добрых намерений наша благородная королева нашла нас заслуживающими средств к существованию.

Род уставился на него.

— Ты имеешь в виду, что королева выкладывает вашей компании на вспомоществование?

Туан озорно усмехнулся.

— Да, хотя она и не знает, кому помогает. Она не знает Дом Хлодвига по имени, знает только, что дает доброму старому Брому О'Берину деньги, чтобы позаботиться о бедняках.

— А Бром дает их вам.

— Да, а он, со своей стороны, благодарен, что стало меньше краж и убийств в темных переулках.

Род кивнул.

— Очень хитро. И все это дело — твоя идея, верно?

— О нет! Это придумал Пересмешник, но его никто бы и слушать не стал.

Род уставился на него.

— Пересмешник? Ты хочешь сказать, что этот вывернутый беглец из передачи после полуночи — босс этой операции?

Туан нахмурился, покачав головой.

— Люди не последуют за ним, друг Гэллоуглас, в

нем нет ничего авторитетного. Он — трактирщик, держит постоянный двор, выдает в помощь нужное им добро — слуга и только слуга, но хороший. Ты найдешь его более умным чиновником, чем любого другого — да, даже Лорда — Казначей королевы.

— Понятно, только слуга.

«Но также и человек, который держит бумажник, — мысленно добавил Род. — И мозги компании, к тому же. Туан, может и знает, как заставить людей делать то, что он хочет, но знает ли он, чего он хочет?»

Да, конечно, знает. Разве Пересмешник не сказал ему? Что делает Пересмешника местным политэкономом и, вероятно, составителем речей Туана».

Род откинулся на спинку стула, потирая подбородок.

— И тебе удастся держать их в этой декадентской роскоши только на приносимую нищими милостыню? Плюс, конечно, шиллинги королевы?

Туан застенчиво улыбнулся и, кивнув, нагнулся вперед.

— Это не так-то легко сделать, Род Гэллоуглас. Эти нищие терпеть не могут, чтобы им указывали. Утомительный это труд — упрощать, угрожать, улещивать; человек изматывается от этого. И все же им вполне стоит заниматься.

Род кивнул.

— Для этого требуется человек без ложной гордости, и с еще меньшей долей ложного стыда, и такой, который может заглянуть в сердце своего собрата.

Туан покраснел.

— Такой человек, — заметил Род, — мог бы сделаться королем нищих.

Но Туан покачал головой, закрыв глаза.

— Нет, здесь нет короля, друг Гэллоуглас. Хозяин дома, наверно, но ничего более.

— Разве ты не хочешь быть королем?

Плечи Туана затряслись от смеха.

— Нищие об этом и слушать не станут!

— Я спрашиваю не об этом.

Глаза Туана сцепились с глазами Рода, улыбка сползла с мальчишеского лица. Затем Туан уловил смысл слов Рода, и его глаза посуровели.

— Нет! — выплюнул он. — Я не алчу трона.

— Тогда зачем же ты пытаешься повести нищих против королевы? — сделал выпад Род.

Лицо Туана снова осветилось улыбкой; он откинулся на спинку стула, выглядя очень довольным собой.

— А, ты знаешь о моем замысле! Тогда можно мне напрямик спросить тебя, друг Род, ты присоединишься к нам, когда мы пойдем на замок?

Род почувствовал, что его лицо застывает как гипс, глаза его снова встретились с глазами Туана, голос был очень спокоен:

— Почему я?

— Нам понадобится как можно больше друзей в гвардии королевы.

— У вас и так уже, должно быть, их там немало, — пробурчал Род. — Если вы уже знаете, что я сегодня вступил в гвардию.

Улыбка Туана расширилась, веки опустились.

Случайный факт со щелчком стал на место в голове Рода.

— Если бы я искал в этом зале, — осторожно произнес он, — то нашел бы трех человек, которые напали на тебя сегодня?

Туан кивнул, глаза его бегали.

— Подстроено, — кивнул вместе с ним Род. — Небольшой спектакль, устроенный только ради меня и с единственной целью заманить меня сюда для вербовочной лекции. Ты-таки знаешь, как управлять людьми, Туан Макриди.

Туан покраснел и опустил глаза.

— Но что, если я не хочу присоединиться к вам, Туан Макриди? Покину ли я живым Дом Хлодвига этой ночью?

Туан поднял голову, вонзив взгляд в Рода.

— Только, — ответил он, — если ты превосходный фехтовальщик и чародей с головы до пят.

Род медленно кивнул, в голове у него вихрем пронеслись события последних двух дней. На миг у него возникло искушение присоединиться, он, несомненно, смог бы пробраться на трон после революции.

Но нет, то, что сказал Туан, было правдой. Чтобы управляться с нищими, требовался человек с врожденным даром массового гипноза. Род мог занять трон, но нищие — Пересмешник, и кто бы ни стоял за ним — не позволят ему сохранить его.

Нет, структура власти должна оставаться такой, какая есть: конституционная монархия была единственной надеждой на демократию для этой планеты.

И потом, к тому же, была еще и Катарина...

Мысли Рода стала резать диссонансная нота в партитуре событий. Он, вероятно, втюрился в Катарину — она была Мечтой.

Но Туан поправился ему с первого взгляда. Как они могли оба ему нравиться, если они действительно работали друг против друга?

Конечно, честное обаяние Туана могло быть игрой, но Род как-то сомневался в этом.

Нет. Если Туан действительно жаждал тропы, он мог бы поухаживать за Катариной и он мог завоевать ее сердце — в этом Род ничуть не сомневался.

Так, значит, Туан поддерживал королеву. Как он вычислил, что его демагогия может помочь ей, Род определить не мог, но это имело какой-то смысл, раз Туан считал, будто он добьется именно этого.

Тогда зачем же такой тщательный розыгрыш, чтобы заполучить Рода в Дом Хлодвига?

Чтобы испытать его, конечно, чтобы выяснить, можно ли доверять ему быть рядом с королевой.

Что имело смысл, если паренек имел дело с Бромом О'Берином. Это было бы как раз похоже на Брома — попытаться разжечь народную поддержку королеве именно таким образом. Но зачем тогда пропаганда похода на замки?

У Туана, наверное, был на это ответ, и если уж речь зашла об ответах, Роду было самое время дать таковой.

Он бросил Туану недобрую усмешку и поднялся, положив руку на шпагу.

— Нет, спасибо. Я рискну попробовать свои шансы в фехтовании и колдовстве.

Глаза Туана вспыхнули радостью, он схватил Рода за руку.

— Хорошо сказано, друг Гэллоуглас! Я надеялся, что ты так и ответишь. А теперь сядь и выслушай правду о моем замысле.

Род стянул его руку.

— Вынимай шпагу, — произнес он сквозь зубы.

— Нет, нет! Я не обнажу шпаги против друга. Я низко обманул тебя, но ты не должен гневаться. То было для благой цели. Но сядь, и я расскажу тебе.

— Я слышал все, что хотел. — Род начал было вынимать шпагу.

Туан снова схватил Рода за предплечье, и на этот раз его руку было не стянуть. Род посмотрел в глаза Туа-

ну, сжав челюсти и напрягая мускулы руки, но медленно и неуклонно его шпагу вынуждали убраться обратно в ножны.

— Сядь, — сказал Туан и вынудил Рода опуститься обратно на стул столь же легко, словно Род был ребенком. — А теперь выслушай мой замысел. — Туан выпустил руку Рода и улыбнулся столь же тепло, словно ничего не случилось. — Королева дает нам деньги, и нищие знают, что она это делает, но принятие подарков вызывает в принимающем лишь горячий гнев. Если мы хотим завоевать друзей для королевы, мы должны найти способ превратить этот гнев в благодарность.

Род мрачно кивнул.

— Таким образом, мы должны превратить шиллинги королевы во что-то иное, чем подарки.

— И ты нашел способ сделать это.

— Не я, — признался Туан, — но Пересмешник. «Когда подарок не подарок? — загадал он мне загадку и сам ответил: — Да когда это право».

Туан откинулся на спинку стула, разведя руки в стороны.

— И вот как это будет столь легко сделано. Нищие отправятся к замку и покричат королеве, что она должна дать им хлеб и вино, ибо это их право. А она даст им их, и они будут ей благодарны.

Род улыбнулся, потирая подбородок.

— Очень хитро, — кивнул он. Но про себя добавил:

«Если это сработает. Но этого не будет — люди, у которых есть деньги, любят отдавать их на благотворительность, но они не дадут ни гроша, если скажешь им, что они обязаны это сделать. А сколь благодарны будут нищие, когда она им откажет и позовет армию выгнать их взащей?»

И даже если она уступит их требованиям, что тогда? Что насчет чувства силы, которое это придаст им? Нищие, вынуждающие королеву поделиться! Они не останутся на хлебе и мясе, нет, они вернутся через неделю с новыми требованиями, с Туаном или без него.

О да, это очень хитрый план, и Туана прекрасно засосало в него. Пересмешник не может проиграть, и точно так же не могут стоящие за ним инопланетные тоталитаристы».

Но Туан худого не желал. Намерения у него были самые благие. Он был немного слабават в политической теории, но намерения у него были прекрасные.

Род поднял кружку для приличного глотка, затем устоялся в нее, следя за коловращением подогретого вина.

— И все же некоторые говорят, что Дом Хлодвигастащит Катарину с трона.

— Нет, нет! — ответил шокированный Туан. — Я люблю королеву!

Род изучил искреннее, открытое лицо парня и сделал собственную интерпретацию данного заявления.

Он снова посмотрел в кружку.

— Так же, как и я, — сказал он с куда большей правдивостью, чем ему понравилось бы. — Но даже при этом я вынужден признать, что она, скажем... действует не совсем мудро...

Туан испустил тяжелый вздох и стиснул руки.

— Это верно, ох, как верно. У нее такие хорошие намерения, но она так плохо их проводит.

«На себя лучше посмотри, философ», — подумалось Роду. Вслух же он сказал:

— Это как же так?

Туан печально улыбнулся.

— Она хочет в один день исправить то, что ее праотцы натворили за века. Много зла есть в нашем королевстве, это я охотно признаю. Но кучу навоза не убрать одним взмахом лопаты.

— Верно, — признал Род. — Да и селитра под ним может оказаться взрывоопасной.

— Великие Лорды не видят, что она изгоняет дьявола, — продолжал Туан. — Они видят только то, что она хочет наполнить эту страну одним голосом, только одним — своим собственным.

— Ну. — Род поднял кружку с мрачным от неизбежности лицом. — Выпьем за нее, будем надеяться, что у нее это выйдет.

— И ты думаешь, что это возможно, — произнес Туан. — Ты — еще больший дурак, чем я, а я известен далеко и широко как самый исключительный дурак.

Род опустил кружку, не пригубив.

— Ты говоришь из общего убеждения или у тебя на уме что-то особое?

Туан свел указательные пальцы вместе.

— Трон покоится на двух ножках: *primo*, знать, которую оскорбляет все новое, и таким образом враждебная королеве.

— Спасибо, — поблагодарил Род с горькой улыбкой, — за открытие этой тайны.

— Предоставленные самим себе, — невозмутимо продолжал Туан, — вельможи могли бы и стерпеть ее ради любви к ее отцу, но есть советники.

— Да. — Род зажал нижнюю губу меж зубов. — Я так понимаю, что лорды делают все, что там ни скажут их советники?

— Или то, что они говорят, лордам не делать, что приводит к тем же результатам. А советники говорят одним голосом — Дюрера.

— Дюрера? — нахмурился Род. — Кто он?

— Советник млорда Логайра. — Рот Туана горько скривился. — Он обладает некоторым влиянием на Логайра, что просто чудо, ибо Логайр самый упрямый человек. Таким образом, пока жив Логайр, Катарина может устоять. Но когда Логайр умрет, Катарина падет, ибо наследник Логайра ненавидит королеву.

— Наследник? — поднял брови Род. — У Логайра есть сын?

— Двое, — ответил Туан с натянутой улыбкой. — Младший — дурак, который любит своего злейшего врага, а старший — горячая голова, который любит лезть Дюрера. А посему — что скажет Дюрер, то Ансельм Логайр сделает.

Род поднял кружку.

— Давай пожелаем Логайру долгой жизни.

— Да, — пылко согласился Туан. — Ибо Ансельм давно затаил обиду на королеву.

Род нахмурился.

— Какую обиду?

— Не знаю. — Лицо Туана обмякло, пока он не стал похож на гонимого пса, страдающего от свиста. — Не знаю.

Рот откинулся на стуле, положив руку на эфес шпаги.

— Значит, и он и Дюрер одинаково хотят падения королевы. А другие Великие Лорды последуют за ними — если умрет старый лорд Логайр. Вот и все в пользу одной ножки трона. Что же с другой?

— Secundo, — произнес Туан с салютом малолетнего бойскаута, — народ: крестьянство, ремесленники и купцы. Они любят ее за это новообретенное облегчение их забот, но они ее страшатся из-за ведьм и колдунов.

— Ах. Да. Э-э-э... ведьм и колдунов. — Род нахмурился, сумев выглядеть внимательным, остроглазым и компетентным, в то время как в мозгу у него все крутилось: *ведьмы, как политический фактор?*

— ...веками, — говорил между тем Туан, — ведьм и колдунов предавали пыткам, пока они не отрекались от дьявола, или подвергали испытанию водой, или, потерпев неудачу во всем остальном, сжигали на костре.

На миг Род испытал укол сочувствия к поколениям эсперов.

— Но теперь королева укрывает их, и некоторые говорят, что она сама ведьма.

Род сумел стряхнуть мысленный туман на достаточ-но долгий срок, чтобы прохрипеть:

— Как я понимаю, это не совсем вдохновляет народ с неослабевающим рвением сражаться за королеву и ее дело.

Туан закусил губу.

— Давай скажем так, что люди не уверены.

— Чертовски напуганы, — перевел Род. — Но я замечаю, чтобы ты не включил нищих в состав народа.

Туан покачал головой.

— Нет, они в стороне, на них косо смотрят и плюют все. И все же из этого источенного дерева я надеюсь вытесать третью ножку для трона королевы.

Род переварил эти слова, изучая лицо Туана.

Он откинулся на стуле, подняв кружку.

— Ты, может, как раз то, что нужно королеве, вот. — Он выпил. Опуская кружку, он сказал: — Я полагаю, что советники делают все от них зависящее, чтобы углубить этот страх народа?

Туан покачал головой, озадаченно поморщив лоб.

— Нет, они не делают ничего подобного, можно почти подумать, будто они и не ведают, что народ жив. — Он нахмурился, глядя в свою кружку, омывая вином внутренние стенки. — И все же мало нужды говорить народу, чего он должен страшиться.

— Он и так это слишком хорошо знает?

— Да, ибо люди видели, что все ведьмы и колдуны не могут отвалить баньши от ее замка.

Род озадаченно нахмурился.

— Ну и пусть себе протопчет борозду, если ему охота! Он же не причиняет никакого вреда, не так ли?

Удивленный Туан поднял взгляд:

— Разве ты не ведаешь значения баньши, Род Гэлло-углас?

Желудок у Рода сжался, нет ничего хуже демонстрации своего неведения о местных легендах, когда ты пытаешься быть неприметным.

— Когда на крыше появляется баньши, — растолковал Туан, — кто-то в доме умрет. И каждый раз, когда баньши гулял по стене, Катарина была на волосок от смерти.

— Вот как? — поднял бровь Род. — Кинжал? Упавшая черепица? Яд?

— Яд.

Род откинулся на стуле, потирая подбородок.

— Яд — оружие аристократа, бедный не может его себе позволить. Кто же среди Великих Лордов так сильно ненавидит Катарину?

— Да никто, — в шоке уставился на него Туан. — Среди них нет ни одного, кто унизился бы до яда, Род Гэллоуглас. Он стал бы лишенным чести.

— Честь здесь еще считается за что-то, да? — Видя оскорбленное выражение на лице Туана, Род поспешил продолжить. — Это отбрасывает вельмож, но фокусничает кто-то с их стороны. Не советники ли это, а?

В глазах Туана появились понимание и сдержанный гнев. Он кивнул.

— Но чего они достигнут ее смертью? — нахмурился Род. — Если один из них не хочет короновать своего лорда и стать королевским советником...

Туан кивнул.

— Возможно, все они этого желают, друг Гэллоуглас.

У Рода возникло неожиданное видение — карта Грамария, разорванного на двенадцать частей — малых королевств, постоянно воюющих друг с другом, каждое управляемое своим властителем, которым правит его советник. Японская узурпация, человек, стоящий за тронном, и анархия.

Анархия.

В Грамарии действовала внешняя сила, работали агенты с более высокой технологией и изощренной политической философией. Великие вельможи постепенно разделялись, а народ посредством Дома Хлодвиг восставал против знати. Двенадцать мелких королевств расколются на воюющие графства, а графства на приходы, и так далее, пока не возобладает всеобщая анархия.

Этой внешней силой, заботливо организующей состояние анархии, были советники. Но почему?

«Почему» это могло и подождать. Сейчас важно было то, что плелся какой-то тайный заговор, и источник его был рядом с лордом Логайром, и звали его Дюрер.

И его главной целью была смерть Катарины.

Замок, когда Род ехал обратно, обрисовался черным на фоне неба, и подъемный мост и опускаемая решетка были залиты светом факелов. Копыта Векса глухо застучали по подъемному мосту. Тень отделилась от полного мрака под аркой ворот — тень, что протянула руку и зажала голень Рода в тиски.

— Стой, Род Гэллоуглас!

Род опустил взгляд, и, улыбнувшись, кивнул.

— Рад встрече, Бром О'Берин.

— Возможно, — ответил карлик, окидывая взглядом лицо Рода. — Ты должен предстать перед королевой за это ночное дело, Род Гэллоуглас.

Когда они шли в палату аудиенций королевы, Род все еще гадал, откуда Бром мог узнать, где он был. У Брома, конечно, был шпион в Дбме Хлодвига, но как сообщение могло столь быстро дойти до Брома?

Дверь была массивная, дубовая, обшитая железом и задрапированная бархатом, зелено-золотым, Дома королевы. Бром пробежался тренированным взглядом по двум часовым, проверяя, вся ли кожа надраена и весь ли металл сверкает.

Род подарил им кивок — их лица остались деревянными. Не находится ли он под подозрением в государственной измене?

Увидев Брома, один из гвардейцев постучал по двери тыльной стороной ладони. Три медленных тяжелых стука, затем широко распахнулась дверь. Род последовал за Бромом в помещение. Дверь за ними со стуком закрылась.

Помещение было маленьким, но с высоким потолком, обшитым панелями из темного дерева и освещаемым только четырьмя большими свечами, стоящими на одетом в бархат столе в центре комнаты, и слабым огнем в кафельном очаге. Противоположную стену комнаты занимал огромный книжный шкаф.

По обеим сторонам очага стояли два тяжелых резных кресла, еще два были придвинуты к столу. В одном из них сидела Катарина, склонив голову над большой старинной книгой в кожаном переплете. Рядом с ней лежали открытыми еще пять-шесть. Ее белокурые волосы свободно спадали на плечи, контрастируя с темно-коричневым платьем.

Она подняла голову, ее глаза встретились с глазами Рода.

— Добро пожаловать. — Ее голос был мягким, чуть хрипловатым контральто, столь отличным от резкого сопрано в палате Совета, что Род на мгновение потерялся в догадках, может ли это быть та же самая женщина.

Но глаза были настороженными, надменными. Это была Катарина, что и говорить.

Однако тяжелая корона лежала на столе рядом с ней, и женщина казалась несколько ниже.

— Был в Доме Хлодвига? — требовательно спросила она. Ее глаза словно вручили повестку в суд.

Род обнажил зубы в насмешливой улыбке и склонил голову в кивке.

— Все именно так, как вы говорили, моя королева. — В голосе Брома звучали мрачные обертоны. — Хотя как вы узнали...

— ...не твое дело, Бром О'Берин. — Она бросила на карлика грозный взгляд, Бром мягко улыбнулся и склонил голову.

— Как? — фыркнул Род. — Да от шпионов, конечно. Великолепная разведслужба, раз столь быстро доставила ей сообщение.

— Нет, — нахмурился Бром озадаченно. — Наши шпионы достаточно немногочисленны, ибо в сей темный век верность встречается редко, и мы совсем не держим шпионов в Доме Хлодвига.

— Никаких шпионов, — согласилась Катарина. — И все же я знаю, что ты перемолвился словом, в сей день с Туаном, королем нищих. — Голос ее смягчился, взгляд стал почти нежен, когда она посмотрела на карлика. — Бром?..

Карлик улыбнулся, склонив голову, и повернулся к двери. Он стукнул по дереву ладонью. Дверь распахнулась; Бром обернулся — одной ногой на пороге — пронзил Рода недобрый взглядом из-под опущенных бровей, затем дверь за ним захлопнулась.

Катарина поднялась и скользнула к очагу. Она стояла, уставясь на пламя, сцепив руки на талии. Плечи ее опустились, и на мгновение она стала похожей на маленькую и всеми покинутую девочку — и такой прекрасной в свете очага, струящемся словно туман вокруг ее лица и плеч, что у Рода на старый знакомый лад перехватило горло.

Затем ее плечи выпрямились, а голова резко повернулась к нему.

— Ты не то, чем кажешься, Род Гэллоуглас.

Род потерял дар речи.

Рука Катаринны блуждала по шее, играя с медальоном.

Род прочистил горло, чуть нервозно.

— Вот надо же, я — обыкновенный простой солдат без герба на щите, просто выполняющий свой приказ и получающий свое жалование, и меня три раза за тридцать часов обвинили в том, что я являюсь чем-то таинственным.

— Тогда я должна думать, что это правда. — Род Катаринны скривился в насмешливой улыбке.

Она села в одно из больших дубовых кресел, крепко сжав подлокотники, и несколько минут изучала Рода.

— Кто ты, Род Гэллоуглас?

Род развел руками, пытаясь принять вид оскорбленной невинности.

— Щит без герба, моя королева! Солдат удачи, не более!

— «Не более», — передразнила Катарина со злостью в голосе. — Какое у тебя ремесло, Род Гэллоуглас?

Род нахмурился, начиная чувствовать себя грызуном в игре в кошки-мышки.

— Солдат, моя королева.

— Это твоё развлечение, — сказала она, — твоё удовольствие и твоя игра. А теперь скажи мне о своём ремесле.

Эта жепщица была: а) жуткой и б) сукой, решил Род. Беда в том, что она была прекрасной сукой, а к ним Род питал слабость.

Мозг его усиленно работал; он отбросил несколько вымыслов и выбрал наиболее очевидный и, главное, правдоподобный.

— Мое ремесло — сохранять жизнь Вашего Величества.

— В самом деле! — Катарина глазами смеялась над ним. — И кто же обучил тебя этому ремеслу? Кто же столь верен, что прислал мне тебя?

Неожиданно Род вдруг увидел сквозь эту насмешливость и воинственность, что все это было маской, щитом, за которым скрывалась очень испуганная, очень одинокая девочка, та, которая хотела иметь кого-то, кому можно довериться, жаждавшая кому-то довериться. Но слишком много было предательств; она больше не могла позволить себе доверять.

Он посмотрел ей в глаза, посылая ей свой самый мягкий, самый искренний взгляд, и сказал в своей лучшей психоапатической манере.

— Я не пазываю господином ни одного человека, моя королева. Я сам прислал себя из любви к королеве Катарине и преданности стране Грамарий.

В ее глазах промелькнуло что-то отчаянное, ее руки стиснули подлокотники кресла.

— Любви, — прошептала она. Затем в ее взгляд снова вернулась насмешливость. — Да, любви — к королеве Катарине. — Она отвернулась, глядя на огонь. — Может, это и так. Но я думаю, что ты самый истинный друг, хотя почему я так считаю, не могу сказать.

— О, вы можете быть уверены, что я таков! — улыбнулся Род. — Вы знали, что я был в Доме Хлодвига, хотя не хотите сказать, откуда, и вы в этом правы.

— Молчать! — оборвала она. Затем ее глаза медленно заполнили его. — И какие же дела привели тебя этой ночью в Дом Хлодвига?

«Мысли она, что ли, читает?»

Род почесал челюсть, микрофон в ней уловил звук...

— В моей голове, К Стыду моему, имеется некоторое сомнение, — сказал он. — Как вы узнали, что я был в Доме Хлодвига?

«Здесь, Род», — откликнулся голос у него за ухом.

Катарина бросила на него взгляд, в котором явно сквозило презрение.

— Да я же знала, что ты говорил с Туаном Логайром. Так где же ты мог быть, как не в Доме Хлодвига?

«Очень ловко, только откуда она узнала, что он был с Туаном... Логайром?

Логайр?»

Род уставился на нее.

— Извините, но... э... вы сказали, Туан Логайр?

Катарина нахмурилась.

— Я думал, что его звали, э... Макриди.

Катарина чуть не рассмеялась.

— О нет! Он — младший сын милорда Логайра! Разве ты не знал?

Младший сын! Тогда сам Туан и был тем человеком, которого он осуждал как дурака!

А его старший брат был тем человеком, который «давно затаил злобу на королеву» и являлся крупной угрозой трону.

— Нет, — ответил Род. — Я не знал.

Голос Векса прошептал:

— Данные указывают на существование великолепной системы шпионажа.

Род мысленно застонал. Эти роботы оказывали огромную помощь!

Он поджал губы, уставясь на Катарину.

— Вы говорите, что у вас нет никаких шпионов в Доме Хлодвиг, — сказал он. — И если я допущу, что вы говорите правду, тогда это значит...

Он оставил предположение незаконченным — Векс заполнит пробел.

Миг стояла тишина, затем за ухом Рода раздалось громкое гудение, закончившееся резким щелчком.

Род мысленно выругался. Если у Катарини не было шпионов, то она, по логике, не могла знать того, что знала. Он выдал Вексу еще один парадокс, и цепи робота перегрузились. Роботы-эпилептики могли быть очень неудобными.

Катарина обожгла его взглядом.

— Разумеется, я говорю правду!

— О, я ничуть не сомневаюсь! — поднял руку Род. — Но вы же правительница и были воспитаны для этого, а один из главных уроков, который вы должны были усвоить, это лгать с невозмутимым лицом.

Лицо Катарини застыло, затем она медленно опустила голову, глядя на свои руки. Когда она подняла взгляд, лицо ее было искажено, маска была сорвана, глаза стали прозрачными.

— И снова мое знание оказалось верным, — произнесла она, словно про себя. — Ты знаешь больше, чем солдатское ремесло, Род Гэллоуглас.

Род тяжело кивнул. Он допустил ошибку — солдаты со щитами без герба не разбирались в политике.

— Так расскажи мне, — прошептала она, — как ты попал этой ночью в Дом Хлодвиг.

— Моя королева, — степенно начал Род. — На одного человека в переулке напали трое. Я помог ему отбиться. Он взял меня в Дом Хлодвиг — отблагодарить стаканом вина. Вот как я повстречался с Туаном Логайром.

Брови сошлись в легком беспокойстве.

— Если бы я только могла поверить в правдивость твоих слов.

Она поднялась и подошла к очагу. Плечи ее вдруг как-то сразу поникли, а голова склонилась вперед.

— Мне понадобятся все мои друзья в этот грядущий на нас час, — произнесла она хриплым голосом. — И я думаю, ты самый истинный из моих друзей, хотя и не могу сказать почему.

Она подняла голову и посмотрела на него, и он сразу понял, что ее глаза залиты слезами.

— Есть еще кому охранять меня, — произнесла она так тихо, что он едва расслышал, но глаза ее сияли сквозь слезы, и грудь Рода сжало невидимым ремнем. Горло ему тоже перехватило, глаза его горели.

Она отвернулась, закусив стиснутый кулак. Через минуту она снова заговорила дрожащим голосом:

— Скоро придет время, когда каждый из Великих Лордов провозгласит себя за или против меня, и я думаю, немногочисленны будут те, кто выйдет под моим знаменем.

Она остановилась как раз перед ним, снова коснувшись рукой медальона у себя на шее, и прошептала:

— Ты встанешь рядом со мной в тот день, Род Гэллоуглас?

Род неуклюже кивнул и выдавил что-то утвердительное. В тот особый момент его ответ, вероятно, был бы тем же самым, даже если бы она потребовала его душу.

Затем она вдруг оказалась в его объятиях, он стиснул ее, и губы ее, прижавшиеся к его губам, были влажными и полными.

Какое-то безвременное мгновение спустя она опустила голову и неохотно отодвинулась, держась за его руки, будто для опоры.

— Нет, я только слабая женщина, — ликуя, прошептала она. — Теперь ступай, Род Гэллоуглас, с благодарностью королевы.

Она сказала что-то еще, но Род не совсем уловил, что именно; каким-то образом он очутился по ту сторону двери, идя по широкому холодному освещенному факелами коридору.

Он остановился, встряхнулся, сделал доблестную попытку собраться с мыслями и пошел дальше не совсем твердым шагом.

«Что бы ты ни думал о ее политических способностях, эта девица, безусловно, знает, как заставить человека служить себе».

Он споткнулся и попытался восстановить равновесие; препятствие, о которое он споткнулся, уперлось рукой ему в бедро, чтобы придать устойчивости.

— Эй, следи за своими ножищами, — проворчал Бром О'Берин, — куда ты не полетел кувырком и не испачкал пол.

Карлик обеспокоенно изучил взглядом глаза Рода,

нашел то, что искал, где-то между зрачком и роговой оболочкой глаза, и удовлетворенно кивнул.

Он взял Рода за рукав и, повернувшись, повел его вперед по коридору:

— Что ты получил от Катарины, Род Гэллоутлас?

— Получил от нее? — Род нахмурился, его глаза сфокусировались. — Ну, она взяла у меня вассальную присягу...

— А! — Бром кивнул, словно соболезнуя. — Чего еще ты мог просить, Род Гэллоутлас?

Род быстро покачал головой, широко открывая глаза. Чего еще он, черт возьми, мог просить в любом случае? Чего, во имя неба, он ожидал? И с чего, во имя седьмой улыбки Цербера, он так ошалел?

Челюсти его сжались, в нем поднимался мрачный гнев. Эта сука была для него ничто — просто пешка в Великой Игре, оружие, которое можно будет использовать для установления демократии. И какого черта он сердится? На это он тоже не имел права...

Черт! Ему требовался объективный анализ.

— Векс!

Он хотел прошептать это, но у него вышел крик. Бром О'Берин поднял на него нахмуренный взгляд.

— Что за векс?

— Неадекватная зубчатая передача с шатунами, — симпровизировал Род. Куда, в любом случае, делся этот проклятый робот? Затем он вспомнил. У Векса случился припадок.

Но Бром О'Берин остановился и изучал лицо Рода подозрительным взглядом.

— Что это за слова, Род Гэллоутлас? Что такое — «зубчатая передача»? И что такое «шатун»?

Род сжал губы и мысленно сосчитал до десяти. «Осторожней, парень, осторожней! Ты на краю! Ты же соврешь дело!»

Он встретил взгляд Брома.

— Зубчатая передача — это вычный мул, используемый рыцарем для перевозки его доспехов и оружия, — пробурчал он. — А шатун — это полоумный оруженосец.

— Полоумный? — озадаченно нахмурился Бром.

— Ну, в некотором роде эксцентричный. В моем случае, это все складывается в коня.

— Коня? — уставился на него совершенно запутавшийся Бром.

— Да. Мой конь, Векс. Сумма и итог всего моего земного имущества и тыловая часть. А также единственная душа, ну, во всяком случае, создание — которому я могу поведать о своих неприятностях.

Бром уловил последнюю фразу и вцепился в нее со всей силой утопающего. Глаза его помягчали, он понимающе улыбнулся.

— Ты теперь оди из нас, Род Гэллоуглас, из тех немногих, кто стоит за королеву.

Род видел сочувствие в глазах Брома и гадал, что привязало деформированного маленького человечка к службе Катарине — и вдруг возненавидел Катарину за то, что она была из тех сук, которым нравится использовать людей.

Он двинулся широким шагом по коридору. Бром перешел на бег, чтобы не отстать от него.

— Если я не ошибаюсь в своем суждении о человеке, — пробурчал сквозь зубы Род, — у королевы есть еще один друг в Доме Хлодвига, и все же она называет его своим врагом. Почему так, Бром? Просто потому, что он сын ее врага герцога Логайра? — остановил его, упершись рукой в бедро, и с полуулыбкой заглянул в глаза Роду.

— Не врага, Род Гэллоуглас, а того, кого она искренне любит: ее дяди, кровного родственника, который дал ей приют и заботился о ней пять лет, пока ее отец укрощал мятежных северных лордишек.

Род медленно поднял голову, не отрывая взгляда от глаз Брома О'Берина.

— Она выбирает странные способы показывать свою любовь.

Бром кивнул.

— Да, истинно крайне странные, и все же, она несомненно любит их, и герцога и его сына Туана.

С миг он смотрел в глаза Роду, не говоря ни слова.

Он повернулся и медленно зашагал по коридору. С минуту Род смотрел ему вслед, а потом пошел за ним.

— Эта повесть долгая и запутанная, — задумчиво произнес Бром, когда Род догнал его. — А конец и начало и ядро ее — Туан Логайр.

— Король нищих.

— Да, — тяжело кивнул Бром. — Лорд Дома Хлодвиг.

— И тот, кто любит королеву?

— О, да! — Бром откинул голову, закатив глаза кверху.

ху. — Тот, кто безусловно любит королеву, будь уверен, это он тебе скажет!

— Но ты ему не веришь?

Бром сцепил руки за спиной и затопал, опустив голову.

— Он либо правдив, либо самый великодушный лжец, а если он лжец, то он научился этому очень быстро. В доме отца его обучали только правде. И все же он лорд Дома Хлодвиг, тех, кто утверждает, что правителя следует выбирать, как был избран, по крайней мере по их словам, древний король Хлодвиг — с одобрения тех, кем он правил.

— Ну, тут они малость исказили историю, — пробормотал себе под нос Род. — Но как я понимаю, их планы требуют стащить Катарину с трона?

— Да, и как же я могу тогда верить ему, когда он говорит, что любит ее? — Бром печально покачал головой. — Он самый достойный молодой человек, благородный и честный, и трубадур, который начнет воспевать вам красоты глазного зуба своей дамы столь же быстро, как выбьет шпагу из ваших рук своей рапирой. Он всегда и во всем был джентльмен, и в нем не было ничего от обмана.

— Похоже, ты знал его весьма хорошо.

— О да! Я знал, еще как знал! Но знаю ли я его теперь? — Бром испустил тяжелый вздох, покачав головой. — Они встретились, когда ей было только семь лет от роду, а ему только восемь, в замке милорда Логайра на юге, куда отец отправил ее для безопасности. Там встретились двое детей и резвились и играли — на моих глазах, ибо я должен был всегда стеречь их. Их было только двое такого возраста во всем замке, а я... — он улыбнулся и горько рассмеялся, — ...я был чудом, взрослым, который был меньше, чем они.

Бром улыбнулся, откинув голову назад и глядя сквозь стены коридора на давно умершие годы.

— Они были тогда так невинны, Род Гэллоутглас! Да, так невинны и так счастливы! И он поклонялся ей, он рвал ей цветы на венок, хотя садовник бранил его. Ей докучает солнце? Он сделает полог из листьев! Она разбила хрустальный кубок миледи? Он возьмет вино на себя.

— Избаловал ее до испорченности, — пробурчал Род.

— Да, но он не первый разыгрывал для нее Тома Дурака, ибо уже тогда она была самой прекрасной прин-

цессой, Род Гэллоуглас. И все же над их счастьем нависала темная мрачная тень — паренек четырнадцати лет, наследник замка и владений — Ансельм Логайр. Он смотрел на них с башни, следил, как они играли в саду, с кривящимся и крайне угрюмым лицом, и один он во всей стране ненавидел Катарину Плантагенет — почему, никто не может сказать.

— И он по-прежнему ненавидит ее?

— Да, и тем самым позволяет нам желать милорду Логайру долгой жизни. Почти пять лет ненависть Ансельма мучила его, но потом он, наконец, все-таки восторжествовал. Ибо лорды севера были подавлены, и отец призвал ее обратно к себе, сюда, в свой замок. И тогда они дали обет, Туан и Катарина, она в одиннадцать лет, он в двенадцать, что они никогда не забудут, что она будет ждать, пока он не придет за ней.

Бром печально покачал своей большой лохматой головой.

— Он приехал за ней, отрок девятнадцати лет, прекрасный принц, примчавшийся с юга на большом белом скакуне, широкоплечий, златовласый и красивый, с мускулами, заставляющими язык любой женщины заплетаться и прилипать к небу. Трубадур с лютней за плечами и шпагой на боку и тысячей экстравагантных похвал ее красоте. А его смех был таким же чистым, сердце таким же открытым, и характер таким же резвым, как и тогда, когда ему было двенадцать.

Он улыбнулся Роду.

— Ей было восемнадцать, Род Гэллоуглас, и жизнь ее была спокойной и гладкой, как летний ручей. Восемнадцать лет, и созрела для мужа, и голова полна легкомысленных призрачных мечтаний, коим девушка учится из баллад и книг.

Взгляд его стал острым, но голос остался мягким, странно разносившимся в гулкой пустоте.

— Разве у тебя никогда не было мечты о принцессе, Род Гэллоуглас?

Род обжог его взглядом и с трудом сглотнул.

— Продолжай, — сказал он.

Бром отвернулся, пожимая плечами.

— Что тут продолжать? Она полюбила его, конечно, какая женщина не полюбила бы? Он не знал, для чего существует женщина, и я готов поклясться, что и она тоже не знала, но могло выйти так, что вместе они выяс-

нили бы; можешь быть уверен, что у них был верный шанс.

Нахмурясь, он покачал головой.

— Если бы случилось так, это увенчало бы последние дни ее юности, ибо именно той весной умер ее отец, и скипетр перешел в ее руки.

Он замолк, измеряя коридор шагами, и молчал столь долго, что Род почувствовал необходимость что-то сказать.

— Здесь нет никакой причины для ненависти, Бром О'Берин.

— О, да! Но выслушай конец сей повести, ибо только когда на ее голове оказалась корона, Катарина вдруг увидела, что Туан был младшим сыном, что он, таким образом, наследовал честь семьи, но не более. Она заявила тогда, что он не любил ее, что он только желал ее трона, что она больше не хочет его знать, и в гневе и презрении она отослала его прочь — без должной причины, как казалось, хотя только они двое могли знать правду об этом. Она изгнала его в Дикие Земли и объявила награду за его голову, чтобы он не вернулся, и предоставила ему жить там среди зверолов и эльфов или умереть.

Он снова замолчал.

— И милорд Логайр поднялся во гневе, — доторопил его Род.

— Да, — проскрежетал Бром, — а с ним его вассалы, и половина знати королевства заодно. Если Туан потерпел неудачу в своих ухаживаниях, то гнев и презрение он заслужил, молвил Логайр, но изгнание полагается только за измену.

«А разве это не измена? — горячо ответила Катарина. — Посягать на мою корону?»

Тогда Логайр встал и с холодной гордостью заявил, что Туан желал только любви Катаринины, но слова его прозвенели в пустоте, ибо тот, за кого Катарина выйдет замуж, должен царствовать, именно это и сказала ему Катарина.

Тогда Логайр печально проговорил, что его сын был не изменник, а всего лишь дурак, что ухаживал за глупым избалованным ребенком, и тут Катарина снова закричала бы «измена!», не помешай ей я.

— И все же ты говоришь, что она любит их, и Логайра, и Туана?

— Да, к чему же еще такая резкость?

Бром снова замкнулся в молчании.

Род прочистил горло и сказал:

— Туан, кажется, не слишком долго оставался изгнанным...

— Да. — Углы рта Брома опустились. — Этот дурак будет неподалеку от нее — так он поклялся ей — даже если поплатится головой. Но с наградой за свою жизнь он должен жить, словно убийца или вор.

Род кисло улыбнулся.

— И где-то он приобрел идею, что нищие вызовут меньше хлопот, если кто-то позаботится о них.

Бром кивнул.

— И таким образом нищие стали некоторой силой, но Туан клянется, что он бросит все свои войска охранять королеву. Он утверждает, что по-прежнему любит ее, и будет любить, даже если она отрубит ему голову.

— А она, конечно, — рассудил Род, — утверждает, что нет ни одной причины в мире, по которой бы он не должен ненавидеть ее.

— И в этом она права, и все же я думаю, что Туан ее любит.

Они подошли к двери караульной, Род положил руку на засов и, обернувшись к Брому О'Берину, улыбнулся и печально покачал головой.

— Безмозглые, — произнес он. — Что она, что он.

— И самые нежно-любящие враги, — улыбнулся Бром с оттенком раздражения. — А вот и твоя квартира, спокойной ночи.

Бром круто повернулся и ушел строевым шагом.

Род поглядел ему вслед, качая головой и мысленно ругая себя.

— Ну и дурак же я, — пробормотал он себе под нос. — Я-то думал, что он стоял за нее оттого, что в нее влюблен. А, ладно, Векс тоже, бывает, ошибается...

Большая свеча в казарме сгорела до огарка. Время в Грамарие измерялось по огромным свечам в красно-белую полоску — шесть красных колец и шесть белых. Одна свеча зажигалась на рассвете, другая — двенадцать часов спустя.

Согласно этой свече было три часа утра. Веки Рода внезапно сделались очень тяжелыми. Они казались прямо-таки свинцовыми, когда он вспомнил, что час на Грамарие был примерно равен часу двадцати минутам Галактического Стандарта.

Он поплелся до своей койки и споткнулся. Предмет,

за который он зацепился, издал приглушенное криканье, Род забыл, что Большой Том спал рядом с постелью, на полу.

Великан сел, зевнул и, почесываясь, поднял голову и увидел Рода.

— А, добрый вечер, мастер! Который час?

— Девятый час ночи, — тихо ответил Род. — Спи себе, Большой Том. Я не хотел тебя будить.

— Да я здесь именно для этого, мастер. — Он потряс головой, сбрасывая с себя остатки сна.

Что было несколько странно, внезапно понял Род, поскольку глаза у него были отнюдь не заспанными. В мозгу у Рода щелкнул синапс, и он стал достаточно внимательным и осторожным, как и подобает тайному агенту.

Поэтому, чтобы не возбудить у Большого Тома подозрений, он попытался казаться даже более сонным, чем был.

— Это была длинная ночь, Большой Том, — сонно пробормотал он и упал лицом на койку. Он надеялся, что Большой Том оставит дела такими, как есть, и вернется ко сну, но он услышал глухой теплый смешок с подножия постели, и Большой Том принялся стаскивать с Рода сапоги.

— Немного покуралесишь, а, мастер? — шепотом спросил он. — Да и деваха-другая за поясом, ручаюсь.

— Разбуди меня при зажигании свечи, — пробубнил в подушку Род. — Я должен ждать выхода королевы к завтраку.

— Да, мастер. — Большой Том стянул другой сапог и, посмеявшись, улегся. Род подождал, пока Том снова не начал храпеть, затем приподнялся на локтях и оглянулся через плечо. В общем, этот большой увалень казался вполне верным и восхитительно глупым, но бывали времена, когда Род сомневался.

Он плюхнулся головой в подушку, закрыл глаза и приказал себе уснуть.

К несчастью, сегодня ночью положение «дух выше материи» не срабатывало. Все его чувства казались обостренными до максимума. Он был готов поклясться, что ощущает каждую нить в подушке под щекой, слышит грызущую плинтус мышь, квакающую во рву лягушку, доносимый ветром веселый смех.

Веки его распахнулись. Веселый смех?

Он скатился с постели и подошел к окну. Кто там, черт возьми, гулял в такое время?

Луна стояла за зубчатой северной башней, через ее поверхность проносились силуэты, юные фигуры в трехмерном танце, и некоторые, казалось, оседлали помело.

Ведьмы. И колдуны. В северной башне...

Род подымался по истертым ступеням винтовой лестницы башни. Гранитные стены, казалось, становились все ближе и ближе по мере того, как он поднимался. Он напоминал себе, что будучи провозглашенным эльфами чародеем — безмозглые негодники! — он подходил для членства в этом обществе.

Но его желудок не принимал сообщения, он все еще требовал «драмамин». Во рту у него пересохло совсем. Разумеется, эльфы его одобрили, но уведомили ли они об этом колдунов и ведьм?

Снова нахлынули все старые сказки его детства, свободно перемешанные с образами сцен с ведьмами из «Макбета». Теперь, когда он поразмыслил над этим, он что-то не мог вспомнить ни одного примера филантропствующей ведьмы, кроме Глинды Доброй *, а ее, собственно, нельзя было назвать ведьмой.

В его пользу одно: эти колдуны и ведьмы казались достаточно счастливыми. Музыка, плывшая по лестничному колодцу, была старой ирландской джиггой, и была она просолена смехом — молодым и жизнерадостным.

Стена перед ним заблестела от факельного света. Он повернул за последний изгиб спирали и вошел в большую башенную комнату.

В разгаре был круговой, или скорее, шаровой танец, своего рода трехмерный хоровод. Сквозь тучи факельного дыма он разглядел пары, танцующие на стенах, на потолке, в воздухе и, при случае, на полу, то там, то тут были кучки стоящих хихикающих людей. Одежда их была яркой до предела — ну, черт возьми, она была попросту крикливой. Большинство из них держали кружки, наполняемые из большого бочонка рядом с лестницей.

Они были все молоды, чуть ли не подростки. Он не мог найти ни одного лица, выглядевшего достаточно взрослым, чтобы голосовать **.

Он остановился на пороге, охваченный отчетливым ощущением, что ему здесь не место. Он чувствовал себя,

* Глинда Добрая — волшебница из страны Оз. Волков в «Измурдном городе» переделал ее в Стеллу.

** В 1969 году, когда был издан роман, в США право голоса предоставлялось с 21 года.

словно классная дама на выпускном балу в средней школе — необходимым влом.

Юнец, починавший бочонок, увидел Рода и ухмыльнулся.

— Привет! — крикнул он. — Ты запоздал с приходом.

В руку Рода плюхнулась полная кружка.

— Я не знал, что приду, — пробормотал Род.

— Будь спокоен, мы знали, — усмехнулся юноша. — Молли это предвидела, но по ее предположению ты должен был здесь быть полчаса назад.

— Сожалею. — Род ухмыльнулся. — Столкнулся с парой препятствий.

— А, не думай об этом. То был ее неточный прогноз, а не твой, из-за вина, несомненно, и все же мы ждали тебя с тех пор, как ты ступил в замок, эльфы сказали нам прошлой ночью, что ты чародей.

В голове у Рода мигом прояснилось.

— Ерунда! Я не более чародей, чем ты... я имею в виду...

— О, ты чародей. — Парень мудро кивнул. — Чародей, и самый могущественный. Разве ты не явился в падающей звезде?

— Это наука, а не волшебство! И я не чародей!

Юноша плутовато улыбнулся.

— Знающий иль нет, наверняка, чародей.

Он отсалютовал Роду кружкой.

— И значит, один из нас.

— Э... ну, спасибо. — Род ответил таким же салютом и отхлебнул из кружки. Это было подогретое вино со специями.

Он оглядел комнату, пытаясь привыкнуть к постоянному гаму и вопиющим нарушениям законов Ньютона.

Глаза его вспыхнули при виде парочки, сидевшей под одним из окон, углубившись в разговор, то есть она говорила, а он слушал. Она была красоткой с готовым лопнуть лифом, а он был худ и внимателен, его глаза горели, когда он смотрел на нее.

Род цинично улыбнулся и подумал об истинных мотивах парня для такой стойкой привязанности.

Девушка вспыхнула и, резко повернувшись, обожгла Рода негодующим взглядом.

У Рода отвисла челюсть. Потом он, заикаясь, начал было бормотать извинения, но прежде чем они достигли его уст, девушка, смягчившись, улыбнулась, грациозно

склонила голову в его сторону и отвернулась обратно к своей аудитории из одного человека.

У Рода снова отвисла челюсть. Затем он протянул руку, нащупывая рукав наливающего вино, не отводя глаз от девушки.

Парень положил руку на его плечо и обеспокоенным голосом спросил:

— Что тебя тревожит, друг?

— Та... та девушка, она может читать мои мысли?

— О, да! Мы все можем, в какой-то мере, хотя она лучше большинства.

Род положил руку на голову, чтобы как-то остановить головокружение. Телепаты. Целая комната, полная ими. Предполагалось, что во всей известной галактике было около десятка доказанных телепатов.

Он снова поднял взгляд. Это была мутация или генетический дрейф, или что-то подобное.

Он потянулся и прочистил горло.

— Скажи-ка, приятель... э, кстати, как тебя зовут?

— Увы мне! — Парень стукнул себя по лбу. — Чума на мою голову. Я — Тобиас, мастер Гэллоуглас, и ты должен познакомиться со всеми нами.

Он увлек Рода к ближайшей группе.

— Но... но я только хотел узнать...

— Это — Нелл, это — Андрей, это — Брайан, это — Дороти...

Спустя полчаса и после пятидесяти трех представлений Род рухнул на деревянную лавку. Он запрокинул кружку и выпил остатки.

— Теперь, — сказал он, стукнув ею о колено, — мы оба высосаны.

— А позволь мне принести тебе другую! — Тоби схватил из его руки кружку и улетел.

Буквально.

Род посмотрел, как тот плывет через комнату, в трех метрах над полом, и покачал головой. «Теперь уж меня ничем не поразить».

Кажется, он имел на руках многообещающую колонию эсперов — левитирующих, предвидящих и телепатирующих.

Но если все они могли левитировать, то как вышло, что все девушки разъезжали на помеле?

Тоби появился у локтя Рода с легким звуком смещенного воздуха. Род выпучил на него глаза, затем принял вновь наполненную кружку,

— Э, спасибо. Скажи-ка, вы можете, э, левитировать и телепортироваться?

— Извиняюсь? — непонимающе нахмурился Тоби.

— Вы можете... э... летать? И... э... посылать себя из одного места в другое?

— О да! — улыбнулся Тоби. — Это мы все умеем делать.

— Что? Летать?

— Мы все можем посылать себя из одного места в другое, нам известное. Все ребята могут летать, девушки не могут.

«Ген, сцепленный с полом», — подумал Род. Вслух же он сказал:

— Вот потому-то они и ездят на помеле?

— Да. Их сила — заставлять безжизненные предметы делать то, что они им велят. Мы, мужчины, не можем этого.

Ага! Еще одна сцепка, телекинез шел с Х-хромосомами, левитация — с Y.

Но они все могли телепортироваться и читать мысли.

Бесценная колония эсперов. И если их жизнь была сколь-нибудь похожей на жизнь всех телепатов вне этой планеты...

— И простой народ ненавидит вас за это?

Юное лицо Тоби посерьезнело до мрачности.

— Да, и знать тоже. Они говорят, что мы вступили в союз с Дьяволом. Нас ждало испытание водой или самое отвратительное поджаривание, пока не взойшла на трон наша добрая королева Катарина. — Повернувшись, он крикнул: — Эй, Бриджит!

Юная девушка, самое большое тринадцати лет, вывернулась от своего партнера по танцу и появилась рядом с Тоби.

— Друг Гэллоуглас хочет узнать, как люди нас любят, — проинформировал он ее.

С детского лица слетела вся радость, глаза ее расширились и округлились, она закусила нижнюю губу.

Расстегнув сзади блузку от шеи до лифа, она повернулась к ним спиной. Спина была вдоль и поперек покрыта шрамами, паутиной рубцов — следами кошки-девятихвостки.

Она повернулась обратно к Роду, когда Тоби снова застегнул ей блузку, со все еще округлыми и трагичными глазами.

— Это, — прошептала она, — всего лишь из-за подо-

зрения, а я-то всего только была ребенком десяти лет от роду.

Желудок Рода попытался вывернуться наизнанку и выйти наружу через пищевод. Он сделал ему строгое предупреждение, и тот опустился обратно на свое обычное место. На языке остался кислый привкус желчи.

Бриджит резко отвернулась и исчезла, но секунду спустя она опять была со своим партнером, снова став полной легкомыслия и бьющей через край энергии.

Род задумчиво нахмурился ей вслед.

— Так что сам понимаешь, — продолжил разговор Тоби, — мы крайне благодарны нашей доброй королеве.

— Она покончила с системой огня-и-воды?

— О, она отменила этот закон, но сжигание ведьм продолжается — тайком. Был только один способ защитить нас, и его-то она и выбрала: дать убежище любому из нас, кто придет сюда и попросит его.

Род медленно кивнул.

— Она все же не без мудрости.

Глаза его снова набрали на Бриджит, которая танцевала.

— Что тебя беспокоит, друг Гэллоуглас?

— Она их не ненавидит, — прохрипел Род. — У нее есть все причины в мире ненавидеть нормальных людей, но она не ненавидит.

Тоби, тепло улыбнувшись, покачал головой.

— Ни она, ни любой из нас. Каждый, кто приходит в приют ковена королевы, сперва клянется жить по христову закону.

Род медленно повернул взгляд к нему.

— Понимаю, — произнес он после минутной паузы. — Ковен белых магов.

Тоби кивнул.

— Все грамарийские маги белые?

— Стыдно сказать, нет. Есть некоторые, озлобленные большими страданиями, чем наши — потерей уха, или глаза, или любимого человека, или всего вместе — они спрятались в горах Диких Земель, и оттуда мстят всему человечеству.

Рот Рода растянулся в тонкую мрачную строчку, углы губ опустились.

— Их численность едва более двенадцати, — продолжал Тоби. — Есть только трое в расцвете лет, все остальные — высохшие старухи и сморщенные старики.

— Сказочные ведьмы и колдуны, — пробурчал Род.

— Истинно, такие и есть, и о делах их шумят как раз достаточно, чтобы перекрыть рассказы о любых добрых делах, что можем свершить мы.

— Так, значит, в Грамарие есть два вида колдунов и ведьм: старые и злые в горах и молодые белые — в замке королевы.

Тоби покачал головой и улыбнулся, его глаза снова вспыхнули.

— Нет, кроме нас есть почти трижды двенадцать белых магов, не доверяющих королевскому обещанию убежища. Они — лет тридцати-сорока, все хорошие люди, на самом деле, но не спешащие доверять.

Понимание осенило его со всей силой Отирования. Род откинулся назад, рот его сформировал безмолвное «О», затем, часто закивав, он пагнул перед и сказал:

— Так вот почему вы все так молоды! Приглашение королевы приняли только те ведьмы и колдуны, в которых еще осталось какое-то безрассудство и доверие! Так значит, ей досталась стайка подростков!

Тоби ухмыльнулся от уха до уха, закивав от волнения.

— Так значит, зрелые колдуны и ведьмы, — продолжал Род, — люди очень хорошие, но они также и очень осторожны!

Тоби кивнул. Лицо его чуть отрезвело.

— Среди них есть один-два достаточно смелых, чтобы прилечь сюда. Была одна самая мудрая ведьма из всех, с юга. Она уже совсем старая. Ей ведь должно быть около тридцати!

Эта реплика настигла Рода прямо посреди глотка. Он поперхнулся, разинул рот, закашлялся, зачихал и вытер глаза.

— Что случилось, друг Гэллоуглас? — спросил Тоби с заботливостью, припасаемой обычно для восьмидесятилетних.

— О, ничего, — выдохнул Род. — Просто путаница между пищеводом и трахеей. От нас, стариков, знаешь ли, приходится ждать некоторых вывертов. Почему же эта мудрая ведьма не осталась?

Тоби улыбнулся, понимание и доброта просто сочились из него.

— А она сказала, что мы чересчур сильно заставляем ее чувствовать свой возраст, и вернулась на юг. Если ты там попадешь в беду, то только кликни ее имя, Гвендай-

лон, и она тут же окажет тебе больше помощи, чем тебе требуется. — Я это запомню, — пообещал Род, немедленно забыв, так как представил себя зовущим на помощь женщину. Он чуть не зашелся в новом приступе кашля, но не посмел смеяться, так как помнил, каким он сам был чувствительным в отрочестве.

Он сделал еще один глоток вина, чтобы залить свой смех, и ткнул кружкой в сторону Тоби.

— Есть только еще один вопрос: почему королева вас защищает?

— Разве ты не знаешь? — уставился на него Тоби.

— Да вот, не знаю, — сладко улыбнулся Род.

— Да она же сама ведьма, дорогой друг Гэллоуглас! Улыбка Рода растаяла.

— Гм. — Он почесал кончик носа. — До меня доходили слухи на этот счет. Они верны, да?

— Вполне верны. Ведьма необученная, но тем не менее ведьма.

— Необученная? — поднял бровь Род.

— Да. Наш дар нужно разминать и упражнять, тренировать и обучать, чтобы довести до всей полноты. Катарина — природная ведьма, но необученная. Она может слышать мысли, но не в любое время, когда пожелает, и нечетко.

— Хм. Что она еще умеет делать?

— Насколько мы знаем — ничего. Она умеет только слышать мысли.

— Так значит, она, можно сказать, удовлетворяет минимальным требованиям для вступления в ваш союз. — Род почесал за ухом. — Своего рода сподручный талант для королевы. Она должна знать все, что происходит в ее замке.

Тоби покачал головой.

— Разве ты можешь расслышать пятерых говорящих, всех сразу, друг Гэллоуглас? И слышать их все время подряд? И еще быть способным запомнить, что они говорили?

Род нахмурился и почесал подбородок.

— Можешь повторить хотя бы один разговор? — Тоби снисходительно улыбнулся и покачал головой. — Конечно, не можешь. И папа королева тоже не может.

— Она могла бы записывать их...

— Да, но вспомни, она необученная, а чтобы делать из мыслей слова, нужна интенсивная тренировка даже выдающегося дара.

— Погоди, — поднял руку Род. — Ты хочешь сказать, что вы не слышите мысли как слова?

— Нет, нет, мгновенной мысли достанет на книгу слов, друг Гэллоутглас. Разве тебе нужно выкладывать мысли словами для того, чтобы иметь их?

— Понятно, — кивнул Род. — Квантовая механика мысли.

— Странно, — пробормотал чей-то голос.

Подняв взгляд, Род обнаружил, что находится в центре приличных размеров группы юных ведьм и чародеев, явно полетевших послушать интересный разговор.

Он посмотрел на говорившего, плотного юного чародея, и улыбнулся с оттенком сарказма.

— Что странно? — Он гадал, как там звали этого паренька.

Парень усмехнулся.

— Мартин меня зовут. — Он помолчал, чтобы посмеяться над пораженным взглядом Рода, тот все еще не привык к чтению мыслей. — А странно, что ты чародей, а не знаешь азов слышания мыслей.

— Да, — кивнул Тоби, — ты единственный известный нам чародей, друг Гэллоутглас, который не может слышать мыслей.

— Э, да. — Род провел по щетипе. — Ну, как я упомянул немного ранее, я не настоящий чародей. Видите ли...

Его прервал дружный взрыв смеха. Он вздохнул и покорился своей репутации.

Затем он вернулся к прежней линии расспросов.

— Я так понял, что некоторые из вас могут слышать мысли, как слова.

— О, да, — подтвердил Тоби, вытирая глаза. — Есть у нас одна такая.

Он повернулся к кольцу слушателей.

— Олдис здесь?

Пухленькая, хорошенькая шестнадцатилетняя девушка протолкалась в передний ряд.

— Кого мне надо для вас послушать, сэр?

Искра пересекла пропасть в мозгу Рода. В его глазах появился злой блеск.

— Дюрера. Советника милорда Логайра.

Олдис сложила руки на коленях, устроилась поудобнее, сидя очень прямо. Она уставилась на Рода, глаза ее потеряли фокусировку. Затем она принялась говорить высоким монотонным, в нос, голосом.

— Как вам угодно, милорд. И все же я не могу понять, истинно ли вы верпы?

Голос ее упал на две октавы по тону, но сохранил свою монотонность.

— Негодяй! Ты имеешь паглоть оскорблять меня в лицо?

— Нет, милорд, — поспешно ответил высокий голос. — Я не оскорбляю вас, а только ставлю под вопрос мудрость ваших действий.

Дюрер, подумал Род. Высокий голос принадлежал Дюреру, практиковавшемуся в своем занятии — заботе о манипуляции герцогом Логайром.

— Вспомните, милорд, она всего лишь ребенок. Добро ли это по отношению к ребенку — позволять ему своевольничать? Или добром будет отшлепать ее, когда она в этом нуждается?

С минуту стояло молчание, затем ответил более глухой голос лорда Логайра.

— В том, что ты говоришь, есть какая-то доля истины. Разумеется, в ее попытке взять власть в свои руки в вопросе назначения священников есть что-то от избалованного ребеночка.

— Но, милорд, — пробормотал высокий голос. — Это же идет вразрез с традициями и мудростью людей намного старше ее самой. Воистину, как это ни горько, но это действия непослушного ребенка.

— Возможно, — прогромыхал Логайр. — И все же она — королева, а слово королевы — закон.

— Даже если королева издает дурные законы, милорд?

— Ее действия не дурные, Дюрер. — Глухой голос принял угрожающий оттенок. — Неверные, безрассудные и необдуманные, плохо рассчитанные, ибо добро, кое они принесут сегодня, может завтра принести гибель на наши головы. Наверное, глупые законы, но дурные — нет.

Высокий голос вздохнул.

— Возможно, милорд. И все же она угрожает чести своих вельмож. Разве это не дурно?

— Это, — прогромыхал Логайр. — Как же это так? Да, она была надменна, беря на себя больше высокомерия, чем возможно, но она еще никогда не делала ничего такого, что можно было бы истолковать как оскорбление.

— Да, милорд, пока еще нет.

— Ты что это хочешь сказать?

— День этот придет, милорд.

— Какой такой день, Дюрер?

— Когда она поставит крестьян впереди знатных, милорд.

— Прекрати свои изменнические речи! — зарычал Логайр. — На колени, ничтожество, и благодари своего Бога, что я не оставляю тебя без головы!

Род глядел в лицо Олдис, все еще не отойдя от потрясения, вызванного слышанным диалогом двух бестелесных мужских голосов, исходящих из уст хорошенькой девушки.

Ее глаза постепенно снова сфокусировались. Она выпустила долгий вздох и улыбнулась ему.

— Ты слышал, друг Гэллоуглас?

Род кивнул.

Она развела руки, пожав плечами.

— А я ни слова не могу вспомнить из того, что говорила.

— Пусть это тебя не беспокоит, я помню все. — Род потер щетину на подбородке. — Ты действовала как канал, медиум в чистейшем смысле этого слова.

Он запрокинул голову, осушив свою кружку, и кинул ее одному из юных колдунов. Юноша поймал ее, исчез и вновь появился. Он вручил до краев полную кружку Роду, который в притворном отчаянии покачал головой.

Он откинулся назад и пригубил вино, подняв взгляд на окружавшие его юные лица, улыбающиеся и заметно сияющие от сознания своей силы.

— Вы когда-нибудь проделывали это раньше? — спросил он, махнув рукой в сторону их всех. — Я имею в виду, слушали подобные внутричерепные заседания.

— Только врагов королевы, — ответила Олдис, вскинув голову. — Мы часто слушаем Дюрера.

— Вот как? — приподнял бровь Род. — Что-нибудь узнали?

Олдис кивнула.

— Он в последнее время сильно озабочен крестьянами.

Мгновение Род был совершенно неподвижен.

— Что у него за интерес к ним?

Тоби знающе усмехнулся.

— Ну, вот его последний подвиг! Он заварил свару между двумя крестьянами из личных владений королевы. Один молодой крестьянин хотел жениться на дочери старого фермера, а старик сказал — нет. И юнец воздел бы

руки к небу в отчаянии и спокойно остался бы с разбитым сердцем.

— Но тут встрял Дюрер.

— Да. Он днем и ночью преследовал юнца, ибо известие о сватовстве парня распространилось по всем деревням, и присмотрел за тем, чтобы слух пересказывали с добавлением вопроса: разве мог юноша считаться мужем, коль позволил дряхлому болвану лишить себя любимой девушки?

Род кивнул.

— И другие крестьяне принялись задавать этот вопрос пареньку.

— Само собой. Ехидство, издевки, насмешки — и парень однажды ночью взял да и похитил девушку и сделал ей ребенка.

Род поджал губы.

— Как я представляю, папа немножко разволновался.

Тоби кивнул.

— Он приволок парня к деревенскому попу и потребовал, чтобы паренька повесили за насилие.

— А поп сказал?..

— Что это была любовь, а не насилие, и подходящим наказанием был бы брак, а не повешение.

Род усмехнулся.

— Держу пари, что молодые были крайне опечалены таким оборотом дела.

— Их горе было так велико, что они пустились в пляс, — хохотнул Тоби. — А старик испустил тяжелый вздох, рассудив, что такова, видно, премудрость божия, и благословил их.

И тут снова встрял Дюрер.

— Само собой. Он поднялся перед королевой, когда та была за столом, перед всеми лордами и их леди, крича, что королева должна показать справедливость своего нового порядка, восстановив сама справедливость в этом деле, ибо разве эти крестьяне не были из личных владений королевы?

Род ухмыльнулся и хлопнул себя по бедру.

— Она, должно быть, готова была плюнуть ему в глаза.

— О, ты не знаешь нашу королеву! — Тоби закатил глаза к потолку. — Она бы с удовольствием воткнула ему нож меж ребер. Но на брошенный вызов надо отве-

чать: ей придется самой заслушать это дело, когда она в следующий раз будет держать Общий Суд.

— Общий Суд? — нахмурился Род. — Это что, черт возьми, такое?

— На один час каждый месяц королева открывает свой двор для всех своих подданных, кто желает, чтобы она их выслушала; и крестьяне, и дворяне, и духовенство являются к ней в Большой Зал. Большинство Великих Лордов только смотрят, в то время как мелкое дворянство и крестьяне приносят свои жалобы и обиды. А при следящих Великих Лордах можешь быть уверен, что обиды, на которые жалуются, будут, безусловно, мелкие.

— Вроде этого случая, — кивнул Род. — Когда будет следующий Общий Суд?

— Завтра, — ответил Тоби. — И я думаю, что Великие Лорды велят своим прирученным крестьянам и духовенству протестовать против новых судей и священников королевы. Лорды, конечно, сперва подадут свой протест, а другие, попроще, откликнутся на него эхом.

Род кивнул.

— Придают всему делу общественную огласку. Но что Дюрер надеется приобрести выталкиванием этого дела о соблазнении?

Тоби пожал плечами.

— Это может знать только Дюрер.

Род, нахмурился, откинулся к стене и отхлебнул из кружки. Он изучил окружавшие его юные лица и почесал в затылке.

— Мне это кажется сведениями, которые желательно бы знать королеве. Почему вы ей не сообщили?

Лица отрезвели. Тоби закусил губу и уставился в пол.

Род нахмурился.

— Почему вы не сообщили ей, Тоби?

— Мы пытались, друг Гэллоуглас! — Парень посмотрел на Рода с немим призывом. — Мы пытались, и все же она нас не желает слушать,

Лицо Рода одеревенело.

— Это как так?

Тоби беспомощно развел руками.

— Посланный к ней паж вернулся со словами, что нам следует быть благодарными за предоставленную нам ею защиту и не быть столь бестактными и наглыми, чтобы пытаться вмешиваться в ее управление.

Род задергал головой в быстрых кивках, растянув рот в мрачной усмешке.

— Да, это похоже на Катарину.

— А может, — задумчиво произнес один из ребят, — это все к лучшему, ибо у нее хватает забот и без наших роковых предупреждений.

Род невесело усмехнулся.

— Да. Из-за знати и нищих у нее беспокойства больше, чем достаточно, для того чтобы она была занята по горло.

Тоби кивнул с мудрым и серьезным видом.

— Да, у нее достанет хлопот из-за советников, Дома Хлодвига и баньши у нее на крыше. У нее есть важные причины очень бояться.

— Да. — Голос Рода стал тугим, скрежещущим. — Да, у нее есть веские причины, и я думаю, что она действительно напугана.

Большой Том спал очень чутко, он сел на тюфяке, когда Род на цыпочках подошел к своей койке.

— Здоров, мастер? — прошептал он скрежещущим голосом, в котором было примерно столько же секретности, сколько у скребущейся в углу мыши.

Род остановился и сурово поглядел на своего слугу.

— Да, вполне здоров. Почему бы мне не быть здоровым?

Большой Том глуповато усмехнулся.

— Ты мало спишь, — объяснил он. — Я думал, может, это лихорадка.

— Нет, — с облегчением вздохнул Род, качая головой. Он протиснулся мимо Тома. — Это не лихорадка.

— А что же такое?

Род упал спиной на постель, заложив руки за голову.

— Ты, Том, когда-нибудь слышал об игре под названием «крикет»?

— Сверчок? * — нахмурился Том. — Это существо, стрекочущее на очаге, мастер.

— Да, но это также и название игры. Центр игры, понимаешь, это воротца, и одна команда пытается сбить воротца, бросая по ним мяч. Другая команда пытается защитить воротца, отбивая мяч лаптой.

— Странно, — пробормотал Большой Том, широко раскрыв глаза от удивления. — Крайне странная манера игры, мастер.

* Cricket (англ.) — сверчок.

— Да, — согласился Род. — Но дальше еще хуже. Команды, понимаешь ли, меняются местами, и та команда, что прежде атаквала воротца, теперь защищает их.

Он посмотрел сквозь пальцы ног на круглое, словно в пятнах от оспы, лицо Тома.

— Нет, — пробормотал великан, смущенно мотая головой. — Какой же смысл всего этого, мастер?

Род потянулся и резко расслабился.

— Смысл тот, что леважно, кто победит, но воротцам придется туго.

— Да! — энергично закивал Большой Том. — Это на-верняка, мастер.

— Так вот, у меня такое чувство, что здесь идет колоссальная игра в крикст, только играют три команды: советники, пицце...

— Дом Хлодвиг, — пробормотал Том.

Род удивленно вскинул брови.

— Да, Дом Хлодвиг. И, конечно, королева.

— Где же тогда воротца? — спросил Большой Том.

— Я. — Род перекатился на бок, ударил кулаком по подушке и с блаженным вздохом опустил на нее голову. — А теперь я собираюсь поспать. Спокойной ночи.

— Мастер Гэллоуглас, — пропищал голос пажа.

Род закрыл глаза и помолился о ниспослании ему сил свыше.

— Да, паж?

— Вас зовут дожидаться выхода королевы к завтраку, мастер Гэллоуглас.

Род открыл глаза и поглядел в окно, небо уже порозовело от близкого рассвета.

Он нахмурился и сосчитал до десяти, едва не задремав по ходу дела. Потом сделал вдох, который наполнил бы бездонную шахту, скинул ноги с постели и сел.

— Ну, отдыха нет для воротцев. Что мне делать с моей проклятой формой, Том?

Род был вынужден признать, что Катарина Плантагенет обладала хорошим драматическим инстинктом и, более того, знала, как использовать его при своем дворе.

Часовые были расставлены на своих постах в обеденной зале еще до восхода солнца. Лорды и леди, имевшие привилегию — или, точнее, несчастье — разделять стол с королевой, прибыли прямо после петушиного крика. Катарина совершила свой выход только тогда, когда все собрались и прождали некоторое время, глаза на поданное мясо. И только тогда она вышла к ним.

Двери в зал широко распахнулись, открывая стоящую в море факельного света Катарину.

Шесть герольдов затрубили в фанфары, при звуке которых все лорды и леди поднялись, а Род содрогнулся, высота тона в этой культуре была более-менее делом вкуса.

Затем Катарина вошла в зал, высоко подняв голову и откинув назад плечи. Она прошла четверть пути к большому позолоченному креслу во главе стола у стены.

Герцог Логайр шагнул вперед и отодвинул кресло. Катарина опустилась с грацией и легкостью перышка. Логайр сел по правую руку от нее, и остальное общество последовало их примеру. Катарина взяла свою двузубую вилку, и общество сделало то же, в то время как из четырех углов зала налетели слуги в ливреях с деревянными тарелками, наполненными беконом и колбасой, маринованной селедкой, белыми булочками и мисками с чаем и супом.

Каждую тарелку сперва подносили Брону О'Берину, который сидел слева от королевы. Бром брал пробу с каждой тарелки, съедал кусочек каждого блюда и помещал оставшееся на тарелке перед собой. Затем огромные деревянные тарелки были расставлены по всему столу. К этому времени Бром, обнаружив, что он еще жив, передал наполненное блюдо Катарине.

Общество со вкусом принялось за еду, и желудок Рода напомнил ему, что все, попавшее туда этой ночью, было вином со специями.

Катарина изысканно отправляла в рот свою еду с оригинальным, не лучше, чем у пичужки, аппетитом. Ходили слухи, что она как раз перед официальным застольем перекусывала в уединении своих апартаментов. Даже если и так, она была такой худенькой, что лично Род находил этот слух сомнительным.

Слуги носились туда-сюда с бутылками вина и огромными мясными пирогами.

Род стоял на посту у восточной двери, таким образом, у него был достаточно хороший обзор Катарины, там, где она сидела, в северном конце стола, милорда Логайра по правую руку от нее, Дюрера по правую руку от Логайра и затылка Брома О'Берина.

Дюрер нагнулся и зашептал что-то своему лорду. Логайр нетерпеливо отмахнулся и кивнул. Он в один прием оторвал от мяса здоровенный кусок, пережевывал, про-

глотил и залил глотком вина. Опустив кубок на стол, он повернулся к Катарине и прогрохотал:

— Ваше Величество, я озабочен.

Катарина бросила на него холодный взгляд.

— Мы все озабочены, милорд Логайр. Мы должны нести бремя своих забот, насколько это в наших силах.

Губы Логайра плотно сжались, его рот почти что затерялся между усами и бородой.

— Моя забота, — ответил он, — о вашей особе и благополучии вашего королевства.

Катарина вернулась к своему блюду, с большой заботой отрезая кусочек свинины.

— Я должна надеяться, что благополучие моей особы и впрямь повлияет на благополучие моего королевства.

Шея Логайра побатровела, но он упрямо гнул свое.

— Я рад, что Ваше Величество понимает, что угроза вашему благополучию есть угроза нашему королевству.

Кожа меж бровей Катарины наморщилась, она обратила нахмуренное лицо к Логайру.

— Я и впрямь понимаю.

— Зная, что жизни королевы угрожают, народ испытывает сильное беспокойство.

Катарина положила вилку и откинулась на спинку кресла. Голос ее был мягким, даже ласковым.

— Значит, моей жизни угрожают, милорд?

— Кажется, так, — осторожно промолвил Логайр, — ибо баньши снова был на вашей крыше прошлой ночью.

Род наострил уши.

Губы Катарины спрятались, зажатые меж зубами, а глаза закрылись. За столом воцарилось молчание. Во внезапной тишине прогремел голос Брома О'Берина.

— Баньши часто видели на стене замка Ее Величества, и все же она еще жива.

— Молчать! — оборвала его Катарина. Плечи ее выпрямились, она нагнулась вперед и взяла свой кубок. — Я не желаю слышать о баньши.

Она осушила кубок, а затем отставила руку с ним в сторону.

— Слуга, еще вина!

Дюрер сорвался со своего места и в один миг очутился рядом с королевой. Выхватив кубок из ее руки, он повернулся к подбежавшему слуге. Он держал кубок, пока слуга наполнял его из кувшина, а весь двор пялил глаза — такая любезность по отношению к королеве была со стороны Дюрера несколько необычной.

Дюрер повернулся обратно к королеве, опустился на колени и протянул кубок. Катарина уставилась на него, затем медленно приняла кубок.

— Благодарю вас, Дюрер, и все же, должна признаться, что никак не ожидала от вас такой любезности.

Глаза Дюрера блеснули. Он поднялся с насмешливой улыбкой и очень низко поклонился.

— Пейте на здоровье, моя королева.

Но Род был менее доверчив, чем королева, более того, он видел, как Дюрер провел левой ладонью над кубком как раз перед тем, как слуга начал наполнять его.

Он покинул свой пост и выхватил кубок как раз тогда, когда Катарина поднесла его к губам. Она уставилась на него, побледнев, в глазах ее разгоралась ярость.

— Я вас не звала, сударь.

— Прошу прощения, Ваше Величество. — Род отстегнул от пояса кинжал, выкинул клинок на стол и наполнил конические поглы вином. Слава небесам, он принял меры предосторожности, снова включив Векса, прежде чем заступил на дежурство!

Он протянул руку вперед, держа серебряный рог, и сказал:

— ЧелоВЕК Слаб, Ваше Величество. Со стыдом признаюсь, что я не могу проанализировать своих действий, дело лишь в том, что я опасаюсь за жизнь Вашего Величества.

Весь гнев Катарины растворился в завороченности от действий Рода.

— Что, — показала она на серебряный рог, — что это такое?

— Рог единорога, — ответил Род и, подняв взгляд, посмотрел в глаза Дюрера, горящие яростью.

— Анализ завершен, — прошептал голос у него за ухом. — Субстанция ядовита для человеческого метаболизма.

Род мрачно улыбнулся и нажал мизинцем на шишку на конце рога... «Рог единорога» стал пурпурным.

Весь двор ахнул от ужаса, так как все знали легенду, что рог единорога становится пурпурным, если в него поместить яд.

Катарина побледнела, она стиснула кулаки, чтобы скрыть дрожь.

Рука Логайра сжалась в огромный кулак, глаза его сузились, когда он прожег взглядом Дюрера.

— Ничтожество, если ты как-то участвовал в этой измене...

— Милорд, вы же видели. — Голос Дюрера стал ломаться. — Я только подаю кубок.

Но его горящие глаза не отрывались от глаз Рода, казалось, намекая, что Род может избавиться от многих бед и мучений, если попросту тут же на месте выпьет это вино.

Роду было поручено вместе с тремя другими гвардейцами сопровождать Катарину из ее апартаментов в Большой Зал Общего Суда. Их четверка ждала перед палатами, пока не открылась дверь и не вышел, предшествуя королеве, Бром О'Берин. Двое солдат поместились впереди королевы и позади Брома, а Род и еще один гвардеец пристроились саади нее.

Они медленно двинулись направо по коридору, принаравливаясь к шагу Катарины, а королева, закутанная в тяжелый меховой плащ и обремененная тяжелой золотой короной, двигалась очень медленно. Каким-то образом она ухитрилась при этом выглядеть скорее величавой, чем неуклюжей.

Когда процессия приблизилась к Большому Залу, откуда-то выскочила одетая в бархат фигура — Дюрер.

— Прощу прощения, — обратился он, трижды поклонившись, — но я должен поговорить с Вашим Величеством.

Губы его были туго сжаты, а в глазах — гнев.

Катарина остановилась и вытянулась во весь свой рост.

«А готовность-то к бою у нее номер один», — подумал Род.

— Так говори же, — ответила она, глядя сверху вниз на склонившегося перед ней человечешку. — Но говори быстро, смерд.

Глаза Дюрера вспыхнули при этом обращении, термин «смерд» был зарезервирован за крестьянами. Однако он сумел сохранить почтительный вид.

— Ваше Величество, умоляю вас не терпеть никакой задержки в заслушивании петиции Великих Лордов, ибо они крайне сильно возбуждены.

— С чего бы мне задерживаться с этим? — нахмурилась Катарина.

Дюрер закусил губу и отвел взгляд.

Глаза Катарины загорелись гневом.

— Говори, смерд, — резко приказала она. — Или ты

смеешь предположить, что королева страшится выслушать свою знать.

— Ваше Величество... — проговорил с большой неохотой Дюрер, а затем снова обрушился, как лавина: — Я слышал, что сегодня при дворе должно быть заслушано дело двух крестьян.

— Да. — Рот Катарины отвердел. — Это дело порекомендовано мне тобой, Дюрер.

Глаза человечешки стрельпули в нее злым блеском, затем он снова стал сплошным подхалимским унижением.

— Я думал... я слышал... я страшился...

— Чего ты страшился?

— Ваше Величество были в последнее время более всего озабочены вашими крестьянами... — Дюрер поколебался, а затем, заикаясь, продолжил: — Я страшился... что Ваше Величество может... наверное...

Взгляд Катарины сделался жестким.

— Что я могу выслушать этих двух крестьян прежде, чем склоню свой слух к петиции моих вельмож?

— Вы не должны, Ваше Величество! — рухнул на колени Дюрер, умоляюще сложив руки. — Вы не должны сегодня идти на риск оскорбить Великих Лордов! Самой жизни вашей угрожает опасность, если вы...

— Смерд, ты что, смеешь думать, будто я страшусь?

Род закрыл глаза, сердце у него замерло в груди.

— Ваше Величество! — воскликнул Дюрер. — Я только хотел сказать, что...

— Довольно! — Катарина резко повернулась, презрительно оттолкнув тощую фигуру советника. Бром О'Берин и гвардейцы двинулись вместе с ней. Огромные дубовые двери распахнулись перед ними.

Род рискнул бросить быстрый взгляд через плечо.

Лицо Дюрера исказила гримаса злобной радости, глаза победоносно сверкали.

Наилучший способ заставить девчонку что-то сделать, это сказать ей: «Не делай этого».

Бром привел королевскую свиту в большое сводчатое помещение, освещенное рядом арочных окон с обеих сторон. Пятнадцатую метрами выше через зал тянулась, словно хребет, потолочная балка с отходящими к гранитным стенам дубовыми ребрами. С потолка свисали две большие люстры из сварного железа с горящими в канделябрах свечами.

Они поднялись на тронное возвышение в десяти фу-

тах над полом зала. Перед ними стоял огромный золоченый трон.

Бром провел их вокруг края возвышения к трону. Там гвардейцы расположились по обеим сторонам трона, а Катарина сделала последние полшага и встала, стройная и гордая, перед троном, глядя на множество людей, собравшихся внизу.

Это множество выглядело образчиками всех слоев населения. Они заполнили Большой Зал — от лестницы тронного возвышения до тройных дверей в противоположном конце зала.

Впереди расположились двенадцать великих вельмож, сидевших полукругом в деревянных креслах, напоминающих формой песочные часы, в двенадцати футах от ступенек трона.

За ними стояли сорок-пятьдесят пожилых людей в коричневых, серых или темно-зеленых одеждах с бархатными воротниками и в маленьких, квадратных фетровых шляпах. На их обширные животы спадали серебряные или золотые цепи. Бюргеры, догадался Род, местные купцы, чиновники, мастера гильдий — буржуазия.

Позади них находились черные с капюшонами рясы духовенства, а за ними серовато-коричневого цвета латаная одежда крестьянства, большая часть которого, Род был уверен в этом, была прислана с замковой кухни. Таким образом, на Общем Суде присутствовали представители всех классов.

Но в центре группы крестьян расположились четверо солдат в зелено-золотом — цветах королевы, — а между ними стояли двое крестьян, один молодой, другой старый, оба выглядевшие перетрусившими и перепуганными почти до грани паники, вертевшие в мозолистых руках шляпы. У старика была длинная седая борода, юнец же был чисто выбрит. Оба были в темно-коричневых рубашках из грубой ткани, тот же самый материал обвязывал их ноги, служа им брюками. Рядом с ними стоял священник, выглядевший почти настолько же не в своей тарелке, как и они.

Все глаза были устремлены на королеву. Катарина очень хорошо это сознавала; она выпрямилась и сохраняла свою позу, пока в зале не наступила полная тишина. Затем она медленно села, и Бром уселся по-турецки у ее ног. Тупые концы алебард глухо стукнули о камень, когда Род и трое других гвардейцев стали вольно, отставив пики под углом в двадцать градусов.

По залу прогремел голос Брома:

— Кто в сей день предстанет перед королевой?

Вперед шагнул герольд с пергаментным свитком и зачитал список из двадцати петиций. Первой была петиция вельмож, последней — петиция двух королевских крестьян.

Руки Катарины сжали подлокотники трона. Она произнесла высоким, ясным голосом:

— Господь паш сказал, что униженные будут возвышены, последние станут первыми, и посему давайте сперва заслушаем показания этих двух крестьян.

Наступил миг потрясенного молчания, старый герцог Логайр с ревом вскочил на ноги.

— Показания! Вы так сильно нуждаетесь в их показаниях, что ставите эту деревенщину впереди своих высочайших вельмож!

— Милорд, — окрысилась Катарина. — Вы забываете свое место при моем дворе.

— Нет, это вы забываете! Это вы забываете уважение и традиции, и все законы, с детства усвоенные вами от вашего отца!

Старый лорд вытянулся во весь рост, пылая гневом.

— Никогда, — прогремел он, — старый король не обесчестил бы так своих вассалов!

— Открой глаза, старик! — Голос Катарины был холоден и надменен. — Я хотела бы, чтобы мой отец был все еще жив, но он умер, и теперь царствую я.

— Царствую! — Губы Логайра скривились в кислой усмешке. — То не царствование, но тирания!

Потрясенный зал умолк. Затем все нарастая пополз шепот: «Измена! Измена!измена!измена!»

Поднялся дрожащий Бром О'Берин.

— Теперь, милорд Логайр, ты должен пасть на колени и попросить прощения у миледи королевы или же будешь навек осужден, как изменник трону.

Лицо Логайра окаменело, он вытянулся, выпрямил спину и задрал подбородок, но прежде чем ответить, Катарина произнесла тугим, дрожащим голосом:

— Никакого прощения не будет ни спрошено, ни дано. Ты, милорд Логайр, принимая во внимание оскорбления, нанесенные нашей королевской особе, отныне изгоняешься из нашего Двора и Присутствия, дабы никогда больше к нам не приближаться.

Медленно взгляд старого герцога встретился с глазами Катарины.

— Как же так, дитя? — пробормотал он, и Род с потрясением увидел слезы в глазах старика. — Дитя, ты обойдешься с отцом так же, как обошлась с сыном?

Лицо Катарины стало мертвенно бледным. Она встала.

— Поспешн покинуть нас, милорд Логайр! — Голос Брома дрожал от ярости. — Поспешн покинуть это место, или же я спущу на тебя собак!

Взгляд Логайра медленно опустился на Брома.

— Спустишь собак? Да, ибо ты — самый верный пес нашей королевы! — Он снова поднял глаза на Катарину. — Ах, леди, леди! Я надеялся умиловить тебя борзым щенком, прежде чем умру.

Катарина снова села, гордо вытянувшись.

— У меня есть мастифф, милорд, и пусть мои враги берегутся!

Старик медленно кивнул, его полные горя глаза никак не могли оторваться от ее лица.

— Значит, ты будешь называть меня врагом...

Катарина чуть выше вскинула подбородок.

Он круто повернулся и пошел через весь зал к выходу. Толпа раздалась перед ним, открыв широкий проход. Гвардейцы по обеим сторонам от большой центральной двери вытянулись по стойке «смирно» и распахнули порталы.

Герцог резко остановился на пороге и обернулся бросить взгляд над толпой на Катарину. Его тяжелый старческий голос в последний раз наполнил зал.

И голос этот был каким-то мягким, почти добрым.

— И все же прими это от меня, Катарина, которую я некогда называл своей племянницей — тебе нечего страшиться армий Логайра, пока я жив.

Он постоял с миг, не двигаясь, выдерживая взгляд Катарины. Затем он резко повернулся, взметнув лапами плаща, и исчез.

С минуту двор хранил молчание, затем все, как один, поднялись одиннадцать оставшихся Великих Лордов и двинулись гуськом по проходу к большой центральной двери и последовали за Логайром в изгнание.

— Так как же она решила дело двух крестьян? — спросил Векс.

Род ехал на роботе-коне по склону за замком «для выездки», или, во всяком случае, так он сказал конюху. На самом деле ему нужен был совет Векса относительно того, Что Бы Все Это Значило.

— О,—ответил Род.—Она поддержала решение приходского священника: подобающим наказанием для паренька был брак. Старику это не слишком понравилось, но Катарина держала туза в рукаве — парень должен будет содержать своего тестя на старости лет. При этом старик ухмыльнулся, а парень вышел с таким видом, словно он был совсем не уверен, что он, в конце концов, вышел победителем.

— Превосходное решение, — пробурчал Векс. — Наверное, юной леди следует поискать карьеры в юриспруденции.

— Что угодно, лишь бы это держало ее подальше от политики... Славные закаты на этой планете.

Они ехали к заходящему солнцу, красный шар рисовал небо в красновато-золотые цвета от горизонта и почти до зенита.

— Да, — снабдил его информацией робот. — Превосходные закаты, благодаря плотности атмосферы, которая составляет почти одну и пять десятых земной нормальной. На этой широте, однако, из-за наклона оси, который равен...

— Да, да. Я записал все это в судовой журнал, когда мы приземлились. Сделай милость, оставь их в покое... Я заметил, что лучи солнца стали почти кроваво-красными...

— Соответственно, — пробормотал Векс.

— Хмм, да. Это возвращает нас к сути, не так ли? Что насчет еще одного предстоящего убийства?

— Не убийства, Род, покушения.

— Ладно, покушения. Прости мне мои термины и переходи к делу.

Векс с минуту помолчал, подставляя данные в заранее подготовленный доклад.

— Политическая ситуация на острове Грамарий включает в себе три явные фракции: одну роялистскую и две антироялистские. Роялистская фракция состоит из королевы, ее главного советника — некоего Брома О'Берина, духовенства, королевской армии, телохранителей королевы и группы эсперов, известных под местным термином «маги».

— А как насчет судей?

— Как я собирался сказать, государственные служащие могут быть включены в роялистскую партию за исключением тех чиновников, чья продажность делает их противниками реформы королевы.

— Хмм, да. Я забыл об этой оговорке. Есть еще кто-нибудь на стороне Платтагенетов?

— Да. Подвид Гомо Сапиенс, характеризующийся крайней карликовостью и упоминаемый под местным термином «эльфы».

— Ну, они, во всяком случае, кажется, не против нее, — пробормотал Род.

— Антироялистские партии многозначительно не объединены своей общей оппозицией трону. Первая из этих фракций — аристократическая, возглавляемая двенадцатью герцогами и графами, которых, в свою очередь, возглавляет герцог Логайр. Стоит отметить, что аристократы единодушны в своей оппозиции королеве. Такое единодушие среди аристократов феодальной культуры совершенно беспрецедентно и, таким образом, должно рассматриваться как аномалия.

— И откуда взялся этот странный объединенный фронт?

— Это единодушие может быть отнесено к присутствию группы, называемой советниками, каждый из которых служит в качестве консультанта одному из двенадцати Великих Лордов. Физическая согласованность данной группы указывает...

Род резко повернул голову, уставясь на уши роботаконя.

— Что-что?

— Каждый из советников физически характеризуется сутулостью, крайней худобой, скудными черепными волосами, бледной кожей и общим видом пожилого возраста.

— Очень интересно! — поджал губы Род. — Я что-то не уловил в этом какого-либо значения.

— Такая физическая внешность характерна для крайне развитого технологического общества, в котором взяты под контроль проблемы долгожительства, метаболической регуляции и подверженности воздействию ультрафиолета.

— Современная медицина и салон красоты при ба-ре, — кивнул Род. — Но что, по-твоему, объясняет их горбатую фигуру?

— Мы можем предполагать, что это часть подоби-страстной манеры, применяемой данной группой. Крайности данного поведения указывают, что оно неестественно для упомянутых людей.

— Финалев закон реверса, — кивнул Род. — Дальше.

— Целью роялистской фракции является увеличение мощи центральной власти. Цель советников, похоже, заключается в ликвидации центральной власти, результатом чего будет такая форма политической организации, которая известна как власть военачальников.

— Которая, — заключил Род, — своего рода анархия.

— Именно, и мы, таким образом, должны допустить возможность, что советники могут лелеять замысел политического раскола воеводства через приходы, дабы прийти к полной анархии.

— И потому-то они и затеяли убить Катарину.

— Точное наблюдение; ухватятся за любой шанс ликвидировать центральную власть.

— А это означает, что она в опасности. Давай-ка возвратимся в замок.

Он натянул поводья, но Векс отказался поворачивать.

— Она не в опасности, Род, пока еще нет. Мифология данной культуры требует, чтобы перед смертью на крыше жилища должен был быть замечен призрак, известный как баньши. А баньши не может появиться до наступления ночи.

Род посмотрел на небо. Были сумерки; на горизонте все еще виднелся отблеск пылающего заката.

— Ладно, Векс. У тебя есть пятнадцать минут, может быть, полчаса.

— Доказательства происхождения советников из высокотехнического общества, — монотонно продолжал робот, — указывают, что группа прибыла с другой планеты, поскольку единственная культура на данной планете — это культура Королевства Катарины, которая характеризуется средневековой технологией. Другая антироялистская партия также носит признаки инопланетного происхождения.

— По-моему, я уже это слышал, — задумчиво произнес Род. — Прокручиваем заново, да?

— Конечно, вторая антироялистская фракция известна как Дом Хлодвиг — название, происходящее от предполагаемого элективного процесса избрания древних королей. Рядовой состав Дома Хлодвиг включает нищих, воров и других преступников и отверженных. Номинальный лидер — изгнанный аристократ Туан Логайр.

— Минутку, — прервал его Род. — Номинальный лидер?

— Да, — подтвердил Векс. — Поверхностная структура Дома Хлодвиг, кажется, граничит с толпой, но бо-

лее глубокий анализ открывает жесткую суборганизацию, одна из функций которой — добыча пропитания и одежды для членов Дома.

— Но именно этим и занимается Туан!

— Разве? Кто снабжает Дом Хлодвига всем необходимым для жизни, Род?

— Ну, Туан дает деньги трактирщику, той кривобойной мартышке, которую они зовут Пересмешником.

— Именно.

— Так ты говоришь, — медленно произнес Род, — что Пересмешник использует Туана как добывателя фондов и марионеточного вождя в то время, как настоящий босс — это Пересмешник.

— Именно на это, — сказал Векс, — кажется, и указывают данные. Какова физическая внешность Пересмешника, Род?

— Отталкивающая.

— А как он заработал свою кличку «Пересмешник»?

— Ну, предполагается, что он своего рода Человек с Тысячью Лиц...

— Ну, все же, какова его физическая внешность, Род?

— Э... — Род откинул голову, закрыл глаза, представляя себе Пересмешника. — Я бы сказал, что он ростом примерно с метр восемьдесят семь, все время горбится, словно у него искривлен позвоночник, хрупкого телосложения — очень хрупкого, выглядит так, словно он съедает, может быть, двести калорий в день — мало волос...

Глаза его расширились.

— Эй! Да он же выглядит, словно один из советников!

— И таким образом, предположительно, выходец из высокотехнического общества, — согласился Векс. — И следовательно, тоже с другой планеты. Это заключение подтверждается его политической философией, проглядывающейся в речах Туана Логайра перед толпой черни...

— Так, значит, Туан к тому же и рупор, — задумчиво произнес Род. — Ну, конечно же, он никогда не смог бы сам додуматься до пролетарского тоталитаризма.

— Стоит также отметить, что Пересмешник — единственный член Дома Хлодвига этого особенного физического типа.

— Да-а-а-а! — кивнул Род, потирая подбородок. —

Он играет в одиночку. Весь его штат — это обученные поддерживать его местные бродяги.

— Его долгосрочной целью, — продолжил Векс, — можно считать установление диктатуры. Следовательно, ему желателен на троне кто-то, кого он сможет контролировать.

— Туан.

— Именно. Но сперва он должен ликвидировать Катарину.

— Так значит, и советники и Дом Хлодвиг жаждают крови Катарины.

— Верно, и все же нет никаких указаний, что они объединили силы. Если что-то и есть, так оно, кажется, указывает на их взаимное противостояние.

— Дубликация усилий — очень неэффективно. Но, Векс, что они здесь делают?

— Мы можем предположить, что они происходят из двух противоположных обществ, одновременно желающих контролировать какие-то богатства, которые могут быть найдены на Грамарие.

Род нахмурился.

— Я что-то не слышал ни о каких редких минералах в здешней округе.

— Я думал о человеческих ресурсах, Род.

Глаза Рода расширились.

— Эсперы, конечно! Они здесь из-за колдунов и ведьм!

— Или эльфов, — напомнил Векс.

Род нахмурился.

— Чего им может понадобиться от эльфов?

— У меня нет никакой доступной гипотезы, и все же, эту логическую возможность приходится допускать.

— Ладно, — фыркнул Род. — Держись логической возможности, а я остаюсь с ведьмами и колдунами. Всякий, кто сможет сделать корнер на рынке телепатов, сможет контролировать галактику. Эй! — в ужасе оторопел он. — Они, вероятно, и впрямь могли бы контролировать Галактику.

— Ставки, — пробормотал Векс, — высоки.

— У меня будут свои... — начал было Род, но его прервал громкий парящий вой, скрежещущий, словно гвоздем по стеклу.

Векс развернулся. Род поглядел обратно на замок.

На стене пылала тусклая фигура, как раз ниже восточной башни. словно светящаяся гнилушка или

блуждающий огонек. Она, должно быть, была огромной, даже на таком расстоянии Род мог различить детали. Она была обряжена в лохмотья савапа, сквозь которые Род различал пышное женское тело, но голова была кроличья, и у морды были заостренные зубы.

Баньши снова принялся выть низким стоном, который поднялся до пронзительного крика, затем попытался дойти до визга — визга, который стоял, стоял и стоял, пока Род не почувствовал, что у него готовы лопнуть барабанные перепонки.

— Векс, — выдохнул он. — Что ты видишь?

— Баньши, Род.

Род проскакал мимо пяти пар часовых по дороге к покоям королевы. Но там, в дверях, он встретил непреодолимый шлагбаум трехфутовой высоты — Брома О'Берина, стоявшего, широко расставив ноги и уперев руки в бока.

— Ты долго ехал, — пробурчал коротыш. Лицо его было свекольно-красным от гнева, но в глубине глаз таился страх.

— Я прискакал как только мог быстро, — тяжело дыша, ответил Род. — Она в опасности?

Бром хмыкнул.

— Да, в опасности, хотя пока еще нет никаких признаков ее. Ты должен стоять на страже сей ночью рядом с ее постелью, чародей.

Род напрягся.

— Я, — сказал он, — не чародей, я простой солдат удачи, которому довелось немного узнать науки.

Бром нетерпеливо махнул рукой.

— Не время перебрасываться словами. Называй себя как угодно: поваром, плотником или каменщиком, все равно ты обладаешь чародейской силой. Но мы теряем время.

Он постучал тыльной стороной ладони по двери, та распахнулась, и вышел часовой. Он отдал честь и посторонился.

Бром мрачно улыбнулся и прошел через дверь.

— Все еще не доверяешь мне находиться у тебя за спиной, а?

— Не совсем.

— Именно это я и сказал.

Часовой вошел следом за ними и закрыл дверь.

Комната была большая, с четырьмя узкими закрытыми ставнями окнами по одной стороне. Пол был по-

крыт меховыми коврами, стены завешены шелком, бархатом и гобеленами. В небольшом очаге трещал огонь.

Катарина сидела на широкой постели с пологом на четырех столбах, прикрытая до пояса стеганным одеялом и мехами. Ее распущенные волосы спадали на плечи бархатного, с горностаевой оторочкой, халата. Она была окружена щебетанием фрейлин, нескольких служанок и двух пажей.

Род опустился на колени рядом с постелью.

— Ваше Величество, простите мою медлительность!

Она бросила на него ледяной взгляд:

— Я не знала, что вас звали, — и отвернулась.

Род мрачно осмотрел ее.

Она сидела, привалившись к восьми или десяти пуховым атласным подушкам, веки ее были опущены в ленивом довольстве, на губах ее играла полуулыбка. Она наслаждалась единственным за весь день моментом настоящей роскоши.

Она могла быть в смертельной опасности, но она, безусловно, об этом не знала. Бром снова хранил тайну.

Она протянула руку к одной из фрейлин, та подала ей кубок подогретого вина. Катарина грациозным движением поднесла его к губам.

— Тпру! — Род вскочил на ноги, перехватил кубок на пути к ее губам и выхватил его левой рукой, в то время как правой он вытащил свой «рог единорога».

Катарина в изумлении уставилась на него, затем глаза ее сузились, а лицо покраснело.

— Что это значит, сударь?

Но Род глядел во все глаза на ножны кинжала — «рога единорога». Голос Векса произнес у него за ухом:

— Субстанция в аналитическом приборе токсична для человеческого метаболизма.

Но ведь Род еще не налил вино в рог. В нем ничего не было.

Просто воздух.

Род нажал шишку, превратившую рог в пурпурный.

Катарина в ужасе уставилась на поверхность ножен кинжала, окрасившуюся в фиолетовый цвет.

— Сударь, — ахнула она, — что это значит?

— Ядовитый воздух, — отрезал Род. Он сунул кубок служанке и оглядел комнату. Что-то здесь испускало ядовитый газ.

Очаг.

Род перешел к камину и подержал рог перевернутым над пламенем, но цвет ножен померк до бледно-лилового.

— Не тут. — Род развернулся, поднялся на ноги. Он прошел через комнату, держа рог перед собой, словно свечку. Он остался бледно-лиловым.

Род нахмурился и почесал в затылке. Куда лучше всего положить гильзу с ядовитым газом?

Как можно ближе к королеве, конечно.

Он повернулся, медленно двигаясь к кровати с балдахинном. Когда он подошел ближе к Катарине, цвет рога потемнел до фиолетового.

Катарина в ужасе и заворуженно уставилась на рог.

Род медленно опустился на колени. Цвет рога потемнел до пурпурного и начал переходить в черный.

Род откинул простыни и взглянул под кровать. Там, перед ним, на каменном полу курилась жаровня.

Род схватил за длинную рукоятку и рванул жаровню к себе. Он повернул рог над дырочками в крышке — если ему не изменяла память, жаровни обычно дырочек не имели...

Рог превратился в траурно-черный.

Он поднял взгляд на Катарину. Та закусила зубами костяшки пальцев одной руки, чтобы не закричать.

Род повернулся и протянул часовому жаровню.

— Возьми это, — велел он, — и выпшвырни в ров.

Часовой выронил копье, схватил жаровню и вылетел вон, держа ее как можно дальше от себя.

Род медленно повернулся к Катарине.

— Мы снова обманули бабши, моя королева.

Рука Катарини, отнятая ото рта, дрожала. Затем губы ее плотно сжались, глаза крепко зажмурились, кулачки стиснулись так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Затем глаза медленно раскрылись, в них был дикий свет, а по губам скользнула слабая улыбка.

— Мастер Галлоуглас, останьтесь со мной. Все остальные, удалитесь!

Род сглотнул и почувствовал, что у него размякают суставы. В этот миг она была самой прекрасной женщиной, какую он когда-либо видел.

Гвардейцы, фрейлины и пажи были уже в движении, устремляясь в зарождающуюся в дверях пробку.

Бром проорал приказ, и пробка не успела возникнуть. Через тридцать секунд комната была очищена, если не считать Рода, королевы и Брома О'Берина.

— Бром, — резко скомандовала Катарина, не сводя глаз с лица Рода. Сквозь ее улыбку начали показываться зубы. — Бром О'Берин, ты тоже оставь нас.

С миг Бром возмущенно смотрел на нее, затем плечи его поникли, и он тяжело поклонился.

— Хорошо, моя королева.

Дверь тихо закрылась за ним.

Катарина медленно снова откинулась на подушку. Она потянулась с роскошной ленивой грацией и протянула руку к Роду. Стиснувшая его ладонь рука была очень мягкой.

— Уже дважды ты подарил мне жизнь, мастер Гэллуотлас.

Голос ее звучал бархатным мурлыканьем.

— Очень... большая честь для меня, моя королева. — Род выругал себя, он был неуклюж, словно подросток, пойманный за чтением «Фанни Хилл»*.

Катарина мило нахмурилась, подняв подбородок и коснувшись губ указательным пальцем.

Затем она улыбнулась и перекатилась на бок. Бархатный халат приоткрылся. Тут явно существовал обычай спать нагишом.

«Помни, парень, — сказал себе Род, — ты всего лишь странствующий коммивояжер. Ты проснешься утром и отправишься дальше в путь. Ты здесь для того, чтобы продавать демократию, а не ухаживать за королевами. Нечестно пользоваться тем, что она тебе сейчас благодарна, если ты не собираешься остаться здесь и воспользоваться этим по-настоящему...

Разве это имеет смысл?»

Катарина играла с писящим у нее на шее амулетом. Зубы ее теребили нижнюю губу. Она оглядела его, словно кошка, прикидывающая размер капарейки.

— У солдат со щитами без герба, — произнесла она, — имеется соответствующая репутация...

Губы ее были влажными и очень полными.

Род почувствовал, что его губы шевелятся, услышал собственный голос, произносивший, запинаясь:

— Как... как моя королева алчет исправить неполадки в своей стране, я... я надеюсь исправить репутацию солдат. Я сделаю... только то, что будет служить для блага Вашего Величества.

* Роман Клиланда; считается классикой порнографии.

На миг казалось, что самая кровь Катарины, должно быть, перестала течь, так неподвижно она лежала.

Затем ее глаза посуровели, и молчание в комнате растянулось, пока не стало очень-очень тонким.

Она села, подбирая халат.

— Ты заслуживаешь больших похвал, мастер Гэллоуглас. Я и впрямь счастлива иметь вокруг себя столь верных слуг.

К ее большой чести при данных обстоятельствах, подумал Род, служило то, что в голосе был только легкий оттенок насмешливости.

Ее глаза снова встретились с его взглядом.

— Прими благодарность королевы за спасение ее жизни.

Род припал на колени.

— Я и впрямь счастлива, — продолжала Катарина, — что мне верно служат. Ты подарил мне жизнь, и я думаю, что немногие солдаты устроили бы мне доставку в целости и сохранности, как это сделал ты.

Род отпрянул, как от удара.

Она улыбнулась, на миг ее глаза сверкнули злобой и удовлетворением. Затем ее взгляд упал на руки.

— А теперь оставь меня, ибо у меня завтра будет утомительный день, и я должна хорошо использовать ночь для сна.

— Как пожелает королева, — ответил Род с невозмутимым лицом. Он поднялся и повернулся к двери. В животе у него кипело от гнева — на себя. Не ее это вина, что он был дураком.

Он закрыл за собой дверь, затем развернулся и всадил кулак в жесткий камень стены у входа. Нервные окончания его кулака завизжали от мучительной боли.

С ноющим от боли предплечьем он повернулся лицом к коридору; там стоял дрожащий Бром О'Берин со свежескрасным лицом.

— Ну, мне опускаться перед тобой на колени? Ты паш новый король?

Гнев в животе Рода выплеснулся в направлении Брома О'Берина. Род плотно сжал челюсти, чтобы удержать его внутри. Сувив глаза, он прожег Брома взглядом.

— Я лучше использую свое время, Бром О'Берин, чем обольщая младенцев королевской крови.

Бром уставился на него, ярость и кровь отхлынули от его лица.

— То правда, — пробормотал он, кивая. — Клянусь

всеми святыми, я верю, что это правда! Ибо я вижу по твоему лицу, что ты полон фурий, кричащее бешенство есть в мужестве твоём!

Род плотно зажмурил глаза. Челюсти его стиснулись так, что возникло ощущение, словно вот-вот сломаются коренные зубы.

Что-то должно было сломаться. Что-то где-то должно было поддаться.

Откуда-то издалека он услышал слова Брома О'Берина:

— У этого есть послание для тебя от ведьм и колдунов в башне...

Бром смотрел вниз и налево. Последовав за его взглядом, Род увидел эльфа, сидящего по-скорняцки у ног Брома.

Пак.

Род выпрямил плечи. Задуши гнев, дай ему выход позже. Если ведьмы и колдуны отправили сообщение, оно, вероятно, было крайне важным.

— Ну так выкладывай, — буркнул он. — Что за сообщение от ведьм?

Но Пак только покачал головой и пробормотал:

— Господи! Какие же дураки эти смертные!

Он отскочил в сторону на долю секунды раньше, чем кулак Рода вонзился в стену там, где он сидел.

Род взвыл от боли и развернулся.

Он увидел Пака и снова сделал выпад.

Но Пак сказал «Тихо», и нечто огромное шартрезно-мохнатое и розовое наполнило коридор: полномасштабный настоящий огнедышащий дракон, ставший на дыбы и мечущий пламя.

Род выпучил глаза. Затем он ухмыльнулся, оскалив зубы в жесткой радости.

Дракон изрыгнул пламя и нанес удар. Род нырнул под пламя и выскочил под головой у чудовища. Его руки сомкнулись на чешуйчатой шее, большие пальцы принялись нащупывать сонную артерию.

Дракон вскинул головой и хлестанул шеей, словно кнутом. Род мрачно держался, пока дракон молотил его о гранитные стены. Голова его хлопнулась о камень, и он заорал от боли, увидев звезды и тьму перед глазами, но лишь уплотнил свой захват.

Огромная шея наклонилась, и громадные когти ног скребнули по животу Рода, разрывая его от ключицы до бедра. Кровь хлынула фонтаном, и Род почувствовал се-

бя проваливающимся в черноту, но держался, твердо решив уволочь дракона за собой в могилу.

«Да, в могилу», — подумал он, изумленный, и был оскорблен тем, что умрет в результате жалкого приступа гнева, гнева из-за худенькой суки-девчонки.

Ну, по крайней мере, он попадет в Страну Мертвых верхом.

Когда темнота уже засасывала его, он почувствовал, что огромная голова опадает, опускается все ниже и ниже, следуя за ним в могилу.

Его ноги ощутили твердую землю и — просто чудо! — они удержали его. Сквозь окружающую тьму просочился свет, просочился и собрался и вырос, и он увидел зверя, лежащего мертвым у его ног.

Тьма уплывала от дракона, свет показал Роду гранитные стены и парчовые драпировки, и коридор замка поплыл вокруг него, покачался и, наконец, стал устойчивым.

Драконьи очертания растаяли. Его контуры стали неопределенными и померкли, и зверь исчез, под ногами у Рода был только чистый черный камень.

Он посмотрел на свою грудь и живот, камазол его был цел, даже без единой морщинки. Ни одного следа крови, ни царапинки на нем.

Он сжал локоть, ожидая боли от ушибов — ничего.

Голова у него была ясная и тоже без признаков боли.

Он медленно поднял глаза на Пака.

Эльф посмотрел на него большими и печальными глазами. Изумительно — он не улыбался.

Род закрыл лицо руками, затем снова поднял взгляд.

— Чары?

Пак кивнул.

Род отвернулся.

— Спасибо.

— Ты в этом нуждался, — ответил Пак.

Род расправил плечи и глубоко вздохнул.

— У тебя есть послание для меня?

Пак снова кивнул.

— Тебя зовут на собрание ковена.

Род нахмурился, покачав головой.

— Но я не член союза.

Бром О'Берин хохотнул, словно включенный дизель.

— Нет, ты один из них, ибо ты — чародей.

Род открыл было рот, чтобы ответить, но подумал, что лучше не стоит, и с треском захлопнул его. Он воздел руки в жесте покорности.

— Ладно, будь по-нашему. Я чародей. Только не ждите, что я в это поверю.

— Ну, ты, по крайней мере, больше не станешь этого отрицать. — Тоби наполнил Роду кружку горячим вином со специями. — Мы знали, что ты чародей, даже прежде, чем в глаза тебя увидели.

Род пригубил вино и огляделся вокруг. Если он думал, что прошлой ночью тут шла гулянка, то это лишний раз доказывало его наивность. То были посиделки. На этот раз ребята действительно гудели.

Он повернулся обратно к Тоби, проревев, чтобы услышать собственный голос:

— Не пойми меня превратно; я не хочу быть ушатом холодной воды, но по какому случаю? С чего все это празднование?

— Да ведь королева осталась в живых! — крикнул Тоби. — И ты — герой ночи! Ты послал баньши в баню!

— Герой... — откликнулся Род, перекосив лицо в кривой улыбке. Он поднял кружку и сделал большой-большой глоток.

Вдруг он резко опустил кружку, отплевываясь и кашля.

— Что тебя беспокоит? — спросил Тоби озабоченно. Он поколотил старшего товарища по спине, пока тот не засопел и не охнул.

— Оставь, — сказал он, пожимая руку. — Я — о'кей. Просто кой о чем подумал, вот и все.

— О чем твоя дума?

— Что баньши не настоящий.

— Что ты сказал? — уставился на него Тоби.

Род сжал шею Тоби и притянул ухо парня к своему уровню.

— Слушай, — крикнул он. — Баньши появится только перед тем, как кто-то умирает, верно?

— Да, — подтвердил озадаченный Тоби.

— Перед тем, как кто-то умирает, а не когда кому-то угрожает смерть. А королева все еще жива!

Тоби отодвинулся, уставясь на Рода.

Род улыбнулся, глаза его плясали.

— Ему подлагается показываться только тогда, когда смерть неизбежна.

Он повернулся, осматривая большое башенное помещение. Колдуны и ведьмы танцевали на стенах, на потолке, на полу и в воздухе, с полнейшим презрением к

законам гравитации. Они проворачивали такие кульбиты, которые вызвали бы и у змеи тройной прострел.

Подняв бровь, Род посмотрел на Тоби.

— Не очень-то похоже на похороны.

Тоби нахмурился, затем его лицо раскололось в усмешке.

— Я думаю, ты не видел грамариийской тризны, — крикнул он. — И все же ты прав, мы пляшем сей ночью ради жизни, а не смерти.

Род недобро усмехнулся, отхлебнул еще из своей кружки и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Так вот, если это подделка, а это так, то следующий вопрос таков: кто поставил его туда?

— У Тоби отвисла челюсть. Он вытаращил глаза.

— Доставь мне Олдис, — гаркнул Род.

Тоби закрыл рот, сглотнул и кивнул.

Род закрыл глаза, миг спустя Олдис спикировала вниз и привела свое помело в положение для приземления на две точки.

— Что пожелаешь? — выдохнула она.

Она раскраснелась, лицо ее светилось возбуждением и радостью. Вид ее вызвал у Рода неожиданный укол траура по собственной потерянной юности.

Он нагнулся вперед.

— Посмотри, не сможешь ли ты настроиться на Дюрера, главного советника Логайра.

Она кивнула и закрыла глаза. Через несколько минут она снова открыла их и в страхе уставилась на Рода.

— Они сильно разгневаны, что королева не умерла. Но они еще больше разгневаны тем, что не знают, кто поставил баньши на крышу сей ночью.

Род кивнул, сжав губы в тугую тонкую строчку. Он хлебнул последний раз из кружки и поднялся, повернувшись к лестнице.

Тоби протянул руку, схватив его за рукав.

— Куда ты идешь?

— На стены, — откликнулся Род. — Где же еще искать баньши?

Ночной ветер резал холодом сквозь одежду, когда Род поднялся на стены. Луна над его головой заставляла тень шагать впереди него.

Стены вытянулись перед ним, словно огромный ряд разделенных промежутками зубов.

— Векс, — тихо позвал Род.

— Здесь, Род, — прошептал голос у него за ухом.

— Этот баньши, кажется, любит один отрезок стены больше других?

— Да, Род. В период нашего пребывания на Грамарие баньши появлялся под восточной башней.

— Всегда?

— Судя по неадекватным образцам — да.

Род свернул налево, зашагав на восток.

— Ну, собирай себе адекватные образцы, пока я кое-что на этот счет предприму.

— Да, Род, — послушно согласился робот, сумев как-то добиться тона мученического терпения.

Род посмотрел со стены на город, расположившийся внизу, у подножия большого холма, служившего замку фундаментом.

От города к подъемному мосту извивалась длинная белая дорога с разбросанными там и сям постоянными дворами.

И там же, внизу, в гниющем сердце города стоял, словно какой-то огромный базальтовый надгробный камень, Дом Хлодвига.

Позади него раздались спотыкающиеся и шаркающие шаги.

Род мигом принял стойку борца с отражающим лунный свет кинжалом в руке.

Большой Том, спотыкаясь, вышел с винтовой лестницы с чем-то, обернутым поперек руки. Он остановился, оглядываясь с широко раскрытыми побелевшими глазами, вгоняя с хрипом воздух в легкие.

Потом он повернулся, увидел Рода и подбежал с огромным облегчением на лице.

— Ах, мастер, ты еще цел!

Род расслабился и выпрямился, вбрасывая кинжал в ножны.

— Конечно, цел! А что ты здесь делаешь, Большой Том?

Великан остановился, на его лице заколебалась усмешка. Он опустил взгляд на холодные каменные плиты, пошаркал ногами.

— Черт побери, мастер, я услышал... я... ну... — Он поднял взгляд, и слова сорвались залпом: — Ты не должен идти супротив баньши, но если ты все же идешь, то пойдешь не один.

Род долгий миг изучал лицо великана, гадая, откуда взялась вдруг такая глубокая привязанность.

Затем мягко улыбнулся.

— Колени твои превратились в желе при одной лишь мысли об этом чудовище, но ты все же не отпустишь меня одного. — Усмехнувшись, он хлопнул Тома по плечу. — Ну, что же, тогда идем, Большой Том, и не стану от тебя скрывать — я, право, рад твоему обществу.

Том усмехнулся и снова опустил взгляд на каменные плиты.

В лунном свете трудно было сказать наверняка, но Роду подумалось, что от ворота великана поползла по лицу легкая краска.

Он повернулся и направился к башне. Том побрел рядом с ним.

— Да, вот, мастер, а то замерзнешь. — И Том нахлобучил на плечи Рода припесенный им плащ.

Теплый, дружеский жест, подумал Род, мысленно благодаря Тома. Его тронуло, что эта неуклюжая горилла беспокоится о нем — но он также сознавал, что плащ стеснял движения его правой руки с ножом, и был весьма не уверен в том, что Том это тоже сознает.

— Не боишься, мастер?

Род, нахмурившись, обдумывал этот вопрос.

— Ну, нет, не очень-то. В конце концов, никогда не слышали, чтобы баньши причинил кому-то вред. Он просто, ну, предвещает, понимаешь? Герольд смерти и все такое.

— А все же, то чудно, что ты не боишься. Ты даже не пойдешь в тепи стены, мастер?

Род мрачно посмотрел на тень вдоль зубчатой стены.

— Нет, я, когда могу, выбираю середину дороги. Я всегда предпочитаю идти прямо под солнцем, чем красться в тени по обочине дороги.

Большой Том на минуту замолк, спрятав глаза в тени.

— И все же, — заметил он, — в то или иное время человек, по необходимости, должен проходить через тень.

Род с потрясением сообразил, что Том уловил и подхватил аллегорию. Неграмотный крестьянин, разумеется!

Он кивнул с таким серьезным видом, что это выглядело почти комично.

— Да, Большой Том. Бывают времена, когда приходится выбирать ту или иную сторону дороги. Но лично я остаюсь на обочинах только тогда, когда вынужден. Я предпочитаю свет. — Он усмехнулся. — Хорошая защита против духов.

— Духов! — фыркнул Том. Он быстро бросил Роду косую усмешку и отвернул взгляд, нахмурившись. — И

все же, мастер, я дивлюсь, что ты выбираешь середину дороги, ибо там на человека могут напасть с обеих сторон. И что более существенно, он не может сказать, выбрал ли он правую или левую сторону.

— Да, — согласился Род. — Но он может сказать, что выбрал середину. А что касается нападения, ну, если дорога построена хорошо, то центр — самая высокая ее часть; мостовая склоняется направо или налево, а обочина мягкая и может поддаваться под твоей тяжестью. Человек посередине может видеть, откуда надвигаются его враги, и там твердое подножие. Обочины дороги — ненадежны. Разумеется, это — открытая позиция. Вот почему не слишком многие имеют смелость идти по ней.

С минуту они шли молча, затем Род вдруг спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о диалектическом материализме, Большой Том?

— Как?.. — Голова великана вскинулась в удивлении, почти в потрясении. Он отошел, нахмурился и энергично замотал головой, бормоча: — Нет, нет, мастер, никогда, никогда.

«Разумеется, Большой Том», — подумал Род. Вслух же он сказал:

— Это философия Земли, Большой Том, Происхождение ее теряется в Темных Веках, но некоторые люди все еще придерживаются ее.

— А что такое Земля? — проворчал великан.

— Мечта, — вздохнул Род. — И миф.

— И ты тот, кто живет ею, мастер?

Пораженный, Род поднял взгляд.

— Чем? Мечтою о Земле?

— Нет, этим диалек... Каким волшебным словом ты ее нарек?

— А, диалектическим материализмом? — усмехнулся Род. — Нет, но я нахожу некоторые его концепции очень сподручными, проди идеи синтеза. Ты знаешь, что такое синтез, Том?

— Нет, мастер, — покачал головой Том, округлив от удивления глаза.

Удивление, по крайней мере, было наверняка настоящим. Последнее, что мог ожидать Том, это то, что Род примется толковать и цитировать тоталитаристскую философию.

— Это средний путь, — пояснил Род. — Правая сторона дороги — это теза, а левая — антитеза, Соедини их, и ты получишь синтез.

— Да, — кивнул Большой Том.

«Весьма быстрая сообразительность для тупого крестьянина», — отметил Род и продолжал:

— И теза, и антитеза в равной мере частично ложны, так что ты отбрасываешь их ложные части и соединяешь истинные — берешь от них самое лучшее — называешь результат синтезом, и ты получишь истину. Понимаешь?

В глазах Тома появилось осторожное выражение. Он начал понимать, куда клонит Род.

— И синтез — это середина дороги. И будучи истинной, она, естественно, неудобна.

Он поднял взгляд. Над ним вырисовывалась восточная башня. Они стояли в тени.

— Ну, хватит философствовать. Давай приниматься за работу.

— Моли небеса, чтобы баньши не свалился на нас, — простонал Большой Том.

— Не беспокойся, он показывается только раз в день, вечером, чтобы предсказать смерть в ближайшие двадцать четыре часа, — сказал Род. — Он не должен снова появляться до завтрашнего вечера.

В тени вдруг раздался неожиданный шорох. Большой Том отпрыгнул с внезапно появившимся в руке ножом.

— Баньши!

Род тоже выхватил нож, пронзая взглядом темень. Глаза его встретились с двумя огненными точками у подножия стены.

Род шагнул вперед, согнувшись в стойке и перебрасывая нож из правой руки в левую.

— Назови себя, — произнес он нараспев. — Иль умри!

Визг и бросок, и огромная крыса стремглав пронеслась мимо него, затерявшись в тени рядом с внутренней стеной.

Большой Том чуть не рухнул от вдоха.

— Да сохраняют нас святые угодники! То была только крыса.

Род попытался скрыть дрожь в собственных руках, когда нож вернулся в свои ножны.

— Кажется, многовато крыс на стенах этого замка.

Большой Том снова выпрямился, напряженный и настороже.

— Но я кое-что заметил, когда крыса побежала ко мне... — Голос Рода смолк, когда он опустился на колени у наружной стены, слегка пробежавшись ладонями по камню. — Вот!

— Что это, мастер? — овеяло щеку Рода чесночное дыхание Большого Тома.

Род взял руку великана и приложил ее к своей находке. Том с дрожью втянул в себя воздух и отдернул руку.

— Оно холодное. — Голос его трепетал: — Холодное и квадратное, и оно укусило меня!

— Укусило! — нахмурился Род и провел пальцами по металлическому ящичку. Он ощутил укол слабого электрического тока и отдернул пальцы.

Кто бы там не подсоединял этот прибор, он был самым рядовым из любителей. Его даже не заземлили как следует.

Ящичек было легко увидеть, коль скоро он знал, где его искать. Ящик был из белого металла со стороны примерно в восемь дюймов, в два дюйма высотой, с таким углублением, чтобы его перед и верх заполнялись камнем посередине между двумя зубцами.

Но если поразмыслить, что отвратительное заземление могло быть намеренным, чтобы удержатъ людей от вмешательства.

Род вытащил кипжал, радуясь изолированной рукояти, и осторожно потыкал, открыв ящик спереди.

Он смог разобрать серебристые нити печатной схемы и плоскую квадратную коробочку интегральной микросхемы, но весь расклад занимал не больше места, чем ноготь его большого пальца.

Волосы у него на голове вздыбились от беспокойства. Кто бы там ни создал это устройство, он знал о молекулярных схемах малость больше, чем инженеры на его родине.

Но зачем такой большой ящичек для такой маленькой схемы?

Ну, остаток ящичка был заполнен каким-то аппаратом с красивым, но совершенно неизвестным Роду механизмом.

Он осмотрел верх ящичка — в его центре был установлен прозрачный кружок. Род нахмурился. Он никогда раньше не сталкивался ни с чем и близко похожим на это. Он догадывался, что схема была частью управляемой на расстоянии системы, а механические части были — чем?

— Мастер, что это?

— Не знаю, — пробормотал Род. — Но у меня подозрение, что это имеет какое-то отношение к баньши.

Он прощупал механизм кинжалом, пытаясь найти подвижную часть. Он чувствовал себя надменно-безрассудным, прибор очень легко мог оказаться разрушительным устройством, способным переместить всю эту секцию стен на полпути до Солнца.

Зондирующее устройство что-то нашло — машина щелкнула и начала гудеть почти в субзвуковом диапазоне.

— Прочь, мастер! — крикнул Большой Том. — Оно проклято!

Но Род остался, где был, с рукой, замершей от страха, что острие ножа потеряет какой-то замкнутый контакт.

Из прозрачного круга волпами поднялся дым, взвился на три метра в воздух, затем спал. Меньше чем за миг сформировалось маленькое локализованное облачко.

Щелкнула снова машина, где-то перед Родом, и с наружной стороны стены тьму прорезал луч света, направленный вверх, к Роду, пронзивший выше облачко дыма. Луч света рассеялся веером.

— Баньши! — в ужасе взвыл Большой Том. — Беги, мастер, ради своей жизни!

Подняв взгляд, Род увидел возвышавшегося на десять футов над ним баньши. Казалось, что он почти мог почувствовать запах гнилых лохмотьев савана, покрывавших пышное женское тело.

Кроличий рот открылся, показывая длинные заостренные зубы. Загудел, оживая, спрятанный динамик, призрак готов был начать свои закывания.

Род поднял кинжал на несколько миллиметров, световой веер погас, шипение механического кувшина с дымом заглохло.

Ветер зашуршал по стенам, рассеивая последние остатки дымового облака.

Род неподвижно стоял на коленях, все еще глядя вверх, затем, встряхнувшись, он поднял последнюю часть ящичка и вернул ее на место.

— Мастер, — прошептал Большой Том. — Что это было?

— Закливание, — ответил Род. — А вызванный им баньши был подделкой.

Он встал, барабая пальцами по камню.

Ткнул кулаком в стену.

— Ничего не поделаешь. Давай, Большой Том, держи меня за голени.

Он лег лицом вниз между двух огромных гранитных блоков, подняв колени над машиной-кувшином-с-дымом.

— Что, мастер?

— Держи меня за голени, — отрезал Род. — Я должен посмотреть снаружи у стены. А ты должен удержать меня от падения в ров.

Том не ответил.

— Давай, давай! — оглянулся через плечо Род. — У нас не вся ночь впереди.

Большой Том медленно подошел, огромная неуклюжая фигура в тени. Его огромные ручки сомкнулись на голених Рода.

Род осторожно двинулся вперед, пока его голова не оказалась вне камня.

Там, как раз у него под подбородком, находился маленький квадратный ящичек с коротким рыльцем: миниатюрный проектор, выстреливающий заранее записанную баньши на дымовое облако, придававшее иллюзии трехмерность — очень компактный проектор и перемещаемый экран, и все чувствительно к дистанционному управлению.

Откуда?

Род вытянул шею. Все, что он мог разглядеть, это серый камень.

— Держи крепче, Большой Том.

Он пополз вперед, надеясь, что угадал правильно насчет рослого крестьянина.

Он перестал ползти, когда почувствовал, что гранитный край стены прижимается к пряжке его ремня. Верхняя половина его тела свободно выступала за стену замка, не имея под собой ничего, кроме воздуха, и далеко внизу — рва.

Он посмотрел вниз.

М-да, до рва долгий путь, по так ли? А что случится, если он неправильно судил о Большом Томе? Если вопреки его ожиданиям этот здоровенный подъемный кран выпустит голени Рода?

Ну, если это случится, Векс отправит доклад в штаб-квартиру ПОИСКА, и они пришлют другого агента. Незачем беспокоиться.

Хриплое, тяжелое дыхание Большого Тома звучало очень громко у него за спиной.

— Кончай с этим по-быстрому, парень.

Род просканировал стену под собой.

Вот она, как раз под проектором, глубокая с серебри-

стыми линиями чаша, утопленная в стену — гиперболическая антенна. Почему гиперболическая — хотелось бы ему знать.

Чтобы радиоимпульс, включающий механизм проекции, мог быть очень-очень маленьким, невозможным для обнаружения за пределами прямой линии между передающей и принимающей антеннами.

Так что если хочешь найти передающую антенну, просто смотри вдоль оси приемной.

И глядя вдоль этой линии и давая поправку на параллакс, он оказался глядящим прямо на гниющую базальтовую кучу Дома Хлодвига.

С миг он просто смотрел, ошарашенный. Так, значит, в конце концов это устроили не советники.

Затем он вспомнил диорерову попытку отравления за завтраком и поправился: это были не все время советники.

И если поразмыслить над этим, выкинуть тот фокус с жаровней было намного легче слуге, чем советнику.

Из этих размышлений его вывели довольно внезапно: руки Большого Тома задрожали на его голених.

«Черт возьми, я вешу не так уж много», — подумал он; но еще думая об этом, уже полез обратно.

Ему показалось, что он услышал вздох облегчения, когда Большой Том втянул его.

Род поднялся и повернулся. По лицу Большого Тома струился пот, кожа его выглядела весьма похожей на грязную воду после мытья посуды, а нижняя губа у него дрожала, когда он с шумом глубоко втянул в себя воздух.

Род молча смотрел в глаза великану, затем пробормотал:

— Спасибо.

Том еще миг выдерживал взгляд Рода, а потом отвернулся.

Род зашагал рядом с ним.

Они были на полпути обратно к лестнице, прежде чем Большой Том произнес:

— И ты знаешь, кто послал эти чары, мастер?

Род кивнул.

— Дом Хлодвига.

— Почему же ты не уничтожил их?

Род пожал плечами.

— Это хорошее предупреждение, что королева в опасности, если опять появится баньши.

— Тогда кому же ты скажешь о них?

Род посмотрел на звезды.

— Своему коню, — медленно ответил он.

— Коню? — нахмурился Большой Том.

— Да, своему коню. И никому более, пока не вычислю, за кого именно стоит Туан Логайр: за королеву или против нее.

— А. — Большой Том, казалось, счел это достаточным объяснением.

Род резко поднял свою оценку статуса Большого Тома. Очевидно, этот человек знал о том, что здесь происходит, куда основательнее Рода.

Большой Том молчал, пока они не дошли до лестницы.

— Ты был на волоске от смерти этой ночью, мастер.

— О, я так не думаю. — Род сложил руки на груди и прислонился к стене. — Это был всего лишь ложный баньши, он не мог причинить нам вреда. А даже будь он настоящий, я знаю заклинание, которое избавило бы нас от него.

— Я говорю не о баньши, мастер.

— Я знаю. — Род посмотрел Тому прямо в глаза.

Затем он повернулся и принялся спускаться по лестнице.

Он прошел шесть ступенек, прежде чем сообразил, что Большой Том не следует за ним.

Он оглянулся через плечо: Том глазел ему вслед, разинув рот от потрясения.

Затем рот закрылся, лицо застыло.

— Ты знал об этой опасности, мастер?

— Знал.

Том очень медленно кивнул. Затем он опустил взгляд на ступеньки и пошел вниз.

— Мастер, — произнес он после первой лестничной площадки. — Ты либо нахрабрейший человек, либо величайший дурак, каких я когда-либо встречал.

— Вероятно, и то и другое, — сострил Род, не сводя глаз с освещенных пламенем факелов ступенек лестницы.

— Тебе следовало бы убить меня, когда ты впервые догадался. — В голосе Тома звучала резкость.

Род без слов покачал головой.

— Почему же нет? — рывкнул Том.

Род запрокинул голову и вздохнул.

— Давным-давно, Том, и далеко-далеко... Господи! Как далеко!

— Сейчас не время для сказок!

— Это не сказка. Это легенда и — кто знает? — возможно, был. Один король по имени Хидэеси правил страной, называемой Япония; а величайшего герцога в той стране звали Иэясу*.

— И герцог желал стать королем.

— Я вижу, ты знаком с основной техникой. Но Хидэеси не хотел убивать Иэясу.

— Он был дурак, — пробурчал Том.

— Нет, он нуждался в поддержке Иэясу. Поэтому он пригласил Иэясу прогуляться с ним по саду — только они двое, одни.

Том остановился, повернулся, оглядев Рода. Глаза его сверкнули в свете факелов.

— И они подрались.

Род покачал головой.

— Хидэеси сказал, что он становится стар и слаб, и попросил Иэясу понести ему меч.

Том выкатил глаза.

Затем его язык быстро прошелся по зубам. Он сглотнул и нетерпеливо кивнул:

— Да. И что случилось?

— Ничего. Они поговорили, а потом Иэясу снова отдал меч Хидэеси, и они вернулись в замок.

— И?

— И Иэясу был верен, пока старик не умер.

Глаза Большого Тома не мигали, он мог сойти за деревянного.

Затем он выпалил:

— Рассчитанный риск.

— Весьма напыщенный язык для крестьянина.

Том зарычал и отвернулся. Род постоял, с миг глядя ему вслед. Затем улыбнулся и отправился за ним.

Они почти вернулись в караулку, когда Том положил руку Роду на плечо. Род повернулся лицом к нему.

— Что ты? — прорычал Том.

Род улыбнулся краем рта.

— Ты имеешь в виду, на кого я работаю? Только на себя, Большой Том.

— Нет, — покачал головой Том. — Я этому не верю. Но я спрашиваю не об этом.

— Вот как? — поднял бровь Род.

— Вот так. Я имею в виду, что ты за человек?

* Тоестоми Хидэеси и Токугава Иэясу — японские сегуны; рассказ относится примерно к 1585 году.

— Во мне нет ничего столь уж странного, — нахмурился Род.

— Нет, есть. Ты не убьешь крестьянина между делом.

— Вот как? — уставился на него Род и поджал губы. — Это столь неординарно?

— Само собой разумеется. И ты вступишь в бой за своего слугу. И доверяешь ему. И говорить с ним, а не просто приказываешь. Кто ты, Род Гэллоуглас?

Род покачал головой и развел руками в замешательстве, глухо рассмеявшись.

— Человек. Просто человек.

Том долгий миг глядел ему в глаза.

— Да. Это так, — произнес он. — Я получил ответ.

Он повернулся к двери караульной и распахнул ее.

— Мастер Гэллоуглас, — сказал паж. — Тебя зовет королева.

Одно из величайших и дорогих сокровищ жизни — это зоря. Мир лежит, дожидаясь солнца, освещенный пылающим небом, холодный и свежий, заполненный переливами птичьего пения.

Большой Том сделал один долгий, глубокий вздох утреннего воздуха, наполнив свои легкие невинностью, которой никогда не знал.

— Эх, мастер! — крикнул он через плечо. — Вот этот мир — для человека!

Род ответил слабой улыбкой, когда Большой Том отвернулся и поскакал впереди Рода, торжествуя и со вкусом напевая, хотя и несколько не в тон.

К несчастью, Род не был в состоянии оценить эстетическое качество рассвета, имея около трех часов сна за последние сорок восемь часов.

И потом, также была еще и Катарина.

Беседа была краткой и кислой. Она припала его в палате аудиенций, но не отводила глаз от огня, ни разу не взглянула на него. Лицо ее было холодным, губы плотно сжаты.

— Я страшусь за моего дядю Логайра, — сказала она. — Вокруг него есть люди, которые возрадуются, узнав, что герцогом стал его старший сын.

Род ответил в том же жестком официальном тоне.

— Если он умрет, вы потеряете своего сильнейшего друга среди лордов.

— Я потеряю того, кто мне дорог, — отрезала она. — Меня не волнует дружба среди лордов, но я очень волнуюсь за своего дядю.

И это, размышлял Род, вероятно, было правдой — и ее чести, как женщины, и в ущерб, как правительнице.

— Вы, — резюмировала она, — сей же час поскачете на юг во владения Логайра и присмотрите за тем, чтобы никто не причинил ему вреда.

Это крайне официальное расставание — и все. Самая глупая фурия в аду — ничто в сравнении с брошенной женщиной, подумал Род. Она отсылала как можно дальше своего самого компетентного телохранителя.

— Векс?

— Да, Род? — Конь повернул голову посмотреть на своего всадника.

— Векс, я, несомненно, величайший олух из всех рожденных.

— Ты — великий человек, Род, из рода великих людей.

— О да, я такой великий! Вот я, предположительно превращающий это королевство в конституционную монархию, и пока я весело скачу на юг, советники рвут на части любую возможность конституции, в то время как Дом Хлодвиг на грани убийства монарха!

И вот я скачу на юг, со слугой, который, вероятно, с радостью воткнет мне нож меж ребер, когда его чувство долга хоть на полминуты возьмет верх над его совестью.

И чего я достиг? Я установил, что в этих местах полно призраков, эльфов, ведьм, колдунов и множество других чудищ, которые не могут существовать; я вызвал у тебя пять-шесть припадков, и чтобы увенчать все это, прекрасная женщина сделала мне предложение, а я отказал! О, я такой великий, что просто невероятно! Если бы я был всего лишь чуточку позффективней, я бы уже сумел обстригать это дело. Векс, а не лучше ли бы я поступил, если бы просто сдался?

Робот начал тихо напевать:

— Я человек постоянной печали. Видел беду я все свои дни...

— А, заткнись.

ВЕДЬМА НИЗШЕГО СОСЛОВИЯ

Рассвет застал их среди укусов, наполовину скошенных и тяжелых от росы. Род огляделся вокруг с вершины пригорка, рассматривая раскинувшиеся уголья и аккуратно подстриженные живые изгороди с теснящимися то тут, то там на фоне восходящего солнца деревьями.

— Большой Том!

Том повернулся в седле и оглянулся, затем натянул поводья своего коня, когда увидел, что Род остановился.

— Завтрак! — крикнул, спевившись, Род.

Он отвел Бекса с дороги к скальному выступу под густой порослью дрека. Том пожал плечами и завернул коня.

К тому времени, когда Большой Том остановил своего конька и пустил его пастись, Род уже разложил и разжег костер. Великан в изумлении уставился на Рода, достающего сковородку и кофейник, затем, повернувшись, удивленно покачал головой и вытер место для сидения на уровне ниже по склону. Он принюхался к запаху жарившейся ветчины, вздохнул и достал пачку сухарей.

Род, нахмурившись, поднял взгляд и увидел, что Том сидит на мокрой траве с сухарем и бурдюком эля.

Он свел брови и крикнул:

— Эй!

Крик застал Большого Тома посреди глотка, он поперхнулся, закашлялся и поднял голову.

— А, мастер?

— Моя пища недостаточно хороша для тебя?

Большой Том уставился на него, разинув рот.

— Брось, иди сюда. — Род нетерпеливо помахал рукой. — И принеси сюда эти сухари, они хорошо пойдут, зажаренные в ветчинном жире.

Большой Том несколько раз открыл и закрыл рот, затем неопределенно кивнул и встал.

Вода закипела, Род приподнял крышку кофейника и бросил туда горсть молотого кофе. Он поднял взгляд на

подошедшего Большого Тома, нахмурившего лоб и выпучившего глаза.

Уголок рта у Рода опустился.

— Ну, чего глядишь? Никогда раньше не видел костра на привале?

— Ты предлагаешь мне есть вместе с моим мастером?

— Это какое-то невиданное чудо? — удивился Род. — Вот, дай-ка хлебнуть из этого бурдюка, ладно? Дорога-то становится пыльной.

Том кивнул, все еще не сводя глаз с Рода, и протянул бурдюк. Род отхлебнул, поднял взгляд и нахмурил брови.

— Что случилось? Никогда не видел, как человек пьет? Я что, какое-то чудовище?

Рот Тома закрылся. Глаза его стали темными и задумчивыми.

Затем он ухмыльнулся, рассмеялся и присел на камень.

— Нет, мастер, нет. Ты на редкость хороший человек и только, да, и только!

— Вот так так! — нахмурился Род. — Чего во мне такого редкого?

Том бросил два сухаря на сковородку и усмехнулся, подняв взгляд.

— В этой стране, мастер, дворянин не принимает пищу вместе со своим слугой.

— Ах это! — отмахнулся Род. — Здесь, на дороге, только ты да я. Мне незачем заниматься этой чепухой.

— Да, — засмеялся Большой Том. — Как я сказал, чудесно редкий человек.

— И дурак, да? — Род положил два ломтя ветчины на деревянные блюда. — Полагаю, что будем есть ножами, Том. Начинай.

Они ели и молчали. Род хмуро смотрел в свою тарелку. Том откинулся назад и разглядывал местность.

Они находились в начале маленькой долины, наполненной сейчас утренним туманом — ловушкой для солнечных лучей. Солнце таилось за живыми изгородами и золотило туман.

Том усмехнулся, дожевал и ткнул большим пальцем в сторону долины.

— Это конец радуги, мастер.

— Хм? — вскинул голову Род. Он кисло улыбнул-

ся, — это был, в конце концов, куда больший кувшин с золотом, чем он имел право ожидать*.

Том издал рокочущее рыгание и поковырял в зубах кинжалом.

— Золотистый туман, мастер, и в нем, возможно, золотистые девушки.

Род быстро сглотнул и возразил:

— О нет! В этом путешествии никаких походов на стороне, Большой Том! Мы должны попасть на юг и попасть туда быстро.

— Эх, мастер, — завыл Том в потрясенном протесте. — Какой вред от еще одного часа или четырех? Кроме того, — он выпрямился и, усмехнувшись, ткнул Рода пальцем в ребро, — половину дам на отсечение, что ты превзойдешь меня. Каких девушек не может взять чародей? Э, что случилось?

Род засопел и стукнул себя в грудь.

— Просто кусок сухаря вступил в спор с моим пищеводом. Том, в черт знает какой непечатный последний раз говорю — я не чародей!

— О, да, мастер, само собой! — сказал Большой Том с усмешкой. — И можешь быть уверен, что ты такой же скверный лжец, как я палач!

Род посерьезнел.

— Я не убил ни одного человека за то время, что был здесь!

— Да, именно это я и имел в виду.

— А, — Род повернулся и посмотрел на поля. — Ну ты, Том, вполне можешь добавить любовника к перечню дел, в которых я не хорош.

Великан выпрямился.

— Воистину, по-моему, ты это всерьез!

— Уж будь уверен.

Том посидел, изучая своего хозяина и подбрасывая кинжал, ловя его то за рукоять, то за лезвие.

— Да, ты говоришь то, что думаешь. — Он выпрямился, глядя Роду в глаза. — И поэтому я осмелюсь дать тебе совет.

Род усмехнулся и издал глухой смех.

— Ладно, посоветуй мне. Расскажи мне, как это делается.

— Нет, — поднял ладонь Том. — Это-то, я уверен,

* Согласно поверью, под концом радуги варят кувшин с золотом.

ты знаешь, но я должен тебя предостеречь насчет этих сельских девушек, мастер.

— Вот как?

— Да, они... — Лицо Тома расплылось в широкой улыбке. — О, они великолепны, мастер, хотя и простоваты. Но... — Он снова нахмурился. — Никогда не давай им надежды.

Род тоже нахмурился.

— Почему бы и нет?

— Это будет твоей погибелью. Ты можешь спокойно любиться с ними, мастер, один раз — но только один. Потом ты должен их оставить, по-быстрому, и никогда не оглядывайся.

— Почему? Превращусь в соляной столб?

— Нет, хуже, ты превратишься в мужа. Ибо, коль скоро дашь им хоть малую тень надежды, мастер, эти деревенские девушки прицепятся к тебе крепче пиявок, и ты никогда от них не избавишься.

— Был бы у меня шанс побеспокоиться об этом! — фыркнул Род. — Пошли, донивай свой кофе и по коням.

Они погасили костер и упаковались, затем поскакали в красно-золотистый туман.

Они проехали, наверное, яров триста, когда их приветствовал протяжный альтовый голос.

Род поднял взгляд, напряженный и осторожный.

На одном из полей стояли, смеясь и размахивая руками, две рослые крестьянские девушки с вилами в руках.

Глаза Большого Тома зацепились за них.

— Эх, мастер, хорошенёкие телочки, правда?

Они были хорошенькие, вынужден был признать Род, хотя никак не телочки, разве что телки. Обе они были с полными грудями и полными бедрами, одетые в свободные блузки с низким вырезом и простые юбки, с повязанными платком волосами. Юбки у них были подоткнуты, чтобы те не промокли от росы на сене.

Они призывно махали им, в их смехе слышался насмешливый вызов. Одна из них положила руки на бедра и выполнила медленное вращательное движение тазом.

Большой Том с шумом втянул в себя воздух, довольно-таки сильно выпучив глаза.

— Э... мастер, ну, — взмолился он, — неужели мы так уж спешим?

Род вдохнул, закатив глаза к небу, и покачал головой.

— Ну, мне было бы крайне неприятно увидеть их страдающими от пренебрежения, Большой Том. Действуй.

Том с радостным криком прищипорил коня, перемахнул через канаву и понесся галопом по полю. Он выскочил из седла прежде, чем конь замедлил бег, поймал в каждую руку по девушке, поднял их и закружился с ними.

Род медленно покачал головой, отсалютовал Тому и его подругам, затем повернул прочь, отыскивая соседний стог сена, где он мог спокойно вздремнуть.

— Род, — произнес тихий голос у него за ухом.

— Да, Векс?

— Твое поведение беспокоит меня, Род. Оно неестественно для здорового молодого мужчины.

— Не первый раз мне говорят это, Векс. Но я методичен, я не могу держать в голове сразу двух девушек.

Он нашел еще один стог сена как раз за следующей изгородью. Род припарковался в тени, разнуздал Векса, который для поддержания вида принялся щипать сено. Род снова влез на коня, прыгнул на верхушку стога и с блаженным вдохом повалился в мягкое душистое сено. Острый запах недавно скошенного сена наполнил его голову, возвращая его в детство на поле у отцовского поместья, во время сенокоса — настоящий Эдем, без всяких там мягких половых проблем, вносящих беспорядок, только роботы...

Он наблюдал за проплывающими по бирюзовому небу облаками и не заметил, как задремал.

Род резко проснулся и остался совершенно неподвижен, гадая, что же его разбудило. Он пробежал по каталогу ощущений, способных включить будильник, зазвонивший у него в голове.

Поблизости кто-то был.

Его глаза расширились, каждый мускул тела напрягся для схватки.

Но оказалось, что глядит он в лиф с низким вырезом.

Он оторвал взгляд от этого приятного пасторального зрелища — задача, требовавшая немалой силы воли — и увидел глядевшие на него большие, зеленые глаза.

Они были влажные, с длинными ресницами, и выглядели обеспокоенными.

Сфокусировалось и их окружение: изогнутые брови, усыпанный веснушками курносый нос, очень широкий рот с полными красными губами — все это на округлом лице, обрамленном развевающимися волосами.

Полные губы были надуты, а глаза встревожены.

Род улыбнулся, зевнул и потянулся.

— Доброе утро.

Надутые губы расслабились в полуулыбке.

— Доброе утро, прекрасный джентльмен.

Она сидела рядом с ним, оперевшись на одну руку и глядя ему в глаза.

— Почему вы спите здесь один, сэр, когда рядом женщина только и ждет вашего слова?

Ощущение было такое, словно кто-то только что влил горькую настойку в кровеносную систему Рода, дрожь, и не совсем приятная, затопила его.

Он улыбнулся, пытаясь сделать улыбку теплой.

— Спасибо, девушка, но я сегодня не чувствую себя игривым.

Она улыбнулась, но между бровей у нее все еще заметна была суровость.

— Благодарю вас за доброту, сэр, но я едва ли могу поверить вашим словам.

— Почему? — нахмурился Род. — Неужели для мужчины так уж невозможно не желать порезвиться?

Девушка издала одинокий смешок.

— О, такое может быть, милорд, но вряд ли вероятно. Даже с крестьянином вряд ли, и еще меньше с лордом.

— Я не лорд.

— Тогда дворянин. Им уж ты наверняка являешься. И значит, наверняка не будешь страдать отсутствием интереса.

— Вот как? — поднял бровь Род. — Почему?

Она печально улыбнулась.

— Но, милорд, крестьянин же может страдиться вынужденного брака, но лорд — никогда.

Род снова нахмурился и излучил лицо девушки. Он думал так, что она была ненамного моложе его, около двадцати девяти или тридцати. А для крестьянской девушки в такого рода обществе быть до тридцати лет незамужем...

Он выбросил руку.

— Подойди сюда.

На миг в глазах девушки зажглась надежда, но она

быстро растаяла, сменившись смирением. Она со вздохом упала в сено рядом с ним, перекатилась на бок и положила голову ему на плечо.

Надежда, думая Род, очень даже осознавая прижавшиеся к его боку груди и бедра. Надежда быть измятой и выброшенной прочь.

Он содрогнулся, и девушка озабоченно подняла голову.

— Замерз, милорд?

Он повернулся к ней и улыбнулся, неожиданная волна благодарности и нежности комом встала в горле. Он крепче прижал ее к себе, закрыв глаза, чтобы полнее ощутить прикосновения ее тела к своему. Голову его наполнил аромат, не розового масла или сирени, а просто солено-сладкий запах женщины.

Из него вытекала внутренняя боль, понял он с легким удивлением, боль, о существовании которой он не знал, пока она не стала покидать его.

Она прильнула к нему, стиснув в кулачках ткань его камаола и уткнувшись щекой ему в шею.

Затем, постепенно, он стал расслабляться, высвободив свои объятия. Он лежал совершенно неподвижно, и смутно слышал вдали птичье пение и шепот ветра по кустам и деревьям. Где-то рядом с его головой стрекотал в сене кузнечик.

Ее объятия освободились одновременно с его, ее руки и голова лежали теперь на нем свинцовой тяжестью.

Он не открывал глаз, солнце давило ему на веки, он лежал в алом свете, «видя» мир на слух.

Раздался шорох — ее тело отодвинулось, поднявшись, теперь она сидела. Должно быть, она смотрит на него, в глазах боль, нижняя губа дрожит, по щеке крадется слеза.

Его захлестнула жалость, жалость к ней, гнев на себя, не ее это вина, что ему хотелось сейчас всего лишь покоя, а не романа.

Он открыл глаза, перекатившись на бок, и хмуро поглядел на нее. Но не было никакой боли в ее глазах — только серьезное глубокое приятие и озабоченность.

Она поднесла кончики пальцев к его щеке, робко, едва касаясь его кожи. Он поймал ее руку, приложил ладонь к челюсти и был изумлен, какой маленькой оказалась ее рука в его собственной.

Он закрыл глаза, еще крепче сжав ее руку.

Голос ее был низким и очень нежным.

— Милорд, используй меня, как тебе угодно. Большого я не прошу.

«Большого я не прошу...» Любовь, она должна получить любовь хотя бы только на минутку, даже если следом за ней тут же придет расставание, даже если, оглядываясь назад, она должна будет понять, что это было вожделение, а не любовь. Даже если это принесет только печаль и боль, она должна получить любовь.

Он посмотрел ей в глаза, в них стояли слезы.

Он снова закрыл глаза и перед ним возникло лицо Катарины, а рядом с ним лицо Туана. Часть его оставалась в стороне, поодаль, и созерцала эти лица, отмечая, как хорошо они выглядели вместе, прекрасная принцесса и доблестный юный рыцарь.

Затем рядом с Туаном появилось его собственное лицо, и СРАВНИ прошептала отстраненная часть его. СРАВНИ.

Руки Рода стиснулись, и он услышал, как крестьянская девушка издавала легкий вскрик от внезапной боли.

Он выпустил ее руку и посмотрел на нее, и лицо Катарины всплыло рядом с ее лицом.

Он смотрел на них обеих, одну — склонную использовать его, другую — склонную быть использованной им, и неожиданно в его груди вспыхнул душный гнев, гнев на Катарину, и ее уверенность в своей правоте, и ее решимость согнуть весь мир перед своей волей, и на эту крестьянскую девушку за ее немое принятие и глубокое смирение, за глубину ее тепла и нежности.

Душившая его петля гнева сжималась все туже и туже — гнева на себя за зверя в себе самом, когда его пальцы впивались в ее плечи и он дритянул ее на сено. Она охнула от боли, тихо плача, пока его губы не прильнули к ее, давя, кусая и сокрушая, его пальцы сжали концы ее челюстей, вынуждая ее рот открыться, и его язык с силой вошел под ее язык. Его рука ощупывала ее тело, пальцы глубоко вонзились в плоть, все ниже и ниже, отмечая и пытая.

Затем ее ногти впивались в его спину, когда все ее тело сплелось узлом в едином спазме боли. Потом она высвободилась, и ее грудь тяжело поднималась и опускалась под ним в одном огромном рыдании.

Половина его гнева испарилась в ничто, другая по-

лови́на поверну́лась круто́м и прона́зла его, проткнув в нем что-то, высвободившее прилив раская́ния.

Он перека́тился на бок, сняв с нее свой груз. Губы его стали вдруг нежными и теплыми, руки его стали мягкими, медленно и утешающе ласкающими.

Она втянула в себя воздух, тело ее снова напряглось. Дурак, — насмешливо бросил голос внутри него. — Дурак! Ты же только еще больше обижаешь ее!»

Готовый со стыдом отвернуться от нее, он посмотрел ей в глаза... и увидел горящую там обнаженную страсть, умолявшую и требовавшую, затаивавшую его в мощный водоворот, бушующий в нем. Губы ее раскрылись, влажные, нежные и теплые, притягивающие и податливые, увлекающие его вниз в слепые, залитые светом глубины, где не было ни зрения, ни слуха, а только осязание на осязании.

Род приподнялся на локте и посмотрел на лежащую рядом с ним обнаженную девушку с одним лишь его плащом в качестве довольно неадекватного покрывала. Он обрисовывал ее контуры, и глаза Рода блуждали по ним, удивляясь ее видом, фиксируя в уме каждую черту ее тела. Это была картина, которую он не хотел утратить.

Он принялся мягко и очень нежно ласкать ее. Она улыбнулась, пробормотала что-то неразборчивое и позволила своей голове перека́титься набок.

Затем ее глаза снова открылись, она искоса посмотрела на него, губы у нее были тяжелыми и томными.

— У тебя изумрудные глаза, — прошептал Род.

Она роскошно потянулась с чуть заметной улыбкой, обвила руками его шею и притянула к себе, целуя его медленно, почти сонно, и долго.

Род посмотрел ей в глаза, чувствуя себя крайне удовлетворенным и ючень даже в мире со всем миром. Черт, да мир мог хоть повеситься!

Он снова приподнялся, глядя на нее, затем медленно отвел глаза и осмотрелся вокруг: на выгнувшуюся над головой голубизну неба... на горку одежды по обеим сторонам.

Он снова опустил взгляд, теперь перед лицом у него не было ничего, кроме нее, и слегка удивленный, он обнаружил, что ему понравилось такое положение. Покой внутри него был огромным, он чувствовал, что был цельным, совершенно довольным всем миром, жизнью, в единстве с ними и с богом, и в особенности с ней.

Он дал своей руке задержаться на прикрытой плащом ее груди. Она закрыла глаза, что-то бормоча, затем, когда его рука застыла, снова посмотрела на него. Ее улыбка растаяла, в глаза ее закрались озабоченность.

Она начала было что-то говорить, но остановилась и сказала вместо этого почти тревожно:

— Тебе хорошо, милорд?

Он улыбнулся с очень серьезными глазами, затем закрыл их и медленно кивнул.

— Да. Мне очень хорошо.

Он нагнулся, снова поцеловал ее, медленно, почти осторожно, затем приподнялся.

— Да, мне хорошо. Удивительно хорошо, куда лучше, чем когда-либо бывало.

Лицо ее снова ненадолго осветилось улыбкой, затем она отвела взгляд, посмотрела на свое тело, потом снова на него испуганным взглядом.

Он стиснул ее в объятиях и перекатился на спину. На миг ее тело напряглось, а потом расслабилось, она издала легкий вскрик — полурыданье-полувздых — и застыла, уткнувшись лицом в его плечо.

Он оглядел разметававшиеся по его груди ее золотистые волосы, лениво улыбнулся и позволил своим глазам незаметно закрыться.

— Род, — прошептал у него за ухом голос Векса, и мир нахлынул снова.

Род напрягся и щелкнул зубами, давая понять, что слышал.

— Большой Том снова одет и идет к твоему стогу.

Род резко выпрямился, прищурился на солнце, оно было почти в зените. Время и расстояние снова принялись дожимать его.

— Ну, вернемся в мир живых, — проворчал он и потянулся за одеждой.

— Милорд?

Она печально улыбнулась, но глаза ее были напряжены от боли — боли, растаявшей в покорности и смирении прямо у него на глазах.

— Память об этих мгновениях будет дорога для меня, милорд, — прошептала она, прижимая руку к груди и расширяя глаза.

Это была обреченная мольба о надежде, которую он по-честному не мог дать, потому что никогда больше не увидит ее.

Тут до него дошло, что она ожидала отказа от всякой надежды, ожидала, что ее выберут за дерзость предполагать, что она чего-то стоит, что она стоила благодарности.

Она знала, что мольба принесет ей боль, и все же молила, потому что женщина живет любовью, а это была женщина тридцати лет в стране, где девушки выходили замуж в пятнадцать.

Она уже смирилась, что в ее жизни не будет никакой продолжительной любви. Она должна была существовать на те немногие крохи, которые могла собрать.

Сердце его потянулось к ней, подтолкнутое в какой-то степени уколом самоупрека.

Поэтому, конечно, он сказал ей ложь такого сорта, какую мужчины говорят женщинам только для того, чтобы утешить их, а позже понять, что это была правда.

Он поцеловал ее и сказал:

— Это была не жизнь, это было то, для чего живут.

А потом, когда он сел на коня и обернулся посмотреть на нее, в то время как Большой Том весело махал своей девахе, Род снова взглянул ей в глаза и увидел отчаяние, оттенок страха перед его отъездом, безмолвную неистовую мольбу о надежде.

Надежда, говорил Том — это слишком много, но Род, вероятно, никогда больше не увидит этой девушки. Даже не искру надежды, только отблеск, какой от этого может быть вред?

— Скажи мне, как твое имя, девушка?

Только искорка, но она вспыхнула в ее глазах пламенем.

— Меня зовут Гвендайлон, милорд.

И когда они свернули за поворот дороги и девушка скрылась из вида за холмом позади них, Том вздохнул:

— Ты сделал слишком много, мастер. Теперь тебе никогда от нее не избавиться.

Одно можно было сказать в пользу любовных игр в сене: они достаточно истощили жизненные силы Большого Тома, чтобы он больше не пел. Разумеется, он все еще насвистывал под нос, но он скакал достаточно далеко впереди, чтобы Род не мог его слышать.

Род ехал молча, неспособный выкинуть из памяти золотые волосы и изумрудные глаза. Поэтому он тихо-тихо клял это неотвязное видение, но его отстраненному «я» казалось, что в его проклятиях чего-то не доставало: убежденности, наверное. И конечно, искренно-

сти. Эта попытка бравиться была неубедительна, обвиняло его отстраненное «я».

Род был вынужден признать это. Он все еще очень сильно ощущал свое единство с мирозданием. В тот момент он не смог бы рассердиться и на своего палача... И это его беспокоило...

— Векс.

— Да, Род? — Голос, казалось, исходил изнутри его головы немного громче, чем обычно.

— Векс, я чувствую себя как-то не так.

Робот помолчал, затем спросил:

— А как ты себя чувствуешь?

Было что-то в том, как Векс это сказал... Род остро поглядел на голову псевдоконя.

— Векс, ты смеешься надо мной?

— Смеюсь?

— Да, смеешься. Ты слышал меня. Посмеиваешься себе в бороду.

— Это тело не снаряжено бородой.

— Кончай комедию и отвечай на вопрос.

С чем-то, похожим на вдох, робот сказал:

— Род, я должен тебе напомнить, что я только машина. Я не способен на эмоции... Я лишь замечаю противоречия.

— Ах вот как! — прорычал Род. — Могу я спросить, какие?

— В данный момент — противоречия между тем, чем человек является в действительности, и тем, чем он желает себя считать.

— И чем же это я желаю себя считать?

— Ты желаешь считать себя эмоционально независимым от этой крестьянки.

— Ее имя — Гвендайлон.

— От Гвендайлон. От любой женщины, если уж на то пошло. Ты желаешь считать, что ты эмоционально независим, что больше не наслаждаешься тем, что называется «быть влюбленным».

— Любовью я очень даже наслаждаюсь, спасибо!

— Это совсем другое дело, — пробурчал робот, — чем быть влюбленным.

— Черт побери, я говорил не о занятии любовью!

— И я тоже.

Губы Рода сжались в тонкую белую полоску.

— Ты говоришь об эмоциональном опьянении. И если ты имел в виду именно это, то нет, я не влюблен.

И если мой голос в этом деле что-то значит, никогда больше не влюблюсь!

— Именно в это, как я и говорил, ты и желаешь верить.

Род скрипнул зубами и подождал, пока пройдет приступ гнева.

— Итак, что есть истина относительно меня?

— Что ты влюблен.

— Черт побери, человек или влюблен или нет, и он, черт возьми, обязательно знает, что именно с ним.

— Согласен, но он может быть неготовым признать-ся в этом даже самому себе.

— Слушай, — отрезал Род. — Я был влюблен прежде, и я знаю, что это такое. Это... ну...

— Продолжай, — подтолкнул робот.

— Ну, это вроде как... — Род поднял голову и огляделся по сторонам. — Ты знаешь, что мир вон там существует, и знаешь, что он реален, но тебе наплевать, потому что ты наверняка знаешь, что ты — центр мира, самый важный предмет в нем.

— Ты испытывал в недавнее время подобные чувства? — спросил Векс.

— Ну... да, черт возьми. — Род дернул уголок рта.

— С Катариной?

Род уставился на затылок коня и прожег его взглядом:

— А ты откуда знаешь, черт побери? — и сузил глаза.

— Логика, Род. — В голосе коня-робота звучал налет надменности. — Только логика. А какие ты испытывал чувства, пока был с Гвендайлоу?

— О... — Род расправил плечи и выпрямился. — Великолепные, Векс. Я чувствовал себя лучше, чем когда-либо раньше. Мир стал яснее, а день — моложе. Я чувствовал себя таким здоровым, а голова была такая ясная, что просто не мог поверить. Это прямо противоположно тому, что я чувствовал, когда бывал влюблен, но мне это нравится.

Род хмуро посмотрел на затылок Вексу.

— Ну?

Робот брел себе дальше, не отвечая.

— Язык проглотил?

— Я не снаряжен языком, Род.

— Не ускользай от темы.

Конь помолчал с минуту, затем сказал:

— Я ошибся, Род. Ты любишь и любим, но не влюблен. Род обратил хмурый взгляд на дорогу.

— Это почему же, Векс?

Робот издал звук, похожий на вдох.

— В чем разница между двумя этими женщинами, Род?

— Ну... — Род пожевал щеку. — Гвендайлон — человек. Я имею в виду, что она просто обыкновенная заурядная женщина, в той же степени, как я — обыкновенный мужчина.

— Но Катарина — больше?

— О, она женщина такого рода, каких я склонен возводить на пьедестал, нечто такое, чему поклоняются, а не ухаживают...

— И не любят? — дополнил Векс. — Род, которая из этих женщин лучший человек?

— Э... Гвендайлон.

— Обвинению, — сказал робот-конь, — нечего добавить.

Домен Логайров был огромной широкой равниной между горами и морем. Низкие, пологие горы стояли на северном и восточном краю, берег врезался широким полукругом в него, а на северо-западе возвышался крутой стофутовый утес.

Океан молотил по его стороне, обращенной к морю, с другой стороны стекал водопад. Длинная древняя река петляла по равнине, направляясь к морю.

Сама равнина была расшита заплатами полей с попадающимися то тут, то там скоплениями крестьянских хижин людей Логайра.

Том и Род стояли на опушке одного из горных лесов, где на вершину выходила дорога с севера.

Род медленно повернул голову, обозревая весь домен.

— А где же, — спросил он, — замок?

— Да за водопадом, мастер.

Голова Рода резко повернулась, уставясь на Тома, затем он проследовал взглядом вдоль дороги.

Дорога петляла по равнине до подножия водопада; там, где утесы встречались с равниной, в скале были высечены огромные ворота в комплекте с опускной решеткой, подъемным мостом через естественный ров, образованный излучиной реки. Лорды Логайры источили утес, как голландский сыр, строя себе дом.

Между бровей Рода образовался восклицательный знак, когда они сошлись.

— Это не дамба ли по обеим сторонам подъемного моста, Большой Том?

— Да, мастер, и в ней, говорят, пороховые заряды.

Род медленно кивнул.

— И земля перед опускающей решеткой ворот проседает. Так что если рискнут постучаться незваные гости, ты взрываешь дамбу и твоя парадная дверь прикрыта тридцатью футами воды. Очень ловко. А потом просто сидишь и пережидаете осаду. Водонад дает массу пресной воды, так что беспокоиться приходится только о пище.

— Говорят, в замке есть сады, — любезно снабдил его информацией Большой Том.

Род в молчаливом уважении покачал головой.

— Так, значит, Логайры там совершенно защищены и обеспечены запасами для десятилетней осады. Этот замок когда-нибудь бывал взят, Том?

— Никогда, мастер, — покачал головой Том и усмехнулся.

— Интересно, но был ли старикан, построивший этот замок — может, самую малость — параноиком... Надо полагать, у них найдется в этом замке комната для пары уставших путников, верно?

Большой Том поджал губы.

— Да, мастер, если они знатные. Гостеприимство Логайров широко известно. Но для таких, как я и даже вы, который не больше, чем сквайр, мастер, это гостеприимство находится в хижине.

Солице мигнуло. Нахмурившийся Род, прищурившись, посмотрел на небо.

— Опять эта проклятая птица. Неужто она не понимает, что мы слишком крупны для завтрака?

Он снял с плеча арбалет, натянул его и вскинул.

— Нет, мастер, — подпил руку Большой Том, — ты и так уже истратил на нас четыре стрелы.

— Просто мне не нравится все то, что следует за мною по воздуху, Том. Оно не всегда то, чем кажется.

Том нахмурился при этом загадочном заявлении. Род приложил приклад к плечу.

— И вообще, последние четыре дня я делал в нее по одному выстрелу в день, это входит в привычку.

Арбалет загудел, и стрела вылетела вверх, но птица поднялась быстрее, чем стрела — та пронеслась, попав точно в то место, где прежде была птица, поднялась еще на пятьдесят футов, достигла вершины своей траектории

и начала падать. Птица, находившаяся пятьюдесятью футами выше, следила за ее падением.

Большой Том поднял бровь и дернул уголком рта.

— Ты никогда не попадешь в нее, мастер. Эта птица понимает назначение арбалета.

— И впрямь кажется, что понимает. — Род закинул арбалет за спину. — Что за страна с эльфами под каждым деревом и тенью следующим за тобой ястребом.

— То не ястреб, — возразил Большой Том. — То скопа.

Род покачал головой.

— Она начала следовать за нами на второй день нашего пути. Что делать здесь птице, питающейся рыбой, так далеко от моря?

— Лично я не могу сказать. Ты, мастер, можешь однако спросить у нее.

— И я в самом деле не так уж удивился бы, если бы она ответила, — задумчиво произнес Род. — Ну, я полагаю, она не причиняет нам никакого вреда, а у нас в данный момент есть проблемы поважнее. Мы приехали сюда, чтобы попасть в этот замок. Ты ведь умеешь петь, Большой Том.

Том внимательно посмотрел на него.

— Петь, мастер?

— Да, петь, играть на волынке, или еще что-нибудь.

Том, нахмурившись, дернул себя за нижнюю губу.

— Я могу издавать какие-то звуки на пастушьем рожке, и полумертвый обозначил бы это словом «музыка». Но что это за глупость, мастер?

— Глупость шута. — Род расстегнул седельную сумку и достал маленькую лютю. — Отныне мы — мепестрели. Будем надеяться, что у обитателей утеса в настоящий момент дефицит по части музыки. — Он вынул из сумки автозаписывающий альти и отдал его Тому.

— Я надеюсь, это достаточно похоже на твой пастуший рожок, чтобы вышло что-нибудь приличное.

— Да, мастер. Очень похоже, но...

— О, не беспокойся, они нас впустят, народ в такой-то дали от столицы вынужден пребывать вне цивилизации, они жаждут новостей и новых песен, а мепестрели несут и то, и другое. Ты знаешь «Эддистоун Лайт»?

— Нет, мастер.

— Очень жаль, это всегда хорошо идет в припортовом городе. Ну, неважно, я могу научить тебя ей по дороге.

Они тронулись в путь, распевая с альтерациями, неизвестными ни в каких человеческих ладах и гаммах.

Скопа закричала и круто взмыла вверх.

— Принесли новости с севера? — нетерпеливо спросил часовой. И Род, вспомнив, что менестрели были ближайшим средневековым эквивалентом репортеров, ответил утвердительно.

Теперь они с Томом стояли перед собранием из двадцати восьми вельмож, их жеп и слуг всех возрастов от хорошепких служапочек лет четырнадцати до девяностолетнего графа Валлондери — все с одинаковым нетерпением, голодным блеском в глазах, а Род без единого обрывка новостей для сообщения им.

Ну, неважно, он их выдумает по ходу дела. Он будет не первым репортером, совершившим подобный фокус.

Старший герцог Логайр заостенело сидел в центре общества, в большом дубовом кресле; он, кажется, не узнал Рода. Но Дюрер-то узнал. Он стоял, согнувшись над левым плечом Логайра, излучая взглядом ненависть к Роду. Но разоблачение Рода не принесло бы ему никакой пользы, и он это знал. Логайр все еще любил свою племянницу, хотя и был не в ладах с ней. Он принял бы Рода с почетом за то, что тот спас Катарине жизнь.

Именно Логайр огласил вопрос за всех своих вассалов, и Род, рассудив, что у герцога имелись очень личные причины жаждать услышать о Доме Хлодвига, ответил, что покамест на севере все тихо. О, разговоры ходят и знаки Дома видели, но это были разговоры и только разговоры — пока.

Затем они с Томом принялись с притопыванием исполнять «Эддистоун Лайт». С минуту собрание стояло в пораженном молчании, потом по лицам расплзлись улыбки, а руки начали хлопать в ритме песни.

Получив такое поощрение, Большой Том набрал и громкость и темп, Род старался не отставать от него, одновременно сканируя лица зрителей.

Старый герцог попытался глядеть строго и неодобрительно, без особого успеха, впрочем. Позади правого плеча старика стоял высокий молодой человек примерно того же возраста, что и Род. Пока он слушал песню, на губах у него появилась улыбка; а в глазах — блеск, сменив гримасу недовольства, жалости к себе и злости. Старший сын, догадался Род, с сонмом слабостей, на которых мог играть Дюрер.

Было легко выделить вассальных лордов Логайра: все

были богато одетыми и сопровождались даже более богато разодетыми жилистыми людьми — советниками, молодчиками Дюрера.

Род испытывал странную уверенность, что все предложенное Дюрером будет поддержано всем югом, с одним несогласным — Логайром.

Но Логайр, конечно, имел на один голос больше, чем все вассальные лорды вместе взятые. Род вспомнил непростенное обещание Логайра Катарине:

«Пока я жив, королеве не будет учинено никакого вреда...»

Пока я жив...

Представление имело буквально громовой эффект. Род сумел удержать его скорее на фривольном, чем на политическом уровне, идя по тонкой грани между рискованным и неприличным.

Зрителям это очень понравилось. Род решил, что немзыкальный слух был, должно быть, генетической доминантой на Грамарие. Он заметил также, что взоры всех служанок были прикованы к нему и Большому Тому, и он все еще пытался понять, почему.

Однако это, кажется, не причиняло никакого вреда это Большому Тому.

Но время от времени один из советников задавал вопрос, от которого нельзя было отделаться, и когда Род отвечал слухами, что Дом Хлодвиг поднимается против королевы, в их глазах вспыхивала бешеная радость.

Это-то он, по крайней мере, понимал. В революции важно начать ее, контроль на ней всегда можно захватить позже.

Понимать-то он понимал, но теперь, по окопчании пения, когда он шел на сеновал, временно предоставленный в его с Томом распоряжение, он все еще размышлял о выражении лиц служанок, когда они смотрели на Тома. Он был совершенно уверен, что это что-то значило — он ожидал обнаружить полностью занятый сеновал к тому времени, когда прибудет туда, поскольку Большой Том пошел первым.

Но такой взгляд не мог означать то же самое, когда относился к нему самому — если занятие менестреля не имело куда большего престижа, чем он ожидал.

Поэтому, в общем и целом, он был скорее смущен, чем удивлен, когда одна из служанок перехватила его с чашей для пива.

— Мазь для пересохшего горла, мастер менестрель,—

предложила она, с сияющим взглядом протягивая ему чашу.

Он посмотрел на нее уголком глаза и неохотно принял чашу: не было нужды в плохих манерах, не так ли?

— И, — тихонько произнесла она, когда он выпил, — тепло для вашей постели, если вам угодно.

Род поперхнулся, опустил чашу и прожег ее взглядом, потом быстро оглядел ее с ног до головы.

Она была пышкой, с высокими грудями и широким полнотелым ртом — очень похожа на Гвендайлон в некоторых отношениях...

Охваченный вдруг подозрением, Род посмотрел на нее внимательнее, но нет, кожа лица была розовой без веснушек и нос был прямым и длинным, а не курносый, кроме того глаза и волосы у нее были черными.

Он криво улыбнулся, выпил то, что было в чаше, и пернул ее.

— Спасибо тебе, девушка, премного благодарен.

Показательно, что она обратилась к нему, а не к Большому Тому, подумал он. Том был, безусловно, более привлекательным образчиком мужчины, но Род явно был тем, кто обладал определенным статусом. Сука, как и все они, подумал он, ей наплевать, кто он, лишь бы его положение — то, чем он является — было выше, чем у нее.

— Спасибо тебе, — снова поблагодарил он. — Но я слишком долго был в дороге и едва не валюсь с ног от усталости.

Очень хорошая речь, подумал он. И на здоровье, пусть себе будет невысокого мнения о моей мужественности. По крайней мере, оставит меня в покое.

Служанка опустила глаза, закусив губу:

— Как угодно, добрый мастер, — и повернулась прочь, оставив Рода пялиться ей вслед.

Ну, не потребовалось долго отвязываться. Если подумать, он был немножко унижен... но не было ли легкого намека на торжество в ее глазах, искорки радости?

Род продолжил свой путь, гадая, не ступил ли он случайно на страницы макиавеллиевского учебника.

Дверь на сеновал, как и предполагал Род, была закрыта, приглушенный женский визг, а затем басовитый смех Тома еще больше подтвердили его догадки.

Поэтому он философски пожал плечами, перекинул лютню через плечо и снова свернул на длинную винто-

вую лестницу. В любом случае, он мог хорошо воспользоваться временем. Замок столь явно был построен параноиком, что наверняка должен иметь тайные ходы.

Насвистывая, он фланировал по главному коридору. Гранитные стены были выкрашены охрой, украшены то тут, то там доспехами и гобеленами, некоторые из которых были огромными и тянулись от пола до потолка. Род старательно отметил в уме их местоположение. Они очень легко могли скрывать потайные двери.

Главный коридор пересекали под прямым углом двенадцать коридоров поменьше. Когда он приблизился к седьмому, то заметил, что его шаги, кажется, приобрели эхо — очень любопытное эхо, делавшее два шага на каждый его. Он остановился посмотреть на гобелен, эхо сделало еще два шага и тоже остановилось. Поглядев уголком глаза, Род уловил мелькнувшее богато разодетое чучело, ему подумалось, что он узнал Дюрера, но по периферийному зрению судить было трудно.

Он отвернулся и прошествовал дальше, насвистывая под нос «Я и моя тень». Эхо тронулось снова.

Ну, Род был умеренно общительным, он вообще-то не возражал против компании. Но можно держать пари, что ему не узнать слишком много с Дюрером на хвосте. Следовательно, он должен вычислить какой-то способ оторваться от своего спутника. Это будет нелегко, поскольку Дюрер наверняка знает весь замок вдоль и поперек, в то время как Род не знал его вовсе.

Но девятый коридор казался вроде бы самым пригодным для этой цели — он был неосвещенным. Странно, подумал Род. Во всех других коридорах факелы горели через каждые несколько шагов. Но в этом было темно, как в Карлсбаде до приезда туристов, в нем также лежал густой покров пыли без единого отпечатка следов. С потолка густо свисала паутина, по стенам тянулись влажные дорожки, питающие водой пятна мха.

Но главной чертой была тьма. Он оставил премилый след в пыли, но тьма давала шанс нырнуть в какую-нибудь комнату или боковой коридор, к тому же Дюрер не сможет удачно притворяться, что он просто случайно шел той же дорогой.

Род свернул по коридору, зачихав в поднятой им туче пыли, и услышал за спиной неожиданные торопливые шаги. В плечо ему впились когти, он повернулся к человеку, готовый к удару.

Да, это был Дюрер, прожигающий Рода взглядом с его обычной смесью ненависти и подозрения.

— Что ты здесь ищешь? — прохрипел он.

Род страхнул с плеча костлявую руку и прислонился к стене.

— Ничего в особенности, просто осматриваюсь. У меня в данный момент не слишком много занятий, если ты не хочешь послушать песню.

— Черт бы подрал твои копячьи копцеры! — огрызнулся Дюрер. — И можешь бросить прикидываться менестрелем, я узнал тебя.

— Вот как? — поднял бровь Род. — Почему ты так считаешь, может, я и в самом деле менестрель?

— Я слышал твоё пение. А теперь ступай в свою комнату, если у тебя нигде больше нет дела.

Род почесал нос.

— А — насчет этой комнаты, — деликатно сказал он. — Мой спутник, кажется, нашел, э, лучшее употребление для нее, чем спальня. Так что я, своего рода, э, оставлен на холодке, если ты меня понимаешь.

— Разложение! — прошипел советник.

— Нет, я подозреваю, что Большой Том занимается этим в очень здоровой манере. А поскольку мне в данный момент негде остановиться, то я подумал, что никто не будет возражать, если я прогуляюсь.

Дюрер прожег его взглядом, словно лучом лазера. Затем, очень нехотя, отступил на шаг-другой.

— Верно, — сказал он, — здесь нет никакой тайны, чтобы ты совал свой нос.

Род сумел ограничить свой смех умеренными конвульсиями в глубинах живота.

— Но разве ты не знаешь, — продолжало чучело, — что эта часть замка населена привидениями?

Род вскинул брови.

— Да что вы говорите. — Он дернул себя за нижнюю губу, задумчиво глядя на Дюрера. — Ты, кажется, весьма хорошо знаешь замок.

Глаза Дюрера вспыхнули, словно вольтова дуга.

— Любой в замке может сказать тебе это. Но я — Дюрер, советник лорда Логайра! Это мое дело — хорошо знать, точно так же как не твоё!

Но Род отвернулся, глядя в темный коридор.

— Знаешь, — задумчиво произнес он, — я никогда раньше не видел духа.

— Никто не видел, или не дожил до того, чтобы рассказать об этом! Вступить туда — шаг дурака!

Род обернулся, весело улыбаясь.

— Но я удовлетворяю требованиям, кроме того, встреча с духом послужит материалом для баллады.

Человечишка уставился на него, затем его лицо искривилось в презрительной усмешке. Он начал смеяться странным дребезжащим смехом, словно шарикоподшипник, катящийся по ржавому железу.

— Тогда ступай, дурак! Мне следовало бы понять, что без разницы, пойдешь ты туда или нет.

Род усмехнулся, пожал плечами и шагнул в темный коридор.

— Минуточку, — окликнул Дюрер.

Род вздохнул и обернулся.

— Что ты еще хочешь?

— Прежде чем ты отправишься на смерть, — сказал Дюрер с лихорадочно горящими глазами, — скажи мне, кто ты?

По спине Рода пробежал холодок. Этот человек разоблачил его легенду и видел его насквозь.

Он прислонился к стене, излучая скуку.

— Менестрель, конечно, чем же еще мне быть?

— Нет, дурак! Ты думаешь, я настолько слеп? Ты — шпион!

Рука Рода прокралась к рукоятке кинжала. Он был сбалансирован для метания.

— Шпион из Дома Хлодвига! — взвыл Дюрер.

Рука Рода расслабилась, он выпустил дыхание, про которое совсем забыл.

— Угадай еще раз, малыш!

Дюрер нахмурился.

— Не из Дома Хлодвига? Но тогда... Нет, ты их шпион! Даже теперь ты не признаешься в этом!

В мозгу Рода сработал сигнал.

Он привалился к стене, сложив руки на груди и ухмыляясь.

— Эй, что у тебя за интерес к Дому Хлодвига, советник? Зачем Хлодвигу узнавать о ваших делах?

— Нет! — прошипел Дюрер, расширив глаза. — Дурак, неужели ты думаешь, что я отвечу на такой... Ой! Проклятие на мой старческий разум, не подумавший об этом! Ты шпион королевы!

Род шагнул от стены, вынимая кинжал из ножен. Его

не особенно волновало, знает ли Дюрер, что его послала Катарина, но он хотел получить ответ.

— Я задал тебе вопрос, — спокойно произнес он.

В глазах человечилки появился ужас.

Он отпрыгнул к противоположной стене.

— Стой! По моему зову явятся солдаты!

Род подарил ему гримасу — что-то между усмешкой и презрением.

— Это принесет тебе мало пользы, если ты будешь мертв к тому времени, как они прибудут сюда. — Он жестко указал на темный коридор. — К тому же я, вероятно, исчезну, когда они явятся.

Человечишка в ужасе уставился на него и начал дрожать.

Но этот маленький ублюдок был не робкого десятка, вынужден был признать Род. Голос его сломался, как у цикады, но он продолжал говорить:

— Может быть... может быть, дело обстоит как раз именно так, как ты говоришь, и ты не от Хлодвиг! Но если ты прибыл от королевы, ты же тогда для нас желанный гость!

Род полуобернулся, бросив на человечилку намеренно косой взгляд.

— Я расскажу тебе все, что ты желаешь узнать! — Советник воздел руки в патетическом энтузиазме. — Да, я все тебе расскажу, даже день, когда мы выступим с походом на столицу королевы, тогда ты сможешь сказать ей, и она выступит на юг, чтобы встретить нас на полдорого! Даже это я тебе скажу!

Он прыгнул вперед, согнув пальцы, словно когти.

— Только не ходи в этот коридор! Если ты явился от королевы, я не дам тебе умереть.

Лицо Рода превратилось в камень.

— Нет. У вас там что-то спрятано, у меня есть странное ощущение, что это может оказаться намного важнее, чем установленная вами дата мятежа. Я думаю, что все-таки посмотрю. — Он повернулся обратно в сторону пыльного коридора.

Дюрер пробежал за ним несколько шагов, чуть ли не воя.

— Нет! Нет! Ты должен донести весть на север! Не ходи, дурак!

Род продолжал идти.

За его спиной человек в гневном завизжал:

— Тогда отправляйся на смерть! Ты и не понадо-

бишься! Я сам отнесу весть на север! Умри же, как дурак каковым ты и являешься!

Его визгливый истерический смех разносился и хлопал по стенам, стуча в уши Рода, пока тот шагал в заплесневелые, лишённые света глубины замка Логайра.

Он завернул за угол, и смех замер, с ним умер и свет факелов из главного коридора: здесь тьма была полной.

Род шел сквозь нее, нервно покусывая щеку. Очевидно, этот человечек и впрямь ждал, что он умрет... что было странно, поскольку он собирался удержать Рода от захода сюда, а это означало, что он и в самом деле хотел донести весть о мятеже до Катарины. Но почему он захотел вести двойную игру с мятежниками?

Если это по было каким-то образом тройной игрой...

Кроме того, он также, очевидно, прятал что-то в этих коридорах и мог бояться, что Род это обнаружит и сможет выйти живым.

Однако он ожидал, что Род умрет, что означало автоматическую защиту... окружавшую Большой Секрет Дюрера.

Если, конечно, не...

Род остановился, осознав вдруг, что он не знает, где находится. У него было смутное впечатление, что он поворачивал за несколько углов, пока предавался размышлениям, но не мог вспомнить, за каким именно и сколько... и в какую сторону.

Он заметил, что голос его несколько дрожит, когда он прошептал:

— Векс!

— Да, Род, — немедленно ответил у него за ухом голос. Он сильно успокаивал.

— Векс, я нахожусь в части замка, населенной призраками.

— Призраками?

— Да, такова ее репутация.

Возникла пауза, затем робот сказал:

— Род, анализ рисунка твоего голоса указывает на слабый страх. Ты ведь наверняка не веришь в духов.

— Да, не верю. Но я только что вспомнил, Векс, я ведь и в эльфов не верил. Ни в баньши, ни...

— Эльфы, — ответил ровным голосом Векс, — это миф.

— Э, Векс...

— Да, Род?

— Я видел немало эльфов с тех пор, как мы приземлились.

— Свершившийся факт, — неохотно признался робот, — который я вынужден признать. У меня пока еще недостаточно данных, чтобы объяснить кажущийся конфликт с известными принципами.

— Ты ничем не лучше католика, — проворчал Род. — Но это, по крайней мере, не вызывает больше у тебя припадков?

— Н-е-т, — задумчиво протянул робот. — Первоначальные данные вызвали перегрузку, но с тех пор эти данные были усвоены.

— Покуда ты уверен, что есть разумное объяснение.

— Именно.

— Значит, ты способен управиться с практическими делами?

— Вполне.

— Потому что ты уверен, что сумеешь в конечном счете подогнать под все это законы науки.

— Очень логично с твоей стороны, Род.

— Похоже на иезуитство, — проворчал Род. — Но непосредственное практическое дело в том, что я вправду боюсь. И по очень веской причине, Векс...

— Да, Род?

— Если на этой сумасшедшей планете могут существовать эльфы, то почему бы не существовать и духам?

Возникла пауза, затем Векс признал:

— Нет никаких данных, прямо противоречащих этой гипотезе.

Стон, настолько глухой, что Род едва расслышал его, но заставивший содрогнуться от боли в ушах, потряс стены коридора.

— Что это? — ахнул Род.

— Сложный пакет волн низкой частоты и высокой амплитуды, — услужливо ответил Векс.

— Благодарю вас, доктор Слипкэм. Чем он вызван?

— Пока еще недостаточно данных для... — Стон раздался снова, и туманный призрак с глубокими черными глазами и черным же провалом рта устремился прямо к голове Рода, начав с размера не больше булавки в противоположном конце коридора и возвышаясь над ним секунду спустя.

Род пронзительно закричал и распластался у стены. Страх завязал узлом внутриности у него в животе,

страх полупарализовал его конечности, страх заледенил его мозг и стиснул сердце.

Раздался еще один стон на полтона выше первого, Род дернул головой направо и увидел еще одного вырывающегося над ним духа.

Третий стон, и глаза Рода распахнулись, перед ним вырос третий призрак.

Три гигантских призрака окружили его полукольцом у каменной стены. Их рты имели вид огромных бесцветных «О», холодные костлявые пальцы потянулись к нему. Сквозь беспорядочную панику его мозга пробилась одна-единственная мысль: Векс не верил в духов!

— Духи! — закричал он. — Духи, Векс, духи!

— Духи, — прогудел робот, — нематериальны, даже если они существуют. Они не являются проявлениями ни энергии, ни материи и не способны причинить вреда реальному объекту.

— Скажи им! Скажи им! — завизжал Род.

Охватывающая его сердце рука стиснула пальцы. Он ахнул и закашлялся. Что-то сдавливало его легкие стальным обручем вокруг груди, все теснее и теснее... Страх был физическим существом, неясным призраком, вооруженным, ненавидящим. Страх этот мог парализовать, мог убить...

— Род, закрой уши.

Род попытался подчиниться приказу робота и не смог.

— Векс! — завизжал он. — Векс, я не могу двигаться!

Его череп затрясло громкое глубокое гудение, забивающее стоны. Оно смодулировалось в монотонный гул:

— З-А-К-Р-О-И-У-Ш-И.

И страх исчез, пропал или почти пропал, по крайней мере, уменьшившись до знакомого холодного кома в глубине живота. Род снова мог двигаться столь же легко, как всегда. Он заткнул уши пальцами. Гудение прекратилось, и он опять смог услышать духов. Их стоны стали приглушенными и отдаленными, пробиваясь сквозь пальцы. Страх снова поднялся к его горлу, но он не был больше парализующим.

— Ты слышишь их, Род?

— Да, но теперь это не так худо. Что ты сделал, Векс?

— Ничего, Род. Их стоны имеют гармоническую частоту в субзвуковом диапазоне, способную вызвать страх в особях твоего вида.

— О.

— Вызывающий страх тон — это частота пульсации, производимая одновременным испусканием инфразвуковой гармонии в трех тонах.

— Так, значит, требуются трое, чтобы испугать меня?

— Точно, Род.

— И они, на самом деле, не пугают меня, а просто заставляют испытывать страх?

— Опять правильно.

— Ну, это облогчение. На мигу я испугался, что вдруг совершенно неожиданно превратился в полночного труса.

— Все люди испытывают страх, Род.

— Да, но только трус позволяет ему остановить его.

— Это преувеличенное утверждение.

— И черт с ней, с теорией! Извини меня, пока я при-
меняю ее на практике.

Род шагнул от стены, вынудив себя двигаться. Он продолжал идти прямо сквозь духа перед ним. Стоны вдруг прекратились, затем с воим отчаяния духи исчезли.

— Они пропали, — прохрипел Род.

— Конечно. Раз ты продемонстрировал их неспособность контролировать тебя, они сами начали страшиться тебя.

— Д-д-да, — выдохнул Род. Он широко расставил ноги, уперев кулаки в бедра, откинув голову назад и ухмыляясь.

— О'кей, привидения! Есть какие-нибудь сомнения насчет того, кто здесь хозяин?

Он стоял, слушая эхо своего голоса, замурованного в пустых коридорах.

Громкая речь могла быть здесь весьма впечатляющей.

Траурный погребальный голос ответил ему из разреженного воздуха, простонав:

— Оставь пас, смертный. Оставь нас в покое в наших могилах. Мы никому здесь не вредим в наших холодных старых коридорах.

— Никому, кроме тех людей, что заходят сюда, — отрезал Род. — Их вы убиваете, как убили бы меня, одним тяжким страхом.

— Немногих, — погоревал дух. — Очень, очень немногих, смертный. Только сумасшедших и дураков.

— Если вы убили здесь, в коридорах, хоть одного человека, вы убили одного лишнего! — обвинил в ответ Род.

— Разве ты не убил бы, человек, защищая свой дом?

— Какое ты имеешь право на эти коридоры? — фыркнул Род.

Дух вдруг очутился рядом, возвышаясь над ним.

— Я некогда был Горацио, первым лордом Логайром! — в гневе прогремел он. — Именно я и построил этот замок! Ужель я не имею права на самую бедную и холодную часть его коридоров?

Страх пронзил Рода, он сделал шаг назад, затем стиснул зубы и снова шагнул вперед.

— Тут у тебя есть аргумент, — признал он, — и владения эти, как ни крути, девять десятых права. Но сколько тебе пришлось убить, чтобы приобрести эти владения?

— Пятого. — Дух, казалось, был очень опечален этим. — Все в страхе бежали.

Род кивнул, пересматривая свою оценку духа. Горацио явно не убивал, когда мог без этого обойтись. Однако, вероятно, был в восторге, когда это становилось необходимостью...

— Я не собираюсь причинять тебе никакого вреда, Горацио. — Он вдруг сардонически усмехнулся. — Какой вред я мог бы тебе причинить, даже если бы захотел?

Дух вскинул голову, уставившись пустыми глазами на Рода.

— Разве ты не знаешь, смертный?

— Духам, — поспешно произнес за ухом у Рода голос Векса, — как и всем сверхъестественным существам, можно причинить вред холодным железом или серебром или любым другим средством хорошей проводимости, хотя золото обычно расценивалось, как слишком дорогое для такого употребления.

Дух все выше вырисовывался над Родом, наступая на него.

Род шагнул вперед с кинжалом наготове.

— Стой, где стоишь, — резко приказал он. — Холодное железо, помнишь?

— Тогда, значит, — прошептал Векс, — ты знаешь секрет их силы. Ты можешь привести целую армию с затычками в ушах.

— Тогда, значит, — произнес Род, — зная секрет вашей силы, я могу привести сюда целую армию с затычками в ушах.

Дух остановился, углы его губ опустились.

— Я думал, ты сказал, что не знаешь.

— Теперь знаю. Один шаг назад, будьте любезны.

Дух неохотно отступил, простонав.

— Что за призрак стоит рядом с тобой, советуя тебе? Род оскалил зубы в усмешке.

— Черный конь, сделанный из холодного железа. Он в конюшню замка, но может говорить со мной оттуда.

— Пука, — прорычал Горацио. — Конь-призрак, предавший мир духов.

— Нет, — мрачно покачал головой Род. — Это совсем не призрак. Я ведь сказал, что он сделан из холодного железа, не так ли?

Дух решительно замотал головой.

— Никакого такого существа быть не может.

Род вздохнул.

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. Но это не по существу. Для тебя важно лишь, что я не собираюсь учинять здесь никакого вреда. Я просто кое-что ищу. Я найду это и уйду. Идет?

— Ты — хозяин. Зачем спрашиваешь? — с горечью произнес дух.

— Вежливость, — объяснил Род. Затем в голове его промелькнула нестойкая и пейспая надежда. — Да, кстати, я менестрель...

Челюсть духа отвисла, затем он кинулся вперед, вытянув руки.

— Музыка! О, сладкие звуки музыки! Сыграй нам человек, и мы в твоём распоряжении!

— Секундочку! — поднял руку Род. — Ты построил эти коридоры, Горацио Логайр, и поэтому я прошу у тебя дара спокойно ходить по этим коридорам. Дозволь мне это, и я вам сыграю.

— Ты можешь ходить, можешь ходить, где тебе угодно! — дрожа, согласился дух. — Только сыграй нам, человек!

Очень ловко, подумал Род. Столь же хорошая работа по спасению лица, как и вся, когда-либо проделанная мною... В конце концов, нет смысла наживать себе врагов, если ты можешь избежать этого.

Он поднял взгляд, вздрогнул и в потрясении устоял на окружившую его плотную стену духов, по меньшей мере, в три ряда глубиной, — все глядящие на него так, как голодный на фабрике спагетти.

Он с трудом сглотнул и снял с плеча лютню, произнес мысленно благодарственную молитву, что не имел возможности оставить ее в спальне-сеновале.

Он коснулся струн, и по рядам духов прокатился стон экстаза, словно далекий отзвук погребальных колоколов, донесенный полуночным ветром.

Тут Роду пришло в голову, что он приобрел отличнейшую позицию для заключения сделки.

— Э, лорд Горацио, за две песни не скажете ли, где находятся тайные ходы?

— Да, да! — откровенно завизжал дух. — Замок — твой, и мой домен, и все, чем я владею! Хоть королевство, если пожелаешь, только сыграй нам, человек! Ибо десять сотен лет мы не слыхали ни звука человеческой музыки! Только сыграй, и весь мир — твой!

Тогда Род принялся щипать струны, и духи задрожали, словно школьница, получившая первый поцелуй.

Он сыграл им «Гринслив» и «Пьяного матроса» — это были самые древние из известных ему песен. От них он перешел к песне «Полдень духа» и «Несчастливая мисс Бейли». Он собирался вдарить «Призрачных всадников в небе», когда ему пришло в голову, что духам могли не особенно нравиться песни о духах. В конце концов, смертные рассказывали истории о духах ради эскапизма; по тому же критерию призракам хотелось услышать о жизни скучной, ординарной, обыденной, о чем-то мирном и утешающем: воспоминания о зеленых пастбищах и журчащих ручейках, мычащем стаде.

Поэтому он сыграл все, что мог вспомнить из шестой симфонии Бетховена, что было пелегко сделать, играя на ирландской лютне.

Последние аккорды замерли среди пустых коридоров. С миг духи хранили молчание, потом по их рядам пронесся благодарственный удовлетворенный вздох.

Могучий голос Горацио Логайра тихо проговорил рядом с Родом:

— Воистину, самое прекрасное пение. — Потом он сказал очень осторожно: — Подари нам еще одну, человек.

Род с печальной улыбкой покачал головой.

— Часы ночные поджигают нас, милорд, а я должен многое сделать до рассвета. В другой раз я вернусь и сыграю вам вновь, но теперь я должен уходить.

— И верно, — сказал Горацио с еще одним вздохом. — Ну, ты вел себя с нами честно, человек, и показал нам учтивость без принуждения к оной. Так неужто мы позволим гостю превзойти нас в гостеприимстве? Нет, но идем, и я покажу тебе двери и ходы внутри стен своего

замка, я расскажу тебе обо всех его изгибах и поворотах.

Все духи, за исключением Горацио, исчезли со звуком топота мышиных лапок по сухим листьям. Горацио внезапно свернул и полетел впереди прочь от Рода, который метнулся следом за ним.

Род на бегу считал шаги, после пятидесяти дух сделал поворот под прямым углом с замечательным пренебрежением к инерции и прошел через дверной проем. Род сделал мужественную попытку совершить безынерционный поворот, но сумел только слегка притормозить.

Голос духа усилился гулким эхом пещероподобного зала.

— Это и в самом деле пещера, созданная Богом за много веков до моего прихода. Не желая скупиться с дарами Его, я превратил ее в большой пиршественный зал.

Помещение забурлило голосами тысяч людей — это когда патриарх духов испустил тяжелый вздох.

— Шумны и многочисленны были устраиваемые в сем огромном зале пиры, человек. Прекрасны девы и доблестны рыцари. — Голос его поднялся до экзальтации. — Ярким от света и музыки был мой пиршественный зал в те минувшие дни, повести и саги древнее и жизненнее, чем пение сего более позднего мира. Вино текло по усам моих придворных, и жизнь была с силой, наполняя умы своим барабанным призывом!

Призывом жизни...

Голос духа растаял, эхо его растворялось среди холодных камней пещеры, пока огромный зал не застыл в молчании своей вечной полуночи.

Где-то упала капля воды, раздробив молчание на сотню отзвучев эхо.

— Теперь они исчезли, о человек! — мрачно произнес дух. — Исчезли и умерли, пока трижды двенадцать моей крови сынов правили вместо меня этими болотами и потом являлись жить со мной в эти коридоры. Исчезли все мои храбрые товарищи, все мои податливые девы, исчезли и стали прахом под моими ногами.

Плечи у Рода выпрямились, словно холодный ветер коснулся его между лопаток. Он старался легче ступать по коврику пыли в старом пиршественном зале.

— А ныне! — Голос духа посуровел в мрачном гневе. — Ныне другие правят этими коридорами, раса шакалов, гиен, оскверняющих моих старых товарищей, разгуливая в образе людей.

Род наострил уши.

— Э, что вы сказали, милорд! Кто-то украл у вас этот зал?

— Кривые чахлые людишки, — проскрежетал призрак. — Раса пизких, лишенных благородства трусов — и лорд их всех выступает, как советник отпрыска рода моего, герцога Логайра!

— Дюрер! — выдохнул Род.

— Называется таким именем, — прорычал дух. — Хорошо, значит, он назван, ибо сердце у него твердое, а душа хрупкая*. Но заметь себе, человек, — и дух обратил свои бездонные глаза к Роду; волосы на затылке Рода чуть приподнялись и отделились от черепа при виде углей, горящих в глубине глазниц призрака, — заметь себо хорошенько, — параспев произнес он, вытягивая руку к Роду и тыча в него указательным пальцем, — что твердая и хрупкая сталь сломается от одного удара кованого железа. И также эти злые ходячие насмешки над человеческим родом могут быть сломлены мужем, коего действительно можно назвать мужем!

Рука духа упала, плечи его попикили, голова опустилась.

— Если бы, — мрачно проговорил он, — если бы в эти темные дни жил кто-либо, кто воистину может назвать себя мужем...

Глаза Рода оторвались от духа и медленно проползли по огромному залу. Там была только чернота, тесная и густая. Он моргнул и мотнул головой, стараясь избавиться от чувства, что тьма давит ему на глаза.

— Милорд Логайр, — начал он, остановился и произнес снова: — Милорд Логайр, может, я и буду твоим куском железа — все равно, меня называли и похуже. Но если я должен сломить советников, я должен узнать о них как можно больше. Поэтому скажи мне, чем они занимаются в этих залах?

— Колдовством, — проворчал призрак. — Черной магией! Хотя о мапере ее я едва ли могу рассказать...

— Ну, расскажи мне все, что можешь, — не отставал Род. — Все, что ты сможешь сказать, будет принято с благодарностью.

— Ты говоришь, словно приходской поп, собирающий десятину, — фыркнул дух. — Тем не менее, я расскажу тебе все, что могу. Знай же тогда, человек, что эти кри-

* Duree (англ.) — закаленный металл.

вые людишки построили себе здесь великий алтарь из сверкающего металла, что есть не сталь, не серебро, не золото, ни любой другой ведомый мне металл — здесь, в центре зала, где некогда тапцевали мои придворные!

— О. — Род поджал губы. — Э, каким образом они поклоняются перед этим алтарем?

— Как поклоняются? — поднял голову дух. — Да я бы поручился, что принося себя в жертву, ибо они шагают внутрь той злой поделки, а потом исчезают и снова — хлоп — они тут, целые! Я могу только думать, что они, должно быть, отдают свою кровь темному демону внутри этого сверкающего ящика, ибо они входят тощие и трясущиеся. И в самом деле, — сказал он задумчиво, — почему бы они иначе были такими иссохшими, эти людишки?

В основании черепа Рода снова началось беспокойное покалывание; оно проползло вниз по шее и распространилось по плечам.

— Я должен увидеть эту поделку, милорд. — Он нащупал кинжал. — Давай-ка немного посветим!

— Нет! — резанул по барабанным перепонкам крик. Дух запульсировал, съеживаясь и вырастая, контуры его заколебались, словно пламя свечи. — Ужель ты уничтожишь меня, человек, и отправишь в еще более темное царство, чем это?

Род помассировал шею, пытаясь высвободить мускулы, сведенные судорогой от вопля духа.

— Прости меня, лорд Логайр, я забыл. Мой фонарь останется затонувшим, но ты должен тогда привести меня к этому страшному алтарю, чтобы я мог увидеть его своими глазами.

— Значит, ты собираешься поклопаться там? — Пустые глазницы призрака злоепо покраснели.

— Нет, милорд, но я должен узнать эту вещь, чтобы суметь свалить ее, когда придет время.

С миг дух молчал, затем степенно кивнул и скользнул вперед.

— Идем.

Род, спотыкаясь, побрел за ним, вытянув руки вперед — по пятам за призраком, пока его ладони не уперлись во что-то твердое и холодное.

— Берегись, человек, — прогрохотал призрак, — ибо здесь таятся темные силы.

Род медленно, дюйм за дюймом, напугивал себе дорогу вдоль металла, мягко поблескивающего в слабой лю-

минисценции призрака. Затем его правая рука упала на что-то. Он пошарил, обнаружил, что это был угол, пожелал, чтобы дух испускал еще немного света, и шарил до тех пор, пока не определил на ощупь контуры двери или, скорее, дверного проема семи футов в высоту и трех в ширину.

— Что находится внутри, милорд? — спросил он шепотом.

— Это гроб, — простонал дух, — металлический гроб без крышки, поставленный стоя, и ты нашел его открытую сторону.

Род гадал, что случится, если он шагнет в эту нишу, но по какой-то странной причине в нем отсутствовал экспериментаторский зуд истинного ученого.

Он пошарил папротив дверного проема, и всего ладонь вжался круг, слегка выступающий над металлическим блоком.

Проводя пальцем справа от дверного проема, он открыл целый набор кругов, овалов и кнопок. Район в пределах их контуров был более гладким и менее холодным, чем окружающий их металл — стекло, решил он, или пластик. Пульт управления.

— Милорд Логайр, — тихо позвал он. — Подойдите теперь сюда ко мне, умоляю вас, потому что мне нужен свет.

Дух подплыл к нему и при свете его холодного излучения Род разглядел набор измерительных приборов, верньеров, ряд кнопок с цветовым кодом.

Голос духа был мягким, почти сочувствующим.

— Почему ты дрожишь, человек?

— Холодно, — отрезал Род. — Милорд Логайр, боюсь, что я должен согласиться с твоим мнением по поводу этой чудовищной штуки. Я не знаю, что это такое, но явно нехорошее.

Дух заговорил, соглашаясь.

— И то, что дурно на вид, должно быть вдвое хуже в действиях своих.

— Ну, я не столь уверен в этом, как в основном принципе, — сдержанно ответил Род. — Но в данном случае это может быть применимо. Милорд, в последующий небольшой срок не обращайтесь внимания на мое бормотание, я должен, э, прочесть заклинание против зла этой, э, машины.

Он переключился на жаргон галактических матросов, в то время как дух в замешательстве хмурился.

— Векс, ты тут?

— Да, Род.

— Ты слушал?

— Разумеется, Род.

— Гм, ну значит, э, эта штука — большой кусок металла, прямоугольный, примерно, э, двадцати футов длиной на, скажем, десять шириной и, может, десять в высоту. Имеет вырезанную спереди небольшую нишу размером, примерно со средний гроб.

— Соответственно, — пробормотал робот.

— Без испрошенных комментариев на работе, пожалуйста. Это белый металл с тусклым отливом и холоднее, чем ад, сейчас, во всяком случае. Рядом с нишей набор измерительных приборов: длинная линейка со шкалой и бегунком.

— Как калибрована шкала, Род?

— Похоже на логарифм, Векс. Арабские цифры. Ноль примерно в трех четвертях пути от левого края. Левая сторона шкалы размочена до десяти тысяч. Правая сторона идет до, э, 2385. Похоже на что-нибудь, о чем ты слышал?

Возникла пауза, затем робот ответил:

— Занесено для анализа, продолжай описание.

Род скрипнул зубами. Это огромная штукавина была явно так же незнакома Вексу, как и ему самому.

— Тут есть циферблат с ручкой посередине, сразу справа от линейки. Точка отсчета наверху, двенадцать часов, отрицательное число слева, положительное справа. Ну, по крайней мере, я думаю, что это числа. Штука как раз справа от точки отсчета выглядит несколько похожей на лекало или, может, на спусконоду. Потом есть фигура, похожая на перевернутую грушу. Есть пара кругов с проходящей поперек них линией. Последняя — лежащий на боку вопросительный знак, потом есть знак бесконечности на месте шести часов. Левая сторона такая же, только все символы помечены знаком отрицания.

Робот с минуту погудел. Род узнал *Sempre Libera* из «Травяты». Векс положительно наслаждался.

— Занесено для анализа и справок, Род. Продолжай описание.

— Ты тоже не узнаешь их, да?

— Они совершенно беспрецедентны в математических дисциплинах. Но если в их основании есть какая-нибудь логика, я их дешифрую. Продолжай.

— Ну, тут есть семь кнопок, установленных на одном уровне в ряд, как раз над линейкой, с цветовой маркировкой. Цвета — э, эй, это же спектр!

— Как я и опасался, — пробормотал робот. — Использование цветов спектра указывает на произвольную передачу значений. В последовательности цветов нет никаких аномалий?

— Ну, окраска радужная...

— Не совсем то, что я подразумевал под аномалией. Ну, занесено, продолжай...

— Ничего, это все.

— Все, только три прибора управления?

— Это все.

Минуту робот хранил молчание.

— Что ты из этого заключаешь, Векс?

— Ну. — Голос робота сделался колеблющимся. — Система управления, похоже, сработана для непрофессионала, Род...

— Почему? Оттого, что такая простая?

— Именно, помимо этого тут недостаточно данных для...

— Ну, догадайся, черт побери!

— Род, гадание не находится в пределах способностей кибернетического механизма, так как оно требует применения интуиции.

— Так экстраполируй на основе уже доступных данных!

Он снова услышал «Травиату», какую мог петь грустный звукогенератор, а затем Векс сказал:

— Число 2385, кажется, указывает на номер года, Род, обусловленный ее сопоставлением с числом десять тысяч.

— Э... что ты сказал?

— Число десять тысяч, — прочел лекцию Векс, — имеет множество вероятных соотношений, одним из которых является зафиксированный период человеческой истории.

— Эй, минуточку, Векс. Письменная история не восходит далее 2000 года до н. э., даже я знаю это.

— И это чудо, учитывая твоё сопротивление обучению с самого раннего возраста.

— Ладно, ладно! Я был плохим мальчиком, не выполняющим домашние задания! Сожалею! Раскаиваюсь! Только продолжай экстраполяцию, идет?

Он услышал жужжание серии замыкающихся реле,

которое всегда напоминало ему смешки, затем Векс поведал:

— Человеческая история до развития письменности, можно сказать, зафиксирована в легендах и мифах — устной традиции — в таких произведениях, как «Эпос о Гильгамеше». Охватываемый такими трудами период можно считать начавшимся почти за четыре тысячи лет до н. э. Эта цифра, прибавленная к нынешней дате, даст нам число 9432, которое близко подходит к числу 10 000, чтобы включить ее в число вероятных соотношений.

— Хмм. — Род поджал нижнюю губу. — Ну, если посмотреть под таким углом, то, полагаю, 2385 может быть датой. Но что это означает?

— Ай, Род, вывод так очевиден.

— Значит, я микроцефальный идиот. Разжуй его.

Робот поколебался.

— Точность вывода имеет очень низкую вероятность...

— Я же просил сделать догадку, не так ли? Брось, выкладывай свой вывод.

— По данной теории, Род, этот артефакт должен быть средством передвижения для темпоральных путешествий.

Род уставился на линейку.

— Ты хочешь сказать, что это машина времени?

Бегунок был подвинут вправо до предела, остановившись на числе 2385.

— Род, ты должен держать в уме, что процент вероятности этой теории...

— Машина времени! — В мозгу Рода все завертелось. — Значит, эти малорослые ублюдки явились из будущего?

— Род, я же предостерегал тебя от твоей склонности сопровождать маловероятную теорию грузом убеждения.

Род быстро покачал головой.

— Э, не беспокойся, Векс. Это всего лишь догадка, вероятно, неправильная. Я держу это в уме.

Он отвернулся от пульта управления с пылающим взглядом. Машина времени, кто бы мог подумать?!

Он вдруг осознал слабое свечение слева от себя. Над ним возвышался мрачный Горацио Логайр.

— Что это за магия, человек?

Род помрачнел, снова повернувшись к машине.

— Странная, милорд, темная и странная одновременно. Я немного знаком с разными, э, магиями, но эта такая, о которой я ничего не знаю.

— Что же ты тогда будешь делать?

Род нахмурился, уставился в пол, а потом поднял взгляд.

— Спать. И размышлять над тем, что увидел.

— И когда ты уничтожишь эту игрушку сатаны?

— Когда буду уверен, — пробормотал Род, снова оборачиваясь посмотреть на машину. — Уверен, что это чума, а не лечение этого средневекового, погруженного во мрак мира.

Брови Логайра сошлись, его мрачность усилилась. Он, казалось, почти увеличился, вырисовываясь выше и шире, делая человека, стоящего перед ним, маленьким и беззащитным. У Рода возникло безумное ощущение, что на него с ревом несется древний локомотив.

В голосе зазвучал отдаленный гром.

— Тогда я поручаю тебе изгнание этого демонического алтаря и сброса его жрецов.

У старика, решил Род, определенно зашли шарики за ролики.

Меч духа молнией вылетел из ножен. Род невольно принял оборонительную стойку. Затем он выпрямился, выругав себя — призрачный меч едва ли мог причинить ему вред.

Меч поплыл к нему острием вниз — сверкающее подобие распятия в призрачном свечении духа.

— Поклянись на рукоятку моего меча, что отныне ты не успокоишься, пока не очистишь землю сию от пробившейся к власти испорченности, что изгонишь сей темный алтарь и всех слуг его, и еще: что ты никогда, пока жив, не покинешь Грамарий в час опасности.

От потрясения у Рода отвисла челюсть. Широко открыв глаза, он уставился на тень, пораженный неожиданной мощью и величием духа. В душу его закрался холодный страх. Волосы у него на затылке встали дыбом от охватившего ужаса.

Он съежился.

— Это едва ли необходимо, милорд. Я люблю остров Грамарий и никогда не...

— Положи руку на рукоять и клянись! — Слова были краткими и строгими.

Род немало стухнул, отлично понимая, что эта клятва на всю жизнь привяжет его к планете.

— Клянись! — прогремел дух. Клянись! Клянись!

— Все ты, старый крот? — пробормотал под нос Род, но это не сработало, он никогда не чувствовал себя таким «веселым».

Он устоял на пылающую светом рукоять и строгое лицо за нею.

Почти против собственной воли он сделал шаг вперед, затем еще один, наблюдая, как его рука сомкнулась вокруг рукояти. Ладонь ничего не почувствовала, никакого давления твердого металла, но воздух в его руке был таким холодным, что парализовал его пальцы.

— А теперь клянись мне! — прогремел Горацио.

«А, ладно, — подумал Род. — Это только слова. Кроме того, я ведь агностик, не так ли?»

— Я... клянусь, — неохотно произнес он, буквально выдавливая слова. Затем в его мозгу сверкнуло озарение, и он легко добавил: — И далее я клянусь, что я не успокоюсь до тех пор, пока королева и все ее подданные не будут править вновь с единым голосом.

Он снял руку с меча, весьма довольный собой. Эта дополнительная статья давала ему путь прямо к его цели независимо от того, числил ли там Горацио или нет демократию среди опасностей, угрожающих Грамарию.

Дух нахмурился.

— Странная, — пробурчал он, — очень странная клятва. И все же сердцем я не могу сомневаться и благославляю тебя.

Конечно, признался себе Род, клятва все же привязывала его к Грамарию, но через эту пропасть он перекинет мост, когда подойдет к ней.

Меч скользнул обратно в ножны. Дух повернулся и сказал через плечо:

— Следуй за мною теперь, и я покажу тебе коридоры внутри этих стен.

Род последовал за ним, пока они не подошли к степе.

Дух показал длинным костлявым пальцем:

— Прощупывай, пока не обнаружишь, что камень под твоей ладонью подается.

Род протянул руку к камню, указанному призраком, и толкнул, наваливаясь всем телом. Камень застонал и со скрежетом подался, уйдя в стену. Когда он вышел обратно, отворилась дверь со скрипом протестующих петель, которым давно уже должны были бы сделать перерыв на смазку.

Щеку Рода овеял холодный черный воздух.

— А теперь оставь меня, — сказал стоявший рядом с ним высокий и величественный дух. — И ступай выполнять свой долг. И все же помни, человек, клятву свою и будь уверен, что если ты когда-нибудь отбросишь ее,

первый герцог Логайр всегда будет стоять рядом с твоей постелью, пока ты наконец не поддашься страху.

— Определенно утешающая мысль, — пробурчал под нос Род. Он принялся ощупью спускаться по мшистым ступенькам, напевая себе под нос: «Никогда тебе не бывать одному».

На этот раз дверь на сеновал была открыта, и подобный грому храп Тома глухо раскатывался по каменному помещению.

Род остановился в дверях, пожевывая губу. Он вернулся в коридор, вынул из кронштейна факел и сунул его впереди себя в помещение, осторожно заглядывая туда, просто для гарантии уверенности, что никто не попытается вновь пробудить Тома с умыслом потребовать впоследствии алименты.

Колеблющийся луч факела открыл спящую фигуру рослого крестьянина, укрытого плащом до середины груди. Одна медвежья ручища удобно обнимала круглое мягкое тело блондиночки, укрытой (или раскрытой) плащом в той же степени. Ее маленькие твердые грудки прижимались к боку Тома, а голова с разметавшимися светлыми волосами покоилась на его плече. Одна из загорелых рук была по-собственнически перекинута через боченок груди великана.

Род нахмурился и подошел взглянуть поближе. Лицо было топкое, нос вздернутый, рот маленький с довольной и падмешной улыбочкой.

Это была, определенно, не брюнетка, пристававшая к Роду ранее в коридоре. Он удивленно хмыкнул. Так, значит, та девка не ринулась за слугой, когда ей отказал господин.

Конечно, она могла оказаться просто недостаточно резвой... Но нет, Большой Том был бы рад убагатворить обеих.

Он поставил факел на место, вернулся на сеновал, с кивком завистливого восхищения Большому Тому и, не трудясь стягивать камзол, свалился на кучу сена, служившую ему постелью. Это воскресило в нем воспоминания. Он зевнул, положил голову на согнутую руку и медленно продрейфовал ко сну.

— Человек Гэллоуглас!

Голос так и прогремел в тесном помещении. Род рывком выпрямился, девушка завизжала, а Большой Том выругался.

Над ним, светясь в темноте холодным светом, возвышался дух.

Род поднялся на ноги, бросив быстрый взгляд на Тома и девушку. Она съежилась в малодушном страхе, прижавшись к медвежьей шкуре великана. На лице Тома уже установилось выражение угрюмого (и вероятно, испуганного) вызова.

Род переключил взор на духа, стоящего высоко над ними в пластинчатых доспехах, с невероятно длинным и тонким лицом. Оружие у него на бедре было рапирой, это был не Горацио Логайр.

Род напомнил себе, что он — босс, факт, о котором он почти забыл. Он ответил бездонному взору самым надменным взглядом, на какой был способен.

— В каком хлеву ты вырос, — рявкнул он, — что являешься перед джентльменом столь бесцеремонно?

Глаза-пещеры расширились, у духа отвисла челюсть. Сбитый с толку, он уставился на Рода.

Смертный поспешил воспользоваться своим преимуществом.

— Говори же, да поживее, иначе я спляшу на твоих костях!

Дух просто зараболепствовал, Род попал в точку. Очевидно, существовала какая-то эктоплазматическая связь между духом и его бранными останками. Он сделал мысленную пометку отыскать могилы всех участвующих в деле духов.

— Прошу прощения, милорд, — заякаясь, произнес дух. — Я никак не хотел оскорбить. Я только...

Род оборвал его:

— Раз уж потревожил мой сон, ты вполне можешь сказать, что привело тебя ко мне?

— Вас вызвали...

Род снова перебил его:

Никто не вызывает меня.

— Прошу прощения, милорд, — поклонился дух. — Милорд Логайр просит вашего присутствия.

Род еще с миг прожигал его взглядом, затем со вздохом взял лютню.

— Ну, кто имеет дело с духами, должен заниматься делами в неурочное время. — Он вскинул голову. — Горацио Логайр?

— Он самый, милорд.

Служанка ахнула.

Род вздрогнул, он совершенно забыл про своих слу-

шателей. К полудню его репутация будет известна всему замку.

— Ну, — сказал он, вешая лютню на плечо, — веди.

Дух еще раз поклонился, затем, вытянув руку, повернулся к стене.

— Погоди, — рявкнул Род, — лучше оставь тайные ходы тайными. Ступай к милорду Логайру и скажи ему, что я скоро приду. Ты забываешь, что я не могу ходить сквозь стены, подобно тебе.

Дух обернулся, недоуменно нахмурившись.

— Но, милорд...

— Ступай к милорду Логайру, — рассвирепел Род.

Дух съежился.

— Как вам угодно, милорд, — поспешно проямлил он и скрылся.

В неожиданно наступившей темноте девушка испустила долгий рыдающий вздох.

— Как же это, мастер? — осведомился Большой Том очень спокойным голосом, со всего лишь следом удивления. — Ты теперь регулируешь движение духов?

— Да, — ответил Род и распахнул дверь, гадая, где это Том подхватил такое выражение — «регулировать движение».

В дверях он обернулся посмотреть на пару, сузив глаза и пронзая их взглядом.

— Если хоть слово об этом выйдет за пределы этого помещения, у вас обоих будет беспокойный сон и ночные гости.

Глаза Большого Тома сузились, девушкины же в тревоге расширились.

«Хорошо, — подумал Род. — Я пригрозил и теперь могу быть уверенным, что она будет молчать».

Он круто повернулся и закрыл дверь. Большой Том, конечно же, утешит ее, а контроль его мастера над духами не совсем уронит его в ее глазах.

И конечно же, она будет держать язык за зубами. Что тоже неплохо. Для человека, не верящего в магию, Род и так уж чересчур прославился, как чародей.

Он крался по коридору, пока не нашел пустую комнату со входом в тайный туннель. Гранитные блоки стен были вырезаны в форме барельефа, изображающего сжигаемую на костре оранжевую флейту. Логайры явно весьма серьезно воспринимали принятую ими ирландскую фамилию.

Род нашел в связке хвороста один уголек, вырезан-

ный немного глубже остальных, и бросил на него весь свой вес, толкнув его вправо. Древний механизм издал глухое рычание, и дверь развернулась на каменных плитах пола.

Род нащупал подошвами ног ступеньки, протянул руку к большому железному кольцу, установленному с внутренней стороны двери, и, задвинув ее, направился вниз, по лестнице.

Он вышел через массивную дверь в большой зал с темным алтарем. Его призрачный проводник был уже там, дожидаясь.

Дух поклонился.

— Если вы будете так добры последовать за мной, мастер... — Он повернулся и пошел к арочному выходу в коридор.

Род последовал за ним, бурча под нос:

— Полегче там с сарказмами.

Они вышли в коридор, и справа от себя Род увидел флуоресцирующее собрание духов. Они стояли неподвижно, склонив головы, глядя на что-то внизу на полу в центре их круга. Род услышал очень испуганный плач.

Когда Род подошел, Горацио отплыл от кучи призраков. Его крупное лицо исказил гнев.

— Милорд Логайр. — Род поклонился с предельной вежливостью, затем выпрямился. — Зачем ты вызвал меня?

Лоб духа немного разгладился, он, видно, несколько смягчился.

— Человек Гэллоуглас, — проворчал он, — почему ты не сказал мне, что пришел в наши коридоры не один?

— Не один? — поднял брови Род. — Вот как?

Мрачность Логайра перепла в озадаченность.

— Воистину, был некто, следовавший за тобой, как я убедился, выйдя из зала со странным сооружением.

— Высший сорт, — пробормотал Род.

— Gesundheit *, — отвечал Логайр. — Если нам предстоит иметь здесь постоянное хождение смертных, мне придется присмотреть за отоплением коридоров. Но к делу: я нашел твоего слугу прямо при выходе из зала.

— Слугу? — нахмурился Род. — Откуда ты знаешь, что это слуга?

— Он же подслушивал у двери. И мы можем знать,

* На здоровье (нем.).

что он твой, ибо когда мы двинулись на него, он выкрикнул твое имя.

— О. — Род сосредоточенно почесал затылок. — Так он назвал мое имя, да?

— Да, иначе мы убили бы его. И посему я послал за тобой, чтобы отдать его тебе.

Логайр посторонился, круг духов расступился, и Род шагнул вперед. В холодном свете духов он увидел жалкий комок, пытающийся втиснуться в стену. Лицо было отвернуто от него. По плечам рассыпались длинные черные волосы. На нем была белая блузка, широкая юбка и черный лиф.

— Милорд Логайр, — начал было Род, но голос его осел и он начал снова: — Милорд Логайр, это вряд ли «он». — А затем самым мягким голосом, на какой был способен, он попросил: — Посмотри на меня, девушка.

Голова девушки вскинулась, губы раздвинулись. Лицо ее залилось радостью и облегчением.

— Милорд!

Затем ее руки обвились его шею так крепко, что ему пришлось бороться за дыхание, а ее тело плотно придвинулось к нему. Она уткнулась головой в плечо Рода, содрогаясь всем телом от рыданий.

— Милорд, о, милорд!

— Боже милостивый! — откликнулся Род, отодвигаясь от нее, чтобы прочистить гортань.

Он, разумеется, узнал ее, это была служаночка, сделавшая ему ранее вечером предложение.

— Ну, ну, тихо, девушка, все хорошо, — прошептал он, глядя ее по спине.

Помещение вокруг него, казалось, закачалось. Он выбрал фиксированную точку света и уставился на нее.

Она оказалась Горацио Логайром, с лицом, искаженным вальтом негодования.

— Забери ее из моих коридоров, человек, они и без того достаточно сырые.

Род как раз успел заметить, как мило эта крестьяночка укладывается в его объятия. Он закрыл глаза, упиваясь ее теплотой и близостью. Затем кивнул головой.

— Да, милорд, так я сделаю. Ну, ну, тихо, девушка, не нужно плакать. — Он вытащил из-за манжета платок и вытер ей щеки. — Хватит слез, милая, вот так. Ты повышаешь влажность, а у Горацио артрит, если только он сможет вспомнить, куда положил свои кости. Вот так, умница,

Ее голова уткнулась ему в грудь, она шмыгнула носом. Глаза ее закрылись, мышцы расслабились, казалось, она едва ли не уснула. Рода охватила внезапная волна нежности при помощи и содействии ощущения огромной силы, внесенной его инстинктом защитника, и он мысленно выругал липучий эффект девицы в беде.

Он посмотрел в мрачные глазницы Логайра.

— Зааркапили тебя, человек.

— Кого? Меня? — Род нахмурился и глухо стукнул себя по горлу в области сонной артерии. — «Семь раз испытан я огнем...»

— «...и сочтен желанным, — согласился Логайр. — И семь раз испытан разум в том, кто ошибок не имел» *. Забери ее из моих коридоров, человек.

Род бросил на него последний вызывающий взгляд и повернулся к девушке.

— Идем, девушка, — прошептал он. — Теперь мы должны уйти из этих мест.

Он подхватил ее на руки. Она шевельнулась, что-то обиженно пробормотала и снова уткнулась в его плечо, крепко обняв его шею руками.

«Младенцы и женщины, — раздраженно подумал Род, — хуже зыбучих песков».

— Милорд, — обратился он к Логайру, — не проводите ли вы меня? Как вы можете понять, мое внимание несколько отвлечено...

— Да, — ответил дух и свернул направо по коридору, но не раньше, чем Род успел заметить на лице духа призрачную улыбку.

Он вышел в освещенный коридор, где прежде встретил Дюрера. Человечешка исчез, очевидно, он предположил самое худшее и довольный пошел своей дорогой.

Род опустил ноги девушки на пол. Она снова пробормотала неразборчивый протест и еще крепче прижалась к нему.

Род сжал ее в объятиях и потерся щекой о ее волосы, растягивая мгновением как можно дольше.

Затем он печально улыбнулся, и, подняв руку, погладил ее по подбородку, повернув ее лицо в свою сторону. Глаза с длинными ресницами были все еще закрыты, полные красные губы надуты и чуточку приоткрыты.

Род сделал себя твердым, как сталь, и мягко спросил:

* Шекспир, «Венецианский купец», акт II, сд. 3.

— Теперь ты должна рассказать мне, девушка, зачем ты последовала за мной.

Глаза ее распахнулись и тревожно расширились. Потом она закусил губу, опустила голову и отступила от него, вцепившись в ткань его камзола.

— Ты должна рассказать мне, девушка, кто послал тебя шпионить за мной?

Она вскинула голову, в испуге расширив глаза, и замотала ею.

— Никто, милорд никто, только я сама.

— Да? — печально улыбнулся Род. — Сама по себе ты последовала за мной в часть замка, населенную призраками?

Она снова опустила взгляд.

— Я не боялась призраков, милорд.

Род удивленно поджал губы.

«Если это так, она обладает необычной для горничной смелостью.

Первы у нее не сдали до тех пор, пока она не увидела духа, а испытавши сам их стоны, Род легко мог понять ее сломленность.

Она также могла последовать за ним в надежде, что он надумает пересмотреть свое решение спать в одиночестве. Или, может быть, она думала, что сможет помочь, если он попадет в беду». Род улыбнулся при этой последней мысли. Но он должен был удостовериться в этом.

— И все же ты еще не сказала мне, почему ты последовала за мной?

Она снова закусил губу и скривила лицо. Род спокойно ждал.

Выдавливая из себя каждое слово, она сказала:

— Я... я боялась за вас, милорд.

Род уставился на нее, затем его рот растянулся в полуулыбке. Он медленно покачал головой.

— Ты боялась за меня?

— Да, — вскинула она голову. — Я не знала, что вы чародей, а человек в одиночку... в тех коридорах...

Голос ее оборвался, веки снова опустились.

Род испустил вздох и привлек ее к себе. Она с миг сопротивлялась, затем уступила.

— Ах, девушка, девушка! — вздохнул он. — Чем ты могла мне помочь?

— Я... у меня есть подход к некоторым духам, милорд. — Голос ее был приглушен тканью его камзола. — Я думала...

Род нахмурился. Неужто общение с миром духов было нормой на этой рехнувшейся планете?

Он мягко погладил ее по спине, прижимаясь щекой к ее волосам. Она, конечно, могла и лгать, но это подразумевало бы, что она великокопная актриса, а для этого она казалась слишком бесхитростной.

Он вздохнул и еще крепче сжал ее в объятиях. Она прижалась к нему бедрами.

Род закрыл глаза и стер в голове все ощущения, кроме ощущения ее тела. Оно было хорошим, очень хорошим, почти как у той девушки — Гвендайлон...

Он резко открыл глаза и уставился в освещенный факелами полумрак коридора, рисуя перед собой два лица — бок о бок. Покрась волосы в черный цвет, загни уголки глаз, выпрями нос.

Она почувствовала его напряжение и подняла голову: — Что такое, милорд?

Голос был немного выше тоном, да, но он был того же тона.

Он оглядел ее с ног до головы — комплекция была безупречной. Но чтобы состричь основы косметики, требуется не такая уж развитая технология.

Он нацелился указательным пальцем ей между глаз.

— Ты, — заявил он, — обманывала меня.

Его палец остановился на кончике ее носа.

В ее глазах мелькнуло разочарование, а затем она снова стала воплощением невинности.

— Обманывала вас, милорд?.. Я... я не понимаю.

Род щелкнул пальцами, кончик носа отлетел. Он кивнул мрачно, но с улыбкой.

— Крахмал и вода. Но ты поступила неправильно, выпрямив его. Мне он гораздо больше нравится чутьку вдернутым.

Он потер кончиком пальца по уголку глаза — и тот перестал быть косым, а на пальце появилось черное пятно.

— Крахмал и вода, и черная краска на веках. Немного муки, смешанной с жженой амброй, на лицо и хна для волос.

Уголки ее рта сжались. Лицо под краской покраснело от жаркого гнева.

Он покачал головой, наморщив лоб.

— Но зачем, девушка? Твое лицо во много раз прекраснее.

Он позволил себе момент самодовольства, когда гнев на ее лице растаял в нежности и страсти.

Она опустила взгляд.

— Я не могла тебя покинуть, милорд.

Он закрыл глаза, скрипнул зубами и только огромным усилием воли удержался, чтобы не сжать ее в объятиях.

— Но... — Он остановился и продолжил после громкого долгого вдоха: — Но каким образом ты последовала за мной, девушка?

Она подняла взгляд, невинно расширив глаза.

— В обличье скопы, милорд.

Глаза его широко раскрылись. Он уставился на нее.

— Ведьма? Ты? Но...

— Ты не станешь презирать меня из-за этого, милорд? — обеспокоенно спросила она. — Ты, который и сам чародей?

Его глаза потеряли фокус.

— Как? Чародей? — Он помотал головой, пытаюсь прояснить ее. — Э, я хочу сказать... нет, конечно, не стану. Я имел в виду... ну, некоторые из моих наилучших друзей... в...

— Милорд? — Она взглянула ему в лицо. — Здоров ли ты?

— Кто, я? Конечно, нет! Нет, мипутку. — Он остановился и сделал очень глубокий вдох. — Итак, слушай. Ты — ведьма. Так. Подумаешь, эка важность. Меня больше интересует твоя красота, чем твои таланты.

Горящие уголья, там, в ее глазах, готовы были воспламениться, если он подует на них. Он сделал еще один глубокий вдох и призвал свои гормоны к порядку.

— А теперь, давай внесем ясность в один вопрос.

— Да, милорд, — выдохнула она, прильнув к нему.

— Нет, нет! Я имею в виду не это! — Он шагнул назад, выставив перед собой руки, чтобы удержать ее. — Слушай. Единственная причина, по которой ты последовала сюда за мной, заключалась в том, что ты боялась, что я попаду в беду, с которой не смогу управиться, верно?

Она помолчала, свечение в ее глазах медленно угасло под приливом разочарования.

Она опустила взгляд.

— Да, милорд.

То, как она это произнесла, заставило его подумать, что она оставила жутко много недосказанным, но он поспешил со следующим доводом.

— Но теперь ты знаешь, что я чародей, верно?

— Да, милорд. — Он едва мог ее расслышать.

— Значит, ты знаешь, что мне нечего бояться, не так ли? Значит, больше нет нужды следовать за мной, верно?

— Нет, милорд! — Она вскинула лицо, пылая взглядом, затем ее подбородок поднялся немного выше, гордый, надменный в своем упрямстве. — Я буду следовать за тобой по-прежнему, Род Гэллоуглас. В мире сем есть чары, о коих ты не ведаешь.

И одним из самых раздражающих в ней качеств, решил Род, было то, что она всегда была столь чертовски права. В этом безумном шиворот-навыворот мире было наверное куда как много «чар», которых он даже вообразить не мог.

Но с другой стороны, кажется, были некоторые, о которых она тоже не знала. Ведьма-любительница, скорее всего, и слишком старая, чтобы вступать в союз — ей, должно быть, почти столько же лет, сколько и Роду. Фактически, ее «колдовство» состояло, кажется, из косметического искусства, способности летать птицей (это еще он не до конца вычислил) и совершенно необычной для женщины смелости.

Так что она права, у нее были веские причины беспокоиться о нем — он еще находится в опасности, но также и она. Нет. Без толку говорить ей, что она не может следовать за ним, она все равно последует. И он выйдет живым, как он всегда выходил из всех передрыг, но она будет убита где-нибудь в кювете, где-то по дороге. Или, может быть, настолько свяжет его, что они оба кончат покойниками.

Он мотнул головой из стороны в сторону, энергично ею трясся. Он не мог позволить ей погибнуть. Он должен был как-то стряхнуть ее и знал, как именно.

Его рот скривился в кислой улыбке.

— Выходит, правда то, что говорят о сельских девушках: дай им миг доброты, и ты никогда от них не избавишься. У тебя, милая, высший класс приставучести.

Она ахнула, отступила от него, лицо ее исказила гримаса боли, а тыльная сторона ладони метнулась к губам. На глаза навернулись слезы, она закусила руку, повернулась и убежала.

Он уставился в пол, прислушиваясь к замирающим рыданиям, чувствуя растущую в нем пустоту.

По тяжелой дубовой двери гроыхнул кулак. Род выкарабкался из глубины сна, забарахтался, пытаясь сесть.

Большой Том и деваха лежали, не шевелясь, не сводя глаз с двери. Род хмыкнул, поднимаясь на ноги.

— Не беспокойтесь, — пробурчал он. — Духи не стучатся.

— Эй, менестрель, — грохнул грубый пропитый голос. — Ступай к моему хозяину!

Род натянул камзол и поднял лютню. Он распахнул большую дверь, мотая головой, чтобы избавить ее от остатков скудного сна.

— Ты мог бы, по крайней мере, попробовать быть повеселее в такой час чертова утра? — проворчал он. — И кто именно, черт возьми, твой хозяин?

Тяжелый кулак попал ему ниже уха, заставив его откатиться к стене. Он поборол мгновенный импульс сломать этому типу шею.

Сквозь звон в ушах и шум в голове он расслышал глухой садистский смешок.

— Знай, как разговаривать с высшими, шут. То хорошее правило для мужлана.

Род поднялся, оперевшись руками о стену, и смерил взглядом своего противника. Это был простой солдат, одетый в кожу и кольчугу, которые нуждались в чистке, так же как и сам солдат.

Может быть, он и простолюдин, но у него был далеко не простой случай запаха, и венец всего — халитоз*, обремененный, возможно, гнилым зубам, которые он выставлял напоказ в самодовольной ухмылке.

Род вздохнул и выпрямился, решив, что, возможно, лучше будет сыграть свою роль. Фактически, он заслужил удар, потому что выпал из характера своего персонажа. Шут в средневековом обществе канонизировал выход эмоций — не только через развлечения, но также создавая мишень для агрессий, становясь их объектом.

— Ладно, — сказал он. — Усвоил. Идем.

На этот раз кулак угодил ему в челюсть. Покачившись от удара, он услышал, как веселый голос прорычал:

— Усвоил, но недостаточно, правило есть обращаться к высшим «мастер».

Род подавил гнев в спокойную, расчетливую ярость и

* Халитоз (мед.) — дурной запах изо рта.

бросился вперед, нанеся три быстрых удара ребром ладони.

— У меня есть еще лучшее правило для солдата, — проинформировал он смятую кучу у своих ног. — Сперва удостоверься, кто есть высший. А теперь води меня к своему хозяину.

Хозяином, как оказалось, был Логайр. Рода проводили в средних размеров зал с высоким потолком, который был весь увешан гобелонами.

Три высоких узких окна, сквозь которые Роду был виден слабый свет зари, искажаемый призмой водопада, освещали помещение, которое было заполнено ревом воды, но звук был приглушенным. Присмотревшись повнимательнее, Род увидел, что окна были с двойными рамами и в метр глубиной. Кто-то кое-что помнил из старой технологии.

Стены были увешаны гобеленами, под ногами лежал толстый ковер. Центр покоев занимал большой овальный стол. Во главе его сидел Логайр, справа от него — старший сын. Дюрер сидел слева. Другие места занимали восемь человек, выглядевшие знакомыми. У Рода расширились глаза, когда он узнал их герцог Медичи, граф Романов, герцог Вурбон, князь Габсбург и их советники.

После Логайра они были четырьмя самыми могущественными среди Великих Лордов. И если эти пятеро собирались вместе, то не могли ли быть поблизости и другие семеро?

Все сидели за завтраком, но никто из них, кажется, по-настоящему не совладал, что ест. Взять вот Ансельма — сына Логайра — он ел, словно автомат, уставясь в тарелку, с лицом, застывшим, словно у скульптуры, в холодной ярости.

Его отец сидел, склонив голову, крепко стиснув руки перед собой на столе.

«Надо полагать, — решил Род, — здесь имела место небольшая ссора между отцом и сыном, и Логайр победил, но только приказал сыну заткнуться».

И Рода призывали залатать брешь. Ой-е-ей! Чего только не ждут люди от эстрадных артистов.

Лицо Дюрера лучилось подопудной, мстительной радостью, у других советников были более умеренные версии того же выражения лица. Что бы тут ни произошло, все вышло так, как хотел Дюрер: вероятно, именно он-то это и подстроил. Этот человек был идеальным катализа-

тором, решил Род. Он никогда не вступал в вызванные им реакции.

Логайр посмотрел на своего сына с немим призывом в старческих покрасневших глазах. Но Ансельм не ответил ему даже мимолетным взглядом, и лицо герцога стало твердым, как камень.

Повернувшись, старик увидел Рода.

— Менестрель! — рявкнул он. — Что стоишь ты праздно, дай нам веселья.

Голова Дюрера резко повернулась в сторону Рода, он впился в него взглядом. Тревога сменила на его лице радость, с следовавшей затем убийственной яростью.

Род весело улыбнулся, поклонился и коснулся чуба, отдавая честь. Про себя он гадал, какая же песня сможет выжечь напряженность в этом зале. Он сильно подозревал, что тут существовал обычай разрезать атмосферу, избивая менестреля за неумение выполнить свою задачу.

Он начал наигрывать «Мэтти Гривса», прикидывая, что его единственный шанс заключается в том, чтобы дать нечто еще более ужасное, чем все, что только могло иметь здесь место.

Он, однако, некоторое время воздерживался от слов, чтобы дать себе время изучить лица четырех лордов. Выражение их менялось от задумчивого размышления до прямого, хотя и несколько завуалированного презрения, последнее явно было направлено на старого герцога. Похоже, Логайр не имел здесь сильных сторонников; баланс мнений, кажется, покоился на его сыне.

— Менестрель!

Род поднял взгляд — это заговорил Ансельм.

Лицо молодого человека было настолько кислым, что от него и молоко свернулось бы.

— Ты знаешь песню о парне, из которого женщина сделала дурака, и все же он, вдвойне дурак, все еще любит ее?

— Конечно! — ответил Логайр.

Но прежде чем Ансельм смог ответить старику, Род сказал:

— Много, милорд, о мужчинах, все еще любящих женщин, выбравших их, и во всех песнях леди возвращаются к ним.

— Возвращаются! — сплюнул Ансельм. — Да, она возьмет его обратно, чтобы с позором повесить на воротах своего замка!

Старый герцог, поднявшись на ноги, прорычал:

— Довольно твоей клеветы!

— Клеветы! — Кресло Ансельма опрокинулось, когда он вскочил на ноги, чтобы встретить отца лицом к лицу. — А разве это клевета, что она оплевала гордое имя Логайров. Да! И не раз, но дважды, и сделает это вновь! Нет! — Он врезал по столу кулаком, обернувшись, чтобы пройти взглядом по лицам лордов. — Эта подлая девушка должна усвоить, что она не может топтать честь своих перов! Мы должны сбросить ее с престола и сломать раз и навсегда!

Лицо Логайра-старшего побагровело, он уже совсем был готов ответить резко, но прежде чем он успел заговорить, Род пробормотал словно про себя:

— Нет, милорд, не так круто. Не громить, а приструнить.

Он попал под перекрестный огонь подобных лазерам взглядов Ансельма и Дюрера, но Логайр грянул:

— Да! — сказал он с гигантской радостью и облегчением. — Наша юная королева норовиста, но ведь такой же бывает и молодая кобылка, пока ее не взнуздают. Она должна усвоить, что ее власть не абсолютна, что есть узда на ее силу, но она сюзерен, и ее нельзя сбрасывать!

Ансельм издал булькающий звук, лицо его покраснелось, глаза начали вылезать из глазниц. Он задыхался от ярости, но сумел проговорить, сильно заикаясь от гнева:

— Нет уж! Теперь я говорю — нет! Женщина-сюзерен? Это насмешка! Блудливая надменная сука...

— Молчать! — прогремел Логайр, и даже четверо Великих Лордов съежились от дикой силы его голоса.

Что касается Ансельма, то он порядком струхнул, испуганно глядя на стоящего перед ним седобородого великана, который, казалось, вырос и раздался у него на глазах.

Затем медленно и с куда большим достоинством, чем Род видел когда-либо в человеке, с истинно царственным достоинством, что дается только бессознательно, Логайр вернулся на свое место, так и не отведя глаз от сына.

— Возвращайся в свои покои, — приказал он холодным ровным голосом. — Мы не будем больше говорить об этом до конклава на закате.

Ансельм как-то сумел найти в себе силы снова задрать подбородок — жест, показавшийся каким-то неле-

пым и напыщенным, — и круто повернулся. Когда он шел к двери, его взгляд упал на Рода. Ярость и унижение кипели в нем, и он размахнулся, чтобы вознаградить мене-стреля оплеухой.

— Нет! — рывкнул Логайр, и Ансельм замер. — Этот человек, — произнес размеренно герцог, — говорил правду. Я не потерплю, чтобы с ним плохо обращались.

Ансельм сцепился взглядом с отцом, затем его взгляд заколебался, и он опустил глаза. Он повернул прочь, дверь за ним захлопнулась.

— Менестрель! — прогремыхал Логайр. — Сыграй!

Род дал своим пальцам прогуляться по струнам, наигрывая «Старика из Тор Таппана», размышляя.

«Так, значит, сегодня ночью состоится военный совет, да? И главным вопросом явно будет образ правления: конституционная монархия или марсократия, хотя знаю об этом, может быть, только я и Дюрер. Ну, я знаю, на чьей он будет стороне».

Он снова посмотрел на сидящего выпрямившись старого герцога Логайра, поедающего чисто символические кусочки пищи; тот сидел, плотно сжав губы под окладистой седой бородой, сдвинул брови в суровой мрачности и с только самым малым намеком на горе в темных глубоких глазах.

Да, Род знал, на чьей он стороне.

Они собрались в огромной зале, достаточно большой, чтобы послужить антаром для космического корабля приличных размеров, если бы только грамаришцы знали, что такое космический корабль.

На каменном полу был выложен герб Логайров. Вдоль стен на каждый ярд имелся серебряный канделябр с факелом, потолок был сводчатым и позолоченным, с подвешенной в центре огромной серебряной люстрой. Окон не было, но это не имело значения, поскольку уже наступила ночь.

Логайр сидел в большом резном кресле в одном конце зала, позади него стена была задрапирована полотнищами с цветами его рода. Кресло стояло на помосте высотой в четыре фута, так что стоящие лорды должны были смотреть на него снизу вверх.

Их было довольно много — не только двенадцать великих, но и сонм графов, баронов и рыцарей — их вассалов.

И рядом с каждым стоял, вернее горбился, тонколи-

дый костлявый человечек с приглаженными вдоль черепа скудными светлыми волосами.

Род обвел взглядом зал, губы его поджались в беззвучном присвисте. Он и не представлял себе, что советники были столь многочисленны. Тут их было по крайней мере штук пятьдесят, а может, и семьдесят.

И могли быть еще вне поля его зрения. В данный момент у него был буквально тушельный обзор. Освещавшие зал факелы сидели в кашдильбрах, прикрученных к стене тремя грубыми болтами.

Но в одном из кашдильбров за креслом Логайра болт отсутствовал, и камень за ним был просверлен на дюйм, а затем вырезан на глубину и ширину человеческой головы. Голова в данный момент принадлежала Роду, который стоял в холодной тьме узкого хода за стеной.

Глазок давал ему великолепный обзор затылка Логайра, да кое-что было видно через его плечо.

Правая рука Рода покоилась на рычаге, если он толкнет его вниз и если тот не проржавел так, что не сдвинется, камень перед ним должен распахнуться и создать дверь. Судя по выражению лиц стоящих перед герцогом Логайром, она могла оказаться очень кстати.

Непосредственно перед герцогом стоял Адсельм. Бурбон и Медичи находились по бокам от молодого человека. Дюрер конечно, стоял справа от Логайра.

Логайр тяжело поднялся на ноги.

— Мы собрались, — прогремел он. — Здесь, в этом зале, сошлась вся Влагородная Кровь Грамария, истинная власть сей страны.

Он медленно обвел взглядом лица, смотря в глаза каждому из своих собратьев, Великих Лордов.

— Мы собрались здесь, — снова сказал он, — чтобы решить о подобающем выражении своего недовольства королеве Катарине.

Герцог Бурбон зашевелился, расправив сложенные на груди руки и расставив ноги чуть пошире. Это был человек, похожий на огромного черного медведя с лохматыми бровями и нечесаной бородой.

Он стискивал кулаки и крепко сжимал губы. В его позе было что-то вкрадчивое, робкое.

Он посмотрел на Логайра горящим взором.

— Нет, дорогой дядя, тут ты не прав. Мы собрались, чтобы обсудить, как ее свергнуть, ту, которая иначе растопчет честь и могущество наших великих домов.

Логайр напрягся, глаза его негодуяще расширились.

— Нет, — прохрипел он, — нет достаточной причины...

— Причины! — Бурбон выпрямился, его черная борода подпрыгнула вместе с челюстью. — Она обложила наши земли налогом более высоким, чем когда-либо было в наших традициях, и выкидывает целое состояние на поганных и грязных крестьян, она посылает к нам каждый месяц судей выслушивать жалобы со всех поместий, а теперь она будет назначать попов в наши земли, и у нас нет никакой защиты? Она лишает нас наших законных прав в пределах наших же собственных доменов, а потом, венчая все это, оскорбляет нас же в лицо, выслушивая петиции одуревших нищих, не обращаясь прежде к нашим!

Медичи нагнулся послушать тощего субъекта рядом с собой, потом выпрямился, слегка улыбаясь, и произнес:

— И разве существовал когда-нибудь обычай, чтобы монарх принимал петиции от своих крестьян в собственном Большом Зале?

— Никогда! — прохрипел Бурбон. — Но ныне наш благородный монарх ставит этот сброд впереди нас! И это, мой досточтимый герцог, только самые крутые из ее гнусностей и жестокостей, излитых на обычай страны. И это пока она только дитя! Что она натворит, милорд, когда повзрослеет!

Он остановился перевести дух, затем мотнул головой и прокричал:

— Нет, дорогой дядя! Вы должны свергнуть ее!

— Да, — проговорил Медичи.

— Да, — провозгласили другие лорды.

— Да, — прокатилось, нарастая по всему залу, пока слово не вышло эхом, выкрикиваемое каждой глоткой снова и снова. — Да, да, да!

— А я говорю — нет! — проревел Логайр, поднимаясь во весь рост, выглядя больше королем, чем герцогом.

Голос его стал только чуть спокойнее, падая словно колокольный набат.

— Она — сюзерен. Капризная — да, и горячая, и своевольная, и норовистая. Но это же изъяны юности, ребенка, которого надо научить, что есть пределы его власти. Мы должны ныне показать ей те пределы, кои она преступила. Сие мы можем сделать, и ничего более. Наше дело не требует дальнейших действий.

— Женщина не может править мудро, — прошептал советник Медичи, и Медичи подхватил:

— Мой дорогой и добрый кузен, бог не создал женщины мудрой в делах правления.

— Да, дорогой дядя, — подал свою реплику Бурбон. — Почему она не дает нам короля? Пусть выходит замуж, если желает, чтобы этой страной хорошо управляли.

Род гадал, не был ли Бурбон разочарованным женихом. В нем было что-то неотчетливо развратное и совсем ничего романтического.

— Она правит по праву! — прогрохотал Логайр. — Она крови Плантагенетов, носивших корону сей страны с ее рождения. Как, дорогой племянник, ты столь легко забыл вассальную присягу, данную тобой славному имени?

— Династия разлагается! — прошептал, блеснув глазами, советник Бурбона.

— Да! — проревел Бурбон. — Кровь Плантагенетов стала жидкой и скисла, дорогой милорд.

«Ах, так, — подумал Род, — он больше не дядя...»

— Ослабела от ран, милорд! — напыщенно продолжил Бурбон. — Ослабела до того, что больше не смогла зачать для управления страной мужа, только женщину, отпрыска-девчонку с бабьими настроениями и прихотями! Род Плантагенетов иссяк и исчерпал себя, ныне нужна новая кровь для наших королей!

— Кровь Бурбонов? — поднял бровь в презрительной улыбке Логайр.

Лицо Бурбона побагровело, а глаза выпучились. Он начал было что-то плести, когда гладко вмешался голос Медичи.

— Нет, дорогой кузен, не кровь Бурбонов. Какую нам пожелать кровь для трона, кроме самой благородной на всем юге?

Логайр уставился на него, кровь отхлынула с его лица от шока и ужаса.

— Я не стану! — прошепел он.

— Да, милорд, мы это знаем, — гладко продолжал Медичи. — И все же нам нужна добрая кровь и человек добрый и решительный, человек молодой, дабы знал, что надо сделать и не колебался бы сделать сие.

Он повысил голос.

— Какой нам надобен король, кроме Ансельма, сына Логайра?

Голова Логайра дернулась, словно от пощечины. Он замер, лицо его побледнело до воскового цвета и приняло сероватый оттенок. Он потянулся за спину полушарализованной рукой, хватаясь за кресло — возраст тяжело упал на его плечи.

Он опустился на край кресла, тяжело опершись на подлокотник. Его рассеянный взгляд отыскал сына, а затем медленно прошелся из стороны в сторону.

— Злодеи, — прошептал он, — проклятые подлые злодеи! Так вы похитили у меня сына...

Подбородок Ансельм вызывающе вздернулся, но в глубине глаз затаились вина и страх.

— Нет, милорд, я был с ними с самого начала.

Пустой взгляд Логайра снова отыскал сына.

— Но ты, даже ты... — Голос его усилился. — Ну да, ты, более чем когда-нибудь, прежде всего ты!

Теперь вперед шагнул Дюрер, прочь от Логайра, чтобы занять свое место рядом с Ансельмом, его улыбка расширилась в победную ухмылку.

Глаза Логайра постепенно сфокусировались на нем. Их взгляды встретились и не отпускали друг друга.

По залу пробежал легкий шорох, когда советники вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

— Нет, — прошептал Логайр, — это был ты...

Он медленно выпрямился, затем внимательно и не спеша посмотрел в глаза каждому Великому Лорду. Затем его взгляд вернулся обратно к Дюреру.

— Вы все одного мнения. — Его голос набрал силу, но это была сила горечи и презрения. — Обсуждение было прежде, не так ли? Ибо вы согласны: каждый из вас спорил со своей совестью и победил ее.

Голос его отвердел даже еще больше.

— Какая же оса пролетела между вами, чтобы нажалить ваши души до такого согласия?

Глаза Дюрера вспыхнули огнем, рот его открылся для того, чтобы огрызнуться, но Логайр оборвал его.

— Ты! Ты со звезды! Ты явился ко мне пять лет назад, и я, старый дурак, подумал: «Хорошо!», и тогда твои ублюдки, раболовные слуги, пробрались один за другим в наши дома, а я все еще радовался — бедный старый слабоумный дурак!

Он поднял взгляд, отыскав Ансельма.

— Ансельм, коего я некогда называл своим сыном, проснись и услышь! Берегись человека, что опробовывает твое мясо, ибо он-то и может легче всего отравить его.

Род вдруг понял, чем кончится этот митинг: советники не могли рисковать оставить Логайра в живых — старик был все еще полон сил и мужества, все еще неукротим. Он просто-таки мог бы еще суметь добиться лояльности лордов. Шанс был слабым, но существовал, и Дюрер не мог позволить себе этого.

Ансельм распрямил плечи, лицо его стало маской безмятежности. Он хлопнул рукой по плечу Дюрера, не замечая, что зубы этого человечки так и заскрежетали, когда его челюсти с треском захлопнулись.

— Я доверяю этому человеку, — сказал он голосом, которому, возможно, предназначалось быть звенящим. — Он был со мной с самого начала, и я приветствую его мудрость — так же как буду приветствовать твою, если ты пойдешь с нами.

Логайр сузил глаза.

— Нет, — сплюнул он, — изменник! Я скорей умру, чем присоединюсь к тебе!

— Ты получишь то, что предпочитаешь, — врезал Дюрер. — Пазови способ своей смерти.

Ансельм уставился на Дюрера, потеряв дар речи, затем покраснел.

— Молчать, Дюрер! Он — дурак, да, и предатель страны, но он мой отец, и никто не тронет его!

Дюрер вскинул бровь.

— Вы приютите змею в своей постели, милорд? В любом случае, свершить это — желание всей знати, а не ваше личное. — Он повысил голос, крикнув: — Что скажете, лорды? Следует этому человеку умереть?

На миг в зале воцарилось молчание. Род положил руку на дверной рычаг, он должен вытащить Логайра отсюда. Он мог открыть дверь и уволочь Логайра в тайный ход, прежде чем кто-нибудь поймет, что случилось.

Но сможет ли он закрыть ее, прежде чем они подбегут?

Вероятно, нет, было слишком много людей и слишком близко, а Дюрер, по крайней мере, среагирует очень быстро.

Если бы только петли и пружины были в приличном состоянии! Но у него возникло впечатление, что их не слишком хорошо смазывали за последние несколько веков.

По огромному залу прокатился хор неохотных «да».

Дюрер повернулся к Логайру, вежливо поклонился ему:

— Вердикт, милорд, — смерть.

Он вытащил кинжал и двинулся вперед, но тут свет погас.

С миг Род стоял в полной темноте, ошеломленный. Как?..

Затем он бросил весь свой вес на рычаг. Когда каменная плита со стуком приоткрылась, он выхватил кинжал. Сейчас действовать, разберемся потом.

Скряжет открываемой двери разбил мгновение потрясенного молчания. Разразился ад крошечный, когда все голоса в зале начали кричать хором, некоторые авали слуг принести факелы.

Шум был хорошим прикрытием. Род выскочил из потайного хода, шаря вслепую, пока не нащупал чью-то грудную клетку. Этот кто-то закричал и ударил его. Род быстро пригнулся из общих соображений тактики боя и почувствовал, как удар задел ему волосы. Он нажал кнопку на рукоятке своего кинжала и при появившемся из нее мерцающем луче света опознал в этом ком-то герцога Логайра.

В Рода врезалось с воим ярости худое как щепка и кривобокое тело. Род вскрикнул и зашатался, когда сталь кольнула его плечо. Дюрер явно тоже углядел свет.

Кинжал выдернулся из плеча Рода, он почувствовал тепло вытекающей крови и откатился в сторону.

Но это чучело снова пасело на него. Род хватанул наугад и по очень счастливой случайности поймал врага за запястье руки, державшей нож.

Но этот человечихка был невероятно силен, он вынуждал руку Рода сгибаться. Род почувствовал острее кинжала у своего горла.

Он попытался заставить другую руку помочь оттолкнуть это острое. Плечо его заняло от боли, но рука Дюрера не шевельнулась. Кинжал вонзился на долю дюйма глубже. Род почувствовал, как кровь струится по его горлу, и страх поднялся в его внутренностях. Полный, ошеломляющий, парализующий страх — и Род услышал глухой стон.

Дюрер ахнул, кинжал с лязгом упал на пол. Тяжесть на теле Рода пропала.

По всему залу прозвучал тройной очень низкий стон, в такт которому зазвучали крики ужаса.

В черноте возвышались три огромные белые фигуры, венчались они скелетными лицами, округлившими рты в

виде буквы «О»: Горацио и двое других прежних лордов Логайров, убивающих время своей загробной жизни.

Род заставил себя крикнуть в страхе:

— Векс, шестьдесят оборотов!

В голове у него зашумело от хриплого гудения, и страх испарился. Его фонарь замерцал вновь, нашел Логайра. Род вскочил на ноги и ударил его под лопатку. С громким «уфф» дыхание выскочило из старого лорда, и он согнулся вдвое через плечо Рода — здоровое, к счастью.

Род повернулся и побежал, спотыкаясь и надеясь, что выбрал правильное направление.

Позади него Дюрер визжал:

— Заткните уши, дураки! Дураки! Дураки!

Род шел в темноте с Логайром, все тяжелее оттягивающим его плечо. Он не мог найти дверь. И теперь он слышал стаккато шагов, короткими, быстрыми очередями — Дюрера, пытавшегося наудачу найти Рода. А раз у него в ушах теперь затычки, Дюрер снова станет опасным противником. К тому же Род не мог драться с одним плечом раненым, а другим — обремененным Логайром.

Щеку его овеял холодный воздух, и мимо него проплыла смутная белая фигура.

— Следуй за мной, — прогудел Горацио Логайр.

Род последовал.

Он побежал за Горацио, вытянув здоровую руку, словно бегун по пересеченной местности. Это не помогло, его раненое плечо стукнулось о камень дверного проема и заперло его тело импульсом боли. Он вскрикнул и чуть не уронил Логайра, отступив спиной к стене узкого хода.

Он прислонился к стене, хрипло дыша.

— Скорей, человек! — прогудел Горацио. — Плита! Ты должен закрыть ее.

Род кивнул, выдохнул и нащупал рычаг, надеясь, что Логайр останется сбалансированным у него на плече. Его рука нашла ржавый металл. Род рванул вверх, дверь со скрежетом закрылась.

Он стоял, согнувшись и едва дыша.

Логайр начал приходить в себя. Род призвал на помощь всю свою энергию, чтобы опустить его на пол. Затем, все еще тяжело дыша, он поднял взгляд на Горацио.

— Премного благодарен, — просипел Род, — за это своевременное спасение.

Горацио отмахнулся от благодарности, подойдя опасно близко к Роду.

— Ай, человек, да как бы ты смог выполнить свою клятву, умерев?

— О, не знаю, — привалился к стене Род. — Вы, кажется, отлично умеете. Хотел бы я знать, как это вы сумели вывернуть пробки у факелов?

— Вывернуть... пробки? — нахмурился Горацио.

— Ну, знаете, тот фокус со светом.

— Разве сие не твоё деяние?

Род устоял на него, затем поднял руку ладонью вверх.

— Эй, минуточку, минуточку. Итак, вы подумали, что это сделал я, а я подумал, что это сделали вы.

— Да.

— Но вы этого не делали?

— Кажется, так.

— Тогда, — Род сглотнул, — кто же?

— Кто это? — прогремыхал Логайр рядом с Родом.

Из глазка вырвался луч света. Горацио издал стон страха и пропал.

Род прищипнул глазом к отверстию. Факелы снова зажгли. Дюрер находился на помосте, протыкая воздух кинжалом и визжа:

— Где? Где?

Род оторвал взгляд от глазка и тонко улыбнулся Логайру.

— Я не думаю, что нам следует оставаться до выяснения этого вопроса, милорд. Идемте.

Он повернулся уходить, но пальцы Логайра вонзились ему в плечо. Он вскрикнул.

— Пожалуйста, милорд, если не возражаете, за другое плечо, будьте любезны...

— Что это был за человек? — прорычал Логайр.

— Человек? — огляделся кругом Род. — Какой человек?

— Да тот, что стоял перед нами в белом!

— А, — Род оглядел лицо старика. Логайр был явно еще в шоке, явно неготовый встретиться с действительностью, такой, какая она есть. — Э, просто родственник, милорд.

— Твой родственник, здесь?

— Нет, милорд, ваш. — Он повернулся, нащупывая себе путь в коридоре.

После мгновенной задержки Логайр последовал за ним.

Свет из глазка уже пропал через несколько ярдов пути. Род, рутаясь, нащупывал дорогу. Ведь когда они свернут за угол и начнут спускаться по узкой лестнице, будет крошечная тьма.

Он повернул за угол и достал кинжал, но тут увидел перед собой шарик фосфоресцирующего света. Он потрясенно уставился на него, затем, когда его глаза привыкли к свету, он разглядел лицо и тело (было невозможно смотреть на них, как единое целое, поскольку каждое заслуживало независимого изучения), вытянутую руку с лежащим на ладони фосфоресцирующим шаром. Лицо это было напряженным от беспокойства.

— Гвендайлон, — констатировал он.

Лицо ее залилось облегчением и радостью, но только на миг, затем в ее глазах вспыхнул озорной огонек.

Она сделала насмешливый книксен.

— Милорд.

— Елки-моталки! — прыгнул он. — Что ты здесь делаешь, черт возьми?

Глаза ее расширились с видом оскорбленного достоинства.

— Я последовала за вами, милорд!

— Нет, нет, нет! — Род крепко зажмурил глаза. — Это не по сценарию. Тебе полагается теперь ненавидеть меня. Тебе полагается бросить таскаться за мной.

— Никогда, милорд. — Голос ее был очень тих.

Он посмотрел ей в глаза, чтобы увидеть, не шутит ли она. Никакого намека на такую удачу. В голове у него мелькнула реплика Тома о сельских девушках.

— Что это? — кивнул он на фосфоресцирующий шарик. — Что у тебя там такое?

— Это? — взглянула она на шарик света. — Всего лишь маленькое заклинание, которому меня научила моя мама, милорд. Он посветит вам в этих путаных ходах, милорд.

— Посветит, — согласился Род. — А можно мне узнать, как ты покончила с факелами в Большом Зале?

Она начала было отвечать, затем нахмурилась.

— То долго рассказывать, милорд. У нас есть время?

Род изучил ее лицо, поджав губы.

— Но сделала это ты?

— Да, милорд.

— Всего лишь еще одно маленькое заклинание, которому...

— ...меня научила мама, — весело кивнула она.

— О'ке-е-ей! — Он пожал плечами, — Почему бы и нет? Идем, детка?

Он начал было нащупывать себе дорогу по узкой лестнице и вздрогнул, когда его плечо коснулось стены.

— Милорд! — ахнула Гвендайлон, рука ее метнулась к его плечу. — Ты ранен!

Он полуобернулся к ней, прислонившись к стене и все еще нащупывая камень.

Она удивленно посмотрела на него, затем опустила глаза, невинно улыбнулась и, поймав его руку, притянула к себе.

— Милорд, не нужно...

— Черт подери! — Он вырвал руку, вжимаясь в стену. Она качнулась к нему, приоткрывая губы. — Милостивая государыня!..

— Я никогда не претендовала на такой титул, — прошептала она теплым, густым и хрипловатым голосом. Ее тело мягко прижалось к нему.

— Женщина, пожалуйста. — Род сделал мужественную попытку втиснуться в камень. — Я не могу представить себе менее эстетичной атмосферы.

— Ни время, ни место не имеет для меня значения, — выдохнула она ему в ухо и мягко куснула его.

«Я-то думал, что знаю пару-другую цитат», — сказал себе Род.

— Слушай, детка, вытащи только нас отсюда, и я в твоём распоряжении!

Она перевела дух и отступила назад ровно настолько, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Правда, милорд?

— Ну, э... — Род бешено закрутил педали обратно. — На двадцать четыре часа, во всяком случае.

— Это подойдет, — надменно произнесла она с улыбкой.

С миг он сердито глядел на нее, потом проворчал.

— Сотри с губ сметану, кошка, и вытащи нас отсюда.

— Да, милорд! — Она закружилась, вихрем заметнув юбки, и побежала вниз по мшистой лестнице.

С миг он смотрел ей вслед, в глазах его появился блеск.

Он догнал ее в три прыжка и развернул лицом к се-

бе. Она в удивлении посмотрела на него, затем снова включила страстный взгляд.

— Милорд, мы не должны задерживаться...

— Это не займет много времени, — ответил он и крепко прижал ее к себе. Губы у нее были влажными, теплыми и открытыми.

Она испустила счастливый вздох и оттолкнула его.

— Ну! И для чего это было?

— Долговое обязательство, — усмехнулся он.

Она хихикнула, затем резко повернулась, увлекая его за собой по коридору.

— Мы должны спешить!

Он высвободил руку и посмотрел ей вслед.

За его спиной раздался глухой, теплый смехок.

Род бросил на Логайра нетодующий взгляд.

— Старый козел! — пробурчал он и побежал вслед за Гвендайлон.

Скользкие камни хода тянулись по обеим сторонам, едва в трех дюймах от каждого плеча. Вверх по лестнице, поворот, еще один пролет. Камни сырые и скользкие от каплюющей воды, просачивающейся из озера наверху. На стенах росли, словно болячки, клочья мха. С низкого потолка свисала старая паутина.

Стоя на последней ступени двенадцатой лестницы, Род слышал журчащую где-то наверху воду.

— Выход к озеру, — проинформировала его Гвендайлон. — Мы пойдем вдоль его края.

Она бросила быстрый взгляд на Рода.

— Твое плечо, милорд?

— О, оно подождет, — проворчал Род.

— Оно еще кропоточит?

— Нет, камаол, кажется, остановил кровотечение. Будет, однако, жуткий счет из прачечной.

— Гмм. — Она повернулась, заспешив дальше. — Тогда оно выдержит, пока мы выйдем к берегу реки. Поторопитесь, милорды, мы должны убраться раньше, чем они додумаются поискать в стойлах.

Род нахмурился.

— Почему? Разве мы выйдем к конюшне?

— Нет, к реке, но когда они взглянут в стойла, то увидят, что твой черный и серый жеребец герцога убежали.

— Да что ты говоришь? — Он прочистил горло и спросил немного громче необходимого. — И где же будет мой конь?

— На берегу реки, Род, — ответил голос Векса. — С Большим Томом и двумя настоящими клячами.

Гвендайлон начала было отвечать, но Род оборвал ее.

— Да, да, они на берегу реки, я знаю.

Гвендайлон выглядела слегка удивленной.

— Но откуда, — продолжал Род, — Большой Том узнал, что нам понадобятся лошади?

С миг она глядела на него, нахмутив брови, а затем отвернулась.

— То случилось по моему побуждению, милорд. То была только мысль, и она не могла причинить большого вреда. Мне мнилось, что нам понадобятся лошади.

— Мнилось, — повторил словно эхо Род. Она была ясновидящей к тому же?

— Да, милорд, мнилось. — Она вдруг замедлила шаги. — Идите осторожнее, милорды.

Она заботливо перешагнула через что-то, лежащее в проходе.

Это был миниатюрный человеческий скелет, дюймов восемнадцати длиной, но с пропорциями взрослого человека, а не ребенка. Он позеленел от плесени.

Род посмотрел на Гвендайлон.

— Этот был здесь не так уж и долго, — сказал он. — Что это?

— Один из Крошечного Народа, — был ее ответ, губы ее отвердели. — Последнее время в этом замке были злые чары.

Род поднял глаза, удивленный тоном ее голоса, игнорируя изумленное восклицание Логайра.

Лицо ее, застывшее в злости, было как камень.

— Бедный малыш, — прошептала она, — и мы не смеем остановиться и похоронить его.

Она повернулась и поспешила дальше.

Род осторожно перешагнул через крошечный скелет и поспешил за ней.

— Какого рода чары? — спросил он, догнав ее.

— То было своего рода... пение... в воздухе, милорд, хотя и не для уха, а для разума. Если бы вы или я попытались двигаться против него, оно бы только остановило нас, как стена, но Крошечный Народ оно убивает.

Род нахмурился.

— Пение, говоришь?

— Да, милорд, и все же не для уха, как я говорила.

— Силовое поле! Но это было невозможно! Спроси любого физика, и он скажет тебе...

— Давно оно здесь?

— Оно было налажено пять лет назад, милорд. Оно длилось не больше месяца, ибо его хозяин не заметил, что я прекратила его, и не наложил вновь.

Род остановился так резко, что Логайр врезался в него. Он уставился на спешащую вперед по тайному ходу нежную, очень женственную фигурку. Затем он закрыл рот, сглотнул и последовал за ней. Силовое поле! И пять лет назад, именно тогда, когда появился Дюрер. Род снова подумал о циферблате на предполагаемой машине времени.

Затем он уставился на длинные рыжие волосы Гвен, колышущиеся при каждом ее шаге. И она ее остановила? Машина из будущего, и она ее остановила?

Он поглядел на свою сельскую девушку с большим уважением.

— Э, Гвен, милая...

— Да, милорд. — Она оглянулась на него с выражением приятного удивления и легкой краской на лице.

Он шамурлся. Что?.. А, он назвал ее «Гвен», да еще «милая».

— Да, милорд, изгнала его, но Крошечный Народ сюда больше не приходит, и я тоже думаю, что это мудро.

«Да, — мысленно произнес Род, — очень мудро». Дюрер и К° не стали бы добродушно смотреть на маленьких шпионов и могли бы, вероятно, изобрести какие-нибудь неприятные предупредительные меры. Он устроил взгляд на удаляющуюся спину Гвендайлон, она просто-таки полна сюрпризов, эта...

— Мы уже близко, милорды!

Род вскинул голову и увидел впереди точку тусклого света. Шарик света на ладони Гвендайлон замерцал и погас.

Миг спустя они вышли через обветренную, заросшую сорняками пасть туннеля в освещенную лунами ночь. В нескольких дюжинах ярдов текла река, обрамленная ивами и кипарисами. После влажности туннеля ветер был холодным, Логайр задрожал.

— Мастер, — раздался тихий приглушенный крик, и из тени речного берега шагнул Большой Том, ведя трех лошадей.

Род схватил Гвендайлон за руку и побежал к лошадям... и был остановлен резким крайне неженственным рывком за здоровую, к счастью, руку.

— Нет, милорд, — твердо сказала она, — сперва мы должны осмотреть твою руку.

— Которую? — проворчал Род, ворочая здоровым плечом, в котором при этом возникла неожиданная боль. — Слушай, у нас нет времени...

— Это раньше или позже замедлит нашу скачку, — строго сказала она. — Лучше позаботиться об этом сейчас, когда это займет у нас только минуту.

Род вздохнул и капитализировал. Он с интересом знаятока смотрел, как она побежала к берегу, и гадал, что бы это значило — странное ощущение у него внутри.

— Тут она права, — проворчал Логайр, разворачивая Рода лицом к себе. — Стисни зубы.

Он растегнул камзол Рода, нарождающийся протест Рода был прерван оханьем от боли, когда Логайр рывком распахнул камзол, отодрав по ходу дела струпья засохшей крови.

— Пускай малость покровоточит свободно, — проворчал Логайр, срывая камзол с раненого плеча.

Затем подошла Гвендайлон с пригоршней каких-то трав и бурдюком. «Лекарство Большого Тома, — подумал Род. — Он без него никуда». И наверное минут пять спустя Род посадил ее в седло Векса и вскочил позади нее. Он вонзил каблуки в бока Векса. Гвендайлон поразились глухому лягганью, и когда Векс перешел в галоп, она повернулась и, нахмурив брови и озадаченно глядя на Рода, спросила:

— Почему такой звук?

— Вот потому-то я и называю его «Старина Железнобокий» *, — объяснил Род. — Только расслабься и обопришь на меня, дорога будет долгой.

— Но, милорд, мне не нужно...

— Есть только три лошади, Гвен. Кому-то нужно скакать вместе. Не беспокойся, Векс даже не заметит разницы.

— Но, милорд, я...

— Шш. Милорд Логайр! — сказал он через плечо. — Ведите нас, милорд. Вы лучше всех знаете эту землю.

Логайр молча кивнул и прищипорил рослого коня, тот малость прибавил и обошел Рода. Род последовал за ним, слушая дробь копыт коня Тома позади.

* «Старина Железнобокий» (Old Ironsides) — название американского военного корабля XVIII века. Долго стоял на приколе как реликвия былых времен и знаменит в США примерно так же, как в России «Аврора» или «Варяг».

— Поверь мне, милорд, нет никакой нужды для...

— Потом хватит времени на разговоры, — проворчал он. — Мы оставляем такой же четкий след, как «Полярис» *. Мы должны убраться достаточно далеко и достаточно быстро, чтобы не имело значения, последуют они за нами или нет.

Гвендайлон вздохнула.

— Оглянитесь, милорд.

Род обернулся и увидел толпу, по меньшей мере, в сотню эльфов с миниатюрными венниками, подметая все следы позади их проезда, даже выпрямляя траву, помятую конями.

Род зажмурил глаза. «Нет, о нет. Почему я, господа, почему я?»

Он повернул обратно к Гвендайлон.

— Гвен, ты позвала этих... Гвен!

Седло было пустым, она исчезла.

— Гвен, — закричал он и натянул поводья.

— В самом деле, Род, — запротестовал шепот в его ухе, — я должен просить тебя держать себя в руках.

— Гвендайлон, — заорал Род.

С неба допелся звук, похожий на крик чайки.

Род поднял взгляд.

Скопа. Та самая. Он готов был поклясться в этом.

Птица опустилась ниже и закружилась над головой Рода, настойчиво крича.

И как это, черт возьми, она могла заставить рыболовства казаться таким женственным?

Скопа устремила впереди него, паря низко над землей, следом за копом Логайра.

Затем она завернула обратно, снова закружилась у него над головой и полетела вперед.

— Да, да, — проворчал Род, — сообщение принял. Мне следует бросить командование отрядом. Векс, следуй за этой птицей! Векс? Векс!

Конь стоял с покачивающейся опущенной головой на негнущихся ногах.

А, ладно, для нервов Рода это тоже было напряжением. Он хлопнул по кнопке обратного включения.

Они скакали до захода луны, перейдя на рысь после первого получаса. Логайр кренился в седле, слишком измотанный для того, чтобы держаться прямо. К тому

*. Ракета класса «корабль-земля». Ныне устарела и заменена «Трайдендом».

времени, как воздух с рассветом посвежел, Род, честно говоря, был в ненамного лучшем состоянии. Он подъехал к герцогу.

— Вон там, в том поле, есть стога сена, милорд. Мы должны остановиться на отдых. Скоро рассвет, а мы не смеем путешествовать днем.

Логайр поднял голову, моргая.

— Да, да, разумеется.

Он направил коня на поле. Род с Томом последовали его примеру.

Они проломились через колючую изгородь вдоль дороги и последовали к ближайшему стогу. Род спешился и подхватил Логайра, когда тот почти вывалился из седла. Большой Том расседлал коней и послал их прочь от поля шлепком по крупу, после того как Род полуотнес-полуотвел старого вельможу к стогу.

Он опустил Логайра на сено, отступил на шаг и прошептал:

— Векс,

— Да, Род.

— Убери этих кляч отсюда куда-нибудь подальше, где они будут не слишком заметны, хорошо? И приведи обратно на закате.

— Ладно, Род.

Род постоял с минуту, слушая затихающую дробь копыт.

Он посмотрел на Логайра: старик начисто отключился. Напряжение и долгая ночная скачка, не говоря уже о том, сколько времени прошло с тех пор, как он спал в последний раз.

Род набросал сена на спящего лорда, чтобы спрятать его. Поискав Большого Тома, он увидел исчезающие в стоге голени и ступни. Седла и упряжь уже исчезли.

Тем временем стопы совсем пропали из поля зрения. Затем послышался длительный шорох, и румяное лицо Тома высунулось из норы.

— Ты должен по-быстрому убраться с глаз долой, мастер. Скоро рассвет, а крестьяне не должны нас видеть.

— А они не подойдут слишком близко к этому стогу?

— Нет. Это поле далеко от замка, так что пройдет еще немало дней, прежде чем они доберутся до этого сена.

Род кивнул. Он вскинул руки вверх и прыгнул, со-

скользнув по стогу сена. Он оглянулся и увидел быстро закрывающуюся нору Тома.

— Спокойной ночи, Большой Том.

— Доброе утро, мастер, — ответил изнутри приглушенный голос. Род рассмеялся, мотая головой, когда направился к ближайшему стогу сена. Он влез наверх, намял в сене углубление, вытянулся в нем с блаженным вздохом.

Раздался тихий крик, и скопа упала на сено рядом с ним. Она рухнула на бок, контуры ее расплылись и вытянулись — рядом с ним лежала Гвендайлон.

Она озорно улыбнулась и начала развязывать пнуровку лифа.

— Двадцать четыре часа, милорд. От восхода до восхода. Ты сказал, что столько будешь подчиняться моим приказаниям.

— Но-но-но... — Род выпучил глаза и сглотнул, когда лиф распахнулся и был отброшен прочь. Блузка начала ползти вверх. Он снова сглотнул и выдавил, заикаясь: -- Но-но, кто-то должен стоять на страже!

— Не бойся, — прошептала она, блузка полетела прочь. — Это сделают мои друзья.

— Твои друзья? — Род несколько рассеянно отметил, что в данной культуре концепция бюстгальтера еще не развилась.

Гвендайлон, напротив, развилась, да еще как.

— Да, Крошечный Народ.

Одним плавным гибким движением юбка и туфли присоединились к куче сброшенной одежды.

Заходящее солнце превратило солому в кроваво-золотую, когда голова Рода высунулась из стога.

Он оглиделся, потянул носом прохладный свежий нектар вечернего бриза и издал вдох огромного удовольствия.

Он чувствовал себя чрезвычайно хорошо.

Одним взмахом руки он откинул в сторону покров из сена и принялся размышлять о том, что день выдался хлопотливым, когда его глаза не спеша и с любовью прошлись по контурам Гвен.

Он нагнулся вперед и коснулся губами ее губ долгим глубоким поцелуем. Он почувствовал, что она пробуждается под ним.

Род отодвинулся, ее глаза приоткрылись. Губы изогнулись в медленной страстной улыбке.

Она потянулась — неторопливо, по-кошачьи. Род был

удивлен, почувствовав учащение пульса. Его мнение о себе поднялось на одно деление, а мнение о ней и так уже было чересчур высоким. С уколом тревоги Род подумал о том, что он, к сожалению, человек странствующий. Он также понял, что его грызет совесть. Она посмотрела ему в глаза и посерьезнела.

— Что печалит тебя, милорд?

— А разве тебя никогда не беспокоит, что тобой пользуются, Гвен?

Она лениво улыбнулась:

— А тебя, милорд?

— Ну, нет... — Род, нахмурясь, смотрел на ладони. — Но это другое дело. Я же мужчина.

— Вот бы пикировать не догадалась, — прошептала она, покусывая его по ходу дела за мочку уха.

Он усмехнулся и завертелся, пытаясь ответить тем же, но она еще не кончила с его ухом.

— Мужчины — дураки, — прошептала она между укусами. — Вечно вы говорите о том, чего нет, вместо того, чтобы говорить о том, что есть. Покончил с ночью и живи вечером, пока живется.

Затем она посмотрела на него сквозь полуопущенные веки с несколько собственническим удовольствием, медленно оглядывая его с ног до головы.

«А, ладно, — подумал Род, — вот и весь толк от моей едипственной попытки быть честным». В конце концов, был только один способ стереть с ее лица эту надменную улыбку. Большой Том выбрал именно этот момент, чтобы позвать:

— Мастер, солнце зашло, мы должны убираться!

Род с негодующим рычанием выпустил Гвен.

— У этого парня определенно великолепное чувство своевременности. — Он принялся натягивать рейтузы. — Подъем, милая.

— Должны ли мы, милорд, — надулась она.

— Должны, — ответил он. — Долг зовет или, по крайней мере, Большой Том. Вперед, во славу Франции* или что-то в этом роде...

Две ночи постоянной скачки, переходы с рыси на шаг привели их обратно в столицу.

Когда они подъехали к мосту через огибавшую город реку, Род с удивлением увидел двух солдат-пехотив-

* Шекспир, «Генрих V». «Вперед, во Францию, вы там стяжаете, милорды, славу».

цев с алебардами при пылающих по бокам от них в темноте факелах.

— Я расчищу дорогу, — пробурчал Большой Том, прищипывая коня, и выехал вперед, опередив Рода и Логайра. — Посторонитесь! — крикнул он часовым. — Ибо мои господа желают въехать.

Алебарды с треском скрестились, перекрывая мост.

— А кто твои господа? — огрызнулся один из них. — Они мятежники? Или воины королевы?

— Мятежники? — пахмурился Том. — Что произошло в королевском граде, пока мы были на юге?

— На юге? — сузил глаза часовой. — Вот лорды юга-то и взбунтовались.

— Да, да! — нетерпеливо отмахнулся от возражений Большой Том. — Мы были там по приказу королевы, шпионами, если по правде, и мы-то и несем известие, что лорды юга взбунтовались и в какой именно день они выступят. Но как эта новость попала раньше нас?

— Что это за шутки, — вмешался Логайр, подъезжая вместе с Родом. — Посторонитесь, смерды, чтобы мог проехать человек благородной крови!

Часовые повернулись и уставились на Логайра, затем обе алебарды ринулись вперед, и их острия остановились в дюйме от его груди.

— Спешитесь и станьте, герцог Логайр! — Голос первого часового был твердым, но почтительным. — Мы должны держать вас под арестом по приказу Ее Величества королевы!

А другой часовой заорал:

— Капитан! Капитан Гвардии!

Логайр в недоверии уставился на них. Род прожег часового гневным взглядом.

— Назови преступление, за которое королева держит милорда Логайра под арестом!

Глаза часового переметнулись с лица Логайра на Рода и обратно, затем он с сомнением сказал:

— За государственную измену особе Ее Величества королевы!

У Логайра отвисла челюсть, затем его губы сжались, а брови сошлись, пряча глаза в темных пещерах. Лицо его казалось при свете факелов залитым кровью.

— Я строжайше верен Ее Величеству королеве! — взорвался он. — Кончайте свои дерзости и посторонитесь!

Часовой сглотнул, но не уступил дороги.

— Говорят, что Логайр возглавляет мятежников, милорд!

— Солдат, — спокойно проговорил Род, но тоном строгого боевого сержанта.

Глаза часового устремились на него, но алебарда не дрогнула.

— Ты меня знаешь. — Голос Рода содержал завуалированную угрозу власти младшего командира.

Он произвел больший эффект, чем все надменные фразы Логайра. Солдат провел языком по губам и согласился.

— Да, мастер.

— Кто я?

— Ты мастер Род Гэллоуглас, бывший гвардеец королевы.

— Все еще гвардеец королевы, — по-прежнему мягко поправил Род. — Отправленный на юг неделю назад, чтобы охранять милорда Логайра.

Логайр вскинул голову и блеснул глазами на Рода.

— Мы считали, что вы пропали, — проямлил солдат.

— И теперь знаешь, почему. — Род старательно держал свой голос под контролем, сумев дать понять, что на несчастную голову часового падёт личный гнев королевы, если он не подчинится. — Милорд Логайр просит убежища у своей родственницы и сюзерена, Ее Величества королевы. Она будет разгневана, если узнает, что его задерживают. Пропустите нас.

Часовой еще тверже вцепился в алебарду, сглотнув и упрямо выпятив подбородок.

— Был отдан приказ содержать милорда Логайра в тюрьме под арестом. Больше я ничего не знаю.

— В тюрьме! — проревел Логайр, побагровев. — Что я, двухгрошовый бродяга, чтобы меня поворачивали от огады к тюрьме? Разве так королева признает своего вассала? Нет, нет! Кровь Плантагенетов не пала так низко! Негодяй, я вырву тебе твой лживый язык!

Его рука потянулась к кинжалу, и солдат отпрыгнул, но рука Рода остановила вельможу.

— Успокойтесь, милорд, — прошептал он. — Это Дюрер послал сюда вперед нас известие. Королева может не знать о вашей верности.

Логайр огромным усилием взял себя в руки, перехо-

дя в своего рода тихую ярость. Род нагнулся и шепнул Тому:

— Том, ты можешь найти такое место, чтобы спрятать старика в безопасности?

— Да, мастер, — нахмурился, посмотрел на него Том. — У его сына, но зачем?

— В Доме Хлодвига?

— Да, мастер. Чтобы вытащить их из Дома Хлодвиг, потребуется вся королевская рать и большие бомбарды.

— Я бы сказал, что с этим справится хороший сильный ветер, — пробормотал Род. — Но, полагаю, это самое лучшее, что мы можем сделать. Так что...

— Говори так, чтобы все могли слышать! — крикнул новый голос.

— Вроде знакомый звон, — пробормотал Род, оглянувшись.

Сэр Мэрис прошел между двух гвардейцев, испытанных огромное облегчение.

— Отлично, Род Гэллоуглас! Ты привел в наш надежный оплот самого вредоносного из всех мятежников.

Сузившиеся глаза Логайра пронзили Рода ненавистью.

— Не говорите между собой, — продолжал сэр Мэрис. — Я запрещаю. И хорошенько слушайтесь моих приказаний, ибо тут есть двенадцать хороших арбалетчиков, нацеливших стрелы в ваши сердца.

Логайр откинулся в седле, высокий и гордый, застывший в грапите фатализма.

— Двенадцать? — Род подарил сэру Мэрису кривую насмешливую улыбку. — Только двенадцать стрел, чтобы убить Логайра? Дорогой сэр Мэрис, я вынужден подумать, что ты стаповишься на старости лет опрометчивым.

Гранитная маска треснула — Логайр бросил на Рода озадаченный взгляд. Род спешил и зашагал к мосту прочь от лошадей. Он горестно покачал головой.

— Ах, сэр Мэрис, сэр Мэрис! Мой дорогой сэр Мэрис, думать, что...

Вдруг он стремительно развернулся и с высоким пронзительным криком шлепнул лошадей по груди.

— Разворачивайтесь и скачите! — завизжал он. — Скачите!

Сэр Мэрис и его воины стояли, замерев от удивления, когда кони встали на дыбы, повернулись и уска-

кали прочь. Миг спустя двенадцать арбалетных стрел ударились в землю в том месте, где они только что были. Один стрелок был немного порасторопнее своих коллег: его стрела со звоном ударила по крупу Векса и срикошетировала в руку.

Возникла пауза потрясенного молчания. Затем по рядам пробежал, набухая, шепот:

— Колдовской конь! Колдовской конь!

— Замети след, Векс! — прошептал Род, и огромный черный конь встал на дыбы, молотя в воздухе копытами и испуская боевое ржание, а затем повернулся и исчез, пропал в ночи, только ватихала вдаль дробь копыт.

Рот мрачно улыбнулся, уверенный, что след Векса будет вновь и вновь пересекать след Тома и Логайра до тех пор, пока его не сможет распутать даже любящий спагетти повар-итальянец.

Он посмотрел на небо, и хотя он не мог ничего разглядеть за пределами круга факелов, но все же решил, что слабый крик ему не почудился.

Он снова улыбнулся, на этот раз немного искреннее. Пусть Катарина попробует бросить его в тюрьму. Пусть только попробует.

Затем улыбка застыла и скисла, когда он обратил лицо к сэру Мэрису. Старый рыцарь мужественно боролся за то, чтобы выглядеть разгневанным, но страх в его глазах трубил столь же громко, как телереклама. Голос его дрожал.

— Род Гэллоуглас, ты содействовал побегу мятежника.

Род молча стоял, сверкая глазами.

Сэр Мэрис с трудом сглотнул и продолжал:

— За государственную измену особе Ее Величества королевы всего Грамария, Род Гэллоуглас, я должен взять тебя под арест.

Род вежливо склонил голову.

— Вы можете попробовать.

Солдаты в страхе забормотали что-то и отступили. Никто не желал скрестить оружие с чародеем.

Глаза сэра Мэриса в тревоге расширились, затем он развернулся и схватил за руку одного из солдат.

— Вот ты! Солдат! Солдат! — прошипел он. — Беги вперед и доставь известие королеве. Скажи, что здесь произошло.

Солдат так и припустил, жутко обрадованный возможностью выйти из боя.

Сэр Мэрис повернулся к Роду.

— Теперь ты должен явиться на суд королевы, мастер Гэллоуглас.

«Ого! — подумал Род. — Так я теперь мастер, да?»

— Ты пойдешь по своей воле? — озабоченно спросил сэр Мэрис. — Или я должен принудить тебя?

Род боролся с искушением дать плечам затрястись от смеха над страхом в голосе старого вояки. Его репутация имела решающее значение.

— Я пойду по своей воле, сэр Мэрис, — сказал он, ступая вперед. — Идем?

Глаза сэра Мэриса прямо-таки запылали от благодарности.

Внезапно он отрезвел.

— Не хотел бы я быть на твоем месте, даже за замок и герцогство, Род Гэллоуглас. Теперь тебе придется выстоять одному пред языком нашей королевы.

— Ну да, — согласился Род. — Но, впрочем, я тоже должен ей нару ласковых, не так ли. Идем же тогда, сэр Мэрис.

К несчастью, марш к замку дал Роду время поразмыслить над последними грубыми выходками Катарины, так что к тому времени, как они подошли к дверям ее покоев, челюсти Рода были сжаты и он дрожал от ярости. И, равно к несчастью, там уже был готов комитет по приему высокого гостя, состоящий из двух часовых, солдата, посланного вперед гонцом, и двух алебард, нацеленных прямо в живот Роду.

Процессия остановилась.

— И что, — осведомился Род с холодной улыбкой, — это предположительно значит?

Гонец, задыхаясь, выдал ответ:

— Ко-королева за-запретила, чтобы ча-чародея приводили к пей неско-кованным.

— А. — Род на миг поджал губы, а затем подарил гонцу вежливый подъем брови. — Я буду скован?

Гонец кивнул на грани истерики.

Алебарды с треском отлетели, когда Род отшиб их по обе стороны от себя. Он сгреб гонца за шиворот и бросил его в кучу кинувшихся к нему гвардейцев. Затем он со всей силой пнул ногой дверь, сорвав с болтов грубые металлические петли.

Дверь с треском рухнула, и он перешагнул через нее, ступая твердым шагом.

Катарина, мэр королевского города и Бром О'Берин вскочили с кресел, стоящих вокруг кленового стола.

Бром прыгнул загородить Роду дорогу.

— Каким дьяволом ты одержим, Род Галлоуглас, ты...

Но Род уже миновал его и продолжал двигаться.

Он развернулся, остановившись перед королевой, гневно буравя ее глазами, которые были словно осколки сухого льда.

Катарина отступила, поднеся руку к горлу в замешательство и страхе.

Бром вскочил на стол и заорал:

— Что означает это неподобающее вторжение, Род Галлоуглас? Убирайся, пока королева тебя не вызовет.

И предпочел бы не являться перед Ее Величеством в цепях. — Слова его были холодными и рубящими. — И я не позволю, чтобы вельможу высочайшего ранга упекли в простую зловонную тюрьму с крысами и ворами.

— Ты не позволишь? — ахнула возмущенная Катарина.

— Да кто ты такой, чтобы позволять или не позволять? — прорычал Бром. — Ты даже не дворянской крови!

— Тогда я должен думать, что не кровь мешает действовать, — отрезал Род. Он отшвырнул стол с дороги и двинулся на королеву. — Я-то думал, ты благородна.

Слово это прозвучало глумлением.

— Но теперь я вижу, что ты поворачиваешь против своей собственной семьи, даже против того, кто столь же близок тебе, как отец! Воистину, если дерешься с кем-нибудь из своих вельмож, то приходится драться с родственниками, но с родным дядей? Позор, женщина! Будь он самым мерзким убийцей, тебе следовало бы принять его с вежливостью и почтением, подобающим его положению. Тебе следовало отвести под его камеру свои лучшие палаты, это всего лишь долг крови!

Он прижал ее к стене, вонзая в нее гневный взгляд.

— Нет, будь он только убийцей, ты, несомненно, приняла бы его со всеми почестями! Но нет, он совершил ужасное преступление, возражая против твоих деспотичных действий, произвольных законов, и хуже того, отстаивая свою честь против твоих расчетливых оскор-

блений. Он смел настаивать на предоставлении человеку подобающего уважения в царствование ребячливой, мстительной, грубой девчонки, имеющей титул королевы, но никаких достоинств, и за это он будет проклят!

— Фу, сударь. — Она дрожала, бледная, как снег. — Как вы говорите с леди!

— Леди! — презрительно фыркнул Род.

— Прирожденной леди! — Это был тоскливый, отчаянный крик. — И ты тоже покинешь меня, ты тоже будешь говорить со мной языком Хлодвига?

— Я, может быть, говорю, как хам, но ты ведешь себя по-хамски! И теперь я понимаю, почему все покидают тебя, ибо хлещешь презрением Логайра, который единственный остался тебе верен.

— Верен! — ахнула она. — Он, ведущий мятежников!

— Мятежников ведет Ансельм Логайр! За сохранение верности тебе старый герцог ныне смещен в пользу своего сына!

Он зло улыбнулся, когда на ее лице появилось чувство ужаса и вины, затем повернулся к ней спиной и шагнул прочь, давая ей понять всю глубину ее предательства. Он услышал за своей спиной протяжный судорожный вздох — Бром метнулся мимо него помочь королеве. Тут же послышался скрип кресла — Бром помог ей сесть.

Обернувшись, Род увидел, что лорд-мэр глядит мимо него широко открытыми глазами. Род прочистил горло, взгляд бюргера переместился на него. Род дернул головой в сторону двери. Мэр, колеблясь, снова посмотрел на королеву. Род поиграл с рукояткой кинжала. Мэр увидел это, побелел и сбежал.

Род снова обернулся к пораженной девушке.

Стоявший рядом с ней Бром бросил на него взгляд испепеляющей ненависти и прорычал:

— Кончено! Ужель ты вонзил нож недостаточно глубоко?

— Еще нет, — стиснул зубы Род. Он снова подошел к Катарине и продолжал холодным голосом: — Этот славный вельможа, герцог Логайр, твой родной дядя, из любви к тебе выступил против всей твоей знати, даже против своего родного сына!

Голос его надломился. Ее глаза вскинулись, полные страха.

— И это именно из-за твоих действий, из-за твоего

произвольного законодательства и полного отсутствия дипломатии Ансельм повернул против отца. У Логайра было двое сыновей, и ты лишила его обоих!

Она замотала головой, все быстрее и быстрее, и губы ее произносили безмолвное отрицание.

— И все же он по-прежнему верен! — прошептал Род. — Он по-прежнему верен, хотя они убили бы его за это и были чертовски близки к этому!

Она в ужасе уставилась на него.

Род слегка постучал себя по плечу.

— Вот это плечо приняло кинжал, что пронзил бы его сердце. И даже при этом только чудом и с помощью одной ведьмы, о которой ты едва ли знаешь, я сумел вывести его живым.

Бром вскинул голову, нища что-то на лице Рода. Тот нахмурился и продолжал:

Но я вывел его с риском для жизни и привел его обратно в целости. И что же я нахожу? Его должны держать пленником, и даже не так, как подобает знатному пленнику! Нет, не обращаясь с должным уважением и почтением, а как простого карманника, в тесной темной тюрьме!

Он сделал для эффекта паузу, довольно-таки сильно гордясь последним образчиком аллитерации.

Но с этим он малость перебрал, она овладела собой. Вскинув подбородок, она смахнула скупые слезы.

— Перед моими законами, сударь, все равны?

— Да, — согласился Род, — но это должно означать, что с крестьянами надо обращаться как с лордами, а не наоборот!

Он склонился над ней, лицо в дюйме от ее лица.

— Скажи мне, королева, почему это Катарина должна относиться ко всем с презрением?

Это была ложь; она не ко всем относилась с презрением, только к знатным, но в глазах ее появились боль и виноватое сомнение в себе.

И все же она вскинула подбородок и провозгласила:

— Я королева — и все должны склоняться перед моей властью!

— О, они склонялись, склонялись! Пока ты не отвесила им оплеухи — тогда они ответили тем же.

Он отвернулся, упершись гневным взглядом в очаг.

— И я не могу сказать, что виню их, так как ты лишаешь их свободы.

— Свободы? — уставилась на него Катарина. — Что

это за речи, сударь? Я стремлюсь дать больше свободы крепостным!

— Да, к этому ты стремишься, — кисло улыбнулся Род. — Но как ты подходишь к тому, чтобы дать ее! Ты берешь все на себя, даже больше. Ты лишаешь их свободы сегодня, чтобы дать им ее завтра!

Он ударил кулаком по подлокотнику ее кресла.

— Но это завтра наступит после дождичка в четверг, неужели ты этого не видишь? Слишком много болезней в этой стране, всегда будет новое зло, против которого надо будет бороться, и слово королевы должно быть неоспоримым законом, чтобы командовать армией в борьбе против зла.

Он медленно отвел руку, глаза его горели.

— И поэтому он никогда не наступит, тот день, когда ты сделаешь подданных свободными, в твоей стране никто не будет иметь свободы, кроме королевы!

Он сцепил руки за спиной и принялся расхаживать по комнате.

— Его есть лишь столько-то на всех, знаешь ли, этой свободы. Если один человек имеет больше, то другой должен иметь ее меньше, потому что один командует, а другой подчиняется.

Он держал руку перед ней, медленно сжимая ее в кулак.

— Вот так, мало-помалу, ты будешь похищать ее до тех пор, пока не станут повиноваться малейшей твоей прихоти. Ты будешь обладать полной свободой, сможешь делать все, что ты пожелаешь, но свободна будешь ты одна. Ничто из этой свободы не перепадет твоему народу. Вся, вся будет собрана у Катарины.

Его рука разжалась и слегка стиснула ей горло. Она уставилась на него и сглотнула, прижимаясь к спинке кресла.

— Но человек не может жить без, по крайней мере, малости свободы, — мягко произнес он. — Они должны иметь ее или умереть.

Его рука медленно сжалась.

— Они поднимутся против тебя, объединенные своим общим врагом — тобой. А потом они снова выжмут из тебя свою свободу — медленно, медленно.

Катарина рванула его руку, борясь за дыхание. Бром прыгнул освободить ее, но Род отпустил ее раньше.

— Они повесят тебя на воротах твоего замка, — про-

шептал он. — И знать будет править вместо тебя, все твои дела будут вымараны, и в этом ты можешь быть уверена, ибо так всегда бывало с тиранами.

Она вскинула голову, в глазах ее была боль. Она набирала воздух, чтобы говорить, мотая головой во все более твердом отрицании.

— Нет, не я, — наконец выдавила она из себя. — Не это, нет! Никогда не тиран!

— Всегда тиран, — мягко поправил Род. — С рождения. Всегда тиран. Для всех, кто тебя окружал. Хотя ты никогда не знала этого до сегодняшнего дня.

Он отвернулся, сцепив руки за спиной.

— Но теперь ты знаешь. И знаешь также, что тебе некого винить в мятеже, кроме себя. Ты их толкала и толкала, своих вельмож, все сильнее и сильнее, для блага народа, по твоим словам. — Он оглянулся через плечо. — Но разве этот мятеж также не дает возможность увидеть тех, кто смеет тебе сказать: «нет!», увидеть, кто из них настоящие мужчины?

Ее лицо исказило презрение.

— Мужчины? — Слово это прозвучало неприличным ругательством. — В Грамарие больше нет никаких мужчин, только мальчишки, довольные своей участью игрушек женщин!

Он криво улыбнулся.

— О, есть еще мужичпы. Мужчины на юге, мужчины в Доме Хлодвиги или, по крайней мере, один там есть. Мужчины, моя королева, но мужчины благородные, любящие свою королеву и ненавидящие наносить ей удар!

Ее веки опустились, презрение, игравшее на ее лице, превратилось в улыбку.

— Именно то, что я говорила, нет больше мужчин в Грамарие.

— Они есть, — очень спокойно ответил Род. — И они идут в поход на север, чтобы доказать это.

Она уставилась на него, затем медленно села в кресло.

— Ну, так они идут в поход на север, а я встречу их на Бреденской равнине. И все же среди них нет ни одного, кого я назвала бы мужчиной. Скоты, все до единого.

— О, ты их встретишь. — Род подарил ей приторно-сладкую улыбку. — И что ты используешь в качестве армии, и кто будет ею командовать?

— Я буду командовать, — надменно ответила она. — Я и Бром. И будет там пятьсот гвардейцев королевы и семьсот солдат из армий королевы и трижды двенадцать рыцарей из моих владений.

— Шестьдесят рыцарей! — Губы Рода сжались, растягиваясь по углам. — Не хватит даже для того, чтобы поразвлечь южных рыцарей одной полной атакой! Шестьдесят рыцарей из скольких сотен в твоём королевстве? А все остальные выстроились там против тебя! И двенадцать сотен пехотинцев против тысяч мятежников!

Катарина в судороге сжала руками подлокотники кресла, чтобы унять их дрожь, страх лишил ее лица цвета.

— Мы победим ради чести Плантагенетов и Грамария или погибнем благородно.

— Я пока еще, — натянуто заметил Род, — не видел благородной смерти в битве. Они все попросту малость беснорядочны.

— Молчать! — оборвала она. Затем закрыла глаза и опустила голову, костяшки пальцев, лежащих на подлокотнике кресла, побелели. Она поднялась, снова гордая и спокойная, и Род не мог не восхититься на миг ее мужеством.

Катарина села за стол, придвинула к себе пергамент и перо, почиркала с минуту, потом протянула пергамент Роду.

— Отнесите это моему дяде Логайру, — сказала она. — Это приказ, чтобы он явился здесь передо мной, и охрапая грамота, ибо я думаю, что вскоре мне понадобится рядом все верные люди.

Род взял пергамент и медленно скомкал его в кулаке.

Он швырнул его в огонь, не сводя глаз с Катарины.

— Ты напишешь письмо герцогу, и я отнесу его, — сказал он ледянящим голосом, — но в нем ты будешь просить его оказать любезность аудиенцией.

Спина ее выпрямилась, а подбородок задрался вверх. Род поспешно утеплит голос, улыбнувшись.

— Бросьте, бросьте, моя королева! Вы уже имеете все свободы. Неужто вы не можете немножко потратиться на вежливость?

Глаза его потемнели, а улыбка растаяла.

— Или вы будете охвачены грехом гордыни и позволите своей свободе стать погибелью? — Он подошел

поближе, возвышаясь над ней. — Народ будет расплавляться за вашу гордость, моя королева? Или вы?

С минуту она прожигала его ответным взглядом, но что-то внутри ее требовало внимания. Она опустила взгляд и с минуту сидела тихо, затем повернулась к столу и написала.

Она сложила письмо, запечатала его и протянула Роду. Он взял его, поклонился немного чересчур низко, повернулся к двери.

Тут уголком глаза он уловил быстрое движение по плинтусу. Повернулся и увидел мышь, шмыгнувшую под гобелен, где она и осталась замерев.

Челюсти Рода сжались. Двумя большими шагами он пересек комнату и поднял гобелен.

Мышка посмотрела на него своими очень зелеными и очень разумными глазами.

— Я не ценю подслушивающих, — холодно сказал Род.

Мышка вздрогнула, но ответила вызывающим взглядом.

Род нахмурился от неожиданной мысли, затем строгое выражение лица его растаяло. Он мягко и незаметно поднял мышку на уровень глаз с нежностью, которая отличнейшим образом отрицала любой достойный образ, который он мог создать и вышел из комнаты.

Он медленно покачал головой.

— Ну не думала же ты, что мне здесь понадобится помощь, а?

Мышка опустила голову, ее усики чуть дернулись.

— Воистину, — прошептала Катарина, когда двери за ним захлопнулись, — по-моему, этот человек одержим.

— Ваше Величество, — произнес Бром задумчивым тоном и с блеском в глазах, — возможно, говорит куда вернее, чем думает.

Подъемный мост гулко отозвался под широким шагом Рода. Он легко сбежал вниз по склону, прочь от замка, и нырнул в рощицу канадских елей.

— Векс, — тихо позвал он.

— Здесь, Род. — Большой черный конь вышел из-за деревьев.

Род улыбнулся и любовно хлопнул по металлическому боку.

— Откуда ты, черт возьми, узнал, что я приду сюда?

— Очень просто, Род. Анализ матриц твоего поведения вкупе с тем фактом, что эта роща находится ближе всего к...

— Замнем это, — проворчал Род. — Большой Том отвел Логайра в Дом Хлодвига?

— Подтверждаю, Род.

Род кивнул.

— При данных обстоятельствах это, вероятно, самое безопасное место для герцога. Какое унижение для вельможи.

Он вскочил в седло. Затем пошарил в камзоле и достал мышку. Она озабоченно посмотрела на него.

— Ну, — вздохнул он. — Кажется, что бы я ни сказал тебе делать, тебе без разницы, ты все равно поступишь по-своему и сделаешь то, что хочешь.

Мышка опустила глаза, пытаясь выглядеть виноватой и пристыженной, но ее усики затрепетали от восторга.

Она потерлась щекой о кожу его ладони.

— Ласками ты ничего не добьешься, — проворчал Род. — А теперь слушай. Ты отправишься в Дом Хлодвига. Именно туда я и двигаюсь. Это приказ.

Мышка глянула на него большими невинными глазами.

— И это тот приказ, про который я могу быть уверен, что ты ему подчинишься, — продолжал Род, — поскольку ты все равно собираешься это сделать. Но слушай!

В его голос закралась нотка беспокойства.

— Будь осторожна, а? — Он протянул руку и очень осторожно поцеловал мышку в нос.

Мышка подпрыгнула, завертевшись от радости, весело отплясывая на его руке, танцуя, она поднялась на задние лапки, ее передние лапки вытянулись и расширились в крылья, хвост распустился веером, на теле выросли перья, нос потерял свою четкость и стал клювом — и на ладони Рода плясала синица.

У Рода перехватило дыхание.

— Э... да, — произнес он после некоторой паузы. — Просто это немного труднее воспринять, когда я вижу, как это происходит.

Птичка спрыгнула с его ладони, облетела несколько раз вокруг его головы, попарила перед ним, а затем унеслась стрелой в небо.

Род посмотрел вслед синице и пробормотал:

— Ты думаешь, в этот раз она сделает то, что я ей говорю, Векс?

— Сделает. — В голосе робота звучали странные интонации.

Род искоса посмотрел на большую черную голову.

— А я-то думал, что роботы не могут смеяться.

— Неверное представление, — ответил Векс.

— Пшел. — Род ткнул каблуком в стальные бока коня.

Векс заскакал своей длинной стальной рысцой.

— Что я еще могу поделывать? — проворчал Род.

— С этой леди, — ответствовал Векс, — ничего. Но не жалеи, Род. Это великолепная политика. Ее применяли многие короли.

— Да, — задумчиво произнес Род. — И в конце концов, важно ведь, чтобы она подчинялась, не так ли?

Векс бесшумно прогалопировал на надутых резиновых подушках в освещенный луной двор и внезапно остановился. Род стукнулся грудью о шею коня.

— Уфф! — Он хлопнулся обратно в седло. — Ойй! Мой копчик! Слушай, Векс, предупреждай меня, прежде чем выкинуть подобный фокус в следующий раз, а? Для тебя инерция может быть мелкой неприятностью, по меня она разит прямо в то, чем я жив.

— Это куда же, Род?

— Неважно, — пробормотал Род, спешиваясь, — достаточно будет сказать, что я только что понял, почему кавалерия, бывало, пользовалась расколотыми седлами.

Он пересек двор, взглянув по дороге на луну. Она стояла низко в небе, рассвет был недалеко.

Он постучал в дверь, изнутри донесся шорох движения, потом открылась дверь. Перед ним стояла кривобокая согнутая фигура Пересмешника.

— Да, милорд? — произнес он с кривозубой усмешкой.

Не следовало давать ему понять, будто Роду известно, что Пересмешник был закулисной властью. Род шагнул через дверь, едва заметив присутствие этого человечки.

— Отведи меня к лорду Логайру, малый.

— Истинно так, милорд. — Пересмешник прошмыгал мимо Рода и открыл внутреннюю дверь. Род прошел через нее, стаскивая железные рукавицы... и шагнул в середину полукруга нищих и воров, стоящих в три ряда с дубинами и ножами.

Они ухмылялись, глаза их были голодными. То тут, то там один из них проводил языком по губам.

Лица их были покрыты грязью и шрамами, увечьями и гнойными болячками, одежда их была дырявой, латаной, рваной, но ножи выглядели примечательно ухоженными.

Род сунул рукавицы за пояс, напрягши руки в стойке каратэ, и повернулся к Пересмешнику. Этого героя теперь окружали пять-шесть лучших образчиков подонков общества.

— Я пришел сюда как друг. — Лицо Рода было неподвижным,

— Вот как? — усмехнулся Пересмешник, обнажая кровоточащие десны, и захихикал. Вдруг глаза его вспыхнули ненавистью. — Объяви себя, дордишка!

Род нахмурился.

— Как объявить?

— За знать, за корону или за Дом Хлодвига!

— Копчай эту трепотню! — огрызнулся Род. — Я плохо перовариваю чушь и начинаю чувствовать, что твою я уже сыт по горло. Веди меня к Логайру, сейчас же!

— О да, милорд, обязательно отведем. Да, милорд, тотчас же, милорд, мигом. — Род потер руки, заливаясь сдавленным веселым смехом. Затем взгляд Пересмешника метнулся через плечо Рода, и он кивнул.

Род начал было оборачиваться, но что-то взорвалось у него в затылке. Вокруг него завертелись звезды, а затем наступила чернота.

Медленно Род начал осознавать розовый свет, боль и тысячу контрабасов, вразнобой играющих в его голове.

Еще медленнее он стал осознавать что-то мокрое и холодное на своей щеке. Розовый свет, понял он, был солнечными лучами, просачивающимися сквозь его сомкнутые веки.

Боль в голове вытеснилась сосредоточенностью. Он вздрогнул, затем героическим усилием сумел открыть глаза и снова вздрогнул. Все было нечетким, не в фокусе, солнечный свет и цветные пятна. Влага под его щекой оказалась мхом, а холод под ним — камнем.

Он с силой оттолкнулся руками, влажная поверхность отшатнулась, оставив его закачавшимся, тяжело опирающимся на руки, с тошнотой в желудке.

Он мотнул головой, вздрогнул от боли и несколько раз моргнул. Глаза слезились, постепенно зрение его прояс-

нилось. Он заставил себя сфокусироваться на... лице Туана Логайра.

Туан сидел спиной к черному древнему камню. В камне была огромная железная скоба, и от нее тянулись цепи к кандалам на запястьях и лодыжках Туана. Он сидел на куче грязной заплесневелой соломы, в водянистом свете слабого солнечного луча.

Туан улыбнулся с иронией, столь же тяжелой, как ржавые цепи на его теле, и поднял руку в приветствии, зазвев цепью.

— Добро пожаловать в гости.

Род отвел от него взгляд и посмотрел вокруг. Старый герцог сидел у другой стены, прикованный рядом со своим сыном.

— Холодное гостеприимство, Род Гэллоуглас, — проворчал старый лорд, с тяжелым от мрачных дум лицом. — Едва ли в безопасное место привел меня твой слуга.

Измена! Роду следовало бы знать, что Тому лучше не доверять.

— Большой Том, ты...

— Здесь, мастер.

Род посмотрел, обернувшись. Большой Том сидел у противоположной стены, прикованный как и все остальные.

Том печально улыбнулся, бросив на своего хозяина укоризненный пытливый взгляд.

— Я думал, ты освободишь нас, мастер. И вот ты здесь, скованный, как и все остальные.

Род нахмурился и взглянул на свое запястье. Его окружала ржавая толстая полоса железа. У нее имелись копии на лодыжках и другом запястье.

Он поднял глаза на Тома, улыбнулся и поднял руку, тряхнул цепью.

— Слышал когда-нибудь присказку, что каменные стены — еще не тюрьма?

— Тот, кто сказал эти слова, был дурак, — злобно бросил Том из темноты.

Род поднял глаза к установленному высоко в стене маленькому зарешеченному окну. Оно давало единственное освещение в помещении-камере примерно десяти футов шириной и пятнадцати длиной со сплошь заросшим мхом стенами и потолком в десяти футах от пола, а пол был покрыт прелой соломой.

Единственным украшением служил скелет, удерживаемый от распада мумифицированными связками, прикованный к стене, подобно им самим.

Род осторожно осмотрел молчаливого сокамерника.

— Не такие уж они рачительные хозяева, верно? Могли бы, по крайней мере, уволочь кости в нижние пределы.

Он снова повернулся к окну.

— Векс, — прошептал он достаточно тихо, чтобы другие не могли разобрать слов. — Векс, ты где?

— В самой грязной и разваленной конюшне, какую я когда-либо видел, — ответил робот. — Вместе с пятью ключами самого плачевного вида из всех, кто за пределами скотобойни. Я думаю, мы, предположительно, являемся кавалерией Дома Хлодвиг, Род.

Род тихо засмеялся.

— А не бегают ли поблизости какая-нибудь мышка с большими зелеными глазами, Векс?

Нет, Род, но на моей голове сидит синица.

Род усмехнулся.

Спроси ее, не имеет ли она какой-нибудь власти над холодным железом?

Как мне с ней говорить, Род?

— Вещая на частоте волны человеческой мысли, конечно! Она же телепатка, идиот ты ученый!

— Род, я категорически протестую против подобных упкижительных высказываний по адресу моих способностей в областях, по которым я не запрограммирован.

Ладно, ладно, я сожалею, раскаиваюсь! Ты гений, чудо, Эйнштейн, Урт! Только спроси ее, идет?

Возникла пауза, затем Род услышал малоразборчивую сорию чириканья на заднем плане.

— Что это за чириканье, Векс?

— Гвендайлон, Род. Она очень бурно отреагировала на новый опыт телепатии с конем.

— Ты хочешь сказать, что она чуть не свалилась со своего насеста? Но она сказала что-нибудь?

— Конечно, Род. Она говорит, мол, теперь уверена, что ты — чародей.

Род застонал и закатил глаза к потолку.

— Слушай, Векс, верни ее к делу, а? Может, она сможет вытащить нас из этих цепей и разрезать решетки на нашем окне?

Возникла еще одна пауза, затем Векс ответил:

— Она говорит, что не имеет никакой власти над холодным железом, Род, ни равно любые из известных ей

ведьм, колдунов или эльфов. Она предлагает кузнеца, но боится, что это непрактично.

— Бытие, Исход, Левит... ну, скажи ей, мол, я рад, что она не потеряла чувства юмора. И спроси ее, как, черт возьми, она собирается вытащить нас отсюда?

— Она говорит, что незачем употреблять сильные выражения, Род...

— Не нужно было транслировать меня буквально, шмелиный ты мозг!

— ...и она думает, что Князь Эльфов может оказаться способным освободить вас. Она считает, что он придет, но он находится довольно далеко, так что это может занять какое-то время.

— Я думал, что она говорила, будто эльфы не могут управиться с холодным железом!

Возникла новая пауза, затем Векс сказал:

— Она говорит, что Князь Эльфов не совсем эльф. Род, будучи только наполовину старой крови.

— Только наполовину... минутку! — нахмурился Род. — Ты хочешь сказать, что он гибрид между эльфом и смертным?

— Именно так, Род.

Род попытался представить себе, как восемнадцатидюймовый эльф и шестифутовая смертная могли бы занять ребенка, и в мозгу его пачалась карусель.

— Она теперь отбывает, Род, вызвать его и вернуться как можно быстрее, но это займет некоторое время. Она просит тебя быть тверже сердцем.

— Если мое сердце будет хоть сколько-нибудь тверже, оно станет положительно каменным! Передай ей, что я ее... Нет, просто передай ей, что я ей благодарен.

Он, казалось, услышал слабый вздох за ухом, и Векс сказал с оттенком смирения:

— Скажу, Род.

— Спасибо, Векс, будь здоров.

Род вернулся обратно в тюрьму. Логайры сидели, прижавшись к стене, странно глядя на него.

— Он разговаривает с разреженным воздухом, — прошептал Туан. — Воистину, этот человек одержим!

— Кажется, я уже слышал это прежде, — проворчал Род, — и воздух здесь какой угодно, только не разреженный.

— И все же, — пробормотал Логайр, — это поступок обезумевшего!

Большой Том громыхнул смехом.

— Отнюдь, милорды. Этот человек разговаривает с духами.

Род невесело усмехнулся.

— С чего это ты вдруг так развеселился, Большой Том?

Великан потянулся, зазвенев цепями.

— На миг я подумал, что они побили тебя, мастер. Теперь я знаю, что то была глупая мысль.

— Не будь столь уверен, Том. Чары холодного железа разбить тяжеловато.

— Нет, мастер. — Веки Тома лениво опустились. — Ты найдешь к нему подход, гарантирую.

Он сплел руки на животе и откинулся головой к стене.

Род улыбнулся, когда Том принялся храпеть. Он посмотрел на Логайров и дернул головой в сторону Тома.

— Вот вам образец уверенности. Пока я улаживаю дела, он предпочитает вздремнуть.

— Давай надеяться, что эта вера обоснована, — сказал Туан и с сомнением посмотрел на Рода.

— Давай, — мрачно откликнулся Род. Он кивнул герцогу. — Возобновили знакомство?

Логайр улыбнулся.

— Я рад снова видеть сына, хотя я и не возражал бы против более открытого приема.

Туан нахмурился, глядя на руки:

— Печальные новости он принес мне, Род Г'эллоуглас, очень печальные и грустные. — Он посмотрел на Рода с ярким гневом на лице. — Я знал, что мой брат полон непамяти и честолюбия, но не думал, что он опустится до измены.

— А, не будь очень крут с бедным парнем. — Род привалился спиной к стене, устало закрыв глаза. — Его зачаровал Дюрер. А если его магия так близко подошла к тому, чтобы подействовать на твоего отца, то как она могла не подействовать на сына?

— Да, — сумрачно согласился Туан. — Я сам стал добычей Пересмешника.

— Вот как? — открыл глаза Род. — Ты понял это, не так ли?

— О да, это ответный злодей. Он будет кланяться тебе самым униженным образом, покуда его прихвостни срезают твой кошелек — и так вот он и служил мне!

Род поджал губы.

— Он-то и подал тебе мысль организовать нищих?

— Да, — тяжело кивнул Туан. — Сперва я думал только облегчить их голод и холод, но его слова заставили подумать об армии для защиты королевы. А то, что я видел и слышал на юге, привело меня к мысли, что такая армия вполне может понадобиться.

Старый герцог откашлялся.

— Прости меня, отец, — сказал Туан, склонив голову. — Но я знал, что даже ты не сможешь удерживать их вечно. Но я не предполагал, что измена придет от Ансельма. — Голос его отвердел.

Род завертелся, чувствуя себя ужасно неудобно.

— Ну, как я сказал, тебе не следует слишком уж винить его. В конце концов, он попытался удержать Дюрера от убийства отца. — Род подогнул под себя ноги, скрестив их. — Так значит, когда Пересмешник узнал, что юг взялся за оружие, то решил, что настало время утвердить свою истинную власть и свергнуть королеву, верно?

— Да. — Губы Туана сжались, как будто он в первый раз попробовал неразбавленного спирта. — Тогда я выступил против него, говоря, что пришло время защитить королеву. Он назвал меня предателем и...

Он нахмурился, выдавливая слова.

— Один из нищих чуть было не убил меня. Но Пересмешник и слышать не хотел об этом, нет, он бросил меня сюда без еды и огня.

Он поднял смущенный взор на Рода.

— Что воистину крайне странно, Род Гэллоутглас. Ты не думаешь, что он хочет убить меня сам?

— Нет. — Род закрыл глаза, покачав головой. — Ему нужен кто-то на место короля после того, как они скинут Катарину.

— Нет, не короля, — задумчиво поправил Туан. — Он кричит, что у нас никогда не будет больше короля, но только своего рода вождь, выдвинутый народом.

— Своего рода вождь, — нахмурился Род. — Каким именем он называет этого вождя?

— Диктатором. — Туан пожевал щеку. — Крайне странный титул. Не будет ни знати, ни короля, только диктатор. Поистине, крайне странно.

Рот Рода сжался.

— Не так уж и странно, как кажется. Но не хочешь ли ты тогда сказать, что нищие думают, будто они смогут взять замок?

— Нет, но известно; что юг взялся за оружие, а Ката-

рина ни за что на свете не станет ждать, пока ей навяжут битву.

— О! — Род переварил это сообщение. — Ты имеешь в виду, что Пересмешник уверен, будто она выступит на юг встретить их?

— Вне всяких сомнений. А Пересмешник выступит на стороне ее врагов.

Род кивнул.

— Так что когда армии сойдутся в битве, нищие атакуют королевские силы с тыла. Вечный их обычай, — прогромыхал Логайр.

Туап кивнул, соглашаясь.

— А оказавшись между двух сил, ее войско едва ли продержится полчаса.

— А что Пересмешник собирается предпринять относительно советников и знати после того, как битва будет окончена? Дюрер-то намерен сделать королем твоего брата.

— Кажется, так, — ответил Туан. — Но у Пересмешника есть ответ на это и на все претензии вельмож.

— Вот как? — поднял бровь Род.

— Да. То трубка из металла, насаженная на приклад арбалета, ничего более, но она выбрасывает свинцовый шарик, что может пронзить самые прочные доспехи.

— И он намерен вложить по одной из них в руки каждого солдата своей армии?

— О нет, — нахмурился Туан, — у него их всего пять, одна у него, и по одной для каждого его приспешника, в том числе одна для его четвертого помощника. — Туан кивнул в сторону прислонившейся к стене громадной фигуры Тома. — Но тот в последнее время впал в немилость. Пересмешник уверяет нас, что пять трубок ответят на все силы знати и советников.

Но Род уставился на Тома.

— Большой Том? — Он сглотнул. — Помощник?

— Да, — нахмурился Туан. — Разве ты не знал, что он из Дома Хлодвига?

Том открыл одип бдительный глаз и посмотрел на Рода.

Род отвел взгляд, прочистил горло и поджал губы.

— Ну, это объясняет несколько вещей. — Он переключил внимание обратно на Тома. — Так значит, ты являешься частью Внутреннего Круга?

Большой Том кисло улыбнулся и поднял скованную руку: цепь лязгнула и зазвенела.

— Являлся.

— Он выступил против них, — прогромыхал Логайр. — Выступил против своих собратьев и этого, как вы его называете, Пересмешника? Выступил против Пересмешника и троих его шакалов, когда те приказали заточить меня вместе с сыном. «Нет, — утверждал твой слуга Том. — Я должен забрать его к моему мастеру, где он поможет вашим планам». «Планы изменились, — отвечали они и не желали слушать о моем освобождении, и тогда твой слуга Том сражался бок о бок со мной и положил очень приличное число их».

Это последнее было сказано тоном удивленного уважения.

Том усмехнулся, а Род потрясенно рассматривал улыбку великана, в которой не хватало одного зуба.

— Ты и сам буйный боец, — засмеялся Том. — Не думал я, что дворяне могут так хорошо драться без доспехов или меча.

Род взгляделся в темноту и увидел, что глаз великана заплаыл и алел, а кроме того виднелся недавно затянувшийся порез поперек одной распухшей щеки.

Род откинулся спиной к стене, улыбаясь одной стороной рта.

— Сколько голов ты расколотил, Большой Том?

— Едва ли двенадцать, — педовольно отвечивал Большой Том. — У меня был только этот несгибаемый джентльмен, чтобы охранять тыл, а их было слишком много против нас.

Род усмехнулся, раздумывая, знает ли Логайр, сколько крупного комплимента его удостоили.

Том потянулся и зевнул.

— Ну, это весьма кстати возвращает нас к настоящему. У кого-нибудь есть покерная колода?

Оба Логайра озадаченно нахмурились, но в глазах Большого Тома промелькнул огонек понимания.

Род кисло улыбнулся верзиле, и лицо Большого Тома одеревенело. Он ответил Роду пристальным взглядом.

— Да брось ты, Большой Том, — резко произнес Род. — Твой секрет теперь официально известен. Больше нет смысла играть в игры, не так ли?

Том сердито посмотрел на него, затем лицо его снова ожило, на нем появилось задумчивое глубокомысленное выражение.

Великан прислонился спиной к стене, полузакрыв глаза.

— Да, тут ты прав. Да и когда ты неправ?

С чувством внезапной слабости Род начал осознавать, что Том видел в нем больше, чем просто работодателя или фишку в игре.

— Мой жребий ныне связан с тобой, — сказал Том. — Будет ли он у меня или нет, так с чего же мне лицемерить?

— Лицемерить? — вскинул бровь Род. — Весьма напыщенный язык для крестьянина, Большой Том.

Том петерпеливо отмахнулся.

— Кончай свои игры! Я снял маску, сделай милость, сними свою.

Род замер.

Затем медленно улыбнулся.

— Ты быстрее, чем медведь, Большой Том. Ты давно понял?

Логайры уставились на них, совершенно сбитые с толку.

Большой Том издал короткий лающий смешок.

— Да с тех пор, мастер, как ты применил ко мне дзю-до!

— А, — поднял брови Род. — Значит, с самого начала? Так вот почему ты добивался места ординарца.

Том лениво улыбнулся.

— По приказу?

Том кивнул.

Род опустил взгляд, изучая цепь на запястье.

— Кто ты, мастер?

— Чародей. — Род внутренне содрогнулся, но при данных обстоятельствах это был лучший ответ.

Большой Том сплюнул.

— Игры, мастер, игры! Ты сам сказал кончать с ними! Ты не из советников, или же ты не выкрал бы у них Логайра, и ты не из Дома Хлодвига, или бы я давно знал. Кто же ты тогда?

— Чародей, — сказал еще раз Род. — Новый игрок в матче, Большой Том, и тот, кто стоит точно за королевой. Х — неизвестный фактор в уравнении советников и Хлодвига, оказавшийся здесь по чистой случайности и совпадению.

— Черта с два! — снова сплюнул Большой Том. — Я не очень-то верю в случайности, мастер. Я знал, что ты поддерживаешь королеву, можно спросить, кто стоит за тобой?

— Странная для слуги манера разговаривать со своим лордом, — проворчал Логайр, сердясь.

— Очень странного слуги, милорд.

— Да, и с очень странным лордом, — зарычал Большой Том. — Кто стоит за тобой, Род Гэллоуглас?

Род изучил великана, затем пожал плечами. Для Логайров это слово все равно ничего не будет значить, а Том все одно был теперь на его стороне.

— ПОИСК, — ответил он.

Том уставился на него, затем почти шепотом произнес:

— Я думал, они умерли все до последнего. — Он сглотнул и закусил губу. — Э, но ты-то жив. Может быть, ты и дух, но нет, ты живой, или же та ведьма едва ли привязалась бы так к тебе. Я слышал, что вас разогнали после того, как вы победили, но нет, мне следовало бы внять. То была тайна и, может быть, тайна от всех, но ты живой.

— Победили, — нахмурился Род.

И увидел в ответ мрачность от еще большего замешательства. Затем лицо великана прояснилось. Он усмехнулся, прислонился спиной к стене и захохотал.

Логайры смотрели на него и на Рода поочередно. Род развел руками и покачал головой. Они посмотрели обратно на Тома, вытирающего глаза и выпускающего остаточные смехи.

— Хе, хе, теперь я понимаю, и какой же я был дурак, что не понял этого раньше. Какой твой год, мастер?

— Год? — нахмурился Род. — Тридцать восьмой миновал, а что?

— Нет, нет! — Том нетерпеливо замотал головой. — Из какого ты года?

Рот Рода сформировал округлое безмолвное «О», когда до него дошло.

— Это все-таки была машина времени!

Лицо Большого Тома замерло, когда он уразумел все, что вытекало из сказанного Родом.

— И, — надавил Род, — есть еще одна, спрятанная в этом здании, не так ли?

— Хватит! — отрезал Большой Том, и глаза его стали холодными. — Ты и так уже слишком много знаешь, Род Гэллоуглас.

Страх собрался в животе Рода и пополз по спине, ког-

да он увидел закрадывающееся в глаза Тома холодное низменное убийство.

— Большой Том. — Он прочистил горло и заговорил быстрым просительным монотонным голосом. — Большой Том, твои теперь повернули против тебя, ты не обязан хранить им верность, и все плохое, что они обещали исправить, я тоже могу исправить. Возвратись к ним, и они убьют тебя, я — нет, и ты это знаешь.

Испепеляющий взгляд Тома остыл, огромное тело ослабилось.

— Да, — проговорил Том, — ты снова прав, хотя и не в том смысле, что ты думаешь. Они загнали меня в бутылку только на время, пока не будут совершены великие деяния, но они снова вытащат меня, ибо я слишком дорогостоящий человек, чтобы так легко выбрасывать. Но ты прав — они убьют меня, через год или два или через пять лет, когда моя служба кончится, а я желаю жить.

Род скептически поднял бровь.

— Они не сомневаются в твоей верности?

Большой Том глухо рассмеялся.

— А им и не пужно, мастер. Я не согласен только по средствам, а не по целям. Но я не согласен, и за это раньше или позже они меня убьют.

— Род, — произнес тихий голос, который мог слышать только он.

Род поднял руку.

— погоди, последние новости на Риальто*.

— Род, прибыл Князь Эльфов. Он ведет к вашей камере отряд эльфов. — В голосе робота звучал оттенок смеха.

— Ладно, чего тут смешного? — пробурчал Род.

— Тебя ждет сюрприв.

К окну шмыгнули две горбатые, белобородые фигуры. Род нахмурился.

— Векс, это гномы, а не эльфы.

— Гномы? Ах да, эльфы, работающие по металлу. Чистая семантика, Род. Но и они все же не способны иметь дело с железом.

Гномы вытащили молоток и холодное зубило со слабым бронзовым отливом и вручили более рослой темной фигуре, загоротившей солнечный свет.

* Риальто — остров в Венеции, где находится биржа. Вся фраза — искаженная цитата из «Венецианского купца», акт III, сц. 1.

Логайры, прикованные под окном, выгнули шеи, пытаясь разглядеть, когда прозвучал первый удар.

Большой Том нахмурился.

— Есть что-то щекочущее мне память в той фигуре за окном. Ах, если бы свет дал мне возможность увидеть его лицо!

Род помрачнел.

— Чего такого особенного в его лице? Вероятно, очень безобразное.

Том осклабился.

— То послужит отличным рассказом для моих детей, если я проживу достаточно долго, чтобы зачать их. Еще ни один смертный не взглянул в лицо эльфа королевского дома, хотя говорят, они древние до невероятности. Они... у... а... хррр!

Голова Большого Тома упала вперед, и он принялся храпеть.

Ему ответили два других храпа. Повернувшись, Род увидел, что Логайры блаженно спят, уткнувшись подбородками в грудь.

Род в недоумении уставился на них.

Металлический прут выпал из окна и подскочил на полу. Концы его были перерублены.

Род присвистнул. Этот Князь Эльфов, может быть, и был древним, но, определенно, не ослабевшим — какое там, если он все еще мог перерубить железо дюймовой толщины с помощью всего лишь киянки и зубила холодной закалки.

Упал третий прут. Раздался царапающий звук, и приземистая широкая фигура пролезла через окно и спрыгнула на пол.

Род обалдело уставился на нее, потом зажмурил глаза и замотал головой. Затем снова посмотрел и понял, почему Том и Логайры внезапно задремали.

Он сглотнул, поборолся за самообладание и улыбнулся.

— Рад встрече, Бром О'Берин.

— К твоим услугам. — Карлик поклонился, ехидно улыбаясь. — У меня до тебя должок в удар по голове за то, как ты разговаривал с королевой; удар по голове или большая благодарность, не знаю, что именно.

Он повернулся и тихо позвал на странном певучем языке. Холодное долото описало в воздухе дугу и упало к его ногам. Он протянул руку и поднял влетевший молоток.

— Ну а теперь. — Бром упал на колени и прижал к полу предплечье Рода. Звено отвалилось, перерубленное зубилом. Бром хмыкнул и переместился к другому боку Рода.

— Ты будешь носить браслеты, когда я закончу, — проворчал он, — но никаких цепей. Кандалам придется подождать, пока мы не очутимся в замковой кузне.

— Э... у тебя весьма твердая бронза, — рискнул заметить Род, следя, как зубило рассекает железо.

— Самая твердая, — согласился Бром, атакуя цепи на лодыжках. — Старый рецепт, давно известный моему роду.

— Твоему... э... роду?

— Да, — поднял взгляд Бром. — В Затерянной Греции тоже были эльфы, разве ты не знал, Род Гэллоуглас?

Род не знал, но считал, что сейчас не время упоминать об этом. Он встал, освобожденный по крайней мере от цепей, и молча следил, как Бром перерубает оковы других. Сюрприз с Князем Эльфов многое объяснял в Броме: хотя бы его размеры и сложение.

— Никак не думал, что ты королевской крови, Бром.

— Хм? — Бром оглянулся через плечо. — Я думал, что ты догадался об этом. Почему же еще я назван так, как назван?

Он вернулся к своей работе. Род нахмурился. Имя? Какое оно имело отношение к чему бы то ни было? Бром? О'Берин? Он не видел связи.*

— Вот, последний, — произнес Бром, перерубаяжные кандалы Большого Тома. — Теперь ты должен одолжить в помощь мне твое плечо, мастер Гэллоуглас.

Он прыгнул обратно в окно, Род просунул плечо под брюхо Тома и, качаясь, сумел кое-как дотащить его до окна, когда оттуда вылетела веревка.

Род завязал ее под мышками Большого Тома, выбросил свободный конец в окно и закричал:

— Майна!

Он услышал крикание Брома и снова удивился мускулам карлика, когда Большой Том стал рывками подниматься вверх по стене, все еще отчетливо похрапывая.

Из-за пивного брюха, мускулов и малого размера окна Большой Том проходил туго.

— Почему бы тебе не разбудить его и не дать ему

* Связь простая. Согласно мифологии короля эльфов звали Оберон.

вылезти самому? — крикнул Род, толкая Тома в обширный зад.

— Я не желаю, чтобы мое положение было известно среди смертных, — ответил приглушенный голос Брома.

Окно теперь обрамлялось только толстым задом Тома. Род посмотрел на него, взвешивая достоинства хорошо нацеленного пинка, и решил, что не стоит.

— Так почему же ты позволил мне остаться бодрствующим?

— Один среди вас должен был помочь мне с другими, — ответил Бром. Но у Рода сложилось впечатление, что это не вся правда.

Он, однако, оставил вопросы до той поры, когда его сокамерники будут сложены на земле под окном. Плечи Туана оказались даже большим препятствием, чем брюхо Тома, им пришлось поднять его спиной вверх, просунуть руки раньше головы, в то время как Род мельком подумал о предках этого кососаженного.

Затем Бром втянул Рода, бормоча что-то о том, что рыба нынче измельчала. Род прорычал ответный комплимент, когда поднялся на ноги, затем согнулся пополам, поместив голову на уровень груди Брома.

— А это для чего? — прорычал Бром.

— Для порки, — ответил Род. — У тебя до меня должок — удар по голове, помнишь?

Карлик засмеялся и хлопнул его по плечу.

— Нет, малыш, ты только сделал то, что следовало сделать мне самому много лет назад, да никак духу не хватало. Но теперь идем, нам надо убираться отсюда.

Бром подхватил Туана посередине. Гномы взяли его за плечи и ноги и отнесли к разрушенному фонтану в центре двора.

Из камней материализовались новые гномы и подсунули плечи под Большого Тома.

Род, дивясь, покачал головой и нагнулся перекинуть Логайра через плечо. Бром нащупал камень в основании фонтана и открыл его, обнажив темную пасть маленького туннеля.

— А разве не было бы намного легче, если бы мы сперва разбудили их?

Бром уставился на него, взбешенный, затем лицо его потемнело.

— Мы идем в страну эльфов, шастер Гэллоуглас! И ни один смертный не может путешествовать туда и помнить об этом!

— А я?

— Ну, верно, — признал Бром, возвращаясь к проблеме Туана. — Но, впрочем, ты не такой смертный, как некоторые. Ты — чародей.

И исчез в норе.

Род начал было отвечать, затем подумал, что лучше не стоит. Он удовлетворился несколькими буркнутыми замечаниями о дискриминации и о докладе в Комиссию по Правам Человека, пока волок в туннель Логайра.

— Векс, — прошептал Род, глядя на конюшню. — Мы уходим. Выбирайся из этой дыры и встречай меня в замке.

Наступило молчание, затем на конюшне раздался треск ломающегося дерева. Дверь распахнулась, и огромный черный конь выскочил рысью на утреннее солнце, высоко подняв голову с развевающейся гривой.

Из щелей трактира высунулись головы, когда из конюшни выбежал, спотыкаясь, разбуженный Вексом конюх с ословелыми глазами, крича коню остановиться.

— Брось, убирайся, — зарычал Род.

Но Векс вместо этого остановился и оглянулся через плечо на конюха.

Юнец подбежал, крича, и вытянул руку, чтобы схватить Векса за узда. Огромная голубая электрическая искра с треском пролетела от шкуры Векса к руке юнца.

Конюх завизжал, упал на спину, держась за руку, и стенав принялся кататься по камням. Векс пропал в вихре и цокоте копыт.

— Выщепдриваешься, — проворчал Род, когда конь исчез.

— Вовсе нет, Род, — раздался спокойный голос копя. — Всего лишь инструктивный предметный урок на низкой силе тока. Это тряхнет его, но не повредит; я укрепляю твою репутацию чародея.

Род медленно покачал головой.

— Как будто она нуждается в укреплении!

— Ай, мастер Гэллоуглас, — засмеялся один из гномов голосом, сильно напоминающим ржавый консервный нож. — Ты хочешь, чтобы мы поверили тебе, будто ты не чародей?

— Да! Э... то есть я... э... — Род оглянулся на туннель. — Чародей? Конечно, чародей! По крайней мере, пока мы не проберемся через страну эльфов. Идем, ребята?

В скором времени они сидели вокруг камина в коро-

левской палате Совета. Катарина многословно извинялась перед Логайром, в то же время подчеркнуто игнорируя Туана, и, покончив с любезностями, вернулась к своему обычному поведению.

Туан сидел слева от очага, не отводя задумчивых глаз от пламени.

Катарина сидела в углу комнаты как можно дальше от Туана, заботливо расположив между собой и им тяжелый стол и Брома О'Берина.

— ...и такова вот полная обстановка на юге, моя королева, — говорил Логайр, разминая узловатые руки. Он закончил свой доклад, изобиловавший нюансами интриги, которых Род и вовсе не мог проследить. — Я больше не герцог, и мятежники уже в походе.

Катарина пошевелилась.

— Ты снова будешь герцогом Логайром, — холодно заявила она, — когда мы раздавим этих предателей!

Логайр печально улыбнулся.

— Их будет нелегко разбить, Катарина!

— Ваше Величество! — огрызнулась она.

— Катарина! — рявкнул Род.

Она испепелила его взглядом.

Он испепелил ее таким же.

Катарина надменно отвернулась.

— Бром, кто я?

— Ваше Величество, — ответил Бром с призрачной улыбкой, — но для своего дяди и его сына, вашего кузена, вы должны быть Катариной.

Род подавил улыбку, когда Катарина погрузилась в кресло, ошеломленно уставившись на Брома.

Она взяла себя в руки и подарила Брому наилучший взгляд «и ты, Брут» в ее репертуаре.

— Я думала, что ты за меня, Бром О'Берин.

— Да, так оно и есть, — улыбнулся Бром. — А также и этот крик, — он ткнул пальцем в сторону Рода, — если бы только ты это заметила.

Катарина удостоила Рода холодным взглядом.

— Да, крик. — Ее голос отвердел. — А что же дятел?

Голова Туана вскинулась, словно от пощечины. Он потрясенно уставился на нее с распахнутыми от боли глазами.

Затем его рот сжался и между бровей пролегла морщина.

«В один прекрасный день, — подумал Род, — она толкнет его самую малость чересчур далеко, и это может стать счастливейшим днем в ее жизни, если она переживет его».

— Я за тебя, — выдохнул Туан, — даже теперь, моя королева Катарина.

Она улыбнулась, надменно и презрительно.

— Да, я знала, что так будет.

«Вот сука! — подумал Род. — Сука!»

Катарина заметила безмолвное движение его губ.

Она криво улыбнулась.

— Что за слова вы бормочете, сударь?

— А, э, просто проделываю упражнение для дыхания, которому меня научил мой старый постановщик голоса и дикции. — Род прислонился к стене, сложив руки на груди. — Но насчет мятежников, дорогая королевушка, что же ты все-таки намереваешься предпринять против них?

— Мы выступим в поход на юг, — отрезала она. — И встретим их на Бреденской равнине!

— Нет! — Логайр вскочил с кресла. — У них силы десять на одного нашего, если не больше!

Катарина проглотила дядю взглядом, уголки рта изогнулись крючками.

— Мы не станем забиваться в щель, как крысы, оставшись здесь!

— Тогда, — сказал Род, — вы проиграете.

Она посмотрела на него сверху вниз (нелегкий фокус, так как она сидела, а он стоял).

— В этом нет бесчестья, Род Гэллоуглас.

Род стукнул себя по лбу и закатил глаза.

— А что еще мне делать? — фыркнула она. — Готовиться к осаде?

— Ну теперь, после того как вы упомянули об этом, — сказал Род, — да.

— Есть еще что-нибудь, — ровным голосом вставил Туан, — что будет охранять твой тыл от Дома Хлодвига?

Она оттопырила губы.

— Нищие!

— Нищие и головорезы, — напомнил ей Род, — с очень острыми ножами.

— Станет королева страшиться нищих? — отрезала она. — Нет! Они прах у моих ног!

— То, что ползает во прахе у твоих ног, есть змея, — прогромыхал Бром. — И зубы ее остры и ядовиты.

Она закусила губу и опустила глаза в неуверенности,

затем снова вскинула подбородок и прожгла Туана испепеляющим взглядом.

— Так значит, ты вооружил их против меня и сколотил их в армию, навел среди них порядок и выковал из них кинжал для моей спины. Прехрабро сделано, Король Бродяг!

Род вскинул голову; он устремил свой взгляд в пространство, затем медленно обратил к Туану взор со странным блеском в глазах.

— Я выступаю в поход, — заявила Катарина. — Вы идете со мной, милорд Логайр?

Старый лорд медленно склонил голову в подтверждение.

— Ты валяешь дурака, Катарина, и погибнешь, но я погибну вместе с тобой.

Ее самообладание на миг поколебалось, а глаза увлажнились.

Она резко повернулась к Брому.

— А ты, Бром О'Берин?

Карлик развел руками.

— Сторожевой пес вашего отца, миледи, и ваш.

Она нежно улыбнулась.

Затем ее глаза резко посуровели, когда она посмотрела на Туана.

— Говори, Туан Логайр.

Юноша очень медленно поднял взгляд от огня.

— Странно это, — задумчиво произнес он, словно про себя. — Всего лишь в двадцатидвухлетнем возрасте оглянуться назад на столь короткую жизнь и увидеть столь много безрассудства.

Род услышал приглушенное аханье Катарины.

Туан хлопнул себя по бедру.

— Ну, значит, с этим кончено, и если я жил безрассудно, то вполне могу безрассудно умереть.

Он обратил нежный задумчивый взгляд к Катарине.

— Я погибну вместе с тобой, Катарина.

Ее лицо было пепельно-серым.

— Безрассудно... — прошептала она.

— Он и не знает, сколь мудро он говорит, — проворчал Бром. Он посмотрел через плечо на Рода. — Что скажешь ты на сие безрассудство, Род Гэллоуглас?

Глаза Рода медленно сфокусировались на Броне.

— Мудрый шут, смелый шут, — пробормотал он себе под нос.

— Что ты сказал? — нахмурился Бром.

— Я говорю, что мы, возможно, еще переживем это! — усмехнулся Род с горящими глазами. — Эй, Король Бродяг! — Он хлопнул Туана по плечу. — Если исчезнут Пересмешник и его приспешники, ты сможешь направить нищих сражаться за королеву?

Лицо Туана снова оживо.

— Да, наверняка, коль скоро они исчезнут.

Губы Рода растянулись в недоброй усмешке.

— Им придется.

Луна стояла высоко, когда Род, Туан и Том метнулись из тени разрушенной стены в тень развалившегося фонтана во дворе Дома Хлодвига.

— Из тебя вышел бы великолепный взломщик, и из тебя тоже, — проворчал Большой Том. — Я мог бы услышать вас за одну-две лиги.

Нелегко было убедить Тома пойти с ними. Конечно, Род начал с неверного курса, он исходил из того, что верность Тома пролетарской идее умерла тогда, когда его заковали в железо. Он хлопнул Тома по спине, произнося:

— Как тебе понравится шанс вернуть должок своим друзьям?

Том пахмурился.

— Вернуть должок?

— Да, они же выперли тебя, не так ли? Бросили тебя в тюрьму, верно? А теперь жаждут твоей крови, так?

Том засмеялся.

— Нет, мастер, и вполтину не так! Ох, не так! Они бы освободили меня, когда эти безобразия закончились бы.

— А! — Род пахмурился. — Понимаю, верных людей трудно сыскать.

Лицо Тома потемнело.

— Ты понимаешь слишком быстро, чтобы это было мне по вкусу.

— Ну, как бы там ни было... — Род перекинул руку через плечо великана, чуть было не вывихнув ее по ходу дела. — Гм, в таком случае, за что они тебя заперли?

Том пожал плечами.

— Разногласия.

— В путях и средствах, а?

— Да. Они стояли за то, чтобы напасть и на королеву, и на знать одновременно, хотя это означало бы разделение сил.

— Кажется рискованным. А что хотел сделать ты?

— Да ясно, сперва свалить вельмож и их советников

под личиной верности трону. Потом мы могли бы постепенно сагитировать всю страну за Дом Хлодвиг и, обеспечив поддержку народа, свалить королеву и Брома О'Берина двумя ударами ножа.

Род сглотнул и попытался вспомнить, что теперь этот человек на его стороне.

— Очень ловко. — Он хлопнул Тома по спине. — Говоришь, как хороший большевичок. Сколь много значит для тебя, Том, этот образ действий?

Большой Том уделил ему долгий расчетливый взгляд.

— О какой цене ты помышляешь, мастер?

Род усмехнулся.

— А не бросить ли нам твоих четырех коллег в камеру, что они зарезервировали для тебя?

— Было бы приятно, — медленно произнес Том. — А что потом, мастер?

— Ну, тогда Дом Хлодвиг будет драться на стороне королевы против знати. Это даст тебе лучший шанс разбить советников и вельмож, а после ты будешь действовать по своему плану.

Том медленно кивнул.

— Но станут ли нищие драться за королеву?

— Это мы предоставим Туану Логайру.

Лицо Тома растянулось в озорной ухмылке. Он откинул голову и заржал, хлопнув Рода по спине.

Род поднялся с пола, слыша, как Большой Том выдавливает между спазмами смеха:

— Эх, мне следовало бы подумать об этом, мастер! Да, этот парень их очарует! Ты не знаешь мощи этого серебряного языка, мастер. Этот мальчик может заставить барса поверить, что он переменил пятна свои!

Род сохранил спокойствие, стараясь вспомнить, видел ли он барсов на Грамарие, попытавшись в то же время потерять большое место между плечами.

— Ты так вывихнешь себе руку, — усмехнулся Том. Он развернул Рода и начал массировать ему спину. — Ты знаешь, мастер, если мы свалим советников, именно за твоей головой вместе с головой королевы и Брома я буду охотиться.

Род закрыл глаза, наслаждаясь массажем.

— Это будет славная драка... немного левее, Большой Том.

Так что теперь они стояли втроем в тени фонтана, с Туаном между ними, планируя нападение на разрушаю-

пуюся кучу камня, стоявшую по другую сторону залитого лунным светом просторного двора.

Род посчитал удары своего пульса, гадая, действительно ли его сердцебиение так замедлилось, пока Том не прошептал:

— Тревоги нет. Они нас не заметили, дорогие мастера. Готовьтесь теперь.

Том подобрался, словно решив превратиться в вора-домушника.

— Пошел! — рыкнул он и побежал.

Они кинулись легко, тихо, через кажущееся пылание лунного света в гостеприимную тень стены, затем распластались у камня с колотящимися сердцами, придерживая дыхание, пока они напрягали слух, ловя какие-нибудь звуки тревоги.

После непродолжительного времени, Большой Том испустил огромный вздох облегчения.

— Так, значит, ребята, — прошепел он. — Теперь идемте!

Они прокрались к углу огромной сырой кучи земли. Большой Том широко распластал пальцы, приставив к углу локоть, и отметил место, где кончался его средний палец. Затем приставил к отметке другой локоть.

— Большой Том! — окликнул вымученным шепотом Род. — У нас нет времени для...

— Ш-ш-ш! — Пальцы Туана стиснули Роду плечо. — Умоляю тебя, молчи, он измеряет в локтях!

Род заткнулся, чувствуя себя довольно глупо.

Том проделал еще несколько измерений, в результате чего он, очевидно, нашел то, что искал. Он вытащил из сумки на поясе фомку и принялся подымать рычагом основу метрового блока.

Род уставился на него ничего не понимающим взглядом. Потребуется вся ночь и большая часть следующего дня, чтобы выковырять этот блок. Что пытается сделать Большой Том?

Том сделал последнее движение рычагом и поймал выпавший наружу камень. Тот был, наверное, дюймов в шесть толщиной.

Он положил плиту на землю и посмотрел на своих спутников. В лунном свете блеснула холодком усмешка.

— Я думал, что в один прекрасный день мне может понадобиться запасной выход, — прошептал он. — Теперь тихо, ребята.

Он вырнул головой и руками внутрь дыры, лягнул ногами и пропал.

Род с трудом сглотнул и последовал за Томом. Туан отправился по пятам за ними.

— Все тут? — спросил Том, когда ноги Туана твердо стали на каменный пол, и лунный свет отрезало, как только Том вставил каменную затычку на место.

— Свет, — шепнул он. Род обхватил рукоять кинжала и включил его, позволив лучу света пробиться между пальцами.

Этого было достаточно, чтобы увидеть, как Большой Том нащупал на полу изъеденную червями панель и вставил ее обратно на место. Том выпрямился, усмехаясь.

— Пусть теперь гадают, как мы вошли. За работу.

Он повернулся и пошел. Род последовал за ним, быстро озираясь.

Они были в большой каменной комнате, некогда украшенной деревянными панелями. Панели, по большей части, искрошились и упали. В комнате имелись только паутина, ржавая железная утварь и столы на козлах, ныне пораженные гнилью.

— Тут когда-то была кухня, — прошептал Том. — Теперь они готовят на очаге в пивном зале. Никто не пользовался этим местом трижды двенадцать лет или даже больше.

Род содрогнулся.

— И что такой хороший мальчик, как ты, делает в таком месте?

Большой Том фыркнул.

— Нет, я серьезно, — сказал Род. — Можно же судить о боге, идеале, по людям, что поклоняются ему, Том.

— Тихо! — огрызнулся Том.

— Это правда, однако, не так ли? Советники все сволочи — мы это знаем, а Пересмешник и кореша его — дрянь. Ты единственный хороший человек в этой компании, почему ты...

— Тихо! — прорычал Том, разворачиваясь так стремительно, что Род врезался в него. Род почувствовал, что огромная бедроподобная ручища сгребла его камзол прямо на горле, и ощутил пивной, чесночный запах Тома, когда тот толкнул свое лицо поближе к нему.

— А что насчет королевы? — прошипел Том. — Что она говорит о своих богах?

Он отпустил Рода с толчком, отбросившим его к стене, и, повернувшись, пошел прочь.

Род собрал себя в единое целое и последовал за ним, но не раньше, чем уловил блеск глаз Туана, сузившихся и холодных от ненависти в луче фонарика.

Мы приближаемся к углу, — прошептал Том. — Прихлопни свет.

Фонарик погас, спустя несколько минут Род почувствовал, что каменная стена под его рукой пропала. Он повернулся и заметил впереди слабое свечение в конце темного короткого коридора. Большой Том снова оставался.

— Там снова угол, а за ним часовые. Идите осторожно, ребята.

Он снова двинулся вперед, ступая очень осторожно, Род последовал за ним, ощущая у себя на шее горячее дыхание Туана.

Когда они приблизились к углу, то первым делом услышали легкое похрапывание из нового коридора.

Большой Том распластался у стены с легкой усмешкой. Род последовал его примеру и отпрыгнул назад с оханьем и конвульсивным содроганием.

Большой Том хмуро посмотрел на него, сделав знак молчать. Род взглянул на стену и увидел прилепившуюся толстую белую кляксу некой субстанции. Она щекотнула ему шею, и он мог твердо сказать, что текстура ее была податливой, холодной и влажной на ощупь.

Он посмотрел на эту непристойную кляксу и снова содрогнулся.

— То лишь ведьмин мох, — прошептал ему на ухо Туан.

— Ведьмин мох? — нахмурился Род.

Туан недоверчиво уставился на него.

— Ты чародей — и не знаешь про ведьмин мох?

Род был спасен от ответа прекращением храпа за углом.

Трио коллективно затаило дыхание и притаилось у стены. Род — заботливо избегал ведьмино мха. Том искоса прожег его взглядом.

Мгновение тишины растянулось настолько, что стало скучным, как содержание речи конгрессмена.

— Стой! — крикнул голос из-за угла.

Их мускулы резко напряглись в спазме.

— Куда ты идешь в такой час? — прорычал голос часового.

Страх пополз по спине Рода.

Часовому ответил квакающий гундосый голос.

— Но я только ищу нужник.

Троица испустила долгий молчаливый вздох облегчения.

— Сэр, когда говоришь с солдатом!

— Сэр, — угрюмо повторил гундосый голос.

Часовой засмеялся, смягчившись.

— А нужник находится неподалеку от женского коридора? Нет... я думаю, что нет. Ступай на свой тюфяк, мерзавец, твоя шлюха сегодня не для тебя!

— Но я...

— Нет! — отрезал часовой. — Ты знаешь правило, парень. Сперва спрашиваешь Пересмешника. — Голос его стал почти конфиденциальным. — Тут нет ничего особенного, парень. Он вовсе не будет давать тебе бумагу, гласящую, что ты можешь этим заняться, и устанавливающую точное время и место. Он насчет этого достаточно либерален.

Гундосый голос откашлялся и сплюнул.

— Брось, — проворчал часовой, — ты только спроси его.

— Да, — фыркнул голос, — и спрашивай его снова каждую ночь, когда пожелаешь увидеться с ней! Черт, то было единственное в нашем мире, что доставалось задешево!

Голос часового снова посуровел.

— Слово Пересмешника — закон в доме сем, и моя дубина напомнит тебе об этом, если недостаточно моего слова!

Возникла пауза, затем гневное отчаянное рычание, и ноги прошлепали прочь.

Снова воцарилось молчание, через некоторое время часовой снова начал храпеть.

Род взглянул на Туана. Лицо парня было мертвенно-бледным, губы сжались так плотно, что утратили цвет.

— Я так понимаю, что ты ничего об этом не знал? — шепнул Род.

— Да, — прошептал Туан. — Отстранив меня, они не теряли времени даром. Часовой в каждом коридоре, разрешение, прежде чем двое смогут разделить постель, это похуже лордов с юга!

Том вскинул голову.

— Нет! — прорычал он. — То лишь неудобство. То, что приобретается этим, вполне стоит такой цены.

Род со своей стороны вполне согласился с Туаном. Полицейское государство, контроль за всеми гранями жизни — да, марксизм Пересмешника давал себя знать.

— Какое приобретение стоит такой цены? — фыркнул Туан, чуть повышая голос.

— Да ясное дело, — отвечал Том на минимальной громкости. — Больше пищи для всех, больше и лучше одежды, никаких бедных и голодных.

— И все благодаря планированию семьи, — пробурчал Род, бросив озабоченный взгляд на угол.

— И как сие может произойти? — спросил Туан, повышая голос еще на одно деление и игнорируя бешеные сигналы Рода. — Из письменного разрешения заниматься любовью? Я не вижу как!

Губы Тома презрительно скривились, и он тоже зарычал громче.

— Да, ты не видишь. Но Пересмешник видит!

Туан уставился на него, затем челюсти его сжались, а рука потянулась к кинжалу.

— Ты ставишь себя и своих выше вельможи, жам?

— Э, господа, — прошептал Род.

Большой Том напрягся, усмехаясь, глаза его насмешливо плясали.

— Кровь, она всегда скажется, — заявил он во весь голос.

Кинжал Туана выскочил из ножен, когда он прыгнул вперед.

Том выхватил свой короткий меч.

Род вскинул руки, уперевшись обоим в ключицы.

— Господа! Господа! Владейте собой! Я понимаю, что вы оба испытываете очень сильные чувства по этому вопросу, но мой непрременный долг напомнить вам, что часовой вполне способен навлечь гнев Дома на наши головы пока дремлет и не слишком крепко за углом!

— Это нестерпимо, Род Гэллоуглас!

— Да, — хохотнул Большой Том. — Правду всегда трудно снести.

Туан сделал выпад, стараясь заколоть Тома через голову Рода.

Род толкнул парня в ключицу и быстро пригнулся, когда нож по дуге прошел над его головой.

Том тихо рассмеялся.

— Вот вам вельможа! Дураку видно, что не дотянуться! Он всегда будет зарываться, даже если будет знать, что должен потерпеть неудачу.

Род искоса посмотрел на Тома.

— Ты оговариваешься, Большой Том. — Это был почти комплимент.

— Нет! — прошипел Том с горящими глазами. — Пытаться сделать невозможное — поступок дурака! Вельможи — дураки, и дороги в их утопии вымощены костями крестьян!

Туан сглотнул.

— И кто еще они...

— Молчать! — Род встряхнул их обоих. — Могу я убедить вас ради общего блага на минутку закрыть глаза на ваши разногласия во взглядах?

Том выпрямился во весь свой рост и посмотрел сверху на Туана.

— Маленький человечек, — промурлыкал он.

Род выпустил Туана и повернулся к Большому Тому, схватив его за ворот обеими руками. Том усмехнулся и поднял могучий кулак.

— Да, мастер?

— Что есть утопия прямо сейчас, Большой Том? — выдохнул Род.

Усмешка Тома растаяла, превратившись в пахмуренность.

— Да чтобы народ Грамария сам правил своей страной.

— Правильно! — Род выпустил ворот Тома и потрепал его по щеке. — Умница! Ты получишь серебряную медаль этой недели. А что надо сначала сделать?

— Убить советников и вельмож, — усмехнулся Том.

— Очень хорошо! Золотую медаль мальчику! Ты еще удостоишься права произнести прощальную речь на выпускном вечере, Большой Том! А теперь, если ты действительно хочешь быть хорошим мальчиком, скажи учителю, что тебе надо сделать до этого?

Том отрезвел.

— Посадить Пересмешника.

— Пятерка с плюсом! А что делать до этого?

Большой Том, смутившись, сплел брови.

— Что?

— Молчать! — рыкнул ему в лицо Род театральным шепотом и развернулся к Туану. — Итак! Что мы предпримем насчет часового? — а про себя пробурчал: «Ш-ш!»

Может, мне следовало устроить здесь политическое собрание?»

Туан упрямо выпятил подбородок.

— Прежде чем мы пойдем дальше, этот малый должен признать во мне лорда!

Том набрал воздуха в легкие для нового взрыва.

— Спокойно, мальчик! — поспешно сказал Род. — Высокое кровяное давление вредно для тебя! Туан Логайр прирожденный аристократ, Том?

— Да, — неохотно согласился Том, — но это не...

— Род Логайров — один из самых великих и знатных домов?

— Да, но...

— И твой отец и мать были крестьянами?

— Да, но это не значит, что...

— И у тебя нет абсолютно никакого желания родиться аристократом?

— Никогда, — прошипел Том, пылая взором. — Пусть меня повесят на самой высокой виселице в Грамарие, если я когда-нибудь хотел этого!

— И ты не хотел бы стать аристократом, если бы мог?

— Мастер, — взмолился Большой Том, уязвленный до глубины души. — Ужель ты так мало уважаешь меня, что можешь подумать обо мне такое?

— Нет, я верю тебе, Большой Том, — сказал Род, похлопав его по плечу. — Но надо было продемонстрировать это Туану.

Он повернулся к юному вельможе.

— Удовлетворен? Он знает свое место, не так ли?

— Да. — Туан улыбнулся, словно любящий отец. — Дурак же я был, сомневаясь в этом.

В глазах Тома появилось понимание, когда его челюсть отвисла. Его тяжелая рука сомкнулась на шее Рода.

— Ах ты, ком...

Род протянул руку и сжал локоть Тома как раз на сухожилии.

Том разжал руку, глаза его начали вылезать из орбит, рот разинулся в крике боли, которого он не смел испустить.

— Итак, — проворно спросил Род, — как мы избавимся от этого часового?

— Ах ты мерзавец! — выдохнул Том. — Ты скольз-

кий клок речного ила! Ты приبلудный демократов сын, ты...

— Именно, — согласился Род.

— Нет, только скажи мне, — выдохнул Туан в ухо Роду, — что ты с ним сделал? Ты всего лишь коснулся его и...

— Э... колдовской трюк, — ответил Род, валя все на самое легкое, хотя и самое катастрофическое объяснение. Он поймал Туана за голову и дернул в одну кучу с головами своей и Тома. — Итак, как мы вырубим этого часового?

— Есть только один способ, — прошептал Туан. — Разбудить его и сразиться с ним.

— И дать ему поднять тревогу? — в ужасе уставился на него Том. — Нет, нет! Обойти его и ударить по затылку!

— В этом, — мрачно сказал Туан, — нет чести!

Том сплюнул.

— План Большого Тома — о'кей, — сказал Род. — Если не считать того, что случится, если он проснется, пока мы подкрадываемся? И есть очень хороший шанс на такой оборот — тот сластолюбивый нищий показал нам это!

Том пожал плечами.

— Тогда быстро рвануть и падеяться на лучшее, если умрем, то умрем.

— И королева умрет с нами, — проворчал Род. — Нехорошо.

Том вытащил короткий меч и сбалансировал его на пальце.

— Я поражу его в глотку этим клинком с пятидесяти шагов.

Туан потрясенно уставился на него.

— Одного из собственных людей, сударь!

— Одного для блага дела, — пожал плечами Том. — Что же из того?

Глаза Туана замерли.

— Это хуже, чем заколоть его в спину! Мы должны дать ему возможность защититься!

— О да! — фыркнул Большой Том. — Возможность защититься и поднять своими криками весь Дом Хлодвиг! Возможность...

Род захлопнул обоим рты, радуясь, что он не привел трех человек, и прошептал Большому Тому:

— Будь терпелив, а? Он же новичок в профессии командос!

Том пришел в себя.

Туан выпрямился с ледяным взглядом.

Род приложил рот к уху Тома и прошептал:

— Слушай, если бы ты не знал, что он аристократ, как бы ты судил о нем?

— Храбрый человек и сильный боец, — признался Том. — Хотя глупый и молодой со слишком многими идеалами.

Род погрозил ему пальцем.

— Предубеждения, Большой Том! Дискриминация! Я думал, ты веришь в равенство.

— Хорошо сказано, — неохотно проворчал Том. — Я стерплю его. Но еще одно из его благочестивых замечаний, и я...

— Если мы будем проделывать эту работу быстро, у него не будет случая. А теперь у меня есть идея.

— Тогда зачем спрашивать нас? — проворчал Большой Том.

— Потому что идея не появилась у меня, пока вы не начали перебранку. Нам нужно не что иное, как компромиссное решение, верно? Туан не потерпит ножа в спину или нож в спящего, или убийство верного слуги, который мог бы стать завтра хорошим пушечным мясом, верно?

— Да, — согласился Туан.

— А Большой Том не стерпит, чтобы он поднял тревогу, и я тоже, если уж на то пошло. Мы все хорошие бойцы, но нас только трое против Дома головорезов — это немножко перенапрягает оковы фантазии. Так вот, Том, если этот часовой выбежит вдруг из-за угла, ты легко оглушишь его?

— Да! — ухмыльнулся Том.

— Легко, я сказал, — напомнил Род. — Это удовлетворит честь, Туан?

— Да, поскольку он будет к нам лицом.

— Хорошо! Теперь если бы только мы могли заставить его погнаться сюда за мышью, мы бы все устроили.

— Да, — согласился Туан, — но где же мышь, что сделает такое любезное одолжение?

— Мастер может сделать ее, — проворчал Большой Том.

— Сделать ее? — уставился на него Род. — Разумеется, будь у меня мастерская и...

— Нет, нет! — улыбнулся Туан. — Я не знаю этих заклинаний, но у тебя есть ведьмин мох, и ты чародей! Чего тебе еще нужно?

— Как? — слотнул Род. — Ведьмы и колдуны делают существ из этой штуки?

— Да, да! Разве ты не знаешь? Живых существ, маленьких существ, вроде мышей.

Недостающая часть головоломки Грамария со щелчком встала на свое место в голове Рода.

— Э, скажи-ка, как они проделывают этот фокус?

— Да просто смотрят на комок этой штуки, и он становится тем, что они хотят.

Род медленно кивнул головой.

— Очень ловко. Очень ловко. Единственный зазор в этом плане, что это не мой стиль колдовства.

Туан сник.

— Ты не обрабатываешь ведьмин мох? Тогда как же нам быть?.. Все же крайне странно, что ты не знаешь об этом.

— Отнюдь, — возразил Том. — Очень плохой отдел инструктажа.

— А, заткнись, — пробурчал Род. — Есть другие способы достать мышь.

Он сложил руки рупором у рта и тихо позвал:

— Гвен! Эй, Гвен!

Прямо перед его носом на ниточке упал паучок.

— Е-твое! Не делай этого, девочка!

— Насекомое! — прошептал Том и замахнулся, чтобы прихлопнуть его.

Род ткнул его в солнечное сплетение.

— Поосторожнее, Том. Раздавишь паука, и ждет тебя, знаешь ли, несчастье, а именно — я!

Он подставил ладонь под паука и очень нежно погладил его пальцем.

— Ну, во всяком случае, ты выбрала не «черную вдову»*. Если подумать, ты самый хорошенький паучок, какого я когда-либо видел.

Паучок запрыгал у него на ладони.

— Слушай, милая, мне нужна мышь, чтобы привести сюда того часового. Ты справишься с этим?

* Паучиха вида «черная вдова» имеет обыкновение съедать своего партнера после оплодотворения.

Паучок потерял четкость формы, растекся и превратился в мышь.

Она прыгнула с его ладони и шмыгнула к углу.

— О нет, не ты! — Род прыгнул и накрыл ее ладонью, а затем очень осторожно поднял. — Извини меня, милая, на тебя могут паступить, и если с тобой что-нибудь случится, я буду совершенно раздавлен.

Он поцеловал ее в нос и услышал, как Том давится за его спиной от смеха. Мышка завертелась в экстазе.

— Нет, — сказал Род, проводя пальцем по ее спине и ущипнув за хвост. — Ты должна сделать мне вместо этого другую из той кляксы ведьминоного мха. Как потвоему, ты сможешь справиться с этим, миленькая?

Мышка кивнула, повернулась и пристально посмотрела на ведьмин мох.

Клякса медленно сжалась, выпустила побег хвоста, вырастила на верхнем конце усики, изменила цвет на коричневый — и со стены сползла мышь.

Том сглотнул и перекрестился.

Род нахмурился.

— А и думал, что ты атеист.

— Не в такие минуты, мастер.

Мышь из ведьминоного мха шмыгнула за угол.

Большой Том достал кинжал, держа его за лезвие, и поднял тяжелую рукоять, словно дубину.

Храп за углом с криканьем прекратился.

— Ааа! Кусать меня, гадина ползучая!

Табурет часового со стуком упал.

Он дважды топнул, промахнувшись, затем ожидавшие услышали топот бегущего человека.

Том напрягся.

Мышка выскочила из-за угла.

Часовой появился следом за ней, ругаясь, ноги его поскользнулись на повороте. Он поднял голову, увидел Тома и имел как раз достаточно времени, чтобы ужаснуться, прежде чем рукоять кинжала Тома угодила ему с громким стуком в основание черепа.

Род испустил вздох облегчения.

— Наконец-то.

Часовой изящно свалился в поджидавшие его объятия Туана. Юный аристократ, усмехаясь, посмотрел на Рода.

— Кто сражается бок о бок с чародеем, побеждает, — сказал он.

— И все же это был весьма жалкий трюк, — упрямо заявил Род.

Том содрогнулся и вытащил из сумки длинную черную нить.

— Нет, она не удержит его, — запротестовал Туан. Единственным ответом Тома была ухмылка.

— Леска? — поднял бровь Род.

— Еще лучше, — ответил Том, опускаясь на колени и начиная пеленать часового. — Плетеный синтетический паучий шелк.

— И всем этим мы обязаны тебе, — сказал Род, глядя мышку у себя на руке.

Та завертела носом, а затем нырнула между пуговиц его камзола.

Род придушил смешок, накрыв бугорок у себя на камзоле.

— Эй, поосторожнее, щекотно же!

Часовой между тем с кляпом во рту был аккуратно сплетен в ком Томом и удерживался он на месте несколькими витками нитки.

— Где мы его спрячем? — прошептал Туан.

— Под рукой нет ни одного удобного места, — проворчал Том, высунув язык, пока завязывал гордиев узел.

— Эй! — Род похлопал бугорок, двинувшийся к низу от пряжки его пояса. — Прекрати это!

— Вон, на той стене есть подставка для факела, — показал Туан.

— В самый раз, — проворчал Том, подняв беспомощного часового и закрепив одну из петель нити на подставке.

Род покачал головой.

— А что если кто-нибудь пройдет этой дорогой? Мы не можем оставить его тут подвешенным.

Он сунул руку в камзол и оторвал мышку от исследовательского путешествия по его грудной клетке.

— Слушай, детка, ты знаешь, что такое искривление пространства?

Мышка выкатила глаза и дернула усиками, а затем твердо покачала головой.

— А как насчет, э... кармана времени?

Мышка энергично кивнула, затем мышинная мордочка сосредоточенно сморщилась и... часовой исчез.

Туан выпучил глаза, челюсть у него отвисла.

Большой Том поджал губы, затем живо промолвил:

— А... да! Ну, давайте тогда действовать дальше.

Род усмехнулся, опустил мышку на пол, развернул ее и легонько хлопнул по спине.

— Сгинь, пропади, заколдованный зверь, но оставайся поблизости, ты можешь понадобиться.

Мышка скрылась с прощальным писком.

— Не сомневаюсь, что Пересмешник будет спать там, где была комната Туана, — прошептал Том. — А его приспешники, будем надеяться, находятся неподалеку.

— А не может ли один из них оказаться бодрствующим? — прошептал Туан. — Или, может быть, поставлен начальником караула?

Том медленно повернулся, глядя на Туана со странным выражением лица. Он поднял бровь, взглянув на Рода:

— Хороший человек, — сказал он, — и хорошая догадка, — затем: — Следуйте за мной, — и, повернувшись, пошел прочь.

Им пришлось обойти только одного часового между собой и пивным залом.

Само помещение, как всегда пещероподобное и грязное, было освещено только огнем очага и несколькими чадящими факелами. Этого, однако, хватало, чтобы разглядеть большую каменную лестницу, прорезавшую себе путь по противоположной стене с грацией, которой противоречили ее истертые ступени и сломанные перила.

Выше лестницы в зал выступала галерея. Дверные проемы вдоль нее вели в личные комнаты.

Рядом с очагом сидел в огромном кресле, развалился и храпя, широкоплечий человек с топорным лицом. Еще двое караульных сутулились по обеим сторонам двери в центре балкона.

— Неважное положение, — заключил Большой Том, пыряя обратно в коридор. — Тут их на одного больше, чем нас, и они настолько далеко друг от друга, что двое наверняка поднимут тревогу, пока мы выводим из строя остальных.

— Не говоря уже о мусорной свалке в виде освещенного зала, который нам придется пересечь; прежде чем мы доберемся до них, — добавил Род.

— Мы можем проползти под столами и табуретами, а тот, что у подножия лестницы, наверняка скоро уснет, он все время клячет носом.

— Это снимет беспокойство о двух внизу, но как насчет пары на балконе?

— На это, — сказал Туан, — ответит мое скромное искусство в обращении с пращей.

Он вытащил клочок кожи с обернутыми вокруг нее двумя сыромятными ремнями.

— Как ты научился этому искусству? — проворчал Том, пока Туан разматывал ремешки. — Это же оружие крестьянина, а не игрушка лордика.

Во взгляде, брошенном Туаном на Тома, сквозило презрение.

— Рыцарь должен обучиться умению владеть любым оружием, Большой Том.

Род нахмурился.

— Я не знал, что это было частью стандартного кодекса.

— Не было и нет, — признался Туан, — но таковы правила моего отца и мои, как вы видите. Оба этих негодяя будут измерять свой рост на холодном камне пока поймут, что их сразило.

— Не сомневаюсь, — мрачно согласился Род. — Ладно, поехали, я возьму того, что у очага.

— Нет, — поправил его Большой Том, — ты возьмешь того, что у лестницы.

— Вот как? Какая-то особая причина?

— Да, — по-полчьи осканился Том. — Тот, что в большом кресле, и есть тот самый приспешник, что засадил меня в тюрьму. То моя добыча, мастер.

Род посмотрел Тому в глаза и почувствовал, как злобный холодок пополз у него по спине.

— Ладно, мясник, — пробормотал он, — только помни, эти люди пока не для резания.

— Пусть каждый хоронит своих покойников по своему вкусу и обычаю, — процитировал Том. — Ступай, займись своими мертвецами и предоставь моих мне.

Они упали на животы и поползли по-пластунски, каждый к своему собственному противнику. Для Рода это была вечность, состоящая из ножек столов и табуретов с массой остатков пищи между ними и постоянного страха, что один из них может добраться до своего места раньше и заскучает.

Раздался громкий с отдачей треск.

Род замер. Один из них ступил неосторожно.

С миг стояла тишина, затем голос окликнул:

— Что это было?

Потом:

— Эй, ты там! Эгберт! Проснись, пьянчуга, и следи за лестницей, которую караулишь!

— А? Чо? Чо такое? — пробормотал невнятный голос поближе.

— Что там вас смутило? — пробормотал более глухой раздраженный голос у очага. — Дважды вы будили меня по пустякам.

Возникло молчание.

Затем первый голос произнес:

— Был шум, капитан, своего рода стук между столов.

— Стук, он говорит! — проворчал капитан. — Крыса, наверное, убирает остатки, ничего более! И ты будишь меня из-за этого? Сделай это еще раз, и ты впрямь услышишь громкий стук по твоей голове.

Затем этот же голос проворчал про себя:

— Стук, понимаешь ли! Проклятый стук!

Потом снова наступила тишина, затем приглушенное плацанье, когда один из часовых беспокойно переместил свой вес.

Род испустил вздох облегчения — медленный и беззвучный. Он ждал, когда часовой опять начнет храпеть.

Затем он вновь ужом пополз вперед до тех пор, пока не улегся под ближайшим к лестнице столом.

Казалось, что время остановилось.

От очага раздался пронзительный свист и стук, когда Том перевернул табурет, под которым прятался.

Род прыгнул на своего противника. Уголком глаза он видел вскочившего на ноги Туана, неясную дугу его пращи, затем Род врвался в часового, вогнав кулак ему в поддых и сжав горло левой рукой.

Тот сложился пополам. Род слегка рубанул ребром ладони по основанию черепа, как раз под железной шапкой, и часовой обмяк.

Он поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как осел часовой на балконе. Другой извивался на камнях, стиснув руки на горле.

Род поднялся по лестнице в пять прыжков. Он нанес часовому удар в челюсть. Глаза у того закатились — отключился он моментально.

Гортань у него была перекошена, зрелище малопривлекательное. Но в этом ему повезло, будь это прямое попадание, его трахея была бы уничтожена.

Его спутнику не достало такого везения — камень

пробил ему лоб. Кровь залила все его лицо и лужей растекалась по полу.

— Прости меня, старина, — прошептал Туан, когда узрел дело рук своих.

Род никогда не видел лицо юноши таким мрачным.

— Рок войны, Туан, — прошептал он.

— Да, — согласился Туан. — И будь он равен мне, я мог бы тут же забыть об этом. Но человеку моей крови полагается защищать крестьян, а не убивать их.

Род посмотрел на невеселое лицо юноши и подумал, что именно такие люди, как Логайры, давали аристократии то малое оправдание, которое она имела.

Том бросил один лишь взгляд и с грозным выражением лица отвернулся связать оставшегося сторожа.

Был только один убитый; капитан и карауливший лестницу лежали, надежно скрученные черной нитью Тома.

Том поднялся, сердито глядя на Туана.

— То было хорошо сделано, — проворчал он. — Ты вывел из строя двоих из них и сумел пощадить одного, ты лихой боец. А что до одного убитого, то не скорби о нем, ты едва ли мог получить время для лучшего прицеливания.

Лицо Туана стало озадаченным от смущения. Он не мог, по справедливости, возражать против маперы Тома, и все же как-то не по себе получать отеческий совет и прощение от крестьянина.

Род дал ему выход.

— Ты спал там? — Он ткнул большим пальцем в сторону двери, охранявшейся часовыми.

Вопрос пробился сквозь рассеянность Туана, юноша обернулся, посмотрел и кивнул.

— Ну, значит, здесь и будет Пересмешник. — Род посмотрел на Тома. — Капитан внизу был одним из личных кадров Пересмешника?

— Да.

— Значит, остаются еще двое. Каковы шансы, что оба находятся в этих комнатах, по обе стороны от комнаты Пересмешника? — Когда Том потянул себя за нижнюю губу и кивнул, Род продолжил: — Значит, по одному на каждого из нас. Вы, ребята, берите приспешников, а я Пересмешника.

Он повернулся к двери. На плечо ему упала мясистая рука Тома.

— Это как же так? — проворчал крестьянин. — Как это Пересмешник стал твоей добычей, а не моей?

Род усмехнулся.

— Я человек, стоящий посередине, помнишь? Кроме того, какой у тебя пояс?

— Коричневый, — признался Том.

— А у Пересмешника?

— Черный, — неохотно ответил Том. — Пятый дан.

— У меня черный, восьмой дан. Ты берешь при-
спешника.

— Что это за болтовня о поясах? — нахмурился
Туан.

— Просто спор о юрисдикции, не беспокойся об
этом. — Род повернулся к центральной двери.

Большой Том снова схватил его за руку.

— Мастер, — и на этот раз он, похоже, употреблял
это выражение всерьез. — Когда с этим будет поконче-
но, ты должен научить меня.

— Да, разумеется, все, что угодно. Ты у меня полу-
чишь диплом колледжа, только давай покончим с этим,
идет?

— Спасибо, — усмехнулся Том, — но у меня уже
есть диплом доктора.

Род сделал переоценку, затем уставился на него.

— Чего?

— Теологии.

Род кивнул.

— Это укладывается. Слушай, ты ведь не выдвинул
каких-нибудь новых атеистических теорий, а?

— Мастер, — обиженно запротестовал Том. — Как
можно доказывать или опровергать существование нема-
териального существа посредством материальных дан-
ных? Это-то и есть врожденное противоречие...

— Господа, — вмешался с сарказмом Туан. — Мне
крайне неприятно перебивать столь ученую беседу, но
Пересмешник ждет и может вскоре проснуться.

— А? О! Ах, да! — Род повернулся к двери. — Уви-
димся через пять минут, Большой Том.

— Да, мы должны продолжить беседу, — ухмыль-
нулся Большой Том и повернул к двери напротив.

Род приоткрыл свою дверь, напрягая руки.

Она заскрипела. Она застонала. Она завизжала. Она
подала формальный протест.

Род бросился вперед, времени у него было в самый
раз, чтобы сообразить, что Пересмешник заботливо ос-

тавил дверные петли несмазанными в качестве примитивной, но очень эффективной системы сигнализации, прежде чем тот завизжал «караул!» и вскочил с постели, нанося рубящие удары ладонями.

Род блокировал удар сверху и сделал выпад в солнечное сплетение. Его рука была умело отражена, визг Пересмешника «на помощь!» пронзил ему уши.

У Рода как раз достало времени, чтобы оценить юмор ситуации: черный пояс зовет на помощь, прежде чем увидел удар ноги, направленный ему в пах.

Он отпрыгнул, а Пересмешник ринулся следом за ним. На этот раз удар прошел.

Род покатился по полу, корчась от боли.

Он увидел ногу, нацелившуюся ему в челюсть, и сумел как раз достаточно отвернуть голову: удар пришелся ему по левой стороне черепа.

Он увидел россыпь красных звездочек, пылающих на черном фоне, и бешено затряс головой, пытаясь прояснить ее.

Сквозь звон в ушах он услышал еще один визг, неожиданно оборвавшийся, затем глухой стук, потом рев Большого Тома.

— За пращу, Туан! На этот визг сбегутся охранники!

Затем великан склонился над ним, приблизив лицо:

— Спльно ли ранен, мастер?

Род никогда и не предполагал, что пивным перегаром и луком может так хорошо пахнуть.

— Со мной все в порядке, — выдохнул он. — Удар пришелся немного не по центру, слава небесам!

— Ты можешь встать?

— Через минуту. Однако Гвен, возможно, будет временно разочарована. Как ты это сделал, Большой Том?

— Поймал его ногу на взмахе, — усмехнулся Большой Том. — И подбросил его ввысь, а потом провел апперкот пока он приземлился.

Род недоверчиво уставился на него.

— Чего?

— Апперкот. В поддых.

Род перекатился, подобрал под себя колени, в изумлении покачал головой.

— «Апперкот вырубает черный пояс». Зовите репортеров.

Снаружи раздался крик, внезапно оборвавшийся.

Род вскинул голову, прислушиваясь. Затем он с трудом поднялся на ноги, все еще прижимая руки к паху, и только что не выпал из двери, игнорируя озабоченные протесты Большого Тома.

На каменном полу пивного зала лежали три тела.

Туан стоял на перилах балкона, туго натянув в руках пращу, плотно стиснув челюсти, с выражением холодного ужаса в глазах.

— Сперва появился один, — монотонно сказал он, — потом второй, потом третий. Первых двух я отправил к праотцам, пока они могли закричать, но на третьем я запоздал.

Туан повернулся спиной к трупам. Через минуту он произнес медленно и твердо:

— Не нравятся мне эти убийства.

Глаза его прояснились.

— Так, — кивнул Род, охнув, когда короткий спазм тошноты заставил его вцепиться в перила. — Никому человеку, стоящему звания человека, не нравится это, Туан. Не позволяй этому тревожить тебя. Это война.

— О, я убивал раньше. — Губы Туана сжались. — Но убивать людей, которые три дня назад пили за мое здоровье!

Род кивнул, закрыв глаза.

— Я знаю. Но если ты лелеешь какую-нибудь надежду быть королем, Туан, или даже хорошим герцогом, ты должен научиться не позволять этому беспокоить тебя.

Он поднял взгляд на юпошу.

— Кроме того, помни, они бы убили тебя, если бы смогли.

Том вышел на балкон, пся скрученного Пересмешника, словно младенца, на руках.

Он быстро оглядел пивной зал, лицо его посуровело.

— Новые убитые? — Он отвернулся, осторожно положил Пересмешника рядом с распростертыми телами его приспешников и вздохнул: — Но таковы уж времена и моды!

Он нагнулся, чтобы заняться связыванием одного из приспешников — высокого, тощего человека-скелета со шрамом там, где ему полагалось иметь ухо, — сувенир на память о королевском правосудии.

Род посмотрел и кивнул: Пересмешник хорошо выбрал себе соучастников. Они имели причину ненавидеть

монарха. Род медленно выпрямился, содрогнувшись от боли.

Туан взглянул на него.

— Тебе следует присесть отдохнуть, Род Гэллоуглас. Род сделал быстрый резкий вздох и замотал головой.

— Это просто боль. Не лучше ли нам убрать этих вниз, в тюрьму?

В глазах Туана сверкнул огонек.

— Нет, свяжите их и держите здесь. У меня есть для них применение.

Род нахмурился и спросил:

— Что ты имеешь в виду под применением?

— Не спрашивай, мастер, — поднял руку Большой Том. — Если Туан нуждается в них, то предоставь их ему. Этот малыш знает свое дело, иначе как бы он мог управлять толпой.

Он повернулся и спрыгнул вниз по лестнице, проверил павших на сердцебиение, связал одного, все еще живого, и уволок их всех под балкон. Затем он подхватил капитана у очага и перекинул его через плечо.

— Том! — окликнул Туан, и великан поднял взгляд.

— Принеси тот рог, что висит над каминной полкой, и барабан рядом с ним!

Том кивнул и снял с гвоздя помятый, закрученный спиралью охотничий рог и забрал одип из грубых барабанов — ничего больше, чем пустой бочонок с пятапутыми с обеих сторон шкурами, — с его места на каминной полке.

Род нахмурился, сбитый с толку.

— Для чего тебе понадобились барабан и горн?

Туан усмехнулся.

— Умеешь играть на роге?

— Ну я не совсем чтобы подходил для первого кресла в оркестре филармонии, но...

— Сумеешь, — заявил Туан с искрящимися глазами.

Большой Том взбежал по лестнице с помощником Пересмешника на одном плече и трубой и барабаном на другом.

Он бросил инструменты и положил связанного к его товарищам.

Затем он выпрямился, уперев кулаки в бока, и ухмыльнулся.

— Здорово, мастера! Что велишь сделать с ними, лордик?

— Ты возьмешь барабан и, когда я дам знать, повесишь этих четверых на перилах, но не за шею. То намного больше к нашей чести, что мы взяли их живыми.

Род вскинул бровь.

— Надеюсь, это не старый анекдот о том, что мы, мол, достаточно могущественны, чтобы быть милостивыми?

Он не услышал ответа, потому что Том принялся бить в барабан. Помещение наполнил тенорный рокот.

Род поднял рог.

Туан ухмыльнулся, вскочил на перила и встал, широко расставив ноги и сложив руки на груди.

— Созови их, мастер Гэллоуглас, — крикнул он.

Род поднес к губам мундштук и заиграл «побудку».

Она звучала довольно странно на охотничьем роге, но произвела свое действие. Прежде чем он добрался до половины второго куплета, зал наполнился нищими, грабителями, хромыми, однорукими, ворами, карманниками и убийцами.

Их ронот, прибой и ветер перед штормом наполнили зал, как контрапункт к рогу и барабану. Они были спросонья, с осоловелыми глазами, с отуманенными мозгами, швыряющие друг другу тысячу недоверчивых вопросов, с потрясением и испугом увидевшие Туана, брошенного в тюрьму, стоящим высоко и гордо в зале, из которого он был изгнан.

Ему полагалось страшиться их, ему полагалось страшиться возврата, а уж если он вернулся, то следовало это сделать как тать в ночи, украдкой и тайком.

И все же он стоял свободно у них на глазах, созвав их к себе горным и барабанным — а где же Пересмешник?

Они были потрясены и больше, чем малость, испуганы. Люди, которых никогда не учили мыслить, теперь столкнулись с немыслимым.

Род закончил игру и резко оторвал трубу от губ, заперев ее сверкающим кругом и завершив тем, что расставил ее уперся ему в бедро.

Большой Том дал барабану последнее заключительное «бум».

Туан повел рукой в сторону Тома и начал очень тихо щелкать пальцами. Барабан снова заговорил — рокоуще, настойчиво, но очень тихо.

Род поднял взгляд на Туана, который усмехался, уперев руки в бока, ни дать, ни взять царственный эльф, вернувшийся в свое королевство. Он посмотрел на зри-

телей, потрясенных и исполненных страха, паливших-ся, разинув рты, на повелительную, командную фигуру над ними.

Род вынужден был признать, что это был отличный способ пачать речь.

Туан вскинул руки, и зал затих за исключением мерного рокота барабана Большого Тома.

— Вы прогнали меня! — крикнул Туан.

Толпа съежилась, бормоча, полная страха.

— Прогнали, выбросили вон! — воскликнул Туан. — Вы отвратили от меня глаза свои, отвернулись от меня, думали никогда больше не смотреть на меня!

Ропот усилился, начал принимать угрюмый, отчаянный оттенок.

— Разве не был я изгнан? — спросил Туан, а затем: — Молчать!

И, как по волшебству, зал затих.

Он низвел на толпу обвиняющий жест и прорычал:

— Разве не был я изгнан?

На этот раз нашлись некоторые, пробормотавшие:

— Да.

— Разве не так?

Хор «да» усилился.

— Разве не так?

— Да, — прокатилось над головами толпы.

— Разве вы не называли меня предателем?

— Да, — снова проворчала толпа.

— И все же, вот я стою здесь, — прокричал Туан. — Сильный и свободный, и снова хозяин Дома Хлод-виг!

Никто этого не оспаривал.

— А где настоящие предатели, которые увидели бы всех вас разорванными в клочья в безнадежной битве? Предатели, которые превратили Дом Хлодвиг в тюрьму в мое отсутствие? Где они теперь, чтобы оспаривать мое главенство?

Он положил руки на бедра, в то время как толпа пустила этот вопрос по рядам, а Том быстро привязал десятифутовую нить к путам Пересмешника, а другой ее конец привязал к столбу перил.

Когда ропот «где?» и «Пересмешник» начал усиливаться, он обслужил таким же образом троих приспешников.

Туан дал ропоту нарасти и усилиться, затем, как раз когда он достиг своего пика, подал знак Тому.

Том с Родом перебросили связанных через перила, где они и повисли по двое по обе стороны от Туана. Пересмешник пришел в сознание, он начал извиваться и брыкаться на конце своей веревки.

Зал наполнился потрясенным молчанием.

Туан усмехнулся и сложил руки на груди.

Толпа зарычала, словно один огромный дикий зверь, и бросилась вперед.

Передние ряды припался подпрыгивать, пытаясь достать болтающиеся ноги.

Непристойные эпитеты, проклятия Пересмешнику и его приспешникам так и летели из огромного зала.

— Вот! — крикнул Туан и вскинул руки, толпа замолкла. — Вот предатели, воры, отнявшие у вас свободу, что я добыл для вас!

Большой Том усмехнулся, не сводя горящих глаз с молодого лорда, раскачиваясь в ритм со словами юноши.

Ибо воистину, паренек сейчас казался футов двенадцати ростом.

— Разве вы не родились без всяких хозяев? — крикнул Туан.

— Да! — проревела ему толпа.

— Вы родились для воли, — прогремел Туан. — Верно, свободны быть вне закона и нищенствовать, но рожденные свободными!

Затем:

— Разве вы не родились дикими? — практически провизжал он.

— Да! — завизжала в ответ толпа. — Да, да, да!

— Разве я украл у вас вашу свободу?

— Нет, нет!

Кривобокий горбун с повязкой на глазу крикнул:

— Нет, Туан, ты дал нам больше свободы!

Толпа утвердительно зашумела.

Туан снова скрестил руки, улыбаясь, давая одобрительным крикам идти своим чередом.

Когда они только-только прошли свой зенит, он снова вскинул руки и прокричал:

— Говорил я вам?

Воцарилось молчание.

— Говорил я вам, что вы должны иметь мое разрешение на ночь любви?

— Нет! — заревели они в ответ, оба пола, для разнообразия объединившись.

— И никогда не скажу!

Они закричали:

— Ура!

Туан улыбнулся и почти застенчиво склонил голову в знак благодарности.

— И все же. — Голос Туана упал на низкий, угрюмый, гневный регистр. Он нагнулся вперед, размахивая перед зрителями стиснутыми кулаками. — Когда я вернулся в ваши коридоры сей темной вечерней порой, что я обнаружил?

Голос его поднялся, усиливаясь.

— Вы позволили этим подлым негодьям похитить все, что я дал вам!

Толпа зарычала.

Туан махнул левой рукой. Том ударил в барабан с такой силой, что оборвал толпу.

— Нет, больше того! — воскликнул Туан. Его указательный палец тыкал в толпу, глаза искали индивидуальные лица. Его голос стал теперь холодным и размеренным. — Я обнаружил, что в своей подлой трусости вы позволили им украсть даже ту свободу, с которой вы родились!

Толпа зароптала, испуганно и неуверенно. Передние ряды шарахнулись назад.

— Даже свое прирожденное право вы позволили украсть у вас!

Ропот обернулся волной страха от презрения, звучащего в серебряном языке.

— Вы позволили им отнять у вас даже право на постельную свободу!

Он взмахнул рукой, снова ударил барабан.

— И вы называете себя мужами, — засмеялся Туан резким пронзительным смехом.

Волна ропота пошла теперь на него мрачными, протестующими голосами:

— Мы — мужи! — крикнул кто-то, и толпа подхватила: — Мы мужи! Мы мужи! Мы мужи!

— Да! — завизжал одноглазый горбун. — Только дай нам сих болтающихся негодяев, что ограбили нас, Туан, и мы докажем, что мы — мужи! Мы разорвем их на части, сдерем с них кожу! Мы не оставим и унции мяса висеть на их костях! Мы переломаем даже их кости и вытащим костный мозг.

Толпа кровожадно завывала.

Туан выпрямился и сложил руки на груди, мрачно улыбаясь. Толпа увидела его, ее рев стих до ворчания с

оттенком вины, затем раскололся на очаги угрюмого шепота и умолк.

— Разве это мужество? — почти спокойно произнес Туан. — Нет!

Он выбросил руку вперед, тыкая, обвиняя.

— Я видел стаи собак, могущих еще лучше выполнить эту работу!

По толпе пробежал ропот, становясь все более сердитым.

— Поосторожнее! — призвал Род Туана. — Ты добьешься, что они разорвут на части нас!

— Не бойся, — сказал Туан, не сводя глаз с толпы. — Пусть еще немного побесятся.

Ропот резко возрос, то тут, то там кричал какой-нибудь нищий, раздавались гневные выкрики, махали кулаками Туану, стоящему на балконе.

Туан снова вскинул руки, крикнув:

— Но я говорю, что вы — мужи!

Толпа притихла, уставясь на него.

— Есть другие, оболгавшие вас, по я зову вас мужами! — Затем он перевел взгляд с лица на лицо. — И кто возразит мне?

Миг они молчали, затем кто-то крикнул:

— Никто, Туан!

И другой добавил:

— Никто!

— Никто! — закричало еще несколько.

— Никто! — присоединялись многие до тех пор, пока вся толпа не заорала:

— Никто!

— Докажете ли вы, что вы — мужи? — крикнул Туан.

— Да! — зарычала толпа.

— Вы будете драться? — взвыл Туан, сжимая кулаки.

— Да! — зарычала толпа.

Рука Туана рванулась вниз на уровень пояса, ладонями к полу, с раздвинутыми пальцами.

Толпа стихла.

Его голос стал тихим, напевным:

— Вы родились для грязи и струхлев болезни!

— Да! — пробормотали они.

— Вы родились для пота и для боли от труда!

— Да!

— Вы родились для урчания пустых животов и тоски по дому!

— Да!

— Кто наполнил ваши животы? Кто дал вам крышу над головой в этом самом доме?

— Ты!

— Кто дал вам крепость?

— Ты!

— Кто?

— Ты!

— Скажите мне имя!

— Туан Логайр! — завизжали они.

— Да! — Руки Логайра снова поднялись, он стоял, пригнувшись, с горящими глазами. — Из юдоли вывел вас я. Но кто дал вам ее при рождении? Кто давил вас от столетия к столетию, от отца к сыну, век за веком со времени наших самых отдаленных праотцов?

Толпа неуверенно забормотала.

— Крестьяне?

— Нет!

— Не солдаты ли?

— Да! — зарычали они, снова оживляясь.

— Кто командует солдатами?

— Знать!

Род содрогнулся от несправедливости, вложенной ими в это слово.

— Да, то была знать! — крикнул Туан, выбрасывая вперед кулак, и толпа завывала.

Он дал попарить несколько минут шуму и гаму, а затем снова вскинул руки.

Потом его руки опять упали на уровень пояса, он принял стойку.

— Кто? — спросил он, и барабан позади него зарокотал. — Кто единственный из всех высокородных принял вашу сторону? Кто дал вам пищу, когда вы желали ее, услышав вашу просьбу? Кто послал вам судей, чтобы дать вам правосудие вместо вельможного произвола?

Его кулак взметнулся вверх, потянув за собой все тело.

— Королева!

— Королева! — словно эхо подхватили они.

— Она закрывает уши перед вельможами, чтобы они могли слышать ваши крики!

— Да!

— Она лила слезы по вам!

— Да!

— И все же, — крикнул горбун, — она прогнала тебя, наш Туан Логайр!

Туан кисло улыбнулся.

— Прогнала? Или послала к вам? — Он вскинул руки вверх, и они заревели, словно лавина. — Именно королева отдала вам обратно ваше приращенное право!

— Да!

— Вы мужи?

— Да!

— Вы будете драться!

— Будем! Будем драться!

— Вы будете драться с вельможами?

— Да!

— Вы будете драться за королеву?

— Да!

— Вы будете драться с вельможами за нашу королеву Катарину?

— Да! Да, да, да!

Тут шум толпы перекрыл все, люди прыгали и кричали, мужчины хватали жещин и кружили их.

— Есть у вас оружие? — крикнул Туан.

— Да! — взметнулись вверх, сверкая, тысячи кинжалов.

— Разбирайте свои заплечные мешки, набивайте их сухарями! Выносите их из сего дома через южные ворота города! Королева даст вам пищу, даст вам шатры! Так бегите же все на юг по главному большаку до Бреденской равнины, чтобы дожидаться там вельмож! Ступайте совершить это! — кричал он. — Вперед за королеву!

— За королеву!

Туан махнул рукой, барабан забил часто и громко.

— Охотничий сигнал! — бросил Туан в сторону Рода.

Род вскинул трубу к губам и начал быструю бурлящую бравурную мелодию.

— Вперед! — заревел Туан.

Люди рассеивались по своим комнатам, в арсенал и так далее. Через десять минут они разобрали вещмешки, посохи и ножи.

— Сделано! — Туан спрыгнул с перил на пол балкона. — Через два дня они добегут до Бреденской равнины.

Он ухмыльнулся, хлопнув Большого Тома по плечу.

— Нам удалось, Том!

Том заржал и облапил Туана в своих медвежьих объятиях.

— Уфф! — выдохнул Туан, когда Том отпустил его. Он обернулся к Роду. — А ты, друг Гэллоуглас, сообщи королеве и проследи за тем, чтобы известие об этом дошло до солдат. Скажи ей прислать мясо, шатры и эль, и побыстрее. И запрети этих лакеев, — он ткнул большим пальцем в сторону Пересмешника и его прихвостней, — поглубже в королевскую тюрьму. Прощай!

И он прыжками поскакал вниз по лестнице.

— Эй, минуточку, — крикнул, подбегая к перилам, Род. — Куда ты сейчас направляешься?

— На Бреденскую равнину, — прокричал в ответ Туан, остановившись, чтобы обернуться. — Я должен охранять своих людей, иначе они обдерут всю местность хуже любого нашествия саранчи и перебьют друг друга в драке из-за наживы. Скажи Катарине о моей... — он замолк, по лицу его пробежала тень, — ...преданности.

Затем он исчез, ведя толпу людей, что хлынула из больших парадных дверей Дома, несясь впереди нее вдиком головоломном плясе.

Род и Том обменялись быстрыми взглядами, потом повернулись и побежали к лестнице на крышу.

Они смотрели с крыши, как распеваящая толпа вылилась из южных ворот города. Каким-то образом при помощи пения Туан добился, чтобы они двигались в приличном порядке, почти маршируя.

— Ты думаешь, он нуждается в какой-то помощи? — пробормотал Род.

Том откинул голову и расхохотался.

— Это он-то, мастер? Нет, нет! Помощь скорее понадобится тем, кто выступит против него, при такой армии у него за спиной!

— Но всего лишь один человек, Том! Возглавлять две тысячи людей, не вписавшихся в общество!

— Неужели ты можешь в этом сомневаться, мастер, после того как ты видел его могущество? Или ты не видел?

— О, я видел, — кивнул Род, все еще не веря своим глазам. — В этой стране куда больше колдовства, чем я думал, Большой Том... Да, я видел.

— Разбуди королеву и попроси ее присоединиться к нам здесь, в ее палате для аудиенций! — отрывисто ско-

мандовал Бром спешно разбуженной фрейлине. — Ступай!

Он захлопнул дверь и повернулся к очагу, где сидел Род с ошоловелым Тоби, грубо пробужденным после всего лишь часа сна. Ночная гулянка в Башне Ведьм сегодня немного затянулась. Он держал в руке кружку с горячим вином, и голова у него, видать, раскалывалась.

— Разумеется, — пробормотал он заплетающимся языком, — мы желаем помочь королеве чем только можем, но какая от нас будет помощь в бою?

— Предоставь это мне, — улыбнулся Род. — Я найду вам какое-нибудь занятие. Ты лишь приведи королевских магов на Бреденскую равнину к... э...

— Через три дня от сего, — с улыбкой помог Бром. — Мы выступаем в поход на рассвете и будем в пути три дня.

Тоби сонно кивнул.

— Мы будем там, мастера, а теперь, с вашего позволения...

Он пачал было подниматься, охнул и опустился опять в кресло, прижав руку к голове.

— Полегче, парень. — Род, поддерживая, схватил его за локоть. — Первое похмелье?

— О нет! — покачал головой Тоби, моргая слезящимися глазами. — То лишь первый раз, когда я разбужен в то время, когда выпитое превратилось в похмелье. Если мастера извинят меня...

Воздух хлопнул по их барабанным перепонкам, когда он устремился заполнить то место, где только что был Тоби.

— Э... да, — проговорил Род. Он покачал головой и посмотрел на Брома. — Тоже телепортируешь?

— Теле... что? — нахмурился Бром.

— Э... — Род на миг закрыл глаза, проклиная себя за оговорку. — Я так понял, что он просто отправился обратно в постель?

— Да.

— Он может исчезать здесь и появляться там?

— Да, с быстротой мысли.

Род кивнул.

— Так я и думал, ну, это должно бы пригодиться.

— Что ты хочешь велеть им делать, Род Гэллоуглас?

— О, не знаю. — Род легкомысленно помахал кружкой. — Может быть, наколдовать перья в доспехи южан. Те просто умрут от смеха.

— Ты даже не знаешь, что поручишь им, и все же ты приводишь их?

— Да, я начинаю думать, что немного колдовства временами не помешает.

— Да, — незаметно улыбнулся Бром. — Она уже дважды спасала тебе жизнь, не так ли?

— Она? — развернулся кругом Род. — Кто? Кто она, а? О чем ты говоришь?

— Да Гвендайлон! — Улыбку Брома поглотила злость.

— Ах, да! Э... ты знаешь о ней? — осторожно поднял бровь Род, затем улыбнулся, расслабляясь. — Ну да, конечно, ты знаешь о ней. Я забыл, она ведь в очень хороших отношениях с эльфами.

— Да, я знаю о ней. — Брови Брома сошлись на переносице. — Нет, ты только скажи мне, ты любишь ее?

— Люблю ее? — уставился на него Род. — Какое тебе дело до этого, черт возьми?

Бром нетерпеливо отмахнулся.

— То моя забота, пусть она такой и останется. Ты любишь ее?

— Я не допущу, чтобы она такой и осталась! — Род вытянулся с видом оскорбленной чести.

— Я Князь Эльфов! — огрызнулся Бром. — Разве меня может не заботить самая могущественная ведьма в Грамарисе?

Род в шоке уставился на него.

— Самая... что?

Бром кисло улыбнулся.

— Разве ты не знаешь? Да, Род Гэллоуглас. Девка, с которой ты боролся на сене, самая что ни на есть могущественная. Поэтому скажи мне: ты любишь ее?

— Ну, э, я, э... я не знаю! — Род сел, обхватив голову руками. — Я хочу сказать, э, все это так неожиданно. Я, э...

— Нет, нет! — нетерпеливо зарычал Бром. — Ты наверняка должен знать, любишь ли ты ее?

— Ну, я имею в виду, э... ну нет, я не знаю! Я хочу сказать, ведь это предмет, насчет которого довольно трудно быть объективным, не так ли?

— Ты не знаешь? — На лице Брома собрались грозовые тучи.

— Нет, черт побери, не знаю!

— Ах ты, дурак, рыгающий младенец, ты, насмешка

над человеком! Ужель ты не знаешь собственного сердца?

— Ну, э, там есть аортный желудочек и...

— Как же тогда я узнаю, любишь ли ты ее? — прогремел Бром.

— А я откуда знаю, черт возьми! — крикнул Род. — Спроси моего коня!

Трепещущий паж просунул голову в дверь, затем так же трепеща вошел в палаты.

— Милорды, Ее Величество королева!

Бром с Родом повернулись кругом и поклонились.

Катарина вошла в халате цвета королевского пурпура с распущенными бледными волосами. Она выглядела очень усталой и едва проснувшейся.

— Ну, милорды, — резко сказала она, усаживаясь у очага, — какие великие новости заставили вас будить меня в столь ранний час?

Род склонил голову в сторону пажа, мальчуган побледнел, поклонился и вышел.

— Дом Хлодвиг поднялся, бродяги взялись за оружие и выступили, — проинформировал ее Род.

Она уставилась на него, раздвинув губы.

— Они вышли из южных ворот этой ночью и побежали к Бреденской равнине.

Глаза Катарини закрылись, она со вздохом погрузилась в кресло.

— Хвала небесам!

— И Туану Логайру, — проворчал Род.

Глаза ее открылись, пристально глянув на него.

— Да, и Туану Логайру, — неохотно добавила она.

Род отвернулся, проводя рукой по каминной полке.

— Вам надо послать оды и эля, чтобы они не обобрали по дороге всю страну. И нужно отправить вперед верхового курьера, чтобы тот приказал солдатам пропустить их.

— Да, — нехотя согласилась она, — разумеется.

Ее взгляд блуждал по огню.

— И все же странно, что они, те, кто всегда поднимал шум, отвергая меня, теперь будут сражаться на моей стороне, — произнесла она словно про себя.

Род посмотрел на нее с натянутой иронической улыбкой.

— Туан... — прошептала она.

Бром прочистил горло и потопал вперед, сцепив руки за спиной.

— И этой же самой ночью я говорил с Королем Эльфов, — проворчал он, — все его легионы — наши.

Она снова стала прежней собой, кисло улыбаясь.

— Легионы эльфов, Бром О'Берин?

— О, не надо их недооценивать. — Род вспомнил затрепину по черепу и плененного вервольфа и потер затылок. — И венчая все это — у нас есть ваш личный ковен ведьм и колдунов.

— ...и самая могущественная ведьма во всем Грамариэ, — вставил Бром О'Берин.

— Э да, и она, — согласился Род, насадив Брома на шампур своего взгляда. — Все как один готовые и полные рвения послужить единственной правительнице в истории, защищающей ведьм и колдунов.

Глаза Катарины медленно расширились, пока она слушала, теперь ее взгляд был направлен куда-то вдаль и блуждал по огню.

— Мы победим, — прошептала она. — Мы победим!

— Ну, э, при всем должном уважении к Вашему Величеству, э, может быть, правильнее будет сказать, что у нас равные шансы.

Бреденская равнина была дельтой, открытой с юга, но закрытой с севера слиянием двух рек. Вдоль обеих рек тянулись, ограничивая поле, густые заросли деревьев. Само поле поросло высокой травой и лавандой.

Не то, чтобы они могли особенно разглядеть его, думал Род, сидя на корточках у лагерного костра. Поле покрывала густая промозглая туманная дымка, во всяком случае Род, видевший кое-что из цивилизованного смога, назвал бы ее дымкой, Туан же, потирая руки над костром напротив Рода, покачал головой и проворчал:

— Самый густой и немилосердный туман, мистер Гэллоуглас! Он тяжело ляжет на дух войска!

Род вскинул голову и прислушался к звукам буйного пира, плывущим через поле от пикетов нищих. Ведьмы и колдуны тоже в нем участвовали. Сегодня гулянка началась в полдень — из уважения к погоде.

Род пожал плечами и усмехнулся.

— Ну, пусть тебя это не тревожит, Туан. Яснови... э, ведьмы говорят, что завтра будет прекрасный солнечный день.

— И хвала святому Георгу, до той поры не придется сражаться, — и Туан, дрожа, закутался в плащ.

Самые последние донесения от миниатюрных шпионов Брома, которых Род немедленно окрестил Гоблин-

ский Ассоциированный разведкорпус, гласили, что южные войска были всего лишь в полудне пути. Катарина прибыла с Бромом и своей армией предыдущим вечером, а нищие отдыхали уже целый день. Фактически, они настолько рвались в бой, что Туану было трудно удерживать их в узде, они все были за то, чтобы идти на юг и атаковать знать с ходу.

— И все же, — потянул себя за губу Род, — я не понимаю, почему нам надо ждать утра, чтобы дать сражение. Мы могли бы устроить им засаду сегодня ночью, когда они доволокут свои войска.

— Нападать ночью! — ахнул шокированный Туан.

Род пожал плечами.

— Разумеется, почему бы и нет? Они будут уставшими от дневного марша и не будут знать, где мы. У нас будет больше шансов на победу.

— Да, и ты имел бы больше шансов убить человека, если бы ударил его погой в голову, пока тот повержен наземь!

Род вздохнул и удержался от рассказа, что он однажды так и поступил, когда тот человек был одним из пяти великолепно обученных убийц, устроивших ему засаду. Фактически, он дрался куда как более нечестно с куда меньшим оправданием, но здесь, кажется, было не вполне подходящее место для рассказа об этом.

Он лишь сказал:

— Я думал, смысл сражения в том, чтобы победить.

— Да, — согласился Туан, пристально глядя сквозь туман на южный конец луга. — Но не такими отвратительными средствами. Кто ж будет верен королеве, сохраняющей свою власть таким образом?

И в этом-то, признался Род, и заключалась суть дела. Престиж в этом мире был всем, а честь служила краеугольным камнем престижа.

— Ну, — выдохнул он, — тебе виднее, ты спец.

— Спец? — нахмурился Туан. — Я не обладаю умением готовить специи и исцелять.

— Да, но ты великий практический психолог. Поэтому когда дело доходит до управления людьми, я буду следовать за тобой.

Туан печально улыбнулся, качая головой.

— Друг Род, у меня нет никакого умения управлять.

Род позволил себе скептический взгляд.

— Ну, может быть, и нет, но ты чертовски хороший вождь.

— Эгей, — прогремел голос.

Род обернулся и усмехнулся при виде вырисовывающейся в тумане огромной фигуры.

— Все там довольны?

Большой Том пробил себе дорогу сквозь туман и улыбнулся.

— Вполне довольны, мастер. Никогда в своей жизни они не пили столь вкусного вина и столь много не ели.

— Хм, — кивнул Род. — Лучше на время укатить вино. Нам нежелательно, чтобы они были пьяны столь незадолго до боя.

— Нет, — поправил Туан, почти автоматически, как заметил Род. — Пусть они пьют сколько влезет, это пораньше уложит их спать. Потом подыми их рано утром и дай каждому по кружке-другой — вот тогда они будут сражаться, как сами демоны.

Род был вынужден признать, что это правда. Они не требовали от нищих дисциплины, а просто хотели, чтобы те вышли и победили врага.

Ночь пронизали точки сторожевых костров, смягченных поднимающимся туманом.

На юге, где вельможи и советники подводили свою армию, возникли другие точки света.

На северном лугу, там, где пипчие находились в последней стадии радостного исполнения приказа напиться как можно скорее, раздавался женский смех, крики и грохот музыки.

На склоне холма над рекой, где Катарина и ее регулярная армия шли спать трезвыми, было строгое неодобрительное молчание и мягкий свет ламп в шатрах.

Но в самом большом шатре, у Катаринины, обстановка была какой угодно, только не спокойной.

— А я говорю нет, нет и еще раз нет! — восклицала она гневно, расхаживая по шатру.

Она повернулась, резко хлопнув в ладоши.

— Я не желаю больше слушать ваших доводов! Кончено, кончено, ибо я поскачу завтра во главе своих армий! Я не потерплю никаких дальнейших советов!

Ред и Бром обменялись взглядами.

Лицо Туана было свекольно-красным от гнева, подавленности и беспокойства.

— Ступайте, — резко приказала Катарина и повернулась к ним спиной.

Трое неохотно поклонились и гуськом вышли из шатра.

— Коль она что решит, то все, — пробурчал Бром. — Нам троем тогда придется охранять ее и предоставить план битвы сэру Мэрису.

— Это верная дорога к поражению, — проворчал Род. — Его способ управлять боем столь же отстал от жизни, как и фаланга.

Бром вздохнул и протер глаза.

— Но как я сказал, я погибну вместе с ней. И все же, может, мы останемся в живых, поскольку у меня есть небольшой план.

Он исчез в темноте прежде, чем они успели расспросить его, из чего Род сделал вывод, что его «план» ограничивался поднятием духа у Туана и Рода путем намеков, что есть еще надежда.

— Мы погибнем, защищая ее, — прошептал Туан с искаженным и бледным лицом. — И все же когда мы падём, она тоже погибнет, а это мне ненавистно.

Он беспомощно развел руками.

— Но что я могу сделать?

— Ну... — Род поджал губы и посмотрел через плечо на освещенный шатер. — Я знаю одно верное средство гарантировать, что она никуда завтра не поскачет...

— Скажи же тогда! — Лицо Туана вспыхнуло лихорадочным нетерпением.

— Гарантировав, что она не сможет завтра сидеть.

Туан уставился на него. Его лицо медленно залила краска, затем кровь отхлынула, оставив губы бледными и дрожащими.

— Что ты имеешь в виду? — Голос его был глухим и угрожающим. Он поднял стиснутый дрожащий кулак.

Род, нахмурясь, посмотрел на него.

— Да ясно же, отшлепав ее. Надавав ей так сильно, чтобы ей пришлось стоять до следующего воскресенья. Как же еще этого добиться?

Кулак Туана медленно опустился, краска изобильно вернулась на его лицо.

— О, — произнес он и отвернулся. — То правда. То вполне справилось бы с этим.

— Именно так, или же дать ей погибнуть.

Туан кивнул, к нему возвращалась жизнь. Он повернулся к шатру королевы, помолчал с минуту, затем расправил плечи.

— Тогда я сделаю это. Прости меня, друг Гэллоуглас, ибо на минуту я подумал, что ты имел в виду... нечто иное.

Он сделал глубокий вдох и быстро зашагал к шатру. Он остановился у входа, кивнул часовым, снова расправил плечи и промаршировал в шатер.

Род улыбнулся, позабавленный.

— Я-то думал, что это у меня на уме неприличные мысли!

Он тихо засмеялся и повернулся к костру ведьм и колдунов, размышляя, что годы, проведенные Туаном в Доме Хлодвига, научили его многому в жизни.

Из темноты материализовалась Гвендайлон. Она застенчиво улыбнулась.

— Что забавляет милорда?

Род ухмыльнулся, поднял ее на руки для поцелуя, длительного и теплого.

— Милорд! — мило покраснела она, приглаживая растрепавшиеся волосы.

Ночной бриз донес до них внезапные звуки шлепков, сопровождавшихся визгом и воплями.

Часовые у шатра вскинулись, затем метнулись к шатру. Один хотел уже было откинуть полог, но второй схватил его за руку и крикнул:

— Вашему Величеству потребна помощь?

— Не входить, — провизжал полный муки голос. — Под страхом смерти не входить!

Караульные обменялись озадаченными взглядами, затем пожали плечами и вернулись на свои места, хотя и не без нескольких нервных взглядов через плечо.

Визги сделались более приглушенными, потом перешли в рыдания. Звуки шлепков прекратились.

Затем стало тихо.

Род посмотрел на Гвен.

— Чему ты улыбаешься?

Она глянула на него уголком глаза.

— Я говорила тебе, милорд, что могу слышать все мысли, кроме твоих.

— Вот как?

— Да. А в этот миг в том шатре самые хорошие мысли.

Огни в шатре погасли.

Гвендайлон хихикнула и отвернулась.

— Идем, милорд. Было бы неподобающим слушать дальше. Идем. Этой ночью ты должен лечь пораньше

— Проснись, Род Гэллоуглас!

Что-то трясло его за плечо.

Род заворчал и с трудом открыл глаза.

— Что, черт возьми, ты, по-твоему...

Он остановился, когда увидел выражение лица Брома.

— Да, — пробурчал Бром. — А теперь облачайся и идем со мной.

— Я не сплю голым в ночь перед боем, — проворчал Род и поднялся очень осторожно, чтобы не потревожить Гвендайлон.

Его лицо на миг смягчилось, когда он посмотрел на нее. Он коснулся губами ее щеки. Она пошевелилась, забормотала во сне и перевернулась.

Затем он поднялся, и лицо его посуровело.

Бром уже шагал прочь сквозь холодный предрассветный рассеивающийся туман.

— Ладно, что случилось? — проворчал Род, догнав Брома.

— Нет, помолчи! — отрезал Бром и хранил молчание, пока они не поднялись по склону далеко над шатрами.

Затем он рывком повернулся к Роду и резко бросил:

— А теперь скажи мне! Ты любишь ее?

Лицо Рода опустело.

— Ты разбудил меня только для того, чтобы спросить об этом?

— Это достаточно важно для меня, — огрызнулся Бром. — Ты любишь ее?

Род сложил руки на груди, оперевшись на одну ногу и слегка выставив другую.

— А какое тебе все-таки дело до этого, черт возьми? Какое ты имеешь право лезть в мою душу?

Бром отвел взгляд, лицо его искажалось эмоциями, и когда он заговорил, казалось, что слова из него вытягивали клещами.

— Она моя дочь, Род Гэллоуглас.

Он взглянул на ошеломленное лицо Рода, и в глазах его появился сардонический блеск.

— Да. Ты едва ли можешь поверить этому, не так ли?

Он отвернулся, глядя на долину, голос его смягчился от воспоминаний и дум.

— Она была всего лишь служанкой в королевских покоях, Род Гэллоуглас — и все же я любил ее. Она была маленькая, едва ли в половину роста иной женщины, и все же на голову выше меня. И смертная, чересчур смертная.

И она была прекрасной, ах, какой прекрасной! И хотя это может показаться странным, сильно желанной мужами двора. И все-таки, — голос Брома принял топ удивления и благоговения, — она любила меня. Одна она из всех живших женщин, эльфов и смертных, видела во мне не карлика, эльфа или князя, но только мужчину.

И желала меня...

И любила меня...

Он оборвал себя и с удивлением покачал головой.

Он вздохнул.

— Я любил ее, Род Гэллоуглас, я любил одну только ее и зачал ей ребенка.

Лицо его потемнело, он сцепил руки за спиной и устался в землю.

— Когда она оказалась в тягости — время ее быстро близилось, скоро ее разнесло бы так, что узнали бы все и затравили бы ее жестокими шутками, хотя мы были обвенчаны, — я отправил ее в дикий лес к моему народу, и там-то с помощью повивальных бабок в лице эльфов и лепреконов* она родила прекрасное, смеющееся, частично эльфовское дитя.

Глаза его увлажнились, он поднял голову, глядя сквозь Рода.

— Она умерла. Когда ее дочери исполнилось всего два года, она умерла от простуды. И мы похоронили ее там, под деревом в лесу, и каждый год я прихожу туда...

Глаза его снова сфокусировались на Роде.

— Но у меня все же осталось дитя. — Он беспокойно отвернулся. — И все же, что мне следовало сделать? Вырастить ее рядом со мной и позволить ей знать, что ее отец исковерканное существо и мишень скверных шуток? Вырастить ее стыдящейся меня? Поэтому она выросла в лесу, зная могилу своей матери и эльфов, но никогда — отца.

Род начал было протестовать, но Бром взмахом руки велел ему молчать.

— Молчи! Так было лучше!

Он медленно повернулся с мукой в глазах.

— И по-прежнему лучше. Если она когда-нибудь узнает об этом от тебя Род Гэллоуглас, я с корнем вырву твой язык и обкорнаю тебе уши.

* Лепрекон — эльф-башмачник, имеющий, по общему мнению, целый кувшин с золотом.

С каменным лицом Род изучил его и не нашел никаких слов в ответ.

— И поэтому скажи мне сейчас. — Бром уперся кулаками в бедра и задрал подбородок. — Ибо знай сие: полусмертный я и посему могу быть убит, и может статься, что сегодня я умру.

Голос его притих.

— Так скажи же мне, скажи бедному обеспокоенному отцу, ты любишь мое дитя?

— Да, — тихо произнес Род. — Так значит, я не случайно повстречал ее, отправившись на юг?

Бром кисло улыбнулся.

— Конечно, нет. Ужель ты мог когда-нибудь думать иначе?

Восток краснел, смущенный рассветом, а туман уже почти рассеялся, когда Род въехал в лагерь нищих, чтобы разбудить их.

Но Туан оказался там раньше и, переходя от одного к другому, тряс их, пробуждая. С ним шел солдат, ставивший у каждого тюфяка кружку с горячим вином.

Туан поднял голову, увидел Рода и направился к нему с распростертыми объятиями и улыбкой в ярд шириной.

Он хлопнул Рода по спине и стиснул ему руку в костедробильном рукопожатии. В глазах его стояло глубокое, почти наркотически-спокойное удовлетворение.

— Прими мою благодарность, друг Род! — просто сказал он. — Ты желаешь мою жизнь? Можешь забрать ее! В таком я долгу перед тобой.

Род лукаво улыбнулся.

— Так значит, ты решил обрести двойную гарантию, верно? Ну, все к лучшему.

Туан, кажется, отлично управлялся в лагере нищих, поэтому Род направил стопы Векса к рядам колдунов и ведьм.

Тут все было в полном порядке: стояли наготове корзины с веревками и упряжью, и переходил из рук в руки утренний отвар. Это был мощный напиток — что-то вроде чифирия с примесью бренди — и служил он во многом той же цели — как стимулятор для доведения до максимума силы ведьм и колдунов.

В этом лагере под ногами всюду шныряли эльфы, которые распространяли амулеты, отвращающие магию, среди всех, кто в них нуждался. Ведьмы не ведьмы, чародеи не чародеи, утверждал Крошечный Народ, никогда

не вредно иметь полную уверенность. Амулеты не повредят, а могут и...

Тут Роду тоже нечего было делать, так что он поехал на поиски Гвендайлон.

Он нашел ее сидящей среди старых, по грамматическим понятиям, ведьм: им, видимо, было за двадцать.

Гвендайлон, казалось, что-то им объясняла, с большой серьезностью, чертя по земле заостренным прутиком диаграммы. Они ловили ее слова так, будто каждый слог мог означать жизнь или смерть.

Похоже, было неподходящее место прерывать ее.

Род повернул и поехал сквозь сутолоку спешащих фигур, запахи пищи, гул голосов и вразнобой трубивших рогов, и дальше, за дозоры, на Бреденскую равнину.

Первые лучи солнца падали теперь косо на луг, испаря последние клочья тумана. Высокая трава была холодной и влажной от росы, а небо — ясным и голубым.

А с южного края поля заблестели острия копий. Солнце сверкало на полированных доспехах. Ветер донес до него лязг металла, лошадиное ржание и гам пробуждающегося лагеря. Советники тоже проснулись рано.

Раздался стук копыт. Род повернулся и увидел несущегося к нему через луг паж.

— Как там, мой мальчик, — улыбнулся ему Род и приветственно взмахнул рукой ради внешнего вида бодрости.

— Ты должен явиться к королеве, мастер Гэллоуглас, — выдохнул запыхавшийся паж, цепляясь за стремя Рода. — Милорд О'Берин и лорды Логайры уже там. То военный совет!

Военный совет закончился быстро, дело свелось лишь к подытоживанию существующих планов и краткой молитве плюс новости, что Катарина, в конце концов, никуда не поскачет. Род заметил, что все совещание Катарина простояла.

Затем они отправились каждый на свой участок: сэр Марис в центр, старый герцог Логайр на правый фланг, а Род на левый. Бром остается высоко на холме вместе с Катариной и Гвендайлон управлять битвой в целом — новация, порекомендованная Родом и принятая Бромом безоговорочно. Бром был могучим бойцом, но его ноги были недостаточно длинными, чтобы усидеть на лошади при столкновении всадников.

Том, когда ему предложили на выбор: сражаться вме-

сте с нищими или остаться с Родом, выбрал последнее, вероятно, потому что хотел быть в гуще боя.

Туан, конечно, остался с нищими.

Когда Туан вскочил в седло, Катарина остановила его, положив ему руку на колено. Род увидел, что она повязала шелковую повязку вокруг предплечья Туана.

Затем ее руки умоляюще поднялись к нему. Туан схватил их и прижал к губам, нагнулся поцеловать ее в губы, затем повернул коня, поднял его на дыбы и галопом поскакал к своему оборванно-заплатанному войску.

Род тихо улыбнулся.

— Еще не время испытывать самодовольство, Род, — тихо напомнил ему Векс.

Род скорчил гримасу.

— Ты по-твоему кто? Сверчок Пиноккио?

Он обернулся бросить еще один взгляд на Гвендайллон, стоящую неподалеку от шатра королевы, а затем поскакал на левый фланг.

Он был едипственным всадником, скакавшим без успехов.

По обеим сторонам поля паходились полные панцирные доспехи четырнадцатого века. Но доспехи южан были собраны в сплошную сверкающую стену, в то время как рыцари Катарини были расставлены группками с промежутками между ними в двадцать ярдов вдоль всей длины вражеского строя.

«Да, тут есть несколько дыр», — подумал Род. И единственная шеренга пеших солдат позади рыцарей королевы не слишком благоприятно сравнивалась с плотными массами за спицами мятежников. Нет, это зрелище определенно не вселяло уверенности.

Но нищих в поле зрения не было, ни, если уже на то пошло, ведьм и колдунов, ни эльфов.

Мятежников ждали несколько неприятных сюрпризов.

На южном конце поля протрубил рог.

Мятежные рыцари взяли копья наперевес.

Рыцари королевы последовали их примеру.

Возникла долгая напряженная пауза, а затем кони рванулись вперед.

Копыта лошадей глухо застучали, и этот стук перерос в грохот горной лавины, когда две металлические шеренги понеслись друг на друга.

Пока они скакали, строй северян сплотился до такой степени, что рыцари двигались плечом к плечу в центре.

Из строя мятежников раздался торжествующий крик, когда они увидели приближение легкой добычи: мятежным флангам будет нетрудно обогнуть северян и взять королевские силы в клещи.

И с победоносным ревом мятежники кинулись обходить северян с флангов.

Рев этот разбился на отдельные дикие вопли, когда земля под их конями провалилась.

Рыцари и лошади рухнули и забарахтались в шести-футовом рву.

Эльфы хорошо поработали ночью.

Пехотинцы кинулись бегом на выручку своих господ, но теперь из лесов по краям поля с ревом вырвались нищие, вооруженные кто ножом, кто мечом, а кто дубиной. и напали на пехотинцев с крайне большой охотой.

И все же их сильно превосходили численностью.

Но теперь в действие вступили военно-воздушные силы. Упряжки из четырех левитирующих чародеев с юношеским пушком на щеках, поддерживающих под собой раскачивающиеся корзины. А в каждой корзине сидела телекиннезирующая ведьма. Чародеи пускали набум стрелы в свалку, руки у них были свободны, благодаря кожаной упряжи на поясе, а из корзин вылетали булыжники, направляемые ведьмами, чтобы ударить с силой, более чем достаточной для оглушения. Из рядов южан летели стрелы, но ведьмы отражали их, а иногда даже умудрялись отправлять обратно к владельцам.

Простая упорядоченная битва выродилась в хаос рукопашного боя.

Но южные рыцари были все еще не слишком заняты. Кодекс диктовал, что с рыцарем мог сражаться только другой рыцарь, пешего солдата могли убить за одну лишь попытку сделать это. И помоги ему небо, если он попытается и победит!

Поэтому рыцари королевы пробивали себе дорогу наружу из центра вдоль рядов мятежников, и большое число их погибало по дороге. Но число мятежников, погибающих в схватке, было больше, потому что Катарина, подобно своему отцу до нее, сочла подобающим давать своим рыцарям немного сверхурочного времени для тренировки.

Тоби, юный чародей, вдруг появился в воздухе прямо над Родом.

— Мастер Гэллоуглас! Герцога Логайра жестоко теснят! Ты должен явиться ему на помощь!

Он исчез столь же быстро, как и возник. Может, это и была не лучшая форма боевой связи, но она была намного лучше той, какой располагали мятежники.

Род отправил на тот свет своего очередного противника парированием и выпадом между нагрудным панцирем и шлемом и вывел Векса из свалки боя.

Он проскакал на другой конец строя вдоль рядов, где долговязая, одетая в доспехи фигура рыцаря с пылающим мечом как раз заканчивала прорубать себе дорогу сквозь войско к Логайру. Один из советников пытался спасти положение, ликвидировав руководство. Меч был странного лучистого вида. Род не знал, что это было, но оружие было чем-то крайне мощным в обличье меча.

Род влетел в ту сечу, пробороздив себе дорогу сквозь сцепившихся солдат и нищих, скользя по крови и отсеченным головам.

Логайр увидел надвигающийся удар и вскинул щит отразить меч. Меч советника бесшумно прорезал его, но не попал в Логайра. Старый герцог закричал от боли, когда жар прошел через щит и доспехи, достиг его кожи и на миг ослабил оборону.

Советник замахнулся мечом для последнего удара.

Векс на полном скаку врезался в коня советника. Животное свалилось, и советник полетел с воплем ужаса, а выбитый из его руки меч упал наземь.

Солдаты поспешно отпрянули, чтобы их ненароком не задело падающим мечом.

Род без зазрения совести повернулся и растоптал советника железными копытами Векса. Тот издал булькающий вопль, поперхнулся, а вопль продолжал звенеть в голове Рода.

Теперь начала выступать его совесть, но он зажал ее в тиски до окончания боя.

Он развернулся к мечу, слыша, как солдаты ахают:

— Колдовство!

— Нет, всего лишь магия, — крикнул Род, спрыгивая на землю. Он подпил меч и снова очутился в седле. — Это не так уж странно, не так ли?

Он бросил меч рукоятью вперед Логайру.

Старый вельможа поймал его и отсалютовал Роду, который снова вырвался из рядов.

Вокруг него гремел бой, сталью о сталь, по кости, по хрящам, и никто не просил пощады. Сцепившиеся армии лежали посреди поля, словно какая-то непристойная огромная пульсирующая амеба.

Над головой эсперы-чародеи повернули и покатали домой, не в состоянии больше отличать друга от врага.

Род носился взад-вперед через боевые порядки — Векс легко прокладывая себе дорогу сквозь всего лишь смертную плоть — охраняя трех генералов и столько рыцарей, сколько мог, командуя, когда мог убрать раненых, добавляя тяжесть своей руки, чтобы разбить мертвую хватку сражающихся войск.

Нищие, казалось, безнадежно превосходили солдат в классе, это был их вид боя. Многие из них погибали, но редко без того, чтобы не иметь на своем счету шесть или более врагов, убитых деревянными кольями, ржавыми мечами, острыми ножами.

Род подумал о Карле Марксе и содрогнулся.

Большой Том давно уже затерялся в битве. Род надеялся, что с ним было все в порядке.

Потом Большой Том вдруг поднялся в тылу мятежников с ревом «ко мне, ко мне!».

Тысяча нищих отправилась к нему и принялась прорубать себе дорогу через ряды южан.

Идея распространилась, группы нищих стали выпрыгивать со всего строя и начали сжимать амёбу войны.

Большой Том торил себе дорогу к весьма определенной цели. Род нахмурился и привстал на стременах, пытался вычислить курс Большого Тома.

Там, в центре битвы, двадцать бешено спешащих чудел яростно трудились, конструируя какую-то машину: паукообразную треногу, увенчанную непонятных очертаний штукой с осиной талией. Это были советники со своей последней надеждой.

Род трахнул каблуками, и Векс прыгнул, но робот среагировал чуть медленнее. С чувством страха Род сообразил, что напряжение боя начало сказываться на Вексе.

Конь поскакал через головы сражающихся и проборождал путь до сил советников, как раз когда Большой Том прорвался с другой стороны всего лишь с частицей нищих войск.

Маленький круг наполнил миг ватаенного молчания, когда советники увидели своих палачей.

Затем они взвыли, отступив в тугое кольцо вокруг своей машины с яростью и отчаянием в глазах и пылающими мечами в руках.

Мечи советников были смертоносными, но им надо

было попасть, чтобы быть эффективными, а нищие умели ударить и отскочить целехонькими.

Много нищих пало разрезанными пополам, но немало больше осталось в живых. Они превосходили советников числом четыре к одному. Они вгрызались в их ряды.

Советники визжали, рубили и погибали.

В центре круга Род мог видеть единственную одиночную фигуру, все еще бешено работавшую над машиной — Дюрера.

Затем вдруг осталось только пятеро советников.

Дюрер отвернулся от машины с воплем отчаяния и что-то вытащил из своей котомки.

Лазерный пистолет.

Род припал к противоположному боку Векса, поставив между собой и советником тушу коня, зная, что робота мог поразить только выстрел в голову, и рывком распахнул скрытую панель в боку коня. В ней было его последнее средство защиты — лазерный пистолет ДДТ самого последнего образца.

Он нацупал оружие, слыша пронзительные крики нищих, когда их ноги обрезались по колено, и выстрелил из-за шеи Векса. Его выстрел согнул ногу Дюрера. Человек-путало схватился за колено и с воем упал.

Том зарычал.

Нищие навалились. Дубовые колья вращались, сшибая с ног оставшихся советников.

Копья высоко поднялись, застыли на миг и упали с тошнотворным влажным чавканьем.

Большой Том заржал победоносным смехом и поднял меч павшего советника.

Дюрер перекатился и, поднявшись на колено, выстрелил.

Красный карандаш света попал Тому в плечо. Том зарычал, завертелся и упал.

Полуползая-полупрыгая, Дюрер направился к нему, стремясь добиться беспрепятственного выстрела.

Род быстро выстрелил по нему навскидку и промахнулся. Дюрер завыл и нырнул за тело павшего воина.

Род вонзил каблуки в Векса.

— Быстрее! Прежде чем он сможет оклематься и выстрелить!

Конь прыгнул. Лазерный луч попал ему в брюхо — пустое и стальное — безвредно.

Но ноги робота одеревенели, голова его наклонилась вперед, еще пока он был в воздухе.

Род соскочил с коня, когда Векс приземлился, рухнул и покатился по земле. Он увидел Дюрера, привставшего на колени и наведшего на него пистолет.

По нему ударило огромное тело Тома.

Дюрер сделал карамболь в землю, пистолет вылетел из его руки.

Том покатился, поднялся на ноги, поднял меч мертвого советника... и споткнулся о труп.

Быстрый, как угорь, Дюрер подскочил, поймал выпавший у Тома меч, рубанул...

Род прыгнул. Его плечо утодило Дюреру в живот, развернув этого человечешку крутом, меч безвредно ударился в землю.

Дюрер, оперевшись на меч, остался на ногах и взмахнул мечом, обернувшись к Роду.

Род, перекатившись на колени, увидел опускающийся меч...

Том взревел, врезался в Рода, сбив его с пути меча.

Пылающий меч опустился, отрезав Тому плечо и треть его грудной клетки.

Род пронзительно закричал, перевернувшись и встав на ноги. Его рука обхватила шею Дюрера, а колено уперлось ему в поясницу. Что-то треснуло.

Дюрер взвизгнул и обмяк, по-прежнему вереща, меч выпал из его пальцев.

Род бросил его наземь.

Все еще визжа, пугало шарило в поисках меча.

Род упал на колено и рубанул.

Затвердевшее ребро ладони раздавило всмятку гортань и шейный позвонок Дюрера. Тот издал булькающий звук, задергался в конвульсиях и ватих.

Род встал, тяжело дыша, и увидел, обернувшись, что плечо Тома качает кровь огромными сгустками; лицо великана искажала безмолвная гримаса боли.

Род снова опустился, лихорадочно шаря в сумбуре из крови и трупов.

Он наткнулся на лазерный пистолет и быстро обернулся обратно к Тому. Оставшиеся нищие, шатаясь, двинулись вперед, слишком медленно; прежде чем они смогли добраться до него, Род нажал на курок и срезал еще тонкий кусочек вдоль всей раны Тома. Том пронзительно вскрикнул.

Тут нищие навалились на Рода, молотя его кольями и дубинами.

— Нет! — проскрежетал Том с болезненной пародией

на его прежний рев. — Пустите его, дураки! Разве вы не видите! Он же остановил кровь!

Род сел наземь, когда схватившие его руки заколебались, а затем отпустили. Он прохромал обратно к Тому с синяками на лице и теле, потирая наихудший из них — свое едва исцеленное плечо.

Он опустился на колено рядом с тяжело дышащим телом человека с лицом, все еще искаженным от боли. Его голову заполняла вонь паленого мяса.

Том вынудил свои глаза чуть приоткрыться и попытался улыбнуться.

— То было... хорошее намерение... мастер. Две минуты назад это... могло бы спасти меня.

Род сорвал плащ, скатал его, сунул под голову Тома.

— Лежи и отдыхай, — проворчал он сквозь ком в горле. — Ты здоровенный битюг, ты сумеешь выкарабкаться. Ты потерял совсем не так уж и много крови.

— Нет, — выдохнул Том, — слишком много... потеряю... и... физический шок...

Его лицо скривилось в спазме боли. Род обернулся к Нексу, хлопнув по кнопке включения, и нащупал в одном из скрытых карманов кося ампулу.

Он проковылял обратно к Тому, хлопнул ампулу по прижженному мясу.

Том с огромным вздохом облегчения расслабился, когда анестезия начала действовать.

— Спасибо, мастер, — слабо прошептал он. — Это даст мне, по крайней мере, безболезненную смерть.

— Не говори так. — Лицо Рода застыло. — У тебя впереди еще много валяния на сене с девахами.

— Нет, мастер, — покачал головой Том, закрывая глаза, — мое время пришло.

— Ты не умрешь. Ты оставишь меня в долгу, если сделаешь это. Я этого не потерплю.

— Чума на то, что ты потерпишь или нет! — сплюнул Том, снова чуть оживившись. — Я теперь не твой, чтобы приказывать или запрещать мне, лордик! Тот, который теперь владеет мною, куда могущественнее тебя и в один прекрасный день скомандует и тебе тоже!

Он откинулся на подушку, тяжело дыша.

Род молча стоял на коленях рядом с ним.

Оставшаяся рука Тома пошарила по животу и схватила Рода за предплечье.

— Да, ты теперь у меня в долгу, хоть то не было моим выбором.

— Не было твоим выбором? — нахмурился Род. — О чем ты говоришь? Ты спас мне жизнь!

— Да, и таким образом лишился своей. Но я бы никогда так не сделал с ясной головой.

— С ясной головой?

— Да. В битве видишь и делаешь первое, что придет на ум. То был ты, или я, живущий подольше, служащий Дому Хлодвигу, и в горячке боя я выбрал тебя в своем безрассудстве!

С минуту он помолчал, тяжело дыша, затем его рука снова сжалась.

— И все же, хотя я умираю, ты будешь жить у меня в долгу! И что ты не сможешь отплатить мне, ты должен отплатить моему народу.

Род попытался вырвать руку.

— Нет.

— Да! — Глаза Тома широко раскрылись, пылая гневом. — Именно такой отплаты я требую! Твоя кровь за мою, твоя жизнь, проведенная здесь, на Грамарию, в трудах на благо моего народа!

— Я не хозяин себе...

— Нет, хозяин. — Том устало откинулся на свернутый плащ. — Хозяин, и если ты этого не знаешь, то ты истинный дурак.

— Цена слишком высока, Том. Моя смерть в бою, да, с радостью. Но жить здесь все свои дни я не смогу. Я тоже служу Мечте...

— То был и мой выбор, — вздохнул Том. — Мечта или человек. Нет, тогда выбирай, что тебе угодно.

— Я связан обетом.

— Тогда мой обет тоже на тебе, освобождающий тебя от другого. Теперь ты должен служить мне и моим... Лицо умирающего потемнело.

— Я думал, будто знаю, что для них самое лучшее... Но теперь, когда все вокруг меня темнеет...

Он вдруг приподнялся, корчащийся в агонии, харкающий кровью. Род обхватил великана за плечи, поддерживая его.

Спазм прошел. Том слабо вцепился в руку Рода, вздохнув:

— Нет, тогда... Твой ум яснее... Ты должен решить...

— Молчи, — взмолился Род, пытаясь снова уложить его. — Не теряй зря той малости жизни, что осталась...

— Нет! — вцепился в него Том. — Дай мне сказать!

Эсперы... Трибунал... Они своего добьются... Сработает... Мы сражаемся с ним... Здесь... На...

— Молчи, — снова взмолился Род. — Побереги дыхание, я знаю, о чем ты говоришь.

Том вытянул шею, посмотрел на него.

— Ты?

Род кивнул.

— Да. А теперь лежи.

Том обмяк в его объятиях. Род мягко опустил его, давая голове лечь на пропитанный кровью плащ.

Том лежал, тяжело дыша.

— Скажи мне... Я должен знать... Знаешь ли ты...

— Да, знаю, — прошептал Род. — ДДТ победит. Вы могли сражаться с ними только здесь и сейчас. И вы, к тому же, боролись друг с другом.

— Да, — кивнул Том движением, едва поддававшимся восприятию. — Ты... должен решить... и... мастер...

Он пробормотал что-то слишком слабое, чтобы слышать, и с трудом сделал новый вдох, с открытыми обеспокоенными глазами.

Род нагнулся вперед, приложив ухо к губам Тома.

— Не умирай из-за... Мечты...

Род нахмурился.

— Не понимаю.

Он подождал, затем спросил:

— Что ты имеешь в виду, Том?

Ответа не было.

Род медленно выпрямился, глядя в пустые глаза, безмолвно раскрытый рот.

Он коснулся основания шеи — яремной вены.

Долгие минуты он позволял кончикам пальцев оставаться там, затем медленно протянул руку закрыть умершему глаза.

Затем Род медленно встал и, повернувшись, пошел прочь, ничего перед собой не видя.

Потом, постепенно, взгляд его сфокусировался. Он огляделся кругом на скорбно глядящих нищих, не сводящих глаз с огромного тела.

В круг нерешительно шагнула стройная хрупкая фигура.

— М-мастер Гэллоутлас?

Род обернулся, увидел Тоби и шагнул вперед, тогда как нищие стали приближаться, чтобы опуститься на колени у тела Тома.

Род отошел от них, тяжело повесив голову.

Он поднял глаза.

— В чем дело, Тоби?

— Милорд, они... просят пощады.. Милорд, нам дать ее?

— Пощаду? О, да, они же хотят капитулировать, — кивнул Род, закрывая глаза. Он повернулся посмотреть на группу нищих. — О, я не знаю. Что говорит Бром?

— Милорд О'Берин говорит «да, пощадить их», но королева говорит «нет». Лорды Логайры согласны с Бромом.

— И все же королева говорит «нет». — Род кивнул, зло стиснув рот. — И они хотят, чтобы я разбил эти намертво сцепившиеся руки, не так ли?

— Да, милорд.

Кольцо нищих раздвинулось. Род увидел восковое неподвижное лицо Тома.

Он снова повернулся к Тоби.

— Черт, да. Дать им пощаду.

Солнце опустилось за холмы, оставляя небо бледно-розовым, темнеющим на востоке.

Двенадцать великих лордов стояли, скованные цепями, перед Катариной.

Рядом с ней сидели герцог Логайр и Туаи, Бром и сэр Мэрис.

Род стоял поодаль, прислонясь спиной к Вексу, сложив руки на груди, уткнувшись в грудь подбородком.

Голова старого герцога Логайра с глубокой печалью в глазах тоже была опущена, потому что его сын Ансельм стоял на шаг впереди остальных лордов, прямо перед королевой.

Катарина держала голову высоко, глаза ее горели гордостью и триумфом, лицо раскраснелось от радости и наслаждения своим могуществом.

Род посмотрел на нее и почувствовал в животе спазм отвращения — с победой к ней вернулась ее надменность.

По знаку Брома О'Берина два герольда сыграли туш. Трубы оторвались от их губ, и вперед шагнул третий герольд, раскатывая свиток.

— Да будет известно всем присутствующим, что сего дня негодный вассал Ансельм, сын Логайра, поднял злодейский мятеж против Катарины, королевы Грамария, и потому подлежит суду короны, даже смерти за преступление — государственную измену!

Он скатал свиток и хлопнул им себя по бедру.

— Кто выступит в защиту Ансельма, главаря мятежников?

Наступило молчание.

Затем поднялся старый лорд Логайр.

Он степенно поклонился Катарине. Она ответила на его вежливость пылающим взором, пораженным и разгневанным.

— Ничто не может быть сказано в защиту мятежника, — прогремел Логайр. — И все же в защиту человека, который с поспешностью горячей крови поднимается отомстить за то, что считает оскорблением своему отцу и своему дому, можно сказать многое. Ибо хотя его действия были опрометчивыми и даже каменническими, им все-таки двигала честь и сыновнее почтение. Более того, увидевши исход опрометчивых действий и находясь под опекой своего герцога и своего отца, он вполне может осознать свою истинную верность и долг перед своим сюзереном.

Катарина улыбнулась, голос ее был сплошной мед.

— Значит, милорд, вы хотите, чтобы я освободила этого человека, на чью голову должны быть возложены смерти нескольких тысяч, снова предоставив его вашему попечительству и наказанию, вам, который, как показало нынешний день, уже не справился один раз с такими обязанностями.

Логайр вздрогнул.

— Нет, дорогой лорд! — отрезала она с бледным лицом и плотно сжатыми губами. — Ты уже взлелеял мятежников против меня, и теперь ты пытаешься снова сделать это?

Лицо Логайра посуровело.

Туап привскочил с кресла, покраснев от гнева.

Она повернулась к нему с надменным высокомерным видом.

— У лорда нищих есть что сказать?

Туап скрипнул зубами, с трудом оставаясь спокойным. Он выпрямился и степенно поклонился.

— Моя королева, в сей день отец и сын доблестно бились за тебя. Ужель ты не даруешь за это жизнь нашего брата и сына?

Лицо Катарины стало еще бледней, а глаза сузились.

— Я благодарю моего отца и брата, — сказал Ансельм ровным ясным голосом.

— Молчать! — чуть ли не провизжала Катарина,

повернувшись к нему. — Изменник, злодей, трижды ненавистный пес!

В глазах Логайров поднялась ярость, и все же они сдержались и промолчали.

Катарина снова села в кресло, бурно дыша, крепко стиснув подлокотник, чтобы не дрожали руки.

— Ты будешь говорить, когда я спрошу тебя, предатель, — бросила она. — А до тех пор храни молчание!

— Я не стану хранить молчание! Ты не можешь нанести мне большего вреда, я выскажу все! Ты, подлая королева, твердо решила, что я умру, и ничто не повлияет на тебя! Так убей же тогда меня! — закричал он. — Наказание за мятеж — смерть! Я знал это, когда поднял мятеж, убей меня и кончай с этим!

Катарина откинулась на спинку кресла, чутьчку расслабившись.

— Он приговорил себя собственными устами, — провозгласила она. — По закону страны мятежник должен умереть.

— Закон страны — королева, — прогромыхал Бром. — Если она скажет, что предатель будет жить, то он будет жить.

Она стремительно обернулась, потрясенно уставившись на него.

— И ты тоже предаешь меня? Ужель ни один из моих полководцев не станет рядом со мной в этот день?

— А, кончай с этим, — разбушевался Род, вырисовываясь над треном. — Да, ни один из твоих генералов не поддержит теперь тебя, и мне кажется, что это может дать некоторый намек, что ты не права. Но, о нет, только не королева! Как можно! Зачем устраивать суд?! Ты уже решила, что он умрет!

Он отвернулся и сплюнул.

— Брось, кончай с этим судебным фарсом.

— И ты тоже? — ахнула она. — Ты тоже станешь защищать предателя, того, что вызвал смерть трех тысяч?

— Ты вызвала смерть трех тысяч! — прорычал Род. — Благородный человек низкого происхождения лежит убитый на поле с отсеченным правым боком, и птицы клюют его. А почему? Чтобы защитить сидящую на троне своевольную девчонку, которая не стоит жизни и одного нищего! Девчонку, которая столь плохая королева, что породила мятеж!

Королева, дрожа, съехала на троне.

— Молчать! — выдохнула она. — Разве я подняла мятеж?

— А кто дал повод знати взбунтоваться своими слишком поспешными реформами и слишком надменным обращением? Повод, Катарина, повод! Нет мятежа без повода, а кто как не королева дала повод?

— Молчать, да, молчать! — Тыльная сторона ее ладони метнулась ко рту, как будто она вот-вот закричит. — Нельзя так разговаривать с королевой.

Род посмотрел сверху вниз на съежившуюся королеву. Лицо его кривилось от отвращения.

Он отвернулся.

— А, меня тошнит от этого! Оставь их жить, сегодня уже было слишком много смертей. Пусть себе живут. Они будут верны без подстрекающих их советников. Пусть они живут, пусть все они живут, они теперь усвоили урок, даже если ты не усвоила.

— Это не может быть правдой! — ахнула Катарина.

— И неправда! — Туан шагнул вперед, кладя руку на шпагу. — Королева дала повод, но она не подняла мятеж!

Глаза Катарины метнулись к нему, лучась благодарностью.

— Говори правду, — продолжал Туан, — и тогда можешь наказывать ее. Но когда ты обвиняешь ее в том, что она не совершила... — Он медленно покачал головой. — Я не могу позволить тебе говорить.

Рода так и подмывало плюнуть ему в лицо.

Вместо этого он снова повернулся к Катарине, вновь сидевшей выпрямившись, вновь обретавшей свой надменный вид.

— Не забывай, — сказал он, — что королева, которая не может править своими прихотями — слабая королева.

Она снова побелела.

— Поосторожнее! — резко предупредил Туан.

Ярость поднималась в Роде все выше и выше, но он жестко держался, не поддаваясь ей, пока она, наконец, не разбила какие-то оковы в нем и не отхлынула, оставив ледяное спокойствие и огромную ясность — ясность, в которой он увидел, что он должен сделать и почему... И какие должны быть последствия для него самого.

Катарина теперь почти улыбалась, самонадеянная и надменная, видя, что Род колеблется под угрозой Туана.

— Есть что еще сказать, сударь? — спросила она, подымая подбородок.

— Да, — сказал сквозь зубы Род, — что же это за королева, которая предает собственный народ?

Ладонь его взлетела и закатила ей пощечину.

Она пронзительно закричала, упав в кресло, Туан бросился на него, замахнувшись кулаком прямо в челюсть Рода.

Род пырнул под удар и схватил Туана, прижав его к себе и закричав!

— Векс!

Кулаки Туана молотили его по животу, но Род держался, видя, что подбегают другие генералы.

Однако Векс подоспел первым.

Род попытался забыть, каким милым, чистым, юным пареньком был Туан, и вогнал колено в его пах.

Затем он выпустил его и вскочил в седло, в то время как Туан упал, согнувшись от боли, с хрипом в горле.

Векс развернулся и прыгнул через головы приближающихся гвардейцев, приземлился и пустился в галоп.

Род услышал, как Катарина пронзительно выкрикивает имя Туана, и недобро усмехнулся.

Затем усмешка растянулась в безмолвном крике, когда боль взорвалась в его раненом плече.

Обернувшись, он увидел торчавший из плеча хвост арбалетной стрелы.

А за подпрыгивающим плечом, внутри кольца гвардейцев, столпившихся вокруг трона, Катарина склонилась над Туаном, который стоял на коленях, все еще скорчившись от боли, с выпавшим из рук арбалетом.

Род вернулся к холму с видом на поле, когда спустились сумерки, проскакав длинный круг по полю и лесу и мило по ручью, чтобы скрыть свой след.

Род так и вывалился из седла, когда Векс выехал на опушку рощи. Он доковылял до большого дерева и сел, привалившись спиной к стволу, скрытый надвигающимися сумерками от чужих глаз.

Он оглядел пылающие в поле костры, прислушиваясь к звукам победного веселья.

Затем он вздохнул и вернулся к проблеме, непосредственно бывшей под рукой или, вернее, в плече. Он распахнул камзол и осторожно прощупал плечо, вздрагивая от боли, испытываемой им даже сквозь анестезию.

Зубчатый наконечник арбалетной стрелы, похоже,

вонзился как раз перед ключицей и каким-то чудом не задел ни кость, ни артерии.

Возникло слабое дуновение воздуха, словно миниатюрная взрывная волна, и, подняв голову, он увидел склонившуюся над ним Гвендайлон, из ее глаз лились слезы.

— Милорд, милорд! Тяжело ранен?

Род потянулся и, протянув руку, обхватил ее и притянул к себе, поцеловав.

— Значит, нет, — сказала она, покраснев, когда наконец смогла отодвинуться. — Ручаюсь, ты не столь тяжело ранен, как я страшилась.

— Ах, девушка, девушка! — Род откинулся назад, укачивая ее на одной руке. — Мне было одиноко в той скачке.

— Я явилась бы к тебе раньше, — оправдываясь, сказала она, — но мне нужно было дожидаться, когда ты остановишься отдохнуть. Теперь займемся плечом. — Она приняла решительный, почти деловой вид. — Будет немного больно, милорд.

Род скрипнул зубами, когда она содрала с его плеча пропитанную кровью рубаху.

— Бипты в седельной сумке, — произнес он сквозь зубы, когда она закончила.

Она повернулась к Вексу, достала металлическую коробочку и сдвинула брови.

— Что это за красный крест здесь, милорд?

— Просто символ, — засопел Род, — означает, что это, в, походная аптечка знахаря.

Она снова опустила ее на колени рядом с ним и застыла.

Род нахмурился, недоумевая, что это она делает.

Затем его снова пронзила боль, и он почувствовал, что наконечник стрелы выходит, медленно отступая по каналу, проложенному им при входе, и, похоже, совершенно самостоятельно.

Сквозь вызванный болью туман в голове пробилась случайная мысль: эти ведьмы были ответом на молитву хирурга.

Наконечник стрелы вышел из его тела, а затем вдруг закружился, завертелся и разбился о камень.

— Вот так, — прошипела она, — я поступлю со всяким, кто повредит тебе, милорд.

Род содрогнулся, осознав степень мощи, с которой он кокетничал.

Она потянулась за бинтами.

— Нет, нет! — Род коснулся ее ладони своей здоровой рукой. — Сперва порошок в серебристом конверте. Он остановит кровотечение.

— Я предпочла бы пользоваться припаркой из трав, — с сомнением произнесла она. — Но как пожелаешь, милорд.

Род вздрогнул, когда сульфамид ужалил его.

Затем боль отступила, и она принялась бинтовать.

— Похоже, ты всегда перевязываешь это плечо, — пробормотал Род.

— Да, милорд. Я бы предложила тебе быть поосторожнее с ним.

Поблизости кто-то кашлянул, довольно деликатно.

Род поднял голову и увидел таящийся в тени приземистый силуэт. Губы Рода сжались.

— Вот это да, провалиться мне на этом месте, если это не атрофированный Аякс собственной персоной!

Гвендайлон осуждающе, но мягко приложила к его губам палец.

Род кратко кивнул, раздраженный самим собой, но пальцы его оставили. Он сделал здоровой рукой приглашающий жест.

— Ну, подходи и присоединяйся к гулянке, Бром. Но будь осторожен, плоды победы сегодня кислые.

Бром подошел, сцепив руки, опустив голову, и сел на ближайший пень.

Род нахмурился. В манере карлика было что-то застенчивое, почти вкрадчивое.

— Что тебя грызет? — проворчал он.

Бром вздохнул и положил руки на колени.

— Ты сегодня вызвал у меня много головной боли, Род Гэллоуглас!

Род улыбнулся одной половиной рта.

— Больше похоже на боль от язвы желудка. Я так понимаю, что ты не слишком доволен тем, как пошли дела?

— О нет, я крайне доволен! И все же... — Положив подбородок на стиснутые руки, Бром снова выглядел застенчивым. — Признаюсь, что сперва я был несколько разгневан на тебя.

— Да неужто!

— Да, но то было, пока я не понял твой план.

— Вот как? — поднял бровь Род. — Но ведь ты вычислил, что я затеял?

— Нет, я старею, Род Гэллоутглас...

Род фыркнул.

— Спасибо, — склонил голову Бром. — Но то правда. Я становлюсь стар, и мне нужно показывать.

— И что же тебе показали?

— О, то была очень трогательная сцена! — Бром улыбнулся с налетом сарказма. — Сперва Катарина могла только причитать: «Любовь моя! Ты ранен!» и посылать за лекарями и травами, пока Туан не сумел подняться, уверяя, что рана у него легкая, и тут она плача уткнулась ему в грудь, назвала его своим повелителем, защитником, охранителем ее чести, и не желала утешиться, пока он не поклянется обвенчаться с ней!

Улыбка Брома смягчилась.

— Да, то было очень трогательное зрелище.

Род устало кивнул, закрывая глаза.

— Когда венчание?

— Как только они будут в городе. Катарина устроила бы свадьбу прямо тут, на месте, но Туан закричал, что нет, мол, она цвет женщины и должна обвенчаться, как подобает ее положению.

— Многообещающее начало.

— О, оно было еще более многообещающим! Ибо Туан повернулся к двенадцати лордам и молвил: «А как мы поступим с этими?» А Катарина закричала: «Да как тебе будет угодно, мой лорд, как тебе угодно! Только кончи с ними побыстрее, да пойдем!»

— Очень хорошее предзнаменование, — согласился Род. — И что же он с ними сделал?

— Сбил с них цепи и велел им снова взять на себя заботу о своих подданных и своих доменах. Но он потребовал от каждого из них заложника двенадцати лет или меньше их плоти и крови и законного происхождения для проживания в королевском замке.

Род нахмурил брови и кивнул.

— Должно бы сработать. Он получает средство утешения и шанс воспитать новое поколение более верным трону.

Он откинулся назад, привалившись спиной к грубой коре, чувствуя себя полностью истощенным.

— Рад, что это сработало.

— Да. — Глаза Брома пылали. — Эта страна навек останется у тебя в долгу, Род Гэллоутглас. Ты спас нам нашу корону и изгнал призрак долгой и страшной гражданской войны. Более того, ты дал нам короля.

— И врага общества № 1, — зло добавил Род.

На лицо Брома набежала тень.

Род поглядел на него.

— Ты должен признать, что я немощно «персона нон грата».

— Да, — проворчал Бром, — и все же ты всегда найдешь убежище в стране эльфов.

Род слабо улыбнулся.

— Спасибо, Бром.

— И все же скажи мне! — Бром, нахмурившись, нагнулся вперед. — Как же ты прибыл? Когда в нашей стране все выглядело мрачным и была напрочь изгнана надежда, тогда и явился ты, упал с небес, словно ответ на молитву — ты, у которого здесь нет ни кола, ни двора, ни поместья, чтобы защищать его. Наши заботы не твои, и все же ты сделал их таковыми.

Он вытянул вперед голову с горящими глазами.

— Почему ты спас нас?

Улыбка Рода скисла.

— Ради Мечты.

— Как?.. — Бром нахмурился.

Род поднял глаза к звездам. Он с минуту колебался, потом сказал:

— Векс, запиши это.

Он повернулся к Брому, затем к Гвендайлоп и поднял здоровую руку, показав на небо.

— Посмотрите туда, видите эти звезды? У каждой есть миры, кружащиеся вокруг нее, миры вроде этого, где встречаются влюбленные, и враждуют люди, и скидывают королей. Но большинство из них объединены под одной властью, одним правительством — Децентрализованным Демократическим Трибуналом. И голос, что приказывает — это голос самого народа.

— Нет, — прогудел Бром. — Как же такое может быть?

— Потому что можно услышать голос каждого человека, его мнение добавляет вес мнению сограждан. Вот это-то и есть ключ-связь. Вы не можете иметь здесь такое правительство, потому что ваши средства связи паршивые, что странно, потому как у вас есть потенциал для самой лучшей в мире системы связи, если бы вы только использовали его. — Он сложил руки на груди и откинулся назад. — Но у них там есть большая беда. Они, видите ли, растут. Каждый день по меньшей мере один новый мир присоединяется к Трибуналу. При такой ско-

рости они скоро достигнут предела своих средств связи. После этого они начнут катиться по наклонной плоскости к диктатуре.

— Но почему это твоя забота? — спросил Бром.

— Я работаю на них. Я коммивояжер. Я тот парень, который приходит и подготавливает новые планеты к членству в ДДТ... если они этого захотят, что бывает всегда, коль скоро они готовы!

— И что это за готовность? — улыбнулся Бром, стараясь быть терпеливым.

— Средства связи, как я говорил тебе, но даже более того, знания, образование. — Он вздохнул. — С образованием мы управились. Это заняло много времени, но мы управились. Средства связи, однако, — дело другое.

Потому что есть еще ингредиент свободы — рубежи. Они предотвращают стратификацию общества. Неважно, что это такое, милорд О'Берин, Князь Эльфов, но стратифицированное общество есть еще один путь к тоталитаризму.

Поэтому Трибунал выпущен продолжать расти. Но если он вырастет еще немного, замедляющаяся связь станет его смертью. А я не хочу этого. Потому что, понимаешь ли, у Мечты есть имя — свобода. Вот это моя Мечта. И вот почему Грамарий так много значит для меня.

— Что-то не пойму, — нахмурился Бром.

Род, улыбаясь, повернулся к нему.

— Ведьмы и колдуны. Их способность слышать мысли. Вот система связи, которая нам так нужна.

Он смотрел, как понимание и определенный страх появились на лице Брома, потом отвернулся.

— Мы нуждаемся в них, — сказал он, — нам нужно много их. До нынешнего дня их численность росла медленно. Но под защитой Катарини она станет расти быстрее, а из-за победы в сегодняшней битве их станут уважать. И в скором времени все родители станут надеяться, что в семье родится ведьма или колдун. И тогда их численность резко подскочит.

Бром нахмурился.

— Но отчего так, что только в одном этом мире из всех, о коих ты говоришь, есть колдуны и ведьмы?

— Потому что люди, принешие жизнь в эту страну, ваши предки, упавшие с небес, отобрали только тех лиц для прилета сюда, в которых была, по крайней мере, ма-

лость колдовской силы. Они не знали, что обладают ею, она была слишком мала и слишком глубоко спрятана, чтобы увидеть ее, но по мере того, как сменялись поколения и они снова и снова женились друг на друге, эта малость понемножку росла и росла до тех пор, пока не родилось колдовство.

— И когда же это было? — терпеливо спросил Бром.

— Когда появились альфы. А также баньши, вервольфы и другая сверхъестественная фауна. Потому что на этой планете есть странная субстанция, называемая ведьмин мох; она преобразуется в формы, о которых думает ведьма или колдун. Если ведьма думает об альфе, мох превращается в альфа.

Бром побледнел.

— Ты говоришь, что...

— Не чувствуй себя слишком плохо из-за этого, Бром, — быстро сказал Род. — Все люди некогда были всего лишь пульсирующими комочками, плавающими в море, просто в случае твоего отдаленного предка этот процесс был чуть-чуть ускорен посредством ведьм и колдунов. И это твой первый предок, а не ты. По моим предположениям, существо, сформировавшееся из мха — это столь совершенная модель, что может самостоятельно размножаться и даже скрещиваться со смертными.

Он откинулся спиной к дереву.

— Гордись, Бром. Ты и твой народ — единственные, кто может претендовать на звание настоящих аборигенов.

Долгий миг Бром молчал, затем он проворчал:

— Да, значит, это наша страна. И какое тебе до сего дело, чародей с небес?

— Дело? — покосился на него Род. — Я делал только то, что пытался сделать ты сам, Бром, через реформы, предложенные тобой Катарине. Равенство перед законом — разве это не твоя цель?

— Да, то так.

— Ну, она и моя тоже. И моя задача — показать вам наименее кровавый путь к ней, каковую задачу я только что и выполнил.

Он посуровел, охваченный вдруг мрачными мыслями.

Бром изучал его. Обеспокоенная Гвендайлон коснулась его головы, погладив по волосам.

Род поднял на нее взгляд и попытался улыбнуться.

Он повернулся к Брому.

— Вот, знаешь ли, почему я сражался за Катарину — потому что она защищает колдунов и ведьм и по-

тому, что она — реформатор, и Туан тоже, слава небесам. И вот потому-то советники и Пересмешник сражались против нее.

— Я стар, Род Гэллоуглас, — нахмурился Бром, — объясни мне.

Род снова поднял глаза к звездам.

— Однажды Трибунал будет править всеми звездами, что ты видишь, и еще многими, которых не видно. И почти все живущие на этих звездах люди будут ведьмами и колдунами, потому что в их жилах будет течь кровь Грамария. Как тебе лавровый венок, Отец Галактики?

Но некоторые люди не будут колдунами и ведьмами и из-за этого они будут ненавидеть ведьм и колдунов, и их правительство сильнее, чем ты можешь вообразить. Такая порода называется фанатиками.

И они пойдут на любую систему правительства, любую, лишь бы это не была демократия. И будут сражаться с демократией до последнего вздоха.

— Если все будет так, как ты говоришь, — проворчал Бром, — то эти люди проиграют, ибо как они могут бороться со столькими мирами?

— Они не могут, — ответил Род, — если не убьют все это прежде, чем оно родится.

— Но как же они это сделают? Для того, чтобы убить ведьму в зародыше, им надо найти этот зародыш, то есть отправиться сюда, в Грамарий, и попытаться... да ведь... убить...

Бром в шоке уставился на него.

— ...Катарину, — закончил за него Род, кисло кивая. — Правильно, Бром. Советники и руководящие кадры Дома Хлодвига — это чьи-то пра-пра-пятдесят раз правнуки.

— Но как же это может быть? — ахнул Бром. — Какой человек может навестить своих предков?

— Они могут. У них есть штука, называемая машиной времени. Одна из них спрятана где-то в Доме Хлодвига, а другая в населенных призраками туннелях замка Логайров. Так что стереги тех четырех в вашей тюрьме очень бдительно, Бром. У них может быть припасено несколько сюрпризов.

— Уж будь уверен, постерегу!

— А советники все погибли. — Род откинулся назад, закрыв глаза. — Что мило завершает доклад. Отошли его домой, Векс. О. и подтверждающий материал: описание

машины времени и главных трюков ведьм и колдунов — сам знаешь — телекинез, левитация, телепор...

— Я знаю, Род, — напомнил ему голос робота.

— Тьфу. Слуга ты, безусловно, склонный к самоуничтожению. Ну, отправь его домой.

Искривляющий передатчик внутри баскетбольного мяча мозга Векса выплюнул двухсекундный визг звездам.

Какой-то миг все молчали, затем Гвендайлон произнесла:

— Милорд?

Род поднял глаза и улыбнулся.

— Тебе не следовало бы так называть меня теперь, но мне это нравится.

Она робко улыбнулась.

— Милорд, ты закончил свою работу здесь...

Лицо Рода потемнело.

Он отвернулся, сердито уставясь в землю.

— Куда ты теперь отправишься, Род-чародей? — пробормотал Бром.

— А, прекрати это! — мрачно огрызнулся Род. Он снова отвернулся. — Я не чародей. Я агент очень развитой технологии и, как таковой, имею полный мешок трюков, в которые ты даже не поверил бы, но все они холодное железо и его потомки. Я не имею на своем счету ни одной колдовской силы.

Он снова поднял взгляд к звездам.

— Я не чародей, ни в малейшей степени, в еще меньшей степени, чем ваш последний крестьянин. Мне здесь не место.

Он чувствовал, что в нем что-то рвалось, когда он произносил это.

— Я сам выбрал такую жизнь, — проворчал Род. — Да, я подчиняюсь приказам, но делаю это добровольно.

— Довод, — признал Бром, — не слабый. По выбору или не по выбору, ты все же поработен.

— Да, — согласился Род, — но кто-то должен пожертвовать своей свободой, чтобы ее могли иметь его дети.

Но это не прозвучало убедительно даже для него.

Бром испустил вздох и, поднявшись на ноги, хлопнул себя по бедрам. Он взглянул на Рода своими усталыми и старыми глазами.

— Если ты должен отправиться, значит, должен. Обет — нечто такое, чего не может отрицать ни один че-

ловек. Отправляйся к звездам, но помни, Род Гэллоутлас, если ты когда-нибудь будешь искать пристанища, оно здесь.

Он повернулся и зашагал прочь вниз по склону.

Гвендайлон тихо сидела рядом с ним, сжимая ему руку.

— Скажи мне, — произнесла она после короткого мгновения размышлений, — это только одна Мечта отнимает тебя у меня?

— Да. О, да. — Рука Рода стиснула ей ладонь. — Ты в своем роде забила все остальные мечты.

Она повернулась, трепетно улыбаясь, на ресницах ее блеснули слезы.

— Тогда разве нельзя мне сопровождать тебя к звездам, дорогой милорд?

Род сжал ей руку, у него перехватило дыхание.

— Я желал бы, чтобы ты могла, но ты зачахнешь и умрешь там, как вырванный с корнем цветок. Твое место здесь, где в тебе нуждаются. Мое место там, вот как все просто.

— Нет. — Она печально покачала головой. — Ты уезжаешь не из-за принадлежности к какому-то месту, а из-за обета. Но дорогой милорд...

Она повернулась, слезы теперь текли ручьями.

— Разве мои заветы не столь же сильны, как твоя Мечта?

— Послушай, — крепясь, сказал он, — постарайся понять. Человек должен иметь свою Мечту, в этом-то и заключается разница между человеком и животным — в Мечте. И человек, который утратил свою Мечту, нечто меньшее, чем мужчина, и не стоит никакой женщины. Как бы я мог претендовать на тебя, не будь я мужчиной? Человек должен доказать свою значимость самому себе, прежде чем он сможет претендовать на женщину, а Мечта и есть это доказательство. Покуда он трудится ради нее, он имеет право на свою возлюбленную, так как он чего-то стоит. Я мог бы остаться здесь и был бы очень-очень счастлив с тобой, но в глубине души я знал бы, что не достоин тебя, потому что я был бы трутнем, самцом без всякой цели. Как бы я мог стать отцом твоих детей, если бы знал, что их мать намного ценнее для мира, чем я?

— Тогда ты был бы тем, кто зачахнет и умрет? — прошептала она.

Род кивнул.

— По заклятье, милорд, не только мое. Разве добавленных к нему заклятий Большого Тома и старого герцога Логайра недостаточно, чтобы перевесить заклятье звезд?

Род сидел, застыв.

— Они велели тебе охранять их народ, — тихо произнесла она. — А что с ним станет, милорд, если снова явятся те дьяволы из завтрашнего дня? Как они наверняка и сделают, если ненавидят столь глубоко, как ты говоришь.

Род очень медленно кивнул.

— И что же будет с Мечтой, милорд? — прошептала она.

С минуту Род сидел неподвижно, как скала.

— Векс, — тихо повзвал он.

— Да, Род.

— Векс, отправь им мою отставку.

— Твою что?

— Мою отставку, — отрезал Род, — и поспеши с этим!

— Но, Род, твой долг... честь твоего дома!

— Да подавись ею! Советники могут вернуться, Векс, даже если мы разнесем вдребезги машины времени. Они сделали это один раз и могут сделать еще. Отправляй!

Векс послушно пробикивал звездам.

Затем голова Рода медленно поникла.

— Милорд? — выдохнула Гвендайлоп.

Род слабо поднял руку.

— Со мной все в порядке. Я поступил правильно, и это сделает меня счастливейшим человеком. Потому что первый раз в своей жизни я буду действовать сам по себе. И в этом-то все и дело. Я отрезал себя от своих. Они больше не стоят за моей спиной — дом, Старший Брат, следящий за мной...

— У тебя есть дом здесь, милорд, — тихо произнесла она.

— Я знаю, знаю. И через некоторое время это пройдет, и я буду счастливей, чем когда-либо. Но сейчас... — Он посмотрел на нее, слабо улыбувшись. — Со мной будет все в порядке.

— Род, — прошептал Векс.

Он поднял голову.

— Да, Векс.

— Они ответили, Род.

Род напрягся.

— Прочти.

— Доклад принят. Просят прислать координаты для проверочной экспедиции.

Род кивнул, губы его горько сжались.

— Пошли им, читай дальше.

— Просим вас передумать насчет отставки. Прими-те постоянное задание по охране планеты Грамарий от дальнейшей инфильтрации (подрывной деятельности).

Род выпрямился, уставясь в пространство:

— Что?

— Они хотели бы сделать избранное тобой положение официальным, Род, — ответил робот.

— Что такое, милорд?

— Они хотят, чтобы я остался, — механически повторил Род. — Он повернулся к ней, радость сменила ошеломленное выражение на его лице. — Они хотят, чтобы я остался!

— Где остался, милорд? — спросила она, улавливая первые следы его энтузиазма.

— Остался здесь! — проревел он, вскакивая на ноги и широко размахивая рукой, чтобы включить всю планету. — Здесь, на Грамарии! Агентом! Гвен, я свободен! И я дома!

Он упал на колени, повернувшись к ней лицом и впеченившись руками ей в плечи.

— Я люблю тебя, — проревел он, — выходи за меня замуж!

— Отныне и навеки, милорд, — воскликнула она, сжимая его лицо меж ладоней, и заплакала.

Он страбастал ее было, но она остановила его, приложив ладонь к его губам.

— Нет, милорд, только чародей может поцеловать ведьму.

— Ладно, чародей я, чародей! Только поцелуй меня, а?

Она поцеловала. Ухмыльнувшись, он сцепил руки у нее на пояснице.

— Эй, — сказал он, — так это правда, то, что говорят о сельских девушках?

— Да, милорд. — Она опустила глаза и принялась расстегивать его камзол. — Теперь ты от меня никогда не избавишься.

Возвращение
Короля Коболда

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Это не новая книга.

Но это и не старая книга.

Разрешите мне рассказать вам, как все произошло...

* * *

Еще в 1970 году, когда впервые был создан «Король Коболд», я, затаив дыхание, ждал, что скажут о нем критики — и был весьма обескуражен, обнаружив, что они не совсем чтобы горели энтузиазмом. Именно тогда я и решил, что мне не следует обращать чересчур большого внимания на критику.

К несчастью, я не мог игнорировать Лестера дель Рей. Я всегда восхищался его пронипательностью и умением доходить до сути (т. е. его мнение о моих новых книгах всегда совпадало с моим). Когда дель Рей сказал: «Это неплохая книга, если вы не ожидаете слишком много от проведенного за ней вечера», я понял, что попал в беду. Хуже того, начали приходить письма — и их авторы соглашались с дель Реем! И хотя дель Рей проявил в своем отзыве мягкость и милосердие, поклонники не ощущали ни малейшей потребности в такой сдержанности.

Поэтому, когда добрые люди в издательстве «Эйс» проявили интерес к переизданию «Короля Коболда», я заявил: «Не раньше, чем я перепишу его!».

Прошу не забывать, у меня было двенадцать лет для размышлений над недостатками оригинала и обдумыванием, как их исправить. Были некоторые изменения, которые, мне определенно хотелось внести, и немало других, о которых я подумывал.

Поэтому книга, представленная Вашему вниманию, не продукт на продаже под рекламный бум; она итог размышлений писателя, отказавшегося вновь породить град оскорблений со стороны своих поклонников. Если вы купили четырнадцать лет назад «Короля Коболда», сожа-

лею — книга, которую Вы держите в руках не совсем та, что вы прочли тогда. И если вы вообще не читали «Короля Коболда» преступление, которое я оставлю без внимания, только если вы тогда еще не умели читать по малолетству), то сюжет вновь изданной книги не тот, о котором вы слышали. Лучше, надеюсь, но не тот же самый. Если недостает ваших любимых сцен — ну, сожалею. Или, еще хуже, недостает вашего любимого персонажа — сожалею еще больше, но я думаю, он действительно не получился (не «она» — она была вообще ничто и звать никак, и я не понимаю, как может кому-то не доставать ее — за исключением, может быть «его»). В общем и целом я весьма удовлетворен этой исправленной версией; история по-прежнему рассказывается, в сущности, та же, но мне думается, она посolidней и читабельней (ладно, допустим, я выкинул не все неудачные шутки). Кроме того, если вам действительно больше нравится старый вариант — всегда есть первое издание. Вам придется немножко похлопотать в поисках экземпляра, но если вы предпочитаете читать его, это Ваше право.

Благодарю вас всех за надоедание книжным магазинам запросами на «Короля Коболда» и воскрешение его тем самым из небытия. Вот он — роман о том, что происходило с Родом и Гвен, когда они были женаты всего несколько лет и им приходилось возиться всего с одним маленьким чародеем. Надеюсь, он вам понравится. Мне понравился.

Кристофер Сташефф
Штатный колледж «Монтклер»
4 октября 1983 года

ПРОЛОГ

«Печально суть это и очень прискорбно, что столь молодой король должен был умереть и притом в своей постели; и все же смерть приходит ко всем одинаково, и к высшим, и к низшим, и не по нашему выбору, а по Божьему соизволению. Так и получилось, что король Ричард покинул нас на четырнадцатом году своего царствования, хотя ему не исполнилось еще и сорока пяти лет; и по стране прошел великий плач. И все же жизнь должна продолжаться, и поэтому мы положили его покоем рядом с предками и обратили свои взоры к нашей новой государыне, царствовавшей в Грамарии, хотя ей было едва ли двадцать лет отроду.

И тогда лорды страны Грамарий собрались на Совет и применялись советовать молодой королеве, как ей поступить, и во главе их стоял герцог Логайр, умудренный летами и почитаемый, первый среди лордов страны и дядя королевы. И все же она не прислушалась к его словам, ни к словам любого из своих лордов, но принялась поступать так, как считала нужным, не внемля Совету. И все, чего она ни желала совершить, она поручала карлику по имени Бром О'Берин, прибывшему ко двору как шут ее отца, но король Ричард произвел его в советники, а королева Катарина удостоила его титула лорда. Это оскорбило всех пэров страны, тем что она ввела в их среду какого-то карлика, да еще и низкородного, так как она не доверяла никому из них. И тогда Логайр отправил своего младшего сына Туана, давно ухаживавшего за Катариной, еще до смерти ее отца, попросить ее обручиться с ним, пойти с ним к алтарю и стать его женой. И она назвала это гнусной изменой, заявив, что он добивается короны под видом ее руки, и изгнала его из страны и пустила плыть в челне по воле волн, дабы встречный ветер отнес его в Дикие Земли, жить среди чудовищ и зверолодей, хотя все его преступление заключалось в любви к ней. И тогда отец его исполнился гневом, и все лорды вместе

с ним, но Логайр воздержался от любых действий, и так же пришлось поневоле поступить и им всем; но сын его, Туан, приплыл обратно к берегу и снова прокрался в страну, ночью, и не отправился в изгнание.

А затем королева Катарина собрала всех своих лордов в большом зале в Раннимиде и сказала им: «Послушайте, вы, кажется, берете парней прямо от сохи и ставите их священниками над вашими людьми, чтобы они верней выполняли вашу волю; и знайте же, что подобные деяния не угодны Господу Богу и оскорбляют вашу королеву; и поэтому отныне я буду назначать всех ваших священников и присылать их вам и не потерплю никаких возражений». Тогда лорды и впрямь разгневались, но Логайр воздержался от действий, и они остановились. И все прошло, как сказала королева, и души ее народа наставляли монахи, присланные ею из Раннимиде, хотя они часто утверждали священников, поставленных в приходах лордами; и все же некоторые среди тех сделались ленивыми и даже грешили; и таких монахи королевы смещали и ставили вместо них других из своей среды.

Потом королева снова созвала всех своих лордов и сказала им: «Послушайте, я видела, как вершится правосудие в ваших владениях, как вами самими, так и назначенными вами судьями; и увидела я, что правосудие отправляется вами не одинаково; так как в Габсбурке на востоке руку отрубают за кражу хлеба, тогда как в Логайре на юге за убийство всего лишь объявляют вне закона; и увидела я, что народ мой из-за этого становится своенравным, и в замешательстве хочет покинуть пути праведные. И поэтому вы не будете больше отправлять правосудие, равно как и ставить других судить ваших людей вместо вас; но всех будут судить присланные мною люди; из моего двора в Раннимиде». И тогда все лорды и впрямь вскипели гневом, и свергли бы ее с трона; но герцог Логайр удержал их и отвратил лицо свое от королевы и удалился в свои владения, и также поступили и все остальные; но некоторые среди них начали замысливать измену, и старший сын Логайра Ансельм сделался одним из них.

Затем однажды ночью прогремел гром и прокатился по всему миру, хотя небо было ясное, а луна яркая и полная, и народ подымал головы и дивился, и видел, как звезда упала с небес, и отворачивался, теряясь в догадках и молясь, чтобы это оказалось знамением, предвещающим исцеление страны Грамарий, каковым оно поисти-

не и было; так как звезда пала на землю и из нее вышел Верховный Чародей, Род Гэллоутглас, рослый среди сынов человеческих, с высоким челом, благородной наружностью, с золотым сердцем, полным смелости, и стальными мышцами, милостивый ко всем, строгий, но справедливый, с разумом, подобным попавшему в кристалл солнечному свету, ясно понимающий все действия всех людей, и лик его был краше, чем у всех прочих.

Он явился к королеве, но та не узнала его, и мнила его лишь одним среди ее солдат; и все же в воздухе, ее окружающем, носился яд, и он узнал это и изгнал его; и благодаря этому она узнала его. И она отправила его на юг, охранять ее дядю, так как знала о готовящемся заговоре, и не только против нее самой. И чародей сделал, как она ему велела, и взял с собой слугою великана Тома. И они явились в Логайр тайком, в обличье менестрелей, и все же никто не слышал их пения. А в замке Логайра обитали духи, и Верховный Чародей подружился с ними.

А затем Логайр созвал всех лордов королевства, и те явились к нему в его замок на юг, чтобы он мог посоветовать им воздерживаться пока от применения силы, но собравшись, они замыслили измену супротив него.

А в стране обитали ведьмы, а также и чародеи; и из уст в уста переходил слух, гласивший громче, нежели герольды, что королева принимает в своем замке всех ведьм и чародеев, которые пожелают ее заступничества, и они устраивали там много буйных пиров почь напролет, так как многие селяне алкали сжечь их на костре, и народ начал шептаться, что, дескать, королева сама в какой-то мере ведьма.

И Верховный Чародей подружился с ведьмами, даже с Гвендайлон, самой могущественной из них, а она была молода и мила, и он признался ей в любви.

А лорд Туан прибыл ночью в град Раннимид, чтобы быть ближе к королеве, хотя та пренебрегла им, и явился к нищим, и искал убежища среди них; и он научил их порядку, и они сделали его королем среди них. И все же тот среди них, кому лорд Туан доверял пуще всего, тот, кто хранил деньги и звался Пересмешником, был носителем такой же лжекороны лорда Туана.

А затем, когда все лорды собрались в Домене Логайра, то они, и Ансельм вместе с ними, открыто выступили против Логайра и отвергли его руководство, возведя Ансельма в горцоги вместо отца; и некий Дюрер, прежде

советник Логайра, обнажил против него оружие. И тогда Верховный Чародей с помощью высшей магии погасил все фонари и факелы, так что в зале Логайра наступила полная темень, так как зал его находился под землей и в нем не было окон. И Верховный Чародей вызвал обитавших в замке духов, и те прошли из собравшихся в зале, и все испытали тяжкий страх, да, даже сошедшиеся там Великие Лорды; а Верховный Чародей умыкнул Логайра и тайно доставил его к королеве в Раннимид.

И тогда лорды созвали свои армии, и все выступили в поход против королевы. Но Верховный Чародей переговаривал с обитающими в этой стране эльфами, и те поклялись сражаться на его стороне. И Верховный Чародей призвал юного Туана Логайра, и тот выступил в поход со своими нищими; и таким вот образом явились они на Бредепскую равнину; королева, Чародей и карлик с армией, состоящей из ведьм, чародеев, эльфов и нищих.

А потом при взошедшем солнце лорды построились в боевые порядки и смело поскакали в атаку, но их кони погрузились в землю, так как эльфы подкопали ее; и они метали против королевы копья и стрелы, но ведьмы отворачивали их и они падали обратно среди армий лордов, и причиняли там немало вреда. А затем лорд Туан повел в атаку своих нищих, и отец его шел рядом с ним закончить начатое ведьмами, и на всем поле началась сплошная свалка. И в сей клубящейся массе поднялся великан Том и прорубил тропу к лордам и всем их советникам, и нищие последовали за ним, и перебили всех этих ратников и советников, и взяли в плен лордов, но великан Том погиб в той резне, и Чародей скорбел по нему, и нищие тоже.

После королева казнила бы лордов или надела бы на них цепи рабства, но Чародей выступил против сего, и королева взглянула на его омрачившееся подобно грозовой туче чело, и узнала страх. Но Туан Логайр встал на ее сторону и воспротивился Чародею; но Чародей свалил его самым низменным ударом, и ударил в знак возмещения королеву, и умчался на своем заговоренном скакуне, которого не мог догнать ни один смертный конь; и все же лорд Туан несмотря на мучительную боль, выпустил из арбалета стрелу и пронзил ею уносившегося Чародея.

И тогда королева Катарина назвала лорда Туана опорой ее силам и защитником ее чести, и призналась ему в любви, и отдала ему лордов, предложив поступить с

ними, как пожелает. И тогда лорд Туан освободил их, но взял в заложники их наследников, а их армии забрал в пользу короны. И отвел он королеву Катарину к алтарю, и стал таким образом нашим королем, и царствовал вместе с королевой Катариной.

Но Чародей отыскал ведьму Гвендайлоп, и та извлекла из него стрелу лорда Туана, и заговорила рану так, что та не причинила никакого вреда, и Чародей признался ей в любви, и привел ее к алтарю.

А лорды вернулись в свои домены, и правили там справедливо, так как за ними надзидало королевское око, и все стало мирно и тихо в стране Грамарий, и к пароду ее вернулось довольство.

Так обстояли дела два с лишним года и люди начали снова доверять своим лордам, и опять смотреть на своих собратьев по-доброму.

А затем ночной ветер долетел с южного берега, воя и стеная, и неся звуки войны...»

Чайлдовская «Хроника царствования Туана и Катарины».

«Согласно анналам, эту планету колонизировала группа чокнутых, одевавшихся для забавы в доспехи и устраивавших турниры; они называли себя «Романтическими Эмигрантами». Такого рода группа действовала как селекционный механизм, притягивая людей со скрытыми психическими способностями. Собери их всех вместе на одной планете и дай в течение нескольких веков заключать браки исключительно между собой, и получив эсперов — и именно это они и получили здесь. Конечно, лишь небольшой процент населения, но у меня есть основания считать, что остальные — скрытые эсперы. Последние, однако, считают себя нормальными и называют эсперов «ведьмами», если те женщины, и «чародеями», если те мужчины.

И что еще хуже, тут есть туземная плесень, реагирующая на мысли проецирующих телепатом; местные окрестили ее «ведьминым мхом», потому что если «ведьмы» нужной разновидности задумают что-то, направляя мысль на него, то он превращается во все, что они пожелают.

Поэтому неведающие про то, что они — ведьмы, сидят, рассказывая детям сказки, и не успеешь оглянуться, как весь ландшафт кишит эльфами, духами и вервольфами — как-нибудь покажу укусы у меня на теле.

Кроме того, по-моему, это местечко — золотое дно средств связи, и именно тех, что требуются нашему за-

мечательному Децентрализованному Демократическому Трибуналу. Демократия не может выжить, если ее территория, ставшая чересчур большой для скорости ее средств связи, а по последним сделанным мною прикидкам ДДТ достигнет критических размеров примерно через сто пятьдесят лет. Если я смогу добиться установления на этой планете демократии, то на ней есть именно то, что нужно ДДТ — средства мгновенной связи на любые расстояния. Все известные мне предположения о телепатии говорят, что она действует мгновенно, безотносительно к расстоянию, и увиденное мною на данной планете подтверждает это.

Но если эта планета жизненно важна для успеха демократии, то для тоталитаристов и анархистов равно важно не подпустить к ней демократов — и именно это они и пытаются сделать. Тоталитаристы представлены пролетарской организацией, называемой Дом Хлодвига, которая пытается объединить нищих и мелких преступников, да притом делает это весьма успешно. Анархисты же воздействуют па знать: у каждого из двенадцати Великих Лордов есть советник, являющийся, как я весьма уверен, одним из анархистов.

Откуда они взялись? Они могли прибыть тайно с другой планеты — но я нашел один механизм, который не может быть ничем иным, кроме машины времени, и у меня есть веские причины считать, что где-то есть и другая подобная машина.

А вот расстраивает меня в этом местечке фактор неопределенности. Учитывая местный генетический состав и телепатически чувствительную плесень, может случиться практически все что угодно — а это означает, что если я подожду достаточно долго, то так, вероятно, и произойдет...»

Выдержка из «Доклада о Гамме Бета Кассиопеи (местное название «Грамарий»), присланное Родни д'Арманом, агентом Почтенного Общества по Искоренению Складывающихся Корпоративностей.

Над бурным морем стелился густой, почти непроницаемый туман. Издалека приглушенно докатывался бесконечный грохот волн, разбивающихся о прибрежные скалы.

Кружившая высоко в небе певедомая птица издавала заунывные сторожевые крики.

Дракон пробился сквозь клубящийся туман, высоко держа свою безобразную голову.

У дракона был огромный клюв и высокий ребристый плавник вместо гребня. Из лба торчали два длинных прямых рога.

В тумане позади него вырисовывались еще четверо ему подобных.

По бокам у чудовищ висели круглые, ярко раскрашенные щиты.

Из-за щитов высупились весла и стали дружно подыматься и опускаться, всенивая волны.

Единственное крыло ведущего дракона было плотно обмотано вокруг поперечины, прикрепленной к торчащей из его спины высокой мачты.

Около мачты безмолвно рыскали приземистые фигуры в шлемах.

На берегу застонал прибой, когда дракон провел своих собратьев мимо прибрежных скал в порт.

* * *

Ребенок пронзительно закричал, зовя мать, и бился, закутавшись в тяжелом меховом одеяле.

Затем появилась лампа, всего лишь огарок на блюде, но несущая тепло и безопасность, отбрасывая желтый свет на усталое, нежное лицо матери.

Женщина взяла на руки дрожащее, рыдающее тельце, шепча: «Ну, успокойся, милый, успокойся. Мама здесь. Она не даст тебя в обиду».

Она крепко прижала к себе ребенка, глядя его по спине, пока не прекратились рыдания. «Успокойся, Артур, успокойся. Что случилось, дорогой?»

Ребенок шмыгнул носом и поднял голову с ее плеча. «Бука, мама. Гнался за мной и грозил большим-большим ножом!»

У Этель сурово сжался рот. Она обняла ребенка покрепче и глянула на пламя светильника.

— Буки далеко за морем, дорогой. Они не могут явиться сюда.

— Но Карл говорит...

— Знаю, знаю. Мама Карла грозит, что бука заберет его, если он будет плохо себя вести. Но то просто глупая сказка, милый, чтобы пугать глупых детей. А ты ведь у меня не глупый, правда?

Артур на некоторое время умолк, а затем пробормотал в складки материнской рубахи:

— Э... да, мама...

— Конечно, не глупый. — Она потрепала его волосы, уложила в постель и натянула до подбородка меховое одеяло. — Ты у меня храбрый мальчик. Мы оба знаем, что бука нас не тронет, правда?

— Да, мама, — неуверенно согласился мальчик.

— Спи спокойно, милый, — пожелала мать и тихонько закрыла за собой дверь.

От оставленной на столике свечи плавно плясали тени. Некоторое время ребенок лежал с открытыми глазами, наблюдая медленный балет света и тьмы.

Артур вздохнул и перевернулся на бок. Глаза его уже закрывались, когда он случайно посмотрел на окно.

Перед ним было огромное безобразное лицо с маленькими сверкающими глазками, комом мяса вместо носа и ртом-щелью, обрамляющим большие квадратные желтые зубы. Из-под блестящего крылатого шлема выбивались лохматые длинные волосы.

Он ухмыльнулся при виде ребенка, пороссячьи глазки так и плясали.

— Мама! Мамамамама! Бука!

Бука зарычал и пробил крепкую деревянную стену тремя ударами огромной окованной железом дубины.

Ребенок с криком побежал к двери спальни. Тяжелая дверь не поддавалась. Мальчик все кричал и дергал дверную ручку.

Бука пролез через пролом в стене.

Дверь широко распахнулась и мать, оцепенев, уста-

тылась на чудовище, схватила ребенка и в ужасе закричала, зовя мужа. Прижав к себе ребенка, она резко повернулась и убежала.

Бука издал глухой гадкий смешок и последовал за ними.

В это же время в другом доме такой же зверочеловек схватил ребенка за ножки и с размаху ударил его головой о стену; подняв огромную дубину, чтобы отбить отцовский меч, а затем крутанул дубиной, ударив отца по животу, и взмахнув ею, ударил его в висок. Хрустнула кость, потекла кровь.

Жена убитого попятилась, истерично крича, когда зверочеловек поднял упавший отцовский меч. Повернувшись к ней, он оттолкнул ее в сторону беззаботным отмахом дубины и одним ударом вскрыл семейный сундук.

В первом доме огонь свечи, сплибленной зверочеловеком, лизнул сухой деревянный пол и устремился на стены.

Другие дома уже горели.

Женщины и дети с визгом бежали, а посмеивающиеся зверолоуды преследовали их.

Мужчины деревни хватали гарпуны и топоры, тщетно пытались защитить жен и детей.

Зверолоуды разбивали им головы окованными железом дубинками, раскраивали груди огромными острыми как бритва секирами и шли дальше, оставляя за собой расчлененные тела.

Затем послышалась дробь копыт — в деревню ворвался кавалерийский отряд; пожар встревожил местного барона. Тот сидел теперь во главе двух десятков всадников, преградивших путь зверолоудам.

— Пики на руку! — взревел он. — Вперед!

Зверолоуды захохотали.

Пики дружно опустились, шпоры вонзились в бока копей, кавалерия атаковала... и запнулась словно наткнувшись на невидимую стену.

Каждый зверочеловек метал взгляд с одного солдата на другого, на третьего, потом обратно на первого, держа долю секунды взгляд каждого.

У всадников отвисли челюсти и остекленели глаза. Пики выскользнули из онемевших пальцев.

Лошади медленно подались вперед, запнулись, снова шагнули. Всадники же сидели, не двигаясь, опустив плечи, с болтающимися руками.

Поросышки глазки зверолоудей сверкнули огнем. Их

безобразные лица искривились в ликующих ухмылках, а головы закивали в нетерпеливом понукании.

Спотыкаясь, шаг за шагом, лошади двинулись вперед.

Зверолюди издали победный вопль, когда их дубины обрушились, проламывая черепа лошадей. Взметнулись ввысь и обрушились секиры, вонзаясь глубоко во всадников. Люди падали, хлынула фонтаном кровь. Летели головы, трещали под большими лапами кости. Зверолюди, посмеиваясь, прошли сквозь освежеванную кавалерию, как нож проходит сквозь масло, и вломились в дверь деревенского амбара.

Барон Байчи, вассал герцога Логайра, лежал обезглавленный в грязи, и его кровь хлестала, смешиваясь с кровью кавалеристов, прежде чем ее впитала в себя жаждающая почва.

А женщины и дети деревни, сбившись в кучу на склонах за околицей, беспомощно глядели, разинув рты на свои горящие дома в то время, как корабли-драконы огибали песчаную отмель, оседая в волны от тяжести добычи.

И когда длинные суда прошли мимо мыса, ветер донес до сельчан эхо утробного смеха.

* * *

Известие принесли в столицу Раннимид к королю Туану Логайру. Король был разгневан, но не показал вида.

Королева же вскипела яростью.

— Как же так! — бушевала она. — Сии дьявольские отродья опустошают огнем и мечом деревню, убивают мужчин и бесчестят женщин, и, вероятно, увозят в рабство детей — а вы что же делаете? Уж, конечно, не мстите!

Ей едва минуло двадцать, и король был ненамного старше ее, но он сидел прямой, как посох, с серьезным и спокойным лицом.

— Сколько всего убитых? — спросил он.

— Почти все мужчины деревни, Ваше Величество, — ответил гонец; горе и ужас явственно проступали на его лице. — Сто пятьдесят. Четырнадцать женщин и шестеро детей. И двадцать добрых всадников и барон Байчи.

Королева в ужасе уставилась на гонца.

— Сто пятьдесят, — прошептала она. — Сто пятиде-

сят. — Затем громче: — Сто пятьдесят вдов за одну ночь! И дети, шестеро убитых детей!

— Да смиростивится господь над их душами, — склонил голову король.

— Да, молись, молись! — резко бросила королева. — Молись в то время, как твои люди лежат изувеченные и истекающие кровью! — Она круто повернулась к гонцу. — А сколько обещанных?

— Никого, — склонил голову гонец. — Хвала Господу, никого.

— Никого, — почти механически повторила королева.

— Никого? — Она стремительно повернулась к мужу. — Да что же за оскорбление такое, они презирают наших женщин!

— Возможно, они устрашились появления наших солдат... — пробормотал гонец.

Королева наградила его всем тем презрением, какое смогла втиснуть в один беглый взгляд. — И! коли так, то они еще менее мужественны, чем наша порода, а наши мужчины, видит небо, достаточно хлипкие.

Гонец застыл. Лицо короля одеревенело.

Он медленно наклонился вперед, вперив взгляд в гонца.

— Скажи мне, любезный, как вышло, что целый отряд конницы не устоял перед этими пиратами?

Королева скривила губы.

— Да как еще и такое могло случиться?

Король сидел, не шевелясь, ожидая ответа.

— Колдовство, Ваше Величество. — Голос гонца задрожал. — Гнусное, черное колдовство. Всадники скакали, обреченные на смерть, так как враг наслал на них Дурной Глаз.

В помещении наступила тревожная тишина. Даже королева умолкла, так как на этой отдаленной планете суеверие могло незамедлительно стать реальностью.

Король нарушил молчание первым. Он пошевелился на троне и повернулся к тайному советнику.

Королю пришлось опустить взгляд: плечи у лорда Брома О'Берина были не менее широкими, чем у короля, но ростом он достигал едва ли двух футов.

— Бром, — распорядился король, — отправь пять рот королевской пехоты, по одной на каждого из великих лордов, чьи владения граничат с морем.

— Всего по одной роте каждому! — так и взорвалась королева. — Ты хочешь так легко отделаться, мой доро-

гой муж? Ты можешь выделить лишь столько своих отборных сил?

Король поднялся и обратился к стоявшему поодаль рыцарю.

— Сэр Мэрис, выводите три роты королевской гвардии. Четвертая останется здесь для охраны Ее Величества королевы Катарины. Пусть три роты соберутся через час во дворе замка, взяв провиант для долгой и трудной дороги.

— Слушаюсь, мой государь, — поклонился сэр Мэрис.

— И велите приготовить мои доспехи.

— Доспехи! — ахнула королева. — Нет, нет, о муж мой. Что ты хочешь делать?

— Да то, что должен. — Король повернулся к ней, взяв ее руки в свои. — Я король, и моему народу угрожает опасность. Я должен ехать к пепелищу той деревни и отыскать след зверолодей. А потом я отдам приказ построить корабли и мы последуем за ними, если удастся, до их логова.

— О нет, мой дорогой повелитель! — воскликнула, цепляясь за него, Катарина. — Неужели в наших армиях недостает ратников, что и ты тоже должен ехать на смерть? О нет, милорд! Что я буду делать, если тебя... если тебя ранят?

Король привлек ее к себе и нежно поцеловал в губы.

— Ты королева, — мягко произнес он. — Ты не должна предаваться печали... Ты должна принять на себя тяжесть всей власти; таков уж жребий королей. И должна пребывать здесь, заботясь о нашем народе, пока я в отъезде. Так же как я должен рисковать жизнью ради блага своего народа, — таков уж жребий королей.

Он прижал ее к себе, поцеловал долгим поцелуем. Затем отошел, сцелив руки за спиной, постоял мгновение и направился к выходу.

Его остановил смущенный капель.

Король нахмурился и резко обернулся.

— Все еще здесь, Бром? Я думал...

— Мой государь, — перебил карлик. — Что вы приказали, я сделаю — но разве не будет больше никаких распоряжений?

Лицо короля потемнело.

В голове Брома звенела решимость.

— Если тут замешан Дурной Глаз, Ваше Величество, то дело касается ведьм.

Король отвел сердитый взгляд, сжав губы в тонкую строчку.

— Тут ты прав, Бром, — неохотно признал он. — Ладно тогда, раз надо, значит, надо. Пошли кого-нибудь к ведьмам в Северную Башню, Бром, и накажи им звать... — лицо его скривилось от недовольства, — ...Верховного Чародея.

* * *

Верховный Чародей в данное время сидел, прислонясь к дереву, беспечно и с наслаждением взирая то на восход, то — на жену. Каждый раз с трудом переводя взгляд, так как на обоих в высшей степени стоило поглядеть.

Солнце являло собой само великолепие, оранжево-золотое оно подымалось из маслянистой зелени верхушек сосен в розово-голубое небо; но его огненно-рыжая жена была олицетворением изящества и красоты, она тихо напевала, погрузив руки в лохань с водой для мытья посуды, стоя у кухонного очага в сухом тепле их домашней пещеры.

Прекрасной ее делала, конечно, не просто домашняя жизнь. Ее длинные рыжие волосы, казалось, так и плавали вокруг нее, обрамляя лицо с большими зелеными глазами, длинными ресницами, курносый носом, широким ртом с полными искушающими губами. Под белой крестьянской блузкой и длинной пышной юбкой ярких цветов скрывалась захватывающая фигура.

Конечно, фигура ее на данный момент скорее подразумевалась, чем наблюдалась, но Чародей обладал хорошей памятью.

Память эта была, пожалуй, чересчур хорошей; красота жёны иной раз напоминала ему о собственной... ну, скажем, заурядности.

Нет, вернее, некрасивости, или, скорее, невзрачности, поскольку в лице его было-таки что-то привлекательное. Он привлекал к себе так же как пленяют, пожалуй, мягкие кресла, старые каминные и пузатые печки. Собаки и дети влюблялись в него с первого взгляда.

Может быть, благодаря этим качествам он и покорила ее?

Точнее будет сказать, что она покорила его после длительной битвы с его же комплексом неполноценности, потому что если прекрасную женщину достаточно часто

предавали в прошлом, она начинает ценить надежность, теплоту и приязнь больше романтики.

Во всяком случае, будет ими дорожить, если это женщина, для которой любовь — цель, а романтика — всего лишь роскошь; и именно такой женщиной была Гвен.

Женщина, которая способна любить мужчину с добрым сердцем, хотя лицо ее представляет собой дешевый ассортимент наклонных плоскостей, рытвин и ухабов, разбросанных с экспрессионистской фантазией; и именно таким мужчиной был Род Гэллоуглас.

Тем не менее она его любила, что является с точки зрения Рода чудом, вопиющим нарушением всех известных законов природы.

Хотя он, конечно, не собирался возражать.

Он поскользился на основании спинного хребта, дал своим векам опуститься и позволил покою летнего утра просочиться в себя, убаюкивая его до дремоты.

Что-то ударило его в живот, сбив дыхание и резко приведя в сознание. Он стремительно выпрямился с ножом в руке.

— Па-па! — проворковал младенец, выглядевший очень довольным собой.

Род сумел слабо усмехнуться, поднял с травы угол дубового манежа, угол которого и угодил ему прямо в живот.

Род усталился на малыша. Маленький Магнус крепко держался за прутья манежа; он еще не совсем научился стоять.

— Отлично, Магнус! — потрепал он ребенка по головке. — Молодец, молодец!

Ребенок заулыбался, так и прыгая от восторга.

Манеж поднялся на шесть дюймов над землей.

Рот отчаянно схватился за него и вынудил опуститься, давя ладонями на крышку.

Обычно на манежах не бывает крышек. Но на этом манеже она была; ипаче младенец мог бы и улететь.

— Да, да, ты замечательный ребенок! Умница, точно! Большой молодец... Гвен!

— Чего изволишь, милорд?

Гвен подошла, вытирая руки о передник.

Тут она увидела манеж.

— О, Магнус! — произнесла она тем тоном болезненного разочарования, какой дается только матерям.

— Нет, нет! — быстро заступился Род. — Он молодец, Гвен, не правда ли? Я только что говорил ему, ка-

кой он хороший мальчик. — Хороший мальчик, хороший мальчик!

Ребенок изумленно уставился на родителей, наморщив лобик.

Выражение лица матери было почти таким же.

У нее расширились глаза, когда она вычислила единственный способ, каким переместился из пещеры манеж, пока она стояла к нему спиной.

— О, Род!

— Да, — Род усмехнулся с больше чем оттенком гордости. — Развит не по годам, не правда ли?

— Но... но, милорд! — Явно изумленная Гвен покачала головой. — Только ведьмы могут передвигать предметы, но и то — не самих себя. Чародеям такое не по силам!

Род поднял крышку манежа и взял сына на руки.

— Ну, он не мог проделать этого с помощью леви... э, летая, не так ли?

— Да, у него не хватило бы сил поднять вместе с собой и манеж. Но чародеи не могут...

— Ну а этот может. — Род улыбнулся малышу и пощекотал его под подбородком. — Как насчет этого? Я — отец гения!

Ребенок заворковал и выскочил из объятий Рода.

— Э-э! А ну-ка вернись сюда!

Род подпрыгнул и вцепился в толстеплечую лодыжку, прежде чем ребенок смог уплыть, подхваченный утренним ветерком.

— Ах, Магнус! — Гвен взяла малыша на руки. — Ах ты мой храбрец! Ты наверняка, будешь самым могучим чародеем, когда вырастешь!

Ребенок улыбнулся в ответ. Он был не совсем уверен, что поступил правильно, но спорить не собирался.

Род отнес дубовый манеж обратно в пещеру, переполненный отцовской гордостью. Он изумлялся сыночку — манеж-то был тяжелый!

Он взял моток веревки и начал привязывать манеж.

— Этот малыш! — покачал головой Род. — Ему едва год минул... он еще и ходить-то не умеет, а... Гвен, в каком возрасте начинают левитировать?

— Леви... А, ты имеешь в виду летать, милорд! — Гвен вернулась в пещеру с ребенком, оседлавшим ей бедро. — Юные чародеи начинают летать, милорд, с двенадцати-тринадцати лет.

— А этот малыш начал в девять месяцев. — У Рода

чуть выпятилась грудь и немного закружилась голова. — А в каком возрасте маленькие ведьмы начинают летать на метле?

— В одиннадцать лет, милорд, или, может, в двенадцать.

— Ну, в этом Магнус тоже намного опередил график, если учесть, что он летал с манежем — чародеям вообще не полагается летать на метле. Что за ребенок!

Он не упомянул, что эти великолепные способности явно результат мутации.

Он потрепал малыша по головке. Ребенок обхватил круглым кулачком отцовский палец.

Ред перевел сияющий взгляд на Гвен.

— Когда он вырастет, из него выйдет отличный агент.

— Милорд! — озабоченно свела брови Гвен. — Ты ведь не заберешь его с Грамария?

— Упаси Господь! — Род взял Магнуса и подбросил его в воздух. — Здесь хватит работы, прямо-таки созданной для него.

Магнус взвизгнул от восторга и уплыл к потолку.

Род исполнил прыжок в высоту, сделавший бы честь и прыгуну с шестом, и схватил блудного сына.

— Кроме того — кто знает? — возможно, он даже не захочет вступить в ПОИСК.

Род служил агентом Почтенного Общества по Искоренению Создающихся Корпоративностей, подрывного крыла многопланетного Децентрализованного Демократического Трибунала, первого и единственного межзвездного человеческого правительства в истории, базирующегося не на Земле. Сенат собирался с помощью электронных средств связи, а Исполнительная Власть пребывала на борту звездолета, находившегося обычно между планетами. Тем не менее это было самое эффективное демократическое правительство из всех когда-либо установленных.

ПОИСК был организован отвечающей за возвращение в лоно Утерянных Колоний прежних земных империй. Род находился с постоянным заданием на Грамарие, планете, колонизированной когда-то мистиками, романтиками и прочими беглецами от суровой действительности. Культура на этой планете была средневековой, народ был суеверный, а небольшой процент населения обладал «колдовскими силами».

Вследствие этого ДДТ вообще и ПОИСК в частности испытывали огромный интерес к Грамарию, так как

местные «ведьмы» и «чародеи» были эсперами. Иные обладали одним набором пси-способностей, некоторые — другим, но все были в какой-то степени телепатами. А поскольку эффективность (и следовательно, жизнеспособность) демократии напрямую зависит от скорости ее средств связи — а телепатическая связь осуществляется мгновенно — ДДТ очень дорожил своей единственной колонией эсперов.

Поэтому Роду поручили охранять планету и осторожно подталкивать ее политическую систему на путь, который должен в конечном итоге привести к демократии и полному членству в ДДТ.

— Эй, Векс, — позвал Род.

Большой черный конь, пасшийся на лугу перед пещерой, поднял голову и посмотрел на хозяина. Его голос прозвучал из маленького паушика, скрытого за ухом Рода.

— Да, Род?

Род фыркнул.

— Для чего ты щиплешь траву? Кто ж слышал когда-либо о роботе, сжигающем углеводы?

— Надо соблюдать внешний вид, Род, — упрекнул его Векс.

— Скоро ты скажешь, что надо соблюдать внешние приличия! Слушай, ситоголовый, — важное событие! Сегодня малыш провернул свой первый фокус с телекинезом!

— С телекинезом? Я думал, это умение, связанное с женским полом, Род.

— Ну, совершенно неожиданно выясняется, что это не так. — Он положил ребенка в манеж и задраил крышку, прежде чем Магнусу предоставилась возможность улететь. — Как тебе это понравится, Векс? Этот малыш будет чемпионом!

— Для меня будет огромным счастьем служить ему, — пробормотал робот-конь, — так же, как я служил пятьсот лет его праотцам, со времен первого д'Армана, основавшего...

— Э, Векс, пропусти семейную историю.

— Но, Род, это же важная часть наследия мальчика; ему следует...

— Ну, тогда подожди с этим, пока он не научился говорить.

— Как пожелаешь. — Механический голос сумел каким-то образом изобразить вздох. — В таком случае,

Род, мой долг уведомить тебя, что у вас скоро будут гости.

Род застыл, глядя на коня, вскинув бровь.

— Что ты видишь?

— Ничего, Род, но я замечаю звуки, характерные для двуногого небольшого существа, пробирающегося в высокой траве.

— А, — успокоился Род. — Это эльф идет через луг. Ну, они всегда желанные гости.

Из травы у входа в пещеру выскочило восемнадцатидюймовое тело.

Род усмехнулся.

— Добро пожаловать, ночной бродяга шалый.

— Пак! — завизжала Гвен и обратилась к гостю: — Безусловно, ты самый...

Она остановилась, увидев выражение лица эльфа.

Род тоже отрезвел.

— Чего хорошего, Пак?

— Ничего, — мрачно ответил эльф. — Род Гэллоутлас; ты должен явиться, и побыстрей, к королю!

— Ах, я, значит, должен, да? С чего вдруг такая спешка? Из-за чего вся эта паника?

— Зверолюди! — выдохнул запыхавшийся эльф. — Они напали на побережье герцогства Логайр!

* * *

Королевская гвардия устремилась на юг с королем во главе.

На обочине дороги сидел на пасущемся коне одинокий всадник, наигрывая на свирели негромкую и печальную мелодию.

Туан нахмурился и сказал ехавшему рядом с ним рыцарю:

— Что такое вон с тем парнем? Неужели он настолько упоен собственной музыкой, что не видит приближения вооруженных всадников?

— И неужто он не видит вашей короны? — откликнулся рыцарь, исполненно выражая словами то, что думал его государь. — Я его разбужу, Ваше Величество. — Он прищпорил коня и повернул легким галопом к всаднику. — Эй, парень! Ты что, не видишь приближения Его Величества?

Всадник поднял голову.

— И верно, это он! Слушай, ну разве не удачное совпадение? Я как раз о нем и думал.

Рыцарь уставился на всадника, а затем осадил коня.

— Ты — Верховный Чародей!

— Верховный? — нахмурился Род. — В этом нет ни слова правды, любезный рыцарь. Я не верховный, но команду даже взводом, поскольку я не на взводе, а совершенно трезв — с прошлой пятницы даже не думал о крепких напитках.

Рыцарь нахмурился, раздражение в нем брало верх над благоговейным страхом.

— А, ты такой же невоспитанный, как виллан! Знай же, что король Туан возвел тебя в лорды, отныне ты носишь звание Верховного Чародея!

— Именно так, — подтвердил, подъезжая к ним, король. А затем довольно неохотно добавил: — Рад встрече, Лорд Верховный Чародей — так как наш бедный остров Грамарий нуждается в твоём искусстве и твоей мудрости.

Род склонил голову.

— Я всегда послушен зову моего приемного отечества. Но почему я получаю в связи с этим высокий титул? Я б явился с такой же быстротой и без него.

— Он твой по праву, не так ли? — Губы Туапа сжались в тонкую строчку. — И он достойно утверждает твоё положение. Люди лучше сражаются, когда знают, от кого получают приказы, и кто отдаёт их.

— Мягко сказано, — признал Род. — Если хочешь чего-то добиться, надо иметь четкий блок алгоритма. Совершенно верно, Ваше Величество, мне следовало бы знать, что в вашем суждении лучше не сомневаться.

Туан поднял брови.

— Любезно, не ожидал услышать такое от тебя.

— А следовало бы, — усмехнулся Род. — Я всегда отдаю дань уважения, когда его заслуживают.

— И воздерживаешься, когда нет? — нахмурился Туан. — Выходит, я столь редко достоин уважения?

Род снова усмехнулся.

— Только когда пытаешься использовать власть, которой не обладаешь — что случается не так часто теперь, когда ты король. И конечно, когда ты поддерживаешь тех, кто не прав.

Туан стал ещё мрачнее.

— Когда же я так поступал?

— Как раз перед тем, как получил от меня коленом

в пах. Но должен признать, что королева больше не пытается разыгрывать из себя бога.

Туан покраснел, отворачиваясь от Рода.

— И конечно же, ты тогда пытался быть ее рыцарем и говорил безапелляционным тоном. — Род не обращал внимания на сигнал опасности. — На что ты не имел права — в то время. На самом-то деле, у тебя его по-прежнему нет.

— Разве? — резко бросил Туан, разворачиваясь лицом к Роду. — Я теперь король!

— Это означает, что тебе полагается быть первым среди равных. Титул не делает тебя всесильным... и не дает тебе права издавать законы, если твои бароны против них.

— Ты не должен так говорить со мной...

— Ну да, ты это ты, — признал Род. — А вот Катарина...

— На королеву редко не воздействуют мои советы, — процедил сквозь зубы Туан. — Сделанное нами.. Мы делаем все сообща.

— Значит, вы оба организовали поход на юг для борьбы со зверолюдью?

Туан сумел не потерять нить разговора, хотя был очень расстроен.

— Мы обсудили это и пришли к согласию. Я не говорю, будто нас радует такое будущее.

— Ну, скажи правду, — предложил Род. — Или ты действительно собираешься утверждать, будто тебе не по душе быть снова в чистом поле?

Захваченный врасплох, Туан воззрелся на него. А затем застенчиво улыбнулся.

— Воистину, у меня сердце поет, когда я гляжу на открытые поля и чувствую на плечах доспехи. Признаться, не так уж плохо убраться прочь от палат и совещаний.

Род кивнул.

— Именно этого я и ожидал; ты прирожденный генерал. И все же не могу понять, как тебе удастся быть при этом еще и хорошим королем.

Туан нетерпеливо пожал плечами.

— То похоже на руководство битвой, за исключением того, что отдаешь приказы «войскам», состоящим из лордов и баронов.

— Но для этого требуются совершенно иные знания.

— Ими обладает Катарина, — очень честно ответил Туан. — Мне нужно лишь подкреплять ее суждения

своими речами и отдавать ее приказания так мудро, чтобы они не вызвали бунта.

И это правда, размышлял Род. Половина учиненных Катариной обид были вызваны, скорее, тем, как она говорила с вассалами, нежели тем, что она говорила.

— Ну, ты только что вновь заслужил мое уважение.

— Чем? — нахмурился Туан. — Правлением?

— Нет, прямою. Но бремя монархии нести Вам, Ваше Величество. Теперь же Ваши знания как никогда необходимы. Что вы предполагаете предпринять в связи с этими набегами?

— Отправиться туда, где они побывали, ожидая, что они снова нанесут удар, и неподалеку оттуда, где ударили впервые, — ответил Туан. — Когда пчела находит цветок, полный нектара, разве она не возвращается на то же место найти поблизости новые цветы?

— Да, и обычно с другими пчелами. Как я замечая, ты и сам привел с собой немало помощников с жалами.

Туан оглянулся на свою армию.

— Зверолюдям будет трудновато одолеть эти отважные сердца.

— Судя по услышанному мной сообщению, опасности подвергаются не сердца, — заключил Род.

Род повернул Векса и последовал за Туаном и сопровождающими короля рыцарями. Они подъехали к войску. Колонна снова тронулась на юг. Туан кивнул, продолжая прерванный разговор:

— Ты говоришь о Дурном Глазе.

— Да, — согласился Род. — Ты не доверяешь этой версии?

Туан пожал плечами.

— Самое мудрое считать это правдой и беречься его, по возможности. — Он пронзил Рода пристальным взглядом. — Какое есть средство от него?

— Понятия не имею, — пожал плечами Род. — Никогда раньше с ним не сталкивался. Совершенно не представляю, как он действует. При всем, что я знаю, возможно, зверолюди так уродливы, что, взглянув на них, всякий тут же цепенеет от ужаса.

Туан покачал головой.

— Нет. Думаю, тут дело в магии, а не просто в страхе.

— Ну, я скорее предполагал про «отвращение» и ужас. И конечно, само сообщение может быть не слишком точным. От кого оно, собственно, исходит?

— От матерей и стариков — свидетелей резни, бежав-

ших с пепелища. И от трех чудом оставшихся в живых пехотинцев, получивших тяжкие раны: сказали они не много, но то малое, что они рассказали, подтверждает сообщение — их сковал Дурной Глаз.

— В обоих случаях не совсем идеальные данные для изучения врага, — задумчиво проговорил Род. — И не хватает сведений для разработки какого-то противодействия. И все же зверолюдям, кажется, надо посмотреть жертве в глаза, чтобы заставить оцепенеть; поэтому следует передать всем, чтоб смотрели на их руки, шлемы, зубы — на что угодно, кроме глаз.

— Ну, это лучше, чем ничего, — вздохнул Туан. — Но я хотел бы найти лучшее средство, лорд Чародей. Солдату тяжеломерно избегать взгляда врага при рукопашной схватке.

— Ну, это самое лучшее, что я могу предложить на данный момент, — пробурчал Род. — Если они нападут опять, я постараюсь приобрести кое-какой опыт из первых рук. Тогда, может быть, я и...

— Нет. — Туап резко натянул поводья и посмотрел Роду прямо в глаза. — Ты должен усвоить к своему огорчению, лорд Гэллоуглас, так же как пришлось усвоить и мне: ты теперь слишком ценен, для того чтобы рисковать собой в рукопашной схватке. Ты будешь стоять в стороне вместе со мной, где-нибудь на возвышенности, и руководить битвой.

Приунывший Род понял, что Туан прав: армия лучше сражается, когда у нее есть мудрое командование.

— Ваше Величество, конечно, как всегда правы. Я не буду лезть в рукопашную, до тех пор пока в нее не лезете Вы.

Туап скептически поглядел на него.

— Не думай, будто это тебе поможет. Я паучился терпению.

С наблюдательностью у него тоже обстояло не так уж плохо; три года назад он бы не уловил сарказма.

— Однако все это предполагает, что у нас будет время выбрать себе поле боя, прежде чем начнется сражение — тем же тоном продолжал Род.

— А. — Туап снова потянул поводья. — Вот это и есть твоя задача.

— О? — покосился на него Род. — Мне полагается магически переправить всю армию на избранное тобой место?

— Нет. Тебе надо известить о приближении налетчи-

ков заблаговременно, чтобы мы могли опередить их и прибыть первыми на место, где они нападут.

— О. — Губы Рода сохраняли форму буквы и после того, как прекратился звук. — Это все, что мне надо сделать, да? Ты не против разъяснить мне, как? Мне полагается поставить часовых, расхаживающих по морю в миле от берега?

— Да, если ты сможешь использовать чары, которые не дадут им утонуть.

— О, нет ничего легче! Они называются «гребные шлюпки». — Род нахмурился. — Погоди-ка. Эта мысль не лишена здравого смысла.

— Да, похоже. — Туан повернулся к нему. — Цепь часовых на наблюдательных судах будет следить за появлением вражеской флотилии. Но как они подымут тревогу?

— Они могут подгрести к берегу.

— Зверолюди подгребут быстрее; их будет больше, да и наверняка, они рассчитают, что ветер будет помогать им. Они догонят твоих часовых и убьют!

— Верно, — нахмурился Род. — Ну, а что если часовым будет чародей? Тогда он сможет телеп... э, лично явиться на берег и оставить им пустую шлюпку.

— Дельная мысль, — кивнул Туан. — Но ведь твои чародеи слышат мысли. Разве они не смогут быстрее поднять тревогу, если на берегу будет другой чародей или ведьма, слушающие его мысли?

— Верно. Так будет быстрее, п... минуточку! — Род стукнул себя по лбу ладонью. — Да что такое со мной случилось? Извините, Ваше Величество, я сегодня туго соображаю. Зачем посылать чародея в море? Почему бы просто не велеть ему оставаться на берегу и прислушиваться к мыслям приближающихся зверолюдей?

— Нет, воистину! — зажмурил глаза Туан. — Мне и вправду нужен Верховный Чародей, чтобы растолковать это? Куда я-то дел свой разум?

Существовала неплохая версия, что он оставил его в королевском замке Раннимиде, но Род счел аполитичным говорить про это. Кроме того, Туан мог бы ответить, что голова Рода была полна в данный момент рыжими локонами и их хозяйкой.

Затем король открыл глаза, и в них сквозило сомнение.

— И все же ты уверен, что они думают?

— Такое определенно возможно. Может быть, если я

выйду на западное побережье и крикну «cogito, ergo sum», они все исчезнут.

— То такое мощное заклинание?

— Нет, всего лишь благое пожелание; я ставлю Декарта впереди армии. — В ухе у Рода раздалось короткое неприятное гудение. Векс невысоко оценивал его чувство юмора. — Однако, серьезно, Ваше Величество, с этим трудностей возникнуть не должно. Все живое и тем болеедвигающееся собственными силами обладает хоть какой-то первичной деятельностью. Я встречал одну юную ведьму, способную прочесть мысли дождевых червей.

— Но смогут ли чародеи расслышать мысли, достаточно удаленные, чтобы дать нам время установить боевой строй там, где зверолоуды высадятся?

— Об этом тоже не надо тревожиться. Я встречал и другую юную леди, которая как-то раз услышала мысли одного из дино... гигантских ужасных ящеров с материка. Потом три дня была сама не своя...

— Значит, будем считать, твои сторожевые силы готовы.

Род нахмурился.

— Да, но у меня только что возникла еще одна неприятная мысль: как же вышло, что ни одна из ведьм не услышала мыслей зверолоудей раньше?

Это озадачило и Туана. Он нахмурился и несколько секунд обдумывал сказанное. А затем поднял взгляд, широко улыбаясь.

— Может их вообще не было?

Род с миг сидел, не двигаясь. А затем вздохнул и пожал плечами.

— Почему бы и нет? Возможно. Во всяком случае, на Грамарие.

Здесь процветала местная разновидность плесени, отличающаяся очень высокой чувствительностью. Дело не в том, что можно было задеть ее чувства или еще что-либо подобное; но если проецирующий телепат достаточно упорно направлял на нее свою мысль, то она превращалась в то, что бы он не задумал. Да, было очень даже возможно, что зверолоудей раньше не существовало. Для их появления требовалась всего-навсего старая бабка, не ведающая собственных колдовских сил, рассказывающая страшные сказки на забаву детям...

Род сомневался, что ему хотелось бы встретиться с той бабулей.

— Скажи-ка, э, Ваше Величество... что будет, когда наши часовые найдут их?

— Как что, тогда мы сокрушим их, опрокинем в море... — мрачно проговорил Туан.

— Да, но Грамарий — довольно большой остров. Что если они нанесут удар там, где не будет нашей армии?

— Как они, на самом деле, и поступили, — кивнул Туан. — Ну, я приказал лордам с владениями на побережье собрать все силы и держать их в постоянной готовности. Но даже при этом им, в лучшем случае, удастся лишь удержать их до подхода моей армии; если бы они могли сделать больше, мне пришлось бы беспокоиться не только из-за звероловцев.

Это был хороший довод; любой лорд, сумевший разгромить отряд палатчиков, обязательно подумал бы помериться силами с королевской армией.

— Но вашей армии может потребоваться некоторое время, чтобы добраться туда... скажем, несколько дней.

— В самом деле. — Туан повернулся к нему. — Ты не мог бы подыскать чары для перемещения моих войск на поле боя до того, как туда прибудут звероловцы, Верховный Чародей?

— Боюсь, что это даже мне не по силам.

У Рода на миг промелькнуло перед глазами головокружительное видение туановских рыцарей, теснящихся на антигравитационных платформах, пролетая над сельской местностью; но он мужественно перечеркнул эту призрачную картину, памятуя, что технология приходит целыми кусками, а не мелкими крошками. Если он научит их, как делать антигравитационные платформы, то они очень быстро разберутся, как изготовить автоматическую пушку и телесети — и сколько будет шансов у демократии в стране, где король обладает технологией для тоталитаризма, а народ по-прежнему считает лояльность высшей добродетелью? Правильно — примерно столько же, сколько и у верблюда на леднике.

— Но магия для этого и не нужна — нужно лишь войско сплошь из всадников.

— Как же так? — Туан выглядел растерянным; для него «всадник» означало «рыцарь».

— Ну, я знаю, для тебя это похоже на ересь — по требуется посадить на коней не только капитанов. Простые солдаты тоже могут научиться ездить верхом.

Ошеломленный Туан уставился на него.

— Разумеется, не на настоящих боевых конях, — бы-

стро уточнил Род. — Рядовые могут скакать и на низкорослых лошаденках, которые при скачке на большие расстояния, когда коней пускают лишь легким галопом, могут скакать ничуть не медленней, чем рыцарские кони, если на всадниках не будет слишком много брони. И можно держать все войско прямо в Раннимиде. И когда мои ведьмы-часовые пришлют известие, тебе понадобится лишь крикнуть «По коням! Рысью, арш!», и через десять минут они вскачат в седла — и вперед. И если постоянно перемежать легкий галоп с рысью и дать каждому солдату запасного коня, то через два дня они смогут оказаться в любой точке Грамария.

Зверолоуды могут высадиться и за один день, — нахмурился, пожевывая губу, Туан. — Но все равно, мысль стоящая. Хватит и тысячи ратников. Тогда я смогу держать пять больших отрядов, разместив их так, чтобы любой из них смог меньше чем за день оказаться на побережье в любой из двух провинций. — Он с сияющей улыбкой повернулся к Роду. — Воистину, он чародей! А если цехотипец должен ездить верхом, так что с того? Когда они прискачут на поле боя, то могут спешиться и биться как всегда!

— По-моему, это работает, Ваше Величество.

— Но название! Нужно название! — Глаза Туана горели от возбуждения. — Солдаты будут сражаться лучше, если их войско будет носить имя, способное прогреть в веках!

По этой части Туан был мастер — знал толк в подобных ерундовых мелочах, вызывавших в конечном итоге огромный резонанс. Ради этих неосязаемых вещей люди зачастую сражались куда упорнее, чем ради твердых наличных. Если Туан говорил, что его ратники будут сражаться лучше, если их полк будет носить прославленное имя, то Род не собирался спорить.

— Как насчет Летучего Легиона?! — воскликнул король.

* * *

— Это и есть армия, милорд?

Гвен стояла с Родом на склоне холма, разглядывая изобиловавшую шатрами и лошадьми долину.

— Только авангард, — заверил ее Род. — У Туана попрежнему остается постоянная армия в пять тысяч че-

ловец — и большинство из них не умеют ездить верхом. Здесь мы собираем тысячу хороших наездников со всего острова, тех, кто уже имеет какой-то боевой опыт. Однако Туан намерен наберечь еще пять тысяч солдат.

Далеко внизу лейтенант крикнул, и его эскадрон пропустил галопом, атакуя другую группу с мечами из прутьев.

Гвен понаблюдала и недоуменно произнесла:

— Они выглядят не очень-то умелыми, милорд.

— Я сказал, что они люди с опытом, а не с талантом. — Род взял ее за руку и пошел по склону холма. — Хотя дай им немного времени для тренировки и практики, и никогда не увидишь лучшей кавалерии. Кто это?

Он остановился, хмуро глядя на фигуру в коричневой рясе с идеально круглой плешью, сидевшую, скрестив ноги, примерно в пятидесяти ярдах от них, положив на колени огромную раскрытую книгу. В левой руке человек держал чернильницу из рога, а в правой — перо.

— Кажется, какой-то чернец, — ответила Гвен. — А чем ты встревожен, муж мой?

— Тем, что не помню, чтоб я приглашал каких-то монахов. — Род подошел к человеку в рясе. — Доброе утро, отец.

— Доброго утра и тебе, добрый человек. — Монах обратился к Роду загорелое, сияющее лицо. Затем у него отвисла челюсть, и он неуклюже попытался вскочить на ноги. — Да это ж Верховный Чародей!

— Осторожней, не пролейте чернила. — Род протянул руку поддержать чернильницу из рога. — Приятно, конечно, быть узанным, но предо мной не стоит вскакивать — во всяком случае, тем, кто не в мундире.

— Нет, я знаю вас как одного из самых великих людей, когда-либо ступавших по земле Грамария. — У этого монаха все было круглое — и живот, и лицо, и глаза, и лысина. — Кто еще мог спасти королеву Катарину от оравы крестьян, алкавших лишить ее жизни, и банды баронов, ведомыми лордами отступниками, чтобы лишить ее трона?

— Ну, Туан сражался весьма неплохо. Он, если вы помните, тоже участвовал в той битве. Фактически, сражение на Бреденской равнине имело немалое отношение к тому, что он стал ее мужем.

— И все же, Вы самый великий, лорд Чародей, — чирикнул монах.

Род прочистил горло: чернец подбирался неприятно

близко к истине со своей откровенной лестью. Самое время сменить тему.

— Что вы здесь делаете, отец?

— О! — Монах опустил взгляд на книгу. — Всего лишь забавляюсь в свободную минуту, лорд Чародей. Мудрый человек всегда найдет дело; поэтому я, когда не намечается ничего иного, заполняю время писанием хроники всех событий, случившихся при моей жизни.

— Хроника? Эй! Создается история! — не удержался Род. — Я в ней фигурирую?

— Безусловно, лорд Чародей! Какая ж история Грамария может быть без вашего присутствия?

— Я предпочла бы, чтобы он присутствовал дома, — сурово заявила Гвен, подходя ближе и становясь рядом с Родом. — И все же, мне думается, вы не совсем уловили смысл слов моего мужа, любезный отец.

— Да? О! Да! — Род важно поднял голову. — Совершенно верно, отец. Когда я спросил, что вы здесь делаете, я имел в виду, здесь с армией, а не просто в данную минуту. Чем вы занимаетесь?

Да ясно, спасаю души, — ответил священнослужитель с видом полной невинности. — Наш добрый аббат назначил меня капелланом в королевскую пехоту — но Его Величество сказал мне, что капелланов у него в избытке, и отправил меня к вам.

— Ах, он отправил, да? — Род к тому же вполне мог себе представить, почему Туан это сделал. Молодой король любил всех своих подданных, но средневековый монах склонен постоянно всех увещевать, испытывая терпение Туана. — Видимо, мне придется переговорить с Его Величеством. Ну, по крайней мере, он прислал мне историка-дилетанта.

— Милорд! — Оруженосец подъехал галопом и натянул поводья рядом с Родом. — Лорд О'Берин шлет вам привет, милорд. Он велел мне сообщить вам, что прибыли беженцы из Логайра!

— Вот как! — Род схватил священника за руку и пожал ее, не свиряя на перо. — Ну, очень рад был с вами познакомиться, отец, но сейчас я должен бежать... О'Берин... Как, вы говорите, вас зовут?

— Меня называют брат Чайлд. Но не задерживайтесь, болтая с глупым монахом, лорд Чародей, когда вас ждут государственные дела.

— Ну, действительно, это военные дела. Гвен, пойдем послушаем. — Он схватил ее за руку и резко повернулся,

посмотрев вниз. Там стояли немногие из уцелевших после нападения звероловцев.

— А! Я выслушаю, и с радостью. — Гвен нахмурилась. — У меня нет сомнений, что в звероловцах есть что-то магическое.

— Если это так, то они упомянут об этом. — Когда они зашагали вниз с холма, Род вдруг вспомнил про сына. — А где Магнус.

Глаза Гвен сверкнули, а подбородок поднялся.

— Спроси лучше, почему я явилась сюда.

— Я гадал об этом, но не слишком сильно — просто радовался, что ты со мной. А почему?

— Бром О'Берин явился к нам домой и сказал мне, что я не должна больше сидеть без дела, разыгрывая домохозяйку. Как будто это игра!

Род поежился, вспоминая, как летела в доме пыль — Рой любил устроить маленький кавардак — и в каком омерзительном (из-за этого) настроении пребывала Гвен к концу каждого дня.

— Ну, ему легко говорить — в его покоях поддерживает чистоту целая армия эльфов. Но он прав, милая — сейчас нам нужны твои таланты в полевых условиях. Пещере придется поднакопить пыли.

Гвен невольно пожала плечами.

— Ну, может быть. В конце концов, речь идет о людских жизнях, и, думаю, все это продлится недолго. Магнус, однако, ждать не может; я должна проводить по крайней мере половину дневного времени с ним, если нет битвы.

— Да, я понимаю. — Род почувствовал укол совести. — Но где все-таки мальчик?

— Бром нашел для присмотра за ним полдюжины старых эльфесс. Я побывала в их гроте и увидела, что они кое-что понимают в детях, поэтому и оставила его с ними.

— Не совсем охотно, как я понимаю.

— О, я никогда не буду чувствовать себя спокойно, пока мой малютка не у меня на глазах! — воскликнула Гвен. — И все же так надо, и я знаю, что глупо тревожиться.

— Да, вероятно, глупо. — Род сжал ей руку. — Уверен, любые няни, каких найдет Бром, будут очень способными. — Гвен не могла знать, насколько именно он был в этом уверен — Бром заставил Рода поклясться никогда не рассказывать ей, что он, Бром, — ее отец. Будучи карликом, Бром О'Берин немного робел признаться в

этом. Но о Магнусе он заботился как о родном — каким ребенком, конечно же, и был. Нет, любая избранная Бромом няня будет надежной. — Даже если она эльфессы.

— Особенно если они эльфессы, — пронзила его взглядом Гвен. — Кто же еще сможет удержать на привязи твоего сына, Чародей?

— Только другой чародей или ведьма, — усмехнулся в ответ на ее прожигающий взгляд Род. — Ведьма.

— Ну, и то правда, — взгляд ее смягчился. — Хотя большинство из них слишком молоды, а те, что достаточно зрелы годами — либо закишие старые девы, либо отшельники, живущие в диких горах. Нет, я доверяю эльфессам Брома.

— В конце концов, кого еще он может достать? — развел руками Род. — Он же, как-никак, король эльфов.

— Да, — улыбнулась позабавленная Гвен. — Если б только Их Величество знали истинную природу своего тайного советника — и его титул!

Они б выкинули его из дворца и, в лучшем случае, попытались заключить с ним договор. Нет, я думаю, данный порядок дел намного эффективней.

— Да, раз Бром всегда рядом с Туаном.

— А Магнус с эльфессами, а ты — со мной, — вздохнул Род. — Ты ведь можешь постоянно проверять, как там он, не так ли?

— О, уверяю тебя, я это делаю каждый миг! — Гвен остановилась как вкопанная, с туманным взглядом. Затем расслабилась и, кивнув, снова тронулась вперед. — Да, у него все хорошо.

— Полезно уметь читать мысли, не так ли? — усмехнулся Род. — Конечно же не только по этой причине я желаю отправиться в это путешествие вместе с тобой. — Он остановился у шатра Брома, кивнул часовым и поднял полог шатра. — После тебя, дорогая.

В шатре, около длинного стола, стояли двое слуг, держа нагруженные едой подносы. За столом сидела кучка крестьян, пережевывающих огромные куски мяса, заливая их элем. В дальнем конце стола сидел покрытый пылью человек, который ел с равным аппетитом, но отправляя в рот куски поменьше — судя по его одежде, рыцарь без лат. Рядом сидел человек меньше трех футов ростом, почти такой же в плечах, как и Род — высоту, с руками и ногами помускулистей, чем у Рода, и огромной головой с лохматыми черными волосами и бородой. Ког-

да вошел Род, он резко вскинул голову, затем спрыгнул наземь и подошел к чародейской паре, прогремев:

— Ну, самое время вам и прибыть! Эти добрые люди чуть не объелись — а я послал за вами, как только они прибыли.

— Ну, нас всегда нелегко найти. — Род подошел к столу. — Кто этот дворянин?

— Сэр Реджинальд де ла Плас, вассал герцога Логайра, — объяснил Бром. — Он-то и привел к нам этих крестьян. Сэр Реджинальд, этот титулованный невежа — Род Гэллоуглас, лорд Верховный Чародей.

— Лорд Чародей! — вскочил рыцарь. — Польщен оказанной мне честью!

— Рад слышать, — склонил голову Род. — Моя жена, леди Гвендайлон.

Рыцарь поклонился, поцеловал Гвен руку, и та просияла.

— А эти бедняги — жертвы. — Бром хлопнул по плечу ближайшего крестьянина. — Но всего неделю назад у них были дома. А что у вас теперь, любезный?

Крестьянин проглотил находившееся у него во рту.

— Э, у нас снова хижины, милорд — или, во всяком случае, у половины из нас. Построить стены из плетеных прутьев не так уж долго.

— Из прутьев и глины, — уточнил Бром. — Я видел наш народ за работой, лорд Чародей. Такой дом они могут построить всего за день.

Род заметил, с какой тревогой посматривают на него крестьяне, и попытался их успокоить.

— Это всего лишь слухи, уважаемые. На самом-то деле я не чародей — всего лишь плохой ученый, научившийся нескольким фокусам.

Если он чего и добился этим, то только еще больших опасений.

— Ну, что ж, — вздохнул Род. — Скажи, любезный, как выглядели эти зверолюди?

— Ах, милорд, они были ужасны! Высокие, как дома, и рогатые, как месяц!

— И волосатые, — добавила женщина напротив него. — Они были сплошь покрыты волосами.

— Но не на лицах, — вставила другая женщина. — Они были безбородые.

— И ехали они на драконе, — твердо сказал мужчина. — То был дракон — и он уплыл с ними у себя на спине!

— Нет, то был не зверь! — высмеяла мужчину первая женщина. — Ты-то что о нем знаешь? Когда они уплыли, ты лежал полумертвый с трещиной в черепе! — Она повернулась к Роду. — Нам не повезло, милорд. Наши мужчины погибли, лишь несколько чудом уцелели — и он один из них.

— Хотя все они ранены, — тихо произнесла женщина, сидевшая рядом с ней. — А шесть детей убиты.

Лицо Рода потемнело.

— Что же это были тогда за драконы, о которых он говорил?

— Корабли, милорд! Всего лишь их корабли! Но спреди на каждом была вырезана драконья голова, а корма вырезана в виде хвоста!

— Корабли-драконы? Они были длинные и узкие?

— Те самые! — обрадовалась женщина. — Значит, вы их видели, милорд?

— Только в учебнике истории — и те налетчики тоже носили бороды. И не так уж много волос на теле...

— А рога, милорд?

— Шлемы, — объяснил Род. — Шлемы с приделанными рогами. Но крайней мере, все думали, что они носили именно такие — но на самом деле они их не надевали. Во всяком случае, в бою.

— Значит, они не могут быть теми же самыми, — твердо заключил мужчина.

— Да, — согласился Род. — Не думаю, что оригиналы могли заплыть так далеко от своих родных портов. Моряки они были бывалые, но им все же требовалась земля...

— Тогда почему же зверюжки оделись подобно им, милорд? — недоумевала Гвен.

— Потому что кто-то рассказывал о них байку. И коль речь зашла о байках, какие-нибудь бабули не рассказывали, случаем, сказок о рогатых разбойниках на кораблях-драконах?

Крестьяне покачали головами, широко раскрыв глаза.

— Ну, такое возможно, — вздохнул Род. — Но если бабушки не рассказывали таких сказок, то кто же тогда их рассказывал?

— При лунном свете они не походили всего лишь на корабли, когда те черти орали и размахивали дубинами, — пробормотал рослый крестьянин, осторожно трогая повязку.

— Конечно, нет, — согласился Род. — Вот потому-то

их и создали такими — напугать... — Минуточку! Ну конечно! Вот потому-то тот кудесник, кем бы он там ни был, рассказывал о кораблях-драконах и рогатых шлемах... и рассказывал, чтобы запугать бедолаг вроде вас! В конце концов, раз это сработало для викингов...

— Каких викингов, милорд? — робко спросила одна из женщин.

— Тех разбойников в рогатых шлемах, о которых я вам говорил.

— Они могли сковывать людей взглядом?

Род покачал головой.

— Нет, конечно, не могли... хотя, полагаю, хотели бы. Вы хотите сказать, что эти гориллы могли?

— Сковали нас так, что мы стояли чуть ли не как каменные, — проворчал мужчина. — Один из них посмотрел мне в глаза, и внезапно его глаза, казалось, пронзили меня насквозь до самого затылка. Я попробовал шевельнуться, но не смог.

— Ты напугался, — насмешливо бросила ему вторая женщина, — застыл от страха, как младенец при виде змеи.

Мужчина побагровел.

— Ты была там с нами на поле, женщина? Смотрела им в глаза? О да, эти сверкающие глаза испугали меня — но я уже пугался в бою, когда наш лорд Ансельм сражался с королевой... и... э...

Он украдкой взглянул на Брома.

— И своим младшим братом, ставшим ныне нашим королем, — проворчал Бром. — Никто не винит тебя за то, любезный. Какой у тебя был выбор? Когда твой лорд призывает тебя сражаться, ты должен сражаться. И все же, в той битве страх тебя не сковывал?

— Нет, добрый милорд! — покачал головой крестьянин. — Из-за него я лишь усиленной размахивал алебардой. И все же когда глаза этого мерзкого чудовища пронзили мне мозг, я жаждал ударить в диком гневе — но рука моя не отзывалась! Я напрягся, тянул ее всей своей волей, но она не шевелилась... — Он, содрогнувшись, оборвал рассказ. — Храни меня Господь! Быть не способным даже шелохнуться, и все же видеть, как обрушивается на меня та огромная дубина...

Он зажмурил глаза и отвернулся, качая головой.

— Ну, ну, успокойся, — хлопнул его по плечу Род. — Ты вел себя храбро, любезный. И сделал все, что мог сделать человек.

— То был Дурной Глаз, — прошептал крестьянин. — То было колдовство.

Род обратил вопрошающий взгляд в сторону Гвен.

— Есть такие рассказы, — медленно ответила она. — О ведьмах и чародеях, способных сковать людей взглядом. И все же я не встречала никого, обладающего такой силой.

— А ты знаешь большинство ведьм на Грамарие, — кивнул Род и повернулся снова к крестьянину. — Значит, наш враг — нечто новое, более сильное. Но если б не ты, любезнейший, мы бы об этом не узнали. Выражаю тебе свою глубочайшую благодарность.

— К услугам вашей светлости. — Рослый крестьянин чуть оправился и сумел улыбнуться Роду. — Выходит, то был... то был настоящий Дурной Глаз?

— А шишка у тебя на голове настоящая? — огрынулся Род. — Если да, то, значит, и оставившая ее дубина определенно была настоящей, так же как и ударивший ею впарочеловек. Что же касается Дурного Глаза — ну, когда испытанный в бою ветеран застывает, как камень, тут вряд ли может быть что-либо иное.

«Во всяком случае, на этой планете», — подумал он.

— Благодарю вас, милорд, — улыбнулся ему крестьянин.

— Не беспокойся. Я б тоже тогда оцепенел. — Род снова хлопнул его по плечу и повернулся к Гвен. — Знаешь какие-нибудь контр-чары?

Ее рот открылся, готовый ответить, она развела руками — и внезапно на них очутился ребенок, брыкающийся и радостно кричащий:

— Мама! Насел тепя, мама! Насел тепя!

Пораженная Гвен уставилась на него во все глаза. Затем ее губы изогнулись в восторженной улыбке, и она прижала к себе малыша.

— В самом деле нашел, озорник ты этакий! Ну-ка, ты отыскал свою мамочку только с помощью мысли?

— Та! — кивнул младенец, очень довольный собой.

— Телепатический следопыт? — уставился на него и Род. — Мой сын, охотник за головами?

— Голову сниму я, хотя и не с него, — проворчал Бром. — Кто опекал сегодня ребеночка? Хобгоблин!

Что-то маленькое проскочило через дверь и шмыгнуло к Брому.

— Прошу прощения, король теней! — говорил миниатюрный человечек примерно полутора футов ростом, ши-

рокий в плечах и с глухим голосом. — Силы эльфесс истощились; ребенок потерял интерес к их играм, а их чары не смогли его удержать.

— Значит, им надо было придумать новые игры и удерживать его, — пробурчал Бром. — Хотя что правда, то правда, я не знаю ничего, способного удержать этого ребенка, когда он того не желает.

— Озорник! — упрекнула Магнуса Гвен. Тот счастливо гукнул в ответ.

— По крайней мере, когда он скрылся, я нашел его за полминуты, — указал эльф.

— Верно, и любому пожелавшему ему вреда не повдоровилось бы, столкнувшись он с тобой, — признал Бром. — И все же вели им удерживать его получше, Робин.

— Шалун, — попеняла Магнусу Гвен. — Хотя я и рада тебя видеть, ты все же должен понять, что твоей матери нужно выполнить важное дело. Ступай, возвращайся к своей няне и жди, пока я тебя не позову.

— У-у! — нахмурился малыш и помотал головой.

— Магнус, — начала Гвен тоном, подразумевавшим готовую взорваться атомную бомбу (или, по крайней мере, тактическую боеголовку).

Но тут вмешался Бром.

— Нет, погоди, малыш! Неужто ты никогда не слышал о буках?

Ребенок уставился на него, вытаращив от удивления глаза.

— Никогда? — прогремыхал Бром. — Да вы страшно пренебрегаете воспитанием этого ребенка, если он до сих пор не слышал об этом ужасе детства!

— Ну, это своего рода преднамеренно, — ответил уязвленный Род. — Совершенно не вижу смысла пугать детей до полусмерти и вызывать у них страх перед самыми обыкновенными вещами. Если я говорю ему быть хорошим, он должен это делать просто потому, что верит в меня.

— Молись, чтобы так и было; если б этот ребенок перестал верить в меня, я мог бы перестать существовать! — проворчал Бром. — И все же какое же это лишение, отнять у него одного из самых восхитительных волнений детства: страх перед ужасным чудовищем, коего, как он знает в глубине души, на самом деле нет на свете? Буки, малыш, — это огромные, неуклюжие твари, сплошь покрытые волосами, с крошечными пылающими глазами и длинными острыми зубами.

Магнус, взвизгнув от восторга, прижался к Гвен.

— То правда! — поднял указательный палец Бром. — Это мерзкие твари, алчущие погубить и детей, и родителей! И твои папа и мама должны выступить против них, прогнать их из нашей страны раз и навсегда — и все же они не могут отправиться, если не будут уверены в твоей безопасности.

Магнус уставился на Брома широко открытыми глазами, начиная понимать.

— И поэтому возвращайся к своим нянькам! — Бром хлопнул в ладоши. — Отправляйся туда и будь с ними, пока мама не вызовет тебя! Пребывай в безопасности со своими нянями, пока мама с папой могли выгнать бук из нашей страны!

Магнус поглядел уголком глаза на Гвен.

— Малис тупать с ами?

— Боюсь, что нет, — твердо отказала Гвен, подняв его, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. — Ты должен сделать все, как тебе говорит дядя Бром...

Только Род заметил набежавшую на лицо Брома тень.

— ...как говорит дядя Бром, и в эту же минуту вернуться в страну эльфов к своим няням, и быть там, пока мы с папой прогоняем сих чудовищ. И все же я буду вызывать тебя немножко поиграть, когда только смогу. Ну, а теперь отправляйся!

Ребенок недовольно посмотрел на нее, а затем неохотно кивнул.

— Молодец! — поцеловала его Гвен. — А теперь поспешно отсюда!

Магнус поднял взгляд на Рода. Тот протянул руку сжать круглый кулачок — и обнаружил, что держит воздух. Магнус исчез.

— Дети понятливей, нежели мы думаем, — прогремел Бром, — если только мы откровенны с ними. — Он хмуро поглядел на крестьян. — Чего рты разинули, дурни деревенские? Ребенка никогда не видали?

Мужчины издрогнули и виновато посмотрели на Рода; женщины вздохнули, и одна из них сказала Гвен:

— Ну, помоги вам Бог, миледи! Хвала небесам, у меня лишь обыкновенные дети!

— Наверняка они изматывали тебя ничуть не меньше, чем мой изматывает меня, — ответила позабавленная ее словами Гвен. — У меня в конце концов есть кое-какие силы, чтобы управиться с ним. И все же спасибо на добром слове, любезная,

В шатер вошел один из караульных.

— Милорды, Его Величество просит Вас.

Бром поднял взгляд, хмурия брови.

— Что там случилось?

— Прилетело известие от ведьмы к ведьме, милорд. Корабль-дракон плывет к герцогству Бурбон.

* * *

Полчаса спустя, пока основная армия еще снимала шатры и собиралась, Летучий Легион выехал легким галопом из долины и устремился на восток. Род скакал во главе отряда, а рядом с ним — отрок-чародей Тоби.

— У меня не нашлось времени выслушать все сообщение, Тоби. Кто заметил звероловцев?

— Матильда, милорд. Она и Марион, ее сестра, вылетели на восток и жили в хижине на вершине утеса, построенной для них лордом Габсбургом — все, как приказал Его Величество.

— И они поочередно просто сидели и слушали, нет ли чужих мыслей, верно?

Тоби кивнул.

— Именно так, как приказал Его Величество — час слушают, потом час занимаются другими делами, а потом снова час слушают. — Он поглядел уголком глаза на Рода. — Это ты побудил Его Величество дать нам такой наказ, не так ли?

Род нахмурился и покачал головой.

— Что я понимаю в слушании мыслей, Тоби? Идея принадлежала Гвен. Итак, кто же услышал мысли зверочеловека — та, что дежурила, или обе?

— Та, что «снялась с дежурства», лорд Чародей. Она спала и проснулась, пронзительно крича.

— Та, что спала? — уставился Род. А затем медленно кивнул. — Ну, полагаю, это имеет смысл. Возможно, ее телепатическая чувствительность резко возрастает, когда она спит.

— У нас часто бывают подобные сны, — признался Тоби.

— В самом деле! Хм! Жаль, я этого не знал — может, пригодится.

— Разве Гвендайлон не слышит твоих мыслей, когда спит? — осторожно спросил Тоби.

Род покачал головой.

— Ни когда спит, ни когда бодрствует. Я, кажется, телепатически невидим для нее. — Говорил он подчеркнуто нейтральным тоном, хорошо скрывавшим его чувства. Он старался об этом не думать; это заставляло его чувствовать себя неполноценным по отношению к Гвен. — Что же приснилось Матильде?

— Ей приснилось, что она налегала на весла на борту корабля-дракона и слышала, как вожаки говорят о старых богах, которым они, бывало, поклонялись, и о новом боге, которому поклоняются теперь. И тем не менее все происходило без слов, и новый бог казался почему-то чудовищным, хотя никакого образа его не возникло.

— Ну, это неудивительно? Разве у тебя никогда не бывало молниеносного озарения, когда вся идея становилась ясной прежде, чем соберешься выразить ее словами?

Тоби нахмурился.

— И впрямь бывало, хотя я и не думал об этом. И услышанная Матильдой мысль продолжалась не дольше такой молниеносной вспышки озарения.

— В самом деле? — Род павострил уши. — Странно. И что стояло за этим какое-то сильное чувство?

Тоби кивнул.

— Очень сильный страх. Душа зверчеловека на секунду воззвала к небу и старым богам. Затем он сообразил, что делает, и мысль оборвалась. И все же ее хватило для пробуждения Матильды.

— Неудивительно; я бы проснулся за пределами спальни. Но это говорит нам о многом.

— Да. Это говорит нам, что зверюлюди приближаются к восточному побережью.

— Ну, немножко больше. Это говорит нам, что у зверюлюдей есть религия. До сих пор у нас не было даже каких-либо оснований считать, что у них есть душа.

— Об этом я не подумал, — признался Тоби.

— Это также говорит нам, что их недавно обратили в новую веру, и по крайней мере один из обращенных уверовал не всей душой. Интересно, кто же у них новый бог? И какие методы применяют его миссионеры... — Род вспомнил крещение Константина и «Новая рубаха или смерть». — Но еще важнее, это говорит нам, что мысли зверюлюдей можно услышать, когда за ними стоят очень сильные эмоции — и дает нам некоторые основания считать их, возможно, способными намеренно скрывать свои мысли.

Тоби нахмурился.

— Вот те на, с чего б так?

— Потому что, как ты сказал, оборвалась, как только зверочеловек сообразил, что он делает. Значит, либо он каким-то образом намеренно скрыл свои мысли, либо их мысли можно прочесть, только когда он достигает эмоционального пика.

— А ведь верно! — Тоби посмотрел на Рода, широко раскрыв глаза.

Род заерзал в седле: он терпеть не мог преклонения перед героями, особенно когда оно было адресовано ему. Это заставляло чувствовать такую ответственность...

— Из этих двух предположений я бы выбрал способность скрывать свои мысли. Когда они грабили побережье Логайра, у них должны были возникнуть хоть какие-то сильные чувства, но ни одна ведьма Громария их не услышала.

— Но неужто ни один из них не дал проскользнуть ни единой мысли в пылу боя?

Род кивнул.

— Кажется сомнительным, не так ли? Поэтому, возможно, дело обстоит совсем наоборот: их мысли можно прочесть, только когда они выталкивают их из себя. Тот уловленный Матильдой прилив мыслей намеренно направлялся прочь от себя, такой мыслью стараются до кого-то достучаться.

— Тогда давай радоваться, что среди них есть один крепко верующий.

— Да, и что в тот миг старые боги оказались вне поля зрения и молящемуся понадобилось сильно забытья, чтобы достучался до них.

— Но как же бог может быть в поле зрения? — озадаченно поглядел на него Тоби. — Они же всего-навсего сны и грезы.

— Хороший довод, — признал Род, — но, думаю, зверюльки еще этого не знают. Особенно, если у них есть идол... Хм! Теперь ты заставил меня призадуматься...

— О чем, лорд Чародей?

— Об их новом боге. Интересно, насколько именно он новый? И каких деяний он хочет от поклоняющихся ему?

Глаза Тоби вдруг застыли.

— Лорд Чародей... известие от Марион... корабль-дракон не показывает никаких признаков приближения к побережью. Он плывет мимо Бурбона... — Он на секунду сосредоточенно нахмурился, вероятно, передавая свой

эквивалент. — Вас понял; повторяю, — а затем снова повернулся к Роду. — Зверолюди плывут дальше, на север.

— Тогда мы тоже направимся на север. Сержант! — крикнул через плечо Род. — На ближайшем перекрестке дорог сворачиваем налево! — И снова повернулся к Тоби. — Извести Его Величество.

— Да, лорд Чародей. — Взгляд Тоби снова затуманился. Род несколько минут молча наблюдал за ним, пока глаза у юного чародея опять не прояснились. Он с улыбкой повернулся к Роду.

— Его Величество разворачивает основную армию на север. Он донельзя доволен новым способом рассылать сообщения меж армейскими частями.

— Еще бы ему не быть довольным. Любой средневековый командир отдал бы правую руку за подобное преимущество. Знаешь, Тоби, бьюсь об заклад, что когда закончится все это дело, Его Величество постарается установить сеть ведьм-и-чародеев — конечно, для передачи лишь королевских посланий.

Тоби нахмурился.

— Мысль не совсем приятная, лорд Чародей.

— Да, как для вас, так и для всего населения в целом. Хотя надо признать, это гарантирует вам полную занятость.

— Несомненно, более полную, нежели я желал бы.

— Ну, это довод. Приятно иметь возможность работать не больше восьми часов в день — а еще приятней иметь какой-то выбор по части того, возьмешься ли ты вообще за эту работу. Нет, для чрезвычайных ситуаций такое годится, но нам определенно не следует поощрять такой деятельности в мирное время.

— За исключением твоих посланий, конечно, — лукаво уточнил Тоби.

— Ну, конечно. Но это другое дело, не так ли? В смысле, я же почти член колдовского племени.

— По браку, — согласился Тоби. — Хотя, если отбросить всю шелуху, ты и впрямь чародей.

Род открыл было рот опровергнуть сказанное, подумал, что случится, если ему это удастся, и снова закрыл рот.

Солнце зашло, оставив всего лишь шлейф красноватого свечения за правым плечом Рода, когда он съезжал по извилистой дороге к берегу Романова.

— Не быстрее, чем рысью, сержант! Дайте проехать этим людям! Мы прибыли сюда защищать их, а не растаптывать!

Крестьяне с огромными тюками на плечах и ручными тележками позади загрохотали по дороге, увозя свой немногочисленный скarb. Род выругался.

— Они б еще дома забрали с собой, если б смогли! Ну, по крайней мере, они не прут, как испуганное стадо, сметая все на своем пути. Вот реальное свидетельство сделанного вами добра, Тоби.

— Как так, лорд Чародей? — Тоби завернул копы, давая крестьянам пройти.

— Потому что благодаря Магической Системе Раннего Предупреждения у них нашлось время эвакуироваться. У них даже хватило времени собрать вещички, прежде чем они пустились бежать!

Летучий Легион, следуя примеру Рода и Тоби, свернул на обочину дороги, вытянувшись в колонну по одному. Крестьяне, видя их приближение, постарались уплотнить ряды и дать им место для проезда.

— Боже храни Верховного Чародея и его легион! — проорал чей-то голос, и вся толпа беглецов пестройно подхватила клич. Солдаты усмехнулись и чуть выпрямились в седлах.

— Всегда приятно, когда тебя ценят, — заметил Род. Позабавленный Тоби улыбнулся.

Чья-то рука схватила Рода за голень. Он опустил взгляд на морщинистое желтоглазое лицо, заросшее густой щетиной.

— Прогоните их, лорд Чародей! Почему вы не можете помешать их появлению?

— Да отойди ты! — отпихнул старого нытика стоявший за ним мужчина. — Люди скажут навстречу смертельной опасности, а ты просишь их поторопиться! — Род благодарно улыбнулся, и мужчина помоложе усмехнулся в ответ. — Да хранит Бог Вашу милость! — и поспешил дальше.

— Всегда найдутся такие, не так ли? — спокойно сказал Тоби.

Род кивнул.

— «Спасите нас, спасите! И будьте любезны, забронируйте нам при этом номер в гостинице!» Но всегда найдутся также и те, что идут позади них и велют им заткнуться и не мешать нам делать свое дело, — заключил он.

Они пробрались сквозь толпу. Крестьяне хлынули дальше, а отряд выехал на берег. Заслышав стук копыт, сотня нервничавших ратников подняла головы и грянула радостное «ура».

Род усмехнулся и помахал рукой, шепча под нос: «Галопом, Векс. Сделай все в лучшем виде. Выбери их офицера и остановись в миллиметре от него».

Черный стальной конь поскакал галопом и, с громом пронесясь по кривой, затормозил рядом со всадником в плаще и пластинчатых доспехах.

— Приветствую вас, сэр рыцарь! Я — Род Гэллоуглас, лорд Верховный Чародей, а эти ратники — Летуний Легион Его Величества.

— Вы и впрямь явились очень удачно! — воскликнул рыцарь. — Ну, хвала королю Туану за ваше появление! — Прием был весьма неплох, если учесть, что всего три года назад этот человек, должно быть, выступал вместе со своим лордом, герцогом Романовым, против королевской армии. — Я — сэр Стеньков.

— Мы всего лишь подкрепление, — заверил Род. — Я не хочу расстраивать ваш план боя, мы просто пристанем к вам. Что вы планировали?

— А что я мог всего лишь с сотней ратников? — беспомощно развел руками рыцарь. — Их Величества, храни их Бог, разрешают нам держать на службе столько — немалая щедрость! Но что они могут сделать? — Выстроиться в ряд и ждать.

— Полагаю, да. Но за мной еще двести ратников. А ваши — ветераны, не так ли?

— Да, — кивнул Стеньков. — Все сражались во время мятежа. Такие вряд ли сломаются и побегут.

— Тогда отведите их как можно дальше от берега, и пусть ждут. Корабль-дракон будет только один; по крайней мере, ведьмы ничего не сообщали ни о каких других. — При мысли об этом он нахмурился. — Хм. Я проявил беспечность. Тоби!

— Да, лорд Чародей.

— Кто-нибудь знает, сколько этих разбойников? Кто-нибудь полетел за ними посмотреть, сколько их там?

Глаза Тоби на минуту затуманились, а затем прояснились, и он покачал головой.

— Нет, милорд. Никто про это не подумал,

— Тогда сделай это, хорошо?

— Да, милорд!

Тоби взмыл в воздух и исчез в низко нависших тучах. Сэр Стеньков уставился ему вслед, разинув рот. Род поглядел в том же направлении.

— Хм. Да, это может доставить хлопот, не так ли?

— Только для звероловцев!

— Что за сказочное войско вы собрали, лорд Чародей?

— Вы имеете в виду Тоби? Нет, здесь только он такой, остальные нормальные. Отборные ветераны, все до одного, но нормальные. — Род гадал, насколько это может быть верным в отношении уроженца Грамария.

Стеньков, кажется, впервые заметил нависшие облака. — Да, тучи выглядят мрачными. Ну, мне уже доводилось сражаться под дождем.

— Мне тоже, и бой получался скверным. И все же мы не можем отправить к звероловцам эмиссара и попросить их вернуться в ясный день, не так ли? Но, возможно, мы сумеем преподнести им сюрприз иного рода. Если вы отведете своих людей подальше от берега, сэр Стеньков, а мои спрячутся вон за теми камнями, — он показал на скальные выходы слева, — и за теми кустами, — он указал на опушку леса справа, у самой воды.

У сэра Стенькова загорелись глаза.

— Тогда звероловцы кинутся рубить моих ратников, а ваши люди сомкнутся с двух сторон, словно клещи!

— Прежде, чем они доберутся до ваших ратников, — добавил Род. — Хотя, конечно, увидев берег, они могут почуять западню и решат поискать дичь полегче.

— Я б не возражал...

Щеку Рода овеял порыв ветра, и Тоби доложил:

— Корабль лишь один, лорд Чародей.

Сэр Стеньков чуть не проглотил собственную бороду.

— Туда ему пришлось лететь, так как он не знал, куда отправляться, — объяснил Род. — Но когда он хочет вернуться в известное ему место, то может телепортироваться. Так быстрее. — Он повернулся к Тоби. — Сколько бойцов?

— Сотня на палубе. Внизу могут быть и другие — но я так не думаю, корабль у них небольшой.

— Без нас бой шел бы на равных, — заметил Род.

И все же, возможно, мои ратники ускорят дело, сохранят несколько жизней и тому подобное.

— Раз уж о том зашла речь, — почесал нос сэр Стеньков. — Пленных брать?

— А? — Род подумал, что настроение у сэра Стенькова улучшилось. — Брать ли пленных? Конечно!

— Так я и думал, — кивнул сэр Стеньков. — Вам нужны сведения, и вы желаете заставить их говорить, не так ли?

— Ну, и это тоже, — согласился Род. — Но в основном, я хочу выяснить, умеют ли они говорить. Насколько далеко они от берега, Тоби?

— Примерно в полумиле, милорд.

— Похоже, самое время занять позиции. — Род направился к своему отряду, гаркнув: — Все по местам!

Когда он подъехал к Летучему Легиону, то заметил, что местные ратники отошли от берега подальше. Хорошо, что сэр Стеньков не преисполнился излишней уверенностью в своих силах.

— Сэр Лайонель! Сэр Хэмпден!

— Да, милорд, — хором отозвались его лейтенанты.

— Сэр Лайонель, отведите свою сотню к тем скальным выступам и спрячьтесь за ними. Сэр Хэмпден, отведите свою вон к той лесной опушке. Обрушьте на врага, когда услышите волынки.

— Да, милорд! — И двое лейтенантов повернулись кругом, гаркая приказы сержантам. Не успели еще лейтенанты закончить, как сержанты проревели приказы рядовым, и берег наполнился криками и топотом войск. Через пять минут на нем все стихло. Род, усмехнувшись, повернулся, помахал рукой сэру Стенькову, а затем развернулся и поскакал к скальным выступам.

Берег ждал непрошенных гостей. Начало моросить. Солдаты сэра Стенькова нервно переминались, перешептываясь друг с другом.

Род услышал то тут, то там шепоток и среди своих воинов.

— Слышишь какие-нибудь мысли, Тоби?

— Нет, лорд Чародей. — Взгляд Тоби расплылся, глядя скорее на мысленный пейзаж, а не на расстилавшийся перед ним мир. — Кто б там ни послал небу ту единственную молитву, больше не молится.

— Значит, нельзя определить, насколько они близко, хотя теперь-то ждать их недолго.

Вдали прогрехотал гром.

А затем появился, выскользнув из мороси с приглушенным плеском, высокий, худой змей с широко раскрытой в рыке пастью, с торчащими из лба злобными рогами. По спине его двигались неясные фигуры.

Род задержал дыхание.

Дракон врезался в берег, скрежеща днищем в песок. Зверолюди принялись спрыгивать с его спины — приземистые, массивные фигуры в шлемах с прикрывающими их торсы круглыми щитами и тяжелыми секирами в руках.

Род сощурился, пытаясь различить сквозь дождь подробности, но тщетно. Ему едва удавалось увидеть что-нибудь большее, чем силуэты.

— Разрешите и мне сражаться, лорд Чародей, — прошипел ему в ухо Тоби.

Род резко обернулся, прижав палец к губам, качая головой и свирепо хмурясь. Чертов мальчишка, он что, хочет выдать всю засаду? Род мог бы поклясться, что этот шепот оглушил его. Он пожелал, чтобы Тоби мог прочесть его мысли — но пришлось удовольствоваться пылающим взглядом и мотанием головы. Молодая горячая кровь паренька брала в нем верх, побуждая его устремляться к славе и ранним похоронам. Это было его лаячим делом, но дело Рода — гарантировать, что Тоби после битвы останется жив для выполнения основного задания, более чем опасного.

Юноша отступил, весь кипя от негодования.

Род снова повернулся к берегу, как раз когда зверолюди увидели ратников Стенькова. Зверолюди что-то прокричали, но все слилось с раскатами грома, затем они быстро вытянулись в подобие шеренги и медленно двинулись вперед.

Ратники Стенькова, потрясая алебардами, дожидались врага.

Зверолюди прошли уже половину берега. Род слышал тихое гремяние, когда они перекликались друг с другом. Видимо они начинали понимать, что тут чего-то не так; тон их сделался тревожным, и наступление остановилось. Что же раскрывало карты Рода? Он бросил взгляд на солдат Стенькова. То тут, то там в строю в странных позах, выронив алебарду, застывали воины — стоя под совершенно невероятным углом. Род сообразил, что это — забывшие приказ и посмотревшие врагу прямо в глаза. Теперь они стали на время статуями — скованными. Дурным Главом.

Значит, он и впрямь действовал! И не был выдумкой!

Но остальные ратники Стенькова глядели на руки или ноги врагов и по-прежнему представляли большую угрозу, судя по тому, что зверолюди замедлили шаг и остановились — бой на равных был им явно не очень-то по вкусу. Они сгорбились, пригнув головы, и, казалось, ждали. Чего?

Зверолюди принялись орать громыхающими басами. Род вдруг сообразил, что они дружно кричат что-то. Он превратился в слух, пытаясь выделить в гулких голосах внятные фонемы. Сделать это становилось все легче, так как они добивались все большей слаженности, теперь гремел почти единый крик. Род покачал головой; невозможно сказать, что означал этот крик на их языке. Ему, однако, слышалось что-то вроде:

— Кобальт! Кобальт! Кобальт!

А это нелепо; на их уровне технологии они не могли иметь представления даже о бомбах, не говоря уж о расщеплении атомов.

Гром сотряс землю, и берег осветило вспышкой молнии. Затем снова стемнело. Род взгляделся сквозь сумрак — и уставился, вытаращив глаза. Ратники сэра Стенькова стояли, замерев как вкопанные!

Зверолюди грянули нестройный клич, и, переваливаясь, тронулись вперед, издавая звуки, похожие на скрежет. Потрясенный Род сообразил, что они смеются.

Но зверолюди двигались так медленно! Почему? Разве они не хотели добраться до намеченных жертв?

Затем весь строй сэра Стенькова качнулся вперед. Потом — еще раз, и еще — и спотыкаясь, шаг за шагом они приближались к своим палачам!

Что-то ударило Рода по плечу. Он резко обернулся — как раз вовремя, чтобы подхватить Тоби. Тело юного чародея одеревенело, глаза остекленели. Он что, был настроен на мозг какого-то солдата, когда того парализовал Дурной Глаз?

Затем Род увидел, как один из солдат Стенькова замедлил шаг и остановился, медленно подняв голову, задрожал, дико огляделся по сторонам, понял, что произошло, наставил алебарду на врага и... снова замаршировал с мрачной целеустремленностью. Дальше вдоль шеренги так же начал пробуждаться еще один солдат.

Род посмотрел на Тоби. Этот юный идиот все-таки нашел способ встрять в бой!

Над ними грянул гром, и молния снова вонзилась в землю.

В сгустившихся сумерках враги выглядели всего лишь огромными массивными тенями на сером фоне грозowych туч, и эти громадные тени подступали все ближе и ближе.

Солдаты вновь оцепенели, а все тело Тоби дернулось в одной массивированной конвульсии, а затем юноша обмяк, и глаза у него закрылись.

Род в шоке уставился на него. Затем коснулся сонной артерии на шее у юноши и нащупал пульс. Успокоившись, он опустил юного чародея наземь.

— Векс!

— Здесь, Род. — Большой черный конь выдвинулся из темноты.

— Просто стой над ним и защищай его.

— Но, Род...

— Никаких «но»! — Род повернулся и, выхватив меч, кинулся к боевому порядку. — Летучий Легион! В атаку!

Векс осторожно перешагнул через неподвижное тело Тоби, так чтобы молодой чародей лежал прямо под его стальным брюхом.

Род и его рыцари обрушились на зверолодей с флангов, как раз когда шеренга Стенькова снова побрела, спотыкаясь, к зверолодям. Лихорадочно переводя взгляд с одного солдата на другого, Род увидел, что глаза у них остекленевшие, невидящие.

Зверолоуди снова тронулись вперед, издавая пыхтящие скрежещущие звуки, походившие у них на смех. Род резко повернулся, уставясь на них, как раз когда они перешли на неуклюжий бег.

Сверкнула молния, и зверолоуди проревели клич. И Род вастыл на месте, но только на мгновенье от шока, потому что тут он в первый раз действительно хорошо разглядел зверочеловека.

И опознал его.

Неандерталец.

Сомневаться не приходилось: скошенный лоб, надбровные дуги, челюсть без подбородка, бугор у основания черепа... Им овладело неодолимое желание заглянуть к кому-нибудь из них в рот и проверить расположение зубов.

Затем все внутри у него похолодело от внезапной мысли. Что неандертальцам делать на Грамарие?

Очевидно, атаковать. Он заметил, как две боевые дубины взметнулись вверх, готовые обрушиться на него. Род отпрыгнул в сторону как раз, когда первая просвистела мимо него, а затем весь устремился в выпад, нацелив меч на другого костолома. Крутлый щит взлетел вверх; зверочеловек ловко поймал острие на него. На какой-то миг Род уставился прямо в маленькие пороссячьи глазки поверх края щита — маленькие пороссячьи глазки, с яркими огненными бусинами в центре, казалось, проникавшими ему в мозг, оставляя след холодного огня, но он не сжигал, а замораживал. Он завораживал, он поглощал все его внимание, парализуя ему мозг, прекращая всякое мышление. Смутно, будто со стороны, он заметил огромную боевую дубину, взлетевшую для нового удара, но это не имело значения. Значение имели лишь эти яркие, горящие бусинки в центре глаз...

В ушах его прозвенел яростный крик, перекрывая шум боя, такой крик, какой могла б издать валькирия, если б ей действительно позволили пойти в атаку; и его мозг, казалось, окутало неожиданное тепло, вытесняя яркие горящие бусинки все дальше, дальше и дальше, пока те снова не стали парой глаз... глаз воина-зверочеловека, чья огромная боевая дубина рванулась сокрушить голову Рода.

Он отпрыгнул назад, вырвав из щита меч, и дубина просвистела рядом. Укрывшийся за круглым щитом зверочеловек зарычал и снова замахнулся дубиной. Род напал и сделал финт поверху, в лицо. Щит мгновенно вскинулся, и Род рубанул ответным выпадом сверху вниз. Острие меча чиркнуло зверочеловека по бедрам, прочертив ярко-красную линию. Тот завопил, цепляясь за ноги, и, рухнув, принялся кататься по земле. Род не задержался посмотреть; он повернулся взглянуть на боевой строй — и увидел секиру, обрушивающуюся ему прямо на синапсы, с прячущейся за ней широкой злоградской усмешкой (да, зубы-таки располагались правильно). Род отпрыгнул в сторону и рубанул, отсекая топорще.

Высоко над ним валькирия снова издала пронзительный крик — теперь он узнал его, так как слышал такой всего на прошлой неделе, когда Гвен поймала Магнуса на телепортировании печенья к себе в манеж. Черт побери, неужели эта женщина не понимала, что он не сможет так же хорошо драться, если будет тревожиться за ее безопасность!

С другой стороны, она оставалась высоко над полем боя — никакая непосредственная опасность ей по-настоящему не грозила, особенно, если учесть, что оружие зверолодей ограничивалось дубинами и секирами; среди них не нашлось бы и одной стрелы. Он развернулся, рубанул еще одного неандертальца. Зарывав, на него накиннулись четверо врагов. А за ними, половина солдат лежала мертвыми на берегу, орошая песок своей кровью. В нем вскипела ярость, и он ревел, даже отступая под их натиском, яростно делая мечом финты и выпады, еле удерживая нападающих за пределами досягаемости дубин. Позади них, заметил он, застывшие солдаты снова ожили; и подняли нестройный крик ярости, увидев своих убитых товарищей. Ближайший зверочеловек оглянулся через плечо, махнув дубиной далеко в стороне от цели. Род сделал выпад ему под щит, и тот завизжал, согнувшись пополам. Его товарищи пролаяли что-то неблагозвучное и нажали на Рода. Сзади к ним подбегали двое солдат, замахнувшись как следует мечами. Род отскочил назад и приготовился стойко вынести тошнотворный стук вонзившейся в мясо стали. Его противники рухнули, а оставшийся зверочеловек в отчаянии оглянулся. Пораженный зверочеловек резко повернулся обратно лицом к Роду — и согнулся на его клинке. Род выдернул сталь как раз перед тем, как вонзившаяся алебарда закончила агонию воина. Ее владелец издал кровавадный победный рев и снова повернулся к боевому строю. Род последовал его примеру, борясь с тошнотой. Сейчас для этого нет времени; ему надо напомнить солдатам.

— Глаза! Не смотрите им в глаза!

И поэтому, конечно же, половина солдат тут же столкнулись с врагами взглядами в упор и замерли, как вкопанные.

Валькирия снова пронзительно закричала, и солдаты, дернувшись, очнулись. Их алебарды поднялись для отражения секир...

Сверкнула молния, взорвался гром.

Род увидел, что солдаты опять стоят, застыв на месте. А высоко над ним внезапно оборвался вой.

— Гвен! — взревел Род. Он уставился на небо, неистово пронзая взглядом тьму — и увидел устремившуюся вниз тень потемнее. Развернувшись, он с усилием побежал от берега, а затем резко оглянулся, уставясь на

пикирующий силуэт, и побежал обратно, следя, как он становится все больше и больше.

Затем он грохнулся на него, как камень, сплошь из костей и жил. В голове у него вспыхнула боль, небо усеяли звезды. Мириад крошечных укулов вонзился ему в спину и бока, а уши его наполнило хором треска, словно от рухнувшего леса. Диафрагма у него выгнулась вверх; охваченный чуть ли не паникой, он пытался вобрать воздуху в легкие, тем более что тот пах духами, подаренными им Гвен на прошлое Рождество. Он опустил взгляд на уложившую его неуправляемую ракету и на доблестный куст, отдавший жизнь за правое дело. Род испытывал благодарность к этому кусту; Гвен была женщина изящная, но не легковесная, особенно когда снижалась со скоростью в двадцать миль в час.

Он с трудом поднялся на ноги, вытащил жену из куста и осторожно уложил аккуратно под соседним кустом. Насколько он мог судить, с ней совершенно ничего не стряслось; никаких переломов или ран. Завтра у нее, конечно, будет чертовски заметный синяк... И она потеряла сознание, но он испытывал немалую уверенность, что это произошло прежде, чем она упала.

Внезапно его окатило дождем. Он вспомнил последнюю вспышку молнии и повернулся посмотреть на берег. Сквозь ливень ему едва удалось разглядеть валяющиеся наземь застывшие фигуры и дюжину с чем-то отбивающихся. Еще одна вспышка молнии четко показала ему их, яростно размахивающих вокруг себя алебардами; и они продолжали драться, даже пока таял свет от молнии. Значит, некоторые вяляли ему и смотрели на руки и оружие врагов вместо глаз. Слишком поздно, однако, чтобы принести им много пользы — их превосходили в численности три к одному.

Род с трудом поднялся на ноги, негалантно перекинув Гвен через плечо по-пожарнически, и поплелся шаткой рысью обратно через кусты.

— Векс! Говори мне, куда идти!

— Сверни к морю, Род, — прошептал голос робота через наушник. — Подойди на пятьдесят футов... теперь сверни налево... еще двадцать футов... Стоп.

Вытянув руку, он нащупал перед собой синтетическую конскую шкуру.

— Хорошо, что тебе сделали глаза, чувствительные к инфракрасному свету, — проворчал он.

Он перебросил Гвен через луку седла, затем упал на

колени и, сунув руку под робота-коня, поднял голову Тоби на сгибе локтя. И быстро, несильно похлопал паренька по щекам.

— Брось, парень, очнись! Ты добился своего вопреки приказу; теперь самое время убираться отсюда.

— Что... где... — Веки Тоби затрепетали. Затем он поднял взгляд на Рода, шурясь от мучительной головной боли. — Лорд Чародей! Что...

— Ты попытался вступить в бой, в бой при посредстве и получил нокаут самолично, — объяснил Род. — Гвен попыталась сделать то же самое и с тем же результатом. И теперь мы должны убираться отсюда, пока не перебили немногих наших оставшихся солдат. Давай, парень, — на взлет. Пошел!

Тоби болезненно уставился на него. Медленно кивнул. Плотно зажмурил глаза, лицо его сосредоточенно скривилось; а затем он внезапно пропал. Бухнул воздух, заполняя место, где он только что находился.

Род вскочил на ноги и перемахнул в седло, поддерживая одной рукой неподвижную фигуру жены, проревев: «Отступать! Отступать!»

Дюжина оставшихся стоять солдат прыгнула назад, а потом начала шаг за шагом отходить. Зверолюди зарычали и последовали за ними, но грамарийские алебарды махали сильнее, чем когда-либо, от силы отчаяния, заставляя неандертальцев держать дистанцию. Однако на каждого солдата нападало скопом слишком много зверолов, дай им время, и они перебьют все грамарийское войско.

Род не собирался давать им это время.

— Ладно, Железный Конь — пошел!

Векс встал на дыбы, лапая воздух с пронзительным ржанием. Головы зверолов в тревоге вскинулись. Затем огромный черный конь поскакал галопом, атакуя их. В последнюю секунду он свернул в сторону и поскакал вдоль всего строя. Зверолюди в страхе отпрыгнули назад, а солдаты повернулись кругом и побежали. Векс миновал боевой строй; зверолов увидели бегущего противника, закричали и поковыляли за ним.

Векс опять заржал и, развернувшись, помчался обратно вдоль строя неандертальцев. Зверолюди закричали и отпрыгнули назад — за исключением одного, решившего разыгрывать из себя героя и повернувшегося встретить галопирующего коня лицом, подняв дубину.

Род прыгнул и шепнул.

— Чуть-чуть не по центру.

Векс врезался в неандертальца, и тот с воем отлетел от груди коня. Приземлился он в двадцати футах от него и замер. Его товарищи стояли в нерешительности, колеблясь.

На луке седла зашевелилась Гвен, подняв голову и морщась от боли. Бросив один взгляд, она сразу уразумела ситуацию.

Зверолюди перерывались друг с другом, сперва тихо, но с нарастающим гневом. И потопали вперевалку вперед, наполняя воздух своим низкотональным безобразным громоуханием.

Глаза Гвен сузились, и дубины звероловцев вспыхнули пламенем.

Они завyli, швыряя дубины вслед грамарийским солдатам, повернулись и побежали.

Гвен посмотрела им вслед горящим взглядом. Затем она задрожала и снова рухнула без сил.

— Отступаем! — резко бросил Род. Векс развернулся и помчался прочь от берега следом за солдатами.

Остановились они высоко в скалах на вершине утеса, оставив позади длинный пологий берег.

— Вы действовали хорошо, — заверил солдат Род. — Никто не мог бы действовать лучше.

Один из ратников беспомощно развел руками.

— Как нам сражаться с врагом, способным заставить нас застыть, как вкопанных, милорд?

Род спешился и нежно взял на руки Гвен.

— Думаю, моя жена подала нам основную идею. Когда она придет в себя, мы разоведем ее.

Он встал на колени, опуская Гвен наземь за двумя валунами, положив голову и плечи жены себе на грудь. И скривился от неожиданной боли в руке — вспомнил, что там задела дубина. Вспомнил он также и несколько других ударов теперь, когда подумал на эту тему. Так как вызванный битвой прилив адреналина спал, начали болеть все ушибы. Он с удивлением заметил у себя на груди ярко-малиновую полосу — один из ударов секирой прошел ближе, чем он представлял. Когда он понял, насколько именно близко, то его начала бить дрожь. Он взял себя в руки.

— Что они делают, ребята?

— Они снова начинают смелеть, милорд. — Один из солдат, лежавший среди камней, обращенных к морю, выглядывал между двух валунов.

— Есть какие-нибудь признаки селян?

— Нет, милорд. Все вовремя сбежали.

Род кивнул.

— Ну, жаль, конечно, деревню, но они могут построить ее опять.

— Ее пока не уничтожили, милорд.

— Пока, — эхом откликнулся Род. — В моей седельной сумке есть бурдюк с вином, мальчики. Пусть-те его по кругу.

Один солдат вскочил на ноги и вытащил мех с вином. Брызнув себе в рот длинную струю, он затем передал товарищу.

— Тоби! — крикнул Род.

Ничего не произошло.

Гвен шевельнулась па руках у Рода, щурясь от бьющей головной боли, подняла взгляд и расслабилась, откинувшись на его грудь, закрывая глаза.

— Я в безопасности.

— Хвала небесам, — выдохнул Род.

— Что случилось, милорд?

— Мы проиграли, милая. Ты нашла хорошую идею, но они превосходили тебя в численности.

Она покачала головой, а затем скривилась от вызванной этим боли.

— Нет, милорд. То была молния.

— Молния? — Даже сквозь туман усталости Род почувствовал, как что-то в нем выпрямилось и взяло ее слова на заметку. — Ну...

— Милорд, — окликнул дозорный, — в деревне пожар.

Род кивнул, поморщившись.

— Через несколько минут все селение станет одним большим факелом. Однако зверолюди не найдут там большой добычи. У крестьян немного имущества — и все, что смогли, селяне унесли с собой.

— В ней есть амбар, милорд, — указал один из местных, — и коптильня.

Род пожал плечами.

— Ну, значит, они устроят пикник на пути домой. Не беспокойся, парень... Король и королева приплывут вам на зиму продукты. Зерном они могут обеспечить, стоит лишь попросить. — Он посмотрел на Гвен. — Ты не могла бы найти мне Тоби, милая.

Гвен кивнула и закрыла глаза, а затем сморщилась

от боли. Род почувствовал укол вины — но он нуждался в этом юном чародее.

Воздух хлопнул, раздвигаясь от тихого взрыва, и перед ним предстал Тоби.

— Милорд Чародей?

Один из солдат отвернулся, бормоча и крестясь.

Род сделал вид, что не заметил.

— Чувствуешь себя снова готовым к бою?

— Разумеется, если вы того желаете, милорд. — Колени у Тоби дрожали от усталости.

— Желаю, — сказал Род. — Мне очень не хочется просить тебя об этом. Ты сможешь последовать за нами, когда они отплывут?

Тоби на миг задумался, а затем кивнул.

— Небо в тучах. Они меня не увидят.

— Тебе не надо лететь до самого логова, — сказал Род. — Только проводи их, а потом вызови одного из своих товарищей. Он сможет телепортироваться к тебе, а ты — исчезнуть. Просто убедись, что они возвращаются.

Тоби медленно кивнул.

— Мудро, милорд. Сделаем.

— Огонь гаснет, милорд.

— Да. Хвала небесам за дождь.

Род, нахмуясь, поднял голову; у дозорного изменился голос. Среди камней лежал солдат с рукой на свежей перевязи.

Род уставился на нее.

— Эй — кто тебе это дал?

Дозорный в удивлении поднял взгляд, а затем кивнул на другого солдата, сидевшего, стиснув зубы от боли, в то время как кругленькая фигура в коричневой рясе накладывала ему на длинный разрез вдоль руки льняную повязку.

— Отец Чайлд, — медленно произнес Род.

Монах поднял взгляд, а затем печально улыбнулся.

— Боюсь, я прибыл слишком поздно, милорд Гэллоглас. По крайней мере, теперь я могу оказать какую-то услугу.

— Мы, конечно, это ценим... но капеллан не обязан ходить в бой.

— По этому вопросу есть разные мнения, милорд.

Приятно знать, что с ними преданный делу человек — и его присутствие определенно оказывало на солдат утешающее воздействие. Оно и вино.

— Они двинулись обратно к кораблю, — доложил дозорный.

— Когда они уберутся, для меня будет много работы, — печально сказал монах.

Род покачал головой.

— Не думаю, отец. Судя по всему, увиденному мной во время боя, они не оставили никаких раненых.

Рот монаха сжался в тонкую строчку.

— Прискорбно. Но тогда будет другая работа, более печальная.

Род нахмурился, поворачиваясь к нему.

— Что за?.. О. Да — отходные молитвы. — Он снова повернулся к берегу. — Но там будут не только наши убитые, отец. Как насчет звероловцев? Как думаете, есть у них душа?

— Да как-то не подумал о таком, — ответил удивленный священник. — Но разве есть какие-то основания считать, будто они ее лишены?

Один из солдат что-то пробурчал в ответ.

Монах покачал головой.

— Нет, добрый человек. Я знал христиан, творивших и худшее — намного худшее.

— Я б сотворил, если б только сошелся с одним из них на узенькой дорожке, — зарычал другой солдат.

— Вот — видите? — развел руками священник. — И все же есть у них душа или нет, я сомневаюсь, что они христиане.

— В начале боя они взывали к своему ложному богу, не так ли?

— Так значит, в этом заключался смысл их клича? — гадал другой солдат. — Как он там — «Гой Болт», верно?

— Что-то в таком роде, — пробурчал первый.

Род нахмурился; ему лично послышалось «Кобальт». Ну, каждый истолковывал клич в соответствии со словами, известными ему. Однако что же он означал на самом деле? Он пожал плечами; возможно, это и впрямь имя какого-то небесного бога.

— Они поднялись на борт корабля, — окликнул дозорный. — Отваливают от берега... поворачивают...

— Можно мне теперь развести костер? — спросил отец Чайлд.

Род пожал плечами.

— Пожалуйста, отец... если сможете найти для него укрытие и что-нибудь достаточно сухое для костра. —

Он повернулся к юному чародею. — Уверен, что чувствуешь себя годным для этого, Тоби?

Эспер кивнул, подымаясь. Он выглядел немножко лучше, успев чуть отдохнуть.

— По крайней мере, я провожу их.

Род кивнул.

— Тогда до скорого свидания, Тоби.

— До скорого, лорд Чародей.

Тоби взмыл в воздух. Солдаты уставились ему вслед, разинув рты, когда он воспарял все выше и выше, а затем устремился прочь над волнами. Некоторые перекрестились, быстро бормоча молитвы.

— В этом нет надобности, — резко сказал отец Чайлд. — Он ничто иное как человек, такой же, как и вы, хотя несколько моложе и с редким даром. Но он не уязвим для стрел и копий; если уж вам надо молиться, то просите Бога защитить его.

Удивленный Род уставился на кругленького священника. А затем с одобрением медленно кивнул.

— Он исчез за тучами, — доложил дозорный.

Род кивнул.

— Мудро, коль скоро он разобрался, в какую сторону они направились. Вероятно, время от времени он будет снижаться быстренько взглянуть просто для проверки, как там они.

— Они миновали отмель, — доложил дозорный. — Выходят в море.

Род вздохнул и поднялся, держа на руках Гвен, словно младенца. — Все кончено, ребята. Пошли.

Внизу, на берегу, дымилась деревня.

— Нет, милорд. То была молния, я уверена в том! — Гвен говорила спокойно, но подбородок у нее выдавался вперед чуть больше обычного.

— Молния! — воскликнула, воздев руки, королева Катарипа. — А почему в таком случае не гром? Или ветер, или дождь? Вот уж воистину, молния!

— Нет, Ваше Величество, послушайте ее. — Туан мягко, сдерживающе коснулся ее руки, но Род заметил, что он внезапно сделался странно официален.

— Как же, «Ваше Величество»! — разбушевалась Катарина, переключаясь на него. — Ты что, муж мой? Винить в этом молнию! Нет, то были лишь те зверо-

люди — они и больше никто! Они мерзкие колдуны и адское отродье!

— Тут вы, возможно, правы, — признал Род. — Понимаете, мы, в общем-то, с вами не спорим, просто мы вникаем, как они колдуют.

— Да ясно как, глядя вам в глаза, — выкрикнула Катарина, круто поворачиваясь обратно к нему. — Как же, молния! Разве на молнию палились ваши солдаты?

— Поистине, нет, — устало согласилась Гвен. — То правда, когда они глянули в глаза зверолюдям, те и смогли навести свои чары. И злые то были чары! — Она содрогнулась. — Я немного вкусила их, когда пыталась снять. Это — мерзость, заволаживающая безобразностью!

— «Заболаживающая» — самое подходящее слово, — согласился Род. — Они фокусировали все внимание солдат на одной-единственной точке — зрачках звероловдей. И тогда...

— И тогда те не могли уделить никакого внимания бою? — тяжело кивнул Туан. — И впрямь мерзость, ведь у солдата не было возможности защищаться.

Катарина развернулась к Гвен.

— Ты никогда раньше не сталкивалась с подобными чарами?

— Рассказы об этом ходят, — медленно проговорила Гвен. — О Дурном Глазе. Однако я никогда не встречалась с ним в жизни.

— Я встречал, — медленно произнес Род. — Хотя и в более умеренной разновидности.

— Когда? — нахмурился Туан.

— В предполет... э, в дни ученичества, — увильнул от прямого ответа Род, — когда меня обучали, э... — он сделал глубокий вдох и махнул рукой на честность, — ...тому волшебству, которое я применяю. Данная разновидность магии называлась «гипнозом», но выглядела очень похожей на этот Дурной Глаз. В конечном итоге он приводил к тому же результату, просто им приходилось добиваться его намного медленнее.

— Да, вот в этом-то и заключается самое необыкновенное, — нахмурился Туан. — Как им удается так быстро заволаживать?

— Тут у меня есть некоторый опыт, — медленно произнесла Гвен. — Дело заключается в умении направлять свои мысли в головы других.

Голос Векса прошептал в ухо Рода:

— Твоя жена, Род, описывает проецирующую телепацию.

— Научная терминология — чудесная штука, — пробурчал Род. — Она позволяет скептикам верить в магию, фактически, мгновенно превращает их в авторитеты.

Катарина повернулась, сердито глядя на него.

— О ком вы говорите, сударь?

«Не с тобой», — подумал Род, вспоминая слухи, что королева сама обладала налетом «ведовской» силы. Вслух же он сказал:

— Точнее будет сказать с кем — и проблема в том, что зверолоуды проделывают это с кем угодно. Мне думается, мы теперь получили довольно неплохое представление о том, как они это проделывают — но как нам с этим бороться?

— Да так же, как мы боролись раньше, — в удивлении подняла взгляд Гвен.

Род хмуро поглядел на нее. «Мы»? Он почувствовал овеивший его спину холодок.

— Тоби и я, — объяснила Гвен. — Мы сделали все именно так, как ты сказал, муж мой — направили свои мысли в головы солдатам и заставили их увидеть то, чем является на самом деле та пылающая точка, на которую они уставились — ничем иным, как парой крошечных глаз. Мы заставили их вновь увидеть лицо вокруг глаз и тело под лицом.

— Да, — коротко кивнул Род. — А потом они силой своего Дурного Глаза оглушили вас обоих.

Но Гвен покачала головой.

— Не «они», милорд. То была молния.

Катарина в отчаянии воздела руки и стремительно отвернулась.

— Молния или нет, они вас все-таки оглушили, — проворчал Род, — и ты уж меня извини, но мне не понравилось, как это выглядело.

Гвен развела руками.

— Что тут поделаешь, милорд? Там были только я да Тоби — и действовали мы одновременно, но не в гармонии.

— А? — еще больше нахмурился Род. — «Не в гармонии»? А ты чего хотела бы — трубно-барабанный полковой оркестр?

— Нет, милорд. — Гвен явно с трудом удавалось сохранять терпение. — Мы не могли объединить свои си-

лы — и было слишком много солдат для всего лишь нас двоих. Мы пытались направить свои мысли в их головы, но делали мы это бок о бок, не сливая силы в единую.

— Я так понимаю, что ты считаешь возможным соединить ваши силы, — тихо произнес Род.

— Может быть, — нахмурилась Гвен, рассеянно переводя взгляд на окно. — Когда двое умеющих слышать мысли соприкасаются, то всегда возникает ощущение более тесной связи — или, может, мне следует сказать угрозы; ибо я никогда не знала таких, которые рисковали бы дотянуться друг до друга через соприкосновение мыслей.

Дверь распахнулась, и вошел, тяжело ступая, Бром О'Берин, сопровождаемый двумя ратниками, подставившими плечи под руки Тоби. Юный чародей повис на них, тяжело дыша.

— Нет! Я... я сам могу удержаться на погах...

— У тебя сейчас и голова едва держится на плечах, — проворчал Бром. — В самом деле, будь ты дикой яблоней, ты б и яблока не удержал. Туда, — указал он двум ратникам, кивнув на кресло. Те осторожно опустили на него юного героя, и он тяжело осел с разинутым ртом, закрыв глаза, тяжело и хрипло дыша.

— Что с ним? — воскликнула Гвен.

— Ничего кроме истощения сил. — Рот Брома плотно сжался. — Не будь его новости столь важны, я б отправил его в постель.

— Юный идиот! Я же сказал ему вызвать смену! — Род широким шагом подошел к отроку и схватил его за запястье, нащупывая пульс. — Вы, случаем, не принесли вина?

Бром повернулся к дверям и щелкнул пальцами. Вбежал полный тревоги паж с широко раскрытыми глазами, неся поднос с кузшипчиком и склянкой. Бром схватил их, налил до половины кружку и поднес ее к губам Тоби. — Только попробуй, мой мальчик, а потом глотни. Постарайся, вот молодец.

Тоби пригубил и тут же закашлялся. Род постучал его по спине, пока паренек слабо не кивнул, а затем снова пригубил вина. Оно осталось в глотке, и поэтому он сделал большой глоток.

— Теперь чувствуешь себя немного лучше? — спросил Род.

Тоби кивнул и вздохнул.

— Нечего тут засыпать, — быстро скомандовал Род. — Что ты видел?

— Только корабль-дракон и мили и мили воды, — вздохнул Тоби. — Меня просто мутило от ее вида. Клянусь, никогда больше не буду пить эту гадость! — и отхлебнул добрую толику вииа.

— Ну-ну, не перебирай теперь, — предостерег Род. — Значит, они долго плыли. В какую сторону?

— На запад, — твердо сказал Тоби, — на запад и юг. Я вызвал Джайлса и пустил его следовать за ними, тогда как сам появился у себя в постели и проспал, пока он не вызвал меня, сказав, что увидел землю. Тогда я появился рядом с ним и отправил его домой. По-нимае-те, он сильно устал, тогда как я был свеж.

Судя по серому оттенку лица юноши, Род усомнился в этом.

— Была также и такая мелочь, как возможность опасности, если ты доберешься до их отечества.

— Ну, не без того, — признал Тоби. — В любом случае, конец пути был моим делом. А опасность была не велика; небо светлело, но еще не рассвело и по-прежнему низко нависали тяжелые тучи.

— Все равно я надеялась, ты не пойдешь на слишком большой риск, — сказала Гвен. — К чему же приплыли домой зверолюди?

— К выступу суши в береговой линии, — объяснил Тоби, — направившись к низине с высокими, устремившимися в небо утесами за ней в миле-другой от берега.

Род кивнул.

— Насколько велика была низина?

— Миль так в пять шириной.

— Он описывает аллювиальную равнину, — прошептал на ухо Роду голос Векса.

— Ты лучший наблюдатель, чем я думал, — похвалил юношу Род. — Что же находилось на равнине?

— Деревня, — поднял на него взгляд Тоби. — Полагаю, хижинки из плетеньки и обмазки — круглые и крытые листьями. Они стояли, разбросанные всюду посреди их полей с зеленеющим урожаем.

— Фермеры? — озадаченно нахмурился Род. — Не такой народ, от кого б я ждал грабительских походов. Ты имеешь представление, сколько там было хижин?

Тоби покачал головой.

— Больше, чем я мог бы с легкостью подсчитать,

лорд Чародей. То была самая разбросанная из всех деревень, какие я когда-либо видел на Грамарие.

— Деревня, — повторил Род. — Не село?

Тоби поджал губы.

— Ну... может быть, маленькое село... И все же дома стояли далеко друг от друга.

— Значит, дворов так в тысячу. Как они прореагировали, когда увидели возвращение корабля-дракона?

— Никак, — уведомил его Тоби.

— Что? — разинул рот Род. — Не прореагировали? Вообще никак?

— Да... они его не увидели. Как я сказал, еще не рассвело, и корабль-дракон подплыл не к деревне. Нет, вместо того он направился на юг и пошел узкое устье реки как раз там, где утесы сходятся с подой. Тут зверюги сели на весла, свернули парус и погребли вверх по течению, пока не проскользнули в расщелину на той стене скал, откуда вытекала эта река.

— Расщелину. — Род сохранил бесстрастное выражение лица.

Тоби кивнул.

— Через ту расщелину вы б могли провести свой Летучий Легион, милорд; но на той огромной стене из скал она тем не менее выглядела расщелиной.

— Значит, они проплыли в речной капьон. — Род нахмурился, пытаясь понять смысл этих действий. — И что произошло потом?

— Ничего заслуживающего упоминания. Когда они проскользнули в скалы, я снизился на вершину утеса, где залег и следил. Вскоре я увидел, как они выскользнули по тропе без щитов и шлемов и любого оружия, кроме ножей за поясами. Они потащились по равнине назад в деревню. Я не последовал за ними, так как боялся быть замеченным кем-нибудь, вставшим спозаранку.

— Мудро, — кивнул Род. — В конце концов, мы же выяснили все, что нам действительно надо знать. — Он нахмурился. — А может, и больше.

— Что же потом? — спросил Бром.

Тоби развел руками.

— Ничего. Дело было сделано... а я пачинал испытывать такую усталость, словно ночь не спал.

— Не удивительно, при полученном тобой вчера психическом ударе, — напомнил ему Род. — И телепортрование, ручаясь, тоже требует от человека немало энергии.

— По-моему, да, — согласился Тоби. — Хотя раньше я такого не замечал.

— Ну, ты не так молод, как бывало. Сколько тебе теперь, девятнадцать?

— Двадцать, — ответил раздраженный Тоби.

— Совершенно верно, это огромная разница. Но это означает, что твое тело перестало расти и у тебя больше нет того неистового, отроческого избытка энергии. Кроме того, на какое самое дальнее расстояние ты телепортировался когда-либо прежде?

— Миль на десять — двадцать.

— Ну а на этот раз ты прыгнул... ну-ка, давай посмотрим... — Род уставился в пространство. — Всю ночь на парусном корабле... будем считать, что ветер дул попутный... скажем, десять миль в час. Возможно, часов так десять, если взять поправку на Переменную Постоянную Финаля... — Он снова посмотрел на Тоби. — Ты прыгнул на сто миль, а то и больше. Дважды. Неудивительно, что ты устал.

Тоби ответил храпом.

— Возьмите его, — проинструктировал Бром ратников, — и осторожно относите в постель. Этим утром он оказал нашей стране великую услугу.

Один из солдат нагнулся взять Тоби за ноги, но другой оставовил его, положив руку на плечо.

— Нет. Просто подыми кресло.

Первый солдат поднял голову, одобрительно кивнул и встал за ножки кресла, в то время как его товарищ поднял спинку. Род тут же запомнил лицо второго, отметив его как возможно обладающего потенциалом.

Дверь за ними закрылась, и Бром повернулся к Роду.

— Каким тебе представляется все это, лорд Чародей?

— Запутанным, — не колеблясь, ответил Род. — Для начала я бы хотел, чтобы он, проснувшись, нарисовал карту. А помимо этого? — Он пожал плечами. — Мы столкнулись с изрядной тайной, не так ли?

— Да, — согласился Бром. — Зачем им так тайно возвращаться в свое логово?

— Может быть, поскольку они не все вернулись из этой вылазки, — предположил Туан, — боялись осуждения со стороны родственников убитых.

— Возможно, — нахмурился Род. — Но это кажется маловероятным. Я хочу сказать, надо полагать, действительно бывают безжалостные племена с девизом — ну,

знаете, «со щитом или на щите» и все такое. Но их операция, знаете ли, закончилась не совсем чтобы полным провалом. Корабль их вернулся набитым добычей. Они забрали все не прибитое гвоздями, прежде чем сжечь все прибитое.

— Все равно, у них есть убитые, — указал Бром, — и если они заполучили новобранцев, обещая много добычи и мало опасности, то у них теперь есть причины страшииться гнева родственников погибших.

— А, я вижу, ты знаком с обычаями сержантов-вербовщиков, — весело обронил Род. — Но им все равно пришлось бы столкнуться с этим гневом, как только остальные селяне узнают, что они верпулись. Я имею в виду, рано или поздно ведь кто-нибудь заметил бы, что они дома. Так зачем же проскальзывать обратно втихую?

Катарина медленно подняла взгляд, лицо ее посветлело.

— Они прокрались обратно, словно тати в ночи, не так ли?

Род кивнул.

— Да. Как же это... — Тут у него расширились глаза. — Ну конечно! Ваше Величество нашли ответ!

— Что? — Бром, нахмурясь, переводил взгляд с одного на другую.

— Да, Вы нашли его, Ваше Величество! — вскочила на ноги Гвен. — Всю эту экспедицию совершили в тайне!

— Да! — Глаза у Туана вспыхнули. — В самом деле, это похоже на правду!

— Гипотеза не объясняет всех имеющихся данных, — произнес за ухом Рода ровный голос Векса.

— Но она кажется верной, — возразил Род. — Не знаю, как именно им удалось скрыть такую мелочь, как свое исчезновение на тридцать шесть часов, но я и сам мог бы придумать несколько способов.

Встревоженная Гвен посмотрела в его сторону.

— Это означает, Ваше Величество, — поспешно повернулся к королю Род, — что на нас напало не вражеское государство.

— Да, только тати, плавающие на кораблях. — Туан наморщил лоб. — Разве нет названия для таких, как они?

— Да, их называют пираты.

Рода не удивило, что народ Грамария позабыл этот

термин; их культура ограничивалась одним огромным островом и много веков пребывала в изоляции.

Туан задумчиво нахмурился, глядя в пространство.

— Как же бороться с морскими разбойниками?

— Узнав больше о море. — Род повернулся к Брому. — Есть в Грамарии кто-нибудь с такими знаниями? Бром задумался.

— В деревнях на побережье есть рыбаки.

— Значит, доставьте их, — крикнул Род через плечо, устремляясь к двери. — Доставьте мне рыбаков, знающих о ветрах, течениях и очертаниях берегов.

— Если ты того желаешь, доставим. Но ты-то куда направляешься, лорд Чародей?

— Выяснить, что там за течение, — откликнулся Род.

* * *

— Но должно же где-то здесь быть течение!

— Они не видны на стандартных фотографиях, сделанных в отраженном свете, Род, — объяснил Векс, — а когда мы прибыли на Грамарий, у нас не было причин делать снимки в инфракрасном свете.

Звездолет Рода лежал, погребенный под десятью футами глины на лугу в нескольких часах езды от Ранни-миды. Он убедил эльфов прокопать к нему туннель, чтобы ему можно было посещать его когда угодно.

Теперь, например. Он наслаждался такой редкой роскошью, как земное шотландское виски, пока сосредоточенно рассматривал ряд слайдов на экране карты-стола.

— Я ничего не вижу, Векс.

— Разве ты не ожидал именно этого, Род?

Мозг Векса, шар размером с баскетбольный мяч, висел в нише изогнутой стены. Род временно извлек его из тела стального коня и задействовал его в качестве автоматической секции управления. Конечно, он не собирался никуда лететь; он просто нуждался в Вексе для пуска в ход вспомогательного оборудования, такого, как досье топографической съемки.

— Ну да, теперь, когда ты упоминаешь об этом. — Род нахмурился, глядя на аэрофотоснимок побережья Грамария, на побережье материка напротив, и на открытое море между ними. Векс сделал снимки во время их орбитального облета планеты двумя годами ранее. Теперь они хранились в виде перестроенных зарядов в

гигантских молекулах кристаллической решетки памяти бортового компьютера. — Я не ожидал найти ничего, кроме растений и животных, но я этого не сказал. Лучше поберегись, Металлический Мозг, — ты приближаешься к интуитивным предчувствиям.

— Всего лишь интегрирую большее число певербальных признаков, Род, — заверил его робот.

— Интегрировать-то ты должен уметь здорово. — Род ткнул пальцем в выступ на побережье материка. — Увеличь-ка мне вот этот участок, идет?

Светящаяся плоскость на столе осталась, конечно, такого же размера, но изображение в ее пределах вышло за края, так что выступ становился все больше и больше, заполняя весь экран.

Род провел пальцем воображаемую линию.

— Здесь очень четкое деление — эта дуга, проходящая через весь выступ. Довольно аккуратно разграничивает растительность, как ты думаешь?

— Я не знаю, Род; я просто обрабатываю данные.

— В один прекрасный день тебе придется объяснить мне разницу. Что это там сверху слева? Похоже на заросли папоротников.

— Вполне возможно, так оно и есть. Большая часть планеты переживает свою каменноугольную эру, и гигантские папоротники — преобладающий вид растительности.

— Вдоль них идет береговая полоса. Что там на ней?

— Примитивное земноводное, Род.

— В некотором смысле, соответствует всему окружению, — кивнул Род. — Интересно, что скрывается под каменноугольной флорой?

— Полагаю, каменноугольная фауна.

— Ты, безусловно, полагаешь так.

— Человеческие поселения обычно занимают расчищенные места, Род.

— Кто их знает, может, им есть чего скрывать. Но если ты хочешь поговорить о расчищенном месте, то... — Род нахмурился, приглядываясь попристальней. — Похоже, тут могут расти несколько небольших деревьев.

Векс помолчал несколько секунд, а затем медленно произнес:

— Согласен, Род. Видимо, это деревья. Чахлые, но тем не менее деревья.

— Странно выглядят для папоротника, не так ли? Откуда же взялись деревья, Векс?

— Источник может быть только один, Род, — остров Грамарий.

— Ну, будем справедливы — некоторые из семян могли рассеяться.

— Вполне возможно, Род, но тут важен механизм рассеивания. Между этим участком материка и Грамарием может быть какое-то сообщение.

— Такое, как океаническое течение, которое я ищу? Ну-ну! — Род в восторге пригляделся попристальней. — Давай-ка посмотрим — кроме деревьев там просто светлая зелень без всяких частностей. Ты не мог бы проверить, что создает этот цвет, Векс?

Изображение на экране осталось того же размера, но робот проанализировал расположение электрических зарядов, составляющих эту запись.

— Это трава, Род.

Род кивнул.

— Опять же, она не могла взяться из зарослей каменноугольных папоротников. Но между папоротниками и полем такой четкий разрыв! Что могло создать такое четкое деление, Векс?

— Именно то, о чем ты, песомненно, думаешь, Род, — линия утесов, упомянутых Тоби.

— Теперь, когда ты упоминаешь об этом, я думал примерно так, — Род посмотрел на картинку. — Значит, мы, возможно, смотрим на логово зверолодей. Оно совпадает с описанием Тоби — за исключением одной мелочи.

— Я не вижу никаких аномалий, Род.

— Правильно. Она не в том, что там есть, — она в том, чего там нет. Никакой деревни.

Векс на миг умолк. А затем сказал:

— Понимаю твой довод. Нет никаких признаков человеческого или субчеловеческого поселения.

— Во всяком случае, никаких вытащенных на берег драккаров.

— Логический вывод может быть только один, Род.

— Да. — Род откинулся на спинку и пригубил шотландского. — Я знаю, в чем тут дело на мой взгляд — но давай сперва слушаем, что на уме у тебя.

— Разумеется, Род. Мы записали эти изображения два года назад во время начального подлета к планете. Очевидно, зверолодей тогда еще здесь не было. Следовательно, они прибыли в последние два года.

— Я тоже думал примерно так... Слушай! — Род

снова нагнулся вперед. — Это мне кое-что напоминает. Я собирался рассказать тебе кое о чем, замеченном мною во время битвы.

— Какие-то исторические несообразности в экипировке викингов зверолодей, Род?

— Ну, во всяком случае, некий анахронизм. Векс, эти зверолоды — неандертальцы.

На несколько секунд в маленьком корабле стало очень тихо.

Затем Векс сказал:

— Это невозможно, Род.

— Почему? — ответил с кривой усмешкой Род. — Всего лишь потому, что последние неандертальцы вымерли по меньшей мере за пятьдесят тысяч лет до того, как скандинавы начали ходить в викинг?

— Да, общее направление моих мыслей было примерно таким.

— Но с какой стати это должно тебя волновать? — развел руками Род. — Мы ведь нашли спрятанную в черных ходах замка Логайр машину времени, не так ли?

— Да, но мы вывели ее из строя вскоре после того, как разбили Ансельма Логайра.

— Разумеется, но как она в первую очередь туда попала?

— Да ясно... должно быть, сюда отправили построить ее путешественника во времени.

— Быстро соображаешь, Рассудительный Робот. — Род ткнул пальцем в ближайший глазок камеры. — И если они могли сделать это один раз, то могли сделать то же самое снова.

— Да уж... это, безусловно, логично...

— Разумеется, логично. Вот разумно ли — другой вопрос. Но та машина времени не очень-то походила на сымпровизированную, понимаешь?

— Ты ведь не хочешь сказать, что их производят в массовом масштабе.

— Ну, на самом-то деле, не в массовом масштабе... но я думал о небольшой фабрике.

Маленький корабль завибрировал от легкого содрогания.

— Род, ты хоть сколь-нибудь представляешь, насколько нелогичным может сделать человеческое существование такое событие?

Род в тревоге поднял голову.

— Эй, но-но! Не вздумай устраивать мне тут припадки!

— Я не настолько совершенно дезориентирован этой концепцией, Род. У меня, может, и есть робототехнический эквивалент эпилепсии, но чтобы вызвать припадок, требуется крайне нелогичное происшествие. Фабрика, производящая машины времени, может, и нелогична по своим следствиям, но не самим своим существованием.

При первом обнаружении машины времени Векс прореагировал совсем иначе, но Род оставил это без внимания.

— Ну, да я немного представляю себе, какие именно нелепости могут возникнуть при широком распространении машин времени. Что-нибудь вроде неандертальцев, облаченных в доспехи викингов, появившихся на планете, решившей заморозить свою культуру в средних веках. У тебя именно это на уме, Векс?

— Да, такое было начало, — слабо подтвердил робот. Но ты уверен, что они были неандертальцами, Род?

— Ну, насколько вообще могу быть уверен, — нахмурился Род. — Я имею в виду, наблюдал я их в условиях некоторой спешки, понимаешь? Мне не представилось возможности спросить у одного из них, не будет ли он настолько любезен снять шлем, чтобы я смог измерить его череп, если ты именно это имеешь в виду.

— Нет, но по ходу боя некоторые из звероловцев были убиты. Наверно, нам следует послать писца с мерной лентой.

— Брат Чайлд измерит; вполне можно найти ему хоть какое-то применение. Но он лишь подтвердит то, что я тебе говорю, Векс: тяжелая челюсть, никакого подбородка, надбровные дуги, скошенный лоб — я имею в виду действительно скошенный; явно никаких лобных долей мозга.

— А затылочный бугор, Род?

Род нахмурился.

— Ну, вот этого я действительно не могу сказать. Я имею в виду, ведь в конце концов, он находится в основании черепа, где его скрывает шлем. Проверь его на одном из... э, образчиков, хорошо?

— Я оставляю на этот счет письменные указания, Род, от твоего имени, конечно. Итак, значит, ты полагаешь, что кто-то удалил племя неандертальцев из примерно 50 000 лет до н. э. на Земле и переправил их сюда?

— А где ж еще могли откопать неандертальцев?

— Теория параллельной эволюции...

— Параллельные прямые не сходятся. И все же кто его знает; оставим такую возможность открытой.

— Но пока будем считать, что их забрали с Земли. И тот, кто доставил их сюда и снабдил их кораблями викингов, доспехами и вооружением. Надо полагать, эта неопознанная сторона также научила их навигации. Но почему они напали на нас?

Род пожал плечами.

— Надо полагать потому, что им так велела эта неопознанная сторона... но оставим пока этот вопрос.

— Ну, его не требуется оставлять слишком открытым. — Род нахмурился. — Я имею в виду, ведь у того, кто бы там это ни провернул, должна быть машина времени — а мы уже знаем две задействованные на Грамари организации с таким оборудованием.

— Анархисты и тоталитаристы будущего. Да?

— Верно. А раз доступны два таких кандидата, я не вижу никакой надобности выдвигать третьего.

— Которая из двух, по-твоему, вероятней в данном случае?

— О, я б сказал, что эта затея, вероятно, дело рук анархистов, — поразмыслил Род. — Стиль, на мой взгляд, похож на их.

— В каком плане?

Род пожал плечами.

— Почему экипировка викингов? Надо полагать, по той же причине, по какой ее применяли викинги — чтобы вселить ужас в сердца своих жертв. А вселение подобного ужаса служит общей цели создания хаоса из того общественного порядка, какой там господствует. Кроме того, они любят делать кого-нибудь подставным лицом — «власть за троном» и все такое.

— В данном случае, за пиратами. И все же твой довод неплох, Род. Тоталитаристы больше склонны к личному участию. Кроме того, они предпочитают осторожную, скрытную подготовку, кончающуюся революцией, а не постоянные мелкие уколы, постепенно дезориентирующие местную власть. Да, логично считать преступниками анархистов.

— А если это логично, то, вероятно, и неверно. — Род снова нагнулся над картой-экраном. — И это напоминает мне... — тут полное различие в растительности в зависимости от того, на какой стороне утесов находишься.

— Совершенно отличная растительность, Род. Исключительно трава.

— Что, нет даже фунгус амонгус?

— Ну, есть кое-какие мхи и лишайники.

— Как же вышло, что ничего больше нет?

— Растительность, кажется, указывает на небольшой район, в котором температура намного ниже, чем в окружающем лесу. Полагаю, в данной точке с моря дует холодный бриз, охлаждая район вокруг залива. Стена утесов не дает ему забраться в глубь материка.

Род поднял взгляд.

— Эй! Это ведь указывает на холодное течение?

— По всей вероятности. Род. — Голос робота звучал немного покровительственно.

— И именно это течение проходит мимо Грамария.

— Кажется, так, — ответил Векс.

Род кисло улыбнулся и бросил стаканчик в утилизатор.

— Ну, хватит бездельничать. — Он встал, подошел к стене и принялся высвобождать зажимы, державшие баскетбольный мяч мозга Векса. — Что происходит после того, как такое холодное течение врывается в побережье, Векс?

— Вероятно, оно нагревается от контакта с тропическим материком непосредственно к югу от утесов, Род. Потом масса континента вынуждает его направиться в море.

Род кивнул.

— Судя по положению и очертаниям материка это означает, что течение будет направлено на северо-запад — обратно к Грамарию.

— Вполне возможно, Род, — но не следует строить гипотез, не имея достаточно данных.

— Ладно. — Род сунул серебряный баскетбольный мяч под мышку. — Как скажешь, Векс. Кроме того, пришло время обедать.

— Ты же знаешь, Род, что роботы не едят.

— Вот забавно, а я думал, ты в настроении проглотить несколько байтов...

* * *

Часовой у двери в комнату вошел туда и объявил:

— Лорд Верховный Чародей, Ваши Величества.

Род прошел мимо него и остановился при виде высо-

кого хмурого человека с худым и длинным лицом, стоявшего перед Катариной и Туаном. Кожа у него была загорелой и дубленой. Поверх камзола и рейтуз он носил короткую парчовую куртку, отороченную мехом, а в руках стискивал круглую шляпу.

Тут Род вспомнил о приличиях и повернулся поклониться.

— Ваши Величества! Я провел небольшое исследование.

— Надеюсь, наш новый источник поможет ему, лорд Чародей, — кивнула на незнакомца Катарина. — Разрешите представить вам мастера Меридиана, капитана торгового корабля.

— Торгового корабля? — повернулся к моряку пораженный Род. — А я и не знал, что у нас такие есть.

— Воистину есть, милорд. — Шкипер отвесил ему холодный поклон. — Перевозить товар на корабле вдоль побережья быстрее и дешевле, чем тащить его по болотам.

— Конечно, так и должно быть. Мне следовало бы об этом подумать. Но откуда вы узнали, что нам нужны советы морехода, мастер Меридиан?

— Мы по-быстрому известили рыбаков во владениях Логайра и Романова. И там утверждали, что им ведомы течения, идущие мимо берега, дальше чем они, в общем, заплывают, — ответил Туан. — И все же все утверждали, что далее того им ничего не ведомо.

— Конечно, они не могут знать, где проходят течения, — нахмурился Род. — Они никогда не выходили в море дальше, чем можно вернуться в пределах одного дня. Но они знали о вас, капитан?

Капитан кивнул.

— Лорды время от времени отдают своих рыбаков служить на моих кораблях, милорд. Да, они знают обо мне.

— А вы знаете, где проходят течения? — Род начал было искать взглядом кресло, а затем вспомнил, что сидеть в присутствии короля и королевы — дурной тон. Бром-то мог; но Бром — особый случай. — По крайней мере, вы знаете, где они проходят около острова Грамрий?

— Да, милорд — хотя лучше будет сказать, что я знаю, где течения не проходят.

— В самом деле? Значит, течения повсюду вокруг острова?

— Не совсем, западное побережье лишено их.

— Странно, — нахмурился Род. — Вы не могли бы показать мне на карте?

— На карте? — На какую-то секунду капитан Меридиан, казалось, растерялся, а затем, порывшись, извлек из сумки на поясе книжечку. — Да, я могу показать, где я записал о них в своей лоции, и все ж разве не легче просто выслушать?

— Нет, нет! Я хочу, чтобы вы показали мне на... — Тут Род приумолк, вспомнив, что у народов средних веков не было карт в его понимании этого слова. Идея рисования очертаний берегов была им чужда. Картам придется подождать Ренессанса с его представлением о неразрывном, едином космосе. Род повернулся к двери, высунул голову в коридор и уведомил часового: — Пергамент и перо, солдат, и быстро. — А затем вернулся в комнату. — Через минуту будет, Ваши Величества. Мастер Меридиан, вообразите себя птицей, пролетающей над островом Грамарий, глядя сверху на его берега.

Меридиан улыбнулся.

— Представление это достаточно приятное, милорд Чародей, но я не вижу от него проку.

— О, но он есть! — поднял указательный палец Род. — Я нарисую вам картину этих берегов такими, как их видит птица.

Дверь открылась, и влетел паж с широко раскрытыми глазами, держа пергамент, перо и чернила.

— Спасибо, парень! — Род схватил орудия труда и пошел к столу. Раскатав пергамент, он принялся набрасывать рисунок. — Вот это — западное побережье, капитан Меридиан. Он провел длинную, ломаную, изогнутую линию. — Вот герцогство Савойя, а вот — Габсбург. — Он завернул нижний конец линии в стрелку, а потом принялся вести поперечную линию, полную выступов и впадин. Капитан Меридиан, нахмуясь, следил за его рукой, пытаясь соотнести эти чернильные каракули с реальностями скал, приливов, отливов, течений и видимых сквозь туман отдаленных гор. Наконец, его лицо засияло, и он ткнул пальцем в самый дальний южный изгиб.

— Вот тут мыс Суси! Но раз мне приходилось убавлять паруса, чтобы не дать юго-западному вихрю перевернуть мой корабль, когда мы огибали тот мыс!

— Юго-западному? — поднял голову Род. — Течение проходит там?

Капитан Меридиан с энтузиазмом кивнул.

— Да, да! В том самом месте. Западной этого места, милорд, я ничего не знаю о течении; на самом-то деле, вообще ничего там не знаю, так как ни разу не имел случая заплывать туда. Но северней этого нет никакого течения, на всем западном побережье нет ничего, кроме приливов и отливов да местных возмущений.

Род кивнул.

— Значит, именно тут течение и подходит к Грамарию. Вот это южное побережье, мастер Меридиан. — Он провел длинную кривую, а затем его перо побрело на север. Меридиан завороченно следил, как перед ним принимают форму очертания острова.

— То колдовство, — вздохнул он, показав на карту, когда Род закончил. — Вон там залив Роланда, а вот здесь — побережье Романова. Вот тут устье реки Флев, а вон тут — полуостров Тристесс Пуан. — Он поднял взгляд на Рода. — Вы и впрямь лорд Верховный Чародей! С помощью какой магии вы можете так хорошо описать очертания сих берегов?

— О, я знаю некоторых людей, немало полетавших на своем веку, — пожал плечами Род. — Я что-нибудь упустил?

— Из самого побережья — нет. — Меридиан опять обратился к карте и показал: — Но вот здесь вам надо нарисовать Большой Риф — посередине западного побережья — а вот здесь скала Геберн... — его палец ткнул в карту у самого побережья Романова, — ...и... но в другой раз. — Он отмахнулся от неуместной мысли. — На вашей карте нет множества вещей, которые обязательно надо знать любому мореходу.

— Таких, как течения? — Род обмакнул перо в чернила и вручил его шкиперу опереньем вперед. — Не покажете ли вы мне, где они проходят, мастер Меридиан?

Глаза у капитана расширились. Он медленно взял перо и начал чертить. Род следил, как из-под пера вырастают плавные, размашистые линии, подходя Бог знает откуда к мысу Суса, протекая вдоль южного берега, огибая восточное побережье и владения барона Раддигора, вокруг герцогства Бурбон и вдоль северного берега мимо Романова, мимо Габсбурга — и снова уходя в неизвестность.

Меридиан со вздохом вернул перо в чернильницу.

— Лучше изобразить не могу, лорд Чародей. — Он поднял взгляд на Рода. — Большого я не знаю.

— Ну, возможно, я сумею кое-что добавить. — Род взял перо. — Видите ли, один из наших юных чародеев только что проделал быстрое, за ночь, путешествие на запад. — Он принялся набрасывать вогнутую кривую в нижнем левом углу пергамента. — Он увидел нечто вроде вот этого... — Кривая загнулась в прямой угол с выступающей шишкой. Род набросал точками линию поперек основания выступа, а затем, переместившись выше, начал чертить течение с того места, где закончил капитан Меридиан. — Он последовал за тем последним отрядом налетчиков до их отчества, и, судя по его словам, я полагаю, они плыли вот по этому маршруту — и значит, течение идет на юго-запад, вот так... — Штрихи его пера опустились к матерiku, а затем резко повернули, огибая выступ. — Вы, конечно, знаете, мастер Меридиан, что Грамарий всего лишь остров и что там, на западе, есть материк, континент.

Капитан Меридиан кивнул.

— Мы знали, лорд Чародей, и все же лишь о том и ничего более. Да и это дошло лишь из рассказов, переходивших от дедов к внукам.

— Ну, наш юный чародей проверил их. — Набросанные Родом штрихи обогнули выступ. — Мы думаем, этот полуостров и является тем, что зверолюди называют «отчизной». И можно смело утверждать, что течение проходит мимо него. — Он не счел нужным сообщать капитану, насколько смело можно это утверждать. — А затем оно направляется на юг, охватывая берег, пока не нагревается у этого выступа континента, который также вынуждает его течь обратно в море, на северо-восток — и конечно же, в том же направлении... — Его перо набросало штрихи вверх направо до тех пор, пока они не соединились с линией капитана Меридиана у мыса Су-си. — И вот тут оно возвращается в известные вам пределы. — Он выпрямился, уронив перо обратно в чернильницу. — И вот оно перед вами, мастер Меридиан. Общими усилиями мы нанесли на карту течения.

В ухе у Рода прозвучало сдержанно-скромное электронное покашливание.

— Конечно, нам оказали небольшую помощь в добывании основных сведений, — добавил Род. — Вся эта картина имеет смысл?

Шкипер кивнул с горящим взором.

— Безусловно, милорд. — Он повернулся к Туану и Катарине. — Смотрите, Ваши Величества! — Он провел

указательным пальцем вдоль течения. — Зверолюди выводят свои корабли-драконы в течение на восток, вот здесь. Оно несет их через море сперва к Логайру, вот так; потом обратно в течение, вокруг восточного побережья, и снова прочь на запад, над макушкой Грамария и дальше обратно к ним домой.

Его палец завершил петлю, снова прибыв к выступу на побережье материка.

Туан с шипением втянул в себя воздух.

— Да, мастер Меридиан. Так. Мы понимаем.

Дверь открылась, и вошел часовой.

— Ваши Величества, Гвендайлон, леди Гэллоуглас.

Гвен вошла и быстро сделала книксен.

— Добро пожаловать, милочка. — Катарина приподнялась с кресла и подошла к Гвен, протягивая руку. — Рада тебя видеть, ты как раз вовремя. Сии глупые мужчины хотят совсем заморочить мне голову своей бессмысленной болтовней о течениях и мысах.

Гвен выпрямилась и пожала Катарине руку с улыбкой разделенного веселья.

Род так и подпрыгнул. А затем выпрямился, наблюдая уголком глаза за дамами. Катарина и Гвен никогда не поддерживали особо тесных отношений, особенно ввиду того, что Катарина, казалось, сильно интересовалась Родом до того, как он снова вернул в ее жизнь Туана. Он не думал, что Гвен знала об этом — по, впрочем, никогда нельзя утверждать наверняка, имея дело с телепаткой. В общем и целом, такая теплая встреча обеспокоила его.

— Чего это вы затеяли?

— Затеяли? Да ничего! — Катарина была сплошь оскорбленная невинность. — Но тем не менее, мы напili время обсудить ошибочность ваших действий, лорд Чародей, и ваших, мой благородный супруг.

Туан выглядел даже более настороженным, чем Род.

— В самом деле, милая? И в чем же я ошибаюсь?

— Вы всегда говорите о способах отправиться поколотить других мужчин дубинами и посечь их мечами. Мы же сочли более важным оградить ваших солдат от дубин и секир врагов!

— Хороший довод, — признал Туан. — Если можно притом оградить их жен и детей, да земли с припасами, дающими им пропитание.

— Мне очень неприятно признавать такое, — согласился Род, — но оглушить человека ударом дубины по

голове — это-таки очень действенный способ гарантировать, что он не оглушит тебя.

— А, но в таком случае, милорд, надо сделать вашего солдата способным нанести такой удар, — напомнила ему Гвен. — А для этого надо оградить его от Дурного Глаза звероловдей.

Род обменялся сковфуженным взглядом с Туаном.

— Достали они нас, Ваше Величество. Мы настолько увлеклись обдумыванием контрнаступления, что не уделили достаточно времени психической обороне.

— Не волнуйтесь, милорды, — успокоила их Катарина. — Ибо мы об этом подумали.

— В самом деле, — чирикнула Гвен. — Средства уже под рукой, как и показали мы с Тоби, когда звероловды сражались с нашими солдатами.

— Боюсь, что я чего-то недопонял, — нахмурился Туан. — Вы оградили их?

— О, безусловно оградили, — заверил его Род. — Если б Гвен и Тоби по... э... не разбили чары Дурного Глаза, мы, вероятно, не спасли бы даже и кучки ратников, уцеловших в той битве.

— Помнится, ты говорила, что вы на короткое время развеивали чары, — потер подбородок Туан. — И все же лишь на несколько минут.

— Действительно, их мысли были слишком тяжелы для нас, — признала Гвен. — И все же, мой государь, нас было всего двое и каждый из нас действовал в одиночку.

— Ты пытаешься сказать, что они просто одолели нас, — перебил ее Род. — Но что помешает им проделать то же вновь?

— Как что, большее число ведьм! — Лицо Гвен расцвело розовой улыбкой.

Катарина взяла Гвен под руку, кивая.

— Именно, лорд Чародей! Ваша жена думает, что если ведьмы возьмутся за руки, то смогут действовать в гармонии. Таким образом, если нам удастся собрать двадцать ведьм, то вместе они смогут противостоять Дурному Глазу одного корабля, полного звероловдей.

— Всего двадцать против сотни? — Род почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. — Вы уж меня простите, но мне не нравится такое соотношение сил.

— Нам тоже, — серьезно ответила Гвен. — Нам бы-

ло б действительно неплохо иметь побольше ведьм и чародеев.

Холодок вдоль спины сделался еще холоднее.

— Мне почему-то не нравится эта затея.

— И мне, — согласился Туан. — Что вы задумали, жена моя?

— Королевский призыв, — вскинула подбородок Катарина. — Есть немало ведьм и чародеев, муж мой, прячущихся в глуши, на фермах и в небольших деревнях. пытаюсь сокрыть свои способности из страха, что друзья и родные могут отвернуться от них. Те, что не явились в Королевский Ковен из страха перед нами или нежелания покидать своих.

— Вы отправляетесь на вербовку, — констатировал глухим тоном Род.

— Если хотите, называйте это так. Отправляюсь! — Катарина мотнула головой. — Сами подумайте — разве призыв какого-то герольда приведет ко двору испуганную девушку? Нет. И все же присутствие королевы потребует ее верности. — Она посмотрела горящими глазами на Туана, словно говоря: «Попробуй возразить!»

— И где же вписываешься в эту затею ты? — Род навел сомневающийся взгляд на жену.

— Леди Гэллоуглас останется здесь обучать Королевских Ведьм борьбе с Дурным Глазом, в то время как я буду разъезжать по стране, призывая ко двору робких ведьм. — Катарина покровительственно потрепала Гвен по руке, глядя горящими глазами на Рода.

Род открыл было рот, готовый спорить (он не мог удержаться, даже если спорить было не о чем; Катарина просто слишком очевидно напрашивалась на это), но тут распахнулась дверь, и вошел с поклоном бледный часовой.

— Ваши Величества!

Катарина круто обернулась, перенося пылающий взгляд на паж.

— Что означает это неподобающее вторжение, сударь?

— Пришло известие через ведьм, Ваши Величества! Зверолюди высадились в устье реки Флев!

— Созывай армию! — бросил Туану Род и направился к двери. — Я вывожу Летучий Легион или то, что от него осталось!

— Нет, милорд! — закричал паж. — Они высадились под белым флагом!

— Что? — уставился на него, резко повернувшись, Род.

Часовой кивнул.

— Да, милорд. Их всего лишь кучка, и они сдались рыцарям милорда Бурбона. Уже сейчас те едут к Риннимиду, хорошо охраняя своих диких... — он поклонился, а затем обратил вопросительный взгляд на короля, — ...гостей?

— Да, гостей, если те и впрямь высадились под белым флагом. — Туан поднялся. — Пошлите приказ хорошенько охранять их, так как, несомненно, среди нашего доброго народа найдется много желающих перебить их. Лорд Чародей, идемте! — и широким шагом направился к двери.

— Куда вы? — потребовала ответа Катарина.

Туан обернулся в дверях.

— Я поеду им навстречу, душенька, мы должны как можно скорее переговорить с ними. Один потерянный час может означать десяток жизней.

Он вышел, и Род поспешил догнать его. Дверь за собой он закрыл, оставляя Катарину и Гвен с чувством облегчения.

* * *

«И тогда Верховный Чародей поехал на восток навстречу зверолюдям, явившимся столь странно под белым флагом, и Его Величество король поехал с ним; хоть и были те зверолюди немногочисленны, они были огромными и свирепыми на вид, подобны демонам обличем своим, ходившие по лицу земли, как львы рыкающие. У них торчали клыки, как у кабанов. В руках они держали утыканые шипами дубины в пятнах от засохшей крови, и время от времени искали, кого убить. Поэтому, когда они приблизились к зверолюдям, Его Величество король приказал Верховному Чародею охранять их своей магией, чтобы не забыли они про белый флаг и не оказался бы он гнусным вероломством. И Верховный Чародей сплел вокруг них чары, стоя подобно башне под солнцем, высясь над зверолюдьми; и глаза его сверкали подобно алмазам в лучах зари, и вид его вселил ужас в сердца их и поэтому они стояли онемевши. И тогда он сплел чары вокруг них, словно невидимую клетку, Стену Октрон, сквозь которую они могли говорить, но не могли ударить. Потом обратился он к королю, сказав: «Смот-

рите, чудовища эти стеснены и ничто не может повредить вам, до тех пор пока вы разговариваете с ними». И тогда спросил король Туан: «Что вы за люди и зачем явились вы в страну Грамарий?». И тогда один из них выступил вперед и сказал с варварским произношением, что он был верховным владыкою в их диком и жестоком царстве, но другие правители восстали против своего короля и свергли его, и поэтому этот небольшой отряд явился, моля о милости короля Туана. Тут сердце короля Туана тронула жалость и сказал он им так: «Бедные благородные сердца! Понимаю я, что вероломные злодеи, разорившие мое королевство, разорили также и ваше!». И он взял их с собой обратно в Раннимид; и все же Верховный Чародей не расплел стянутую вокруг них невидимую плотную сеть...»

Чайлдовская «Хроника царствования Туана и Катарины».

* * *

— Скажи, как зовут тебя? — недоверчиво уставился Род.

— Йорик, — развел руками зверочеловек. — А в чем дело? Неужто никогда не слышал раньше такого имени?

— Ну да, слышал, но никогда в реальной жизни... а что касается литературы, то ты с виду не очень похож на англичанина.

Он оглянулся через плечо на стоявших позади него солдат с алебардами наперевес, а затем посмотрел на их товарищей, стоявших кольцом вокруг неандертальцев, наставив острия алебард на звероловлю. Род подумывал, не велеть ли им опустить оружие, но решил, что это будет малость преждевременно.

— Одно твое слово, и они уронят эти копья, как по волшебству, — указал зверочеловек.

— Да, знаю, — усмехнулся Род. — Разве это не здорово?

— Для вашей стороны, может быть. — Йорик потер ладонью глаза. — Меня не покидает чувство, будто я все это уже пережил.

— Нет, правда? — нахмурился Туан. — И у меня тоже такое чувство.

Неандерталец покачал головой.

— Действительно, престранно. Я уже видел все это. Вот только... — Он повернулся к Роду. — Тебе следова-

ло быть примерно на фут повыше, с пронзительными глазами и широким, благородным челом.

Род напрягся.

— Что значит «следовало быть»?

Неандерталец успокаивающе поднял ладонь.

— Не обижайся. Но тебе также следовало обладать величественной наружностью... что бы это ни было такое.

— В самом деле, — согласился Туан. — А тебе полагалось быть горбатым, с торчащими из углов пасти клыками и с выражением очей, как убийцы-недоумка.

Пораженный Йорик зарычал. Затем лицо у него потемнело, а брови сошлись, закрывая глаза (брови у него были обширные). Он шагнул вперед, открывая рот — и Род быстро прыгнул между ними.

— У вас, э, обоих возникло такое одинаковое чувство, э, дежа ву*?

— Хорошее выражение, — одобрительно кивнул Йорик. — Я знал, что этому есть название.

Теперь настала очередь Рода воззриться на него. Затем он произнес:

— Э... ты слышал раньше про «дежа ву»?

— Знаю, что слышал, точно знаю, — закивал Йорик, усмехаясь. — Просто не мог найти ему места, вот и все.

Кучка зверолов позавидев на него заворчала и зашептала, бросая быстрые, настороженные взгляды на Рода и Туана.

— А ты как? — обернулся Род к Туану. — «Дежа ву». Когда-нибудь слышал раньше такое?

— Никогда в жизни, — твердо сказал Туан. — Оно что-то означает?

— Конечно, означает, — усмехнулся Йорик. — Оно значит, что я нездешний. Но ты и так понял это, не правда ли, Верховный Чародей? Я имею в виду, ведь вполне очевидно, что я родился не здесь.

— Да, по я думал, что вас всех своего рода похитили. — Род пахмурлся. — Но один из вас соучаствовал в этом похищении, не так ли?

— Пожалуйста! — поморщился как от боли Йорик. — Я предпочитаю думать об этом, как о помощи изгнанникам.

— Ах вот как! Я думал, это связано с поиском нового хозяина!

* Я мыслю, значит, существую (лат.).

— Допустим, а кто хозяин? — пожал плечами Йорик. — Земля просто лежала там, совершенно пригодная; никто ею не пользовался. Нам потребовалось всего лишь дать пинка нескольким динозаврам и въехать на поселение.

— И вам никогда не приходило в голову, что мы, живущие здесь, на Грамарие, можем иметь какое-то свое мнение по этому поводу, да?

— С какой стати? Я имею в виду, вы же были здесь, а мы там, а между нами весь океан. Вам не полагалось даже знать, что мы там живем!

— Лорд Чародей, — вмешался Туан. — Новость эта очень интересная, но несколько сбивает с толку.

— Да, дело немножко усложняется, — согласился Род. И снова повернулся к Йорику. — Как думаешь, не начать ли нам сначала?

— Прекрасно, — пожал плечами Йорик. — Где оно?

— Давай выберем его с твоей личной точки зрения. Где начинается твоя история?

— Ну, одна женщина подняла меня за ноги, шлепнула по задку и сказала: «Мальчик!» А рядом стоял один мужчина...

— Нет-нет! — Род сделал глубокий вдох. — Это немного чересчур далекое прошлое. Как насчет того, чтоб начать с твоего обучения английскому? Как тебе удалось его усвоить?

Йорик пожал плечами.

— Меня кто-то обучил. Как же еще?

— Ошеломляющее открытие, — проворчал Род. — Ну почему это я сам не додумался? Нельзя ли немного поконкретней об учителе? Твоя речь, к примеру, говорит мне, что он был не из средневековой культуры.

Йорик нахмурился.

— Как ты догадался? Я имею в виду, мне известно, что меня отправили далеко не в подготовительную школу, по...

— Ах вот как! А я-то думал, тебя перво-наперво занесли в список учащихся в Гротоне!

Йорик твердо покачал головой.

— Не смог сдать вступительные экзамены. Мы, неандертальцы, не слишком хорошо владели символами. Никаких лобных долей мозга, знаете ли.

Род уставился на него во все глаза.

Йорик в ответ озадаченно нахмурился. Затем по лицу его расплылась болезненная усмешка,

— О. Понимаю. Держу пари, ты гадаешь, что если я не владею символами, то как же я могу говорить. Правильно?

— Мне приходило на ум что-то в этом роде. Конечно, как я замечаю, у твоих товарищей есть какой-то свой язык.

— Очень даже свой; не найдешь никакого другого неандертальского племени, говорящего на нем.

— Я, в общем-то, и не собирался искать.

Йорик оставил перебранку без внимания.

— Эти изгнанники происходят от стольких разных народов, что нам пришлось разработать *lingua franca**. Он, конечно, побогаче любого из языков-родителей — но все равно у него очень ограниченный словарь. Никакой неандертальский язык не заходил намного дальше таких речений, как «моя голодный — это еда — убей».

— Этому я могу поверить. Так как же ты тогда смог выучить английский?

— Точно так же, как попугай, — объяснил Йорик. — Я запоминаю все сигнальные реплики и следующие за ними ответы. Например, если вы говорите «здравствуйте», то для меня сигнал сказать в ответ «здравствуйте», а если вы говорите «как поживаете?», то это для меня сигнал сказать «прекрасно, а как вы?», даже не думая об этом.

— Такое вообще-то присуще не только неандертальцам, — указал Род. — Но здесь ты ведешь разговор чуточку посложнее.

— Да, ну это происходит благодаря мысленным сигналам. — Йорик постучал себя по черепу. — Видите ли, понятие подталкивает меня изнутри, и это действует подобно сигнальной реплике, и слова для выражения этого понятия тотчас выскакивают из памяти в ответ на этот сигнал.

— Но то же самое, в общем-то, происходит и когда говорим мы.

— Да, по вы знаете, что означают эти слова, когда произносите их. Что же до меня, то я просто цитирую. И по-настоящему не понимаю того, что говорю.

— Ну, я знаю множество людей, которые...

— Но они могли бы понять, если бы удосужились подумать.

* *Deja vu* (фр.) — уже видел. В психологии так называют явление ложной памяти.

— Ты не знаешь этих людей, — натянуто улыбнулся Род. — Но я улавливаю твой довод. Вот поверить в него — другое дело. Ты пытаешься сказать мне, что не понимаешь слов, которые говоришь мне прямо сейчас — даже если удосужишься обдумать каждое слово в отдельности.

Йорик кивнул.

— Теперь ты начинаешь понимать. Большинство из них просто звуки. Мне приходится принимать на веру, что они имеют именно то значение, какое я хочу им придать.

— Кажется весьма рискованным делом.

— О, не слишком. Суть я понимаю. Но большая часть высказывается просто по принципу стимул-реакция, подобно тому, как кошка говорит «мяу», завидя молоко.

— Объяснение это, которое ты мне только что представил, весьма сложное, — указал Род.

— Да, но оно все от памяти, вроде прокручивания записи. — Йорик развел руками. — Сам я по-настоящему не врубаюсь в него.

— Но твой родной язык...

— Состоит из нескольких тысяч звуковых эффектов. Хотя даже не очень и музыкальных — музыкальные лалы тоже, в основном, находятся в лобных долях мозга. Манипулировать тонами — все равно что манипулировать цифрами. Однако я люблю слушать музыку. Для меня даже «У Мэри был барашек» — настоящее чудо.

Тут вмешался нахмурившийся Туан.

— Он говорит, будто он лупоглазый недоумок?

— Эй, не надо этого! — поднял руку Йорик, негодующе качая головой. — Не надо нас недооценивать. Мы, знаете ли, народ умный — с таким же объемом мозга, как и у вас. Просто мы не можем этого высказать, вот и все, или еще складывать и вычитать, если уж на то пошло. Мы можем сообщать только о конкретных вещах — ну, знаете — еда, вода, камень, огонь, секс — о таком, что можно увидеть и потрогать. Мы не можем говорить только об абстракциях; те требуют символов. Но интеллект у нас на месте. Именно мы научились пользоваться огнем — и обкалывать кремьнь для изготовления оружия. Инструменты, может, и не очень хорошие — но мы совершили крупный прорыв

Род кивнул.

— Да, Туан, не надо этого недооценивать. Мы считаем себя умными оттого, что изобрели атомпу... э... — Род

вспомнил, что ему не полагается уведомлять грамариЙцев о передовой технологии. Та могла расстроить всю их культуру. И выбрал их версию оружия, подвергшего опасности цивилизацию, — ...арбалет. Но додуматься до укрощения огня было ничуть не легче.

— Молодец, — одобрительно кивнул Йорик. — Вы, сапиенсы, сумели построить такую сложную цивилизацию потому, что еще до того, как вы стали существовать, под вами заложили хороший фундамент; вы унаследовали его, когда развились. Но подвал построили именно мы.

— У неандертальцев был разум, — объяснил Род. — Просто они не могли манипулировать символами — а без них можно дойти лишь до определенного предела.

Йорик кивнул.

— Аналитические рассуждения просто-напросто не наша сильная сторона. Однако мы мастаки по части предчувствий — и у нас отличная память.

— Приходится иметь такую для запоминания всех этих непонятных вам стандартных ответов.

Йорик кивнул.

— Я могу вспомнить почти все, что когда-либо происходило со мной.

— А как насчет того, кто обучил тебя английскому?

— О, разумеется! Это... — Тут Йорик застыл, уставясь на Рода. Минуту спустя он снова попытался болезненно усмехнуться. — Я, э, не хотел приступать к этому, э, уж так скоро.

— Да, по вот мы хотели, — сладко улыбнулся Род. — Кто тебя обучил?

— Тот же парень, который дал мне имя, — сказал Йорик.

— Значит, он обладал кое-каким образованием — и определенно был не из средневековой культуры.

— Как ты столько определил по одному этому факту? — пахмурился Йорик.

— Поманипулировав символом. Как его звали?

— Орел, — вздохнул Йорик. — Мы прозвали его так потому, что он походил на него.

— Чем? У него были перья? — Перед глазами у Рода вдруг возникло видение негуманоида из отряда птичьих, руководящего покорением земной планеты чужими руками.

— Нет, нет! Он человек, спору нет. Может, он и стал бы отрицать это — но это так. Просто у него нос похож на клюв, и выглядит он всегда немного рассерженным, и

волос немного — да ты знаешь. Он обучил нас сельскому хозяйству.

— Да, — нахмурился Род. — Неандертальцы ведь так и не вышли за пределы культуры охотников-собирателей, не так ли?

— Сами по себе, да. Но данная конкретная кучка неандертальцев в любом случае сама по себе никогда не сошлась бы. Орел собрал нас поодиночке со всей Европы и Азии.

— Станный способ сбора, — нахмурился Род. — Почему он просто не взял уже сложившееся племя?

— Потому что он не хотел возиться с племенем. Он хотел спасти группу невинных жертв.

— Жертв? — нахмурился Род. — Кто же вас шпынял?

— Все, — развел руками Йорик. — Для начала, плосколицые — вроде вас, только покрупнее. Они обкалывали камень, изготавливая орудия, так же как и мы — только делали это намного лучше.

— Кроманьольцы, — медленно проговорил Род. — Ваш народ — последние неандертальцы?

— О, ни в коем случае! Фактически, в том-то и заключалась вся беда — во всех этих других неандертальцах. Они нас на дух не переносили. И скорей убили бы нас, чем поглядели на нас.

Род вдруг нашел определение Йорику — тот был параноиком.

— Я думал, дело происходило совсем наоборот.

— Как? Что мы скорей убили бы их, чем посмотрели на них?

— Нет, что вы убили бы их, когда посмотрели на них.

Йорик, похоже, почувствовал себя неуютно.

— Ну да, эта штука с Дурным Глазом — в нем-то и заключалась вся беда. Я имею в виду, ведь стараешься же изо всех сил скрыть его; стараешься спрятать его — но раньше или позже кто-нибудь да замахнется и попытается хрястнуть тебя дубиной.

— Да брось ты! Это ведь не было неизбежным, разве не так? — бросил Род.

— Никогда не жил в компании с неандертальцами?

— О! — Род чуть склонил голову набок. — Вы были не очень-то цивилизованные, да?

— Жили как пещерные люди, — подтвердил Йорик.

— О, верно. — Род, смутившись, отвел взгляд. — Извини, я забыл.

— Здорово, — усмехнулся Йорик. — Это комплимент.

— Полагаю, да, — медленно согласился Род. — Но как получилось, что ваши ссоры обязательно оборачивались насилием?

Йорик пожал плечами.

— Ну что я могу вам сказать? Никаких адвокатов. Какой бы ни была причина, мы склонны колошматить друг друга — и тогда ничего нельзя с собой поделать; приходится заставить противника цепенеть.

— Чисто для самозащиты, конечно.

— О да, чисто! У большинства из нас хватало ума не бить в ответ оцепеневшего — а те, у кого не хватало, все равно не могли; удержание человека оцепеневшим требует кой-какой сосредоточенности. На битье просто-напросто ничего не остается.

— Ну, может быть. — У Рода имелись сомнения. — Но с чего ему желать потом убить тебя, когда ты его не тронул?

— Это же только ухудшало дело, — вздохнул Йорик. — Я хочу сказать, если я заставлю тебя оцепенеть, ты почувствуешь себя достаточно скверно...

Лязг и шорох позади Рода красноречиво свидетельствовали, что его солдаты взяли оружие наизготовку. Рядом с ним Туан пробормотал:

— Поосторожней, зверочеловек!

Йорик пер далъше, не обращая на них внимания.

— Но если я не исколошмачу тебя, ты сочтешь это пренебрежением и еще больше возненавидишь меня. И все же беда возникала не из-за того, кто цепенел — из-за зрителей.

— А что вы делали — билетами спекулировали?

У Йорика раздраженно сжался рот.

— Ты хоть понимаешь, как трудно уединиться в этих маленьких племенах?

— Да... полагаю, с этим возникает проблема.

— Кой черт проблема! Просто гибель! Кто захочет, чтоб ты жил рядом, если ты можешь сделать с ним такое? И есть только один способ гарантировать, что тебя рядом не будет. Нет, выбираться из деревни нам пришлось самим. Обычно, нам в этом сильно помогали...

— Просто чудо, что хоть кто-то из вас выжил. — Затем в мозгу у Рода что-то щелкнуло. — Но вы уцелели, не так ли? Если кто-нибудь подбирался слишком близко, вы могли приковать его к месту.

— Да, на достаточно долгий срок, чтоб удержаться подольше. Но что делать, когда уберешься?

— Выживать. — Род уставился на небо, представляя себе, на что это будет похоже. — Довольно одиноко...

— Никогда не пробовал прожить сам по себе в дикой местности, не так ли? — фыркнул Йорик. — Одиночество тут самое легкое. Кролик в день спасает от голода — но саблезубый думает то же самое о тебе. Не говоря уж о страшных волках или пещерных медведях.

Род задумчиво кивнул.

— Могу понять, почему вам захотелось образовать новое племя.

— Из кого? — насмешливо осведомился Йорик. — Нам, знаете ли, не очень-то грозило перенаселение. Путь между племенами лежал долгий — и в любом из них не очень-то много эсперов с Дурным Глазом. Такой мог быть один на сотню квадратных миль — а вы знаете, как длинны сто миль, когда идешь пешком по пересеченной местности?

— Около двух недель. — Но на самом деле Род думал об избранном Йориком слове — он сказал «эспер», а не «ведьма» или «чудовище». — Именно тут и вступал в игру ваш Орел?

— И как раз вовремя, к тому же, — кивнул Йорик. — Подобрал нас одного за другим и привел в такую милую избранную им горную долину. Где много дождей, приятную и прохладную весь год папролет...

— Очень прохладную зимой — я б подумал.

— И напрасно, потому что это не так. Полагаю, находилась весьма далеко на юге — потому что там никогда не бывало больше, чем свежо. Конечно, дичи там не хватало.

— Четыре тысячи? Разделенные сотней с лишним миль? Что он сделал — потратил целую жизнь, разыскивая вас всех?

Йорик начал было отвечать, а затем удержался и сказал очень осторожно.

— Он умел путешествовать быстро.

— Я думаю, очень быстро. — Род представил себе машину на воздушной подушке, пытающуюся подпрыгнуть на склон под углом в сорок пять градусов. — А как же он доставил вас в ту горную долину? На крыльях?

— Что-то вроде того, — признался Йорик. — И долина эта была не такая уж и большая. Он научил нас пользоваться луками и стрелами, и мы шикарно поохотились, но Орел знал, что это может длиться лишь до определенного времени, и поэтому заставил нас заняться

севом. И как раз когда дичь уже скудела, был готов к уборке наш первый урожай маиса.

— Маиса? — разинул рот Род. — Где он его достал, черт возьми?

— О, это было не тем, что ты считаешь маисом, — быстро уточнил Йорик. — Маленькие мелкозернистые початки, всего дюйма четыре длиной.

— В 50 000 году до нашей эры маис был всего лишь тупоголовой травой, — проскрежетал Род. — Вроде некоторых, о ком я мог бы упомянуть. И произрастал он только в Новом Свете. А неандертальцы произрастали только в Старом.

— Кто сказал? — фыркнул Йорик. — Если мы не оказали любезности оставить окаменелости, это еще не значит, что нас там не было.

— Но также не значит, что вы там были, — отпарировал, не разжимая губ, Род. — И у тебя очень ловко получается не отвечать на заданный тебе вопрос.

— Да, не правда ли? — усмехнулся Йорик. — Уверю тебя, это требует тренировки.

— Уволь, — попросил Род. — Расскажи мне побольше об этом вашем Орле. Откуда он вообще, собственно, взялся?

— Его прислали небеса в ответ на наши молитвы, — благочестиво ответил Йорик. — Только мы больше не называли его Орлом — мы называли его Маисовым Королем. Таким образом, мы могли оставаться одни в своей долинке и никого не беспокоить.

— Похвальный идеал. Что же случилось?

— На нас наткнулась группа плосколицых, — вздохнул Йорик. — Чисто идиотская случайность. Они поднялись в горы, лица прямые ели на древки копий, и забрели по ошибке в нашу долину. И, будучи плосколицыми, не могли уйти, не попытавшись немножко пограбить и помародерствовать.

— Неандертальцы, конечно, никогда такого не делали.

Йорик покачал головой.

— Зачем утруждать себя? Но они просто обязаны были попробовать — и большинство из них к тому же спаслось бегством. Что было еще хуже — так как сбежавшие вернулись во главе целой орды.

Род все еще думал о большинстве.

— Не хочешь же ты попробовать уверить меня, что ваш народ был мирным?

— Был, — согласился Йорик. — Определенно был.

Я хочу сказать, когда на нас с воплями бросилось пятьсот плосколиких, даже самые миролюбивые увидели вдруг уйму преимуществ в самообороне. А Орел научил нас пользоваться луками, а плосколикие еще не додумались, как их изготовлять; поэтому большинство из нас уцелело.

Снова «большинство».

— Но Орел решил, что спрятал вас недостаточно хорошо?

— Правильно, — качнул вверх-вниз головой Йорик. — Фактически, решил, что нам не видать безопасности нигде на Земле — и поэтому привел нас сюда. Или, во всяком случае, в Андерландию. — Он дернул головой в сторону запада. — Туда.

— На материк, — перевел Род. — Всего лишь привел вас.

— Правильно.

— Как?

— Не знаю, — пожал плечами неандерталец. — Он просто взял нас в такую большую-пребольшую квадратную штуку и провел нас через нее, и... вот мы тут! — Он усмехнулся. — Только так!

— Только так.

Странно, размышлял Род, как резко мог меняться Йорик, когда он того хотел. Судя по описанию, неандертальцы прошли через машину времени. Рода грыз страх — не был ли этот Орел одним из тоталитаристов будущего, готовивших мятеж два года назад? Или одним из анархистов будущего, пытавшихся устроить государственный переворот?

Или еще кто-то из будущего, пытавшийся вмешаться в ход событий на Грамарие?

Почему бы и нет? Если существовали две путешествующие по времени организации, то почему не быть и третьей? Или четвертой? Или пятой? Сколько вообще машин времени спрятано на этой планете? Может ли Грамарий быть настолько важен?

Вполне может, молча признался он самому себе. От одного ренегата из будущего он узнал, что Грамарий в конечном итоге станет демократией и будет поставлять телепатов, жизненно важных для выживания межзвездной демократии. А это означало, что тоталитаристы и анархисты будущего были обречены на поражение — если не смогут ввергнуть Грамарий в оковы диктатуры или анархии. Планета являлась связующим звеном, осе-

вым элементом в истории человечества — и если она была осью, то Род был ее направляющей.

Орел явно был из будущего — но с чьей стороны. От Йорика Роду этого, безусловно, не узнать. Конечно, он мог попробовать — но, по всей вероятности, неандерталец тут же превратится в молчаливого. Род решил не нажимать в этом вопросе — пусть Йорик болтает до конца, а мы просто посидим и послушаем. Таким образом, Род по крайней мере узнает все, что неандерталец готов сказать. Сперва получи основные сведения, а уж потом доканывайся до подробностей. Род заставил себя усмехнуться и сказал:

— По крайней мере, вам больше не грозили плосколице... я имею в виду кроманьольцы.

— Безусловно. Фактически какое-то время дела обстояли действительно первоклассно. Мы выгнали динозавров, за исключением неумевших достаточно быстро бегать...

— Как вы управились с последними?

— С помощью ножа и вилки. Неплохо на вкус, если достаточно выдержать. Особенно если их перемолоть и посыпать сверху кукурузным хлебом, добавив немного плавленого сыра.

— Я, э, думаю, мы может, э, подождать с этой темой. — Род с трудом сглотнул, борясь с тошнотой в желудке. — Но, уверен, наш полковой повар с удовольствием выслушает твои рецепты. — Судя по звуку, один из солдат позади него поперхнулся, а Туан тяжело сглотнул. Род сменил тему. — После того как вы позаботились о живности, вы, надо полагать, вырубил подлесок?

— Да, и вышли из него отличные домишки. А потом посеяли урожай и, наблюдая, как он растет, занимались рыбной ловлей.

— Поймали что-нибудь?

— Только козлакантов, но они не так уж плохи с малостью...

— А как шло сельское хозяйство? — быстро спросил Род.

— Лучше и быть не могло. И очень быстро росло, к тому же, и вымахивало на немалую высоту; у вас здесь хорошая почва.

— Настоящий Сад Эдема, — сухо отозвался Род. — Кто же был змеем?

— Один парень с горящим взором, рвавшийся творить добро.

Родом овладела скука, но тут у него внезапно проснулся интерес.

— Парень?

— Ну ладно, допустим, ему около сорока. А глаза у него горели чисто от жадности — но взрослым его по-настоящему нельзя назвать. Все еще не видел разницы между действительностью и фантазией. Он возомнил себя магом и жрецом в одном лице и шатался везде, твердя всем, что следует поклоняться Древнейшему Богу.

— А кто этот Древнейший Бог? — нахмурился Род.

— Скорей уж что. Никто, прошу заметить, никогда не видел его.

— Так и бывает с большинством богов.

— В самом деле? Судя по всем слышанным мною рассказам, дело обстоит совсем наоборот. Но этот шаман рисовал нам его изображения; на картинке получалось grotesкное раздутое существо со змеями вместо волос и огоньками вместо глаз. Называл его Коболдом. — Йорик содрогнулся. — У меня мурашки пробегают при одной лишь мысли о нем.

— Не из тех, кто вселяет уверенность, — согласился Род. — И он надеялся кого-то обратить с помощью этой твари?

Йорик кивнул.

— Но не обратил — по крайней мере до тех пор, пока его дружок Атилем не пропал в море.

— Его дружок пропал в море. И это заставило народ подумать, что его бог — вразавдошний?

— Нет, это произошло потому, что Атилем вернулся.

— А, — Убитый и Восставший.

— Да вообще-то нет. Понимаешь, Атилем вышел в море половить рыбу и не вернулся. Но в конце концов он вернулся две недели спустя — и сказал, что нашел в пяти днях пути по воде совершенно новую страну. И в ней было полным-полно плосколицых!

— А. — Род медленно поднял голову, глаза его туманились. — Понятно. Ваш народ решил, что Орел был неправ, да?

— Вы быстро схватываете, милорд.

— А это означало, что прав Коболд.

Йорик кивнул.

— В общем-то бессмыслица, верно?

Род пожал плечами.

— Именно так склонны думать люди. Я имею в виду, мы же говорим об общественном мнении, а не о логике.

— Разумеется. — Йорик развед руками. — Поставьте себя на их место. Почему Орел поселил вас в такой близости от ваших старых врагов, если он действительно могуч и мудр?

— Но они же находились далеко за морем, — разумно указал Род. — В дне пути.

— Именно так и твердили мы все. — Йорик кивнул на своих друзей. — Мы были руководящими кадрами Орла. Я был его правой рукой — а вот тот, Гачол, — левой.

— А остальные были пальцами?

— Вы уловили. Так или иначе, мы твердили, что плосколицы не смогут сильно побеспокоить нас — раз надо пересечь все эти воды. Но в один прекрасный день мы посмотрели вверх, и в небе плыл какой-то плосколицый.

Гальванизированный Род весь напрягся. Тоби, на разведке! Но не умалчивал ли кое о чем Йорик. О такой мелочи, как набег?

Но неандерталец пер дальше.

— Ну! Могу вам сказать — масло в огонь пролилось! Прежде чем плосколицый убрался с неба, этот шаман — его звали Мугорк — обегал всю деревню, крича о том, что Орел нас предал и теперь плосколицые нахлынут, словно толпа каракатиц, и набьют нас всех себе в глотку!

— Неужели с ним никто не заспорил?

— Некоторые из нас попытались указать, что один плосколицый — это еще не армия и не флот, если уж на то пошло. Но я имею в виду, ведь этот плосколицый летал! Все ударилось в панику. Некоторые настолько перепугались, что действительно начали выкапывать себе норы! Я имею в виду, они говорили о магии и о колдовстве, а Орел неустанно подчеркивал, что он не маг и не колдун. Ему, конечно, никто не верил, но...

— Но это посеяло зерно сомнения, — перебил Род. — Мне б такое везение!

— Чего-чего? — нахмурился обезьяночеловек.

— Э, ничего, — поспешно дал задний ход Род. — Как я понимаю, народ начал верить в Коболда, и притом в самое неподходящее время?

— Верно. В конце концов, был же шаман Мугорк, бегавший повсюду, твердя, что он был магом и колдуном — и что его бог, Коболд, мог сделать их достаточно сильными для разгрома плосколицых, и, ну... люди не слишком ясно мыслят, когда их напугают до одури. Не успели мы и глазом моргнуть, как все орали и кричали, что ша-

ман прав и Коболд, должно быть, все-таки истинный бог.

— А разве вы не начали ощущать, что климат делается нездоровым?

— Да, именно тогда. Мы... — Йорик дернул головой в сторону своих спутников, — ...начали чувствовать перемену ветра. Поэтому мы отправились в Высокую Пещеру посоветовать Орлу скрыться.

— Надеюсь, он вас послушался.

— Послушался! Он нас опередил — как обычно. Упаковал всем нам походные мешки. Пока мы надевали их на спины, он сунул нам в руки луки. А потом велел нам исчезнуть в джунглях и построить плот.

— Плот? — нахмурился Род.

Йорик кивнул.

— Мы нашли несколько действительно толстых деревьев с действительно толстой корой, и они плавали действительно хорошо. Он посоветовал нам не беспокоиться о том, куда мы плывем — просто выгresti в океан и дрейфовать себе. О, он еще велел нам захватить побольше продовольствия и уйму питьевой воды, потому что на плоту мы можем пробыть долго.

— Без парусов и весел, обязательно. — Род отметил про себя, что Орел, волшебник он там или нет, явно кое-что понимал в науке — как ему и полагается, если он управлял машиной времси. Он, кажется, знал о течении между Звероландией и Грамарием. Он сказал вам, где вы высадитесь на сушу?

— Да, в Стране Плосколидых. Но он посоветовал нам не тревожиться из-за этого, потому что эти плосколицы были хорошими людьми, вроде него.

Он захлопнул рот ладонью, широко раскрыв глаза.

Проговорился он, решил Род.

— Разве ты не хочешь, чтобы я узнал, что он хороший?

— Э... да. — Йорик убрал ладонь, с энтузиазмом кивая и усмехаясь. — Да, разумеется. Что он хороший, вот и все.

— Так я и думал. Я имею в виду, ведь не мог же ты беспокоиться о том, что дашь мне знать о его принадлежности к плосколицым — это было вполне очевидно все время.

— О. — У Йорика вытянулось лицо. — Вы, ребята, здорово умеете манипулировать символами, не так ли?

Но как мог неандерталец сообразить, что слова являются символами? Снова проглядывало его образование.

— Значит, вы построили плот и выгребли в океан, а течение прикэсло вас сюда?

— Да. — Йорик поглядел на ограждавшую его стену из наконечников копий. — И не буду от вас скрывать, какое-то время мы думали, что, возможно, Орел ошибся насчет вас.

Род пожал плечами.

— Можно ли их винить? Некоторые из этих ратников местные; а несколько дней назад ваши парни разорили деревню неподалеку отсюда. Превратили ее в зубочистки и мясной склад, а у некоторых из солдат там жили родственники.

— Чего они сделали? — уставился на него с открытым ужасом Йорик. А затем резко повернулся к своим людям, изрыгнув яростный град заднебных и лающих звуков. Его спутники вскинулись и, подняв головы, в ужасе уставились на него. Их лица потемнели от гнева. Они ответили Йорику рыками ярости. Тот снова повернулся к Роду. — Я не хочу, чтобы это звучало так плохо, милорд, но вы уверены в этом?

Род кивнул, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. Либо Йорик и его люди были удивлены и потрясены этой новостью, либо они очень хорошие актеры.

— Они разорили деревню и на севере тоже. Я был там; сам видел. Большинство селян успело сбежать, но моих солдат они порезали, как ветчину, на воссоединении семьи.

Лицо Йорика на какой-то миг задергалось; затем он отвернулся и сплюнул.

— Ух, этот тощий кошкодав Мугорк! Наверняка за этим стоит он!

— Значит, вы ничего об этом не ведали? — потребовал ответа Туан.

Йорик покачал головой.

— Никто в деревне не знал.

— На борту того длинного судна приплыло по меньшей мере пять раз двадцать воинов, — сказал Туан. — Многие в вашей деревне должны об этом знать.

— Если они знали, то очень хорошо хранили тайну, — проворчал Йорик. А затем поджал губы. — Конечно, никто б по-настоящему не заметил при гуляющей у нас эпидемии.

— Эпидемии? — наострил уши Род. — Какой?

— О, в общем-то ничего серьезного, сами понимаете, но достаточно серьезно, чтобы люди не вставали с посте-

ли неделю-другую из-за озноба и лихорадки. Как вы понимаете, мы были немного заняты.

— Как я понимаю, они симулировали, — отрезал Род. — Эта лихорадка случайно не поражала только одиноких мужчин, а?

Йорик уставился в пространство.

— Теперь, когда вы упомянули об этом...

— Просто, но эффективно, — объяснил Туану Род. — Если кто-нибудь постучит в дверь и ему не ответят, то он просто решит, что парень спит или слишком болен и не хочет, чтоб его беспокоили. — Он снова повернулся к Йорику. — Полагаю, никто и не думал зайти проверить и посмотреть, не надо ли ему чего?

Йорик пожал плечами.

— Думать-то думали, но в чужой дом не войдешь без приглашения. Однако мы каждый вечер оставляли у двери еду — и на следующее утро она всегда исчезала.

— Держу пари, что друзья вашего шамана получали дополнительный паек.

— Похоже, вы правы. — Лицо Йорика темнело. — Но мы никогда не думали проверять больных — мы доверяли друг другу. Вы не понимаете, как это здорово оказаться среди целой оравы себе подобных, когда ты всю жизнь был один. И мы не зайдем просто поздороваться, если весьма уверены, что хозяин дома скверно себя чувствует; никому не хотелось подцепить заразу.

Род мрачно кивнул.

— Просто. Мерзко, но просто. — Он опять повернулся к Туану. — Стало быть, мы наткнулись на частное предприятие — на кучку молодчиков, заботящихся о собственном благе и плюющих на то, сколько вреда это может причинить их соседям.

— Так, значит, этот паршивец Мугорк проводил тайные рейды командос, чтобы разозлить вас, плосколицых, — пробурчал Йорик. — Неудивительно, что вы прислали разведчика.

— А вы не прислали? — огрызнулся Род. Тут у него сузились глаза. — А если подумать, возможно, и прислали.

— Кого, мы? — уставился на него потрясенный Йорик. — Будьте благоразумны, милорд! Это же все равно, что зайти зимой к пещерному медведю и разбудить его хорошим пинком? Думаете, мы пошли на такой риск, будь у нас хоть какой-то выбор?

— Да, — медленно проговорил Род. — По-моему, у

вас нет недостатка в смелости. Но вы бы также не поступили бы настолько глупо, что явились бы сюда без личности — особенно ввиду того, что по крайней мере один из вас говорит на хорошем земном английском.

Туап тяжело кивнул.

— Я думаю, они, лорд Чародей, — хорошие люди, бежавшие от злых.

— Боюсь, что мне придется согласиться с этим, — вздохнул Род. — Но коль речь зашла о добрых людях — что случилось с Орлом?

Йорик пожал плечами.

— Он сказал лишь, что намерен спрятаться.

— И надеюсь, взять с собой свои приборчики, — мрачно добавил Род. — У врагов и так уже чересчур много машин.

— Врагов? — повернулся к нему, нахмурясь, Туап. — Здесь нет ничего, кроме жаждущего власти выскочки, лорд Голлоуглас.

— Да, того, кто думает, что Грамарий похож с виду на вкусный десерт! Если это не враг, то кто?

— Тоталитаристы из будущего, — прошептал Векс через наушник, — и анархисты из будущего.

— Но ты же знаешь, какими извилистыми путями бродит моя мысль, — продолжал Род, обращаясь вроде бы к Туапу. — Я всегда обязательно гадаю, не прячется ли за злодеем другой злодей.

Туап улыбнулся почти с любовью.

— Если такое подозрение поможет тебе оберегать нас, как ты оберегал нас в прошлом, тогда на здоровье, можешь всегда видеть медведя за каждым кустом!

— Ну, не медведя, но обычно вижу косолапого.

— Оптимистам веселей живется, милорд, — напомнил ему Йорик.

— Да, потому что пессимисты обеспечивают им безопасное житье. А как нам обеспечить безопасность, если мы никогда не знаем, где враг нанесет следующий удар?

Йорик пожал плечами.

— Мугорк может выставить не больше тысячи бойцов. Просто поставить по пятьсот солдат во всех местах, где он может ударить.

— Во всех местах? — переспросил с сардонической улыбкой Род. — У нас побережье в три тысячи миль, и нам понадобятся эти пятьсот солдат по меньшей мере на каждом десятке миль. Кроме того, пятьсот никак не хватает — маловато, когда враг может заставить их оцепе-

нет. Нам понадобилось бы оставить по меньшей мере пару тысяч на каждом участке.

Йорик пожал плечами.

— Ну, так в чем же трудность?

Род почувствовал, как в нем подымается гнев, а затем вспомнил, что неандертальцы не умели манипулировать символами — включая и простое умножение.

— Это будет примерно шестьсот тысяч ратников, а у нас...

Йорик остановил его, подняв руку

— Э... мне немножко трудно представить все больше двадцати. Если больше, чем у меня пальцев на руках и ногах....

— Просто положиись на мое слово; это намного больше ратников, чем доступно для нас. Средневековая технология не очень-то поощряет густое население.

— О. — Йорик, казалось, приуныл. А затем повеселел. — Но вы можете расставить сторожей.

— Разумеется, и расставили. Но есть еще трудность с тем, как вовремя перебросить армию на налетчиков.

— Все это не может быть настолько трудно!

Род сделал глубокий вздох.

— Послушай, нам требуется переправить по меньшей мере столько же людей, сколько во всей вашей деревне.

— Для чего — сразиться с какой-то паршивой тысячей?

— По-моему, ты не понимаешь, насколько большое преимущество дает вашим людям этот Дурной Глаз, — кисло заметил Род.

— Не такое уж и большое. Я хочу сказать, ведь один человек может сковать взглядом только одного другого человека. Может, двух, если поднажмет, но не очень хорошо.

Род на миг устался на него, а затем сказал:

— Ваши ребята с одного корабля полностью приковали к месту небольшую армию наших.

— Что?

Род кивнул.

— Это будет примерно, э, две руки моих людей на каждого из ваших.

Йорик устался на свои растопыренные пальцы и покачал головой.

— Не может быть. Никак. Ни в коем разе.

Род поглядел на него, а затем пожал плечами.

— Очевидно, кто-то нашел способ устроить такой фокус.

Он вспомнил, что говорила Гвен о молнии.

— Тогда вычислите способ расстроить его, — живо откликнулся Йорик. — Вы, плосколицые, мастера по этой части. Мы можем показать вам, как делается цепенение — как вы его там называете, Дурной Глаз? — мы можем показать вам, как он производится.

— Это может помочь...

— Разумеется, поможет! Благодаря этому вы сумеете что-нибудь придумать!

— Ах, сумею, да? Как же это, а?

— Потому что, — усмехнулся Йорик, — вы умеете манипулировать символами.

Род открыл было рот, готовый ответить, но не смог ничего толком придумать, и поэтому снова закрыл его. Именно это и отделяло его от обыкновенных людей. Он лишь слабо улыбнулся и ответил:

— Манипулирование символами не всегда творит чудеса, Йорик.

— Я готов рискнуть. Вы нам только скажите, что мы можем сделать, и мы это сделаем.

— Разве не будут они в какой-то мере ценными для наших сил? — спросил Туан.

Род, нахмурясь, повернулся к нему.

— Сражаясь бок о бок с нашими солдатами? Да их в первой же битве порубают наши же ратники.

— Не порубают, если мы вышлем их вперед наших главных сил, разводить силы врага. Давай обучим их пользоваться большими луками, арбалетами и алебардами и пошлем их вперед учинить разор, прежде чем прибудем мы.

Род покачал головой.

— Ближайший рыцарь в ту же секунду нападет на них. Они, знаешь ли, не очень-то неприметные с виду. — Внезапно у него расширились глаза и он усмехнулся: — О!

— О? — осторожно переспросил Туан.

— Да. Если они чересчур выделяются здесь, чтобы от них был какой-то толк, то нам следует использовать их там, где они выделяться не будут!

Лицо Туана постепенно прояснилось, расплывшись в блаженной улыбке.

— Да, воистину! Хорошенько обучить их и отправить

в Звероландию. Тогда они смогут напасть на людей этого Мугорка без их ведома!

— Ну, не совсем. Если для нас они все на одно лицо, это еще не значит, что они и друг для друга все на одно лицо. Но они смогут спрятаться в лесу, нанебовать некоторых других из числа недовольных, и...

— Да! Создать небольшую армию!

— Ну, я мыслил не совсем такими масштабами...

— Армию не потяну, — покачал головой Йорик. — Вот пятьдесят ратников, возможно, мне удастся набрать, но только пятьдесят, максимум. — Он оглянулся на своих коллег, а потом на Рода. — Это все наши руки вместе взятые, верно?

— Верно, — поборол усмешку Род. — Но приложи их в нужном месте и в пужное время...

— Да, пятьдесят человек, знакомых с местностью. — Глаза у Туапа загорелись. — Такое и впрямь будет неплохо сделать, мастер Зверочеловек.

— Сгодится и просто Йорик, — беззаботно отмахнулся неандерталец. — Пятьдесят, думается, я смогу собрать. Да. Мы можем спрятаться в джунглях по другую сторону утесов от деревни. Но не больше пятидесяти. У большинства мужчин есть жены и дети. Это делает человека осторожным.

Род кивнул на других неандертальцев.

— А как насчет твоих парней?

Йорик покачал головой.

— Все холостяки. Мы-то гадали, почему Орел не подбирал женатых мужчин, и не буду от вас скрывать, некоторые из женщин были весьма расстроены этим.

— Не беспокойтесь, это пустяки по сравнению с тем, какой вой они подняли бы при первом же случае, когда их мужьям пришлось бы работать допоздна. — Род с приливом благодарности подумал о Гвеп. — Значит, они считали Орла женоненавистником?

— Нет; совершал кувырок всякий раз, когда кто-нибудь женился. А если окучивали одного из Внутреннего Круга, он еще больше радовался. Выпирал их, конечно, во Внешний Круг, но всегда говорил, что парня повысили, произвели в мужья.

— Станный способ смотреть на случившееся. — Род поразмыслил над этим. — Хотя, возможно, и точный...

— Да, это само по себе работа, — согласился Йорик. — Но отсутствие иждивенцев оказалось, безусловно, удобным, когда нам пришлось срочно покинуть село.

— Думаешь, Орел все время учитывал это?

— Я в этом уверен — теперь. Итак, мы соберем для вас холостяков в этот партизанский отряд, но каких действий вы ждете от него?

— Вы должны напасть на них с тылу, в то время как мы будем штурмовать со стороны океана, — ответил Туан. — Тогда, может, мы сумеем привлечь вашего Орла из его горного гнезда.

— Или оттуда, где он там прячется, — кивнул Йорик. — Похоже, мысль отличная.

— Значит, договорились, — протянул руку Род, — осторожно, надо признать.

Йорик с миг нахмурясь глядел на руку Рода. А затем усмехнулся.

— Ах да! Теперь вспомнил! — Он схватил руку Рода обеими своими и с энтузиазмом пожал ее. — Союзники, да?

— Союзники, — подтвердил Род. — Кстати, союзник...

— Что угодно, милорд, — щедро отозвался Йорик.

— Викингское снаряжение.

— А?

— Викингское снаряжение, — повторил Род. И порадовался, увидев, что для неандертальца это словосочетание ничего не значило. — Налетчики вашего шамана приплыли, облаченные в снаряжение викингов — ну, знаешь, рогатые шлемы, круглые щиты...

— Да, да, я знаю, как выглядели викинги, — раздраженно перебил Йорик. — И драккары тоже были?

Род кивнул.

— Догадываешься почему?

— Ну, ничего особо глубокого — но, держу пари, это чертовски напугало местных.

Род на секунду уставился на него.

— Имеет смысл, если пытаешься приспособить терроризм к средневековой культуре, — объяснил Йорик.

— Чересчур большой смысл, — согласился Род. — Пошли, давай вернемся в Раннимид — нам надо учредить для вас военное училище.

* * *

Колонна направлялась на север с отрядом копейщиков во главе; затем ехали Род и Туан; затем неандертальцы а ля карт — или, во всяком случае, а ля фургон, реквизированный у ближайшего фермера (неандертальцам пи-

когда не приходило в голову ездить на лошадях; вот есть их, может быть...); и плотно окруженные копейщиками и лучниками. Солдаты и зверолюди всю дорогу настороженно посматривали друг на друга.

— Надеюсь, твоя жена не возражает против неожиданных гостей, — предостерег Туана Род.

— Уверен, она будет столь же гостеприимна, как и всегда, — ответил Туан.

— Именно этого я и боялся.

— Брось, лорд Чародей! И вправду, не будешь же ты отрицать доброту моей любезной жены!

— Или любезность твоей доброй жены, — эхом отозвался Род. — Нам придется лишь надеяться, что эти пещерные люди знают, для чего служат постель и стул.

— Несомненно, нам придется обучать их пользоваться многими предметами в нашем замке, — вздохнул Туан, — за исключением, возможно, их капитана Йорика. Тот, похоже, приобрел уже немало знаний.

— О да! Этот ловкач — настоящий умник! Но меня беспокоит не столько, чему он научился, сколько, у кого он научился.

Туан поглядел на него.

— Ты говоришь об Орле?

— Реку, — подтвердил Род. — Что ты извлек из нашего маленького перекрестного допроса?

— Я немало раздражён оттого, что у нас было так мало возможностей чего-то извлечь. У этого малого какая-то умышленная привычка превращать любой вопрос в тот ответ, какой он желает дать.

— Неплохо сказано, — рассудил Род. А также с проявлением необычной наблюдательности, для Туана. — Но мне думается, я вычислил кое-какие мелочи, о которых он нам не собирался рассказывать. Что ты услышал у него между реплик?

Туан пожал плечами.

— Я узнал, что Орел — волшебник.

— Да, это вполне очевидно — только я бы сказал, что он волшебник моего рода. Он творит свою магию с помощью науки, а не, э, таланта.

Туан сосредоточенно нахмурился.

— И многому ли из этой науки он обучил Йорика?

— Ничему. Он не мог; в ней все зависит от математики. Основным понятиям, может быть, но этого недостаточно для того, чтобы действительно что-нибудь сделать. Однако он немного обучил Йорика истории, иначе этот

амбал не знал бы, как выглядели викинги. Вот это-то и заставляет меня нервничать — чему еще научил Орел Йорика и остальной его народ, если уж на то пошло?

Туан отмахнулся от этого вопроса.

— Я не стану тревожиться из-за таких дел, лорд Чародей. В конце концов, эти зверюжки не могут быть достаточно разумны для причинения нам бед — во всяком случае, всего лишь впятером, — раз они не могут взаправду научиться нашему языку.

— Я... бы... не... совсем... согласился... с... этим... — Род сделал глубокий вдох. — Признаться, я не сумел расшифровать и проанализировать пределов их способностей решать проблемы. Но серого вещества у них между ушей не меньше, чем у нас с тобой.

Туан, нахмурясь, повернулся к нему.

— Неужели ты и впрямь можешь верить, будто они столь же разумны, как ты или я?

— Могу, хотя должен признать, разум этот, вероятно, очень страшный. — Он оглянулся через плечо на группу неандертальцев. По воле случая в тот миг окружавшие их копейщики случайно разомкнулись и дали Роду мельком увидеть лицо Йорика. — Очень страшный.

* * *

Гвен прильнула к нему и прошептала:

— Ты отсутствовал не долго, милорд.

— Так, значит, мне теперь нужна причина? — лукаво поглядел на нее Род.

— Не больше, чем всегда, — промурлыкала она, зарываясь головой во впадину у него между плечом и челюстью.

Внезапно Род напрягся.

— Что это?

— Хм? — Гвен подняла голову, на миг прислушавшись. А затем улыбнулась ему. — Всего лишь хрустнула ветка дерева, милорд.

— А, — расслабился Род. — Думал, это малыш... Ты уверена, что он качается в своей люльке?

— Кто может утверждать, коль речь идет о маленьком чародее? — вздохнула Гвен. — Он и впрямь может быть здесь — и все же, с той же легкостью и в тысяче миль отсюда. — Она еще миг лежала, не двигаясь, словно опять прислушиваясь, а затем с улыбкой расслаби-

лась. — Нет, я слышу его сон. Он действительно в своей люльке, милорд.

— И никуда не уплывет, поскольку она с крышкой, — улыбнулся Род. — Кто б мог подумать, что у меня будет сын легче воздуха?

— Ты отказываешься от собственной родни?

Род перевернулся.

— А вот это замечание, дорогая, заслуживает... — Он резко сел на постели. — Чувствуешь?

— Нет, — обиженно ответила она. — Хотя желала бы.

— Нет, нет! Не это! Я имею в виду дуновение ветра.

— Ветра? — нахмурилась Гвен. — Да, было... — Тут ее глаза расширились. — О.

— Да. — Род скинул ноги с постели и потянул халат. — В пещере чародей. — И, повысив голос, окликнул. — Назовись!

В ответ раздался стук перед пещерой.

— Это ж надо подобрать такой дурацкий час ночи для прихода в гости, — бурчал Род, топя по узкому лестничному пролету в большую прихожую.

У входа в пещеру стояла фигура, видимая лишь силуэтом на фоне ночного неба, и стучала.

— Минуточку, — нахмурился Род. — У нас же нет двери. По чему же ты стучишь?

— Не знаю, — ответила тень. — И все же тут есть какая-то деревяшка и к тому же рядом.

— Это ствол, — проворчал Род. — Тоби?

— Да, лорд Чародей. Как вы узнали о моем прибытии?

— Когда ты телепортировался сюда, ты сместил много воздуха. Я почувствовал дуновение ветерка. — Род с хмурым видом подошел к юному чародею. — Чего такого важного, чтоб понадобилось вызывать меня в такой час ночи? Я же только-только вернулся! Неужто наши, э, гости сбежали?

— Нет, лорд Чародей. Они спят в своей тем... э, комнате для гостей. И все же вас вызывает Его Величество.

— Что случилось? Снова повар забыл положить в суп чеснок? Я ж ему постоянно твержу, что тут не страна вампиров!

— Нет, — ответил с серьезным лицом Тоби. — Королева. Она рвет и мечет.

Часовой увидел подходящего Рода и прошел в дверь впереди него. Род затормозил, чуть-чуть нервничая. Он расслышал бормотание караульного, а затем дверь распахнулась. Род прошел — и чуть не врезался в Туана. Молодой король остановил его, подняв руку и приложив палец к губам. Он кивнул на другую сторону помещения. Род посмотрел и увидел сидевшую в кресле у очага Катарину с освещенным мерцающим огнем лицом. Глаза ее отражали пламя, но выглядели холодными и смотрели с лица из гранита. Пока он наблюдал, она нагнулась вперед, вынула из очага полено и сломала его.

— Свинья, пес и падаль! — Она сплюнула. — Вся страна знает, что королева полуведьма, а этот шутовской лжемонах имеет наглость говорить... — Она швырнула в огонь сломанное полено, и пламя заполнило ей глаза, когда она выруталась. — Чтоб он поперхнулся чашей собственной желчи и сдох!

— Чего ее так расстроило? — шепнул Туану Род.

— Она ездил по стране с герольдами впереди и гвардейцами позади, созывая всех, кто может обладать хоть самым малым налетом колдовской силы, явиться в Королевский Ковен в Риннимиде.

— Ну, занималась она вербовкой, — пожал плечами Род. — Но почему она из-за этого готова глотать песок и выдувать стекло?

— Кто говорит? — подняла голову Катарина.

— То Верховный Чародей, любовь моя, — шагнул к ней Туан. — Мне думается, он найдет твои новости небыстринтересными.

— Уж безусловно! Подумайте, лорд Чародей! Не сомневаюсь, вас безмерно обрадуют имеющиеся у меня новости!

Род почти чувствовал, как блекнет у него кожа от ее сарказма.

— Если они имеют какое-то отношение к ведьмам и чародеям, то я весь внимание. Как я понимаю, народ оказал вам не совсем чтобы теплый прием?

— Можно было подумать, что стоит глухая зима! — резко бросила Катарина. — Мои герольды рассказывали мне, что прежде чем показалась моя карета, они чувствовали, что лишь королевские гербы на их камзолах спасли их от града камней.

— Не совсем поощряющий прием, но также и не совсем новый. И все же я надеялся на перемену в отношении общества к нашим эсперам... э, ведьмам.

— Так же, как надеялась и я, и так могло бы произойти — не подымись против них один голос.

— Чей? — Голос Рода таил в себе убийство.

— Священника. — Катарина заставила это слово казаться непристойным ругательством.

Рот Рода медленно раскрылся, а затем с лязгом захлопнулся. Он выпрямился с налетом отвращения на лице.

— Мне следовало бы догадаться.

— Чернец-расстрита, — добавила, поигрывая кольцом, королева, — или кажется. Я говорила с милордом аббатом, и тот отрицает всякое знакомство с спм изменником.

— Самозванный Иона, — язвительно улыбнулся Род. — Живет в горной пещере, питаюсь ягодами и пчелиными жалами, называя себя святым отшельником и пророком, и освящает свою плоть, никогда не оскверняя ее прикосновением воды.

— Он проповедует против меня. — Рука Катарины сжала бокал. — А следовательно и против короля. Ибо я собираю ведьм здесь, в нашем замке, и следовательно, недостойна своей королевской крови, а мой муж — своей короны, хотя он помазанный государь Грамария; так как мое слабое ведовское умение, говорит этот проповедник, есть творение дьявола.

«Прогресс», — молча отметил Род. Два года назад она ни за что не призналась бы в собственных телепатических способностях, хоть те и были рудиментарными.

— И следовательно, — продолжала Катарина, — мы с Туаном слуги Сатаны и не достойны править. И, воистину, все ведьмы нашей страны должны умереть.

Она выпустила бокал, ударив кулаком по столу.

Катарина уронила голову на руки, массируя пальцами виски.

— Таким образом, вся наша работа — твоя, моя и Туана, — весь наш двухлетний труд подорван за две недели; и совершили это не армии, не рыцари, а один немый, самозванный проповедник, чьи слова разлетаются по стране быстрее, чем когда-либо мог скакать герольд. Похоже, для свержения короля с престола не нужно никаких битв; хватит и одного лишь слуха.

— Я думаю, — медленно проговорил Род, — что этот маленький вирус лучше всего подвергнуть карантину и ликвидировать, но быстро.

— За то не беспокойся, — проворчал Туан. — Сэр Марис уже сейчас отправил людей во все концы королевства слушать, нет ли каких известий о сем негодяе. Когда мы найдем его, он будет в нашей темнице прежде чем зайдет солнце.

От этих слов по спине у Рода пробежал холодок. Разумеется, когда он их произносил, они звучали прекрасно, но когда они исходили от короля, то обладали всем железным звоном цензуры в наихудшей ее разновидности. По самым веским причинам, конечно, но все же это была цензура.

Вот тут-то он и начал понимать, что настоящая опасность здесь заключается в реакции Грамария на нападение, а не в самих рейдах.

— Я не так уж уверен, что от ареста всего лишь одного человека будет много толку, — медленно произнес он.

— Всего лишь одного? — подняла голову Катарина с диким выражением в глазах. — Что вы говорите?

— Их может быть несколько. — Род тщательно подбирал слова. — Когда зверолюди атакуют вас с внешней стороны и вы внезапно открываете врагов внутри.

— Да, мне следовало бы подумать! — сжал кулак Туан. — Они должны быть в сговоре, не так ли?

— Там, откуда я родом, мы называем их «пятой колоппой». — Род уставился на пламя. — И теперь, когда ты, Туан, упомянул об этом, мне приходит в голову мысль...

— Снова враг, прячущийся за врагом? — выдохнул Туан.

Род кивнул.

— Почему за обоими врагами не может стоять один и тот же злодей?

— О чем вы говорите? — потребовала у них ответа Катарина.

— У зверолодей свергли короля, душенька. — Туан подошел к ней сзади и сжал ее плечо. — Их короля, коего они называют Орлом. Сбросил его некто, именуемый ими Мугорком-шаманом. Мугорк — его имя, а под «шаманом» они разумеют какую-то смесь из священника, знахаря и волшебника.

— Снова священник! — подняла на мужа горящий

взор Катарина. — По-моему, в этом деле чересчур много религиозного.

— Они могут быть очень мощным орудием, — медленно произнес Род.

— Безусловно, могут. И все же, в чьих руках эти орудия?

— Хороший вопрос. И, возможно, от ВЕКСа понадобится быстрее, чем нам удастся его добыть.

За ухом у него голос Векса прошептал:

— Данные пока не дают возможности обосновать точный вывод.

Роду пришлось признать, что это правда; никаких настоящих доказательств тайного соглашения не было. По пути обратно на север он, в общем, практически решил, что шамана, вероятно, поддерживали тоталитаристы из будущего. Возможно, даже он сам из них; никак нельзя игнорировать чудеса пластической хирургии. Совершенная им операция — по сути дела, дворцовый переворот при общественной поддержке — носила неуютное сходство с Октябрьской Революцией 1917 года, там, на старушке Земле.

Но организуемую грамариийскими проповедниками охоту на ведьм устраивало совершенно иное племя, и такое движение не очень-то поддавалось сколь-нибудь действительно эффективному центральному управлению. Начать его мог и единственный голос, но оно имело тенденцию очень быстро делаться неуправляемым. Центральная сила могла направлять общий ход его, но не могла определять детали. Это было техникой анархистов, уничтожение уз взаимного доверия, связывающих людей в общество, и она могла готовить почву для марксиста.

Конечно, если марксист захватит власть над всей страной, то различие между марксистом и диктатором станет довольно зыбким, но техника анархистов заключалась в поддержании борьбы между несколькими марксистами и максимально возможном увеличении их численности.

— Ты истинно считаешь, — спросил Туан, — что оба врага — острие одного меча?

Род покачал головой.

— Не могу быть уверен; они с такой же легкостью могут быть двумя независимыми мерами, где каждый старается проехать за счет другого. Но для всех практи-

ческих целей мы боремся с двумя разными врагами и вынуждены разделять свои силы.

— Тогда, — мигом решил Туан, — самое мудрое будет вести бой с одним врагом и не переставать стеречься другого. — Он посмотрел на Катарину. — Мы должны, по меньшей мере, удвоить численность нашей армии, любовь моя; ибо кто-то должен оставаться здесь, в то время как некоторые отправятся за море во владения звероловдей.

— Ты говоришь о войне, муж мой, — о войне большой и кровавой.

Туан серьезно кивнул.

Катарина плотно зажмурила глаза.

— Я боялась, что именно так все и произойдет. Ах, я видела уже сражающихся людей — и зрелище это не вызвало у меня радости.

Это, решил Род, было еще одним огромным улучшением.

Катарина снова посмотрела на Туана.

— Неужели нет никакого иного пути?

Тот тяжело покачал головой.

— Невозможно, душенька. И значит, надо собирать солдат и кораблестроителей.

Туан, догадался Род, готовится изобрести военный флот.

* * *

Род сказал всего лишь: «Отведи меня к звероловдам», а вовсе не просил устроить ему экскурсию по темницам.

Впрочем, если подумать, возможно, и просил.

Часовой проводил его и сдал с рук на руки толстому надзирателю со связкой огромных ключей на поясе. А затем солдат повернулся уйти. Род схватил его за руку.

— погоди. Предполагалось, что звероловды — наши гости, а не пленники. Что они делают здесь, в подземелье?

Лицо часового посуровело.

— Не знаю, лорд Чародей. Так приказал сэр Мэрис.

Род нахмурился: такое было непохоже на старого рыцаря.

— Немедленно приведи ко мне сэра Мэриса — э, то есть передай ему привет от меня и скажи, что мне требуется здесь его присутствие.

А затем повернулся последовать за надзирателем, в то время как часовой, сердито лязгая, удалился.

Род очень быстро утратил всякое представление о своем местонахождении; подземелье казалось настоящим лабиринтом. Вероятно, его сделали таким намеренно...

Наконец, надзиратель остановился, вставил фунтовый ключ в замок величиной с иллюминатор. Повернул оп его обеими руками, и ключ заскрежетал в двухлетней ржавчине. Затем надзиратель пинком распахнул дверь, открыв камеру площадью в двадцать квадратных футов с двенадцатифутовым потолком и пятью сердито глядящими зверолоудьми, вскочившими на ноги и потянувшимися за ножами, которых у них больше не было. Затем мерцающий свет факела надзирателя показал им, кто их навел, и они расслабились — или по крайней мере Йорик расслабился, а остальные последовали его примеру.

Род набрал воздуху в легкие, готовясь заговорить, а затем ему пришлось высунуть на секунду голову обратно в коридор. Приготовившись вынести этот аромат, он прошел в дверь, оглядываясь кругом и морща нос.

— Как, во имя неба, все это называется?

— Темницей, — остроумно ответил Йорик. — Я думаю, мы именно там.

— Это оскорбление!

Йорик медленно кивнул.

— Да... Я б сказал, что это неплохая догадка...

Род круто повернулся, пригвождал взглядом надзирателя.

— Эти люди — наши гости!

— Люди? — фыркнул надзиратель. А затем скрыл свои чувства под профессиональной невозмутимостью. — Я только выполняю приказ, лорд Чародей.

— А это что такое? — Род слегка толкнул ногой деревянную чашку около ноги Йорика.

— Овсянка, — ответил Йорик.

Род почувствовал тошноту.

— Что в ней?

— Нам не потрудились сообщить, — сказал Йорик. — Но дай, попробую догадаться — разные зерна со дна ларя. Да ты знаешь — те, что выпали из мешка и рассыпались по полу...

— Надеюсь, вы не стали ничего этого есть!

— Да вообще-то нет. — Йорик оглянулся. — По

правде говоря, меня беспокоит не то, что в ней находится, а насколько она старая.

Род нахмурился.

— Я думал, тут дело в игре света.

— Нет. — Йорик мотнул головой в сторону прорезанного высоко на стене окна — зарешеченного, конечно. — Мы вынесли ее на солнце, пока оно еще светило. Она действительно зеленая. Хотя из нее вышла отличная приманка.

— Приманка? — вскинул голову Род, предчувствуя недоброе.

— Да. Мы устроили состязание по убою крыс. — Йорик пожал плечами. — Больше особо нечем занять время. — Он мотнул головой, показывая на кучку трупов футовой длины. — Пока впереди Кролиг, семь к четырем.

Вопреки собственным предчувствиям Род уж собирался спросить, кто ухлопал четырех, когда надзиратель объявил:

— Пришел сэр Мэрис.

Старый рыцарь вошел, голову его покрывал капюшон черного плаща; но спереди плащ был распахнут, показывая кольчугу и меч.

— Рад встрече, лорд Чародей.

Это спорно, подумал Род; но он всегда уважал и любил старого рыцаря и поэтому сказал лишь:

— Как поживаете, сэр Мэрис? — и глубоко вздохнул, чтобы сдержать гнев, угрожавший выплеснуться теперь, когда у него появилась логичная мишень. — Почему этих людей поселили в тюрьме?

Сэр Мэрис моргнул, удивленный вопросом.

— Как почему? Его Величество велел мне поселить их согласно званию и положению!

Род глубоко и утробно выдохнул.

— Но, сэр Мэрис, они же не преступники! А также не скоты.

— Безусловно, они не могут быть намного большим!

— Могут — намного большим! — Гнев Рода утонул под необходимостью заставить старого рыцаря понять. — Значение имеет душа, сэр Мэрис, — не разум, хотя, видит Бог, его у них достаточно. И души их такие же человеческие, как у нас. Думаю, такие же бессмертные. — Род не упомянул, что это заявление можно истолковать двояко. — Возможно, они отличаются от нас по внешнему виду и одеты лишь в звериные шкуры, но они сво-

бодные, доблестные воины — йомены, если угодно. И в своей стране и государстве наименьший из этих равен рыцарю.

У потрясенного сэра Мэриса расширились глаза, но на лице Йорика появилась удовлетворенная улыбка.

— Немного преувеличено, может быть, милорд, но радуется. Да, радуется. Однако мы все-таки беженцы.

Род сжал плечо сэру Мэрису.

— Знаю, для понимания потребуется некоторое время. Пока же положитесь на мое слово; король был бы потрясен, узнав, где они находятся. Отведите их в покои в башне, где они смогут вылезать на крышу и дышать воздухом.

— Погулять у зубцов стен, милорд Чародей? — возмущенно воскликнул сэр Мэрис. — Да они же могут подать знак врагу!

Род закрыл глаза.

— Враг никогда не подбирался ближе побережья, сэр Мэрис, в сотнях миль отсюда. И эти люди не враги — они бежали от врага! — Он оглянулся на неандертальцев. — И раз уж о том зашла речь — пожалуйста, верните им ножи.

— Оружие?! — ахнул старый рыцарь. — Лорд Чародей, вы подумали, что они могут сделать?

— Крыс убивать, — отрезал Род. — Выдавайте им паек, подходящий для бойцов. Хлеб, сэр Мэрис, и мясо! Старый рыцарь вздохнул, капитулируя.

— Будет все, как вы...

— Папа! — Плечо Рода внезапно обвисло под весом двадцати фунтов младенца. Он в панике поднял руку схватить Магнуса за плечо, а затем вспомнил, что по крайней мере падение едва ли грозило Магнусу какой-то опасностью. И испустил вздох облегчения, но чувствуя, как ноги у него делаются ватными.

— Не делай больше этого, сынок!

— Плости, папа! Ласкази скаску!

— Сказку? э... только не сейчас, сынок. — Род снял младенца с плеча и посадил его у себя на руках перед животом. — Я немного занят.

Зверолоуди усталились на малыша, а затем в страхе зашептались между собой.

— Э... они говорят, что этот ребенок, должно быть, ведьма, — тихо перевел Йорик.

— А? — поднял голову пораженный Род. — Нет, чародей. Мужчин, знаешь ли, обозначают этим термином.

Йорик на секунду уставился на него, а затем медленно кивнул.

— Верно. — И повернувшись, что-то сказал другим неандертальцам. Те подняли головы, на лицах у них отпечатался страх перед сверхъестественным. Йорик снова повернулся к Роду. — Я б не сказал, что их это успокоило, милорд.

— Так, значит, это началось еще тогда, — отметил Род. И пожал плечами.

— Они к этому привыкнут. Для данной местности это обычное явление. — Он посмотрел Йорику прямо в глаза. — В конце концов, мы ведь тоже не совсем привыкли к вашему умению мгновенно вводить в оцепенение, не так ли? Я имею в виду справедливость — так справедливость.

— Ну да, но Дурпой Глаз не колдовская сила, он... — Йорик поднял палец, и тут у него иссякли слова. На миг он уставился на Рода, а затем кивнул: — Верно. — И повернулся обратно к зверолодам попытаться объяснить это.

— Нет, для сказки нет времени. — Род покачал Магнуса, давая ему отскакивать от его пояса. — Пойди, попроси маму.

— Мама усла, — сердито посмотрел ребенок.

Род замер.

А затем произнес очень тихо:

— О, ушла?

Магнус кивнул.

— Мама усла талеко!

— Вот как! — Род сделал глубокий вдох. А кто же заботится о тебе, пока она в отъезде?

— Эльф. — Малыш, усмехаясь, поднял голову. — Эльф не быстрый.

Род уставился на него. А затем медленно кивнул.

— Но эльф все-таки догонит малыша.

Улыбка у ребенка растаяла.

— Малыш поозорничал, убежав от эльфа, — гнул дальше Род.

Магнус ощерился с агрессивным видом.

— Малыш останется с добрым эльфом, — посоветовал Род, — а то папа его отшлепает.

Род постарался выглядеть не слишком суровым.

— Магнус вздохнул, набрал побольше воздуха в легкие и плотно зажмурил глаза.

— Нет, нет! Не возвращайся еще пока!

Род сжал малыша чуть покрепче.

Магнус в удивлении открыл глаза.

— Давай-ка на секунду вернемся к маме, — небрежно проговорил Род. — Куда... ушла... мама?

— Не знаю, — покачал головой ребенок, широко раскрыв глаза. — Мама касала...

— Вот ты где, озорник! — Миниатюрный смерч ворвался в дверь и растворился, приняв вид восемнадцатидюймового эльфа с широким озорным лицом и в костюме, как у Робин Гуда. В этот миг он определенно выглядел огорченным. — Лорд Чародей, припошу глубочайшие извинения! Он сбежал от меня!

— Да, и я уже поборанил его за это. — Род не сводил с Магнуса строгого взгляда. Ребенок попробовал было снова принять агрессивный вид, но вместо этого пачал выглядеть готовым чуть ли не расплакаться. — Думаю, на этот раз он останется с тобой, Пак, — улыбаясь, продолжал Род. Ребенок увидел его улыбку и попробовал испытующе улыбнуться сам. Род взъерошил ему волосы, и малыш просиял. Род искоса посмотрел на эльфа. — Гвен говорила тебе, куда она отправилась?

— Да, лорд Чародей. Когда королева вернулась из поездки по провинциям, то вызвала твою жепу и рассказала ей о том, какая неудача постигла ее с подысканием ведьм для расширения рядов Королевского Ковена, и сказала ей также почему.

— Из-за бродячего проповедника, — мрачно кивнул Род. — Я уже слышал о нем. Как я понимаю, ее это не обрадовало?

— Безусловно, нет. Но твоя жена никогда не относилась к тем, кто думает о мести.

Вспоминая кое-какие вещи, проделываемые Гвен у него на глазах, Род содрогнулся.

— К счастью для него.

— В самом деле. И все ж она думала не о том, что он сделал, она думала лишь о других способах привлечь побольше ведьм в Королевский Ковен.

— О? — Род почувствовал, как страх ползет у него по спине к затылку. — Каких способах?

— Как каких? Она считает, что самый верный способ теперь будет разыскать старых ведьм и чародеев,

прячущихся в лесах и горах, так как им наплевать, что подумают или скажут о них люди.

Страх расширил плацдарм.

— Да, но... я думал, они считаются угрюмыми и озлобленными и могут с таким же успехом уничтожить тебя, как и помочь тебе.

— Они и впрямь таковы, — признал Пак. — Но даже так, если что и может побудить их оказать помощь, то только уговоры твоей любезной Гвендайлон.

— Да, если они первые не сглазят ее. — Стремительно повернувшись, Род бросил Магнуса на руки Паку. Пак в удивлении уставился на ребенка, но удержал его без труда, хотя Магнус был по меньшей мере величиной с него самого.

— Куда она отправилась? — отрывисто спросил Род. — К которой ведьме?

— Да к самой известной, естественно, — ответил удивленный Пак. — К той, чье имя знает весь народ, к той, кто первая приходит в голову, когда матери рассказывают детям сказки про ведьм...

— К чемпионке среди ведьм из страшных сказок, да? — На лбу у Рода выступил пот. — Как ее зовут? Быстро!

— Ее кличут Агатой — Гневной Гатти. Она живет высоко в Скальных Горах, в пещере — шумной, темной и сырой.

— Позаботься о ребенке! — Род стремительно повернулся к двери.

Бухнул воздух, и в камере очутился Тоби, прямо перед ним.

— Лорд Чародей!

Зверолюди съежились, в страхе перешептываясь друг с другом. Йорик успокаивающе заговорил с ними — или так можно было бы считать, если бы у него не дрожал голос.

— Не сейчас, Тоби!

Род попытался обойти его.

Но юный чародей снова прыгнул перед ним.

— Зверолюди, лорд Чародей! Их корабли-драконы приближаются к побережью! И приближаются трое там, где был только один!

— Скажи им подождать! — отрезал Род и выскочил за дверь.

Будучи роботом, Векс мог, когда хотел того, галопировать намного быстрее настоящего коня, а в данную минутку Роду требовалась каждая унция скорости, какую ему мог дать черный конь. Векс с большой неохотой пускался быстрее двадцати миль в час, пока Род не приобрел рыцарский шлем размером больше нормы, снабженный амортизационной сеткой, делающей его приемлемым мотоциклетным шлемом, но Род все еще скакал, не опуская забрала.

— Но не смей и пытаться заставить меня надеть остальные латы!

— Мне такое и не приснится, Род. — Что было правдой; будучи машиной, Векс не видел снов. Фактически он даже не спал. Но в свободные минуты он производил наобум корреляции, что выполняло ту же функцию. — Однако я бы оценил, если б ты пристегнулся.

— Да кто ж слышал о седле с ремнем безопасности? — проворчал Род, но все равно пристегнул его. — Но тебе-то не придется так быстро останавливаться. Я имею в виду, а радар у тебя на что?

— Именно. — Векс повысил скорость до шестидесяти миль в час. — Но должен тебя предостеречь, Род, что такая головокружительная скорость на коше отнюдь не уменьшает твою репутацию чародея.

— Об отношениях с общественностью побеспокоимся позже. В данную минуту нам надо добраться до Гвел, пока та не столкнулась с чем-то фатальным!

— У тебя, Род, просто исключительное отсутствие доверия к собственной жене.

— Что? — Род подскочил в седле с такой силой, что чуть не свалился с коня. — Я б ей жизнь свою доверил, Векс!

— Да, свою, но не ее. Ты действительно думаешь, что она отправилась бы в одиночку на подобное задание, если б считала, что ей грозит какая-то реальная опасность?

— Конечно! Она не трусиха!

— Да, но у нее есть нуждающиеся в ней ребенок и муж. Она теперь не захочет столь уж опрометчиво рисковать жизнью.

— О, — нахмурился Род. — Ну, возможно, ты в чем-то прав. — Затем к нему вернулось ощущение срочности. — Но она могла недооценить их, Векс! Я имею в

виду, что та закисшая старая ведьма пробыла в тех горах, вероятно, лет сорок, по меньшей мере! Кто знает, до какой дьявольщины она додумалась теперь?

— Гвендайлон, вероятно, знает. Твоя жена телепатка, Род.

— Так же как и Агата. И что Гвен способна прочесть, Агата, возможно, способна блокировать! Ходу, Векс! Мы должны поспеть туда!

Векс издал шипение помех, служившее роботам вздохом, и прибавил скорость. Сонные летние поля и крытые соломой опрятные хижинки так и замелькали, проносясь мимо,

* * *

Она там?

Род, подняв голову, уставился на почти отвесную стену скалы, упиравшейся в небо, настолько высоко, что, казалось, ловила неповоротливые тучи.

— Так сказал спрошенный нами крестьянин, Род. И, по-моему, он слишком испугался нашей скорости, чтобы кривить душой.

Род пожал плечами.

— Ему в любом случае незачем врать, как же мы туда заберемся, Векс?

— Это будет не так уж трудно. — Робот поглядел на неровную поверхность фаса скалы. — Вспомни, Род, альпинизм — мой конек. — И поставил копыто на начало даже не замеченной ранее Родом тропы.

— Если тот крестьянин все еще следит, то теперь он окопчательно не выдержит, — вздохнул Род. — Кто ж когда-нибудь видел раньше копы, влезющего на скалу?

— Учитывая все обстоятельства, — задумчиво произнес Векс, осторожно ступая по скальному карнизу шириной малость поуже его тела, — мне думается, все получилось бы куда быстрее, если б ты переместил мой мозг в космический корабль и прилетел сюда.

— Может быть, но такое было б намного трудней объяснить крестьянам и лордам, если уж на то пошло. — Род поглядел на отвесный спуск вниз и почувствовал, как у него сосет под ложечкой. — Векс, в это твоё тело, случайно, не встроено несколько антигравитационных пластин?

— Конечно, встроено, Род. Проектировщики Максимум учитывают все возможные обстоятельства,

Векс всегда говорил об астероиде, где его произвели, с некоторым тщеславием.

— Ну, приятно знать, что если мы упадем, то не слишком расшибемся. Но почему мы тогда просто не подлетим к пещере?

— Я думал, ты озабочен воздействием пашего проезда на наблюдателей.

— Довод, — вздохнул Род. — Вперед и вверх, Ржавый Рысак. Эксельсиор!

Впереди и слева от них зиял вход в пещеру, но он был всего в шесть футов высотой. Род поглядел на него и произнес:

— Не вполне достаточно высок для нас обоих.

— Согласен. Спешься, пожалуйста, поосторожней, Род, и постарайся держаться у скальной стены.

— О, не беспокойся, в сторону не отклонюсь. — Род соскользнул с коня между Вексом и фасом скалы, пытаясь превратиться в блин. Затем он протиснулся мимо большого черного коня и двинулся бочком по скальному карнизу к черной пустоте входа в пещеру. Он подобрался к ней, внушая себе, что настоящая ведьма никак не может походить на злых колдуний из детских сказок; но когда он медленно приблизился к влажной темноте логова ведьмы, на память ему пришел бурным потоком весь колыбельный эпос. И то, что Гневная Гатти называлась по имени в грамариийских версиях большинства этих сказок, выступая в них в главной, популярной, но не совсем симпатичной роли, не очень-то успокаивало его. Сравнение относительно логики и усвоенного в детстве определения эмоциональных реакций зрелого человека интересно изучать в теории, но наблюдение из первых рук практических аспектов может быть чуточку неудобным.

Воздух разорвал дикий старческий смех. Род замер; смех растаял, спал и превратился в рыдание. Род нахмурился и подобрался к пещере поближе... Голос Гвен! Он расслышал, как она что-то бормочет, утешая собеседницу. Род почувствовал, как все его тело расслабилось; фактически, он чуть ли не обмяк. Он и не представлял, что настолько встревожен. Но если Гвен успокаивала, ну... ей не могла грозить слишком большая опасность. Там ведь?

По крайней мере, в данную минуту ей ничто не угрожало. Он выпрямился и сделал первый шаг, заходя в пещеру, по раздраженный, надтреснутый голос старухи заставил его стать как вкопанного.

— Да, знаю, они не все злодеи. Не могли они такими быть, не так ли? И все же, судя по собственной жизни, я б никогда не догадалась о том!

Гвен, решил Род, просто изумляет. Она не могла пробыть здесь более получаса до его прибытия и уже заставила старую ведьму открыться и заговорить.

Гвен пробормотала ответ, но Род его не разобрал. Нахмурившись, он подобрался поближе к пещере — как раз вовремя, чтобы расслышать, как старая Агата говорит:

— Радуйся, девушка, что ты живешь в наставшие для нас новые времена — когда королева защищает обладающих колдовской силой, и ведьма может найти себе чародея в мужья.

— Тут, я знаю, мне посчастливилось, достопочтенная сударыня, — ответила Гвен.

Род покраснел. Действительно покраснел. Дело заходило слишком далеко. Теперь уж он определенно подслушивал не предназначенное для его ушей. Он расправил плечи и шагнул в пещеру.

— Гм!

В пещере оказалось очень сумрачно. Он еле-еле чего различал — за исключением двух сидевших перед огнем жепских фигур. Услышав его шаги, фигура постарше резко вскинула голову. Свет костра освещал ее лицо снизу, что придавало ему достаточно сверхъестественный вид; но даже само по себе лицо это было ужасным.

На какую-то секунду она уставилась на него. Затем лицо ее перекосила усмешка, сопровождаемая сильным старушечьим смехом.

— Э, что у нас здесь? Неужели мы не можем даже поговорить о мужчинах без их вторжения к нам?

Пораженная Гвен подняла взгляд. Затем лицо ее зажглось восторгом удивления.

— Милорд! — Она вскочила и подбежала к нему.

Лицо старухи презрительно скривилось. Она дернула головой в сторону Рода.

— Твой?

— Мой.

Гвен схватила Рода за руки, тело ее на миг качнулось к нему, а затем отпрянуло. Род понял, публичная демонстрация приязни может показаться обидной; особенно тем, у кого нет никаких любимых. Но глаза ее сказали, что она польщена и очень рада его поддержке.

Уста ее, однако, сказали всего лишь:

— Зачем ты явился, муж?

— Просто немного беспокоился, милая. Хотя и вижу, что это было глупо.

— Не так уж глупо, как ты мог подумать, — проскрипела ведьма. — И все же явился ты запоздало для оказания помощи. — Она нахмурилась при этой мысли. — Нет, возможно, однако ты прибыл все же своевременно; если ты был с нею, когда она впервые появилась у входа в пещеру, я б несомненно выгнала вас обоих взашей.

Род начал было добавлять:

— Если б сумела, — а затем подумал, что лучше не стоит. — Э. Да. Извиняюсь за вторжение.

— Не стоит волноваться, — едко ответила Агата. — Никакого другого мужчину это не волновало бы. — Она перевела взгляд на Гвен. — Тебе безусловно в высшей степени посчастливилось.

Гвен, покраснев, опустила глаза.

— И все же сомневаюсь, что ты знаешь истинную величину своего счастья. — Ведьма снова повернулась к очагу, сунула лопатку в огромный котел и помешала. — Меня, молодой человек, очень ценили пахари из горных деревень, приходившие ко мне по одному и пятером ради мига удовольствия, хотя потом они и пришли толпой в шестьдесят человек, вместе с матерями, сестрами и женами и строгим деревенским клириком, чтобы высечь меня, вздернуть на дыбу и пронзить меня раскаленными иглами, крича: «Сознавайся, подлая ведьма!», пока я не могла больше сдерживаться, пока моя ненависть не выплеснулась на них, поражая их и вышвыривая вон из пещеры!

Она оборвала рассказ, задыхаясь и дрожа. Встревоженная Гвен сжала руки Агаты в своих и побледнела, когда их холодок пробежал у нее по спине. Она слышала сказку о том, как давным-давно ведьма Агата выкинула из своей пещеры жителей пяти деревень, и сколько разбили себе головы или спины на склонах внизу. Никакая ведьма в Грамарие за всю историю этого сверхъестественного острова не обладала такой силой. Большинство ведьм могло поднять за раз только двух или, возможно, трех человек. А что касается швыряния их с достаточной силой, чтобы выбросить из пещеры — да такое было просто невозможно.

— Не так ли?

Следовательно, если какая-то ведьма действительно совершила такой подвиг, у нее должен быть знакомый, помогающий ей дух. Они обычно принимали облик жи-

вотных, но Агата не держала у себя никаких зверьков. Следовательно — понятное дело — знакомый все равно обязан быть, но он, должно быть, невидим.

— Вот тогда-то, — проговорила с одышкой ведьма, — я и перебралась в эту пещеру, где наружный карниз настолько узок, что войти сюда за раз может только один человек, и поэтому я в гнев своем никогда не смогу покалечить больше, чем песколькоких. Но эти несколько...

— Они хотели сжечь тебя, — прошептала со слезами на глазах Гвен, — и сделано то было в гневе, в гневе, сдерживаемом очень долго, дольше, чем может обуздать его любой человек! Они унижали тебя, пытали тебя!

— Разве это вернет мертвых? — бросила острый взгляд на Гвен Агата.

Гвен заворуженно уставилась на изнуренное лицо.

— Агата... — Она закусила губу, а затем выпалила: — Ты желаешь искупить вину за отнятые тобой жизни?

— Чепуху ты городишь! — сплюнула ведьма. — Жизнь бесценна, отнятие ее не искупить ничем!

— Верно, — задумчиво произнес Род, — по можно еще возместить потери.

Острый взгляд врезался в него, сковывая почти столь же эффективно, как Дурной Глаз.

Затем, однако, взгляд посветлел, когда ведьма медленно усмехнулась.

— Ах так! — Она откинула голову назад и рассмеялась. Смех длился долго, и когда он утих, Агата вытерла глаза, кивая. — А! Я-то все гадала, зачем вы явились, так как никто не приходит к старой Агате, если они не желают чего-то, не жаждут того, чего не могут ни от кого больше получить. И у вас именно это, не так ли? Народ страны в опасности и нуждается в силе старой Агаты! И послал вас умолять меня прибегнуть к ней!

Ее тощее тело затряслось от нового спазма старушечьего смеха. Она тяжело дышала, постепенно успокаиваясь, и вытерла нос длинным костлявым пальцем.

— Хе-хе! Дитя! Ужель меня, женщину шестидесяти с лишним лет, надует самое что ни на есть невинное дитя? Хе! — и снова рассмеялась.

Род нахмурился; разговор терял управление.

— Я б не назвал этого именно «надувательством».

Смех ведьмы резко оборвался.

— Вот как? — сплюнула она. — Но ты попросил бы у меня помощи, да! И постарался бы ничем не вознагра-

дить меня, нет! — Она перевела взгляд на Гвен. — А ты делаешь, что он тебе велит, не так ли?

— Нет! — воскликнула оскорбленная Гвен. — Я явилась сама по себе, молить тебя...

— О них! — прожгла ее взглядом ведьма. — Ужель у тебя нет никаких полос на спине, никаких шрамов на грудях, где тебе выжгли палачи? Ужель ты не знала боли от их зависти и ненависти, что явилась без принуждения, без уговоров, молить помочь им?

— Да. — Гвен почувствовала, как на нее снизошло страшное спокойствие. — Меня дважды бичевали и трижды пытали, и четырежды привязывали к столбу сжечь на костре; и за то, что я жива сейчас и говорю с тобой, мне надо благодарить крошечный народ, моих добрых опекунов. Да, я познала узловатую плеть их страха; хотя никогда столь глубоко, как ты. И все же...

Старая ведьма кивнула, дивясь.

— И все же ты жалеешь их?

— Да. — Гвен опустила глаза, крепко стиснув руки на коленях. — В самом деле, я их жалею. — Глаза ее вскинулись, сцепившись с взглядом Агаты. — Ибо их страх — ремень с шипами, что сечет нас, их страх перед великой тьмой, стоящей за такими сплами, как наши, тьмой неизвестности, и перед непредсказуемой судьбой, что мы приносим им. Именно они должны идти по жизни ощупью и всегда посреди кошмара, им никогда не познать звуков любовных, радости полета при луне. Разве нам не следует тогда пожалеть их?

Агата медленно кивнула. Ее старческие глаза заволокла пленка, они глядели в пространство на жизнь, ныне удаленную во времени.

— Так и я думала когда-то, в девичестве...

— Тогда пожалей их, — призвала Гвен, сильно разрывая поводья своего нетерпения. — Пожалей их, и...

— И прости их? — Агата резко вернулась в настоящее время, медленно качая головой, с горькой улыбкой в разрезе рта. — В душе я могла бы их простить. Рубцы и удары, раскаленные иглы, цепи и горящие занозы у меня под ногтями — да даже такое я могла бы им простить.

Глаза ее остекленели, глядя на минувшие годы.

— Но злоупотребление моим телом, моим прекрасным, стройным девичьим телом и моим зрелым расцветшим женским телом все те долгие годы, моей нежнейшей плотью и сокровеннейшей частью моего сердца, терзания этого сердца вновь и вновь, чтобы питать их, их страст-

пый, бессмысленный голод... нет! — Голос ее сделался низким и гортанным — булькающей кислотой, черноалмазным буром. — Нет, ни за что! Такого я никогда не могу им простить! Их жадности и похоти, их неутолимой жажды! Они приходили вечно и постоянно, входили взять меня и отшвыривали прочь; приходили за моей дрожащей плотью, а затем презрительно отталкивали меня, крича: «Шлюха!». Вновь и вновь, по одному и впятером, зная, что я не отвергну, не смогу их отвергнуть; и поэтому они все приходили и приходили... Нет! Такого я никогда не смогу им простить.

Сердце Гвен разорвалось, должно быть, это отразилось у нее на лице, так как Агата пронзила ее мерцающим взглядом.

— Жалей их, если тебе так надо, — проскрежетала она, — но никогда не питай жалости ко мне!

Она с миг держала взгляд Гвен, а затем повернулась обратно к котлу, снова взяв свою лопатку.

— Ты скажешь мне, что тут не было их вины, — пробурчала она, — во всяком случае, их вина не больше моей в том, что их жажда толкала их ко мне столь же верпо, как и моя принуждала меня принимать их с распростертыми объятиями.

Она медленно подняла голову, сузив глаза.

— Или ты не знала! Гален, кудесник из Темной Башни. Именно ему полагалось бы ответить на мою жажду своей. Величайшая ведьма и величайший чародей королевства вместе, разве такое не самое подходящее? Но он единственный из всех мужчин никогда не приходил ко мне, свинья! О, он скажет вам, что в нем чересчур много праведности, чтобы породить ребенка в таком адском мире, и все же истина в том, что он боится ответственности за того ребенка, коего мог бы породить. Трус! Смерд! Свинья!

Она погрузилась в котел, плюясь и ругаясь.

— Адское отродье, трижды ублюдок, недоношенная насмешка над человеком! Его, — закончила хриплым шепотом она, — я ненавижу больше всех!

Костлявые, узловатые старческие руки так сильно стиснули лопатку, что, казалось, дерево должно сломаться.

А затем она прижала вымазанную деревянную лопатку к впалой высохшей груди. Плечи у нее затряслись от сухих рыданий.

— Мой ребенок, — пробормотала она. — О, мой прекрасный, нерожденный милый ребенок!

Рыдания уменьшились и стихли. Затем ведьма медленно подняла глаза.

— Или ты не знала? — Она резко улыбнулась и в ее слезящихся пожелтевших глазах появился сверхъестественный блеск. — Именно он и охраняет вход ко мне и защищает меня... мой нерожденный ребенок, Гарольд, мой сын, мой знакомый! Таким он был и таким он всегда будет теперь — душой, явившейся ко мне из завтра, что некогда могло бы быть.

Гвен уставилась, словно громом пораженная.

— Твой знакомый?..

— Да. — Кивок у старой ведьмы вышел напряженным от иронии. — Мой знакомый и мой сын, мой ребенок, который в силу того, что он некогда мог бы быть и должен бы быть, пребывает теперь со мной, хотя он так никогда и не родился, никогда не вырастет плоть от плоти моей и не покроет свою душу. Гарольд, самый могучий из кудесников, сын старого Галена и Агаты, несостоявшегося союза; так как души наши давно умерли в нас и лежат погребенные в иле и грязи нашей юности.

Она снова повернулась к котлу, медленно помешивая.

— Когда он впервые явился ко мне много лет назад, я не могла понять.

Честно говоря, Род тоже не мог — хотя и начинал подозревать тут галлюцинации. Он гадал, не могло ли длительное одиночество оказать такое воздействие на взрослого человека — изобретение вымышленного товарища.

Но если Агата действительно верила в этого «знакового», то, возможно, эта галлюцинация помогала ей настолько полностью фокусировать свои силы, что извлекала из нее потенциал до самой последней унции. Это могло объяснить необыкновенную силу ее пси-способностей.

Агата подняла голову, уставясь в пространство.

— Сие казалось мне таким совершенно странным, чудеснейше странным; но я была одинока и благодарна. Но теперь... — ее дыхание хрипело, словно умирающий орган, — ...теперь я знаю, теперь я понимаю. — Она горько кивнула. — То была нерожденная душа, у которой никогда не было никакого другого дома и никогда не будет.

Она совсем повесила голову, все ее тело обмякло от горя.

После долгого промежутка времени она подняла голову и отыскиала глаза Гвен.

— У вас ведь есть сын, не так ли?

При кивке Гвен в улыбке Агаты появился след нежности.

Но улыбка эта посуровела, а затем растаяла; и старая ведьма покачала головой.

— Бедный ребенок, — пробормотала она.

— Бедный ребенок! — Гвен с трудом старалась скрыть возмущение. — Почему, во имя неба, старая Агата?

Агата бросила на нее презрительный взгляд.

— Ты прожила детство ведьмы и еще спрашиваешь?

— Нет, — прошептала, качая головой, Гвен, а затем громче: — Нет! Настал новый день, Агата, день перемен! Мой сын предъявит права на свое законное место в королевстве, будет охранять народ и получать от него заслуженное уважение!

— Ты так думаешь? — горько улыбнулась старая ведьма.

— Да, я верю в это! Ночь ныне миновала, Агата, страх и невежество исчезли в день перемен. И никогда больше селяне не будут преследовать нас в гневе, страхе и бешеной ненависти!

Старая ведьма кисло улыбнулась и дернула головой в сторону входа в пещеру.

— А это ты слышишь?

Род увидел, как Гвен, нахмурившись, повернулась ко входу в пещеру. Он прислушался и уловил тихое, отдаленное гроыхание. И понял, что оно присутствовало уже какое-то время, все приближаясь к ним.

К черту конспирацию.

— Векс! Что это за шум?

— Да то твои дружелюбные селяне, — язвительно улыбнулась старая Агата, — жители двенадцати деревень собрались вместе, последовав за испорченным своим рвением проповедником и явились выкурить старую Агату из ее пещеры и сжечь ее дотла, раз и навсегда.

— Анализ подтвержден, — произнес голос Векса за ухом Рода.

Род прыгнул ко входу в пещеру, схватился за скальный выступ и, наклонившись, посмотрел вниз.

На половине подъема вверх по склону каменные карнизы заполняла клубящаяся масса.

Род резко повернулся обратно к женщинам.

— Она права — это толпа крестьян. У них в руках косы и мотыги.

Внезапный порыв ветра донес до них более громко крик толпы.

— Слышите! — фыркнула Агата, кивая на вход в пещеру. Углы ее рта горько скривились. — Слышите, как они громко требуют моей крови! Еще бы, когда их подстрекает к тому немый сумасшедший с цепой у рта!

Она посмотрела на кипящую толпу, одолевавшую карниз за карнизом, взбираясь к ним. На солнце блестела сталь.

Гвен ощутила липкое прикосновение страха, но перед чем именно, она сама не знала.

— Ты говоришь почти так, словно знала об этом...

— О, само собой, знала, — улыбалась старая ведьма. — Разве такое не случалось со мной часто и прежде? И обязательно должно было случиться вновь. Не знала я только точное время, но какое это имеет значение?

По мере того как толпа вадымалась все выше и выше, карнизы сужались. Гвен теперь различала отдельные лица.

— Они приближаются, Агата. Что мы должны предпринять против них?

— Предпринять? — в удивлении подняла лохматые брови старая ведьма. — Да ничего, дитя. На моих руках и так уже слишком много их крови. Я устала, состарилась, меня тошнит от моей жизни; с какой же мне тогда стати драться с ними? Пусть себе приходят сюда и сожгут меня. По крайней мере на этот раз я не буду виновата в крови тех, кого спасала.

Агата отвернулась от входа в пещеру, кутая в шаль узкие старческие плечи.

— Пусть приходят сюда и терзают меня; пусть раскладывают здесь костер и сжигают меня. Хоть смерть и придет посреди великой муки, она будет сладостной.

Род в шоке уставился на нее.

— Вы, должно быть, шутите!

— Должно быть, да? — пронзила его пылающим взглядом Агата. — Узрей же тогда истинность сказанного! — Она проковыляла к издавшему виды стулу и села. — Здесь я буду и здесь останусь, и будь что будет и кто будет. Пусть меня пронзят, пусть сожгут! Я не буду больше виновата в людской крови!

— Но вы нужны нам! — закричал Род. — Вы нужны

Ковену ведьм, едва минувших детство! Вы нужны всей стране Грамарий!

— Зачем — для спасения их жизней? А чтобы спасти жизнь им, я должна оборвать ее им? — Она кивнула на рев у входа в пещеру. — Не думаю, лорд Чародей. В самом звучании таких слов слышится эхо зла. Тот, кто спасает жизни, лишая жизни, наверняка творит дьявольское дело.

— Ладно, так не убивай их! — раздраженно крикнул Род. — Просто прогони их прочь!

— А как мы, прошу прощения, это сделаем? Они уже поднялись на гору. Как мне их сбросить, не убивая их?

— Тогда не убивай их. — Гвен упала на колени рядом со стулом Агаты. — Дай им подняться — но не давай им себя тронуть.

У Рода загорелись глаза.

— Конечно! На карнизе же Векс! Он может сдерживать их!

— Наверняка нет! — в ужасе подняла взгляд Гвен. — Их, должно быть, по меньшей мере сотни! Они подымут его и силой сбросят со скалы!

У Рода засосало под ложечкой, когда он понял, что Гвен права. Вексу это, конечно, не причинит вреда — он вспомнил про ту антигравитационную пластину в брюхе робота. Но и крестьян это тоже не удержит.

— Что это за Векс, о коем вы говорите? — тревожно спросила Агата.

— Мой, э, конь, — объяснил Род. — Не совсем... конь. Я хочу сказать, выглядит он как конь, и ржет как конь, но...

— Если он походит на коня и ржет как конь, то он и должен быть конем, — резко сказала Агата, — и я не позволю ему погибнуть. Приведи его сюда, в пещеру. Если он не станет им мешать, они его не убьют.

Стукнул осыпавшийся камень, и эхом ему застучали по скале копыта, когда Векс вошел в пещеру. Голос за ухом Рода прошептал: «Простая осмотрительность, Род».

— Он очень хорошо слышит, — объяснил Род.

— А также, видно, неплохо понимает, — бросила на Векса недоброжелательный взгляд Агата. Затем глаза ее сверкнули, и она подняла голову, так и сияя. — Вот это на! У нас здесь очень уютно, не правда ли? И вы, значит, будете сопровождать меня до могилы?

Гвен замерла. А затем расправила плечи и подняла подбородок.

— Если понадобится, да. — Она повернулась к Роду. — Не правда ли, муж?

На секунду Род устоял на нее. Даже в таком кризисе он не мог не заметить, что его понизили из «милордов» в «мужья». Затем он дернул угольным ртом.

— Если от меня будет зависеть, то нет. — Он подошел к черному коню и пошарил в седельной сумке. — У нас с Вексом есть здесь несколько штук... — Он вытащил маленький компактный цилиндр. — Мы просто установим огненную завесу посередине пещеры, между нами и ими. Это должно напугать их до потери сознания...

— Это не задержит их надолго! — Агата начала дрожать. — И все же я вижу, ты и впрямь вознамерился. Дурак! Недоумок! Ты же только еще больше забесишь их! Они прорвутся сквозь твою пламя и разорвут тебя, растерзают тебя!

— Не думаю. — Гвен повернулась ко входу в пещеру. — Я буду уважать твои желания и я не вышвырну их с карниза; я могу наполнить воздух градом мелких камешков. Несомненно, это напугает их.

— Если ты их напугаешь, они побегут! А в панике будут сшибать друг друга с карниза, толкая с высоты в тысячу с лишним футов навстречу смерти! — воскликнула Агата. — Нет, девушка! Не пытайся охранить меня! Улетай! Ты молода и любима! У тебя есть ребенок и муж! Тебе предоставлено много лет жизни, и годы эти будут сладкими, хотя много подобных шаек будет выступать против тебя!

Гвен с тоской взглянула на свое помело, а затем подняла взгляд на Рода. Тот встретил ее взгляд с мрачным лицом.

— Улетай! Улетай! — Лицо Агаты исказило презрение. — Нельзя помочь закишей старухе, милая, когда у нее уже предсмертные судороги! Твоя смерть здесь со мною вовсе не поможет мне! На самом-то деле она лишь углубит вину, в которой погрязла моя душа!

Род припал на колено за большим валуном и навел лазер на вход в пещеру. Гвен кивнула и укрылась за каменным столпом. На полу пещеры зашевелились мелкие камешки.

— Нет! — пронзительно закричала Агата. — Вы должны немедленно убраться отсюда, и побыстрее! — По-

вернувшись, она схватила помело и сунула его в руки Г'вен; ноги у старой колдуньи оторвались от пола. Род почувствовал, как его что-то подхватило и бросило к Г'вен. Он в гневе закричал и попытался свернуть в сторону, но все равно приземлился на помело. Оно дернулось под ним, а затем рвануло ко входу в пещеру — и врезалось в невидимую стену, что прогнулась перед ними, затормозила их, остановила их, а потом швырнула обратно к старой Агате. Они столкнулись друг с другом и опрокинулись на пол.

— Ты давай, решай! — Род с трудом поднялся на ноги, потирая ушибы. — Либо ты хочешь нас выставить, либо... — Голос у него осекся, когда он увидел выражение лица старой ведьмы. Та во все глаза смотрела мимо его плеча на вход в пещеру. Нахмурившись, он повернулся и проследил за ее взглядом.

Воздух во входе в пещеру мерцал.

Лицо старой ведьмы потемнело от гнева.

— Гарольд! Убирайся! Отодвинься от входа в пещеру и побыстрой; им падо улететь!

Мерцание интенсифицировалось подобно жаркому мареву.

Огромный валун как раз за входом в пещеру дрогнул.

— Нет, Гарольд! — пронзительно закричала Агата. — Не надо! И так уж пролито слишком много крови.

Валун медленно поднялся, покинув карниз.

— Гарольд! — завизжала Агата и умолкла, потому что вместо того, чтоб упасть на тащившихся ниже крестьян, валун поднялся и отлетел, быстро устремляясь в небо.

Он находился примерно в двадцати футах от пещеры, когда со скалы наверху сыпанул град стрел, ударил по валуну и отскочил, падая в долину внизу.

Долгий миг старая ведьма стояла, замерев, уставясь на жаркое марево и уходивший по дуге в лес валун.

— Гарольд, — прошептала она, — стрелы...

Она покачала головой, снова приходя в себя.

— Теперь вы должны улетать.

— Он спас нам жизнь, — проговорила, глядя круглыми глазами, Г'вен.

— Да, спас; над нами лучники, поджидающие в засаде вылета ведьмы. Возможно, они думали, что я улечу; но я никогда не улетала, я всегда оставалась здесь и дралась с ними. А теперь подались бы вы на ярд от сего карниза и точь-в-точь походили бы на пару ежей.

Агата повернулась и потащила Гвен за собой в глубину пещеры.

— Ты, по крайней мере, не должна умирать здесь! Мы с тобой сварим колдовское зелье и вызовем такую волшебную бурю, какой никогда не видывали в нашей стране! Гарольд! — окликнула она через плечо жаркое марево. — Стереги двери!

Род двинулся было следом за ними, затем стиснул кулаки, ощущая свою бесполезность.

Агата стащила с полки железный котелок и охнула, когда его тяжесть оттянула ей руки. Она поднатужилась, напрягшись всем телом, и закинула его на стоящую на грубом столе небольшую треногу.

— Старею, — проворчала он, зацепив котелок на треноге. — Старею и слабею. Немало лет уж прошло с тех пор, как я в последний раз варила в нем людские судьбы.

— Людские судьбы?.. — Гвен стояла рядом с ней. — Что ты делаешь, Агата?

— Да всего лишь немного стряпаю, детка, — усмехнулась старая ведьма. — Разве я не сказала, что мы сварим здесь великое волшебство?

Она отвернулась и принялась стаскивать с полки каменные кувшины.

— Разожги мне огонь, детка. Мы будем жить, девушка, так как должны жить; эта страна еще не дала нам отставку.

Искра отлетела от кремня и кресала Гвен на трут. Гвен дула на образовавшийся уголек, пока на лучине для растопки не заплесало небольшое пламя. Подбрасывая в него все большие и большие щепки, она рискнула заметить:

— Ты выглядишь странно радостной, Агата, для ведьмы, лишенной того, что она хотела.

Старая ведьма тихо засмеялась и потеряла тонкие костлявые руки.

— Это радость ремесленника, детка, что хорошо выполняет свою работу и видит перед собой великую задачу; так как возникла великая нужда в старой Агате, и делаются великие деяния. Пресечение этой войны, о которой ты мне рассказала, будет величайшей работой старой Агаты.

Она взяла с полки мерку и принялась черпать порошки из различных кувшинов и бросать их в котелок,

а потом взяла маленькую лопатку и принялась мешать варево.

Гвен отшатнулась от поднявшейся из нагреваемого котелка вони.

— Что это за отвратительная каша, Агата? Я никогда не слышала ни об одной ведьме, прибегающей к такому способу творить волшебство, кроме как в детских сказках.

Агата перестала мешать и смерила Гвен печальным взглядом.

— Ты еще молода, детка, и знаешь о колдовстве только разные байки.

И снова вернулась к перемешиванию варева.

— Верно, сила наша в голове, и только в голове. И все же верно также и то, что ты всегда используешь лишь малую часть своей силы, детка. Ты не знаешь ни глубины, ни ширины ее, ни цвета, ни основы ее. В душе твоей есть не обнаруженные тобой глубокие, невидимые тайники, и скрытую в них глубинную силу нельзя вызвать по своей воле. Слишком глубоко она погребена, там, где не дозваться. Нужно хитростью заставить ее выйти наружу, управлять ею обманом и силками, а не волей. — Она пригляделась к дымящемуся, булькающему котелку. — И делать это надо с помощью бурлящего отвара, составленного из вещей, означающих те силы, которые ты желаешь вызвать из глубин своей души и потаенных уголков своего мозга. Перья колибри, означающие силу, быстроту и полет; пчелы, означающие их жала; семена мака, означающие притупление ума; сажа, означающая подкрадывание и безмолвие ночи; жимолость, чтобы привязать все к камню скал; пепел из очага, означающий желание вернуться домой.

Она подняла лопатку; густое варево медленно стекло с нее в котелок.

— Еще недостаточно густо, — пробормотала старая ведьма и снова принялась мешать. — Поставь, детка, кувшин обратно на полки; когда на кухне прибрано, истряпня хороша.

Гвен взяла несколько кувшинов, но, сделав это, бросила взгляд на вход в пещеру. Крики стали намного громче.

— Старая Агата, они приближаются!

Первый из селян ворвался в пещеру, размахивая ко-
сой.

— Их крики только улучшают вкус варева, — обро-

нила старая ведьма с восторженной кривой усмешкой. Она склонилась над котелком, тихо напевая себе под нос.

Крестьянин врезался в невидимый барьер марева и отлетел, сшибив двоих следовавших за ним. Четвертый и пятый споткнулись об упавших товарищей, увеличили кучу-малу. Куча заколыхалась, когда лежавшие в самом низу попытались подняться на ноги. Верхние завопили, вскочили и побежали, ударяясь, в объятия запоздало подоспевших подкреплений. Возникшая в результате неистовая борьба была довольно энергичной, а ширины карниза хватало для подхода только одного человека; крестьяне качались взад-вперед, шатаясь опасно близко к краю обрыва, размахивая руками в попытке удержать равновесие и в ужасе вопя.

— Хорошо, что карниз такой узкий, они могут нападать на меня не больше, чем по одному за раз. — Агата обернула ручку котелка тряпкой и сняла его с крючка, напрягая дряблые мышцы рук. — Быстрее, детка, — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Треногу! Мой сын Гарольд нечто большее, чем человек, но он не может надолго задержать их — где там, когда их столько! Быстро! Быстро! Мы должны приготовиться помочь ему!

Она проковыляла ко входу. Гвен схватила треногу и побежала за ней.

Когда она установила треногу и старая Агата снова повесила на нее котелок, о карниз глухо стукнулись две деревянные палки, торчащие над камнем на два фута.

— Штурмовые лестницы! — ахнула Агата. — Воистину, это дело, видно, неплохо подготовили! Быстро, детка! Принеси мехи!

Гвен побежала за мехами, желая знать, что планирует сделать старая Агата.

Когда она вернулась, вручив мехи Агате там, где та согнулась над котелком посреди входа, на вершине лестницы появилась высокая бородатая фигура и влезла на карниз. Бородач навел на вход в пещеру свой темный отполированный посох. Когда он поставил его конец на камень, посох глухо лязгнул.

— С железным стержнем! — Агата нацелила мехи над котелком на проповедника и принялась бешено качать их. — Сей посох не должен коснуться моего сына!

Но передний конец посоха уже коснулся жаркого марева. На верхушке посоха вспыхнула искра. Сколак издал победный вой и взмахнул посохом, подзывая свои силы. Крестьяне закричали и хлынули в пещеру.

— Ублюдок! — завизжала Агата. — Подлое бесовское отродье! Чума на тебя! Ты убил моего сына!

Она прожгла его бешеным взглядом, маниакально качая мехи. Пар с котелка устремился вперед, на толпу.

Та стала, как вкопанная. На лицах крестьян появилась мертвенная бледность. А на коже выступили красные точки. Они завопили, вертятся и молотят по своим же товарищам, прихлопывая что-то невидимое, налетавшее и жалившее их.

Какой-то миг толпа крутилась и бурлила двумя противоборствующими потоками во входе в пещеру; затем задние ряды завопили и подались, когда призрачные жала поразили и их, и толпа хлынула обратно на карниз, вон из пещеры.

Остался только проповедник, боровшийся с роем призрачных пчел, лицо его покраснело и опухло от невидимых жал.

Старая ведьма откинула голову назад и визгливо рассмеелась, по-прежнему качая мехи.

— Мы их взгрели, детка! Сейчас мы их взгрели! — Затем она мрачно склонилась над котелком, закачала еще сильнее и сплюнула. — Сейчас они поплатятся за его смерть! Сейчас мои Эвмениды поторопят их домой!

Титаническим усилием Сколакс бросился вперед, взмахнув посохом над головой ведьмы. Гвен прыгнула вперед защитить ее; но посох отскочил назад, сбив проповедника с ног и с силой бросив его на каменный пол. Сквозь его мучительный рев прорвался торжествующий крик Агаты. — Он жив! Мой сын Гарольд жив!

Но проповедник поднял свой посох так, словно тот был огромным и тяжелым грузом, со вдувшимся от призрачных жал и ярости лицом.

— Внемлите мне! Внемлите Сколаксу! Разорвите их! Растерзайте их! Они не могут устоять против нас! Сломите их — немедленно! — и с рычанием наклонился к своим жертвам.

Род прыгнул вперед, схватил посох, сильными руками выдергивая его из рук проповедника. Но затем хлынула, вопя и крича, вся толпа. Пальцы вцепились в ведьм; взлетели ввысь косы...

А потом свет, ослепительный свет, вспыхнувшее солнце, снова — безмолвный свет, повсюду.

И тишина, глубокая и внезапная, и падение, падение, сквозь тьму, полную и крошечную, повсюду вокруг них, и холод, пронизавший их до костей...

И что-то стукнуло его по пяткам, швыряя его на спину. Что-то твердое соприкоснулось с его пятками, бедрами и плечами, и он рефлекторно уткнулся подбородком в грудь.

И в темноте горел огонь.

Бивачный костер, только горел он в маленькой железной клетке со сходящимися кверху черными прутьями.

Глаза Рода вцепились в эту клетку ради простого успокоения в четкой геометрии от внезапно обезумевшего мира. Она представляла собой тетраэдр, в котором горел огонь.

Но что, черт возьми, здесь делал этот четырехгранник?

И если уж на то пошло, где это «здесь»?

Перефразируй вопрос; потому что огонь и клетка явно находились, где им полагалось. Поэтому...

Что делал здесь Род?

Вернемся к вопросу номер два: где это «здесь»?

Род начал замечать детали. Пол был каменный, из квадратных черных базальтовых плит, а огонь горел в небольшой круглой впадине, окруженной базальтом. Стены находились далеко, их с трудом удавалось разглядеть в тусклом свете огня, они казались увешанными бархатом какого-то очень темного цвета, но не черного. Род прищурился — похоже, густо-каштанового.

Черт с ними, с занавесками. Гвен.

Рода охватил внезапный парализующий ужас. Он едва мог повернуть голову, боялся посмотреть из страха, что ее может там не быть. Он постепенно заставил свой взгляд пройти по затемненному помещению, постепенно...

Футах в десяти от него лежала большая черная фигура: Векс.

Род встал на колени и пощупал, не сломаны ли ка-

кие кости, подходя к этому делу без спешки. Убедившись, что его не придется собирать по крупницам, он осторожно поднялся на ноги и подошел к коню.

Векс лежал совершенно неподвижно, что было на него непохоже, но находился в полном отключении, со всеми сочленениями на тормозе, что было на него похоже, когда его охватывал припадок. Род решил его не винить; столкнувшись с таким путешествием, он и сам мог бы хватануть нечто крепкое — или по крайней мере слегка крепленое; например, «бурбон»...

Он пошарил под лукой седла и нашел кнопку обратного включения.

Черный конь расслабился, затем медленно пошевелился и поднял большую голову. Открылись глаза — большие, карие и затуманенные. Род не в первый раз гадал, а были ли они на самом деле, как подсказывали очки, пластиковыми.

Векс медленно повернул голову, выглядя настолько озадаченным, насколько позволяла металлическая морда, скрытая под конской шкурой, а затем медленно повернулся обратно к Роду.

— Ву-меня... бил... брибадок, RRRRRодд?

— Припадок? Конечно, нет! Ты просто решил, что нуждаешься в смазке, и поэтому заскочил на ближайшую автостанцию.

Род тактично воздержался от упоминания о том, как именно Векс «заскочил».

— Я... б-б-бодвел деба в... друдную... минуду.

Род поморщился от обложившего синтезированные слова палета самопрезрения и перебил:

— Ты сделал все, что мог; и поскольку ты уже пять или шесть раз спасал мне жизнь, я не собираюсь жаловаться из-за тех немногих случаев, когда у тебя случались осечки. — Он потрепал Векса между ушей.

Робот на миг повесил голову, а затем на ноги, скользя копытами по камню. Он раздул ноздри, и Род убедился, что радар у него тоже работает..

— Ми нагодимся в больжом зале, — пробормотал робот; по крайней мере, когда с ним бывали припадки, он говорил быстро. — Он каменный, увешан каштановыми бархатными занавесками; во впадине в центре зала горит огонь. Он окружен металлом, решетчатой конструкцией в виде тетраэдра. Металл — сплав железа, содержащий примеси никеля и вольфрама в следующих процентах...

— Неважно, — поспешно вмешался Род. — Общую

мысль я уловил. — Он вдруг нахмурился и отвернулся, отягощенный думой. — У меня также возникла мысль, что моя жена, возможно, не погибла; будь иначе, тут было бы ее тело. Значит, ее похитили?

— К сожалению...

— «...имеющихся данных недостаточно для...» — процитировал одновременно с ним Род. — Да, да. Ладно. Так как же мы найдем ее?

— К сожалению...

— Пропусти это. Найти ее придется мне. — Он стукнул себя кулаком по лбу. — Где она?

— В соседнем помещении, — прогромыхал глухой резонирующий голос. — Заверяю тебя, она невредима и вполне здорова. Агата тоже там.

У огня стоял высокий старик с ниспадающими на плечи длинными седыми волосами и опускающейся на грудь длинной седой бородой, облаченный в длинную синюю монашескую рясу с откинутым капюшоном. Ряса его искрилась серебряными знаками зодиака. Он стоял, сложив руки на груди и засунув кисти в широкие, просторные рукава. Его глаза окружала сетка тонких морщин под седыми кустами бровей; но взгляд был ясным, теплым и мягким. Он стоял около огня, вытянувшись во весь рост и расправив плечи, глядя в глубину глаз Рода так, словно что-то там искал.

— Кто бы вы ни были, — медленно проговорил Род, — я благодарю вас за извлечение меня из передраги и, между прочим, за спасение жизни. И я также явно в долгу перед вами за спасение моей жены, и за это я благодарю вас еще больше.

Старик тонко улыбнулся.

— Вы ничего мне не должны, мастер Гэллоуглас. Никто мне ничем не обязан.

— И, — медленно произнес Род, — вы никому ничего не должны и не обязаны. Хм?

Кудесник чуть заметно кивнул.

Род пожевал щеку изнутри и изрек:

— Вы — Гален. А это — Темная Башня.

Старик снова кивнул.

Род ответил тем же, снова жуя щеку.

— Как же вышло, что вы спасли меня? Я думал, вы не обращаете внимания на внешний мир.

Гален пожал плечами.

— У меня выдалась свободная минута.

— И потому, — здраво рассудил Род, — вы спасли

двух ведм, моего коня и мою скромную особу просто, чтоб убить время.

— Ты быстро усваиваешь, — одобрил Гален, пряча улыбку в глубине бороды. — В данную минуту у меня нет никаких срочных исследований.

— Род, — прошептал голос Векса, — анализ голосовых матриц указывает, что он говорит не всю правду.

— Нужен ли мне для этого компьютер? — сухо пробормотал Род.

Гален, слегка нахмурившись, чуть склонил голову.

— Ты что-то сказал?

— О, э... просто праздное замечание о физических аспектах мысли.

— В самом деле, — поднял голову старый кудесник. — Ты, значит, увлекаешься подобными вопросами?

Род начал было отвечать, а затем вспомнил, что говорит с кудесником, который прожил сорок лет взаперти и все это время становился все сильнее и крепче — и отнюдь не потому, что подвергался брожению. — Ну, боюсь, что ничего такого жутко глубокого я не думал — только о практической стороне вопроса.

— Всякое знание ценно, — поощрил его, сверкая глазами, кудесник. — Какую же малость знаний приобрел ты?

— Ну... я недавно приобрел кое-какой опыт из первых рук о важности лобных долей мозга. — Род постучал себя по лбу. — Передней части мозга. Мне недавно продемонстрировали, что она действует, как своего рода туннель.

— Туннель? — свел брови Гален. — Как так?

Род вспомнил, что оригинальный Гален написал на заре Земного Ренессанса первый точный учебник анатомии. Должно быть, случайное совпадение — не так ли?

— Кажется, между понятием и словом существует своего рода стена. Присутствие понятия может вызвать группу звуков — но это подобно чьему-то постукиванию по одной стороне стены, когда кто-то, находящийся с другой стороны, принимает постукивание за сигнал, ну, скажем... сыграть на трубе.

Гален кивнул.

— Мысль так не выразить.

— Да, это всего лишь дает знать, что она там есть. Так что эта передняя часть мозга, — Род снова постучал себя по лбу, — своего рода проделывает отверстие в этой стене и позволяет мысли возникнуть в виде слов.

Гален медленно кивнул.

— Увлекательное предположение. И все же, как можно удостовериться в его точности?

Род пожал плечами.

— Полагаю, побывав в мозгу у кого-то, лишнего лобных долей.

Гален потерял свою улыбку, а его взгляд затуманился.

— И впрямь, возможно, если бы мы смогли найти такую личность.

Род не смог удержаться от резкого лающего смеха.

— Они у нас есть, мастер кудесник, — больше, чем достаточно. Намного больше! Крестьяне называют их зверолюдми, и они совершают набеги на наши берега. — Он вспомнил про тревогу, и его начало грызть чувство вины. — Если подумать, они и сейчас совершают набег.

— Правда? — Старый кудесник, казалось, действительно разволновался. — Ах вот как! Когда я закончу свои текущие опыты, мне надо будет проникнуть в их мысли!

— Не гони лошадей, — посоветовал Род. — Но, пожалуйста, гони меня! Я должен помочь в борьбе с вашей подопытной группой — и я в некотором роде хотел бы забрать с собой и жену.

— Как тебе, воистину, и следует, — улыбнулся Гален. — На самом деле, здесь есть еще одна особа, которую ты должен проводить из этой Темной Башни.

— Агата? Да, я хочу забрать и ее — но не по тем же причинам. Ты случайно не знаешь, где они?

— Идем, — повернулся Гален, — твоя жена по соседству.

Род на миг уставился ему вслед, удивленный резкостью старика; а затем пожал плечами и последовал за ним, а Векс последовал за Родом.

Кудесник, казалось, почти проплыл к концу просторного помещения. Они прошли через каштановые занавеси в намного меньшее помещение — с потолком всего в пятнадцать футов высотой. Стены украшали бархатные занавеси, на этот раз кобальтово-синие, и один огромный гобелен. Пол мог похвастаться восточным ковром. По углам располагались большие резные кресла. Между креслами стояли римские лежа, застеленные бургундским ворсом. В центре помещения перед приличных размеров очагом стоял круглый черный стол. На столе лежали

шесть огромных раскрытых томов в переплетах из телячьей кожи.

Род, однако, не заметил всего этого великолепия; по крайней мере, великолепия мебелировки. Другое дело, великолепие его жены.

Однако ее пламенно-рыжие волосы неплохо сочетались с кобальтово-синими занавесями. Она стояла у стола, склонившись над одной из книг.

Когда они вошли, она подняла голову. Ее лицо вспыхнуло, как заря.

— Милорд! — воскликнула она и очутилась у него в объятиях, чуть не сбив его с ног, извивающаяся и очень даже живая, прижимая своими губами к его.

Вечность спустя — может быть, полминуты? в любом случае, чересчур уж рано — резкий голос проскрежел:

— Пощади меня, дитя! Пожалей бедную старую ведьму, никогда не бывавшую и на десятую долю столь счастливой, как ты!

Гвеп высвободилась и стремительно повернулась.

— Прости, Агата, — взмолилась она, прижимаясь спиной к мужу и сцепляя его руки у себя вокруг талии. — Я не подумала...

— Да, ты не подумала, — подтвердила старая ведьма с гримасой, носившей некоторое слабое сходство с улыбкой. — Но таков уж обычай юных, и это надо прощать.

— Старая карга! — нахмурился на нее Гален с достоинством своего полного роста. — Неужели ты откажешь этой паре в ее законном праве на радость только потому, что ты той радости никогда не знала? Ужель молоко любви настолько свернулось в твоей груди, что ты более не можешь вынести...

— Законном праве! — сплюнула, вспыхнув яростью, ведьма. — И ты смеешь говорить о «законном праве», ты, отказавший мне в нем...

— Я уже слышал твои кошачьи вопли. — Лицо Галена превратилось в камень. — Не скреби мне опять по ушам своей песней; ибо я скажу тебе теперь так же, как говорил давным-давно, что я попросту ничего тебе не должен. Человек не собственность, его нельзя дать или взять, словно истертую неполноценную монету. Я принадлежу только самому себе; я никогда не был предназначен для какой-либо женщины, и меньше всего тебе!

— И все же, на самом деле, был! — взвыла Агата. — Ты был предопределен мне еще до твоего или моего рож-

дения и, да, еще до того, как образовался мир в замысле самого Господа Бога. Ты был предназначен мне столь же верно, как ночи был дан день; ибо ты, так же как и я, колдовской крови и одного со мной возраста! Твои несчастья и радости — мои...

— За исключением одной! — проскрежетал кудесник.

— Без всяких исключений! Все твои страсти, желания и грехи до одного одинаковы с моими, хоть и сокрыты в глубине твоего сердца!

Гален резко вскинул голову и отступил.

Глаза Агаты вспыхнули радостью. Она двинулась вперед, наращивая новоприобретенное преимущество.

— Да, твое истинное «я», Гален, то, что ты надежно запрятал в самой глубине своего сердца, подобно моему! Все те страсти и слабости тела, которые я когда-либо проявляла на людях, ты переживал наедине с собой, не слабее, чем я! Так ты на шестьдесят лет спрятал свой тайный позор! У тебя не хватает честности признать свои потаенные, сокрытые грехи-желания! Ты слишком большой трус...

— Трус? — Гален, казалось, почти успокоился, расслабился. — Нет, эту песню я уже слышал. Ты стареешь, Агата. В более молодые годы ты не скатилась бы к старому спору.

— Не скажусь и теперь, — пообещала ведьма, — ибо теперь я называю тебя трусом, как испытывающего новый и самый недостойный мужчин страх! Ты, кричащий о невнимании ко всему миру за стенами твоей Темной Башни, ты, презирающий всех людей, страшишься их мнения! Ты хотел бы, чтобы они считали тебя святым!

Лицо Галена сжалось, а глаза расширились, запылав гневом.

— Святой! — рассмеялась Агата, ткнув в него пальцем. — Святой с горячей и волнующейся кровью! Святой, у которого столько же человеческих недостатков, сколь и у меня, и на ком лежит великая вина. Большая! Да, большая, так как в своем ложном самомнении ты лишил меня моего собственного истинного места подле тебя! Ибо ты мой по праву, старый Гален; тебе было предопределено Богом стать моим мужем задолго до того, как твоя мать поймала взгляд твоего отца! По всем правилам ты должен был стать моим; но ты сторонился меня из трусости и самомнения!

Гален с миг наблюдал за ней затененными глазами; ватем расправил плечи и набрал в грудь воздуха.

— Я получаю лишь то проклятье, какое заслужил.

Агата на миг уставилась на него, раздвинув губы.

— Ты признаешься в этом!

А затем, миг спустя, припечатала его кислой улыбкой.

— Нет. Он всего лишь хочет сказать, что шесть раз спасал мне жизнь и потому он сам виноват, что я живу и клянусь его.

Она гордо подняла голову, пылая взором.

— И в том видна его слабость; он не может не спасти нас, ведьм. Такова его природа, того, кто утверждает, будто его нисколько не волнует судьба любой живой ведьмы или пахаря. И все же он наш опекун и спаситель, для всех нас, ведьм; ведь если погибнет одна из нас, когда он мог предотвратить это, то его протестующая совесть продолбит слабую волю, что стремится заставить ее замолчать, и будет преследовать его ночью страшными снами. О, он способен стоять в стороне и смотреть, как умирает крестьянин или знатный, так как те с удовольствием сожгли бы его; но вот ведьма, которая его не сжигала, а делала бы ему только добро — если б у него хватило смелости или мужества попросить того — таких он не может не рассматривать как часть себе подобных и, следовательно, должен спасти нас, как спасал более сотни раз.

Она отвернулась и добавила:

— Можете, если угодно, приписывать ему добродетельность и сочувствие, но мне-то лучше знать.

— Все так, как она говорит, — гордо подтвердил старик. — Я никого не люблю, и никто не любит меня. Я никому ничего не должен, я стою один.

Старая Агата разразилась ухающим смехом.

— Э... да, — вмешался Род. В перепалке, кажется, наступило затишье, и ему очень даже не терпелось исчезнуть, пока она не вспыхнула с новой силой.

А поскольку лицо Гвен снова омрачилось, то Роду надлежало поспешить.

— Да, ну спасибо за своевременное спасение, Гален, — поблагодарил он. — Но теперь, с твоего позволения, нам действительно надо вернуться в Раннимид... э, не так ли, Гвен?

Он вдруг умолк и, нахмурился, посмотрел на старого волшебника.

— Полагаю, ты, э, не думаешь вернуться вместе с нами?

Агата медленно подняла голову; в глазах у нее загорелся огонь.

— Спасибо тебе за любезно предложенное гостеприимство, — поблагодарил жестким от иронии голосом старый кудесник. — И все же, к большому сожалению, боюсь, что я не смогу его принять.

— О, безусловно, к сожалению! — сплюнула Агата. — Ты и впрямь достоин сожаления больше всех, кого я когда-либо знала, ибо ты принес мне печаль, глубокую как грех!

Она резко повернулась к Роду и Гвен.

— И все же не бойтесь; ваши не останутся вовсе без всякой помощи! Тут живет по крайней мере еще одна сильная старая ведьма с опытом семидесяти лет, которая не покинет в этот тяжелый час своих соотечественников! Да, будьте уверены, тут живет еще одна; хотя этот старый мерин, — она дернула головой в сторону Галена, — будет праздно стоять и смотреть, как поработают наш народ, сила столь же великая, как и у него, охраняет нашу страну! — Она протянула руку. — Возьмите меня с собой, уйдем, а то у меня все нутро выворачивает в его присутствии! Он думает только о себе.

— А ты нет? — проскрипел Гален, прожигая взглядом старую ведьму. — Разве это не всего лишь подачка твоему несбывшемуся желанию быть матерью ребенка, которого ты никогда не рожала?

Агата почти заметно вздрогнула и повернулась с горячими словами, готовыми сорваться с языка; но Гален властно поднял руку и произнес нараспев:

— Сгиньте отсюда, в Раннимид!

Вспыхнул свет, обжигающий, ослепляющий.

Когда растаяли остаточные изображения, Род увидел, а также почувствовал в своих объятиях Гвен — данное ощущение действовало очень успокоительно, пока солнце превращалось в дневное светило.

Он также смутно различил и Агату, прислонившуюся дрожа к стене, к серой гранитной стене.

И высокий бревенчатый потолок, и кучку собравшихся вокруг них юных ведьм и чародеев, уставившихся, раскрыв рты и выпучив глаза.

Их голоса взорвались шумными вопросами.

Да, дома, а что же произойдет, если Гален когда-нибудь достаточно разозлится на кого-то и велит ему убираться ко всем чертям. Лицо одного юного чародея придвинулось ближе, когда Род припал на колено.

— Лорд Чародей! Где вы были?

— В Темной Башне Галена, — прохрипел Род и был вознагражден громким дружным аханьем. Он обвел взглядом глаза, ставшие круглыми, как печати. — А что до того, как мы попали сюда... ну, он послал нас домой.

Подростки обменялись быстрыми взглядами.

— Мы можем по желанию перенестись из одного места в другое, — промолвил один из чародеев, — но никто из нас не может проделать такого с другим.

— Да, ну Гален немножко постарше вас и научился еще кое-каким штучкам. — Про себя же Род не знал, что и думать — ведь это было равнозначно новому виду пси-способностей, не так ли? Ну, он приготовился к постоянным сюрпризам. — Тебя зовут Элвин, правда?

— Именно так, лорд Чародей.

Род потер ладонью глаза.

— Я, кажется, вспоминаю, как прежде, чем я умчался на поиски Гвен, что-то говорилось о нападении зверюшек.

— Да, милорд. Те три длинных судна были лишь авангардом. За ними воды потемнели от флота.

— Флота? — Род полностью стряхнул с себя состояние «гrogги». — Сколько их там было?

— Армия, — ответила стоявшая за Элвином девушка. — Меньше ее никак не назовешь.

Род, шатаясь, поднялся и огляделся. И увидел большого черного коня, стоящего на негнущихся ногах, низко опустив голову. Род, спотыкаясь, добрался до него и сунул ему ладонь под голову. Та поднялась и повернулась посмотреть на него. Род нахмурился.

— Никакого припадка, а?

— В самом деле, обошелся без него, — произнес голос робота только у него в ухе, — поскольку я уже раз испытал такое и знал, что оно возможно. Поэтому данная причина оказалась недостаточно велика, чтобы вызвать припадок.

— Так, значит, — осторожно проговорил Род, — ты был в сознании во время всего этого дела.

Конь поднял голову повыше.

— Был. Я... записал... все... мне надо будет прокрутить запись снова... очень медленно... позже... позже...

— А так сходно, что, на твой взгляд... произошло? Просто по догадке.

— Предварительный анализ, похоже, указывает, что

мы прошли через другое измерение. — Тело Векса содрогнулось. — По крайней мере я надеюсь, что произошло именно это.

— Да. — Род слотнул. — Э. Ну... реши это позже, идет? — Он вставил ногу в стремя и махнул в седло. — Нам надо попасть на побережье. Где, ты говоришь, они высадились, Элвин?

— В устье реки Флев, милорд. Мы ждем в резерве и все же пока не слышали никакого зова.

Род посмотрел на оставшуюся в помещении кучку попрестальной и понял, что в ней нет никого старше четырнадцати. Неудивительно, что их не позвали. Если б это произошло, значит, положение стало действительно отчаянным. Род кивнул.

— Флев не слишком далеко. Возможно, я еще поспею к бою. — Он свесился с седла и быстро поцеловал Гвен. — Поддерживай огонь в этом очаге, дорогая. Прилетай помогать, когда к тебе вернутся силы. — Он снова выпрямился в седле и ткнул пятками в бока Векса. Черный конь потрусил к дверям, протестуя на ходу:

— Род, притолока слишком низка.

— Значит, пригнусь. Вперед и вверх, Стальной Скакун! Вперед и прочь!

— Ты забыл сказать «по коням», — напомнил ему Векс.

Векс мчался по дороге на юг легким, неустанным, напоминающим кресло-качалку аллюром, возможным только для электронных лошадей. Род сидел, откинувшись в седле, и наслаждался поездкой.

— Конечно, — говорил он, — возможно, этот «возрожденец» является всего лишь тем, кем кажется и ничем более — просто невротичным, непосвященным в духовный сан религиозным психопатом. Но я почему-то нахожу себя способным усомниться в этом.

— Совпадение возможно, — согласился Векс, — хотя едва ли вероятно.

— Особенно, раз его деятельность очень неплохо ослабляет военные усилия — то есть неплохо для зверолов. И почему еще он начал действовать именно в это время? Он, должно быть, начал проповедовать за неделю-другую до того, как Катарина занялась набором рек-

рутов; иначе мы заполучили бы по крайней мере несколько добровольцев.

— Значит, мы можем считать, что существует какая-то корреляция между этими двумя явлениями — войной и проповедником, — выразил мнение Векс.

— Какая к черту корреляция! Он на них работает, Векс. Как еще это объяснить?

— Я не подготовил никакой альтернативной теории, — признался Род. — Тем не менее, вероятность прямого тайного сговора крайне низка.

— Да брось ты!

— Изучи данные, Род. Неандертальцев отделяет от проповедника приблизительно сто океанских миль. Более того, судя по полученным нами сообщениям, нет никакого очевидного физиологического сходства.

— Довод, — признал Род. — И все же, я б сказал...

— Извини, перебью, — вмешался внезапно Векс, — но... как тебе известно, я задействовал радар...

— Я б надеялся, раз мы гоним под шестьдесят миль в час!

— Над нами только что прошли два летающих объекта.

У Рода засосало под ложечкой.

— Всего лишь пара птиц, верно?

— Боюсь, что нет, Род.

Род метнул быстрый взгляд на небо. Они летели там, уже пропадая вдаль — две женщины с метлами.

— Они не могут!

— Боюсь, что смогли, Род. По моей оценке, их эквивалентная наземная скорость порядка ста миль в час. И, конечно, они могут лететь кратчайшим путем, напрямик.

— Они поспеют на поле боя раньше нас! — Род прожег дам злым взглядом, а затем тяжело вздохнул и расслабился. — Ну... полагаю, мне следует радоваться, что они прибудут туда вовремя, чтобы помочь выпутаться... У Гвен ведь хватит здравого смысла убрать с неба их обеих, не так ли?

— Надеюсь, так, поскольку ей понадобится сосредоточить свои силы для борьбы с Дурным Глазом.

— Да... я и забыл об этом. Ну! — Род вздохнул и откинулся в седле. — Это облегчение!

— Я б подумал, что это станет причиной еще большего беспокойства, Род.

Векс казался действительно озадаченным.

— Нет — потому что она, вероятно, приземлится там, где размещены Королевские Колдовские Силы — а Туан даст им очень хорошую охрану. — Род усмехнулся. — Она будет в безопасности даже вопреки самой себе. Но просто на всякий случай... добавь скорость, хорошо?

«А потом враги обрушились на нас бесконечными волнами. Число их длинных судов доходило до мирнада и походило на нашествие драконов, вылезавших на берег из океана, изрытая тысячи зверолодей. Они были высокими и клыкастыми, с головами ниже плеч и смертью в глазах. Наши отважные солдаты побледнели и отступили; но король призвал их, и они остались на своих местах. А затем перед ними вырос Верховный Чародей, и гром сотряс воздух, а молния опалила землю вокруг него. Трубным голосом он поклялся солдатам, что его ведьмы оградят их от Дурного Глаза, и поэтому призвал их наступать навстречу врагам и превзойти их, ради своих жен, возлюбленных и дочерей. Смелость перелилась от него в сердца всех солдат, и те начали наступать.

Но тогда зверолоды образовали свой строй, и молния сверкала, отражаясь от их щитов и племов. Они заревели со звериной лютостью и двинулись на армию короля Туана.

Солдаты с криком атаковали, и все же каждый зверочеловек поймал взгляд одного-двух среди нас, а может, и троих, а потом и шестерых, и те оцепенели, как вкопанные. И тогда зверолоды засмеялись — ужасным, скрежещущим смехом — и зашагали вперед устроить резню.

Но Верховный Чародей крикнул своим ведьмам и чародеям там, на холме, откуда те наблюдали за битвой, и они соединили руки в молитве, выдавая свои величайшие силы, сцепившись с темной мощью зверолодей и освобождая рассудок солдат от чар.

И тогда армия, наступающая и подняв алебарды, завывала в гневе; но грянул гром и оземь ударила молния, прыгая в глаза зверолодей и снова заволакивая солдат. А на холме ведьмы и чародеи лежали в обмороке, похожем на смерть, — ибо мощь демона Коболда опалила их разум.

И зверолюди, скрипуче рассмеявшись, замахали огромными секирами, разя солдат короля.

И тогда Верховный Чародей в ярости вскричал и поскакал на них на своем скакуне ночи, раздавая направо и налево удары огненным мечом, прорубаясь сквозь строй звероловцев; в то время как его жена и древняя ведьма с гор услышали его крик и примчались на поле боя. Там они соединили руки и склонили головы в молитве, и сделали вдвоем то же, что ранее делали все королевские ведьмы и чародей — сцепились с мощью Коболда и сняли чары его с рассудка солдат. И все же слишком многие из них уже пали; они могли защищаться, но и только.

И Верховный Чародей снова атаковал строй звероловцев, распевая свою древнюю боевую песнь, и солдаты слышали и воодушевлялись. А затем они стали отступать, шаг за шагом, и сражали тех звероловцев, которые опрометчиво приближались к ним. Таким образом король Туап вывел их с того проклятого берега, где погибло столько их товарищей. И таким образом он отвел их на холм — побитых, помятых, но все же оставшихся армией — и велел им отдохнуть и перевязать раны, заверив воинов, что их час еще настанет.

А Верховный Чародей завернул к своей жене на холм обдумать, как еще они могут нанести поражение звероловцам; и они оставили этих чудовищ подсчитывать своих убитых и выкапывать себе глубокие норы для укрытия».

Чайлдовская «Хроника царствования Туана и Катарины».

Векс рысью взлетел на гребень холма, и Род устоял на самую злополучную коллекцию несовершеннолетних ведьм и чародеев, какую ему когда-либо доводилось видеть. Они лежали или сидели на земле, свесив головы и кутаясь в одеяла. Среди них лавировал брат Чайлд, раздавая парящие кружки. Род гадал, что в них налито — и еще больше гадал, знает ли лорд Аббат, что брат Чайлд действительно помогает ведьмам и чародеям. Маленький монах казался, мягко говоря, неортодоксальным.

Тут Род сообразил, что одна из кутавшихся в одеяло была его женой.

— Гвен! — Он прыгнул с Векса, бросаясь на колени рядом с ней. — Тебя... ты... — Он бросил слова и сгреб ее в объятия, прижав к своей груди. — С тобой, чувствуется, все ладно...

— Чувствую я себя достаточно хорошо, милорд, — устало произнесла она; но не попыталась отодвинуться. — Тебе следовало бы больше волноваться об этих бедных детях — и о бедной старой Агате.

— Волнуйся за себя, если уж тебе так требуется, — сплюнула старая карга. — Я уже почти восстановила все свои силы. — Но казалась она точно такой же изможденной, как и подростки.

— Что случилось? — проскрежетал Род.

Гвен чуть оторвалась от него, качая головой.

— Сама плохо понимаю. Когда мы прилетели, Тоби и все его ведьмочки и чародейчики лежали на земле без чувств, а наши солдаты стояли на берегу, словно статуи. Зверолюди расхаживали среди них, ведя лихую реваню. Поэтому мы с Агатой соединили руки, дабы собрать свои силы против Дурного Глаза зверолюдей — и, о милорд! — Она содрогнулась. — Ощущение возникло такое, словно мы подставили плечи под черную тучу, легшую на нас, как какой-то громадный мягкий... — Она поискала слова, — как брюхо толстяка, давящее на нас — темное и удушающее. Оно, казалось, могло впитать всю силу, какую мы могли бы метнуть в него. И все же мы с Агатой встали под него и подняли его, сняв с разума наших солдат, так что те смогли, по крайней мере, защищаться — хотя и не более того, ведь их сильно превосходили в численности. А затем небо разорвали молнии, и на нас рухнул тот огромный, темный, удушающий обвал. — Она покачала головой, закрыв глаза. — Вот все, что я помню.

— И все же этого оказалось достаточно.

Род поднял голову; около них стоял брат Чайлд, глаза его так и светились.

— Ваша жена, милорд, и ее почтенная напарница сдержали мощь зверолюдей на достаточно долгий срок.

— Достаточно долгий для чего?

— Для того, чтобы король Туан отступил на этот склон с остатком своих солдат, достаточно далеко, чтобы зверолюды не последовали за ними. Нет, они остались внизу и принялись копать себе могилы...

— Себе или нам? — проскрежетал Род. Быстро под-

ивавшись на ноги, он в последний раз сжал руку Гвен и перешел на край холма.

Ста футами ниже устье реки делало длинную плавную излучину — луку; и зверолюди натягивали на этот лук тетиву. Они копали, но не могли — вал, укрепленную линию. Она была уже почти завершена. Род посмотрел вниз и выругался; им будет дьявольски трудно выкурить зверолодей оттуда!

А затем он увидел то, что лежало по эту сторону вала — неровный ряд окровавленных тел в доспехах королевских солдат.

Род снова выругался. А затем сплюнул.

— Должно быть, они все это спланировали. Просто должны были спланировать. Должно быть, кто-то вложил мысль в голову Гвен — мысль провести старую Агату; должно быть, кто-то велел тому чокнутому проповеднику именно тогда и напасть на пещеру Агаты. Именно тогда, чтобы я ускакал прочь и не мог быть здесь! Проклятье!

— Не брани себя так, лорд Чародей, — устало произнес у него за спиной голос Туана. — Поражение нам нанесло отнюдь не твое отсутствие.

— О? — метнул на него горящий взгляд Рода. — А что же тогда?

Туан вздохнул.

— Не иначе как мощь их Коболда!

— Иначе! — Род стремительно повернулся, прожигая взглядом берег. — Определенно «иначе»! Этот их Коболд не может быть ничем иным, кроме деревянного идола, Туан! Он суеверие, чистое суеверие!

— Будь по-твоему, — пожал плечами Туан. — Тогда, значит, то сделал Дурной Глаз зверолодей. Мы не думали, что мощь его будет столь велика, и все же она опалила разум наших ведьм и приковала к месту наших солдат. А потом зверолюди убивали их не спеша.

— То была молния, — проскрежетала глухим голосом Агата.

Туан, нахмурясь, повернулся к ней.

— Кто эта любезная дама, лорд Чародей? Долг наш перед нею велик, и все же я не ведаю ее имени.

— Это просто потому, что вас не представили друг другу. Она, э, ну... Она в некотором роде знаменита.

Агата поморщилась, кривясь от стучащей в висках боли.

— Не тяните, лорд Чародей. Говорите прямо, хоть

это и может показаться дурным. Ваше Величество, меня прозывают Гневной Гатти. — И склонила голову в попытке отвесить поклон.

Туан уставился на нее во все глаза, и Род вдруг сообразил, что король достаточно юн, чтобы и самому слышаться в детстве кое-каких страшных сказок. Но Туан никогда не испытывал недостатка в храбрости; он заставил себя улыбнуться, сделал глубокий вдох, расправил плечи и шагнул навстречу старой леди.

— Я должен поблагодарить вас, достопочтенная дама, ибо без вас мы с моими ратниками были бы всего-навсего мясницкими тушами.

Агата поглядела на него, прищурив глаза, а затем медленно улыбнулась.

— Голова у меня раскалывается от боли, а все кости так и ноют; и все же за столь щедрое благодарение я оказала бы подобную услугу вновь. — Улыбка растаяла. — Да и даже без него; потому как, мне думается, я в этот день спасла несколько жизней, и у меня на сердце радостно.

С миг Туан стоял, воззрившись на нее.

А затем прочистил горло и повернулся к Роду.

— Что она за горная ведьма, лорд Чародей? Я думал, древние среди ведьм — закисшие и озлобленные и ненавидящие весь род людской.

— А эта, оказывается, нет, — медленно ответил Род. — У нее просто вызывало ненависть то, как люди с ней обращались...

— Да прекрати ты этот лепет, — резко оборвала его Агата. — Я ненавижу всех мужчин, а также и женщин, Ваше Величество, — если не нахожусь с ними рядом.

Туан снова повернулся к ней, медленно кивая со светящимися глазами.

— Тогда да хранит тебя Бог! Ибо такое лицемерие, как твое, смутило б и самого дьявола! Хвала небесам, что ты находилась здесь!

— И проклятье мне, что я — нет! — отрезал Род, обращая пылающий взгляд на окапывающихся зверолодей.

— Снова ты за свое! — воскликнул с досадой Туан. — Что тебя мучит, лорд Чародей? Почему ты говоришь, будто ты отсутствовал, когда ты и вправду был здесь, и дрался не менее храбро, чем любой — и даже похрабрее многих!

Род застыл.

А затем стремительно обернулся.

— Что!

— Ты в самом деле был здесь. — Туан со стуком сомкнул челюсти. — Ты был здесь, и зверолюди не могли околдовать тебя.

— Воистину, не могли! — воскликнул, сияя челом, брат Чайлд. — Вы промчались сквозь их строй, лорд Чародей, подобно самой буре, разя направо-налево своим пламенным мечом. Вы сражались с пятью за раз и побеждали! Весь их строй смешался и обезумел! И именно вы придали мужества нашим солдатам, и не дали их отступлению превратиться в бегство.

— Но... это же невозможно! Я...

— Все именно так, как он говорит, милорд. — Гвен говорила тихо, но голос ее донесся. — Я видела с вершины холма тебя далеко внизу, и именно ты вел солдат, точно так, как говорит этот добрый чернец.

Род в шоке уставился на нее. Если уж она не узнала его, то кто тогда узнает?

А затем, повернувшись, стал широким шагом спускаться по склону холма.

— погоди, лорд Чародей! Чего ты ищешь? — поспешил нагнать его Туан.

— Непосредственного свидетеля, — проскрежетал Род. — Издали даже Гвен могла ошибиться.

Он затормозил рядом с кучкой солдат, столпившихся под защитой нависшей скалы.

— Эй, ты, солдат!

Солдат поднял взлохмаченную белобрысую голову, прижимая к длинному порезу на руке обрывок ткани.

Род в изумлении уставился на него. А затем, припав на колено, сорвал с раны тряпицу. Солдат заорал, задержавшись, как от тока. Род поднял взгляд и почувствовал, как екнуло у него сердце — такое лицо наверняка принадлежало мальчику, а не мужу! Он вернулся к изучению раны. Затем, подняв голову, посмотрел на Туана.

— Нужно немного бренди.

— Оно здесь, — выдавил сквозь зубы молодой солдат.

Род опустил взгляд и увидел бутылку. Он вылил немного на порез, и солдат охнул, длинно и с хрипом, глаза у него чуть не выскочили из орбит. Род рывком распахнул свой камзол и оторвал от майки полоску ткани. Держа рану закрытой, он начал бинтовать ее. — Кро-

ви пролито много, но рана эта в общем-то лишь поверхностная. Позже нам придется наложить на нее несколько швов. — Он посмотрел молодому рядовому в глаза. — Знаешь, кто я?

— Да, — охнул юноша. — Вы лорд Чародей.

Род кивнул.

— Видел меня когда-нибудь прежде?

— Ну, разумеется! Вы ж бились рядом со мной в той сече! Были от меня тогда не дальше, чем сейчас!

Род уставился на него с огромным удивлением. А затем сказал:

— Ты уверен? Я имею в виду, совершенно уверен?

— Еще б мне не быть уверенным! Если б я не увидел вас, то повернулся бы и убежал!

Затем глаза у него расширились, и он, покраснев, быстро взглянул на своих товарищей; но те лишь сумрачно кивнули, соглашаясь с ним.

— Выше голову, — хлопнул его по плечу Туан. — Из такой мясорубки всякий бежал бы, если б мог.

Молодой солдат, подняв голову, понял наконец, что рядом с ним стоит сам король, и чуть не потерял сознание.

Род схватил его за плечо.

— Но ты видел меня? Действительно видел меня?

— Истинно, милорд, — глядел на него, расширив глаза, юноша. — Воистину, видел. — Он, нахмурился, опустил взгляд. — И все же — как-то странно.

— Странно? — нахмурился Род. — Почему?

Молодой солдат закусил губу; а затем слова так и выплеснулись из него.

— В битве вы казались выше — на голову, а то и более! Я готов бы поклясться, что вы высились тогда над всеми солдатами! И, казалось, так и светились...

Род еще мгновение держал его взгляд.

А затем снова принялся бинтовать рану.

— Да, ну знаешь ведь, как бывает в бою. Все кажется большим, чем на самом деле — особенно человек на коне.

— Верно, — признал молодой солдат. — Вы сражались верхом.

— Правильно, — кивнул Род. — На большом чалом коне.

— Нет, милорд, — нахмурился молодой солдат. — Конь у вас был черный, как уголь.

— Успокойся, Род, — тихо призвал голос Векса, — а то ты вне себя.

— Да? — Род в страхе огляделся.

— Это лишь оборот речи, — заверил его робот. — Не тревожься — ты, совершенно определенно, цельная личность.

— Хотелось бы быть уверенным в этом. — Род хмуро посмотрел на окружающих солдат. Он шел через лагерь, изучая то, что осталось от армии Туана. Участвовал он там в битве или нет, один лишь вид его возвращал им бодрость. Он лично шел как-то застенчиво, даже виновато, но...

— Твое присутствие благотворно для боевого духа, — прошептал Векс.

— Полагаю, — пробормотал Род. Про себя же он гадал, не «показывается» ли он для того, чтобы уверить себя в том, что он — это и в самом деле он. — Я имею в виду, такое явление совершенно невозможно, Векс. Ты ведь это понимаешь, не так ли?

Солдаты с трепетом уставились на него. Род скрипнул зубами; он знал, что по лагерю разнесется слух про то, как лорд Чародей разговаривает со своим коном.

— Безусловно, Род. Отнеси это за счет массовой истерии. Во время боя им требовалось увериться, что лорд Верховный Чародей постоит за них, даст отпор магии звероловцев. Затем один солдат в пылу боя принял по ошибке за тебя какого-то другого рыцаря и, несомненно, закричал: «Вот Верховный Чародей!». И все его товарищи во мраке освещаемой молниями битвы тоже вообразили, будто увидели тебя.

Род кивнул, немного успокоенный.

— Просто обозначились.

— Лорд Чародей?

— Мгм? — Род обернулся, взглянув на сидевшего на земле седого старого сержанта.

— В чем дело, прапор?

— Мои мальчики проголодались, лорд Чародей. — Прапор показал на сгрудившихся неподалеку от него дюжину ратников лет двадцати с небольшим. — Нам булет еда?

Род уставился на него и, помедлив, сказал:

— Да. Просто это займет некоторое время. Пересеченная местность, а фургоны — сам знаешь.

Лицо сержанта разгладилось.

— Да, милорд.

Когда Род повернулся уйти, то услышал, как один солдат сказал:

— Наверняка ничего не сделает.

Ратник рядом с ним пожал плечами:

— Король есть король. Что он знает о простых ратниках? Какое ему дело, если мы убиты или оцепенели?

— Для короля Туана — немаловажное, — возмущенно возразил другой. — Разве ты не помнишь, что он был королем нищих, до того как стал королем Грамария?

— И все же... он сын лорда...

Но другой, казалось, сомневался в собственном предубеждении.

— Как может лорда волновать судьба простых ратников!

— Ты ведь наверняка не согласишься, что он станет терять понапрасну своих солдат?

— А почему б мне не поверить?

— Хотя бы потому, что он превосходнейший полководец! — раздраженно воскликнул первый. — Он не станет посылать нас на смерть за здорово живешь; он слишком хороший солдат! Как он выиграет битву, если армия его будет слишком мала?

Его приятель явно призадумался.

— Он будет тратить нас столь же бережно, как любой купец расходует свое золото.

Первый солдат привалился спиной к бугру.

— Нет, он не пошлет нас на врага, если не сочтет, что большинство из нас вернется живым и с победой.

Другой солдат улыбнулся.

— Возможно, ты и прав — что такое полководец без армии?

Род не стал дожидаться ответа и побрел дальше, изумляясь ратникам Туана. Они не особенно тревожились из-за Дурного Глаза. Из-за обеда — да; из-за того, не пошлют ли их против превосходящих сил звероловдей, — да; но из-за магии? Нет. Ни к чему, если Туан подождет, пока у него не будет надлежащих колдовских чар.

— Поставь сюда среднего землянина, — пробормотал он себе под нос, — выставь его против и вправду

действующего Дурного Глаза, и он побежит так быстро, что только пятки сверкать будут. Но эти парни относятся к нему так, что можно подумать, будто речь идет всего лишь о новой разновидности арбалета.

— Для них он немногим больше, — прошептал у него за ухом голос Векса, стоящего на вершине утеса и следящего, как Род прогуливается по лагерю. — Они выросли, постоянно имея дело с магией, Род, — так же как их отцы, деды и более далекие предки — двадцать пять поколений. Необыкновенные явления их не пугают — пугает только возможность, что вражеская магия может оказаться более сильной.

— Верно, — кивнул, поджав губы, Род. Подняв взгляд, он увидел, как брат Чайлд бинтует голову солдату постарше. Ратник морщился, но сносил боль философски. Род заметил у него несколько других шрамов; этот солдат несомненно привык к данному процессу. Род подошел к монаху.

— Вы по всему полю стараетесь, любезный брат.

Брат Чайлд улыбнулся ему не столь сияюще, как раньше.

— Делаю, что могу, лорд Чародей.

— И для ратников это настоящее благо, но вы же всего лишь человек, брат. Вам и самому нужно отдохнуть.

Монах с досадой пожал плечами.

— Эти бедные души намного больше нуждаются в моей помощи, милорд. Для отдыха времени хватит, когда раненные будут отдыхать, по возможности, легко. — Он вздохнул и выпрямился, глядя на забинтованную голову. — Я облегчил кончину не имевшим никакой надежды, сделав то малое, что в моих силах. Настало время подумать о живых. — Он поднял взгляд на Рода. — И сделать все, что можем, дабы они остались в живых.

— Да, — медленно проговорил Род, — мы с королем думали о том же.

— В самом деле! — заметно вскинулся брат Чайлд. — Уверен, вы всегда это делаете, и все же какого рода помощь приходит вам на ум?

Идея кристаллизовалась.

— Ведьмы — побольше бы их. На этот раз мы сумели уговорить присоединиться к нам одну из ведьм постарше.

— Да, — брат Чайлд поднял взгляд на вершину холма. — И я видел, как она и ваша жена в одиночку

сдерживали Дурной Глаз зверолодей, пока отступали наши солдаты. Я записал это в свою книгу, когда битва бушевала.

Род в этом не сомневался — фактически, именно поэтому он и заговорил с монахом. Тот казался единственным доступным средневековым эквивалентом репортера, поскольку никаких менестрелей под рукой не было.

Брат Чайлд снова повернулся к Роду.

— Ваша жена, должно быть, чрезвычайно могущественна.

Род кивнул.

— Получается интересный брак.

Позабавленный брат Чайлд улыбнулся, а старый солдат негромко рассмеялся. Затем монах поднял бровь.

— И та почтенная ведьма, что сопровождала се — она тоже должна обладать необыкновенным могуществом.

— Да, — медленно ответил Род. — Ее зовут Гневной Гатти.

Старый солдат вскинул голову и уставился на Рода; а двое-трое других солдат поблизости тоже подняли головы, а затем обменялись быстрыми взглядами. На их лица набежала тень страха.

— Она решила, что помогать людям веселей, чем вредить им, — объяснил Род. — Фактически, она решила остаться с нами.

Все солдаты в зоне слышимости заулыбались.

— Чудесно! — Брат Чайлд так и светился. — И вы ищете других таких древних?

Род кивнул.

— Будем надеяться, найдем еще нескольких. Каждая ведьма на счету, брат.

— Безусловно! Помоги Бог вашим усилиям! — воскликнул монах. И когда Род отвернулся, брат Чайлд принялся бинтовать еще одного раненого солдата, тараторя:

— Слышите? Верховный Чародей старается привести древних кудесников и горных ведьм помочь нашему тяжкому положению!

Род улыбнулся про себя; именно этого эффекта он и добивался! К вечеру каждый солдат в армии узнает, что они будут бороться с пожаром при помощи горячего энтузиазма — и что ведьмы отправились за подкреплениями.

Он остановился, пораженный новой мыслью. Повернувшись, он оглянулся на пройденный склон.

Туан выделялся силуэтом на фоне грозовых туч, уперев руки в бока и разглядывая следы побоища внизу.

Не следует врать своей армии. Это приведет лишь к катастрофическому падению боевого духа — и через некоторое время солдаты откажутся драться, потому что не смогут быть уверены в том, что ты не бросаешься намеренно их жизнями.

Род снова стал подниматься на холм. Он пообещал рядовым увеличить ведовскую мощь; ему лучше убедить Туапа.

Когда Род вззошел на вершину холма, Туан поднял голову, оторвавшись от невеселых раздумий.

— Дурной день, Род Гэллоуглас. Самый дурной день.

— Очень даже. — Род заметил, что Туан употребил в разговоре имя, а не титул; молодой король по-настоящему тревожился. Он подошел к Туану и мрачно посмотрел вместе с ним на долину. — Тем не менее, могло быть и хуже.

Какой-то миг Туап лишь пристально глядел на него. Затем, с пониманием, чело у него расслабилось; он закрыл глаза и кивнул.

— Воистину, могло. Если б ты не собрал войска... и твоя жена, и Гневная Гатти... воистину, все ведьмы...

— И чародеи, — напомнил Род. — Не забывай и про чародеев.

Туан нахмурился.

— Надеюсь, не забуду.

— Хорошо. Тогда ты не будешь возражать против розыска новых.

— Да, наверняка не буду, — медленно проговорил Туан. — И все же, где ты их найдешь?

Род вздохнул и покачал головой.

— Дамы подали верную мысль, Туап. Нам следует заняться вербовкой.

Туан скривил рот.

— Да какая молодая ведьма или чародей присоединятся к нам теперь, когда этот сумасшедший проповедник подымает против них всю страну?

— Не слишком многие, — признал Род. — Вот поэтому-то я и понял, что у Гвен возникла верная идея.

Озадаченный Туан нахмурился еще больше.

— О чем ты говоришь?

— О старых, мой государь — начиная с Галена.

В первый раз с тех пор, как Род встретил его, он увидел в глубине глаз Туана страх.

— Род Гэллоуглас, ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

— Да, о взрослом кудеснике. — Род нахмурился. — А чего в этом такого плохого? Разве мы не хотим иметь чуть больше магических сил на нашей стороне!

— Не поможет он, — пробормотала Агата с валупа в двадцати футах от них. — Ему нет дела ни до кого, кроме себя.

— Может быть, — раздраженно пожал плечами Род. — Но мы должны попытаться, не так ли?

— Милорд, — тихо обратилась Гвен. — Я уже рассказывала тебе, что силу им придавала молния — а против этого не сможет бороться даже старый Гален.

Род медленно повернулся к ней, в глазах у него появился странный блеск.

— Ты уверена? Ты упоминала об этом, не правда ли?

Гвен кивнула.

— Мы освободили солдат от Дурного Глаза — но вспыхнула молния, и ведьмы попадали без сознания. Вот тогда-то солдаты и оцепенели, а зверюжки косили их, как сено летом.

— Молния, — задумчиво произнес Род.

Он отвернулся, врезав себе кулаком по ладони.

— Ключ именно в этом, не так ли? Молния. Но как? Почему? Ответ находится где-то тут, вот если б я только смог заВЕК Сировать его.

— Здесь, Род, — прошептал его ментор.

— Почему Дурной Глаз может стать сильнее после вспышки молнии?

Род, казалось, не адресовал вопрос никому конкретно.

Робот поколебался миг, а затем ответил:

— Непосредственно перед вспышкой молнии сопротивление на пути следования разряда сильно снижается благодаря ионизации, образуя таким образом своеобразный проводник между литосферой и ионосферой.

Род нахмурился.

— Ну и что?

Туан тоже нахмурился.

— Что ты делаешь, лорд Чародей?

— Просто разговариваю сам с собой, — быстро объ-

яснил Род. — Можно сказать, веду диалог со своим альтер эго.

Векс оставил эту перебивку без внимания.

— Ионосфера тоже способна действовать как проводник, хотя проходящий ток потребовалось бы контролировать с очень большой точностью.

Губы Рода образовали безмолвное О.

Гвен со вздохом уселась поудобней. Она давным-давно приобрела такую добродетель жены, как умение терпеть эксцентричность своего мужа. Он бы тоже терпел ее причуды, если б смог такие найти (асперские способности он эксцентричными не считал).

Векс продолжил.

— Таким образом, ионосфера способна действовать как проводник между любыми двумя точками на земле — хотя должна возникнуть тенденция к рассеиванию; чтобы избежать потери мощности, потребовалось бы разрабатывать какие-то средства преодолеть эту энергию в виде луча. Для такого ограничения есть несколько возможностей. Таким образом, сигналы могут передаваться скорее через ионосферу, чем более примитивным способом...

— И мощь тоже, — пробормотал Род. — Не только сигналы. Мощь.

Гвен подняла голову, пораженная и внезапно испугавшаяся.

— Именно, Род, — согласился робот, — хотя сомневаюсь, что удастся передать больше чем несколько ваттов.

Род пожал плечами.

— Да я все равно подозреваю, что пси-силы работают на милливаттах.

Туан нахмурился.

— Мели что?

— Совершенно верно. Для пси-разряда много не понадобится.

Туан осторожно поглядел на него.

— Род Гэллоуглас...

— Понадобится всего-навсего, — сказал Векс, — средство передать энергию на уровень земли.

— Что очень удобно обеспечивала ионизация воздуха, как раз перед вспышкой молнии, да! Но как накачать ток в ионосферу?

Туан переглянулся с Гвен; они оба выглядели встревоженными.

Старая Агата проскрежетала:

— Что это за заклинание такое?

— Это уж, — виртуозно выкрутился Векс, — их проблема, а не наша.

Род фыркнул.

— Я думал, тебе полагается быть логичным!

Туан негодуяюще вскинул голову.

— Лорд Чародей, не забывай, с кем говоришь!

— А? — поднял взгляд Род. — О, не с вами, Ваше Величество. Я, э... разговаривал с моим, э, знакомцем.

Челюсть Туана сделала доблестную попытку вступить в тесную дружбу с носком его сапог. Род мог в тот миг прочесть по диаметрам глаз Туана гигантский рост своей репутации чародея.

— Так. — Род коснулся поджатых губ сведенными кончиками пальцев. — Значит, кто-то за морем обеспечивает зверолюдям огромный прилив пси-мощности — в электрической форме, конечно. Мы исходим из предположения, что пси-способность в основном электромагнитна. Зверолюди катализируют эту мощность в собственную проецирующую телепатию, швыряют ее в головы солдат — тут, кажется, зачем-то необходим глазной контакт...

— Вероятно, средство фокусировать мощь. Пейсупленным умам, вероятно, пужен такой мысленный костыль, Род, — предположил Векс.

— А из голов солдат она переливается в головы ведьм, тут же оглушая всякого, кто настроился! Всего лишь временно, слава небесам!

— Адекватная констатация положения, Род.

— Единственный вопрос теперь такой: а кто же на другом конце кабеля?

— Хотя свидетельств и недостаточно, — прикинул робот, — имеющееся, по-моему, указывает на других зверолюдей в роли доноров.

— Может быть, может быть, — нахмурился Род. — Но это кажется почему-то непохожим на нормальную ЭСП... А, ладно, давай пока пропустим это. Большой вопрос не в том, откуда она берется, а как нам с ней бороться.

Туан пожал плечами.

— Ты уже сказал, лорд Чародей, что мы должны отыскать всех ведьм и кудесников, каких можно убедить присоединиться к нам.

— Мы это уже пробовали, помнишь? — Но Род

улыбнулся, и в глазах у него загорелся свет. — И теперь, когда у нас появилось некоторое представление о том, как Дурной Глаз столь внезапно обретает такую большую силу, мы должны суметь получше распорядиться наличными колдовскими силами.

Эта фраза мигом привлекла воинское внимание Туана. Лицо его приняло очень задумчивое выражение.

— Поистине... — Он и сам начал улыбаться. — Мы должны атаковать.

— Что?!

— Да, да! — усмехнулся Туан. — Не беспокойся, лорд Чародей, я не рехнулся. И все же подумай — до сих пор атаковать или нет выбирали не мы. Наш враг приплывал на кораблях; мы могли только стоять и ждать, пока они выберут и время, и место. Теперь, однако, место определено — их же земляными работами. — Он презрительно кивнул на речной берег внизу. — Теперь мы не разыскиваем единственное длинное судно посреди водной пустыни — перед нами лежит лагерь на тысячу бойцов! Мы можем атаковать, когда угодно!

— Да, и быть изрубленными на куски!

— Не думаю, — усмехнулся, подавляя бурную радость, Туан. — Вряд ли, если мы будем драться только когда небо ясное.

По лицу Рода медленно расплзалась улыбка.

Туан кивнул.

— Мы вступим в бой при свете солнца.

— Ты должен признать, Род, что у этой идеи есть свои достоинства, — задумчиво произнес Векс. — Почему б не испытать ее сразу в полном масштабе?

— Ну, хотя бы потому, что эти земляные укрепления являются крупным препятствием. — Освещенный лунным сиянием Род сидел верхом на большом черном роботе-коне на вершине скал. — А что до другой причины, ну... мы весьма уверены в успехе нашей затеи, Векс, но...

— Но не желаете подвергать опасности всю армию. Благоразумно, должен признать. И все же, логика указывает, что...

— Да, но закон Финаляч указывает остерегаться, — перебил Род. — Если мы произведем полномасштабное

фронтальное наступление днем, то вероятно победим — но потеряем страшно много людей. Нам могут нанести поражение — а Туан, если у него есть выбор, ставит только на верный выигрыш.

— Как я понимаю, за осторожность стоит только он. Позволь мне поздравить тебя, Род, с еще одним шагом на пути к зрелости.

— Премного благодарен, — проворчал Род. — Еще несколько подобных комплиментов, и мне можно устраивать похороны своему представлению о самом себе. Насколько мне надо состариться, прежде чем ты будешь считать меня взрослым — ровно на сто?

— Зрелость зависит от психики и эмоций, Род, а не от хронологии. И все же, тебе покажется более приятным, если я скажу, что душой ты по-прежнему молод?

— Ну, когда ты так ставишь вопрос...

— Тогда я так и говорю, — пробормотал Род. — И надо отдать тебе должное, Род, ты никогда не был опрометчивым командиром.

— Ну... спасибо. — Род существенно смягчился. — Так или иначе, именно потому мы и намерены попробовать сперва просто налет. Мы ударим по ним при ясном небе и по слабому месту.

К ним поднялась темная тень, достававшая примерно до стремени Рода.

— Луна зайдет через час, Род Гэллоуглас.

— Спасибо, Ваше Эльфийское Величество. — Род опустил взгляд на Брома. — Есть ли в этих земляных укреплениях какая-то особая точка, что послабее других?

— Нет. И все же, если мы выскочим на берег реки и нападем на них, то они отступят в панике и замешательстве, и, если эльфы наткнутся на них, зверолюди будут спотыкаться об них при бегстве.

Род усмехнулся.

— Покуда наши ратники освобождают их лагерь от всего портативного, да? Неплохая мысль.

— Я позабавлюсь, — прогромыхал Бром.

— Ты? Это они просто умрут от смеха.

Когда луна зашла, Туан подал сигнал. Отборный отряд солдат (сплошь из бывших лесничих) забрался в спешно реквизированные Родом у местных рыбаков

лодчонки и погреб, предварительно обмотав уключины, к лагерю зверолодей.

Но передовая часть уже приступила к делу.

Небо было ясное, звезды плыли по нему не один час; но ни одна из лун этой ночью не светила. Лагерь неандертальцев лежал, погруженный в глубокий мрак.

Есть суеверия, утверждающие, что безлунная ночь — самое благоприятное время для магических событий, хотя и не всегда приятных.

Сторожевые костры усыпали собой долину, окованную полукрутом утесов. Вокруг костров жались группы зверолодей, а по берегу расхаживали часовые. В центре лагеря объявляла о местонахождении вождей большая длинная хижина.

Эту ночь зверолоды запомнят надолго. Оглядываясь назад, они решат, что само по себе поражение получили вовсе не такое уж и тяжелое; в конце концов, сражались они мужественно и умело, и проиграли с честью.

Смуцала их прелюдия к битве...

Покуда в одной из небольших групп собравшихся вокруг костра по-товарищески солдаты заливали вином досаду, между двумя из них незаметно прокралась миниатюрная тень, подползла к костру и что-то бросила в него. А затем быстро отступила.

Несколько минут зверолоды продолжали ворчать, а затем один из них внезапно умолк и принялся.

— Чуете что-то странное? — прорычал он.

Сидевший рядом с ним принялся — и поперхнулся, схватившись за живот.

Запах очень быстро дошел и до остальных членов группы, и весьма щедро. Они рвались убраться, куда угодно, лишь бы подальше, борясь с удушьем и рвотой.

Ближе к центру лагеря прочертивший воздух темный сферический предмет упал и раскололся в центре другой группы зверолодей. Воздух наполнили сердито гудящие крошечные черные точки. Зверолоды вскочили на ноги и с воем побежали, хлопая себя по всему телу скорее инстинктивно, чем действительно. На коже у них появились красные пятна.

В другой группе серия коротких, сильных взрывов в костре заставила зверолодей в тревоге отпрыгнуть назад.

А еще у одного костра зверочеловек поднес к губам кружку, откинул голову и заметил, что в рот ему

не вылилось ни капли пива. Нахмурившись, он заглянул в кружку.

С ругательством уронив ее себе на ногу, он с заметным проворством отпрыгнул назад, держась за одну ногу и скача на другой, когда из кружки дунула прочь с тонким глумливым смехом человеческая фигурка.

Эльф взвыл от большой радости и дунул через лагерь.

Другой зверочеловек ударил ему вслед, осыпая страшными ругательствами. Его огромная дубина ринулась вниз.

Из тени взмахнула чья-то рука и чиркнула ему по поясу острым ножом.

Освобожденная набедренная повязка слегка затрепыхалась.

Еще через два прыжка она решительно упала.

Эльф, смеясь, бежал дальше через лагерь, а за ним с ревом гнался целый отряд звероловцев, молотя дубинами по местам, где только что был эльф.

Между ними и беглецом метнулась еще одна маленькая фигурка, разбрасывая чего-то из сумки на боку.

Неандертальцы рванули вперед, ступая всей своей тяжестью, и высоко подпрыгнули, вопя и неистово выдергивая из подошв острые сапожные гвоздики лепреконов.

Удирающий эльф оглянулся посмеяться над этим забавным зрелищем и врзался с разбега в голени высокого мускулистого неандертальца — капитана, с рычанием замахнувшегося дубиной для смертельного удара.

Рядом с его стопой выскочил лепрекон и шаловливо врзал ему по третьему пальцу.

Капитан взвыл, выпустив из рук дубину (которая взлетела, переворачиваясь кувырком), и схватился за пострадавшую ногу, прыгая на другой.

Он подскочил, а дубина упала, и оба встретились с очень солидным и удовлетворительным стуком.

Когда он свалился, удирающий эльф — Пак — хихикая бросился прочь.

Пак проскочил в шатер, голося:

— На помощь! На помощь! Лазутчики, предатели, лазутчики!

От ближайшего костра к шатру кинулись, подняв дубины и снизив подозрительность, трое звероловцев, тогда как занимавшие шатер лупили по Паку и не по-

падали по нему. А снаружи два десятка эльфов с тесачками перерезали веревки шатра.

Шесты покачнулись и рухнули, а ткань шатра нежно окутала его обитателей. Зверолюди взвыли и врезали по ткани, понав друг по другу.

Посмеиваясь, Пак выскользнул из-под края шатра. Через двадцать футов за ним с воем погналась еще одна орда зверолюдей.

Но зверолюди вытягивались по земле, нелепо вскидывая ноги и молотя руками в тщетной попытке сохранить равновесие, — что отнюдь не легко, когда бежишь по шарикам. Они кое-как поднялись на ноги, все еще с трудом сохраняя равновесие, покрутились без толку, размахивая руками; и миг спустя произошла всеобщая свалка.

Тем временем капитан медленно сел, держась обеими руками за звенящую голову.

Одип эльф свалился с верхушки шатра и что-то вытряхнул на него.

Капитан с воем вскочил, шлепая себя по ползающим по нему точкам, — рыжие муравьи могут сильно досаждают — исполнил прекрасный марш беглым гусиным шагом к ближайшему рукаву реки и с головой окунулся в него.

Ниже по течению эльф-водяной подманил каймановую черепаху, и та сомкнула челюсти на и так уже распухшем третьем пальце капитана.

Тот вылез из воды, походя больше на ком грязи, чем на человека, и ревел, стоя на берегу.

Он с криком вскинул руки и широко открыл рот для самого громкого рева, какой только мог выдать, и в рот ему влетел с громким чпок большой и в нужной мере перезрелый помидор.

На самом-то деле это не вызвало никакой реакции. Его приказы все равно не оказали бы чересчур большого воздействия, поскольку его люди деловито лупцевали друг друга и что-то кричали о демонах...

И тут высадились десантники.

Шлюпка врезалась в берег, скребя по гальке, и из лодок повыпрыгивали безмолвные в этом гаме солдаты в черных плащах и с вымазанными в золе лицами. Сверкали только клинки мечей. Несколько минут, и они стали красными.

Час спустя Род стоял, глядя вниз с вершины холма.

Снизу из лагеря звероловцев подымался стон и вой. Рядом с ним сидел с серьезным видом монах.

— Я знаю, что они враги, лорд Гэллоуглас, но я не нахожу в этих стенаниях от боли повода для радости.

— Наши солдаты думают иначе. — Род кивнул на их лагерь, откуда доносились звуки приглушенного веселья. — Я б не сказал, что они именно торжествуют — но два десятка мертвых звероловцев чудесно подействовали на боевой дух.

Брат Чайлд поднял голову.

— Они не смогли применить свой Дурной Глаз, не так ли?

Род покачал головой.

— К тому времени, когда высадились наши ратники, они даже не знали, где враг, не говоря уж о его глазах. Мы налетели как ястребы; каждый солдат заколол двух звероловцев и тут же убежал. — Он развел руками. — Вот так вот. Двадцать убитых неандертальцев — и в лагере у них полный хаос. Но мы по-прежнему не можем пойти на штурм и взять этот лагерь — только не за этими земляными укреплениями и не всей армией. И можете быть уверены, они не высунутся оттуда, если не будет дождя. Но мы доказали, что они уязвимы. — Он снова кивнул на королевский лагерь. — Вот это-то и празднуют там. Они знают теперь, что могут победить.

— А звероловцы знают теперь, что их могут разбить, — кивнул брат Чайлд. — Это громадное достижение, лорд Чародей.

— Да. — Род мрачно посмотрел на их лагерь. — Малопривлекательное. Но громадное.

— Ладно. — Род взгромоздил ноги на походный табурет и глотнул из кувшинчика с элем. А затем вытер рот и посмотрел на Гвен и Агату. — Я приготовился ко всему. Объясните мне, как, по-вашему, все сложилось.

Они сидели в большом шатре рядом с палаткой Туана, служившей ядром деревни, разраставшейся с каждым часом вокруг лагеря королевской армии.

— На данный момент мы загнали их в бутылку, — продолжал Род, — хотя это и чистый блеф. Благодаря нашим постоянным налетам они боятся высовываться. Но как только они сообразят, что мы не можем победить

Дурной Глаз, а это станет ясно после первого же удара грома, то обрушатся на нас, словно град.

Окаймлявшие вход в шатер кисточки шелохнулись. Род рассеянно отметил это; ветерок был бы желанен — день обещал быть жарким и душным.

— Нам нужны новые ведьмы, — твердо сказала Гвен. Род в шоке уставился на нее во все глаза.

— Только не говори мне, что ты намерена снова отправиться вербовать старых ведьм в горах! Э... о присутствующих, конечно, не говорят.

— Истинно, — прожгла его взглядом Агата. Стоящая около ее локтя чашка слегка покачнулась. Род, нахмурившись, поглядел на чашку; наверняка, ветерок был не настолько силен. Фактически, он даже не ощущал его...

Затем его взгляд резко переметнулся на лицо Агаты.

— Чего должны?

— Убедить этого поганого старика Галена, соединить здесь свои силы с нашими, — отрезала Агата. — Неужели ты не слышал? Если так, то зачем я говорю?

— Чтобы выдвинуть любую идею, какая только забредет в голову, какой бы дурацкой она ни выглядела, — подарил ей самую очаровательную свою улыбку Род. — Это называется «мозговой штурм».

— Видать, минувший штурм и впрямь поразил твой мозг, раз ты не видишь истины в сказанном мной!

Фруктовая ваза на столе покачнулась. Он подозрительно посмотрел на нее и напрягся. Может, близится небольшое землетрясение?..

Он собрал разбежавшиеся мысли и снова повернулся к Агате.

— Признаю, Галеп нам действительно нужен. Но как вы намерены убедить его присоединиться к нам?

— Должен же быть какой-то способ, — нахмурилась, поджав губы, Гвен.

Из вазы взлетело в воздух яблоко. Род качнулся назад вместе с креслом, чуть не опрокинув его.

— Эй! — Он со стуком опустил его обратно и сел, выпрямившись и с досадой хмуро глядя на Гвен. — Брось, мидая! Мы говорим о серьезном деле!

Но Гвен глядела во все глаза на зависшее в воздухе яблоко; к нему одним прыжком присоединился и апельсин.

— Милорд, я не...

— О. — Род перевел раздраженный взгляд на Ага-

ту. — Я мог бы и догадаться. Для тебя все это просто шутка, не так ли?

Она обиженно отодвинулась.

— Что ты хочешь сказать, лорд Чародей?

Из вазы вылетела груша и присоединилась к яблоку и апельсину. Они начали вращаться в горизонтальной и вертикальной плоскостях, вычерчивая сложный узор.

Род взглянул на них, плотно сжав губы, а потом снова на Агату.

— Ладно, ладно! Стало быть, мы знаем, что ты умеешь жонглировать — тяжелым способом, без рук! А теперь вернись своими мыслями к текущей проблеме, идет?

— Я? — Агата глянула на кружащиеся фрукты, а потом опять на Рода. — Ты ведь наверняка не веришь, будто это делаю я.

Род лишь уставился на нее.

А затем произнес, осторожно подбирая слова.

— Но ведь Гвен сказала, что она этого не делает — а она не стала бы лгать, не так ли?

Агата в отвращении отвернулась и посмотрела на Гвен.

— Как ты способна вынести жизнь с таким тугодумом?

— Эй, минуточку! — нахмурился Род. — Нельзя ли свести оскорбления до минимума, а? До чего мне полагалось бы додуматься?

— До того, что если этого не делала я и не делала она, то должен быть кто-то третий, делающий это, — объяснила Агата.

— Кто-то третий? — Род уставился на фрукты, и у него расширились глаза, когда он понял. И почувствовал, как пытаются встать дыбом волосы у него на затылке. — Ты хочешь сказать...

— Мой сын, — кивнула Агата. — Мой нерожденный сын. — Она показала взмахом руки на кружащиеся фрукты. — Должен же он чем-то заполнить досуг. Разве тебе неизвестно, что молодежь не обладает большим терпением? И все же он в душе добросердечен и не учиняет никаких истинных бед. Выбрось его из головы и не обращай внимания. Мы только что говорили о кудеснике Галене...

— Э... да. — Род снова повернулся к двум дамам, очень усиленно стараясь игнорировать скачущие над ним фрукты. — О Галене. Верно. Ну, как я понимаю, он истинный анахорет, настоящий, неподдельный, «умру-во-власяни-

це»-отшельник. Лично я не могу придумать ни единого обстоятельства, способного убедить его присоединиться к нам.

— Боюсь, что тут ты, возможно, прав, — вздохнула Гвен. — Поистине, я б никак не назвала его стоворчивым.

Воздух заколыхался, и на коленях у нее оказался малыш, хлопающий в ладоши.

— Мама, мама! Ладуски! Ладуски!

Пораженная Гвен на мгновение оцепенела. Затем лицо у нее расплылось в восторженной улыбке.

— Мой чудный малютка!

Ее руки сомкнулись вокруг Магнуса и сжали его.

Род воздел руки и отвернулся.

— Зачем вообще утруждать себя попытками? Забудь про работу! Пошли, сынок, давай поиграем в мяч!

Малыш радостно засмеялся и, прыгнув с коленей Гвен, перелетел к Роду. Тот поймал его и бросил обратно Гвен.

— Нет, муженек. — Она поймала Магнуса и опустила его паземь, делаясь вдруг строгой. — Все именно так, как ты говоришь — нас здесь ждут очень важные дела. Возвращайся к своей няне, малютка.

Магнус надулся, оттопырив губу.

— Хотю отаття!

Род посмотрел строгим взглядом на сына.

— Ты можешь вести себя тихо?

Ребенок радостно кивнул.

Гвен раздраженно вздохнула и отвернулась.

— Муж, ты заставишь его поверить, что он может добиться всего, чего только ни пожелает!

— Но запомни, хоть малейший шум! — Род навел на ребенка указательный палец. — Если ты хоть чуточку помещаешь нам, то мигом отправишься домой!

Малыш так и просиял и закивал, мотая головой, словно подскакивающим мячом.

— Ладно, иди поиграй. — Род снова откинулся на спинку кресла. — Итак. Если считать, что Галена не переубедить, то что же мы можем сделать?

Агата пожала плечами.

— Нет, если не убедить его, то я не вижу, чего мы можем поделать.

— Именно такие ободряющие слова мне и нужны, — проворчал Род. — Попробуем иной путь. Другие ветераны. Прячутся по лесам какие-нибудь другие маги-отшельники?

— Магнус, ты обещал, — предупредила Гвен.

Агата нахмурилась, глядя на полог шатра.

— Возможно, старая Элида... Она озлоблена, но, думаю, в душе добрая. И старый Ансельм.

Она опустила взгляд на Рода и покачала головой.

— Нет, в нем говорит одна лишь злость, по также и страх. Есть наверно старая Элида, лорд Чародей, по-моему...

— Магнус, — предупредила Гвен.

Род, нахмурился, глянул на сына. Малыш не обращал внимания на Гвен и увлеченно продолжал заниматься прежним делом — жонглированием. Но жонглирование это выглядело очень странным; вместо мячей он использовал фрукты и кидал их примерно на пять футов перед собой, и те отскакивали обратно к нему, словно бумсранги.

Род повернулся к Гвен.

— Что он делает?

— Гром и молния! — взорвалась Агата. — Неужели вы не дадите ребенку спокойно поиграть? Он же не мешает; не подымает гвалт, не плачет! Он лишь играет в мяч с моим сыном Гарольдом, и вполне тихо! Он никого не задевает, так что оставьте в покое бедного ребеночка!

Род резко развернулся, уставясь на нее.

— Чего он делает?

— Играет в перекидывание мяча, — нахмурилась Агата. — Тут нет ничего такого уж странного.

— Но, — произнесла протяжным голосом Гвен, — того, с кем он играет, ведь не видно.

— Нам, — медленно уточнил Род. — Но Магнус явно отлично его видит.

Агата свела брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Да как еще он узнал бы, куда бросать мяч? — Род, сузив глаза, повернулся к Агате. — Ты видишь своего сына Гарольда?

— Нет, не вижу. И тем не менее, что же еще может возвращать малышу яблоки?

— Я в некотором роде сам гадал об этом. — Взгляд Рода вернулся к сыну. — Ну, я думал, ты говорила, что Гарольд — это нерожденный дух.

— Да, что-то в таком роде.

— Как же тогда Магнус видит его? — подняла голову, расширив глаза, Гвен.

— Я не говорила, что он не рождался, — увильнула

от прямого ответа Агата. Она уставилась на перелетающие фрукты, взгляд ее обострился. — И все же я никогда ранее не видела моего сына.

— Как же тогда вышло, что Магнус его видит? — пахмурился Род.

— Да это же очевидно! Твой сын явно одарен большими магическими способностями, чем я сама!

Род сцепился взглядом с Гвен. Агата была самой могущественной старой ведьмой на всем Грамарие.

Он снова повернулся к Агате.

— Ладно, допустим, Магнус чертовски сильный телепат. Но не может же он видеть тело, если там и видеть-то ничего.

— Мой сын рассказывал мне, что раньше у него было тело, — медленно проговорила Агата. — Похоже, что он направляет от себя память о виде своего тела.

— Проецирующий телепат, — медленно заключил Род. — Может быть, и не очень сильный, но проецирующий. А также явно владеющий телекинезом. Но я думал, что эта черта связана с полом...

Агата пожала плечами.

— Кто может сказать, на что способен дух, когда он далеко от своего тела?

— Да, своего тела, — тихо повторил Род, зацепившись глазами за точку, откуда фрукты отскакивали обратно к Магнусу. — Вот только где именно то тело, которое он помнит?

Агата вздохнула и откинулась в кресле, закрыв глаза и положив голову на высокую спинку.

— Ты меня тревожишь, лорд Чародей; ибо я не в состоянии понять, чего говорит мне Гарольд.

— Ну, возможно, Гвен сумеет понять. — Род повернулся к жене. — Дорогая?

Но Гвен покачала головой.

— Нет, милорд. Я не слышу мыслей Гарольда.

Род лишь встряхнулся и выпрямился.

— Странно. — Он опять повернулся к Агате. — Есть какие-нибудь соображения, почему ты в состоянии его слышать, а Гвен — нет?

— Да, потому что я его мать, — кисло улыбнулась Агата.

Род глянул на нее, гадая, нет ли тут чего-то, неизвестного ему. Наконец решил рискнуть.

— Я и не знал, что у тебя когда-либо рождались дети.

— Да не рождались — хотя я страстно желала их.

Род глядел на нее, в то время как мысли его неслись вскачь, пытаясь вычислить, как она могла быть бесплодной и все же родить сына. И начал строить гипотезу.

— Так, — осторожно произнес он, — как же ты произвела на свет Гарольда?

— Я не производила. — Она сверкнула глазами. — Он сам явился ко мне. Все именно так, как он говорит — он мой сын и старого Галена.

— Но Гален...

— Да, знаю. — Губы Агаты горько сжались. — Он сын, которого мы с Галеном должны были произвести на свет, но не произвели, потому что никогда не приближались друг к другу настолько, чтоб хотя бы соприкоснуться.

— Ну, мне очень неприятно это говорить, но... э... — Род почесал за ухом, глядя в пол. Он заставил себя поднять глаза и встретиться взглядом с Агатой. — Все-таки, э, очень трудно зачать ребенка, э, ни разу не приближаясь друг к другу ближе, чем на пять футов.

— Истинно так! — обронила с испепеляющим презрением Агата. — И все же мой сын Гарольд говорит мне именно так, что Гален повстречал меня, посватался ко мне и женился на мне — и что со временем я родила ему сына, которым и является Гарольд.

— Но это же невозможно.

— Изумляюсь глубине твоей наблюдательности, — сухо сказала Агата. — И все же Гарольд здесь, и именно такова его повесть. Нет, более того — он гозорит, что мы с Галеном вырастили его и всегда были вместе, и очень любили друг друга. — Взгляд ее унесся куда-то вдаль, а глаза затуманились, и он едва расслышал ее бормотание: — Именно так, как я бывало мечтала, в молодые годы...

В конце концов внимание Агаты вернулось к ним. Она подняла голову, пронзив Рода негодующим взглядом.

— Ты хочешь сказать, что в этом нет никакого смысла? Если тело его не создавалось так, как следовало, то можешь ли ты изумляться, находя здесь его дух, не облученный в плоть?

— Ладно, раз уж ты завела об этом речь... — откинулся в кресле Род. — Если его тело никогда не создавалось — то откуда же взялся его дух?

— Вот из этого я не могу выбить ни малейшего смысла, — призналась Агата. — Гарольд говорит, что повзрослев, он пошел в солдаты. Он сражался, проливал кровь

и уходил от смерти, да притом не один раз, — и поднялся в звании до капитана. А потом, в последней своей битве получил тяжелую рану и смог лишь уползти и укрыться в близлежащей пещере. Там он лег и упал в обморок — и все еще лежит там во сне, похожем на смерть. Тело его лежит, словно восковая кукла — и дух его высвободился из него. И все же он не может отправиться в последний свой путь, стремясь изо всех сил добраться до Рая... — Она содрогнулась, плотно зажмурив глаза. — А вот как он мог рваться в такой путь, я сказать не могу. И все же он стремился, — она нахмурившись, снова поглядела на Рода, — но не мог; ибо хотя тело его и лежало во сне, похожем на смерть, тот все-таки не был смертью — нет, не совсем. И пробудить тело его дух тоже не мог.

— Кома, — кивнул Род. — Но оставь его там на достаточно долгий срок, и тело умрет от чистого голода.

Агата нетерпеливо пожала плечами.

— Он слишком нетерпелив. Нет, он ждать не станет; его дух устремился в пустоту и скитался безвременные века в царстве хаоса — пока не нашел здесь меня. — Она в замешательстве покачала головой. — Я не понимаю, как может произойти что-либо подобное.

— В пустоту... — медленно кивнул Род.

Агата подняла голову.

— Для тебя это выражение что-то означает?

— Оно в некотором роде напоминает мне нечто, услышанное в одной поэме: «Ветер, дующий меж мирами». Мне это всегда представлялось царством Хаоса.

Агата рассудительно кивнула.

— Это похоже на правду...

— Это означает, что он явился из другой вселенной.

Агата вскинула голову, раздув ноздри.

— Из другой вселенной? Что еще за сказки про белого бычка, лорд Чародей? Есть только этот мир, с солнцем, лунами и звездами. Он и есть всецелая. Как может быть еще и другая?

Род покачал головой.

— «Как» — мне знать не дано, но, э, «мудрецы» в моем, э, отечестве, кажется, вполне согласны меж собой, что могут быть другие вселенные. Во всяком случае, они не в состоянии доказать, что их нет. Фактически, они говорят, что может существовать бесконечное множество других вселенных — а если так, то должны также быть вселенные, почти точь-в-точь такие же, как наша, даже вплоть до того, что там есть другая Агата и другой Га-

лен. Точь-в-точь такие же, как вы. Но их жизнь пошла... ну, по иному пути.

— В самом деле, по иному. — У Агаты загорелись глаза.

— Но если дух Гарольда отправился искать помощи, то почему он не нашел Агату в той другой вселенной?

— Потому что она лежит в могиле. — Взгляд Агаты вонзился в глаза Роду. — Она умерла безвременно, от лихорадки. Также как и ее муж. Вот потому-то Гарольд и отправился искать через пустоту, и был полон радости, когда нашел меня — хотя боялся сперва, что я могу быть призраком.

Род медленно кивнул.

— Это имеет смысл. Он искал помощи и узнал знакомый с детства рисунок мыслей. Конечно же он настроился на тебя... Знаешь, все почти полностью сходится...

— Воистину, сходится, — начала улыбаться Агата. — Я все никак не могла взять в толк подобных мыслей, подкидываемых мне Гарольдом; и все же сказанное тобой находит место для всего поведенного им, и соединяет в единое целое, как части головоломки. — Она начала кивать. — Да. Я готова поверить. Ты наконец после двадцати лет открыл для меня смысл сказанного. — Внезапно она нахмурилась. — И все же душа его здесь, не отправляется на небеса, потому что тело лежит во сне, похожем на смерть. Как оно могло так продержаться, после двадцати лет?

Род покачал головой.

— Двадцати лет не прошло — во всяком случае в той вселенной, откуда он явился. Там время может двигаться медленней, чем здесь. К тому же вселенные, возможно, искривленные — и поэтому какое там время, какой год может определяться тем, где на той кривизне он вступил в нашу вселенную. Важнее, однако, другое, он может вернуться в собственную вселенную всего через несколько минут после того, как его тело впало в кому.

Но Агата опустила голову, закрыла глаза и замахала руками, сдаваясь.

— Нет, лорд Чародей! Умоляю тебя, остановись! Я не в состоянии понять твоих объяснений! С меня довольно, что понятно тебе.

— Ну, я не могу быть уверен, — оставил себе лазейку Род. — По крайней мере в отношении причин. Но я вижу, как все это сочетается с моей гипотезой.

— А это еще что за чары?

— Всего лишь слабые, пока гипотеза не доказана. А вот когда доказана, то становится теорией, а та и впрямь намного мощней. Но для Гарольда важно лишь, что ему нужно либо убить свое тело, чтобы попытаться попасть на небеса, либо исцелить его и вернуть в него свой дух.

— Исцелить! — Пылающий взгляд Агаты мог бы превратить кита в мелкую рыбешку. — Вылечить его или ничего не делать! Я буду сильно тосковать, когда его дух вернется в свое законное место и время, но, готова признать, это надо сделать. И все же я предпочла бы знать, что он жив!

— Ну, альтернативы я, по-настоящему, и не рассматривал. — Род, поджав губы, уставился в пространство.

Агата увидела появившееся в его глазах выражение и покосилась на него.

— Не доверяю я тебе, лорд Чародей, когда у тебя столь таинственный взгляд.

— О, я просто думал о здоровье Гарольда. Э, после битвы, спустя некоторое время, когда я был там и вы немного оправились — разве я не видел, как ты помогала раненым? Ну, знаешь, затворяла им раны и приказывала упорно думать и мнить себя здоровыми?

— В самом деле, помогала, — улыбнулась Гвен. — Хотя дело тут обстоит несколько сложнее, дорогой. Нужно и самой думать про рану, пока раненый старается представить себя здоровым; ибо надо сплавить друг с другом разъединенные кусочки мяса и кости — что можно сделать, заставив их с помощью своей мысли срастись друг с другом.

— Вам, вероятно, можно. — Род внутренне содрогнулся. Только ему и не хватало, чтобы у жены проявилась еще одна важная способность — все, конечно же, следствие телекинеза; но число ее вариаций на тему просто поражало.

Он снова повернулся к Агате.

— Э... ты сама придумала такое исцеление?

— Да, насколько я могу судить, им владею только я... за исключением твоей жены, теперь, когда я научила ее. — Агата задумчиво нахмурилась. — Я узнала его с отчаяния, после того как отбросила в сторону парня, пытавшегося меня ранить...

Роду пришлось спешно оборвать такую цепочку мыслей; меньше всего ему хотелось, чтобы Агата вспоминала причиненные ей обиды.

— Так. Ты можешь помочь кому угодно «возомнить» себя здоровым — телекинезом на клеточном уровне.

Агата раздраженно покачала головой.

— Я не в состоянии понять смысл твоих речей с такими странными словами — «теле-кине»? Что это такое — пасущаяся далеко телка?

— Не совсем, хотя я намерен выдоить из этого все, что только можно, — усмехнулся Род. — Знаешь, когда мы были у Галена, он немного рассказал мне о текущем направлении своих исследований.

Агата презрительно фыркнула и отвернулась.

— «Исследований»? Да — он всегда старается прикрыть значительными словами свою пустопорожнюю трату времени.

— Может быть, но, по-моему, тут что-то есть. Он пытался разобраться, как это сам мозг, этот неуклюжий ком протоплазмы, способен сотворить такую магическую штуку под названием «мысль».

— Да, помнится, он упоминал про какую-то такую чушь, — проскрипела Агата. — Ну и что с того?

— О, да в общем-то ничего. — Род встал, сунув за пояс большие пальцы рук. — Просто я подумал, что нам следует нанести ему еще один визит.

* * *

Темная Башня обрисовалась перед ними, а затем вдруг тревожно накренилась вбок. Род с трудом сглотнул и держался что есть сил; он впервые ехал сзади верхом на помеле.

— Э, милая... не попробуешь ли пикировать менее резко? Я, э, все еще пытаюсь к этому привыкнуть...

— О! Безусловно, милорд! — оглянулась через плечо Гвен, мигом раскаявшись. — Разумеется, я не желала напугать тебя.

— Ну, я б не сказал, что я именно испугался...

— Неужели? — снова оглянулась Гвен, широко раскрыв от удивления глаза.

— Гляди, куда летишь! — закричал Род.

Гвен снова обратила взгляд вперед, когда ее помело завернуло в сторону, огибая верхушку дерева.

— Милорд, — упрекнула она, — я знала о ней.

— Рад за тебя, — вздохнул Род. — Я начинаю думать, что мне все-таки следовало ехать верхом на коне — хоть так и было бы дольше.

— Смелее теперь. — В голосе Гвен слышалось сочувствие. — Мы должны облететь эту Темную Башню.

Род набрал побольше воздуха в легкие и вцепился в древко метлы.

Помело начало огибать башню с зубчатой вершиной, следуя за пикировавшей впереди Агатой. Желудок у Рода накрепился разок, прежде чем он забыл про него, в изумлении уставясь на Башню. Они находились в шестидесяти футах над землей, башня возвышалась перед ними — футов сто высотой. В целом, это была ужасающая башня мрачного базальта. То тут, то там камень пронзали бойницы — окна в три фута высотой, но всего в фут шириной.

— Не хотел бы я увидеть его счет за свечи, — крикнул Род. — Как же попасть внутрь?

Вся нижняя половина Темной Башни казалась нерушимой и неприступной, там не попадалось даже ни одной амбразуры.

— Должна же быть какая-то дверь.

— Зачем? — возразила Гвен. — Ты забываешь, что чароден летают.

— О, — нахмурился Род. — Да, я в некотором роде забыл об этом. И все же, не понимаю, как он проникает туда, эти амбразуры весьма узкие.

— Вон там. — Гвен кивнула на вершину Башни, и ее помело встало на дыбы.

Род охнул и вцепился, что есть сил.

— Старику придется завести вертолетную площадку!

Агата сделала над зубцами круг, идя на снижение, привела помело в центр крыши и ловко спрыгнула с него; Гвен последовала ее примеру. Род освободился от прутьев метлы и встал на крыше, широко расставив ноги, держась для крепости за ближайший зубец и дожидаясь, пока пол перестанет качаться.

— Наверняка все было далеко не столь ужасно. — Гвен пыталась скрыть улыбку веселья.

— Я к этому привыкну, — проворчал Род. Про себя же он планировал не дать себе такого шанса. — Итак. — Он вдохнул полные легкие воздуха, набираясь смелости, и шагнул вперед. Пол, казалось, лишь слегка накрепился, и поэтому он расправил плечи, сделал глубокий вдох и еще один шаг. — Ладно. Где дверь?

— Вон, — показала Агата.

Прямо рядом с зубцом в крыше был сделан врез

с ней люк. Род подошел к нему — осторожно ступая — и нахмурился, разглядывая грубо обтесанные доски.

— Не вижу тут дверной ручки.

— А с чего б ей там быть? — обронила рядом с ним Агата. — Кто сюда заявится помимо самого этого древнего петушка? А когда он хочет полетать, то несомненно открывает эту крышку снизу.

— И просто оставляет ее открытой? А что он делает с дождем?

Агата покачала головой.

— Сомневаюсь, чтоб он подымался наверх в дурную погоду.

— Верно, — рассудил Род. — Вероятно, он подымается только поглядеть на звезды — так зачем же ему утруждать себя, когда звезд нет?

Вытащив кинжал, он припал на колено.

— Надо быть поосторожней — сталь у него хорошая, но она может сломаться.

Вонзив острие в дерево, он приподнял крышку. Люк поднялся на дюйм; прижав его носком сапога, Род вытащил кинжал и отбросил в сторону, а потом схватился за дерево кончиками пальцев и снова приподнял крышку — со стоном боли; этот маневр определенно не пошел на пользу его маникюру. Но он приподнял ее достаточно, чтобы засунуть под нее палец сапога, а затем захватил ее пальцами как полагается и откинул настежь.

— Уф! Вот и вся основа «взлома-и-проникновения».

— Отлично проделано! — похвалила слегка удивленная Агата.

— Не совсем то, что я назвал бы большим достижением, — отряхнул с рук пыль Род.

— Или нужным, — напомнила ему старая ведьма. — И твоя жена, и я могли б заставить ее подняться самой собой.

— О. — Род начал понимать, что при очень незначительном усилии, он может научиться ненавидеть эту старую язву. Пытаясь быть тактичным, он сменил тему. — Знаете, в стране, где столько народу умеет летать, можно б было предположить, что он надумает воспользоваться замком.

Стоявшая рядом с ним Гвен покачала головой.

— Немногие из колдовского племени посмеют даже прилететь сюда. Таковой он пользуется славой.

Такая линия рассуждений определенно не вселяла уверенности в полного надежд взломщика. Род сделал

глубокий вдох, напряг мускулы, сдерживая дрожь в груди желудка и шагнул вниз по лестнице.

— Да. Ну... полагаю, нам действительно следовало бы постучать...

Но его голова уже спустилась ниже уровня крыши.

Лестница круто свернула и стала очень темной. Род остановился; Агата врезалась ему в спину.

— Мммф! Ты не мог бы предупреждать меня, когда собираешься останавливаться, лорд Чародей?

— В следующий раз постараюсь запомнить. Дорогая, ты не возражаешь? Здесь внизу немного темновато.

— Да, милорд. — На ладони у Гвен запылал люминесцентным светом шар. Она протиснулась мимо него — определенно куда быстрее, чем ему хотелось бы — и пошла впереди, освещая лестницу своим блуждающим огоньком.

Внизу путь им преградила темная ткань — занавески, плотно задернутые для защиты от сквозняка. Они пробрались сквозь них и оказались в круглой камере с двумя бойницами. Гвен погасила свой фосфоресцирующий шар, отчего в камере потемнело; ибо снаружи затянуло тучами и мрак смягчал только серый свет. Но его хватило, чтобы показать им круглый лабораторный стол, тянувшийся вдоль всей окружности помещения и выстроившиеся позади стола у стены высокие полки. На полках теснились банки и коробки, источавшие запахи в диапазоне от пряного до кислого; а на столах жались, перегонные кубы, тигли, ступки с пестиками и мензурки.

Агата в отвращении наморщила нос.

— Алхимия!

Род одобрительно кивнул.

— Похоже, этот старый хрыч немного интеллигентней, чем я его считал.

— Не хочешь же ты сказать, будто одобряешь Черную Магию! — воскликнула Агата.

— Нет, не одобряю, и Гален явно тоже. Его не удовлетворяет знание, что чего-то действует — он хочет также знать почему.

— Разве не довольно будет сказать, что это делают черти? — Род в отвращении плотно сжал рот.

— Это значит уклоняться от вопроса, а не отвечать на него.

Позади него звякнуло стекло. Он резко развернулся.

К перегонному кубу подплыла банка, зависла над ним, выливая в него тонкую струйку зеленоватой жидко-

сти. На глазах у Рода на банку опять опустилась крышка и завинтилась на полоборота, когда банка выпрямилась и проплыла обратно на полку.

— Гарольд! — предупредила Агата. — Не трогай; они не твои.

— Э, не будем чересчур спешить. — Род следил, как с другой полки взлетел ящичек. Крышка у него поднялась и в перегонный куб высыпалась струйка серебристого порошка.

— Пусть паренек поэкспериментирует. Никогда не следует душить стремление к познанию.

— Удушить-то следует тебя! — сердито глянула на Рода Агата. — Вмешательство Гарольда без сомнения служит какому-то твоему замыслу.

— Может быть, может быть. — Род следил, как под перегонным кубом зажглась спиртовка. — От стука, вероятно, все равно было б мало проку. Гален, как мне кажется, из тех, кто бывает настолько поглощен своими исследованиями, что...

— Милорд. — Пальцы Гвен сжали ему предплечье. — Мне не нравится, как бурлит это варево.

— Уверен, беспокоиться не о чем, — сказал Род, нервно взглянув на пробирки на другом столе, которые пустились в пляс, переливая взад-вперед другую зеленоватую жидкость. В конце концов они утихомирились, но...

— Тот пузырек тоже бурлит, — проворчала Агата. — Эй, сынок! Что ты делаешь?

Позади них снова звякнуло стекло. Резко обернувшись, они увидели, как реторта всовывает свой носик в стеклянный змеевик. Под ретортой зажглось пламя, а из отверстия в подвешенном над стеклом сосуде начала капать вода, расплескиваясь на стеклянном змеевике.

— Милорд, — нервно обратилась к нему Гвен. — То варево бурлит теперь крайне чудесно. Ты убежден, что Гарольд понимает свои действия?

Род был уверен, что Гарольд понимает, что делает, спору нет. Фактически, он был даже уверен, что Гарольд намного искусней и изобретательней, чем представлялось Роду. А напряжение являлось составной частью маневра, толкая его поближе к черте...

Но не настолько близко! Он прыгнул к перегонному кубу. Его беспокоили газы, производимые в присутствии открытого огня.

— Что ты делаешь?

Слова прогремели по камере, и в дверях появился Га-

лен в своем балахоне, с седой бородой и красным лицом. Он с одного взгляда оценил положение и бросился к перегонному кубу погасить огонь, затем метнулся схватить пробирку и бросить ее в лохань с водой, а затем прыгнул потушить спиртовку под ретортой.

— Двигаешься ты крайне проворно, — пропела Агата, — для старого дурня.

Кудесник прожег ее взглядом, прислонившись к столу и трясась. Голос его дрожал от гнева.

— Подлая старая карга! Ты столь завидуешь моим трудам, что должна попытаться разрушить мою Башню?

— Ну, безусловно, ничего столь отчаянного не учинялось, — возразила Гвен.

Гален переключил пылающий взгляд на нее.

— Да, у нее для такого не хватит знаний — хотя злоба ее могла бы опустошить тут помещение и содержащиеся в нем плоды многих лет выдувания стекла и исследований! — Его глаза сузились, когда он вновь обратил взгляд к Агате. — Вижу, что мне никогда не следовало приходить тебе на помощь — ибо ты теперь не дашь мне ни минуты покоя!

Агата начала было огрызаться в том же духе, но Род ее опередил.

— Э, ну — на самом-то деле, нет.

Пылающий взгляд кудесника переместился на него.

— Мало же ты знаешь эту старую ведьму, лорд Чародей, коль думаешь, будто она может вынести мысль о необходимости оставить кого-то в покое.

Агата набрала воздуха в легкие, но Род опять оказался проворнее.

— Ну, видите ли, на самом-то деле, мысль вернуться сюда принадлежала не ей.

— В самом деле? — Вопрос так и дымился сарказмом. — Она несомненно принадлежала твоей любезной жене.

— Опять не угадал, — весело заявил Род. — Она принадлежала мне. И Агата не имеет никакого отношения к возне в твоей лаборатории.

Гален на какое-то время умолк, прищутив глаза.

— Воистину, мне следовало б догадаться, что у нее никогда не хватит знаний для разыгрывания из себя столь ученой дикарки. Выходит, взрыв пытался устроить ты, лорд Чародей? В таком случае, почему?

— Потому что ты, по-моему, не обратил бы никакого

внимания на стук в дверь, — объяснил Род, — разве что сказал бы: «Убирайтесь».

Гален медленно кивнул.

— И потому ты накликал беду, лишь бы оторвать меня от исследований на достаточно долгий для перебранки с тобой срок.

— Мотив угадал верно, — согласился Род, — но преступник — нет. На самом-то деле, ни один из нас и пальцем не прикасался к твоим стекляшкам.

Гален быстро взглянул на двух ведьм.

— Не хочешь же ты уверить меня, будто они пошли на такой риск, выполняя столь тонкую работу при помощи одной лишь мысли?

— Нельзя сказать, что они такого не могут, — поспешил указать Род. — Я видел, как моя жена заставляла танцевать пшеничные зерна. — Он нежно улыбнулся, вспоминая выражение лица Магнуса, когда Гвен это продельвала. — А Агата признавалась, что исцеляла раны, заставляя вновь соединяться друг с другом самые тончайшие ткани — но на сей раз ни та, ни другая в происшедшем не виноваты.

— Наверняка ведь не ты...

— Это сделал твой сын, — проскрипела Агата.

В лаборатории наступила тишина, когда старый кудесник уставился ей прямо в глаза с отлившей от лица кровью. А когда она пришла обратно, он взорвался:

— Что еще за мерзкая ложь? Какой обман пытаешься сотворить теперь, ты, старая ведьма без всяких принципов, чтобы прославить свое имя? Как ты пытаешься воздействовать на мое сердце столь явной ложью? Испорченная, злая ведьма! У тебя в жизни нет иной радости, кроме причинения несчастий другим. Дурак же я был, что вообще когда-то посмотрел на твое лицо, и еще больший дурак, что всегда пытался помочь тебе! Убирайся, вон отсюда! — Его дрожащая рука поднялась бросить проклятье, способное испепелить ее. — Изы...

— Это правда, — резко оборвал его Род.

На какую-то секунду Гален уставился на него.

Этого хватило, чтобы вставить слово.

— Он сын другого Галена и другой Агаты, в другом мире, точь-в-точь похожем на этот. Ты ведь знаешь, что существуют другие вселенные, не так ли?

Рука Галена зависла в воздухе; в глазах у него вспыхнуло волнение.

— Да, я подозревал такое — пока мое тело лежало,

словно деревянное, а дух мой открывался для всех даже самых слабых впечатлений. Я воспринимал такое вдали, смутно сквозь Хаос, изогнутое присутствие, что... Но нет, что еще за чушь! Ты пытаешься сказать мне, будто в одной такой вселенной я снова буду жить?

— «Снова», возможно, преувеличение, — ушел от прямого ответа Род. — Особенно, раз твой двойник ныне умер. Но вот некий Гален, точь-в-точь похожий на тебя, действительно жил, да — за исключением того, что он, кажется, сделал в молодости иной выбор.

Гален ничего не сказал, но его взгляд наткнулся на Агату.

Она ответила тем же.

— Ибо в той вселенной тоже была своя Агата, — мягко продолжил Род. — И они встретились, поженились, и она родила сына.

Гален по-прежнему глядел на Агату с лицом, лишенным всякого выражения.

— Они называли сына Гарольдом, — продолжал Род, — и тот вырос отличным молодым чародеем — но больше «деем», чем «чаро». Он записался в армию и участвовал во многих битвах. Он уцелел, но его родители скончались — вероятно от беспокойства, что их сын служил в пехоте...

Гален резко вышел из своего транса.

— Не пытайся меня морочить, лорд Чаролей! Как они могли умереть, когда эта Агата и я... — Голос его ослаб, а взгляд стал рассеянным, когда новая мысль пришла ему в голову.

— Время — не рядовой солдат, мастер кудесник, и его не заставишь маршировать одинаковым шагом в каждом подвластном ему месте. Но еще важнее, что события в различных вселенных могут различаться — иначе Гарольд вообще никогда бы не родился. А если те Гален и Агата могли пожениться, то могли также и умереть — от несчастного случая, или от болезни, или, возможно, даже погибли в одном из тех сражений, где уцелел их сын. Уверен, он охотно тебе сообщит, если ты спросишь его.

Гален быстро обвел взглядом помещение и, казалось, затвердел под кожей.

— Попробуй, — выдохнул Род. — Гвен не в состоянии его услышать, равно как и любая другая ведьма — кроме Агаты. Но если ты аналог его отца, то должен бы суметь....

— Нет! — прогремел Гален. — Я не стану настолько доверчивым, чтоб слушать сказки юнца тридцати лет...

— Тридцати двух лет, — поправил Род.

— Мальчишка, едва ли больше! Я не верю ни единому слову в этой твоей сказке!

— А, но мы ведь еще не дошли до доказательств, — усмехнулся Род. — Потому что, видишь ли, в одном из тех сражений Гарольд все-таки не уберется.

Лицо Галена снова стало нейтральным.

— Его ранили, и тяжело, — поднажал Род. — Он едва сумел уползти в пещеру и рухнул там — и дух его высвободился. Но тело — нет. Нет, оно по-прежнему лежит, охваченное длительным, похожим на смерть спом. Поэтому у его духа нет живого тела для пристанища, но он также и не освободился в силу смерти и не смог воспарить в поисках Рая. Но тот дух принадлежал чародею, и поэтому ему не пришлось пребывать лишь в пещере, где лежит его тело. Нет, он отправился странствовать — прочь, в царство Хаоса, выискивая то измерение, о котором ты говорил, разыскивая души своих родителей и ища помощи...

— И нашел их, — закончил хриплым шепотом Гален.

Род кивнул.

— По крайней мере, одного — а теперь он нашел и другого.

Взгляд Галена снова заметался по помещению; он содрогнулся, еще плотнее кутаясь в балахон. А затем его застывшее лицо медленно повернулось к Роду.

— Тебе не нужно было говорить мне об этом, лорд Чародей. Это не принесет тебе никакой выгоды.

— Ну, я думал, Гарольд заслужил шанс, по крайней мере, попробовать встретиться с тобой — таким, каким ты стал в этой вселенной. Просто на всякий случай.

Гален не отвел взгляда, отказываясь реагировать на приманку.

— Мы загнали звероловцев в угол, на данное время, — объяснил Род, — но они, вероятно, пойдут в наступление в любую минуту, попытаюсь сковать солдат своим Дурным Глазом. Наши юные ведьмы и чародеи постараются противопоставить ему собственные силы, подпитывая ими солдат. И все же, они не смогут устоять против мощи звероловцев, но их поддержат моя жена и Агата.

— Да, и нам выжгут мозги за наши старания, — прокричала Агата, — ибо какое-то чудовище, о котором мы

не ведаем, шлет им с каждым ударом молнии все большую мощь. Однако мы могли бы выступить против них и победить, если б рядом с нами был ты.

— А с какой стати мне там быть? — Голос Галена сделался глухим от презрения. — С какой стати мне помогать крестьянам, мучившим и пытавшим меня в молодости? С какой стати мне помогать их детям и внукам, которые все эти годы то и дело выступали против меня, пытаясь снести мою Темную Башню и сжечь меня на костре? Нет, мягкосердечная ты дура! Ступай себе умирать ради ненавидящих тебя, если желаешь — но не проси меня сопровождать тебя!

— Да, я просить не стану! — Глаза Агаты сверкнули презрением. — И все же есть тот, у кого достанет мужества сделать это и вынести вместе со мной все, что обрушится на нас.

Гален застыл, уставясь на нее.

— Гарольд — примерный сын, — пробормотал словно про себя Род. — Я думал, ты захочешь получить возможность познакомиться с ним. — Логический вывод он оставил недосказанным. (Можно ли уничтожить дух? Он надеялся, что ему не доведется выяснить).

— Я не верю ни единому слову! — прошипел Гален. — То лишь хитрость с целью обмануть меня и заставить рисковать в этом ради тех, кому я не по праву! — Он снова повернулся к Роду. — Ты изумляешь меня, лорд Чародей; ибо даже сюда, в мой скит, дошли слухи о твоей славе, и я мнил тебя обладателем большого ума. Неужели ты не мог придумать никакого более сильного плана получения моей помощи, никакой хитрой, изобретательной цепочки обманов?

— А зачем утруждать себя? — ответил с призрачной улыбкой Род. — Правда всегда убедительней.

Лицо Галена потемнело от гнева. Он воздел руку, подняв указательный палец и фокусируя энергию для телепортирования незваных гостей вон из башни. А затем вдруг вскинул голову и в шоке широко раскрыл на миг глаза, прежде чем плотно зажмурил их в знак отрицания.

Агата тоже поморщилась, но усмехнулась.

— Ах, вот как! Такой крик пронзил даже твой прочный щит!

Кудесник перевел горящий взгляд на нее.

— Не знаю, к какому обману ты прибегла для такой подделки чужого разума...

— О, да, это и впрямь обман! О, я долгие годы учи-

лась выработать ощущение и особенность чужого разума и все ради этого мига! — Гален отвернулся и сплюнул. — Лорд Чародей, давай убираться. Мне тошпо взывать к гласу разума того, кто стремится сделать глухими собственные уши!

— Да, убирайтесь отсюда, — произнес речитативом Гален, — ибо замысел ваш не удался! Убирайтесь отсюда, и не являйтесь более сюда!

— А, ладно! — Род содрогнулся при мысли о новом полете верхом на помеле. — Я, в некотором роде, надеялся попасть на экспресс...

— Это доставляло бы тебе удовольствие, муж, — завила его, задев проходя мимо, Гвен, — если бы только смог поверить в меня.

— Поверить? — переспросил тонким голосом удивленный Род. — Я безоговорочно доверяю тебе!

— Тогда ты наверняка не боишься, ведь несет тебя моя сила, — сверкнула ему беззаботной улыбкой Гвен.

— Ладно, ладно! — сдался, подняв руки, Род. — Ты выиграла — я к этому привыкну. После вас, колдунья.

Агата задержалась еще на миг пытаюсь пронзить непроницаемый взгляд Галена своим отточенным взглядом, но с отвращением отвернулась.

— Да, пусть останется здесь в сухой трухе, коль он того желает! — Она бурей пронеслась мимо Рода через занавеси вверх по лестнице.

Как раз перед тем, как отпустить занавес, Род оглянулся и посмотрел на Галена, стоящего в одиночестве посреди своей лаборатории.

* * *

Род цеплялся за помело что есть сил, строго внушая себе, что он не напуган, что пялится через плечо Гвен на сырые тучи, отчаянно надеясь узреть шатер Туана, просто от скуки. Но это не действовало; желудок у него не разжимался, а единственным объектом впереди была подскакивающая на своем помеле Агата.

Затем вдруг в двух румбах справа по борту и по носу от Агаты в небе появилась точка. Род уставился, забыв про страх.

— Гвен, ты видишь то, что вижу я?

— Да, милорд. Она походит на человека.

Когда точка приблизилась, то выросла в подростка в

камзоле и рейтузах, неистово махавшего головным убором.

— Человек, — согласился Род. — По-моему, это Леонат. Тебе не кажется, что он немножко молод, чтобы телепортироваться в одиночку?

— Ему теперь шестнадцать, — напомнила Роду Гвен. — Их возраст не стоит из-за нас на месте, милорд.

— И если уж об этом зашла речь, то он вообще мало чего значит — и полагаю, он достаточно взрослый, чтобы служить гонцом. Посмотри, насколько ты сможешь приблизиться, Гвен; по-моему, он хочет поговорить.

Гвен облетела вокруг юнца, заворачивая тугую спираль, куда быстрее, чем поспевал желудок Рода.

— Привет, Леонат! — крикнула она (оно и к лучшему, потому что Род в данный момент с трудом сглатывал). — Как поживаешь?

— Беспокойно, прекрасная Гвендайлон, — ответил подросток. — Над берегами Флев опустились грозовые тучи, и зверолюди образуют боевой строй!

— Я знал, что в воздухе что-то носится! — воскликнул Род. — Отправляйся и скажи своим товарищам держать форт, Леонат! Мы отправимся туда с курьерской скоростью! — Особенно ввиду того, что курьерское сообщение велось в текущее время авиапочтой.

— Да, милорд! — Но юноша выглядел озадаченным. — А что такое «форт»?

— Укрепления, — ответил Род, — а суть в том, чтоб зажать врага между ним и скалой.

— Как скажете, лорд Чародей. — Леонат, похоже, пришел в замешательство, но мужественно пообещал. — Я передам им, — и исчез.

Род шепнул:

— Векс, мы летим на полной скорости. Встречай меня на вершине утеса.

— Я привязан, Род, — напомнил ему голос робота.

— Ну так нятяни привязь потуже. Когда растянешь до предела, оборви ее и присоединяйся ко мне.

Они зашли на посадку у шатра ведьм, как раз когда упали первые капли дождя.

— Как там молодежь? — крикнула Агата.

— Чертовски напугана, — крикнул в ответ Род. — Всегда будут рады видеть вас!

Он спрыгнул с помела и подхватил жену на руки для короткого поцелуя.

— Милорд! — мило покраснела она. — Я едва ль ожидала...

— Просто нуждался в небольшом напоминании о том, ради чего я должен явиться домой. — Род быстро сжал ее в объятиях. — Удачи тебе, милая. — А затем круто повернулся и потопал сквозь моросящий дождь.

Он остановился на краю вершины прибрежного утеса, пристально вглядываясь вниз. Поднялся он как раз вовремя, чтобы увидеть, как первая волна зверолодей выплеснулась за земляные укрепления и побежала вприпрыжку вверх по речной долине, высоко подняв щиты и размахивая секирами. Род нахмурился, высматривая грамарийскую армию. Где же она?

Вон там, еле-еле видимая сквозь дождь, двигалась вверх вдоль реки темная, клубящаяся масса.

— Векс!

— Здесь, Род.

Род резко обернулся — и увидел всего в двух футах позади себя голову большого черного коня. Он пораженно отпрыгнул назад — а затем вспомнил про крутую скалу и рванул вперед, вогнав ногу в стремя и перемахнув на спину робота-коня.

— Ты как попал сюда так быстро?

— У меня есть радар. — В тоне Векса звучал легкий укор. — Поедем, Род? Ты нужен выше по течению.

— Конечно! — И когда большой черный копь пустился легким галопом, спросил: — Что происходит?

— Хорошая тактика. — В тоне робота сквозило уважение и даже восхищение. Он поскакал дальше вниз по склону, бормоча: — Наверно, Туан сам объяснит тебе ее.

У Рода едва нашлось время возразить, прежде чем они догнали армию. Всюду стоял сбивающий с толку шум — лязганье стали, хлюпанье сапог по земле, уже начавшей превращаться в грязь, рев орущих приказы сержантов и ржание рыцарских коней. Род огляделся вокруг себя, но не увидел никаких признаков паники. Разумеется, то тут, то там на более молодых лицах отражался наполнявший их души страх, а более пожилые застыли, выражая мрачную решимость. Армия в целом постоянно двигалась прочь от зверолодей — но это было определенно отступление, а не бегство.

— Почему? — резко спросил Род.

— Так приказал Туан, — ответил Векс, — и, по моему мнению, мудро.

— Вези меня к нему!

На сей раз они нашли короля в тылу, поскольку эта часть армии находилась ближе всех к врагу.

— На левом фланге отстают, — прокричал Туан. — Передайте сэру Марису поторопить их; ибо отставшие наверняка станут трупами!

Гонец кивнул и стремглав унесся в дождь.

— Привет, мой государь! — окликнул Туана Род.

Туан поднял голову, и на лице у него вспыхнуло облегчение.

— Лорд Чародей! Хвата небесам, ты явился!

— Будешь знать, как приглашать меня. Почему отступаем, Туан?

— Ты наверняка шутишь, лорд Чародей! Неужели ты не видишь дождя? Мы не в состоянии устоять против них, когда может ударить молния!

— Но если мы не остановим их, — указал Род, — то они просто будут шагать и шагать дальше, покуда идет дождь.

Туан кивнул.

— Такая мысль приходила в голову и мне.

— Э... это может оказаться хорошим способом потеснить королевство...

— Об этом я тоже не забываю. Следовательно, мы повернем и выступим против них — но не раньше, чем они уверятся, будто обратили нас в бегство.

Род медленно поднял голову, глаза у него расширились. А затем усмехнулся.

— Мне следовало бы понять, что лучше не сомневаться в твоем умении выбирать тактику! Но поверят ли они и в самом деле, будто мы просто удираем во все лопатки, когда мы так долго давали им отпор?

— Они наверняка будут ожидать появления какого-то сопротивления, — согласился Туан. — И поэтому ты с Летучим Легионом поскачешь к ним. — Он кивнул на правый фланг. — Он тебя ждет, лорд Чародей.

* * *

Завидев Рода, его командос грянули дружное «ура», а он грянул им быстрые приказы. Минуту спустя половина бойцов растворилась в росших вдоль берега реки траве и кустах. Другая половина — в бахилах — подражала Моисею и скрылась в камышах.

Род остался с сухопутными, молча отходившими вдоль берега, пока не добрались до места, где шлам расширял-

ся, огражденный полукругом деревьев с кустами в интервалах между ними. Десять минут спустя с ними поравнялись первые разведчики из авангарда зверолов. Род подождал, пока они не окажутся прямо в середине полукруга, а затем свистнул, неплохо подражая жалобному крику козодоя. Но для зверолов этот крик был незнаком, и что-то прозвучало фальшиво. Один неандерталец пораженно поднял голову, открывая рот подпять тревогу — когда дюжина грамарийских командос накинулась на него и его товарищей.

Солдаты полностью окружили зверолов, и поэтому Род не видел, что произошло, но знал лишь, что продолжалось все примерно тридцать секунд, а затем его люди снова растворились в лесу, оставив в центре поляны три трупа, заливающих кровью бледный песок.

Род уставился на них, потрясенный и подавленный. Рядом с ним его сержант усмехнулся.

— Прделано все отлично, лорд Чародей.

— Положусь на твое слово, — пробормотал Род. — Чем занимаются эти ребята в мирное время — на войне работают?

Сержант пожал плечами.

— Любой деревенский паренек должен знать, как перерезать горло свинье, а эти людоеды немпогим лучше свиней.

Роду пришлось проглотить внезапный порыв объяснить конфликт с точки зрения зверолов.

— Они враги, — невесело согласился он, — и это война. Они уже весьма основательно доказали, что убьют нас, если мы не убьем их первыми.

Про себя же он гадал, многие ли из них действительно хотели этого.

Но в данную минуту настало время проявить себя извергами.

— Прикажите бойцам рассыпаться по ходу тропы.

Сержант повернулся шепнуть несколько слов, но это было единственное движение, увиденное или услышанное Родом. Тем не менее он спокойно сидел в седле, зная, что его бойцы подберутся к звероловам. Он спокойно сидел и ждал.

Минут через пять подошел авангард врага. Его предводитель увидел трупы в центре поляны и поднял руку остановить своих бойцов. Пока они в шоке пялились на убитых, Род крикнул чайкой, и из кустов выскользнули

пятьдесят командос, рубя мечами по глоткам, прежде чем зверолюди даже поняли, что на них напали.

Когда пали первые неандертальцы, остальные с ревом обернулись, вращая секирами. Люди Рода отпрыгнули, но двое оказались недостаточно проворными. Род дал гневу вспыхнуть в себе, когда скомандовал Вексу: «Пошел!». Большой черный стальной конь поскакал в бой, когда Род крикнул: «Рази!». Глаза всех зверолюдей обратились к этой новой угрозе, и поэтому не заметили теней, выскользнувших из камышей позади них в ответ на крик Рода. Зверолюди начали пятиться, когда Род и его бойцы начали свой смертельный гавот, отскакивая за пределы досягаемости секир зверолюдей, когда те пытались поймать взгляды грамариЙцев. Но бойцы Рода придерживались своей тяжело усвоенной тактики — глядеть на оружие врага, а не на его зрачки. То тут, то там солдат случайно заглядывал в покрасневшие глаза неприятеля и замедлял движения. Это случилось даже с Родом — сиди верхом на коне, он привлекал взгляды. Один неандерталец сумел заглянуть ему прямо в глаза, и внезапно Рода коснулся страх, когда он почувствовал, как в его мозгу бьются два соперничающих импульса, и понял, что ни один из них ему не принадлежал.

Затем у него растеклось тепло в голове и по спине, — знакомое прикосновение, и он почти почувал запах духов Гвен. В этот момент его рука со щитом вскинулась слегка толкнуть секиру и отразить ее, так что та чуть-чуть промахнулась, в то время как его меч кольнул зверочеловека поверх щита. Род почувствовал, как меч вонзился, хрустя об кость, и яростно рванул его обратно, поворачиваясь к следующему противнику и упорно стремясь не обращать внимания на падающее тело.

Затем берег стробоскопически осветила молния и над головами грянул гром. Род бешено парировал удары секиры, сознавая, что почти половина его отряда оцепенела. Взметнулись секиры, и грамариЙские солдаты пали, в то время как их противники повернули помочь своим собратям вместе навалиться на солдат. Неистово мечи взгляды с одного на другого, большинство солдат делали промашку и случайно заглядывали в глаза какому-нибудь неандертальцу — и оцепенели.

Род заревел от гнева и страха и рубанул зверочеловека. Тот увернулся, открыв ухмыляющееся чело, пялящееся на Рода, поймавшее его взгляд, уставившись ему прямо в глаза.

Ответный выпад Рода словно врезался в стену. Он неистово надавил на меч, толкая его вперед, но тот не двигался, а секира взлетела, готовая обрушиться на него. В мозгу у него остался активным лишь слабый импульс, еле тыкавшийся в, казалось, образовавшуюся там темную стену...

Затем в эту темную массу ворвался горячий щит, раздирая ее в клочья — и рука Рода ответила на его призывы. Он дернулся в сторону, когда мимо просвистела секира, а затем рванулся обратно, делая выпад сверху вниз. Его бойцы набросились на звероловцев, словно дикие кошки, уступая им в численности, но твердо решив уложить вдесятеро больше своего числа. Но за авангардом подходили потоком новые звероловцы, все больше и больше; и с уколом страха Род увидел за массами врагов выплывающий из завесы дождя длинный, стройный драккар.

Но берег сотряс громовой рев, и звероловцы в неожиданном ужасе подняли взгляды на хлынувших вдоль реки пять тысяч грамарийских солдат.

Род проглотил победный крик; все его бойцы сохраняли молчание и катализировали прилив энергии в серию быстрых выпадов. Звероловцы отступили перед ними, а затем немного успокоились, чтобы повернуть и защищаться. Но дрались они теперь бешено и беспорядочно, так как солдаты превосходили их в численности.

Яростно коля и парируя, Род стал смутно сознавать исходящее от врага ритмичное громохание.

— Род, — проскрежетал словно замедленная запись голос Векса, — напряжение нарастает... я могу подвести тебя...

— Держись, пока можешь! — крикнул Род и мысленно приготовился прыгнуть и использовать Векса для защиты своего тыла.

Громохание стало громче, стало разборчивым, вражеская армия скандировала в один голос:

— Коболд! Коболд! Коболд!

И казалось, что их бог услышал призыв, внезапно весь берег реки пронзило переливающимся сиянием, и гром превратился в пушечный выстрел.

Когда сияние померкло, солдаты замедлили движение. Какой-то зверочеловек поймал взгляд Рода, и тот снова почувствовал, как тело его одеревенело, как бы окутанное густой массой.

Затем эту темную массу снова прожег добела раскаленный меч, и его руки выскочили на волю. Вся грама-

рийская армия исторгла радостный крик и бросилась драться с новой дикой энергией. Им ответил рев гнева, но в нем сквозило отчаяние, и зверолюди, казалось, прижались друг к другу, образуя стену против грамарийских копий. Но островные волки наседали на эту стену, круша и подкапывая ее, и ночь превратилась в бедлам из воплей и лязга стали.

Внезапно Род осознал, что его бойцы продвигаются вперед. Но как они могли, когда враг прижат к воде? Поглядев поверх голов, он увидел, что зверолюди забираются по одному на борт драккаров.

— Они удирают! — ликующе закричал он. — Враг бежит! Рви их!

Его бойцы ответили безумным воплем, и дрались, как бешеные. На самом-то деле они могли лишь царапнуть, да отколоть и немногим больше; стена зверолюдей была сплошной и становилась все плотней по мере того, как съеживалась, когда отчаливала одна лодка и ее сменяла другая. Но наконец последние зверолюди повернулись и побежали забраться в лодку. Солдаты кинулись было преследовать их, но Род, Туан и сэр Мэрис остановили их резкими приказами, повторенными через каждого рыцаря каждому сержанту. Подняв головы, солдаты увидели, что уже поднявшиеся на борт зверолюди приготовились метнуть в них все — от секир до камней. Видя, что солдаты остановились, они с безумным воем швырнули их; но поднявшиеся щиты заставили эти ряды отскочить, не причинив вреда. Когда же они опустились, драккар выплыл на стрежень, описал медленную, изящную кривую и поплыл вниз по течению.

Туан с победным криком вонзил окровавленный меч в небо. Посмотрев на короля, пораженная армия сообразила, что она победила. И тогда с пронзительным воем триумфа небо проткнул лес пик и мечей.

Прежде чем растаяло эхо, Род снова повернул Векса вниз по течению.

— Ты выдержал все сражение, Старина Железняк!

— Выдержал, Род. — Электронный голос все еще звучал немного замедленно. — В этой битве на меня могли нападать только спереди.

Род кивнул.

— Огромное преимущество. А теперь направимся в шатру ведьм с максимальной скоростью!

Часовые перед шатром узнали его и стукнули себя по нагрудникам, отдавая честь. Род спрыгнул с коня и влетел в шатер.

Оплывшие свечи показывали растянувшихся повсюду в беспорядке и потерявших сознание юных ведьм и чародеев. В центре обмякла, привалившись к одному из опорных шестов шатра, Агата, державшаяся руками за голову, а у другого сгорбилась Гвен, стонавшая и теревшая себе лоб и виски.

Рода пронзил страх. Он прыгнул к ней, сгреб ее в объятия.

— Милая! Ты...

Она моргнула, подняв голову, и сумела улыбнуться.

— Я жива, милорд, и снова буду здорова — хотя сейчас голова у меня так и раскалывается...

— Хвала святым! — Род прижал ее голову к своей груди, а затем наконец позволил себе воспринять окружающую его бойню. Он снова повернулся к Гвен, на этот раз медленнее. — Он появился, да?

— Да, милорд. — Она поморщилась от боли. — Когда ударила вторая молния, вся молодежь попадала без чувств. Мы с Агатой изо всех сил старались выдержать главный напор той жестокой мощи, и я ощутила, как помогает ей сила Гарольда. Но все мы боялись третьей молнии, зная, что нам не устоять перед ней...

— А Гален мысленно подслушивал и понял, что вам ее, вероятно, не выдержать, — кивнул Род. — Но он не посмел пойти на риск, что его «сын» может при этом сгореть, хоть сын этот и родился не от его тела.

— Не полагайся вновь на его помощь, — донесся хрип с другой стороны шатра, и куча тряпья и костей, бывшая Агатой, пошевелилась. — Берегись, Чародей, он знает теперь, что ты попытаешься использовать его, подвергнув опасности Гарольда.

— Конечно. — В глазах у Рода заплясали яркие огоньки. — Но он все равно явится.

Туан оставил на обоих берегах эскадроны, кипевшие гневом оттого, что не смогли принять участие в битве; но теперь, когда они увидели плывущие к ним драккары, воины заорали от радости и выхватили мечи.

Зверолюди, не обратив на них внимания, поплыли дальше.

Раздосадованные молодые рыцари, командовавшие эскадронами, отдали соответствующие приказы, и спустя несколько минут огненные стрелы понеслись по дуге над водой и застучали по палубам и парусам. Несколько минут лучники забавлялись, наблюдая, как зверолюди в панике загорались, гася пламя. Но как только все потушили, следующее подразделение ниже по реке нацеливало воздух горящими стрелами, и развлечение началось по новой. Поэтому, хотя Туан и послал часть оправившихся ведьм и чародеев лететь вдоль реки за флотом, старательно держась за пределами досягаемости стрел, те не понадобились. И все же они держались вблизи, бдительные и готовые помочь, когда драккары спустились по течению реки Флев и вышли в море.

На горизонте драккары остановились, словно раздумывая, не сделать ли еще одну попытку. Но на утесах собрался строй лучников, а за ними — телекинезирующие ведьмы, и в результате огненные стрелы сумели пронестись до самого горизонта, прежде чем упали, и снова зажечь обугленные корабли.

Драккары сдались, повернули носы в сторону дома и исчезли.

В разгар пьяного веселья и гульбы Род протолкался через толпу к Туану. Он схватил короля за августейшую шею и крикнул ему в самое ухо — иначе его б не услышали.

— Ты ведь знаешь, что это на самом деле еще не конец, не так ли?

— Знаю, — ответил с достоинством молодой король, — но знаю также и что сегодняшняя ночь предназначена для торжества. Наполни бокал и веселись вместе с нами, лорд Чародей. Завтра мы вновь будем думать о войне.

* * *

На следующее утро Туан поднялся с трудом и в плохом настроении. Он сидел в кресле у себя в шатре и повсюду вокруг него сквозь ткань просачивался серый дневной свет. Небо по-прежнему было хмурым, так же как и Туан. Он, морщась, прижимал ко лбу холодное полотенце.

— Итак, лорд Чародей, вы сказали, что наша война еще не закончена.

Бром О'Берин приблизился к креслу короля, приглядываясь к его лицу.

— Сомневаюсь, способен ли ты говорить о войне, когда голова у тебя еще полна вина, что кожа у нее натянута не менее туго, чем на барабане.

Туан ответил со слабой и печальной улыбкой:

— Это не повредит, лорд Советник; ибо сомневаюсь, будем ли мы говорить о чем-то, чего я еще не знаю.

— Речь будет о том, что если мы не последуем за ними, то они вернутся. — Осторожно заметил Род.

Туан кивнул, а потом скривился и закрыл глаза.

— Да, лорд Чародей. Следующей весной, как только начнутся грозы, мы снова увидим их здесь, на наших берегах — да, я знаю это.

Бром нахмурился.

— И все же вы подумали, что они могут придумать новый способ победить всю мощь, какую смогут выдать наши ведьмы?

Туан поморщился.

— Нет, не подумал. Это усиливает мою решимость. Мы должны перенести войну к ним домой; мы должны последовать за ними через море и нанести удар.

— И время для нанесения такого удара — сейчас, — прогромыхал Бром.

Туан кивнул и посмотрел на Рода.

— И все же как нам переправить туда армию, лорд Чародей? Ты мог бы перенести множество людей и лошадей с помощью чар?

Позабавленный Род улыбнулся.

— Думаю, такое множество не смог бы отправить даже Гален, мой государь. Но мы ведь открыли, что у Грамария есть процветающий торговый флот, который несомненно с удовольствием предоставит свои услуги, чтобы помочь стереть с лица земли потенциальное пиратское гнездо.

Туан медленно кивнул.

— Думаю, мы добьемся от них искреннего содействия, если обрисовать им все в таком духе.

— Тут нужно лишь отыскать сферу собственных интересов. У нас есть также изумительное число рыбацких лодок, и их владельцы, вероятно, очень быстро согласятся, что нам следует упредить любое браконьерство в их рыболовецких угодьях еще до того, как оно начнется.

Король кивнул — снова очень медленно.

— Значит, на твой взгляд, средств для переправы у нас хватит?

— Вероятно. А чего не хватит, то, думаю, смогут выдать кораблестроители, работая посменно круглые сутки к тому времени, когда мы соберем весь нужный нам провиант. Нет, с транспортом проблем не будет.

— В самом деле? — слабо улыбнулся король. — С чем же тогда?

— С борьбой со зверолюдми на их родной земле, когда они будут биться, защищая собственные жизни — а также жизни своих жен и детей.

Туан на миг уставился на него. А когда он заговорил, голос у него сделался шепотом призрака.

— Да, это будет кровавым делом. И немногие из отпльвших вернутся домой.

— Если мы сделаем это сражение боем насмерть, — согласился Род.

— А чем же еще оно может быть? — нахмурился Бром.

— Государственным переворотом, — усмехнулся Род. — По словам Йорика и других наших гостей-зверолудей это вторжение — дело рук кучки злодеев, сумевшей захватить власть в Звероландии.

Туан раздраженно пожал плечами.

— Какой с того толк, если те люди преданы своему новому вождю? — Но как только он это произнес, взгляд его сделался задумчивым.

Род кивнул.

— После подобного поражения они будут не очень-то довольны руководством того шамана, Мугорка, и его бога — Коболда. А из сказанного Йориком у меня в некотором роде сложилось ощущение, что они и так-то никогда не относились к нему с восторженным энтузиазмом — их просто обманом вынудили поставить его у власти под влиянием минутной паники. Если мы сможем с самого начала разъяснить, что мы воюем с Мугорком, а не со зверолудми вообще — то тогда они, возможно, будут готовы капитулировать.

Туан медленно кивнул.

— Ты говоришь в высшей степени здраво, лорд Чародей. Но как донести до них такое намерение?

— А вот это уж, — отозвался Род, — пусть придумает Йорик.

— Нет ничего проще, милорд, — отмахнулся здоровенной ручищей от проблемы Йорик. — Самый древний прием из всех известных — небольшая милая кампания по роспуску слухов.

— Кампаний роспуска слухов настолько древние? — У Рода возникло головокружительное видение 50 000 лет клеветы. — Но как же вы ее запустите?

Йорик взглянул на своих товарищей, а затем, снова повернувшись к Роду, пожал плечами.

— Тут уж ничего не поделаешь — придется нам отправиться вперед вас и организовать ее самим.

Род в шоке уставился на него.

Йорик усмехнулся.

— А вы о чем думали — о листовках?

— И думал, что нам, возможно, удастся чего-то добиться с помощью телепатии, — вздохнул Род. — Но никто из наших проецирующих телепатов не знает их языка. Йорик прав — ему и его людям требуется каким-то образом запустить этот слух. Вопрос о том — можем ли мы им доверять?

— Доверять человеку врага? — воскликнула Катарина. — Нет, лорд Чародей, надеюсь, вы не станете!

— Но он ведь в действительности на нашей стороне, — заспорил Род, — потому что борется с тем же врагом — с этим шаманом, Мугорком.

Они сидели в небольшой палате — всего сорок квадратных футов — королевского замка в Раннимиде. Восточный ковер, гобелены на стенах, сверкающая ореховая мебель, изящные стулья с витыми ножками и серебряные кубки отрицали всякую чрезвычайность. Но хотя камин давно остыл, разговор велся жаркий.

— Он говорит, что Мугорк ему враг, — презрительно обронила Катарина. — И все же разве он не может быть слугой этого свирепого чудовища?

Род развел руками.

— Почему? С какой целью Мугорк мог послать агента, которого никак не смогут принять за уроженца Грамария? Не говоря уж о кучке его дружков, не умеющих даже говорить на нашем языке.

— Да как раз с той самой целью, мой мальчик, — крикнул Бром О'Берин, — чтобы мы смогли прислать его для усиления своего нападения, тогда как они смогут переметнуться, предупредить своих собратьев и встретить наших солдат оградой из копий, когда те высадятся.

— Хорошо, — с отвращением фыркнул Род. — Протянуто за волосы, но, допускаю, все-таки возможно. И все же, мне кажется, что это неверно.

Катарина криво улыбнулась.

— Я думала, только дамы решают важные дела, основываясь на таких вот чувствах.

— Ладно, допустим, в ваших доводах есть некоторый резон, — проворчал Род. — Но вы же понимаете, что я имею в виду, Ваше Величество, — во всей этой ситуации есть какой-то элемент, попросту не стыкующийся с гипотезой, что Йорик — враг.

Катарина открыла было рот опровергнуть его, но Бром заговорил первым.

— Я улавливаю смысл твоих слов — и скажу тебе, что именно не укладывается.

Катарина в изумлении повернулась к нему, а Туан поднял голову, внезапно снова заинтересовавшись спором.

— Дело в том, — объяснил Бром, — что Йорик говорит на нашем языке. Мог ли он научиться ему у Мугорка?

— Возможно, если Мугорк — враг Орла, — медленно ответил Род. — Ведь если Йорика обучил английскому Орел, то и Мугорк тоже вполне мог это сделать.

— Я улавливаю смысл твоих слов. — Туан выпрямился в кресле. — Мы знаем, что Йорик держит Орла за какого-то кудесника; если мы допустим, что Мугорк тоже таков, то выставляем кудесника против кудесника. Но тогда оба они могут подумать, что мы волнуем их сильнее, и решат объединиться против нас?

— Или Мугорк сверг Орла только ради возможности использовать против нас зверолодей, — прогромыхал Бром. — С чего нам быть столь важными для Мугорка?

— С того, — пропзнес за ухом Рода голос Векса, — что на Грамарие больше действующих телепатов, чем во всей остальной Земной Сфере вместе взятой; а те межзвездные средства связи, какие они могут предоставить, будут по всей вероятности исключительным, крупнейшим фактором в определении того, кто будет править земными пародами.

«И с того, что Орел и Мугорк являлись, вероятно, путешественниками во времени агентами из держав-блоков будущего, знавшими, к чему приведет текущая борьба и пытавшимися изменить ее исход здесь»: мысленно добавил Род. Вслух же он лишь кисло произнес:

— Приятно знать, что у этих палат такие толстые стены, что нам незачем беспокоиться из-за подслушивающих.

— Почему? — нахмурился Туан. — Есть причина сомневаться в верности кого-нибудь из наших людей?

— Э-э... нет. — Роду пришлось быстро симпровизировать и, удивительное дело, резануть правду-матку. — Просто дело в том, что я привел с собой Йорика на случай, если мы решим, что хотим потолковать с ним. Он в приемной.

Катарина в ужасе подняла голову и быстро ушла за кресло Туана. Король, однако, выглядел заинтересованным.

— Тогда быстрее давай его сюда! Неужели мы не сумеем придумать никакого вопроса, способного определить правдивость или лживость слов этого зверочеловека?

Бром протопал к двери, рывком распахнул ее и прогремел приказ. Когда он вразвалочку вернулся на место, Род предложил:

— Только вот еще что. По сообщению Тоби деревня зверолодей заселена очень основательно, и окружающие ее поля очень тщательно обработаны и засеяны злаками. Поселение это не такое и новое, Туан. Если Орел явился сюда, задумав завоевание, то стал бы он терять пару лет на устройство колонии?

Молодой король кивнул.

— Довод весомый. — И повернулся, когда в палату неторопливо вошел зверочеловек, а Катарина попятилась назад. — Добро пожаловать, капитан изгнанников!

— И вам привет. — Йорик усмехнулся и коснулся чуба.

Бром свирепо нахмурился, и поэтому Род счел, что ему лучше вмешаться.

— Э, мы как раз говорили, Йорик, о том, почему Мугорк сверг Орла.

— Да потому что Мугорк хотел покорить вас, ребята, — ответил удивленный Йорик. — Он не мог даже приступить к этому, пока на пути стоял Орел, проповедовавший понимание и терпимость.

В помещении наступила жуткая тишина, покуда Ту-

ан, Бром, Катарина и Род обменивались лихорадочными взглядами.

— Я что-то сказал не то? — спросил Йорик.

— Лишь то, о чем мы все только что беседовали, — почесал за ухом Род. — Всегда оторопь берет, когда выясняешь, что угадал правильно. — Он посмотрел на Йорика. — А почему Мугорк хочет нас покорить?

— Опора в кампании борьбы за власть, — объяснил Йорик. — Ваша планета будет пользоваться повышенным спросом в грядущей борьбе за власть. Ваши потомки выступят на стороне демократии, и поэтому Децентрализованный Демократический Трибунал победит. У проигравших останется только одна возможность — вернуться в прошлое и попытаться захватить бразды правления на Грамарие. Когда Мугорк захватил власть, мы поняли, что он, должно быть, работал на одного из будущих проигравших... В чем дело, милорд?

Род делал ему отчаянные знаки помалкивать. Туан обратил на него презрительный взгляд.

— В самом деле, лорд Чародей. — Голос его стал гладким, как бархат. — Почему вы не желаете, чтобы он говорил о таких вещах?

— Хотя бы потому, что они приводят в крайнее недоумение. — Катарина свела брови и посмотрела на Рода весьма недобрый взглядом, — И все же муж мой задал хороший вопрос. Ради кого трудитесь вы, лорд Чародей?

— Прежде всего ради своей жены и ребенка, — вздохнул Род, — но поскольку я хочу для них свободы и справедливости, а вы — самый лучший их шанс на такое состояние — то, ясное дело, я работаю на вас.

— Или в согласии с нами, — поправил Туан. — Но у вас есть и другие связи, лорд Чародей?

— Ну, есть определенное сотрудничество, которое...

— ...которое дает ему сведения, крайне важные для дальнейшего царствования вашей династии, — пробормотал Бром и виновато поглядел на них. — Я знал об этом чуть ли не с тех пор, как он появился среди нас.

Туан начал понемногу освобождаться от напряжения, но Катарина выглядела более негодующей, чем когда-либо.

— Даже ты, мой преданный Бром! Почему же ты не рассказал мне обо всем?

— По той причине, что вам незачем об этом знать, — просто ответил Бром, — и потому что я считал это тайной лорда Гэллоугласа. Если б он думал, что вам следует

об этом знать, он бы вам рассказал — ибо, не заблуждайтесь, предан он в первую очередь нам.

Катарина, казалось, немножко смягчилась, а Туан заулыбался, поблескивая глазами.

— Надо нам будет еще поговорить на эту тему в скором времени, лорд Чародей.

«Но не сейчас». Род с содроганием вздохнул и бросил быстрый благодарный взгляд на Брома, Карлик еле заметно кивнул.

— Причина нашего беспокойства — перед нами. — Туан снова повернулся к Йорику. — Похоже, мастер Йорик, что вы знаете больше, чем следует.

— Вы хотите сказать, что некоторые из этих сведений засекречены? — уставился на него Йорик.

Род прожег его взглядом, но Туан лишь сказал:

— Где ты узнал о грядущих событиях?

— А от Орла, — с облегчением улыбнулся Йорик. — Он бывал там.

В помещении на мгновение стало очень тихо. Затем Туан, тщательно подбирая слова, уточнил.

— Ты говоришь, будто этот Орел телесно отправился в будущее?

Йорик кивнул.

— На кого он работает? — отрывисто спросил Род.

— На себя, — развел руками Йорик. — И к тому же получает с этого неплохую прибыль.

Род успокоился. Политические фанатики будут драться насмерть, но бизнесмены всегда прислушаются к глазу разума — при условии, если ты покажешь им, что они смогут извлечь более высокую прибыль, делая дела по-твоему.

Но Туан покачал головой.

— Ты же заверяешь нас, будто Орел привел сюда весь твой народ и достаточно обучил его сельскому хозяйству, чтобы люди смогли обеспечить себя. Где же тут выгода?

— Ну, — уклонился от прямого ответа Йорик, — он иной раз затевает и гуманитарный проект...

— А также из ваших ребят, вероятно, получают незаменимые агенты для определенных заданий, — сухо добавил Род.

У Йорика хватило приличия покраснеть.

— Или дело в том, — прогремел Бром, — что он воюет с теми из будущего, кто поддерживает Мугорка? Разве твой народ не примет участия в этой войне?

Йорик застыл. А затем поглядел на Рода и резко мотнул головой в сторону Брома.

— Где вы его откопали?

— Тебе незачем знать, — быстро отозвался Род. — Мы хотим понять, как вы, неандертальцы, оказались оружием в большой войне?

Йорик вздохнул и уступил.

— Ладно. Дело обстояло немного сложнее, чем я говорил прежде. Скверные парни собрали нас вместе с целью использовать как оружие для установления очень ранней диктатуры, которая не выпустит власти из рук. Как вы понимаете, милорд, мы — народ несколько параноидной культуры.

— Не представляю, почему, — сухо обронил Род.

— Что значит «параноидной»? — нахмурился Туан. — И какое это имеет отношение к правлению?

— Это значит, что чувствуешь себя так, словно тебя все долбают, — объяснил Йорик, — и поэтому склонен раздолбать их первым, для гарантии, что они не доберутся до тебя. Подобные правительства очень лихо организуют репрессии.

Катарина побледнела, а Туан повернулся к Роду.

— Есть правда в его словах?

— Слишком большая, — ответил ему со скорбной улыбкой Род, — а всякий обладающий колдовской силой обычно становится жертвой репрессий. Теперь вы понимаете, почему я на вашей стороне, мой государь.

— В самом деле. — Туан снова повернулся челом к Йорику. — И обнаруживаю в себе намного меньше озабоченности по поводу других твоих связей.

Род внимательно следил за Катариной. Понимала ли она, что шла к тирании, когда царствовала одна? В основном, конечно, сверхкомпенсируя ощущение непрочности своего положения — но к тому времени, когда она приобрела бы достаточно опыта для уверенности в себе, ее б уже ненавидело слишком много людей и ей пришлось бы оставаться тираном.

Но Туан снова говорил с Йориком.

— А почему твой Орел воюет с этими диктаторами?

— Они плохи для торговли, — быстро нашелся Йорик. — Диктатуры склонны устанавливать крайне произвольные правила насчет того, кому с кем можно вести дела, и правила их приводят либо к очень высоким тарифам, либо к непомерным взяткам. А правительство,

делающее упор на свободе, должно в общем и целом до-
зволить свободу и бизнесу.

— В общем и целом, — подчеркнул оговорку Род.

Йорик пожал плечами.

— Свобода — состояние нестабильное, милорд. Всегда будут люди, стремящиеся уничтожить правительство и установить собственную диктатуру. Бизнесмены тоже люди.

Род считал, что этот вопрос заслуживал чуть более подробного обсуждения, но в этой перетасовке тем куда-то задевалась такая мелочь, как подготавливаемое вторжение.

— Мы немного подумали об упомянутой тобой кампании по роспуску слухов. Ты не против объяснить, как вы сможете организовать ее, не понававшись? И не пытайся мне рассказывать, будто вы все выглядите друг для друга на одно лицо.

— И думать нечего, — отмахнулся от такого предположения Йорик. — Видите ли, я порядком уверен, что к этому времени будет уйма людей, сытых по горло правлением Мугорка. Фактически, я даже ожидаю нескольких сбежавших от его правосудия. Если вы сможете доставить меня втихую обратно на материк, в джунгли к югу от деревни, мне думается, я смогу установить контакт с очень многими из них. У некоторых из них найдутся друзья, которые будут рады забыть о любых случайных встречах, какие у них могут произойти в лесу при сборе плодов, и слух, который вы желаете пустить в обращение, сможет перенестись в деревню, когда те друзья вернутся.

Туан кивнул.

— Он должен разнестись быстро. Но разве тебе не удалось бы проделать такое еще лучше, оставаясь в своей собственной стране?

Йорик покачал головой.

— Гориллы Мугорка гнались за мной по пятам. А теперь у него должно хватать других забот: он не забудет про меня и моих людей, но мы больше не будем для него самым главным. Кроме того, укрывшихся в лесу может оказаться вполне достаточно, чтобы ему не захотелось рисковать немногими действительно преданными ему отрядами в операциях по прочесыванию; будут слишком большие шансы, что они не вернутся обратно.

Король медленно кивнул.

— Надеюсь, что ты прав.

— И потом также, — добавил Йорик, — есть такая малость, что если б я остался, то и распространять-то было бы нечего. Честно говоря, я нуждался в союзниках.

— Ты их приобрел, если ты правдив, — тихо пообещал Туан.

Катарина, однако же, выглядела немного менее уверенной. Йорик это заметил.

— Конечно, правдив. В конце концов, если я предам вас и вы меня поймаете, то, надо полагать, подумаете о какой-нибудь виселице, для которой я буду отличным украшением.

— Ну что ты, — возразил Туан. — Мне придется построить новую лично для тебя, чтобы выдержать гармонию стиля.

— Я польщен, — усмехнулся Йорик. — Хотя скажу вам прямо, я не заслуживаю повешения на золотой цепи. На серебряной, может быть...

— А почему? Страшишься лепреконов?

Туан и Йорик, решил Род, поладили в общем-то чересчур уж быстро.

— Нужно еще обговорить такую мелочь, как слух, который ему полагается распустить, — напомнил он Туану.

Йорик пожал плечами.

— Что вы и ваша армия явились на самом деле всего лишь свергнуть Мугорка, не так ли? А не стирать в пыль всех местных граждан?

— Ты правильно понял.

— Но вы-то понимаете, — указал Йорик, — что им придется драться, пока они не узнают, что Мугорк схвачен, не так ли? Я имею в виду, если они перекинутся на вашу сторону, а победит он, то они могут оказаться в очень неудобном положении — не говоря уж об их женах и детях.

— Безусловно, — согласился Туан. — Нет, я надеюсь лишь на то, что когда они узнают о захвате Мугорка, то не будут долго раздумывать и сложат оружие.

— Мне представляется, что большинство из них будет слишком занято ликованием, чтобы думать о возмездии.

— Вот и хорошо. А теперь... — Туан нагнулся вперед, сверкая глазами. — Как нам устроить ловушку для Мугорка?

— Если мы желаем быстро закончить ту битву, —

объяснил Бром, — то не можем пробиваться к нему сквозь все войско звероловдей.

— А... теперь мы возвращаемся к моему первоначальному плану, — усмехнулся Йорик. — Я все дожидался, когда вы подойдете к разговору о вторжении. Поэтому что, понимаете, если вы вторгнетесь, забросив меня в джунгли за неделю-другую до операции, то, уверен, мы с моими ребятами сможем найти достаточно недовольных для объединения их в атакующие силы. И тогда, когда ваша армия атакует с фронта, я смогу привести своих горилл...

— Ты хочешь сказать, герильясов.

— И их тоже. Так или иначе, я смогу привести их через горы и к Высокой Пещере.

— К Высокой Пещере? — пахмурился Туап. — Что это такое?

— Всего лишь самая верхняя пещера в стене утесов. Когда мы впервые прибыли, то все разбили стан в пещерах, и Орел занял самую верхнюю, чтобы видеть цельную картину всего происходящего. Когда рядовые переехали в хижины, он остался там — и поэтому Мургорк обязательно переберется туда, использовать символ обладания ею для укрепления своей власти.

— Неплохое рассуждение, — прогромыхал Бром. — Но что если ты ошибся?

Йорик пожал плечами.

— Тогда мы будем продолжать поиски, пока не найдем его. Больших хлопот у нас возникнуть не должно; я сильно сомневаюсь, что он будет сражаться в первых рядах.

Улыбка Туана сделалась презрительной.

— Он — реальная сила, — продолжал Йорик, — но решающим фактором будет Коболд. Когда мы захватим идола, это действительно покажет войску, что война проиграна.

— И ты ожидаешь, что он тоже будет в Высокой Пещере, — продолжил его мысль Род.

— Ни капельки не сомневаюсь, — подтвердил Йорик. — Вы не видели эту штуку, милорд. Такую наверняка не захочешь держать у себя в столовой.

— Я почему-то ничуть не сомневаюсь в этом.

— И я, — согласился Туан. Он взглянул на жену и двух своих министров. — Значит, все согласны?

Они неохотно кивнули.

— Тогда решено, — хлопнул в ладоши Туан. — Ма-

стер Йорик, я немедленно отдам приказ торговому кораблю отвезти вас с вашими людьми в джунгли к югу от вашей деревни. А потом, когда все будет готово, к вам явится чародей сообщить день и час вторжения.

— Отлично! — с облегчением усмехнулся Йорик, а затем внезапно нахмурился. — Но минуточку. А как же ваш чародей нас найдет?

— Просто каждый вечер гляди несколько часов во все глаза на огонь и старайся очистить голову от мыслей, — объяснил Род, — и думай о чем-нибудь отвлеченном — о звуке хлопающей ладони или о чем-нибудь в этом роде, вновь и вновь. Чародей прилетит, настроясь на твой мозг.

Пораженный Йорик вскинул голову.

— Вы хотите сказать, что ваши телепаты способны прочесть наши мысли?

— В некотором роде, — признался Род. — По крайней мере, они способны определить, что вы в порядке и где вы находитесь.

Йорик с облегчением улыбнулся.

— Хорошо. Не удивительно, что вы знали, где будет следующая высадка налетчиков.

— После первого удара, да, — улыбнулся Род. — Конечно, мы не в состоянии понять ваш язык.

— Спасибо за намек, — поднял указательный палец Йорик. — Постараюсь ни в коем случае не думать по-английски.

Род не был уверен, что он сможет, но не сказал ему этого.

Йорик снова повернулся к королю и королеве.

— А теперь, если вы не против, Ваше Величество, то я пошел. — Он поклонился. — Я хотел бы передать своим людям, что пришло время выступать.

— Тогда действуй, — царственно разрешил Туан, — и уведоми своих людей, что они могут доверять нам столь же глубоко, как мы можем доверять им.

Йорик остановился у двери и оглянулся, подняв бровь.

— Вы уверены в этом?

Туан твердо кивнул.

Йорик снова усмехнулся.

— Думается, вы только что сказали больше, чем сами догадываетесь. Бог в помощь, Ваши Величества.

Он снова поклонился и открыл дверь; часовой проводил его в коридор.

Катарина первая испустила огромный вздох облегчения.

— Ну! Значит, решено. — Она поглядела на мужа. — Как мы узнаем, выполнит ли он главную часть сделки до вашей битвы?

— Ну, я был с ним не совсем откровенен, — признался Род. Он подошел к стене и поднял край gobelena. — Как ты думаешь, милая? Можем мы ему доверять?

Гвен кивнула, входя в помещение.

— Да, милорд. В его мыслях не было даже самого малого намека на двуличие.

— Он думал по-английски, — объяснил пораженным королю с королевой Род. — Приходилось; ведь он разговаривал с нами.

Лицо Туана расколола широкая усмешка.

— Так вот что ты подразумевал, когда говорил о «подслушивающих»!

— Ну не совсем. Но я в некотором роде думал о Гвен.

— Но разве он не мог под теми высказываемыми нам мыслями думать на своем родном языке? — допытывалась Катарина.

Гвен бросила на нее одобрительный взгляд. Род прочел его и согласился; хотя Катарина и имела склонность вспыскивать гневом, если ей упомянуть о ее же психических способностях, она явно неплохо продвинулась в применении их, раз дошла до представления о подспудных мыслях.

— Возможно, Ваше Величество, — согласилась Гвен. — Но под теми мыслями на его родном языке есть корневые мысли, порождающие слова, но сами по себе лишённые слов. Они просто нагие проблески дум, пока еще не облаченные в одежды слов. Даже там, настолько глубоко, насколько я смогла прочесть, не было никакого намека на измену.

— Но просто для гарантии мы отправим Тоби проверить его лагерь непосредственно перед вторжением, — объяснил Род. — Он достаточно умен, чтобы суметь проникнуть под маскировку из поверхностных мыслей, если такая будет.

Дверь открылась и вошел часовой, объявив:

— Сэр Мэрис просит аудиенции, Ваши Величества.

— Да, безусловно! — Туан в восторге повернулся челом к двери. — Возможно, он принес вести от сторожей,

оставленных в охранении и дальше для уверенности, что зверолоуды не повернут обратно, пытаюсь устроить нам последнюю неприятность. Разумеется,пусти его!

Часовой посторонился, и сенешаль, прихрамывая, вошел в палату, тяжело опираясь на свой посох, но с широкой усмешкой.

— Добро пожаловать, любезный сэр Мэрис! — воскликнул Туан. — Какие новости?

— Все произошло точно так, как вы думали, Ваше Величество. — Сэр Мэрис остановился перед Туаном отвести краткий поклон, а затем выпрямился, и усмешка его превратилась в оскал. — Три корабля завернули и попробовали заплыть в устье реки, текущей наискось от реки Флев.

— Их отразили? — В глазах Туана плясали огоньки.

— Да, мой государь! Наши лучники заповонили их корабли огнем, в то время как наши солдаты переброшили через реку тяжелую цепь. Когда же они заскребли о нее дщищем и обнаружили, что не могут дальше плыть, то попытались высадиться на берег; но наши ратники выставили перед ними ограду из алебард. Да, они бежали. — Он повернулся к Роду. — Мы благодарим вас, лорд Чародей, за вашу любезную помощь в том предприятии!

Пораженный Род уставился на него, а Гвен схватила его за руку и затаила дыхание; но сэр Мэрис круто повернулся обратно к королю, так и ликуя.

— Он, казалось, был повсюду, сперва на том берегу, потом на другом, среди лучников, а потом среди алебардщиков, везде побуждая их ко все более доблестным подвигам. Да, теперь они не поверят, что могут потерпеть поражение.

Гвен подняла голову, но Род стоял, приросши к месту.

— И все-таки, — нахмурясь, проговорил старый рыцарь, — почему вы поручили командовать мне? Если вы сами вели в бой солдат, Верховный Чародей, то вам бы следовало также и командовать!

— Но, — сказал Туан, поворачиваясь к Роду, — ты же все время был здесь, в Раннимиде, с нами, когда там отбивали этот набег!

— Я заметил, — прохрипел Род.

— Милорд, не все из случившегося здесь невозможно, — вздрогнула Гвен.

— О нет, все. Взять, например, тебя — крайне невероятно, что может даже существовать такая чудесная женщина, как ты. Но чтоб она не только могла существовать, но еще и влюбилась в кого-то вроде меня — ну, это решительно невозможно.

Гвен подарила ему лучистую улыбку.

— Ты всегда недооцениваешь себя, Род Гэллоуглас, и переоцениваешь меня — и таким образом заставляешь холодный мир превращаться для меня в теплый.

Против такого выражения ее глаз он устоять не мог; оно манило его все ближе и превратилось в длинный, глубокий поцелуй, пытавшийся увлечь его еще глубже. Но в конечном итоге Род вспомнил, что находится на палубе корабля и что экипаж несомненно смотрит. У него возникло искушение послать их всех к черту, но он вспомнил о лежавшей на нем ответственности и со вздохом сожаления оторвался от поцелуя.

— В последнее время мы занимались этим недостаточно часто.

— Я отлично это сознаю, милорд. — Гвен приковала его к месту сверкающим взглядом.

— А я-то думал, что это у пееандертальцев Дурной Глаз! — выдохнул Род и, повернувшись, твердо зацепил ее руку у себя на локте, направляясь на прогулку по палубе. — Но пока, однако, давай наслаждаться морским воздухом. В конце концов, чего-то более похожего на развлекательный круиз нам, вероятно, не видать никогда.

— Как скажешь, милорд, — смиренно согласилась она.

— Лишь бы ты не путала меня с моим доппельгангером, — поправился Род.

Гвен твердо покачала головой.

— Такого не может случиться ни на каком расстоянии меньше ста футов.

— Ну, надеюсь, так — но, кажется, довольно многие допустили-таки подобную ошибку.

— Они не настолько хорошо тебя знают, — промурлыкала Гвен. — Если они и видели тебя раньше, то лишь недолго и издали.

— Да, но есть некоторые, кому... ну, вот один та-

кой! — Род остановился рядом с фигурой в коричневой рясе, сидевшей на палубе скрестив ноги, прислонившись к поручням с налитым до половины чернильным рогом в левой руке, писавшей старательным округлым почерком в огромной книге с тонкими пергаментными листами. — Приветствую вас, брат Чайлд!

Пораженный монах поднял голову. А затем по лицу у него расплылась восторженная улыбка.

— Рад встрече, лорд Чародей! Я надеялся увидеть вас здесь!

Род пожал плечами.

— А где же еще мне быть? Это же королевский флагман. Но вы-то как сюда попали, брат Чайлд?

— Я капеллан, — просто ответил монах. — И желаю быть как можно ближе к королю и его советникам, насколько это в моих силах; ибо я стремлюсь как можно лучше записать все произошедшее в ходе сей войны.

— Значит, ваша хроника продвигается успешно? Насколько далеко в прошлое вы сумели копнуть?

— Да я, собственно, начал четыре года назад, когда умер старый король, и записывал все, что видел и слышал о происходившем с тех пор, сперва в царствование Катарины, а потом во время совместного царствования наших добрых короля и королевы. — Он просиял, глядя на них. — И все же при нынешнем столкновении мне посчастливилось оказаться в самой гуще почти с первых дней. Мой дневник будет точен, дабы люди, которым жить много столетий спустя, узнали, сколь превосходно проявили себя люди нашего нынешнего века.

— Благородная цель, — улыбнулся Род, хотя и без должного уважения, какое заслуживал такой проект. — Однако удостоверьтесь, что записанное вами точно, хорошо?

— Не бойтесь. Я просил рассказать о каждом событии нескольких человек, и таким образом, думается, нашел нечто близкое к истине. И все же по большей части я записывал только то, что видел сам.

Род одобрительно кивнул.

— Ничего не может быть лучше материала из первичных источников. Да будет успешен ваш труд, брат Чайлд.

— Благодарю вас, милорд.

И Род с Гвен пошли дальше вдоль палубы, тогда как монах снова склонился над своим дневником. Когда

они оказались за пределами слышимости, Род шепнул Гвен:

— Конечно, рассказы очевидцев не обязательно описывают случившееся в действительности. Людские воспоминания всегда бывают расцвечены тем, во что они хотят верить.

— Вполне допускаю это. — Гвен оглянулась на монаха. — И он так молод и переполнен юношескими идеалами! Несомненно, Катарина и Туан кажутся ему невозможно царственными и внушительными — а зверю люди бесконечно мерзкими и...

— Мама!

Гвен в удивлении отшатнулась, а затем расцвела лучистой улыбкой, когда поняла, что у нее на руках внезапно очутился младенец.

— Магнус, мой милый малютка! Значит, ты явился пожелать родителям счастливого плавания?

Глаза ее потемнели, когда ребенок кивнул, и Род догадался, о чем она думает — о том, что мама с папой могут и не вернуться домой к малышу. Ее требовалось отвлечь.

— Что это у него там — мячик?

Магнус держал тусклый серый сфероид, дюйма четыре в диаметре — и его поверхность внезапно зарыбилась. Род уставился во все глаза.

Гвен увидела выражение отвращения у него на лице и быстро сказала:

— Не волнуйся, милорд. Это всего-навсего ведьмин мох, с коим он несомненно играл.

— О. — Род хорошо знал эту субстанцию; она была разновидностью плесени, имевшей особое свойство откликаться на мысли проецирующих телепатов. Род сильно подозревал, что она внесла немалый вклад в развитие эльфов, вервольфов и других населявших грамарийский ландшафт сверхъестественных созданий. — Когда же он начал баловаться с...

Он оборвал фразу, потому что мячик в руке ребенка менялся — и Магнус в удивлении глядел на него во все глаза. Он вытянулся вверх, сплюснулся и уменьшился снизу, где разделился надвое на отрезок в половину своего роста, а по бокам отделились два кусочка. Верхушка сформировалась в шар поменьше, и форму фигуры начали определять вмятины и линии.

— Что он делает? — прошептала Гвен.

— Боюсь догадываться. — Но Род с болезненной уверенностью знал, чего ему предстоит увидеть.

И оказался прав, так как комок закончил свое преображение и взмахнул опасным на вид боевым топором, открывая щель рта и показывая клыки, которые сделали бы честь и саблезубому тигру. Обозначившиеся пороссячи глазки покраснели от безумной жажды крови, и он принялся неуклюже подыматься по руке Магнуса.

Ребенок пронзительно закричал и отшвырнул его от себя как можно дальше. Уродец приземлился на палубу, осев на один бок; но этот бок выпучился в прежнюю форму, когда он поднялся на ноги и заковылял по палубе, выискивая, чего бы разgrabить.

Магнус уткнулся головой в грудь Гвен, воя от ужаса.

— Вот, милый, он сгинул, — заверила его она, — или сейчас же сгинет — и, сузив глаза, обратила горящий взгляд на миниатюрного монстра. Он сделал один шаг, и нога у него превратилась в мякиш.

— Этот зверочеловек, — прошептал Род, — злая пародия на неандертальца.

Еще один шаг, и модель зверочеловека снова превратилась в мяч.

— Но ведь малыш не видел никаких сражений! — запротестовал Род. — Как же он смог...

— Милорд, — процедила сквозь зубы Гвен, — мох не сохранит свой вид, если я не буду принуждать его. Другой разум борется со мной за преобразование его.

— Тогда избавься от него — побыстрее! Кто его знает, еще найдет, чего доброго, себе подобную, и пойдут размножаться естественно!

— Готово, — отрезала Гвен.

Ведьмин мох превратился в такой гладкий шар, что так и сверкал, а потом рванул с палубы и устремился далеко-далеко, направляясь к горизонту.

Гвен снова переключила внимание на Магнуса.

— Вот, детка, вот! Ты в этом не виноват; это какой-то злой и бессердечный человек так переделал твой мячик, чтобы напугать малыша! — Она подняла взгляд на Рода со смертью в глазах. — Кто мог такое натворить?

— Не знаю, но выясню. — Род и сам испытывал желание кого-то покалечить. Он быстро окинул взглядом палубу, поглядел даже на снасти, пытаясь найти кого-то смотревшего на них — но в поле зрения находилось только двое матросов, и ни тот, ни другой даже не коснулись в их сторону.

Но брат Чайлд все еще что-то чирикал в своей книге.

Род уставился на него. Этого не могло быть. Но...

Он снова подошел к брату Чайлду, ступая легко, почти на цыпочках, и, вытянув шею, глянул через плечо монаха на записываемые им слова.

— «...они были огромными, — гласила рукопись, — со свисавшими до колен руками и упиравшимися им в самые подбородки клыками. Глаза у них были безумными красными точками, подобающими более свинье, нежели человеку, и светились они на голове, подобной шару, но слишком маленькой для столь великого тела. Единственным оружием им служил огромный и смертоносный топор, и они всегда рыскали с ним, ища, кого бы убить».

* * *

— Ты не понимаешь, чего просишь, — воскликнул Пак. — Я же всегда был создан для битвы, Род Гэллоглас! Ты хоть представляешь, какие возникают возможности поозорничать, когда люди воюют?

— Очень даже неплохо, — мрачно ответил Род. — Слушай, я знаю, как тяжело не лезть в бой — но ты должен думать о благе всего Грамария, а не только о собственных развлечениях.

— Кто сказал, будто я должен? — огрызнулся, свирепо нахмурившись, эльф.

— Я, — ответил Бром О'Берин; и Пак, бросив один лишь взгляд на чело своего государя, живо сник.

— Ну тогда, значит, должен, — вздохнул оп. — Но почему непременно я? Неужели нет никаких других эльфов, способных выполнить такую простую задачу?

— Нет, — отозвался с абсолютной уверенностью Род. — Она кажется простой только тебе. Мне приходят на ум лишь несколько других эльфов, которые, возможно, сумеют с ней справиться — но ты единственный, в ком я уверен.

Пак заметно надулся от самомнения.

— Ты единственный, — еще больше поднажал Род, — у кого хватит воображения и красноречия, чтобы вернуть это дело.

— Ты сделаешь это, — строго приказал Бром, — а не то ответишь передо мной, хобгоблин, когда закончится битва.

— А, ладно, сделаю, — вздохнул Пак, но также и приосанился. — Но все равно, Чародей, не понимаю, зачем монаху нужен кто-то, рассказывающий о происхождении, когда он сможет все увидеть собственными глазами.

— Вот это-то и есть самое первое, что тебе придется устроить, не так ли? Какой-нибудь способ сделать его ослепшим на протяжении битвы. Но ничего постоянно-го, — поспешно добавил Род, увидев, как заблестели у Пака глаза.

— Ладно уж, — вздохнул эльф, — да будет так. Мы погрузим его во мрак только на час-другой. Но какая с того польза, если я буду рассказывать ему, что происходит?

— Но ты не станешь этого делать, — возразил Род. — Тебе надо рассказывать ему то, чего не происходит.

— Чего-чего? — уставился на него Пак. — Я правильно расслышал? Мне надо говорить: «Нет, выше голову! Дождь не льет, а луна не светит! Солдаты не жмут дружески руки зверолодям, и не уступают ни пяди!» Что еще за глупости?

— Это не совсем то, что я хочу, — подавил улыбку Род. — Не надо так негативно, Пак. Думай об этом примерно в таком духе: «Наши храбрые, героические шеренги наступают, а смертоносная масса трусливых зверолодей бредет, спотыкаясь, к ним со злобой в глазах! Они ловят взгляды солдат, и наши молодцы застывают, пораженные Дурным Глазом! Но ведьмы с чародеями вырывают их из-под власти, и вперед выступает Верховный Чародей, сверкающий соперник на гигантском воропом скакуне, и призывает их в атаку! Вдохновленные его доблестью, наши мужественные солдаты набираются отваги; они издают гневный крик и атакуют врага!»

Пак завистливо посмотрел на него.

— Ты хочешь выделить свои собственные достоинства, не так ли?

— Ну да, когда это оправдано, — смутился Род. — А в данном случае это прямо-таки крайне важно. Иначе брат Чайлд не поверит тебе, Пак, и какого б еще эффекта ты не добился, ты должен заставить его поверить, что твой рассказ достоверен.

В стороне бухнул воздух, и перед ними очутился Тоби.

— Лорд Чародей, вы нужны на корме.

— С кормы? — поднял бровь Род в язвительном удивлении. — Далековато. Вот это да, Тоби, надеюсь не устал?

Юный чародей покраснел.

— Я знаю, лорд Чародей, вы предписываете нам не появляться и исчезать, и не летать, когда так же быстро можно дойти пешком...

— Абсолютно верно, предписываю. Это, я надеюсь, не скажется на вашей спортивной форме и характере. Кроме того, это зрелище может подействовать на необладающее пси-способностями большинство.

— Я забыл, — вздохнул Тоби. — Когда происходят столь великие события, такие дела кажутся маловажными.

— Вот потому-то и надо взять в привычку нормальное поведение. Но что за великое событие происходит сейчас?

— Я! — раздраженно воскликнул юный чародей. — Я только что вернулся из Звероландии, где известил мастера Йорика и его отряд о нашем прибытии! Не явишься ли ты послушать меня?

— О! — Род сорвался с табурета, чувствуя себя напыщенным идиотом. — Какой же я осел!

Пак вскинул голову и открыл рот.

— Это образное выражение, — быстро оговорил Род, — но точное. Ведь, я придираюсь к мелочам, когда ты только что выполнил опасное задание! Прими мои глубочайшие извинения, Тоби. Я рад видеть, что ты вернулся цел и невредим. И конечно, ты не можешь докладывать мне здесь, сперва тебе надо рассказать все там, где тебя сможет услышать король.

— Я не в обиде, милорд, — усмехнулся Тоби. Он подошел к двери и открыл ее. — И поскольку вы не в состоянии перенестись из одного места в другое, я буду сопровождать вас пешком.

— Я тоже, — проворчал Бром. — Мне надо услышать, каких успехов добилась эта ухмыляющаяся обезьяна.

Дверь за ними захлопнулась, оставив Пака бурчать свои ругательства в гордом одиночестве.

— Добро пожаловать, лорд Чародей, — негромко поздоровался Туан, когда дверь за ними закрылась. —

И вам тоже, лорд Бром. — Глаза у него сверкнули. — Итак! Можно нам услышать рассказ этого юноши?

Тоби оглядел горящие глаза, направленные на него со всех сторон, и внезапно стушевался. — Откуда... что мне рассказать?

— Все, что произошло, — предложил Род, — начиная с начала.

Тоби тяжело вздохнул.

— Ну, тогда так! Я прислушивался к мыслям зверолодей и почувствовал разум, звенящий пустотой. Это походило на звук хлопающей ладони, о котором сказал мне Верховный Чародей, и поэтому я подлетел туда, где он казался громче всего, и посмотрел вниз. Находился я далеко за деревней зверолодей, и ощущение их мыслей стало глуше; но теперь я почувствовал сгусток нескольких разумов, возможно около шестидесяти. И все же видел я лишь вершины деревьев.

Род кивнул.

— Они хорошо спрятались. Что потом?

— Я прислушался повнимательнее, пока хлопающий в ладоши разум не начал думать о других делах — и все же не появлялось никаких корневых мыслей об измене. Поэтому я подлетел к вершине дерева и спустился к ним так, чтобы поменьше напугать их.

Туан тонко улыбнулся.

— Понятно, это могло несколько уменьшить их напряженность — и все же не слишком сильно. Что же они сделали, увидев тебя?

— О, первый зашедший меня зверочеловек завопил и вскинул палицу, и я приготовился исчезнуть, но тут же поднял пустые руки, и он остановил свой удар, а затем кивнул налево. Я пошел туда, а он последовал за мной, хотя и с недоверием в глазах. Вот так я и пришел к мастеру Йорику.

— Где? — придвинулся к нему Род.

Удивленный Тоби поднял глаза.

— Он сидел у костра вместе с несколькими другими, лишь один среди многих, когда поднял голову и увидел меня. Тогда он встал, усмехнулся и подошел ко мне, подняв руку и отдавая честь.

Туан уловил смысл вопроса Рода.

— Ах вот как. Он сидел среди своих людей, как равный, не занимая особого или почетного места.

— Ничего подобного я не заметил. По правде говоря, вокруг того костра сидело много женщин и муж-

чин — и все же они считались с его мнением, уж это было ясно.

— Сколько их там было? — поинтересовался король.

— По меньшей мере, двадцать мужчин; и он заверил меня, что другие стояли в карауле, в то время как один эскадрон стерег опушку леса неподалеку от деревни. В его отряде, сказал он, сорок с лишним бойцов.

— А сколько там женщин и детей? — Катарина казалась обеспокоенной.

— Я лично увидел с дюжину женщин; у каждой было двое-трое детей.

— Проплетающая маленькая семейная группа, — улыбнулся Род. — Если мы не станем выметать Мугорка, Йорик заведет собственную деревню.

— Да, и со временем те две деревни сразились бы, — с иронией улыбнулся Туан. — Возможно, нам следовало бы держать своих ратников дома и предоставить нашим врагам убивать друг друга.

— Ты не можешь говорить такого всерьез! — вспыхнула Катарина.

— И не говорю, — вздохнул Туан, — ибо Йорик и его люди теперь наши союзники; и если Мугорк сразится с ним, то наверняка победит, поскольку у него тысячи бойцов. Нет, мы должны нанести удар, пока еще есть силы, способные помочь нам. Что он сказал о слухах, которые собирался посеять?

— Он сказал, что за минувшие несколько недель они изумительно разрослись, — усмехнулся Тоби. — В самом деле, мастер Йорик говорит так: «Их можно жать, вязать в снопы и собирать в гумно».

— Семена, выходит, упали на плодородную почву, — прогромыхал Бром.

Тоби кивнул.

— Мастер Йорик сказал: «Сейчас есть несколько сотен вдов там, где два месяца назад не было ни одной — и что дала пролитая кровь? Да ровным счетом ничего — кроме страха перед возмездием». Да, милорд, те люди были более чем готовы поверить, что возмездие будет направлено только на Коболда и его жреца Мугорка.

— А что с Высокой Пещерой? — прогромыхал Бром. — Нашел он признаки, что те, которых мы ищем, устроили себе логово там?

— Они там, — кивнул Тоби. — Явившиеся недавно согласны со сбежавшими два месяца назад — в Высокой Пещере Орла теперь обитает Коболд и его жрецы.

— Да — Орла. Что насчет него? — нахмурился Туан.

— Он живет неподалеку от них, но не с ними, — ответил Тоби, отвечая такой же нахмуренностью. — Время от времени Йорик ходит поговорить с ним.

— Бойтся? — допытывался Род.

— Не отряда Йорика. И все же он, кажется, думает, что Мугорк может заявиться на его поиски. Поэтому он не желает, чтобы преданные ему попались в возможно расставленную для него сеть.

— По-моему, параноидны не только неандертальцы, но и их предводитель — заметил Род, повернувшись в сторону Туана. — Ну, Ваше Величество, похоже, наши партизаны находятся в хорошей форме и определенно готовы выступить на нашей стороне.

— Я б предположил именно так. — Но Туан все еще глядел на Тоби. — Ты уверен, что в мыслях Йорика не было ни малейшего намека на измену?

Юпый чародей твердо покачал головой.

— Нет, мой государь — а я порылся. Возможно, в самой глубине его души что-то и сокрыто... но если так, то мне до нее не добраться.

— Может, и сокрыто, — сказал холодно Туан, — но если нет никаких признаков, мы были бы дураками, отвергнув их помощь.

— И все же, — указал Род, — мы должны быть готовыми к смене настроения в последнюю минуту.

— Безусловно, мы должны к тому подготовиться, — согласился Туан. — Давайте считать звероловцев верными, только когда выиграем битву.

— Что будет нелегко. — Род встал, хмурия брови. — На этот раз мы будем на родной территории звероловцев. Им не понадобится молния для придания добавочной мощи; она будет у них прямо там, под рукой.

— В самом деле, битва будет самая жестокая, — согласился Туан. — Ты уверен в помощи того древнего кудесника?

Род начал было отвечать, затем заколебался.

— Этого я и опасался, — вздохнул Туан.

Род невесело кивнул.

— Но если он однажды бросился спасать своего «сына», то почти наверняка бросится вновь.

— Ну, можно лишь выбрать самое удобное поле боя и сделать все, что в наших силах, — вздохнул Туан. — Ибо в конце концов ни в бою, ни в торговле, ни в люб-

ви, ни в жизни не бывает уверенности в исходе. Да поможет вам Бог, мои полководцы — и да встретимся мы вновь, когда взойдет солнце завтрашнего дня.

Деревня неандертальцев неровно дышала во сне, купаясь в лунном свете. Часовые на вершине утеса и в лодчонках устали до изнеможения, но совершенно не впадали в сон, так как Мугорк переполнил их страхом перед бешеными свирепыми плосколицыми, оказавшимися столь могучими, что сумели сбросить с себя воздействие Дурного Глаза. Каким еще могуществом они обладали? Скоро ли они обрушатся на злополучный народ, горя мстительной жаждой крови?

Но в противовес этим рассказам ходил слух, просочившийся теперь по всей деревне — что гнев плосколицых притушился; что Йорик уломал их и заставил понять, что это безумие с набегами и вторжением было делом рук одного Мугорка и что когда плосколицые явятся, то удовольствуются расправой с одним лишь Мугорком и его подручными. И конечно, с Коболдом.

Часовые содрогнулись. Что же это за народ — куцесники, смеющий бороться против бога?

Так вот и текли их мысли много часов, покуда луна медленно опускалась к горизонту, а затем ушла за него — и на страну опустилась темнота, которую освещали только звезды. Уставшие часовые начали впадать в сонливость. Ночь почти прошла; плосколицые не появились. Еще несколько часов, и они в безопасности...

Затем солдаты вздрогнули, уставясь на море. Что это за темные силуэты неслись к берегу, столь многочисленные, что казались темным пятном на поверхности моря? Часовые недоверчиво зажмурили глаза, замотали головами — но когда они снова посмотрели, приземистые, темные силуэты по-прежнему мчались к берегу. Наверняка это не могли быть плосколицые, нахлынувшие столь бесшумно...

Но темные силуэты врезались в берег, заскребли, оттапливая, о песок, и с их бортов посыпались десятки теней поменьше. Хоть это и казалось кошмаром, это был отнюдь не сон! Часовые подняли к губам сигнальные раковины и затрубили тревогу!

Неандертальцы кубарем высыпали из своих хижин,

натягивая шлемы, расхватывая секиры, заспанные, но быстро пробуждающиеся, перекликаясь на ходу.

Грамарийские солдаты построились в шеренгу и замаршировали к деревне.

Верховный Чародей ездил взад-вперед вдоль шеренг, предостерегая солдат:

— Пока не кричать! Помните, молчание! Чем больше шума подымут они, тем более жуткими покажемся мы.

Но зверолюди кое-как собрались в неровную шеренгу и, спотыкаясь, побрели к грамарийским солдатам, раздраженно издавая нестойкие боевые кличи.

— Давай! — проревел Род, и солдаты атаковали, грянув раздирающий уши крик в сотни глоток.

Шеренги с треском сошлись, и длинные алебарды нашли свои жертвы. Секиры перерубали им древки, но зверолюди погибали. Затем то тут, то там зверолюди начали ловить взгляды солдат, и грамарийская шеренга замедлила наступление, так как ее члены начали цепеть.

В каюте флагамена ведьмы и чародей сидели, образовав круг, взявшись за руки, уставясь в потолок.

Грамарийская шеренга снова набрала скорость, когда с разума солдат спала парализующая тьма.

Зверолюди неистово потянулись за мощью Кобольда.

Берег миновала вторая волна грамарийских солдат, и сквозь шеренгу просунулись новые алебарды. Первая волна отступила, оправляясь от воздействия Дурного Глаза.

— Мы высадились, лорд Чародей, — крикнул Туан, натягивая поводья рядом с Вексом. — Действуй как должен; мы с сэром Марисом позаботимся о наших ратниках.

— Премного благодарен, мой государь! — крикнул в ответ Род. Он пригнулся, распластавшись на спине Векса. — Давай, Стальной Скакун! Гони к тому низкому кустарнику!

Робот-конь пустился галопом, направляясь к кустам и невысоким деревьям на краю пляжа.

— Род, такая увертка едва ли нужна! Мои мысли пока даже не туманятся!

— На сей раз я беспокоюсь не из-за того, что с тобой случится приступ в разгар битвы.

— Тогда зачем же такое отступление? — Векс замедлил бег и остановился за ширмой кустарника.

— Ты только подожди немного и положишься на меня,

Род раздвинул кусты и посмотрел на берег. Битва бушевала вовсю. Но заботило его совсем не это. Он просканировал весь берег — а особенно кусты. Было очень темно. Грамарийские солдаты зажгли факелы, чтобы видеть врага. В их пылании, смутно освещавшем края берега, Род еле-еле сумел различить какую-то неясную аморфную массу, очень медленно набухавшую и становившуюся все больше — но он не был уверен наверняка.

Вторая волна солдат сражалась почти в самом лагере неандертальцев, прежде чем чистый рефлекс заставил отдельных зверолодей начать выискивать глаза одиночных противников. Мощь влилась в зверолодей, глаза их загорелись ярче. Грамарийская шеренга замедлила шаг и со скрежетом остановилась.

В каюте флагамена Агата и Гвен сжали руки ведьм, находившихся рядом, и закрыли глаза, склонив головы.

Алебарды, копыя и мечи медленно задвигались, набирая силу и парируя удары зверолодей.

Зверолоуды рубились истерически, в отчаянии, порожденном суеверным страхом — но также и беспорядочно, отбрасывая всякую защиту. Алебарды вонзались в них, трескали кости и хлестала кровь.

* * *

Спускаясь по трапу, брат Чайлд споткнулся, потерял равновесие и упал, растянувшись с испуганным воплем на песке.

Пак тихо рассмеялся, отшвырнул в сторону палку, просунутую им между ног монаха, и метнулся к нему, делая руками таинственные, символические жесты и читая нараспев себе под нос.

Коль же ослеплен, хронист, ты чрезмерным рвением, Света истины не зришь, полный самомнения.

Так побудь в темнице лжи, в строгом заключении
Посиди-ка ты часок, потерявши зреньё!

— Что... что случилось? — воскликнул, поднимаясь с песка брат Чайлд. Он огляделся, а затем зажмурился, помотал головой и снова открыл их. — Что! Ужели ночь сделалась столь темной? Ужели и вовсе нет никакого света? — Затем лицо его превратилось в маску

ужаса, когда до него дошла правда. — Я ослеп! Да простит меня небо — я лишился зрения!

— Ну-ну, приятель, — проворчал глухим гортанным голосом Пак, подходя ближе к брату Чайлду. — Что тебя мучает? А, да ты священник!

— О, добрый сэр! — замолотил вокруг себя руками брат Чайлд и, поймав плечо Пака, вцепился в него. — Пожалейте меня, ибо я поражен слепотой!

— Что же за грехи такие, — прогремыхал Пак, — если понадобилось применить столь жестокое наказание?

— Не могу сказать, — опустил голову брат Чайлд. — Возможно, гордыня — что я осмелился записывать все происходившее в ходе этой войны... — Он вскинул голову, уставясь незрячими глазами в пространство. — Битва! О, незнакомец, пожалей меня! Я столько месяцев трудился, внося в книгу каждое отдельное событие этой войны! Я не могу остаться без знания о заключительной битве! Останься и скажи, что ты видишь! Расскажи мне о ходе битвы

— Вообще-то мне следовало бы идти, — проворчал Пак, — помочь в уходе за другими ранеными!

— Значит, тебя ранили? — Брат Чайлд сделался вдруг самой заботливостью, вслепую шаря кругом. — Ну-ка, дай мне найти ее! Я перевяжу...

— Побереги свои хлопоты, — быстро осадил его Пак, — кровотечение уже прекратилось. И все же у меня, признаться, нет сейчас никакого занятия...

— Тогда останься, — взмолился брат Чайлд, — и скажи мне обо всем, что ты увидишь.

— Ну, так и быть, — вздохнул Пак. — Тогда сиди и слушай, ибо происходит вот что...

— Да благословит тебя небо! — воскликнул брат Чайлд.

Пак набрал побольше воздуха в легкие, вспоминая главный смысл инструкций Рода.

— Зверолюди и наши храбрые солдаты вытянулись в две противостоящие шеренги. Они сцепились, они сражаются; молотят секиры; взывают и опускаются алебарды. Воздух наполнен лязгом оружия и столами солдат и ржаньем лошадей... э, но это ты и сам слышишь.

— Да, но теперь я понимаю значение этих звуков! — Брат Чайлд снова вцепился в плечо Пака. — Но Верховный Чародей! Как там Верховный Чародей?

— Да вон он скачет, — воскликнул, показывая в

пустой воздух Пак. — Он выезжает вперед на огромном вороном коне, сильный и мужественный, с лицом, сияющим подобно солнцу! — Он усмехнулся в восторге от собственного остроумия. — Нет, руки его подобны сплетенным канатам, а плечи — могучий вал! Он так и сверкает в звездном свете, и его пронзительный взгляд устрашает всякого, кто видит его! Вот его солдаты бросаются расширить сделанную им брешь!

* * *

В кустарнике Род с опаской глядел на вздымающийся ком желеобразной массы. Он следил, как в ней сливаются меньшие комья плесени; вся масса изумительно выросла. Теперь она очень странно вспучивалась, тянулась вверх, все выше и выше, свертываясь в гигантский двойной ком. Тот выпустил псевдоподию, начавшую принимать вид лошадиной головы, а вершина сузилась спереди и сзади и расширилась в боках. С обеих сторон отделилось по куску, принимая форму рук; ком на вершине смоделировался в голову.

— Едва верю своим глазам, — прошипел Род.

— И я. — Голос Векса задрожал. — Я знаю о плесени под местным названием ведьмин мох и о ее связи с проецирующими телепатами — но никогда не подозревал ничего в таком масштабе.

Род тоже — ибо он глядел на самого себя. И к тому же на такого самого себя, каким всегда хотел быть — семи футов ростом, могучим, как Геракл, красивым, как Аполлон!

— *Terre et ciel!* * — проревела фигура, выхватывая меч размером с небольшую балку, и поскакала в бой на десятифутовом коне.

— Брат Чайлд, — вздохнул Род, — чертовски силен проецировать!

— Безусловно силен, — согласился Векс. — Ты действительно считаешь, что он об этом не знает?

— Вполне, — кивнул Род. — Неужели ты и в самом деле думаешь, что аббат выпустил бы его в мир, если бы знал, чем является брат Чайлд? — Он повернул голову Векса прочь от битвы. — Хватит с нас этого балагана. Он займет звероловдей — и всякий, кто будет меня высматривать, увидит меня.

* Земля и небо! (фрапц.).

— Такой, как Йорик? — пробормотал Векс.

— Или Орел. Или наши же солдаты, если разобраться — «мое» присутствие там бесспорно прибавит им смелости — особенно, когда у меня такой вид! — Он в некотором роде надеялся, что Гвен не доведется посмотреть на его доппельгангера вблизи; а то чего доброго навсегда перестанет удовлетворяться действительностью. — Теперь мы можем приступить к настоящей работе этой ночи... и к тому же будем совершенно неожиданными. К фасу утеса, Векс!

Робот-конь потрусил при свете звезд, зондируя кусты инфракрасным зрением.

— Неужели это действительно необходимо, Род? У Йорика наверняка адекватные силы.

— Может быть, — отозвался с жесткой улыбкой Род. — Но я хотел бы оказать ему небольшую поддержку, просто на всякий случай.

— Ты по-настоящему не доверяешь ему, не так ли? Род пожал плечами.

— Да. Как можно доверять тому, кто всегда так бодр и весел?

* * *

На берегу брат Чайлд вскричал:

— Почему ты умолк? Скажи мне!

Но пораженный Пак уставился во все глаза на мчащегося галопом в сечу гигантского блистающего Рода Гэллоугласа.

— Верховный Чародей! — трещал брат Чайлд. — Верховный Чародей! Скажи мне, что он делает?

— Да он... он действует отлично, — запинаясь ответил Пак. — В самом деле преотлично.

— Значит, он ведет солдат к победе?

— Да... ну-ка, погодите! — нахмурился Пак. — Солдаты начинают двигаться медленнее!

— Дурной Глаз! — простонал брат Чайлд. — И та жестокая сила, что подкрепляет его!

Так оно, похоже, и было. Солдаты практически остановились. Зверолюди на миг недоверчиво уставились на них, а затем закричали (больше от облегчения, чем от жажды крови) и принялись рубить.

В каюте ведьм молодежь скривилась от боли, сгорбившись под напряжением, когда огромная черная амеба попыталась окутать собой их разом.

Род с Вексом поднялись галопом по ступеням скальных карнизов, ведущих к Высокой Пещере, и обнаружили там поджидавшего Брома.

Род натянул поводья и, нахмурился, поднял взгляд на карлика, стоявшего на скальном выступе чуть выше головы Рода.

— Не ожидал найти здесь тебя, Бром. Хотя и рад этому.

— Должен же кто-то позаботиться, чтобы ты в горячке этого часа не свалил дурака в управлении государством, — проворчал карлик. — Мне не понять, почему ты не положишься на самих союзников-зверолюдей; но если ты должен сражаться вместе с ними против Коболда и, возможно, против них, когда будет разбит Коболд, то я буду сражаться рядом с тобой.

— Я благодарен, — нахмурился Род. — Но что это за разговоры о разгроме Коболда? Он же всего лишь деревянный идол, не так ли?

— И я так думал, пока не явился сюда, — проворчал Бром. — Но в этом склоне таится громадная и жестокая магия — магия смертная. Мугорк слишком слабый человек для глубин такой злой магии, или же я крайне ошибся в нем. Я ощущаю это глубоко внутри, и...

Впереди них в пещере раздался крик, а затем лязг стали и хаотические завывания.

— Началось, — оборвал Брома Род. — Поехали.

Векс рванул галопом, тогда как Бром взвился в воздух и приземлился на крупе коня. Род выхватил меч.

Они въехали в огромную пещеру более ста футов глубиной и, наверно, семидесяти в ширину, обложенную сверкающим известняком, с колоннами из соединившихся сталактитов и сталагмитов и заполненную тусклым сверхъестественным светом.

На полу лежало трое неандертальцев с хлещущей из горла кровью.

По всей пещере боролись сцепившиеся пары неандертальцев.

Но ничего этого Род не увидел. Его взгляд, так же как и взгляд Брома, устремился к помосту в противоположном конце пещеры.

Там, на своего рода каменном троне, сидело громадноголовое, толстобрюхое существо с обезьяньей мордой, впалым лбом и выпуклым черепом. Конечности его ссох-

лись, живот вспучился, словно от голода. Оно было безволосым и нагим за исключением каймы волосков вдоль нижней челюсти. Глаза его горели ярким лихорадочным маниакальным огнем, а изо рта текла слюна.

От его лысой макушки тянулись два тонких кабеля к черному ящику на полу рядом с ним.

Слюна капала из лишенного подбородка рта на редкую бороду.

Позади него возвышались три металлических пульта с клавишами и рубильниками, вспышками разноцветных лампочек и черным зияющим дверным проемом.

У ног его напрягались, сцепившись в бою, Йорик и невысокий тощий неандерталец.

Взгляд идола метнулся в глаза Рода, и в его мозг вонзились сосульки. Взгляд чудовищного создания переметнулся на Брома, а затем обратно на Рода. Бром задвигался медленно, словно заржавевшая машина, и взгляд Коболда снова переметнулся на него. Бром снова двинулся, еще медленнее.

Челюсти Коболда сжались, между глаз появилась морщина.

Бром застыл.

* * *

В каюте ведьм воздух, казалось, сгустился рядом с Агатой, подобно жаркому мареву, которое начало светиться.

Одна молодая ведьма обмякла и упала без сознания на пол. За ней последовал в отключку четырнадцатилетний чародей, потом пятнадцатилетний. Спустя несколько мгновений к ним присоединилась семнадцатилетняя ведьма, а потом юный чародей лет двадцати с небольшим.

Один за другим юные пси падали без сознания.

Агата и Гвен схватили руки друг друга, склонив головы, напрягши до окоченения все мускулы тела, сжав руки так плотно, что побелели костяшки пальцев.

Затем Гвен начала покачиваться, сперва лишь на сантиметр-другой, затем все больше и больше, пока внезапно все ее тело не обмякло и она не упала.

Агата выронила руки Гвен, стиснула кулаки, чело ее сжалось в гранитную маску, а из уголка рта потекла струйка крови.

Жаркое марево над ней посветлело из красного в жел-

тое. Потом желтизна стала делаться все светлее и светлее.

Каюту сотряс порыв глухо бухнувшего воздуха, и перед Агатой предстал стоящий на коленях Гален. Он стиснул ее кулаки, и плечи его приподнялись, сопротивляясь какой-то огромной, невидимой тяжести. Он опустил голову, плотно закрыв глаза, все его лицо скривилось от страшной боли.

* * *

Солдаты на берегу снова задвигались, сперва медленно, затем все быстрее и быстрее, уворачиваясь от ударов секир и отвечая выпадами алебард.

Зверолюди в страхе завывали, но продолжали сражаться.

* * *

А в Высокой Пещере царило безмолвие, словно в каком-то фантастическом Зале Ужасов музея восковых фигур. Иной раз раздавался стон или крикание, вырывавшиеся у сошедшихся в рукопашном бою неандертальцев, сисящихся одолеть друг друга.

Род и Бром стояли, застыв под навесными на них сверкающими, злобными глазами Коболда, державшего свою застывшую добычу в состоянии живых трупов.

В глазах Рода светилась мука. Со лба у него покати-лась капля пота.

Безмолвие распростерлось в мерцающем, призрачном сверхъестественном свете.

На берегу солдаты снова постепенно притормозили до стасиса, мускулы их сковало камнем.

Неандертальцы заревели и замахали секирами, словно косами, кося грамариийские ряды с победной песней.

В каюте Гален низко нагнулся, сопротивляясь черной тяжести, сжимавшей, стискивавшей его мозг. Другая душа все еще находилась с ним, доблестно сражаясь, противясь вместе с ним темной туче.

А в Высокой Пещере царило безмолвие.

Воздух разорвал радостный смех, и на плечах Рода появился вертящийся ребенок, оседлавший ему шею, вцепившийся ручонками в волосы и барабанивший пяточками по ключицам:

— Лосадка! Но! Но, посла!

Взгляд Коболда сфокусировался на мальчике.

Пораженный Магнус поднял голову и на миг уставился на создание, а затем метнул взгляд на застывшего отца. В выражении лица мальчика начал проступать ужас; но еще быстрее лицо его потемнело от жаркого возмущенного гнева. Он сжал отцовские виски и прожег чудовище ответным взглядом.

Род содрогнулся, шея его резко распрямилась, когда с его разума сорвали темную мантию.

Он отвел взгляд от Коболда, увидел, как Мугорк и Йорик сцепились, тужась в объятиях ненависти.

Род кинулся вперед, увертываясь и уклоняясь от пар неподвижных неандертальцев, и прыгнул. Ребро его ладони со свистом рубануло Мугорка по шее. Тощий тиран одеревенел, разинув рот, и обмяк в объятиях Йорика.

Йорик выронил ослабшее тело и ринулся к черному ящику, хлопнув по кнопке.

Глаза Коболда медленно потускнели.

* * *

Тело Галена дернулось назад и вверх.

Руки его все еще сжимали кулаки Агаты.

На какой-то миг их разумы полностью слились, пункт за пунктом — ид, эго и сознание — обе души раскрылись нараспашку, когда исчезло бремя, которому они противились, став открытыми и уязвимыми до самого нутра. Один длительный, опаляющий душу миг они стояли на коленях, уставясь глубоко в глаза друг другу.

Затем этот миг прошел. Гален с трудом поднялся на ноги, по-прежнему уставясь на Агату, но в глазах его отразился страх.

Она подняла на него взгляд, губы ее медленно изогнулись, чуть приоткрылись, веки потупились.

Он в шоке уставился на нее. Затем грянул гром, и он пропал.

Она с ленивой уверенной улыбкой глядела на занимаемое им прежде место.

Затем в голове у нее раздался крик радости и торжества. Взгляд ее метнулся вверх и в последний раз узрел жаркое марево, прежде чем оно исчезло.

* * *

На берегу грамариийские солдаты конвульсивно дернулись и полностью ожили, увидели вокруг себя резню, ис-

калеченные останки соратников и подняли крик, выражавший стремление учинить кровавую бойню.

Но воздух пронзил вой, приковавший к месту даже солдат. Они уставились, глядя как зверочеловек в переднем ряду бросил секиру и щит и упал на колени, что-то воя и лопоча своим товарищам. Те застонали, раскачиваясь из стороны в сторону. А затем с грохотом, словно от рухнувших доспехов, секиры и щиты градом посыпались наземь, превращаясь в груды высотой по пояс.

А затем зверолоуды попадали на колени, подняв пустые руки вверх.

Некоторые из солдат зарычали и подняли алебарды, но Туан рывкнул приказ, и рыцари повторили его, а потом его проревели сержанты. Солдаты неохотно опустили оружие.

— Что случилось? — недоумевал сэр Мэрис.

— Мне кажется, что произошло какое-то событие, — ответил пониженным голосом Туап, — возможно, как-то связанное с тем жестоким грузом, снятым с наших душ.

— Но почему они не дрались насмерть?

— За это мы, вероятно, можем поблагодарить слух, распущенный мастером Йориком. — Туап расправил плечи. — И все же, попросив его распространить такое известие, мы, по существу, заключили договор с ним и со всем его народом. Прикажите ратникам собрать оружие, сэр Мэрис — но позаботьтесь, чтобы ни один волос не упал с головы любого зверочеловека! — и развернул коня.

— Будет исполнено, — неохотно проворчал старый рыцарь. — Но куда вы едете, мой государь?

— К Высокой Пещере, — мрачно уведомил его Туан, — ибо я несколько не сомневаюсь в том, что там произошло.

* * *

Копыта Векса поднялись, вмазав неандертальцу по затылку. Зверочеловек обмяк.

Род схватил двоих зверолоудей за шкирки, рывком развел их в стороны и стукнул головами друг о друга. Он повернулся, дав им упасть, и увидел, как воздух рассекала пара камней, дав по мозгам еще двоим зверолоудям.

— Пятна! — закричал Магнус и, когда неандертальцы упали, прокурлыкал: — Сапавная игла!

Род подавил содрогание и повернулся, как раз вовремя чтобы увидеть, как Бром рванул зверочеловека за го-

лени. Неандерталец рухнул, словно забитый бычок, и Бром тюкнул его по голове рукоятью ножа.

Но зверолоуди в сражающихся парах были из разных армий, и Бром угадал неверно. Другая половина пары зарычала и бросилась на него.

Карлик схватил противника за руку и резко потянул на себя. Зверочеловек согнулся пополам, трахнувшись головой о каменный пол.

— Неплохая работа, — одобрительно крикнул Род. — Вот потому-то я и накаутировал обе половинки всякой пары. Отделить друзей от врагов мы можем и позже.

Йорик закончил связывать Мугорка, словно тушеное мясо, и повернулся вступить в бой, но как раз когда он это сделал, Векс, пригвоздил последнего зверочеловека.

— У-у! Вечно я упускаю самое забавное!

Род огляделся в огромной пещере и увидел, что в ней не осталось ничего стоящего, за исключением его самого, Брома, Векса, Йорика и Магнуса. Хотя Магнус на самом-то деле, собственно говоря, не стоял; он парил над лежащим без сознания зверочеловеком, лепеча:

— Спит?

— Эй, мы победили! — Йорик, вытянув руку, обошел инертное тело Мугорка и продолжил обход, сворачивая все дальше и дальше ко входу в пещеру, пока шел к Роду. Внезапно Род сообразил, что Йорик отводит его взгляд от глубины пещеры. И резко развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как черный дверной проем семь футов на три позади чудовища засветился, ожив. Свет его показал невысокого искривленного человека. Ниже шеи он походил с виду на карикатуру на Ричарда III — изумительно сухопарое тело с горбатой спиной, высохшей рукой, укороченной ногой — и настолько худое, что казалось почти хилым.

Но голова!

Он приковывал внимание, внушал повиновение. Голубые как лед глаза пронзили Рода ответным взглядом из-под кустистых седых бровей. Над ними подымался высокий, широкий лоб, увенчанный гривой седых волос. Лицо представляло собой сплошные неровности и углы с лезвием носа посередине. Это было продолговатое лицо с острыми чертами, лицо ястреба...

Лицо орла.

Род уставился на него, наэлектризованный, когда фигура начала меркнуть, таять. Как раз когда она стала

прозрачной, уголки рта загнулись кверху в сардонической улыбке, и фигурка подняла руку, отдавая честь.

А затем пропала, и «дверной проем» потемнел.

— Впечатляет, не правда ли? — пробормотал позади него Йорик.

Род, моргая, медленно повернулся.

— Да, действительно. Очень. — Он еще с миг пристально смотрел на Йорика, а затем снова повернулся к «дверному проему». — Машина времени?

— Конечно.

Род повернулся обратно.

— Кто он? Только не говори мне, что Орел. Это вполне очевидно.

— Там, в лаборатории времени, мы зовем его Док Энгус, — предложил иной ответ Йорик. — Хотя ты не мог слышать о нем. На этот счет мы очень осторожны. Официально он числит на своем счету оханку мелких патентов, но крупные вещи он хранит в тайне. Те попросту обладали чересчур большим вредоносным потенциалом.

— Такие, как машина времени?

Йорик кивнул.

— Ее изобрел он.

— Значит, — Род с трудом подыскивал слова, — анархисты... тоталитаристы...

— Они украли схему, — горестно покачал головой Йорик. — А мы-то считали свою систему безопасности такой надежной! Прodelали это они на самом-то деле довольно находчиво... — Тут он увидел выражение лица Рода и умолк. — Ну, как-нибудь в другой раз, может быть. Но стоит сказать, что Док Энгус взбесился на них — по-настоящему взбесился.

— И поэтому решил бороться с ними везде, где только может?

Йорик кивнул.

— В стотысячном до н. э., в миллионном до н. э., в миллионном н. э. — называй любую дату.

— Для этого, конечно, потребовалась немалая организация.

— Разумеется — и поэтому он создал ее и нашел способы сделать ее самофинансируемой.

— И если он борется с анархистами и тоталитаристами из будущего, — медленно произнес Род, — то он тогда, выходит, на нашей стороне.

Йорик кивнул.

Род в изумлении покачал головой.

— Ну и ну, вот это называется держать зуб на кого-то!

— Злость, — негромко рассмеялся Йорик. — На самом-то деле именно так и называется его организация — ЗЛОСТ, и означает это — Защита Личноправовая, Особенно Самостоятельных Творцов с патентами.

Род нахмурился. Затем пришло понимание и нахмуренность превратилась в кислую улыбку.

— Я думал, ты сказал, что он не запатентовал машину времени.

— Это лишь еще больше взбесило его. Схема принадлежала ему, и им следовало б уважать его права. Но эти... даже не уплатили ему за право пользоваться изобретением! Поэтому он собрал нас воедино защищать патентные права, особенно его, вверх и вниз по всей линии времени — а демократия охраняет права личности лучше любой другой формы правления, в том числе и патентные права, поэтому..

— Поэтому он и поддерживает нас. Но как это увязывается с несколькими тысячами псионичных неандертальцев, скачущих по нашей плапете?

Смущенный Йорик дернул себя за мочку уха.

— Ну, всему этому полагалось протекать совсем не так...

— Ты не против объяснить мне, как же ему полагалось протекать? — Голос Рода сделался опасно мягким.

— Ну, все началось с тоталитаристов...

Род нахмурился.

— Как?

— С помощью тектогенетики. — Йорик показал большим пальцем через плечо на Коболда. — Возможно, ты заметил, что они в ней порядком поднаторели. Будущее создало кое-какие классные устройства для генной инженерии.

Род кивнул, по-прежнему хмурясь.

— Ладно, готов поверить. Ну и что же они наинженерили?

— Неандертальцев с Дурным Глазом, — усмехнулся Йорик. — Они сварганили породу мутантных проецирующих телепатов и внедрили их по всей Земле. Рассчитывали, что они размножатся естественным путем и станут господствовать в любом обществе, в каком только они окажутся — фактически полностью захватят власть в свои руки. Положение тоталитаристов будущего сильно облегчилось бы, если б они сумели помешать демократии вообще когда-либо возникнуть.

Род содрогнулся.

— Безусловно, облегчилось бы. — Перед глазами у него промелькнуло видение того, как человечество развивается и продвигается вперед по длинному пути истории, всегда скованное волей сменяющих друг друга групп тиранов. — Как я понимаю, они генетически отличны от других неандертальцев.

Йорик кивнул.

— Скрещивание с обычными дает лишь бесплодное потомство. Поэтому они бы оставались меньшинством и не посмели бы ослаблять узду из страха быть стертыми в пыль не-пси.

Род начал понимать, что человечество побывало на волоске от катастрофы.

— Но вы сумели изловить их всех.

Йорик кивнул.

— Изловили их и сумели убедить все мелкие группы проецирующих собраться вместе. Тоталитаристы допустили ошибку, попросту дав сделать свое дело природе; они оставили их без надзора.

— Чего вы, конечно, не повторили.

— Ну, мы думали, что следим внимательно. — Йорик, казалось, смутился. — Но однажды ночью тоталитаристы сбросили на нас несколько штурмовиков, перебили большинство из отряда ЗЛОСТ и прогнали остальных, а потом установили машину времени и перегнали всех неандертальцев на Грамарий.

У Рода расширились глаза.

— Теперь все начинает обретать смысл. Каких действий они ждали от звероловдей — немедленного захвата власти?

— Уверен, что именно его. По крайней мере, к тому времени, когда мы сумели снова найти их, они бегали в рогатых шлемах и говорили об уходе в викинги — и мне кажется, они не сами до этого додумались.

— Поэтому вы вдарили по силам тоталитаристов всеми имеющимися у вас средствами и снова похитили своих неандертальцев. Но почему вы не могли забрать их в какое-то другое место?

— Пожалейте бедных людей, милорд! Вы б хотели, чтоб они провели всю свою жизнь, служа шариками в космическом теннисе? Нет, мы сочли, что лучше будет разрешить им остаться и попробовать держать их под защитой. Мы выставили сильную охрану — но забыли про просачивание.

— Мугорк. — Род скривился. — Значит, он не настоящий неандерталец.

— О, он подлинный экземпляр, спору нет — точно так же, как и я!

Род уставился на Йорика. А затем медленно кивнул.

— Понимаю. Они «усыновили» его в раннем детстве и вырастили из него агента.

Йорик кивнул.

— План с дальним прицелом, но он окупился. Когда масло подлили в огонь, мы ничего не могли тут поделать. Приходилось либо перебить народ, который мы пытались сделать цивилизованным, либо бежать — и поэтому мы бежали. — На мгновение он сделался несчастным. — Сожалею, что мы оплошали.

Род вздохнул.

— Ну, полагаю, теперь мы мало чего можем с этим поделать.

— Да, в самом деле, — ответил Йорик. — Боюсь, что теперь вам от них не отвязаться.

Это был идеальный момент для въезда в пещеру Туана.

Он бросил единственный взгляд на Кобольда и резко потянул поводья, застыв на месте — только на миг, конечно; чудовище было отключено. Но такое зрелище заставило бы остановиться всякого.

Позади него зацокали сандалии и копыта, и брат Чайлд круто затормозил, уставясь, парализованный, на чудовище.

— Мой государь... что...

Туан, нахмуясь, обернулся к нему, а затем мельком уловил, что находилось за спиной монаха. И посмотрел вновь, уставясь во все глаза,

— Лорд Чародей!

Род, нахмуясь, обернулся.

— Да?

— Но как же ты... — Туан снова повернулся к нему, и у него стали отчетливо видны белки глаз. — Но ты же даже сейчас был...

Он резко развернулся, уставясь мимо брата Чайлда.

Род посмотрел в ту же сторону и увидел...

Себя.

Гигантского себя верхом на громадном коне; красивого себя с телосложением древнегреческой статуи.

Брат Чайлд уставился на двойника, затем стремительно повернулся к Роду, потом опять к двойнику и

опять к Роду — и двойник начал уменьшаться, конь стал съеживаться, лицо доппельгангера сделалось более невзрачным, черты его стали менее правильными, мускулы менее фантастическими — и Род оказался лицом к лицу с точным дубликатом самого себя.

Взгляд брата Чайлда по-прежнему метался взад-вперед с одного на другого, как метроном.

— Но что... как...

— Твоими стараниями, — прогромыхал у него за спиной Бром. — Именно ты создал этого двойника, чернец, хотя и не ведал того.

Брат Чайлд вздохнул, глаза у него закатились, а колени подвернулись. Он рухнул в глубокий обморок.

— Он с этим справится, — заверил присутствующих Род.

— А твой двойник — нет, — фыркнул Бром, наблюдая, как дубль потерял четкость, обмяк и растекся в огромную кучу плесени.

Дубинка из резиновой губки стукнула Рода по шее, и детский голосок капризно потребовал:

— Но!

Род усмехнулся, поднял руку и снял сына с плеча.

Глаза Магнуса округлились и расширились; на лице у него отразились дурные предчувствия.

— Салун?

— Только не в этот раз. — Род из всех сил старался выглядеть суровым, но не сумел. — Нет, молодец. Может, и по случайности, но все равно молодец. — Но пощекотал Магнусу живот, и малыш залился смехом и завертелся. — Но сейчас папа занят, и у него есть для тебя дело.

Магнус вскинул голову.

— Малис помочь!

— Хорошо. — Род показал на кучу ведьмина мха. — Убери мне ее, ладно?

Малыш посмотрел на кучу, нахмутив лицо и усиленно сосредоточившись. Плесень начала дергаться, вздыматься; она разделилась на пятьдесят или шестьдесят фрагментов, каждый из которых вытянулся вверх, отравив руки и ноги, шлемы, щиты и доспехи — и армия игрушечных рыцарей застыла в ожидании по стойке «смирно».

— Класота! — чирикнул Магнус и уплыл из рук Рода. — Малс!

И полетел к выходу, выкрикивая зачастую непонят-

ные команды, в то время, как его новая игрушечная армия маршировала перед ним, выходя из пещеры и спускаясь по карнизу.

Помело спикировало во вход как раз перед тем, как Магнус покинул его, и протянувшаяся рука твердо увлекла его к бедру.

— Ты куда же собрался, мой маленький?

— Мама! — в восторге закричал Магнус и обхватил ее ручонками за шею.

Рядом с помелом Гвен появилось, покачиваясь, другое. Агата бросила на пару короткий улыбающийся взгляд, а затем зашла на посадку.

— Приветствую вас, достопочтенная дама! — окликнул ее Туан. — Все ли ваши ведьмы живы-здоровы?

— Все, — согласилась Агата, ковыляя вперед. — Но, впрочем, я уверена, это вам мог сообщить и Верховный Чародей.

Туан бросил вопросительный взгляд на Рода, и тот кивнул.

— Как вы понимаете, я на самом-то деле не знаю — но когда мысленный туман развеялся в третий раз, я стал порядком уверен в этом. — Он повернулся к Агате. — А как твой сын?

— Исчез, — доложила Агата, — и с радостью, ибо когда тот нечестивый груз спал с наших душ, мысли Галена полностью слились с моими, и из их сочетания Гарольд сумел извлечь все, что ему требовалось. Он устремился домой пробудить свое тело.

Род поглядел на нее, сузив глаза.

— Ты не очень-то похожа на убитую горем.

— Так оно и есть. — Глаза ее блеснули. — Теперь я как следует узнала старого упрянца; я заглянула ему глубоко в душу и знаю, что он прячет.

Род озадаченно нахмурился.

— И этого хватает, чтобы сделать тебя счастливой?

— Да, ибо теперь я истинно вторгнусь в его Башню.

— Но он же снова выбросит тебя вон!

— Не думаю. — Улыбка Агаты расширилась, переходя в ухмылку. — По-моему, он не станет.

Род на долгий миг уставился на нее, а затем пожал плечами.

— Должно быть, ты знаешь что-то, чего не знаю я.

— Да. — Гвен с улыбкой встретилась взглядом с Агатой и сдержала смех. — Думаю, она знает.

— Тогда да поможет вам Бог. — Туан склонил голову.

в сторону Агаты. — И да отправится с вами благодарность королевства. Если вы через несколько недель придёте в Раннимид, мы встретим вас с подобающим почетом.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — отвечала Агата, — но надеюсь, что я буду слишком занята для такой поездки.

Туан в удивлении вскинул брови, но Агата лишь сделала реверанс, хотя и неловкий, и щёлкнула пальцами. Ее помело стрелой подлетело к ней, она вскочила на него верхом и взмыла в воздух.

— Милорды, обнажите головы! — скомандовал Туан совершенно без надобности, поскольку ни один из присутствовавших мужчин не носил шляпы. Но они все послушно прижали в знак уважения руку к сердцу, следя, как ведьма-ветеран проплывает к выходу из пещеры и уносится в ночь.

Род озабоченно повернулся к Гвен.

— Лететь-то ведь далековато, до самого острова — да к тому же после всей этой изматывающей битвы! С ней будет все в порядке?

— Не бойся, милорд, — успокоила его с тайной улыбкой Гвен. — По-моему, у нее все будет превосходно.

Род, нахмурясь, посмотрел на нее, гадая, не упустил ли он чего.

А затем вздохнул и отвернулся.

— А, ладно, вернемся к последствиям. Как, по-вашему, мой государь, что нам следует сделать с братом Чайлдом?

Туан пожал плечами.

— Позаботиться о нем, когда он очнется; что тут еще поделаешь? Но почему на него так подействовал вид твоего двойника? — Он содрогнулся. — И если уж о том зашла речь, кто создал его?

— Он, — ответил Род. — Он очень мощный проецирующий телепат, но не знает об этом. И он очень внимательно следит за битвами, стараясь запомнить все происходящее. Но он не тренированный наблюдатель, и поэтому постоянно путал то, что он действительно видел, с тем, что ему хотелось увидеть — а больше всего на свете ему хотелось увидеть, как Верховный Чародей совершает чудеса доблести. — У Рода хватило приличия покраснеть. — Боюсь, что он свалился с тяжелым заболеванием преклонения перед героем.

— Я сообразил, — сухо произнес Туан.

— Ну, не совсем. В этой последней битве мы воспользовались бедным юношей. Я убедил Пака временно ослепить брата Чайлда и описывать ему Верховного Чародея именно таким, каким хотел его видеть брат Чайлд — больше натуральной величины, невозможно идеального. Бедняга полностью попался и, сам того не ведая, создал из ведьмина мха Верховного Чародея, помогавшего войскам сохранять смелость и заставившего всех думать, будто я нахожусь здесь, внизу, и таким образом мой визит в Высокую Пещеру смог оказаться совершенно неожиданным. Хотя большой пользы это не принесло, — ответил он, взглянув на Коболда.

— Да — чудовище, — проследил за его взглядом Туан. — Мы должны избавиться от него, не так ли?

Вся компания повернулась и уставилась на ложного бога.

— Что это за свирепое создание? — выдохнул Туан.

— Коболд, — проворчал Род с лицом, искривившимся от отвращения и тошноты. — Разве нужно ему какое-то другое имя?

— Для нас с тобой — да, — проворчал Йорик. — Как по-нашему, чем оно было, лорд Чародей? Шимпанзе?

— Его родители, пожалуй. — Род отвернулся. — Я не вижу заметных следов хирургических шрамов и поэтому весьма уверен насчет них; но нормальная порода могла быть немало поколений назад. Его явно генетически перестроили; только так можно вывести подобное чудовище. — Он снова повернулся к Коболду. — Конечно, полагаю, его можно назвать шедевром тектогенетики. Ему подремонтировали хромосомы для превращения бедного животного в конвертер — он подпитывается током, полагаю, постоянным, и выдает псионическую энергию.

Он уронил взгляд на черный ящик, а затем вопросительно посмотрел на Йорика.

Неандерталец кивнул, слегка толкнув ногой черный ящик.

— Батарея атомной энергии. Желал бы я придумать, как отключить эту тварь на веки вечные.

— Ты хочешь сказать, что он может заработать вновь?

— Если никто не щелкнет выключателем — нет. — Йорик осторожно посмотрел на монстра. — И все же было б куда приятней, если б такое стало невозможным. — Он чуть склонил голову набок, прищурясь и окидывая взглядом Коболда. — Полагаю, он является-таки триумфом гениной инженерии, если посмотреть на него нужным

образом. Этот выпуклый череп способен справиться с чертовски большой массой энергии. И никаких лобных долей мозга, ты заметил это? Лоботомия в утробе. Он ничего не способен сделать сам по себе. Никакой инициативы.

— Просто живое устройство, — мрачно заключил Род.

— Что, вполне возможно, и к лучшему, — указал Йорик. — Мы можем только предположить, что бы он натворил, если бы обладал самостоятельным разумом...

Род содрогнулся, но проворчал:

— Многого он бы не натворил. Не смог бы с такими атрофированными конечностями. Он может лишь сидеть тут. — Он с трудом сглотнул и отвернулся, слегка позеленев. — Этот лоб... как ты можешь просто сидеть тут, разглядывая его?

— О, его увлекательно изучать с научной точки зрения, — ответил Йорик. — Настоящий триумф, великая философская констатация превосходства духа над материей, прочный памятник человеческой смекалке. — Он снова повернулся к Роду. — Положи же конец страданиям этого бедняги!

— Да, — согласился Род, отворачиваясь, слегка нагибаясь. — Воткните кто-нибудь нож в бедного гибрида!

Никто не сдвинулся с места. Никто не заговорил.

Род нахмурился и поднял голову.

— Разве меня никто не слышал? Я сказал, убейте его!

Он отыскал взгляд Туана. Молодой король отвел глаза.

Род опустил голову, закусив губу. И резко развернулся, глядя на Йорика.

Неандерталец, негромко насвистывая, рассматривал свод пещеры.

Род зарычал и прыгнул на помост с кинжалом в руке, быстро замахиваясь пырнуть монстра.

Рука его застыла, когда он глянул в потускневшие глаза, медленно окинул взглядом голое, безволосое чудище, такое отвратительное и все же такое...

Он отвернулся, бросив нож и глухо гортанно рыча.

Йорик встретился с ним взглядом, сочувственно кивнув.

— Он такое бедное, жалкое существо, когда у него отключена энергия, милорд — такое слабое и незащищенное. А люди и так уже сделали с ним столько скверного...

— Псы! — взревел, обводя их пылающим взглядом, Бром. — Горностаи и ласки! Ужель вы все настолько лишены мужества, что позволите этой твари жить?

Он круто развернулся на помосте, гневно разгляды-

вая стоящую перед ним безмолвную толпу. И, фыркнув, повернулся кругом, обводя их всех пылающим взглядом.

— Да, — прогремыхал он. — Видно, все именно так, как я сказал. В вас слишком много жалости; вы не можете набраться твердости свершить это; ибо в вас недостаточно жалости, чтобы принудить вас к такой жестокой доброте.

Он повернулся, смерив взглядом Коболда.

— И все же это надо свершить; ибо тут свирепая тварь, мерзкая тварь из дурного сна, и следовательно, она должна умереть. И неужели ни у кого не хватит мужества оказать ему такую любезность?

Никто не шелохнулся.

Бром смотрел долго и старательно, но находил во всех взглядах только стыд. Он кисло улыбнулся и пожал массивными плечами.

— Значит, это мой удел.

И прежде чем кто-нибудь толком сообразил, что он делает, карлик выхватил меч и, подпрыгнув, вонзил клинок по рукоять в грудь Коболда, в самое сердце.

Монстр одеревенел, рот его раздвинулся, морда искажилась в одном безмолвном обезьяньем взвизге, а затем он обмяк, где сидел, мертвый.

Остальные в ужасе таращили глаза.

Бром бросил меч в ножны и коснулся в знак уважения чуба, стоя на подлокотнике каменного кресла Коболда.

— Да будет долог и покоен ваш сон, сэр Коболд.

— То было дурное деяние, — сказал Туан. — Он не мог защищаться. — Но говорил он неуверенно.

— Да, но он также был бездушной тварью, — напомнил Бром. — Не забывайте об этом, Ваше Величество. Разве будет бесчестьем заколоть свинью? Или пронзить копьем дикого кабана? Нет, наверняка не будет! Но эта тварь вызвала немало смертей и была теперь беззащитна; и поэтому ее никто не тронул бы.

В пещере царила тишина; вся компания стояла, пораженная ужасом случившегося.

Молчание нарушил Йорик.

— Ну, значит, бог моего народа умер. Кто будет править им вместо него?

Пораженный Туан поднял голову.

— Да ясное дело, Орел! Скажи ему, что я охотно вступлю с ним в переговоры, и мы сможем заключить договор.

Но Йорик покачал головой,

— Орел сгинул.

— Сгинул? — тупо переспросил Туан.

— Осповательно, — подтвердил Род. — Я сам видел, как он исчез.

— Но... почему, — воскликнул Туан, — когда его народ снова перешел к нему?

— Потому что этот народ больше не нуждается в нем, — отозвался практичный Йорик.

— Но... тогда... почему же он оставался, когда его свергли?

— Убедиться, что народ освободят от Мугорка, — объяснил Йорик. — В конце концов ведь это он, знаете ли, руководил моей частью операции.

— Нет, я этого не знал. Кто же будет теперь править вами?

Йорик развел руками.

— Добыча достается победителю. — Он припал на колени. — Приветствую вас, мой государь и сюзерен!

Туан в ужасе уставился на него.

— Ты не очень-то можешь отказать ему, — сказал Бром sotto voce*. — Так всегда было — победитель правил покоренными.

И это, конечно же, решало вопрос. В средневековой культуре властвовала традиция.

— Ну, значит, придется, — согласился с недовольной миной Туан, но Род заметил, что он слегка выпрямился. — И все же как это осуществить? У меня же есть уже королевство за широким морем!

— О, полагаю, я смогу управлять за вас этим краем, — успокоил его со старательно небрежным видом Йорик, — лишь бы конечную ответственность брали на себя вы.

— Такое я могу принять, — медленно произнес Туан, — и понятное дело, ты будешь править вместо меня.

— С удовольствием, заверяю вас! Во всяком случае, первый год-другой. Но не беспокойтесь насчет того, что произойдет потом; у меня есть один очень подходящий помощник, который должен идеально подойти на главную роль. Он даже изучает английский...

* Вполголоса (шт.).

Пленных собрали под Высокой Пещерой — все четыре тысячи. На карнизе стояли четверо солдат — по двое с каждой стороны от входа в пещеру. По какому-то невидимому сигналу они вскинули трубы и затрубили фанфары.

Стоя в глубине пещеры, Род поморщился. Они начинали постепенно приходить к мысли, что высота тона — не просто дело личного вкуса, но путь им предстоял еще долгий.

Из пещеры выехали четверо рыцарей в полной броне, подымая копья с флажками на концах. Они развернулись в стороны, оставляя центр свободным. За ними вышел Йорик — а потом, как раз когда взошло солнце, на карниз ступил позолоченный зарей Туан.

По толпе внизу пробежал ропот благоговейного страха.

Йорик вышел немного впереди Туана и сбоку от него и принялся реветь на неандертальском языке.

— Держу пари, он сообщает им печальную новость, — пробормотал Род, — что Орел сгинул.

По толпе прокатился стон.

Бром кивнул.

— Ты прав.

Йорик снова принялся реветь.

— А теперь он сообщает им, что у них новый король, — пробормотал Род.

— Император! — крикнул Йорик.

Пораженный Туан поднял голову.

Стоявшая в пещере Гвен пожала плечами.

— Воистину, все так — и Катарина императрица.

— Разумеется, — согласился Род. — Просто раньше это до него не доходило.

Воздух разорвал громовой крик «ура».

— Ручаюсь, Йорик только что уведомил их, что будет править в качестве вице-короля, — сухо сказал Бром.

Род кивнул.

— Логичная догадка.

Возникла пауза, и они расслышали театральный шепот Йорика:

— Сейчас не помешает небольшая речь, мой государь.

Пауза затянулась, а затем Туан выкрикнул:

— Я — ваш новый правитель!

Йорик прсревел перевод.

Толпа снова подняла крик типа «ура».

— Теперь они знают, что настоящего завоевания не будет, — бормотнул Род.

Туан продолжал с частыми остановками для перевода:

— Я ваш новый правитель и никогда не покину вас. И все же поскольку я не могу пребывать с вами здесь, я доверяю править вами от моего имени вице-королю Йорику. Вы называете себя народом Коболда... и поклонялись гоблину... называя его богом. Бог этот был ложным... и знаменовалось это тем... что он требовал от вас поклонения, которое должно оказывать только Единому Истинному Неизримому Богу. Я не стану требовать такого поклонения... а потребую лишь вассальной верности и преданности. Если вы будете преданы мне и моему вице-королю, я буду верен вам.

— Хорошо излагает, как по-вашему? — тихо промолвил Род.

Бром и Гвен кивнули.

— Он всегда умел, — сказал карлик. — И все же хотел бы я знать, а сумеешь ли ты?

Род нахмурился.

— Что ты имеешь в виду? Мне не требуется уметь ораторствовать!

— Да, — согласился Бром, — но теперь тебе требуется служить опорой двум народам, быть властью за двумя тронами.

— О. — Рот у Рода сжался. — Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Но, честно говоря, Бром, не знаю, смогу ли я справиться со всем этим.

— Да, — посочувствовала Гвен. — Наши две страны разделяет свыше тридцати лиг!

— Знаю, — тяжело проговорил Род. — А я не могу быть одновременно в двух местах, не так ли?

СОДЕРЖАНИЕ

Чародей поневоле	5
Возвращение Короля Коболда	323

Главный редактор В. М. Гуральник
Технический редактор О. В. Давыдов
Корректор А. А. Кокорев
Переводчик В. А. Федоров
Ответственный за выпуск И. А. Немцович

Сдано в набор 20.09.92 г. Подписано в печать 28.10.92 г.
Формат 84×108/32. Печать высокая. Печ. л. 18,
с 19. Заказ 0569. Тираж 100 000 экз.

Издательство ГРИФОН Company GRIF-F Ltd.
109127, Москва, Волгоградский проспект, д. 466
Издательство «ЗЕВС»
103031, Москва, Петровка 8/11

Издательство «ЗЕВС»
до конца 1992 года и в 1993 году выпустит в свет
СЕРИЮ

«ЛЮБОВНЫЙ РОМАН: бестселлеры былых времен»

Мир любовного романа неудержимо влечет к себе всякого, в ком жива еще душа, а сердце не разучилось любить. Этот мир ошеломляет, пьянит и безумит. В нем нет места душевной вялости, безразличию и тоскливому покою. В нем живут, страдают и любят, сходят с ума, пускаются в отчаянные авантюры и приключения, совершают преступления, убийства и самоубийства. Герои любовного романа живут в таинственной атмосфере, где безраздельно царит роковое очарование любви. Поистине: любовь правит миром!

Любовный роман поражает и увлекает, и из этого плена выбраться почти невозможно...

Обращайтесь по адресу:
103031, Москва, Петровка, 8/11, ИПФ «ЗЕВС», тел.: 924-82-49

Издательство «ЗЕВС»
до конца 1992 года в серии «ЛЮБОВНЫЙ РОМАН:
бестселлеры былых времен» выпускает в свет:

МАТИЛЬДА СЕРАО. Прощай, любовь!.. Возмездие.
Романы. Пер. с итал.

Это история трагической любви романтически настроенной неаполитанской аристократки. Жестоко преданная первым возлюбленным, а затем своим мужем и родной сестрой, молодая женщина трагически погибает. Однако тех, кто повинен в ее смерти, настигает возмездие...

Обращайтесь по адресу:
103031, Москва, Петровка, 8/11, ИПФ «ЗЕВС», тел.: 924-82-49

Издательство «ЗЕВС»
до конца 1992 года в серии «ЛЮБОВНЫЙ РОМАН:
бестселлеры былых времен» выпускает в свет:

ПОЛЬ БУРЖЕ. Женское сердце: Роман. Пер с франц.

В книге классика французского любовного романа рассказывается о женщине, в сердце которой таятся неистопимые сокровища любви и нежности, сострадания и милосердия, а благородство и возвышенность сочетаются с безумной жадой наслаждения...

Обращайтесь по адресу:
103031, Москва, Петровка, 8/11, ИПФ «ЗЕВС», тел.: 924-82-49

Издательство «ЗЕВС»
В 1993 году в серии «ЛЮБОВНЫЙ РОМАН:
бестселлеры былых времен» выпустит в свет:

СТЕФАН ЖЕРОМСКИЙ. История греха: Роман.
Пер. с польск.

**Знаменитый роман о трагедии молодой женщины, во-
лею судеб оказавшейся на дне жизни...**

Обращайтесь по адресу:
103031, Москва, Петровка, 8/11, ИПФ «ЗЕВС», тел.: 924-82-49

Издательство «ЗЕВС»
до конца 1992 года выпускает в свет:

КОЛИН МАККАЛОУ. Поющие в терновнике: Роман.
Пер. с англ.

Роман о трех поколениях австралийской семьи, о
сильных и красивых людях, ищущих свое счастье.

Обращайтесь по адресу:
103031, Москва, Петровка, 8/11, ИПФ «ЗЕВС», тел.: 924-82-49

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ КОВОЛДА

КСТАШЕФФ

КОЛЛЕКЦИОННАЯ
ФАНТАСТИКА

КРИСТОФЕР
СТАШЕФФ

ЧАРОДЕЙ ПОНЕВОЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ КОБОЛДА

КРИСТОФЕР
СТАШЕФФ

1